

РУССКОЕ СЛОВО.

IX.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ БЕЗБОРОДКО.

1

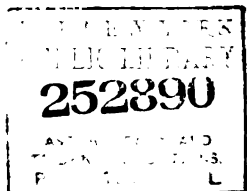
1859.

сентя.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Коми-
тетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, 1 Сентября 1859 года.

Ценсоръ *С. Палаузовъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

СТРАН.

Историческое обозрѣніе учебныхъ заведеній въ юго-западной Россіи съ конца XVIII вѣка до открытія университета въ Кіевѣ. В. Я. ШУЛЬГИНА	1	✓
Львица. Повѣсть. МАРКО ВОВЧКА	40	✓
Два стихотворенія. Д. С.	59	
Погода въ Алтаѣ. Г. ПОТАНИНА.	61	✓
Мое призваніе. Н. П. ЛУГОВСКАГО	135	
Сонеты Мицкевича. Его-же.	136	
Горкуша, украинскій разбойникъ. Н. МАРКЕВИЧА	138	✓
Жница. В. В. КРЕСТОВСКАГО	245	
Современнымъ писателямъ. М. В. РОЗЕНГЕЙМА	246	
Иванъ Ивановичъ и Ѳедоръ Ѳедоровичъ. Ф. Г. ТОЛЯ.	249	✓

ОТДѢЛЪ II.

Критика. Богданъ Хмельницкій. А. П. ЗЕРНИНА	1	
Библиографія. Отъ Москвы до Лейпцига. И. Бабста. М. Л. — Біографія знаменитыхъ астрономовъ, физиковъ и геометровъ. Соч. Франсуа Араго. Перевелъ Д. Перевощиковъ. X. — Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой. И. Р. — Патологія основанная на теоріи ячеекъ (целлулярная патологія). Рудольфа Вирхова. — Превращенія въ міръ животныхъ. Сочиненіе А. Карфажа. — Очерки главнѣйшихъ публичныхъ лечебнхъ заведеній С. Петербурга и Москвы. Дра Зальскаго. — Геологическія картины Бергарда Котты. Переведены и издааны подъ редакцію П. Пузыревскаго. В. ХАНКИНА.	45	

ОТДѢЛЪ Ш.

Смѣсь. Заграничныя письма. Р. В. ОРБИНСКАГО . . .	4
Утро въ библиотекѣ для чтенія	34
Изъ писемъ провинціала о столичной жизни. ПРОВИНЦИАЛА	40
Письма изъ Франціи. В. И. ВОДОВОЗОВА	71
Господинъ Ѳедоръ Затлеръ и его литературная дѣятельность. А. ДОКУЧАЕВА	88
Журнальная поправка. А. И.	90
Французскія провинціи. М.	93
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Дама-промышленница. — Приятныя минуты и разочарованіе. — Чуть-чуть не наводненіе. — Мысль объ уничтоженіи извозничьей таксы. — Новое общество. — Вольнодумство и остроуміе. — Предложеніе одного почтеннаго члена, касающееся творца «Роберта» и «Гугенотовъ». — Опоздавшее лѣто и поторопившіеся дачники. — Темныя вечера. — Иалеръ и К°. — Хоръ Малышева въ Екатерингофѣ. — Небольшое, но поучительное правоученіе. — <i>Пей, подъ ножомъ Прокоса Ляпунова!</i> — Произшествіе, извините, въ помойной ямѣ. — Улей въ будущемъ. — Банковое и торговое общество. — Праздникъ въ честь г. Вебба. — Столѣтіе Шиллера и... немножко біографіи. — Будущее празднество. — Сент-Леонъ, Жюль-Жаненъ и Розатти. — Составъ итальянской труппы. — Свѣдѣніе, почеркнутое изъ иностранной газеты. — Истинное произшествіе. Е. Ѳ. МОЛЛЕРА . . .	93
Литературное приглашеніе	124
Шахматный листокъ. Два слова о королевскомъ дебютѣ вообще. — Выходъ королевскаго коня. — Историческія свѣдѣнія и разсужденіе о giuoco piano. — Пять партій этого дебюта: Ланге съ гг. Эйхертомъ, Гроддекомъ и Эрихомъ. Парижа съ Лондономъ. А. Д. Петрова съ Гофманомъ. — Руководство къ изученію шахматной игры. Соч. князя Урусова. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. В. М. МИХАЙЛОВА	

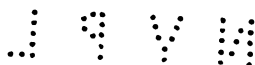
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССИИ СЪ КОНЦА
XVIII ВѢКА ДО ОТКРЫТІЯ УНИВЕРСИТЕТА ВЪ КІЕВѢ.

До второй половины XVIII вѣка, народное обученіе и воспитаніе въ западно-русскихъ губерніяхъ находилось въ рукахъ духовенства, по преимуществу римско-католическаго. Центральными высшими учебными заведеніями въ краѣ были Кіевская духовная академія и академія Виленская. — Первая изъ нихъ, хотя и была основана преимущественно для духовныхъ и, вѣрная своему назначенію, дѣйствительно воспитала для Церкви многихъ достойныхъ поборниковъ православія и учителей народа, тѣмъ не менѣ имѣла, сверхъ того, значительное вліяніе на распространеніе знаній въ народѣ. — Къ сожалѣнію, она не могла дѣйствовать вполне свободно, потому что дѣйствія ея стѣснялись политическими и общественными отношеніями края, находившагося подъ вліяніемъ Польши и іезуитовъ. — Гораздо болѣе свободы и средствъ дѣйствовать на народное образованіе имѣла академія Виленская, получившая значеніе и организацію университета. — Іезуиты, захвативъ въ свои руки эту академію, захватили и всю монополию обученія и воспитанія въ краѣ: ни театвцы, ни базилиане, ни піаристы, заводившіе также школы на Литвѣ и Вольши, не могли соперничать съ іезуитами: владѣя обширными капиталами, пользуясь огромнымъ довѣріемъ въ обществѣ и у правительства, іезуиты парализовали дѣйствія всѣхъ другихъ орденовъ и даже Краковской

академіи. Преслѣдуя постоянно свою цѣль — оградить Польшу отъ всѣхъ новыхъ умственныхъ движеній Запада и подавить распространеніе въ ней всѣхъ не католическихъ ученій, — іезуиты отняли у академіи характеръ ученаго и учебнаго заведенія и дали просвѣщенію направленіе одностороннее, и враждебное всякому самостоятельному прогрессу. — Въ академіи Виленской процвѣтало одно богословіе, приспособленное по духу и направленію къ главной цѣли ордена, — философія не пошла далѣе средневѣковой схоластики, изученіе древнихъ и новыхъ литературъ и языкознаній были въ совершенномъ упадкѣ. Изъ проспектовъ и учебниковъ, изданныхъ академіею для подчиненныхъ ей училищъ, видно, что въ XVIII вѣкѣ онѣ не могли проявить никакой жизни кромѣ той, которую всего лучше можно характеризовать словомъ *школярство*. — Зажиточные воспитанники іезуитовъ засыпали въ умственномъ бездѣйствіи, добившись званія ритора или философа — конечной цѣли своихъ стремленій; — а большинство недостаточныхъ охлаждалось мертвящимъ буквоѣднымъ способомъ обученія. А между тѣмъ академія владѣла огромными средствами и несправедливо было бы сказать, что іезуиты оставляли ихъ безъ употребленія: огромныя академическія зданія въ городѣ и за городомъ, построеныя со всѣми удобствами и роскошью для жизни, — вотъ единственные памятники управленія іезуитовъ академіею. Къ нимъ пужно присоединить многочисленныя гробницы, которыя покрыты надписями, столь же вѣчными и мертвыми, какъ прахъ, который подъ ними лежитъ, какъ образованіе, сообщаемое іезуитами.

Первыя попытки противодѣйствовать влиянію іезуитовъ и вырвать у нихъ монополію народнаго образованія сдѣлалъ піаристъ *Станиславъ Конарскій*, который преобразовалъ въ 1740 году орденъ піаристовъ, поставилъ главною цѣлью его воспитаніе и обученіе юношества, и перемѣнилъ самое направленіе обученія, выдвинувъ на первый планъ науки историческія и политическія. Іезуиты, по обыкновенію, рѣшились бить соперника его же оружіемъ. Конарскій и піары стали заводить, кромѣ публичныхъ школъ, конвикты или закрытыя воспитательно-учебныя заведенія для дѣтей

изъ аристократическихъ фамилій, — іезуиты пошли по слѣдамъ его: иначе они упустили бы изъ рукъ воспитаніе тѣхъ людей, которыми особенно дорожили и которымъ обязаны были своимъ значеніемъ въ обществѣ. Но только что начали іезуиты реформу своихъ школъ, какъ 23 іюля 1773 года появилась знаменитая булла Ганганелли «Dominus ac redemptor poster.» Орденъ былъ уничтоженъ: воспитаніе должно было перейти въ другія руки.

Уничтоженіе ордена совпало съ началомъ уничтоженія самобытности Рѣчи Посполитой. Въ самую смутную эпоху своей жизни, въ послѣднія 20 лѣтъ своего независимаго политическаго существованія, Польша сдѣлала неимовѣрныя усилія къ искорененію тѣхъ золъ, отъ которыхъ умирала. Никогда, быть можетъ, реформы, предпріятыя и правительствомъ, и частными лицами, не были такъ обширны, какъ въ періодъ времени, отъ перваго до послѣдняго раздѣла Польши (1773—1795 г.). Реформы эти коснулись и народнаго образованія. Государственный сеймъ 1775 года постановилъ обратить всѣ поіезуитскія имѣнія на пользу народнаго воспитанія и образованія и учредилъ по этому предмету три комиссіи: К. Rozdawnicza, К. Sądowa и К. Edukacyi Narodowej, которыя въ слѣдующемъ 1776 г. соединены были въ одну *эдукаціонную комиссію*. Эдукаціонная комиссія умѣла воспользоваться огромнымъ поіезуитскимъ капиталомъ, и, увеличивъ въ короткое время доходы съ порученныхъ ей имѣній *), приняла самыя дѣятельныя мѣры къ установленію и распространенію образованія. Всѣ училища раздѣлены были на 10 округовъ (wudziały) — шесть въ Польшѣ и четыре въ Литвѣ. Краковская академія была преобразована ученымъ ректоромъ ея *Колонтаемъ*, сообразно съ потребностями времени, посредствомъ уничтоженія средневѣковой схоластической организаціи и методы преподаванія. Виленская академія, находившаяся подъ мертвящимъ одностороннимъ вліяніемъ іезуитовъ, начала оживать при содѣйствіи канцлера В. К. Литовскаго *Хребтовича* и своего ректора, ученаго

*) Въ 1783 году доходы съ поіезуитскихъ имѣній = 1,311,875 злотыхъ 27 грошей. Въ 1793 г. = 1,536,584 зл. 11 гр. Сверхъ того недоимки ея въ этомъ году простирались до 2,946,826 злот.

•астронома *Почобута* (Poczobuta). Мартинъ Почобуть пріобрѣлъ для академіи нѣсколько замѣчательныхъ профессоровъ за-границею и заботился особенно о усовершенствованіи въ ней наукъ естественныхъ, медицинскихъ и математическихъ. Академія раздѣлена была на два факультета: на коллегіумъ нравственныхъ наукъ (философія, богословіе и право) и коллегіумъ наукъ физическихъ (математика, чистая и прикладная, естественныя науки, медицина). Послѣдній былъ вновь преобразованъ изъ основанной въ Гродно, трудами государственнаго казначея *Тизенауза* — школы естественныхъ и медицинскихъ наукъ: обсерваторія была устроена подъ руководствомъ Почобута, бібліотека значительно пріумпужена. При обѣихъ академіяхъ, Виленской и Краковской, основаны были учительскія семинаріи. Въ трудахъ своихъ, касательно среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, эдукаціонная коммиссія особенно пользовалась содѣйствіемъ ученыхъ пiаристовъ и продолжала реформы предпріятыя Конарскимъ. Основанная пмъ коллегія пiаровъ была образцемъ, по которому учреждались новыя и преобразовались старыя учебныя заведенія. Вообще относительно предметовъ, направленія и духа преподаванія эдукаціонная коммиссія дѣйствовала подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ тогда на Западѣ, но главнымъ образомъ руководилась потребностями тогдашней Польши. Это была эпоха, когда, отрицаясь отъ прошлыхъ неустройствъ, Польша начала радикальныя политическія реформы. Сообразно этому, все народное образованіе коммиссія эдукаціонная направила къ тому, чтобы приготовить въ новомъ поколѣніи образованныхъ гражданъ, и посему въ планѣ преподаванія за основные предметы приняты — исторія, нравственная философія, право государственное, начала политической экономіи и латинскій языкъ; впрочемъ и науки точныя не были оставлены безъ вниманія. Для сочиненія учебныхъ руководствъ составлено было особенное *элементарное общество*, которое разсматривало, одобряло и издавало учебники, составленные по его порученію пiаристами, а иногда и заграничными учеными. Такъ напр. Кондильянъ составилъ логику, а Люлье (Lullier) руководство по математикѣ для польскихъ школъ. Не упустила

коммиссія изъ виду и воспитателей женскаго пола, подчинивъ женскія школы и пансіоны (большею частію находившіяся у монахинь, бенедиктинокъ, визитокъ, сакраментокъ и маріавитокъ) непосредственному надзору окружныхъ ректоровъ, а потомъ особенныхъ эфоровъ (efogotów), и стараясь, вмѣсто прежняго поверхностнаго свѣтскаго направленія, дать имъ направленіе болѣе солидное, къ домашней жизни приспособленное. Вообще эдукаціонной коммиссіи предстоялъ огромный трудъ: надо было заботиться и объ наставникахъ, и объ воспитанникахъ, надо было внушить старымъ воспитателямъ и обществу, что древность извѣстной методы обученія и воспитанія не есть ручательство за ея пользу и справедливость, надо было искоренить въ молодомъ поколѣніи много ложныхъ и вредныхъ правилъ, вкоренившихся въ старое въ эпоху безурядицы общественной; — надо было бороться съ предубѣжденіемъ общества въ пользу іезуитовъ, уцѣлѣвшихъ на Бѣлоруссіи, съ самими эксъ-іезуитами, которые захватили въ свои руки домашнее воспитаніе такъ, что въ публичныя школы родители перестали посылать дѣтей своихъ. Коммиссія работала усердно и совершила много, не смотря на нѣкоторые недостатки принятой ею системы обученія. Существеннѣйшіе изъ этихъ недостатковъ состояли въ смѣшеніи факультетскихъ спеціальныхъ предметовъ съ предметами общаго образованія, обремененіи учителей преподаваніемъ многихъ предметовъ и исключеніи языка греческаго изъ круга обученія. Въ одной Волынской губерніи было, въ 1790—1793 годахъ, 9 среднихъ учебныхъ заведеній и въ нихъ до 3,000 учащихся; доходъ съ поіезунтскихъ имѣній въ этой губерніи равнялся 255,238 злот. 25 гр. Изъ девяти упомянутыхъ школъ, три непосредственно зависѣли отъ Виленской академіи (Житомирская, Кременецкая и Луцкая), три были базилианскія (Овручская, Острожская и Владимірская), двумя заведывали піары (Мендзынречскою и Дембровицкою) и одна (въ Ольскахъ) была подъ вѣдѣніемъ блага духовенства. Въ трехъ же нынѣшнихъ губерніяхъ учащихся было, по донесенію визитатора Головчича, въ 1787 г. болѣе 5,000. Школъ приходскихъ (parafialnych) было всего 5, а женскихъ только 2. Недостатокъ заведеній для образованія

массъ, эдукационная комиссія старалась вознаградить установленіемъ очередныхъ миссій пзъ духовенства, въ особенности изъ базиліановъ, которыхъ проповѣди, само-собою разумѣется, направлены были къ поддержанію западной церкви и польскаго правительства. Въ губерніяхъ, находившихся уже подъ властію русскаго правительства, образующихъ нынѣ Кіевскую, Черниговскую и Полтавскую, къ концу XVIII вѣка предприняты были также нѣкоторыя мѣры къ установленію народнаго образованія. Кіевская духовная академія, въ теченіи всего своего существованія, воспитывала дѣтей всѣхъ классовъ отъ дворянскаго до земледѣльческаго, особенно изъ малороссійскихъ губерній, снабжала своими воспитанниками великорусскія учебныя заведенія и дала отечеству многихъ замѣчательныхъ дѣятелей во всѣхъ родахъ службы государственной, въ томъ числѣ перваго министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго. Въ 1790 году въ ней было 950 учениковъ, изъ коихъ только 426 священно и церковнослужительскихъ дѣтей. Не смотря на это, она не могла вознаградить недостатокъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, безъ уклоненія отъ прямой своей цѣли — быть училищемъ чисто духовнымъ. Свѣтское образованіе въ Кіевской губерніи по прежнему находилось въ школахъ, заведенныхъ подъ вліяніемъ католическаго духовенства. Черниговъ почитался, по средствамъ къ образованію, первымъ городомъ послѣ Кіева въ Малороссіи. Но и тутъ, до 1789 г., находились одни духовныя учебныя заведенія. Въ самомъ Черниговѣ были заведены: семинарія, латинская школа, организованная по образцу своей метрополии — Кіевской академіи, и семь училищъ при церквахъ *). Въ 1786 году предполагалось устроить въ Черниговѣ университетъ, проектъ котораго былъ составленъ Тепловымъ, но это предположеніе не состоялось. Въ нынѣшней Полтавской губерніи также

*) См. «Опись городу Чернигову 1765 г., учиненная для комиссії сочиненія въ полку Черниговскомъ генеральной ревизіи.» Черн. Губ. Вѣд. 1852, № 45, стр. 506. Здѣсь упоминается даже о двухъ латинскихъ школахъ: одна (при каедральномъ монастырѣ) названа школою «училищною латинскаго діалекта», а другая (по Кіевской улицѣ за городомъ) «домъ, въ которомъ живутъ обучающіеся латинскому языку».

свѣтскихъ учебныхъ заведеній никакихъ не было; изъ духовныхъ же существовали семинаріи въ Переяславлѣ (съ 1738), и такъ называемая Екатеринославская, въ самой Полтавѣ (съ 1779), переведенная впрочемъ въ 1797 г. въ Новомиргородъ *). Каково было тогда состояніе духовныхъ училищъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ инструкціи, данной комиссіи о церковныхъ штатахъ 29 ноября 1762 г.: «По сіе время архіерейскія семинаріи состоятъ въ весьма маломъ числѣ достойныхъ и надежныхъ учениковъ, въ худомъ учрежденіи для наукъ и въ бѣдномъ содержаніи. Семинаристы нынѣшніе, обыкновенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обучаются латинскому и греческому языку отъ неискусныхъ учителей, не знаютъ иныхъ ученій, какъ только самыя школьныя и первыя основанія латинскаго языка, не обучаются ни наукъ философскихъ и нравственныхъ, не знаютъ исторіи церковной, ни гражданской, ниже положенія круга земнаго и мѣсть, на которыхъ въ разсужденіи другихъ народовъ живутъ. Набираются они въ семинаріи отъ отцевъ и матерей больше неволею и содержатся безъ разбора, способные съ тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосамъ, дабы пѣвческую повседневную должность отправляли, которая ихъ и отъ того малаго ученія иногда отводитъ **).»

Черезъ два года послѣ этого, 22 марта 1764 года, поданъ былъ императрицѣ извѣстный докладъ Бецкаго «о воспитаніи юношества обоюгаго пола», насквозь проникнутый филантропическими идеями тогдашней западной Европы. Императрица и

*) Ист. Рос. Іер., I, стр. 449.

**) Леф., Ист. царст. Екатерины II, пр. 31. Впрочемъ и потребность образованія въ Малороссіи мало была сознаваема даже въ высшихъ классахъ: «по большей части лучшихъ фамилій отцы слѣдующее воспитаніе дѣтямъ даютъ (говоритъ Тепловъ въ своей запискѣ о малорусскихъ непорядкахъ): научивъ ихъ читать и писать по-русски, посылають въ Кіевъ, Переяславъ или Черниговъ для обученія латинскаго языка, котораго не успѣють только нѣсколько обучить, спѣшатъ возвратити и записываютъ въ канцеляристы, гдѣ, по долговременномъ обращеніи, происходятъ они въ сотники.» Такой недостатокъ образованія почитаетъ Тепловъ причиною того, что «ябеда у нихъ въ кредитъ и почтеніи.» См. Кулиша: Зап. о Южн. Руси, II.

Бедкій задумали, какъ вѣрное средство для народнаго просвѣщенія, «произвести сперва способомъ *воспитанія*, такъ сказать, *новую породу или новыхъ отцовъ и матерей*, которыя бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти передали бы паки своимъ дѣтямъ и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды, въ будущіе вѣки» *). Какъ ни грандіозенъ и ни благороденъ былъ этотъ планъ, но при самомъ учрежденіи, на изложенныхъ въ немъ основаніяхъ, учебно-воспитательныхъ заведеній въ столицахъ, печальная дѣйствительность заставила измѣнить его во многомъ. Черезъ 18 лѣтъ онъ былъ вовсе оставленъ, и попеченіе объ учрежденіи учебныхъ заведеній, возложено было на особую комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ (7 сентября 1782 г.) **). Въ 1786 году императрица утвердила уставъ народныхъ училищъ, по которому Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскъ и Полтава, въ числѣ прочихъ городовъ, получили первыя свѣтскія учебныя заведенія, подъ именемъ *главныхъ народныхъ училищъ* (1789), изъ 6 классовъ, въ томъ объемѣ, въ какомъ существуютъ нынѣ гимназіи. Главное управленіе въ нихъ ввѣрено было приказамъ общественнаго призрѣнія, непосредственное управленіе директорамъ, изъ предсѣдателей и совѣтниковъ палатъ и др. лицъ, имѣвшихъ постороннія обязанности.— Въ Черниговѣ, сверхъ главнаго народнаго училища, въ концѣ XVIII столѣтія находились еще благородное дворянское училище и нѣмецкая дворянская школа. — Въ уѣздныхъ городахъ учреждены были *малыя народныя училища* на степени нынѣшнихъ уѣздныхъ.— Комиссія народныхъ училищъ, подобно эдукационной, озаботилась снабдить училища и наставниками (изъ главнаго народнаго училища и учительской семинаріи въ Петербургѣ), и учебными руководствами, и пособиями. Ввѣривъ главное мѣстное управленіе учебными заведеніями приказамъ общественнаго призрѣнія и ихъ предсѣдателямъ — гу-

*) Пол. Соб. Зак., т. XVI, № 12,103. Слѣчи: *Traité de l'éducation de la jeunesse*, par Dr. G. S. Genève. 1760, увѣнчанный женеvскимъ филантропическимъ обществомъ.

**) Главными членами которой были графъ Завадовскій и Янковячъ-де-Миріево.

бернаторамъ, комиссія народныхъ училищъ скоро увидѣла всю невыгоду раздробленія Россіи на столько округовъ, сколько было губерній.—Мѣста директоровъ были замѣщаемы людьми «не только безъ отличныхъ познаній и нравовъ, но даже безъ добраго имени и безвѣстнаго происхожденія» *). Въ смотрители малыхъ народныхъ училищъ избирались изъ купцовъ и мѣщанъ, люди вовсе не свѣдущіе, малограмотные, которые, не получая жалованья, смотрѣли на должность свою какъ на бремя.—Средства содержанія также оказались скудными.—Чѣмъ дальше отъ столицы, тѣмъ болѣе было неустройствъ: все шло и дѣлалось зря и какъ-нибудь. Довѣріемъ въ обществѣ училища не пользовались; способныхъ учителей было мало; воспитательныхъ заведеній, на которыхъ построены бытъ великолѣпный планъ 1764 года, вовсе не было. Обучали дѣтей кое-какъ, воспитанія вовсе не давали. Реформа была необходима.

Между тѣмъ какъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, такъ-сказать ошущью, стали учреждать заведенія для свѣтскаго народнаго образованія,—на правомъ берегу, оно, обѣщая богатые плоды въ будущемъ, вовсе угасло во время смутъ, сопровождавшихъ послѣдніе дни самостоятельной жизни Рѣчи Посполитой. Въ 1795 году умерла Польша, и труды, поднятые эдукаціонною комиссіею для народнаго образованія, если не погибли вовсе, то на время остановились и дѣятельность ея замерла.

Сначала смуты послѣднихъ возстаній, потомъ переходъ въ власть новаго правительства, перемѣна законовъ, скорбь объ утраченномъ прошломъ, неувѣренность въ настоящемъ и опасеніе за будущее: все это вмѣстѣ взятое прервало благопріятный ходъ народнаго просвѣщенія. Число учащихся значительно уменьшилось,—много учениковъ пошло на войну, другіе выходили изъ училищъ, не окончивъ курса, и проводили время въ буйной праздности, образуя поколѣнія какихъ-то заносчивыхъ недоучекъ; — постоянные переходы и квартированіе войскъ имѣли вредное вліяніе на нравственность учащихся. — Сравненіе числа учениковъ высшихъ классовъ,

*) Указъ 20 іюня 1811.

въ училищахъ Волынской губерніи, въ 1793 и 1803 г., приводимое у Чацкого въ его официальномъ рапортѣ *), всего лучше указываетъ на упадокъ школъ.

1793 году въ Волынскихъ училищахъ

въ VI классѣ было 140 учениковъ.

« V классѣ — 235

« IV классѣ — 62

Въ 1803 г.

въ VI классѣ — 48

« V — — 51

« IV — — 29

Всѣхъ-же учениковъ въ уѣздныхъ училищахъ 1450, въ приходскихъ 125 **).

Многія мѣста наставниковъ были не заняты, учились всего 142 дня въ году, а 223 дня были употребляемы на праздники, по календарямъ обонхъ исповѣданій, на табельные дни, на каникулы, по произволу продолжаемые учениками, которые не спѣшили возвращаться въ училища. Кредитъ къ училищамъ и ученію упалъ и въ молодомъ поколѣніи, и въ старомъ, и въ родителяхъ, и въ ихъ дѣтяхъ. Преподаваніе закона Божія состояло въ буквальномъ зубреніи учениками разнаго рода катехизисовъ; языкъ латинскій былъ въ упадкѣ; новѣйшіе языки также; алгебра и геометрія шли еще кое-какъ, но физика находилась въ самомъ плохомъ состояніи, за недостаткомъ и книгъ и инструментовъ; словесность была въ совершенномъ упадкѣ; исторія, законовѣдѣніе и политическая экономія были почти вездѣ уничтожены, по распоряженію визитатора Сафонова. Библіотеки учащихся были ничтожны. Образование простаго народа, во времена смуть, остановилось. Духовенство или было вовсе индифферентно къ своему дѣлу, или увлекалось духомъ прозелитизма и фана-

*) Hug. Kollataja korrespondencya listowa z T. Czackim. T. III.

**) Вообще въ 1803 г. отношеніе числа учащихся къ числу жителей было:

въ Волынской губ.	1 : 235,
» Подольской »	1 : 292,
» Кіевской »	1 : 999.

См. Объясненіе, поданное Чацкимъ Слѣдственной Комиссіи, учрежденной въ 1810 году.

тизма. По присоединеніи западнаго края къ Россіи, мы встрѣчаемъ постоянныя жалобы греко-россійскаго духовенства на уніатское духовенство и помѣщиковъ, которые «мѣшаютъ народу обращаться отъ уніи къ православію, и обращенныхъ совращаютъ и соблазняютъ». Съ своей стороны у католическихъ писателей встрѣчаемъ жалобы на то, что православное духовенство, совращая народъ отъ прежней вѣры (уніи), разрываетъ союзъ помѣщиковъ съ крестьянами и, вмѣсто примиренія, питаетъ раздоръ и раціональное охлажденіе. (См. письмо еп. Варлаама въ Синодъ, 1798 г. и Чацкого рапортъ о состояніи народнаго образованія въ Вол. губ. въ 1803 г.). Переходя отъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній къ высшимъ, мы должны замѣтить, что на академию Виленскую имѣли вредное вліяніе споры ректора ея, Почобута, съ эдукаціонною комиссіею, а еще болѣе революція 1793 года, вспыхнувшая въ Вильнѣ. Конецъ XVIII вѣка былъ самымъ, можетъ-быть, худшимъ періодомъ и для Киевской духовной академіи: вслѣдствіе основанія Московскаго университета и медико-хирургической академіи, въ ней уменьшилось число лучшихъ воспитанниковъ, особенно высшихъ классовъ, не было и особенно-замѣчательныхъ наставниковъ. Это была переходная эпоха, въ которую она, сознавая необходимость реформы, сообразной съ измѣнившимися потребностями времени, колебалась еще въ выборѣ средствъ къ этой реформѣ. Этимъ объясняется отчасти и не слишкомъ выгодный отзывъ, сдѣланный Чацкимъ о Киевской академіи, послѣ осмотра ея въ 1804 году *).

Такимъ образомъ, въ началѣ XIX столѣтія оказывалась настоятельная потребность обратить серьезное вниманіе на народное просвѣщеніе: сознавали ее и тѣ, которые посредствомъ образованія думали возвратить навсегда утраченную

*) Объ упадкѣ Киевской Академіи см. *Булакова*: Ист. Киев. Акад., стр. 170.— *Смирнова*: Ист. Славяно-Греко-Лат. Акад.— *Филарета*: Исторія русск. церкви. Періодъ синодальный.— Отзывъ Чацкого помѣщенъ въ письмѣ его къ Колонтаю: *Rewidowałem Akademię kiowską: to ustanowienie jest satyrą rozumu ludzkiego: źluzi za naukę — co to jest oddać nauki mnichom.* Въ этомъ рѣзкомъ и пристрастномъ отзывѣ, нельзя не узнать человека, въ которомъ страшно стаякиваются католикъ и воспитанникъ XVIII вѣка.

самобытность, сознавали и тѣ, которые посредствомъ образованія хотѣли упрочить благосостояніе и союзъ жителей, развивавшихся въ теченіи многихъ вѣковъ разными путями и подъ вліяніемъ разныхъ историческихъ условій.

8-го сентября 1802 года учреждено было *министерство народнаго просвѣщенія*, и первымъ министромъ назначенъ д. т. с. графъ *П. В. Завадовскій*. Министерству ввѣрены были въ главное вѣдѣніе всѣ учебныя заведенія въ Россіи, кромѣ духовныхъ, военныхъ и состоящихъ подъ особымъ управленіемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Министерство немедленно, по образованіи своемъ, составило общую систему народнаго просвѣщенія въ Россіи въ «Предварительныхъ правилахъ, 24-го января 1803 года» и въ «Уставѣ учебныхъ заведеній, 5-го ноября 1804 года». На основаніи этихъ постановленій, вся Россія въ учебномъ отношеніи раздѣлена была на шесть учебныхъ округовъ. Въ каждомъ округѣ полагался университетъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ — гимназія, въ уѣздномъ — уѣздное училище, а въ селеніяхъ — училища приходскія. Главный надзоръ надъ каждымъ округомъ порученъ былъ попечителю и университетскимъ училищнымъ комитетамъ, а общее управленіе всѣми учебными заведеніями имперіи — учрежденному при министрѣ главному правленію училищъ.

На основаніи этого новаго раздѣленія Россіи, въ учебномъ отношеніи, губерніи Кіевская, Вольнская и Подольская отошли къ Виленскому учебному округу и университету и получили особенную, примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ составленную, систему народнаго образованія (18-го мая 1803 г.); а губерніи Черниговская и Полтавская причислены на общихъ основаніяхъ къ Харьковскому учебному округу, для котораго въ 1805 году учрежденъ былъ новый университетъ въ Харьковѣ.

Ходъ, устройство, духъ и направленіе народнаго образованія, вслѣдствіе такого раздѣленія, были различны по обѣ стороны Днѣпра.

Разсмотримъ сначала образованіе на западномъ, а потомъ на восточномъ берегу его.

I.

Попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и университета назначенъ былъ князь *Адамъ Адамовичъ Чарторижскій*. Съ самаго ранняго дѣтства выросшій въ Россіи, при дворѣ Екатерины, совоспитанникъ, другъ юности и наконецъ до-вѣренный министръ иностранныхъ дѣлъ при Императорѣ Александрѣ I, князь Адамъ Чарторижскій имѣлъ задушевную мысль связать національную независимость Польши съ интересами Россіи. Надежда на Францію нѣсколько разъ обманула уже поляковъ: кромѣ великолѣпныхъ фразъ и обеща-ній, они отъ нея ничего не получили. На тронѣ Россіи только что взошелъ молодой, великодушный, гуманно-образованный императоръ, удостоивавшій Чарторижскаго своею дружбою. Очень понятны надежды Чарторижскаго. При его содѣйствіи, нѣсколько поляковъ поступили въ число важнѣйшихъ сановниковъ имперіи. Самъ Чарторижскій обратилъ особенное вниманіе на возвращенныя отъ Польши губервіи. Какъ по-печитель округа, онъ оказалъ, безспорно, огромныя услуги народному образованію. Подъ начальствомъ его трудились два замѣчательные человѣка, которые оставили по себѣ са-мую благородную память въ жителяхъ западно-русскаго края, обязаннаго своимъ просвѣщеніемъ ихъ усленной, безкорыст-ной дѣятельности: эти люди — *Янъ Снядецкий*, ученый астро-номъ и ректоръ Виленскаго университета, и тайный совѣт-никъ, графъ *Фаддей Чацкий*, ученый правовѣдъ и визитаторъ школъ на Волыни.

Оба эти человѣка, сначала связанные между собою тѣс-ною дружбою, всецѣло посвятили себя дѣлу народнаго обра-зованія; но несходные по происхожденію, характеру, обстоя-тельствамъ жизни, общественному положенію и воспитанію, они расходились въ средствахъ къ достиженію своей цѣли. *Чацкий* *) былъ богатый аристократъ, всецѣло предавшій себя дѣлу науки и народнаго образованія. Воспитанный дома, онъ былъ не знакомъ съ правилами и условіями обществен-наго воспитанія; — пылкій и увлекающійся по характеру, онъ не хотѣлъ и не умѣлъ иногда подчиняться требованіямъ

*) Род. въ 1766 г. въ Порницѣ, на Волыни.

пзвѣстныхъ формальностей и постановленій. Для успѣшнаго устройства школъ ему необходимы были матеріальныя средства, и потому, во всѣхъ его предпріятіяхъ и всѣхъ мѣрахъ, на первомъ планѣ стояли интересы того сословія, которое могло дать эти средства, къ которому онъ принадлежалъ самъ по рожденію и воспитанію. Соединеніе общественнаго обученія съ воспитаніемъ, изученіе языковъ, особенно новыхъ, въ первые годы пребыванія въ училищѣ, сообщеніе воспитанникамъ какъ можно болѣе разносторонняго образованія, хотя бы въ ущербъ основательности, и обученіе каждаго соотвѣтственно тому званію, въ которомъ онъ родился, и тому поприщу, на которомъ долженъ въ послѣдствіи дѣйствовать — вотъ основныя идеи, по которымъ онъ устроилъ гимназію въ Кременцѣ, впоследствии преобразованную въ лицей. Для того, чтобы дѣйствовать самостоятельно, онъ хотѣлъ освободить ее вовсе отъ зависимости Виленскаго университета, въ ученomъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, и образовать изъ нее высшее центральное заведеніе, даже университетъ, для кіевскихъ, волынскихъ и подольскихъ училищъ, въ которыя могъ бы проводить свои идеи о народномъ образованіи *).

Янъ Снядецкій былъ совершенно другой человекъ. Съ раннихъ лѣтъ въ борьбѣ съ жизнью, самъ себѣ всѣмъ обязанный, онъ получилъ основательное математическое образованіе въ Краковской академіи и довершилъ его за-границею. По характеру твердый и пунктуальный, математикъ въ наукѣ и жизни, вѣрившій только правду и цифрѣ, онъ былъ пуристъ въ языкѣ, полякъ въ душѣ, врагъ иноземнаго вліянія вообще, и въ-особенности пѣмецкой спекулятивной науки. Черезъ Виленской университетъ, строго придерживаясь существующихъ постановленій, подчинявшихъ университету всѣ училища округа, Снядецкій проводилъ мысль о томъ, что изученіе иноземныхъ языковъ только мѣшаетъ основатель-

*) «Дѣло не въ томъ, чтобы люди различными науками занимались, но въ томъ, чтобы благодѣтельное вліяніе этихъ наукъ давало способныхъ чиновниковъ и вообще гражданъ, чтобы священникъ, воинъ, земледѣлецъ даже, зналъ то, что ему слѣдуетъ и необходимо знать.» (Объясненіе Чацкого предъ Слѣд. Ком.)

кому знанію роднаго, требовалъ немногосторонняго, но основательнаго обученія и, исключая изъ общаго образованія науки политическія, въ основу его ставилъ: польскій и латинскій языки, математику и естественныя науки; хотѣлъ, однимъ словомъ, сообщить среднимъ учебнымъ заведеніямъ практическое, реальное направленіе.

Чацкому удалось свое созданіе — Кременецкую гимназію освободить изъ подъ власти университета, и, по своему общественному положенію и званію, имѣть чрезъ нее *de facto*, то вліяніе на образованіе въ краѣ, которое принадлежало Снядецкому, какъ ректору Виленскаго университета, *de jure*. Изъ столкновенія противоположныхъ мнѣній Чацкаго и Снядецкаго выработалась та система, которой край былъ въ короткое время весьма многимъ обязанъ. Обученіе съ ранняго возраста иноземнымъ языкамъ, предпринятое Чацкимъ изъ аристократическихъ побужденій, принесло ту огромную пользу, что снабжало воспитанниковъ богатыми средствами дальнѣйшаго самостоятельнаго образованія. Съ другой стороны, строгость и математическая точность Снядецкаго ограничили нѣсколько разнохарактерность предметовъ преподаванія, и дали ему болѣе прочности и самостоятельности.

Эпоха лучшей жизни для Виленской академіи, преобразованной въ университетъ, начинается съ царствованія Александра I, въ ректорство Стройновскаго и Снядецкаго. Ученое университетское сословіе, стараніемъ Стройновскаго, было украшено многими замѣчательными учеными, вызванными изъ-за границы, каковы напр. Гроддекъ, извѣстный филологъ въ краѣ, и два Франка, составившіе гордость медицинскаго факультета. Съ этихъ поръ польза и значеніе университета были всѣми признаны. Число слушателей его и число приготовляемыхъ имъ для общества полезныхъ дѣятелей постоянно увеличивалось. Успѣхи университета такъ были быстры, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ не только далъ дѣльныхъ учителей для многихъ училищъ своего обширнаго округа, но приготовилъ и для себя людей, которые съ честью заняли въ немъ кафедры бывшихъ своихъ наставниковъ-инострanceвъ, такъ что университетъ могъ уже развиваться собственными силами безъ иноземной помощи. Значительное

содержаніе, эмеритуры, пенсіи профессоровъ, поставили ихъ въ независимое положеніе въ обществѣ. Сверхъ того, университетъ вмѣстѣ съ профессорами и студентами получилъ собственный судъ и полицію, т. е., образовалъ особую ученую корпорацію въ государствѣ. Владѣя такими средствами, имѣя въ числѣ своихъ членовъ людей даровитыхъ, университетъ съ честью отражалъ всѣ нападки и покушенія іезуитовъ, которые въ 1812 году, съ учрежденіемъ Полоцкой академіи, приобрѣли было значительное вліяніе на воспитаніе въ Россіи и враждебно смотрѣли на университетъ Виленскій, охранявшій отъ нихъ западно-русскій край. Въ 1820 году орденъ былъ изгнанъ и опасность съ этой стороны миновалась.

При всѣхъ огромныхъ заслугахъ Снядецкаго на пользу университетскаго и вообще народнаго образованія въ краѣ, надо однакожъ замѣтить, что исключительно придерживаясь эмпирически-практическаго направленія и будучи врагомъ нѣмецкой философіи и вообще спекулятивной науки, Снядецкій далъ и университету, и среднимъ учебнымъ заведеніямъ довольно односторонній характеръ. — Виленскій университетъ состоялъ изъ 4 факультетовъ: *физико-математическаго, медицинскаго, филологическаго и нравственно-политическаго*. — Первый особенно выдвинулъ и развилъ Снядецкій — и онъ, дѣйствительно, былъ въ цвѣтущемъ состояніи и имѣлъ наиболѣе слушателей. Самъ Снядецкій въ математикѣ и астрономіи, братъ его, Андрей Снядецкій, въ химіи и физиологіи, Юндзилъ въ зоологіи, Шимановичъ въ минералогіи, Подчашинскій въ архитектурѣ — далеко подвинули точныя и естественныя науки и создали научную польскую терминологію, которая, въ опредѣленности и точности, можетъ поспорить съ французскою. Медицинскій факультетъ по сродству съ физико-математическимъ, по практическому направленію своему и по славѣ братьевъ Франковъ, былъ также въ цвѣтущемъ состояніи. Филологическому факультету покровительствовалъ Снядецкій, — потому что ожидалъ отъ него очищенія и разработки польскаго языка и заготовленія преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній. Особенно благотворное вліяніе на среднія учебныя заведенія оказалъ университетъ посредствомъ преобразованной Снядецкимъ учительской семинаріи и вновь

основанной, въ 1808 году, подъ руководствомъ славнаго Гроддека *филологической семинаріи*, изъ которой вышли воспитанники съ основательными и живыми свѣдѣніями въ классической древности и филологіи, убившіе окончательно варварскую латынь и Альвара, все еще державшихся въ школахъ западнаго края. Самъ Гроддекъ, въ комментированіи авторовъ, умѣлъ соединить точность и глубину нѣмецкихъ комментаторовъ съ ясностію и остроуміемъ французскихъ, обращая особенное вниманіе при толкованіяхъ извѣстнаго автора на все, что могло служить къ изображенію жизни и духа того вѣка и общества, въ которомъ жилъ авторъ. Принадлежа по эстетическимъ убѣжденіямъ болѣе къ школахъ французской, Гроддекъ тѣмъ не менѣе придалъ жизненность той наукѣ, которая прежде стояла въ буквоѣдномъ, чисто формальномъ изученіи автора.—Переводы, которые онъ заставлялъ дѣлать воспитанниковъ съ латинскаго на польскій, съ польскаго на латинскій, были не безцѣльнымъ переложеніемъ смысла оригинала на какой-то смѣшанный, дикій, не-польскій и не-латинскій языкъ, но служили къ усовершенствованію языка польскаго и точному изученію конструкціи обонхъ языковъ.—Мы распространились о Гроддекѣ не безъ цѣли: слѣды его дѣятельности не безъ вліянія остались и для университета св. Владимира, въ первый періодъ его жизни.

Односторонность Снядецкаго особенно проявлялась въ его пренебреженіи къ факультету нравственно-политическихъ наукъ, который, до двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, выходилъ въ совершенномъ упадкѣ.—Законовѣдѣніе и камеральныя науки казались Снядецкому бесполезными въ государствѣ, въ которомъ судъ и администрація зависѣли непосредственно отъ правительства.—Исторію и политику почиталъ онъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, опасными для тишины, необходимой къ процвѣтанію наукъ вообще;—философія, по его мнѣнію, только напускала туманъ въ головы и съ пользою замѣнялась естествознаніемъ, которое одно онъ почиталъ единственно полезною и истинною философіею.—Вслѣдствіе этого, кафедры нравственно-политическихъ наукъ были или незамѣщены вовсе, или замѣщаемы кое-какъ. То направление, которому Снядецкій мѣшалъ проявиться въ уни-

верситетъ легально, вошло въ него другимъ путемъ. Въ 1816 году Снядецкій сложилъ съ себя ректорство. Какъ профессоръ, онъ не могъ уже имѣть такого вліянія на университетъ, какое имѣлъ какъ ректоръ, и потому, мало-по-малу, выдвинуть былъ на первый планъ факультетъ нравственно-политическій. Въ 1821 году каведру исторіи занялъ въ немъ извѣстный *Іоакимъ Лелевель*, преобразователь исторической науки въ Польшѣ. Снядецкій всѣми силами противился назначенію этого человѣка, за его неправильный польскій слогъ. — Наконецъ онъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію всего общества и Лелевель вошелъ въ университетъ. Вслѣдъ за нимъ, каведру философіи занялъ ученикъ Шеллинга, *Голуховскій*, имѣвшій своимъ яснымъ и одушевленнымъ преподаваніемъ огромное вліяніе на слушателей и общество. Стараніями Лелевеля и Голуховскаго и при содѣйствіи вошедшихъ по слѣдамъ ихъ въ университетъ *Даниловича*, профессора мѣстныхъ законовъ, и *Княжевича*, профессора статистики и дипломатіи, факультетъ нравственно-политическій скоро получилъ перевѣсъ надъ физико-математическимъ. — Лекціи исторіи, политики, статистики, права и философіи стало посѣщать наибольшее число слушателей. — Оживленіе гуманическаго направленія въ университетъ отразилось въ литературѣ сильнымъ развитіемъ романтической и національной поэзіи. Снядецкій и его партія стали за старо-французскую классическую школу, — центромъ которой была Варшава и которой Снядецкій сочувствовалъ за совершенство ея ополитиванной формы; Лелевель, Голуховскій и большинство виленскихъ литераторовъ стали въ главѣ ново-германской романтики. Явился Мицкевичъ, и упорные защитники старо-французскаго классицизма были побѣждены. Виленскому университету принадлежитъ въ этомъ отношеніи огромное значеніе въ польской литературѣ.

Обратимся къ обзорѣ дѣятельности Чацкаго.

Назначенный въ должность визитатора училищъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, Чацкій прежде всего личнымъ обзоромъ ознакомился съ дѣйствительнымъ состояніемъ учебныхъ заведеній въѣршенныхъ ему губерній. — въ результатахъ своего обзорѣнія онъ донесъ правительству

Правительство, убѣдившись въ настоятельной потребности реформъ, предоставило Чацкому привести ихъ въ исполненіе и дозволило ему, не стѣсняясь общимъ уставомъ 1804 года, измѣнять его по требованію мѣстныхъ обстоятельствъ *).

Трудъ Чацкому предстоялъ огромный. «Нужно было, говорить онъ самъ, завести, какъ можно болѣе, приходскихъ школъ, увеличить содержаніе уѣздныхъ училищъ, найти способныхъ учителей, обновить и привести въ стройное состояніе систему преподаванія, обезпечить насущный хлѣбъ духовнымъ наставникамъ, — облегчить бѣдному возможность учиться, создать вновь училища для воспитанія женщинъ и, наконецъ, образовать въ краѣ такое училище, въ которомъ мѣстные уроженцы могли бы получить высшее образованіе, такъ чтобы постепенное совершенствованіе ихъ происходило на глазахъ родителей и начальства того края, въ которомъ они родились, росли и на пользу котораго себя обрекаютъ» **).

Важнѣйшимъ средствомъ къ удовлетворенію этихъ потребностей Чацкій почиталъ — соединеніе дѣятельности общества съ дѣятельностію правительства, въ стремленіи къ великой цѣли народнаго образованія. — Первымъ результатомъ этого взаимодѣйствія государства и общества было увеличеніе матеріальныхъ средствъ учебныхъ заведеній частными *фундушами*.

Чацкій самъ объѣзжалъ всѣ уѣзды и собиралъ пожертвованія и вклады отъ дворянства и духовенства. Увлеченные общимъ примѣромъ, жертвовали даже иноземцы, жившіе на Волыни. — Вообще Чацкій собралъ для волынскихъ школъ вѣчныхъ пожертвованій 62,200 р. или 414,666 злот., не считая единовременныхъ; для кievской гимназіи 450,000 р. ас., для уѣздныхъ училищъ 32,862 злотыхъ (4,930 р.). Какъ предсѣдатель комисіи для разбора эдукаціонныхъ фондушей, онъ для Виленскаго округа обезпечилъ 2,350,000 злотыхъ (352,500 р. сер.).

Главное вниманіе Чацкаго обращено было на учрежденіе

*) Указы 29 іюня 1805 г., 27 іюня 1807 г., 31 авг. 1804 г.

**) Объясненіе, поданное Слѣдст. Комиссіи.

гимназіи въ Кременцѣ, которую онъ хотѣлъ организовать по собственнымъ идеямъ о народномъ обученіи и воспитаніи.

Для нея онъ собралъ:

Единовременныхъ пожертвованій до 25,000 руб. серебр., доходовъ постоянныхъ до 30,000 и, наконецъ, ежегодныхъ доходовъ съ староства Кременецкаго, Высочайше пожалованныхъ гимназій, по его ходатайству — 7036 руб. Сверхъ того отъ правительства ежегодно отпускалось на гимназію 5,700 руб. На эти средства устроена была Кременецкая гимназія съ состоящими при ней школами землемѣровъ и механиковъ. (Открыта 1-го октября 1805 года.)

Кременецкую гимназію, которая, по плану Чацкаго, должна была заступить мѣсто университета для этого края, «граждане не только Волынской, но Кіевской и Подольской губерній называли надеждою дѣтей своихъ» *). Основанія, на которыхъ гимназія была устроена, Чацкій долго обдумывалъ и поручалъ обсужденію замѣчательныхъ друзей своихъ: *Коловрата*, преобразователя Краковской академіи, *Чежа*, бывшего потомъ первымъ директоромъ Кременецкой гимназій, и извѣстнаго уже намъ *Яна Снядецаго* **). Послѣ долгихъ обсужденій и собственныхъ разсужденій, Чацкій наконецъ составилъ уставъ гимназій, Высочайше утвержденный 27-го іюня 1805 года, — и по этому уставу далъ своему заведенію слѣдующее устройство.

Весь гимназическій курсъ продолжался 10 лѣтъ и раздѣлялся на 4 однолѣтніе класса и 3 двухлѣтніе курса.

Въ классахъ преподавались языки латинскій и польскій, русскій, французскій и нѣмецкій, какъ главные предметы, и сверхъ того ариметика учителемъ русскаго языка, — ученіе о нравственности учителемъ французскаго языка, географія учителемъ нѣмецкаго языка, — какъ предметы побочные. Учители переходили вмѣстѣ съ воспитанниками изъ одного

*) Объясненіе, поданное Слѣдст. Комиссіи.

***) Переписка съ этими лицами о волынской гимназій издана въ 1844 г., въ 4 большихъ томахъ, подъ заглавіемъ: X. Hugona kollaťaja korrespondencya listowa z Tadeuszem Czackim z rękopismu wydał F. Kojśiewicz. Krakow. 1844. IV voll.

класса въ другой. Цѣлью обученія въ классахъ было поставлено приготовленіе учениковъ къ продолженію ученія въ курсахъ. Посредствомъ усовершенствованія въ языкахъ, къ которому въ особенности способенъ ученикъ въ томъ возрастѣ, когда преимущественно развита въ немъ память, — онъ приготавливался къ слушанію литературы этихъ языковъ; посредствомъ ариѳметики развивались въ немъ первыя начала мышленія, которыя должны были крѣпнуть и выработываться слушаніемъ высшей математики и логики въ курсахъ; географія знакомила ученика съ основою исторіи и давала ему понятіе о тѣхъ странахъ, жизнь которыхъ, въ разныхъ ея общественныхъ проявленіяхъ, онъ долженъ былъ изучать въ курсахъ. Наконецъ ученіе нравственности, вмѣстѣ съ уроками закона Божія, преподаваемого по одному разу въ недѣлю, приготавливало его къ слушанію естественнаго права въ курсахъ. Такимъ образомъ ученіе въ классахъ должно развить память, мышленіе и нравственное чувство въ ученикѣ на столько, на сколько это необходимо для слушанія высшихъ наукъ. Изъ донесенія Чацкаго Слѣдственной Коммиссіи видно, что воспитанники классовъ были всегда первыми въ курсахъ.

Предметы курсовъ раздѣлялись на главные, придаточные и произвольные. Изъ главныхъ въ *первомъ курсѣ* преподавались: теоретическая и начертательная геометрія, алгебра, до теоріи кривыхъ линій, логика, всеобщая исторія, теорія и исторія русской словесности, русская исторія, теорія польской и латинской словесности, теорія и исторія французской словесности; во *второмъ курсѣ*: физика, химія, высшая математика, естественное право, международное право, политическая экономія и статистика; въ *третьемъ курсѣ* преподавались: римское право и мѣстные законы, исторія литературъ — римской и греческой обширно, а другихъ народовъ вкратцѣ, и естественная исторія. На волю учащихся предоставлены были языки греческій и латинскій, черчение, древняя географія, практическая механика, а изъ искусствъ — музыка, пѣніе, танцваніе, фехтованіе, верховая ѣзда и плаваніе. Прибавочные предметы 1-го курса: прикладная математика съ астрономіею, сферическая тригонометрія, гражданская и военная архитектура, нумизматика и древности.

Еще Янъ Снядецкій замѣчалъ Чацкому, что добрыхъ слѣдствій отъ такой смѣси разныхъ предметовъ факультетскаго и гимназическаго преподаванія ожидать трудно и даже невозможно. Какъ возраженіе на это замѣчаніе, Чацкій представилъ циркулярный отзывъ попечителя округа кн. Чарторижскаго, который лично обозрѣвъ гимназію въ 1809 году, нашелъ ее «вполнѣ оправдывающею надежды и ожиданія родителей». Самъ Чацкій такъ отзывается о результатахъ, данныхъ его гимназіею въ 1811 году: «тамъ, гдѣ нѣсколько десятковъ учениковъ достойны медали, гдѣ она дается по жребію, гдѣ попечитель нашелъ цѣлый курсъ достойнымъ медали, гдѣ каждый изъ жителей съ восторгомъ смотритъ на эти отрасли, нашею рукою прищепленные, тамъ съ гордостію могу сказать: смотрите и судите!»

Въ состоявшей при гимназіи *школь землемпровъ* преподавались: ариѳметика, геометрія, тригонометрія, алгебра, рисованіе, черченіе плановъ, и во время каникулъ практическая геометрія. Сверхъ того ученики упражнялись въ русскомъ и польскомъ языкахъ, въ составленіи дѣловыхъ бумагъ и изучали мѣстные межевые законы. Въ *школь практической механики*, также учрежденной при гимназіи, нѣкоторые ученики, начиная отъ первыхъ началъ грамоты, слушали: ариѳметику, геометрію, алгебру, механику, гидростатику и гидравлику. Не многіе учились высшей математикѣ, физикѣ и сельской архитектурѣ. О двухъ этихъ заведеніяхъ Чацкій отзывается: «что ихъ нужно видѣть, чтобы оцѣнить вполнѣ». Ученики обѣихъ школъ воспитывались на счетъ гимназіи и особыхъ фондушей. Кромѣ конвикта для 24 бѣдныхъ учениковъ, Чацкій озаботился заведеніемъ въ городѣ конвиктовъ, въ которыхъ менѣе достаточные родители могли отдавать на содержаніе своихъ дѣтей. Въ этихъ конвиктахъ все содержаніе ученика съ квартирою, отопленіемъ, освѣщеніемъ, обѣдомъ, ужиномъ (изъ 3-хъ блюдъ), подвечеркомъ, надзоромъ, репетиторомъ и аптекою обходилось отъ 62 до 22 руб. 50 коп. сер. въ учебный годъ, смотря по состоянію ученика. Докторъ лицея *Лернетъ* положилъ капиталъ въ 250,000 злотыхъ для стипендіи бѣдныхъ учениковъ гимназіи.

Что касается до количества учениковъ, то оно отъ 280 человекъ, поступившихъ въ гимназію при ея основаніи, въ первые пять лѣтъ ея существованія увеличилось почти въ два раза съ половиною, потому что въ 1810 году ихъ было уже 612. Другой такой многочисленной гимназіи въ то время не было въ цѣлой имперіи; едва ли были подобныя и въ Германіи. «Этому училищу,—говоритъ Чацкій,—мы обязаны ослабленіемъ предубѣждений, господствовавшихъ въ пользу домашняго воспитанія: теперь дѣти мѣстныхъ жителей вполнѣ стали дѣтьми государства. Учители заступаютъ въ школахъ мѣсто родителей, а родители при помощи нѣсколькихъ надзирателей, дома заступаютъ мѣсто учителей».

Трудами и стараніями Чацкого, гимназія и находившіяся при ней заведенія снабжены были и хорошими, по своему времени, преподавателями (Шейдтъ, Бессеръ, А. Янковскій, Кублицкій и даже Лелевель), и всѣми учебными пособиями. Коллекціи кременецкія послужили основаніемъ всѣмъ коллекціямъ кievскаго университета. Если сѣнить ихъ сообразно съ современными потребностями университетской науки, они сами собою, разумѣется, окажутся довольно плохими. Но если взять во вниманіе, что эти коллекціи принадлежали гимназіи, даже еще въ началѣ XIX вѣка въ Россіи, тогда только можно понять все величіе заслугъ Чацкого въ этомъ отношеніи. Библиотека лицей состояла, при перенесеніи въ Кіевъ, почти изъ 34,000 томовъ (въ томъ числѣ много драгоцѣнныхъ изданій), минералогическій кабинетъ заключалъ въ себѣ около 15,000 минераловъ (съ дублетами), зоологическій — около 12,000 предметовъ, физическій 251 инструментъ (правда чрезвычайно плохіе), лабораторія химическая состояла изъ 540 аппаратовъ и 660 штукъ посуды; монетъ-кабинетъ — изъ 8,500 монетъ и медалей древнихъ и 9,406 новыхъ; механический кабинетъ — 418 моделей и 1665 архитектурныхъ рисунковъ; — наконецъ ботанической садъ, доведенный до цвѣтущаго состоянія стараніями ученаго Бессера и получившій извѣстность за-границею, содержалъ въ себѣ болѣе 12,000 видовъ растений. Стараніями Чацкого и на суммы графа Пятера основана была при гимназіи типографія, которая, по смерти графа, должна была поступить въ полное

вѣдомство ея, а до тѣхъ поръ печатать для нея 10% ниже самой дешевой цѣны въ краѣ.

Желая сдѣлать Кременецъ, такъ сказать, метрополіею новаго образованія для губерній: Кіевской, Волынской и Подольской, Чацкій предполагалъ учредить при гимназіи училища хирургическое, повивальное, ветеринаровъ, земледѣлія и садоводства; двѣ семинаріи для образованія приходскихъ учителей и для воспитанія гувернантокъ. Ему удалось основать только школу садоводства и семинарію для сельскихъ приходскихъ учителей; на семинарію для гувернантокъ онъ уже собралъ фундуши. Онъ не бросалъ мысли основать и остальные заведенія,—но обстоятельства принудили его отложить исполненіе ея до поры до времени.

Что касается до школъ приходскихъ и уѣздныхъ, то при содѣйствіи Чацкаго, духовенство Луцкой и Каменецкой епархіи—изъявило согласіе: одно на одновременные, другое на постоянные взносы для содержанія городскихъ и сельскихъ приходскихъ училищъ, при монастыряхъ и церквахъ. Училища эти были открыты для мальчиковъ и для дѣвушекъ. Въ нихъ дѣти бѣдныхъ дворянъ получали самая необходимыя свѣдѣнія для промышленной, городской и сельской жизни.

Не смотря на множество препятствій, поставляемыхъ и добросовѣстными противниками его убѣжденій, и злонамѣренностію завистливой посредственности, Чацкій достигъ своей цѣли: чрезъ нѣсколько лѣтъ Кременецкая гимназія получила почетную извѣстность и въ западно-русскомъ краѣ, и въ австрійской и прусской Польшѣ: со всѣхъ сторонъ шли сюда за образованіемъ. Городъ Кременецъ, до-толѣ ничтожный, обстроился, украсился, сдѣлался центромъ не только просвѣщенія, но и общественной жизни всего края. Многіе замѣчательные польскіе и литовскіе жители поселились въ немъ для воспитанія дѣтей своихъ. Жилъ въ немъ и самъ Чацкій для ближайшаго надзора за любимымъ своимъ созданіемъ. Ни трудовъ, ни имѣнія не щадилъ онъ для него. Общая признательность родителей была ему наградою. Императоръ Александръ удостоивалъ его нѣсколько разъ всемплостивѣйшими рескриптами.

То было счастливѣйшее время въ жизни этого замѣчательнаго человѣка. Съ 1810 года все пошло иначе. Еще въ 1807 г. Чацкій былъ вызванъ въ Петербургъ для оправданія въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ. На этотъ разъ онъ оправдался и воротился обласканный императоромъ, въ званіи заступающаго мѣсто попечителя Виленскаго округа. Въ это время начался споръ его съ прежнимъ другомъ, ректоромъ Виленскаго университета, Яномъ Снядецкимъ о фундапахъ и устройствѣ учебныхъ заведеній. Споръ этотъ произвелъ между двумя друзьями значительное охлажденіе. Чацкій велъ его съ свойственною ему запальчивостію, часто увлекаясь пристрастіемъ къ своему созданію, Кременецкой гимназіи. Снядецкий велъ его съ хладнокровіемъ и точностію математика, не рѣдко показывая упорную привязанность къ своимъ одностороннимъ убѣжденіямъ. Въ 1810 г., по дошедшимъ до правительства свѣдѣніямъ о безпорядкахъ въ хозяйственной и учебной частяхъ Волынской гимназіи, наряжена была слѣдственная коммиссія (изъ графовъ Яблоновскаго, Моцинскаго и Ромуальда Быстраго) для подробнаго изслѣдованія этихъ безпорядковъ и рѣшенія вопроса: не удобнѣе ли перенести гимназію въ Винницу? — Сколько можно было догадываться изъ энергическаго объясненія поданнаго въ коммиссію Чацкимъ, — доносъ былъ сдѣланъ людьми, которые завидовали быстрому возвышенію и процвѣтанію Кременца и изъ личнаго своекорыстія желали поднять г. Винницу *). Чацкій и на этотъ разъ былъ оправданъ и коммиссіею и громкимъ голосомъ общественнаго мнѣнія. Насталъ бурный 1812 годъ. Съ нимъ вмѣстѣ возникли новыя подозрѣнія на Чацкаго. Не въ силахъ будучи бороться съ ними и находясь въ неловкихъ отношеніяхъ съ генералъ-губернаторомъ графомъ Милорадовичемъ, онъ распустилъ учениковъ, закрылъ гимназію, обезпечилъ ея коллекціи и удалился въ Подольскую губернію. Прошло смутное время нашествія, и Чацкій посѣтилъ снова Кременецъ, но остаться въ немъ не могъ. Чацкій былъ измученъ борьбою, въ которой потерялъ и здоровье и разстроилъ имѣніе.

*) Объясненіе, поданное Слѣд. Ком.

Въ 1813 году, при вѣсти о приѣздѣ въ округъ кн. Чарторижскаго, онъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Дубно. Едва успѣли свидѣться два друга — Чацкій вдругъ заболѣлъ и скоропостижно умеръ. Послѣднія слова его были: «*o swoich nadzieiach, to jest, o szczesciu rodaków*» *).

Когда Чацкій, въ 1803 году, принялъ должность визитатора въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Подольской, было всего 5 учебныхъ заведеній; когда умеръ — ихъ было уже 127. Тѣло Чацкаго погребено въ Порцкѣ, а сердце хранится въ Кременцѣ, съ надписью «*Gdzie skarb twój, tam i serce twoje*».

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности того, что стало съ этимъ кременецкимъ сокровищемъ Чацкаго послѣ его смерти. Въ 1818 году правительство, принявъ въ уваженіе, что Волынская и Подольская губерніи, по отдаленности отъ Виленскаго университета, имѣютъ надобность въ высшемъ училищѣ, признало справедливымъ переименовать Волынскую гимназію въ лицей. Въ то же время предполагено было дать этому заведенію новый уставъ и исчислить сумму, нужную на него изъ эдукаціоннаго фондуша въ пособіе приношеній, сдѣланныхъ на Волынскую гимназію. Но послѣднее распоряженіе, по разнымъ причинамъ, не было приведено въ исполненіе, и вся реформа ограничилась только переменною названіемъ. Волынской лицей подчиненъ былъ послѣ Чацкаго, *de jure* и *de facto*, Виленскому университету. Научная дѣятельность въ немъ начала падать съ утратою самостоятельности. Выборъ профессоровъ не всегда былъ удаченъ, приращеніе коллекцій остановилось. За то, вслѣдствіе подчиненія Виленскому университету, Волынской лицей усвоилъ направление начальствующаго и руководствующаго заведенія и не остался чуждъ тѣхъ движеній, отъ которыхъ пострадалъ университетъ, закрытый въ 1831 году. Лицей не пережилъ его и года, переданный временно подъ управленіе Харьковскаго попечителя и университета.

Въ послѣдній годъ своей дѣятельности, Чацкому удалось видѣть, въ подвѣдомственномъ его визитаціи округѣ, — от-

*) St. Hr. Potocki: Pochwała T. Czackiemu. Roczniki Tow. Król. Warsz. przyaciół nauk. T. XII, 33.

крытіе новой *гимназіи высшихъ наукъ въ Кіевѣ*. Еще въ 1805 году, во время общаго порыва къ пожертвованіямъ, возбужденнаго Чацкимъ, дворянство Кіевской губерніи, соревнуя Волинскому, пожертвовало капиталъ въ 450,000 р. асс. на содержаніе гимназіи, въ которой курсъ наукъ былъ бы обширнѣе, чѣмъ въ другихъ подобнаго рода заведеніяхъ. Очевидно, Кременецкое заведеніе было образцомъ для всѣхъ въ то время. Въ уваженіе къ огромному пожертвованію, правительство исполнило желаніе кіевскаго дворянства, и 30-го января 1812 года открыта была въ Кіевѣ гимназія изъ 8-ми классовъ, съ особыми правами и преимуществами *).

Наконецъ и подольское дворянство, послѣ окончательнаго рѣшенія въ пользу Кременца вопроса о переводѣ гимназіи Чацкаго въ Винницу, получило свою гимназію, также выходящую изъ круга обыкновенныхъ сего рода учреждений. *Подольская гимназія* открыта была въ *Винницѣ*, уже по смерти Чацкаго, 27-го октября 1814 года.

Обѣ гимназіи, и Кіевская и Подольская (Винницкая), были устроены по образцу Волинской (Кременецкой), съ нѣкоторыми только частными отступленіями отъ системы Чацкаго: каждая изъ нихъ дѣлилась: на четыре годичные класса, въ которыхъ на первомъ планѣ стояло обученіе языкамъ (латинскому, русскому, польскому, нѣмецкому и французскому), а на второмъ, такъ-называемой морали, ариметикѣ и географіи; и на четыре годичные курса, обнимавшіе высшую математику, науки естественныя (физику, химію и естественную исторію), философію, естественное, народное, римское и мѣстное право, политическую экономію, исторію всеобщую и польскую, реторику, пѣнію и исторію литературы греческой и римской, особенно послѣдней.

Цѣлью этихъ гимназій постановлено было не столько приготовленіе слушателей для университетовъ, сколько вообще приготовленіе образованныхъ *гражданскихъ дѣятелей* изъ тѣхъ, которые желали-бы окончить ученіе гимназическимъ курсомъ. На энциклопедизмъ, въ основаніи котораго лежало солидное изученіе языка древнихъ классиковъ, почти исклю-

*) Губернскій предводитель, графъ Адамъ Ржевусскій, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей при открытіи гимназій.

чительно римскихъ, построена была вся система тогдашняго обученія и воспитанія не только въ западномъ краѣ, гдѣ она получила особое развитіе, но отчасти и въ другихъ частяхъ имперіи. Не однѣ гимназіи въ то время стремились выйти изъ своего круга и включить въ себя предметы университетскаго круга; вслѣдъ за ними тянулись и повѣтовыя (т. е. уѣздныя), при монастыряхъ основанныя училища, которыя вторгались въ кругъ гимназическаго преподаванія *). Вообще не было тогда установлено точнаго разграниченія между высшими, средними и низшими учебными заведеніями, не было опредѣлено взаимное ихъ другъ къ другу отношеніе. Каждое училище стремилось болѣе дать своимъ воспитанникамъ окончательное образованіе, чѣмъ приготовить ихъ продолжать образованіе въ высшемъ заведеніи. При ограниченномъ числѣ преподавателей, при краткости времени преподаванія, само собою разумѣется, среднія учебныя заведенія вполнѣ не достигали своей цѣли. Впрочемъ, языки польскій и латинскій, такъ называемая *шутова*, т. е. риторика, приспособлявшая учениковъ, по словамъ современника, *do gładkiego, loicznego i jasnego wylewania na papier swych myśli* и все, что относилось къ изученію польской жизни — все это находилось въ хорошемъ состояніи. На эти предметы главнымъ образомъ и налегали въ тогдашнихъ польскихъ училищахъ, имѣя въ виду преимущественно поддержаніе католицизма и польской народности. Впрочемъ, вліяніе польскаго элемента въ кievскихъ учебныхъ заведеніяхъ, всегда менѣе ощущаемое, чѣмъ въ подольскихъ и волынскихъ, ослабѣло въ особенности съ того времени, когда въ 1818 году Кіевская губернія, по отдаленности отъ Виленскаго университета, была отчислена отъ Виленскаго учебнаго округа и присоединена къ Харьковскому округу и университету. Но едва-ли она отъ этого выиграла: когда въ 1833 году, фонъ-Брадке занялся преобразованиемъ Кіевской гимназіи, обученіе и особенно воспитаніе находилось въ ней въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ губерніи Волынской и Подольской на воспитаніе народа обращало вниманіе, послѣ Чацкаго, мѣстное католическое ду-

*) Такова, на примѣръ, была гимназія въ Менджиречахъ у піаровъ, Уманское — базилианское; Луцкое, Домбровицкое, Теофипольское и др. училища.

ховенство; на воспитаніе въ Кіевской гимназіи едва-ли кто-нибудь обращалъ вниманіе. Въ 1833 году, приступая къ преобразованію Кіевской гимназіи высшихъ наукъ въ простое среднее учебное заведеніе, попечитель фонъ-Брадке произвелъ испытаніе всѣмъ ученикамъ ея, и, вслѣдствіе его, очень-многіе ученики 4-го класса переведены были не впередъ, а назадъ, въ 1-й классъ. Можно судить, какъ справедливо дѣлалась прежде оцѣнка ученическихъ успѣховъ! Въ 1830 году явилась холера; панической страхъ овладѣлъ всѣми: ученіе прекратилось, ученики были распущены по домамъ. Еще не миновала одна бѣда, какъ наступила другая: возстаніе Польши. Оно перешло въ Литву, коснулось и Волини, и Подолья. Многіе воспитанники стали въ ряды инсургентовъ; воспитатели, особенно изъ римско-католическаго духовенства, были компрометированы въ глазахъ правительства. 21-го августа 1831 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о закрытіи училищъ Кіевской, Волинской и Подольской губерній, до перевода ихъ въ другія мѣста или до учрежденія новыхъ. Вслѣдствіе этого были закрыты:

1) Лицей Волинскій 1.

2) Гимназіи: Винницкая и Меджирецкая 2.

3) Повѣтовья училища, содержимья, по большей части, монахами: Каневское, Уманское (Кіевской губерніи), Барское (Подольской губерніи), Менджирецкое, Любарское, Овручское, Владимірское, Теофипольское, Бердичевское, Домбровицкое (Волинской губерніи) 10.

4) Приходскихъ училищъ, содержимыхъ монахами, бѣлымъ римско-католическимъ и греко-уніатскимъ духовенствомъ и помѣщиками:

въ Кіевской губерніи . . . 18.

въ Подольской » . . . 77.

въ Волинской » . . 137.

(При этомъ упразднено было 49 монастырей, при коихъ находились училища, независимо отъ другихъ содержимыхъ монахами).

Всего въ 1831—1832 г. закрыто учебныхъ заведеній 245.

На лицо оставалось:

1) Гимназія одна, въ Кіевѣ; 2) уѣздныхъ училищъ 4, изъ нихъ три въ Кіевской и 1 въ Волинской губерніи; 3) приходскихъ училищъ 14, изъ нихъ 10 въ Кіевской и по два въ остальныхъ губерніяхъ. Всего до конца 1832 года или до образованія Кіевского учебнаго округа, въ трехъ западныхъ губерніяхъ училищъ оставалось 19. Всѣ они подлежали рѣшительному преобразованію по уставу 1828 года. Ни одно не имѣло — ни полнаго состава учителей, ни опредѣленной системы управленія и обученія, рѣдкое имѣло прочную осядлость, ожидая перевода съ одного мѣста въ другое. — Учениковъ было мало. Старые разошлись подъ вліяніемъ панническаго страха, новые приходили не рѣшительно и боязливо оглядывались назадъ... Священникъ, преподавшій законъ Божій православнаго исповѣданія и учитель русскаго языка, имѣли преобладающій авторитетъ въ училищахъ.

Изъ этихъ, едва уцѣлѣвшихъ среди смуть и волненій бурнаго времени, обломковъ учебной системы, которая создавалась въ теченіи полувѣка (1775 по 1830 г.), образованъ былъ, по указу 14-го декабря 1832 года, Кіевскій учебный округъ.

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію дѣйствій новаго окружнаго начальства, переедемся на лѣвый берегъ Днѣпра и посмотримъ, что дѣлалось въ училищахъ Черниговской губерніи въ періодъ времени отъ 1803 по 1833 г.

II.

Учебныя заведенія Черниговской губерніи, подвѣдомыя Харьковскому попечителю и университету, подвергалсь постепенно преобразованію по уставу 1803 года. Главныя народныя училища обращены были въ гимназіи, а простонародныя въ такъ называемыя повѣтовыя училища. Въ 1830 году приходскихъ училищъ въ цѣлой губерніи было 2; повѣтовыхъ училищъ 14; одно на степеніи повѣтоваго — греческое Александровское въ Нѣжинѣ. Гимназій было 2: Черниговская, открытая въ 1805 г., и Новгородсѣверская, открытая въ 1808 г. Первая никогда не пользовалась особеннымъ довѣріемъ въ краѣ, послѣдняя напротивъ обязана была своимъ двумъ первымъ директорамъ, *И. П. Халанскому* и *И. Ѳ. Тимковскому*, славою лучшей гимназіи въ Малороссіи. Пре-

подаваніе организовано было по уставу 1803 года, въ гораздо обширнѣйшемъ противъ теперешняго объемѣ, за то гораздо поверхностнѣе. «Учили всему по верхамъ», отзывается одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, «г. Македонскій, назидая въ русской словесности, декламируя Ломоносова и Державина, поучалъ и эстетикѣ, и психологій, и даже политической экономіи. Молодой учитель Затеplinскій преподавалъ физикѣ, а послѣ уроковъ ея декламировалъ Людмилу и другія, одно за однимъ появлявшіяся стихотворенія Жуковскаго. Учитель Сухомлиновъ преподавалъ естественную исторію, называя латинскими именами разныя растенія. *) — Въ директорство Халанскаго гимназія пользовалась покровительствомъ извѣстнаго мецената, графа И. П. Румянцова, который присылалъ въ бібліотеку ея книги по русской исторіи. При Тимковскомъ, который открылъ гимназію въ качествѣ визитатора училищъ Харьковскаго округа, а потомъ занялъ въ ней мѣсто своего тестя Халанскаго, особенно хорошо шелъ латинскій языкъ. О Тимковскомъ сохранилось много преданій, живо характеризующихъ тогдашніе нравы и обычаи гимназическаго сословія. Этотъ директоръ былъ какимъ-то патріархальнымъ деспотомъ. Посѣщеній его ожидали въ гимназій съ необыкновенными церемоніями и разставляли отъ его дома до гимназіи махальныхъ, телеграфически передававшихъ вѣсти о его прибытіи. — Обращаясь безъ всякихъ церемоній, сурово и самовластно съ подчиненными ему преподавателями, Тимковскій стоялъ крѣпко предъ окружнымъ начальствомъ не только за способныхъ учителей, но и за тѣхъ, которые по преданію сильно зашибались хмѣлемъ. — Каждый окончившій гимназію воспитанникъ, желая поступить въ университетъ, получалъ отъ Тимковскаго рекомендацію въ Харьковъ, гдѣ Тимковскій служилъ прежде профессоромъ. — Лучшіе латинисты поступали въ Харьковскій университетъ изъ Новгородъ-Сѣверска.

Какъ для трехъ западныхъ губерній центромъ высшаго образованія, кромѣ Вильно, почитался Кременецъ, такъ въ

*) Слова М. А. Максимовича въ біограф. словарѣ Мос. унив., II, 2.

Малороссіи эта слава принадлежала Нѣжину. — Страсть учреждать гимназіи высшихъ наукъ, въ которыхъ преподаваніе представляло какую-то смѣсь общаго съ специальнымъ образованіемъ, зашла съ днѣпровскаго запада на востокъ; и въ Малороссіи, въ 1805 году, вслѣдствіе прошенія Д. Т. С. Ильи Андреевича Безбородко, Высочайше разрѣшено учредить *гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ Пѣжинѣ*. Въ 1820 году открыто ученіе въ ней, а уставъ Высочайше утвержденъ только въ 1825 году. На основаніи этого устава, цѣлью гимназіи было поставлено — доставить удобство молодымъ людямъ пріобрѣтать свѣдѣнія въ языкахъ и общихъ наукахъ, полезныхъ для каждаго человѣка, и въ высшихъ наукахъ, служащихъ приготовленіемъ юношества на службу государству. — Сообразно съ этою цѣлью въ гимназіи преподавались: Законъ Божій, языки и словесность: русская, греческая, латинская, французская и нѣмецкая, географія русская и всеобщая, исторія русская и всеобщая, математика отъ ариметики до коническихъ сѣченій включительно, естественныя науки (физика со включеніемъ статики и механики, химія и естественная исторія), философія (логика, нравственная философія и естественное право), науки юридическія (право народное, государственное хозяйство, римское право, русское гражданское и уголовное право) и наконецъ военныя науки (артиллерія и фортификація, для желающихъ поступить въ военную службу), рисованье, черченіе и танцованіе. Курсъ ученія продолжался 9 лѣтъ и раздѣлялся на три разряда или трехлѣтія. Преподаваніе было раздѣлено между 8 профессорами и 3 учителями, которые преподавали только въ низшихъ классахъ. Гимназія высшихъ наукъ поставлена была въ число учебныхъ заведеній, занимавшихъ первую степень послѣ университетовъ въ имперіи: она выпускала воспитанниковъ съ званіемъ кандидата, соотвѣтствовавшимъ чину 12, и званіемъ дѣйствительнаго студента, соотвѣтствовавшимъ чину 14 класса въ гражданской службѣ *).

*) Директорами гимназіи высшихъ наукъ, до преобразованія ея въ 1832 году въ лицей, были: В. Г. Кукольникъ (ученый юристъ), И. С. Орлай (извѣстный латинистъ и медикъ) и Д. Э. Яснговскій, послѣдній генералъ-адъютантъ.

Изъ сказаннаго видно, что поверхностный энциклопедизмъ положенъ былъ въ основу Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, какъ и въ основаніе западно-русскихъ подобныхъ заведеній, и что поэтому — и она могла сообщать своимъ воспитанникамъ только поверхностное, хотя и многостороннее образованіе. Гимназія князя Безбородко гордится воспитанниками первыхъ выпусковъ: Гоголемъ, Кукольникомъ, Гребенкою, Рѣдкимъ, Рославскимъ и Домбровскимъ. Но лучший изъ выпущенныхъ ею писателей, Гоголь, вотъ что говоритъ о своемъ научномъ образованіи: «Нужно удивляться, что я въ этомъ заведеніи могъ столько узнать еще.... Кромѣ ненскусныхъ преподавателей наукъ, кромѣ великаго нерадѣнія и пр., здѣсь языкамъ совершенно не учатъ. Доказательствомъ сему служатъ тѣ, которые, пріѣхавши сюда съ нѣкоторыми познаніями въ языкахъ, выѣзжали позабывши послѣднія. Если я что знаю, то этимъ обязанъ единственно самому себѣ» *). Такой, быть можетъ даже слишкомъ рѣзкій, отзывъ даровитаго воспитанника, произносимый тотчасъ по выходѣ изъ заведенія, легко объясняется громаднымъ объемомъ разнородныхъ предметовъ проходныхъ въ очень короткое время (три послѣдніе года), сравнительно весьма немногими профессорами. — Съ другой стороны, Гоголь и другіе литературные таланты, получившіе въ Нѣжинской гимназіи воспитаніе, обязаны своимъ развитіемъ не тогдашнему преподаванію, но тому «направленію, которое господствовало тогда, — по словамъ Рѣдкина — между воспитанниками и которое выражалось не только въ страсти къ чтенію, но и въ начаткахъ литературной дѣятельности... воспитанники высшихъ классовъ, нѣкъмъ не руководимые кромѣ чтенія образцовъ и своихъ природныхъ наклонностей и способностей, занимались изданіемъ; разумѣется, рукописнымъ и въ одномъ экземплярѣ, многихъ журналовъ и альманаховъ, которые по выходѣ читались и критиковались среди небольшого кружка, въ тѣсной комнаткѣ, выдѣленной изъ

тантъ Румянцева-Задунайскаго. При Ясновскомъ (до 1835 года) гимназія преобразована была въ лицей.

*) Письмо Гоголя къ матери отъ 1 марта 1828 г. Зап. о жизни Гоголя, томъ I, стр. 52, 53.

Отд. I.

3

квартиры губернатора *). «Настоящимъ ученымъ своимъ образованіемъ профессоръ Рѣдкинъ обязанъ Московскому университету и слушанію лекцій за границею. Можно вообразить, какое великолѣпное юридическое образование могли вынести слушатели изъ лекцій напр. профессора Бѣлевича, который опредѣлялъ различіе между воровствомъ-кражею и воровствомъ-грабежемъ, подражая лаю собаки, которая издыхаетъ отъ отравы, брошенной тихо крадущимся ночнымъ воровомъ, и громкимъ крикомъ и стономъ людей грабимыхъ среди бѣла дня **). Самъ Гоголь, въ своей неудавшейся профессорской и ученой дѣятельности, и покойный профессоръ университета св. Владиміра Домровскій, — оба получившіе ученое образование исключительно въ Нѣжинѣ, — служили лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало солидныхъ научныхъ свѣдѣній могли вынести изъ гимназій высшихъ наукъ ея воспитанники.

Въ 1832 году обнаруживается въ общей системѣ министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи стремленіе противоположное такъ называемымъ гимназіямъ высшихъ наукъ, которыя были основаны на странной смѣси общаго образованія съ поверхностнымъ, специальнымъ. Вслѣдствіе этого, гимназія князя Безбородко была подвергнута радикальному преобразованію: уставомъ 7 октября 1832 года положено низшіе классы ея постепенно закрыть и оставить только три высшіе курса подъ именемъ *лицей князя Безбородко*. По составу кафедръ, цѣль лицей состояла въ распространеніи знаній физико-математическихъ. — Въ лицей принимались молодые люди, выслушавшіе предварительно гимназическій курсъ въ гимназіяхъ или дома; изъ лицей выпускались воспитанники только съ правомъ на чинъ 14 класса. — Въ такомъ видѣ Нѣжинскій лицей поступилъ въ составъ новообразовавшагося Кіевскаго учебнаго округа ***).

*) Біограф. Сл. Мос. университета, II, стр. 378, 379.

**) Гоголь, по словамъ одного его совоспитанника, удивительно вѣрно копировалъ эту лекцію Бѣлевича.

***) Новому преобразованію въ юридическое заведеніе лицей былъ подвергнутъ въ 1840 году. Тогда же учреждена въ Нѣжинѣ и гимназія.

Въ 1832 году волненія утихли въ западномъ краѣ, крайней-мѣрѣ наружно; въ глубинѣ его таились и старая вражда и старыя надежды... Но и на поверхности страны лежали печальные слѣды только-что конченной борьбы; взглядъ на нихъ могъ шевелить сильно наболѣвшія, едва начинавшія заживать раны. И теперь на Волини, напр. въ Менджирчѣ и Луцкѣ, бросаются въ глаза путешественнику опустѣлыя, огромныя монастырскія и училищныя зданія съ выбитыми окнами, оторванными дверями, печально стоящія среди поросшихъ бурьяномъ дворовъ, напоминая о той жизни и дѣятельности, которая была и быліемъ поросла. Гораздо грустнѣе было за четверть вѣка тому назадъ, когда на обломкахъ старой системы народнаго образованія, пустыремъ стояли многія старыя учебныя заведенія вмѣстѣ съ упраздненными монастырями. Надо было думать объ томъ, чтобы скорѣе загладить эти печальные слѣды минувшаго.

По высочайшему указу, 14 декабря 1832 года, учрежденъ былъ особый Кіевскій учебный округъ изъ губерній Черниговской, Кіевской, Волинской и Подольской и ввѣренъ управленію дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Егора Федоровича фонъ-Брадкѣ*. — Учрежденіе его почти совпадало съ вступленіемъ въ управленіе министерствомъ достопамятнаго *С. С. Уварова*, радикально измѣнившаго и сильно подвинувшаго впередъ наше народное образованіе. «Общая наша обязанность, — говорилъ онъ, оповѣщая попечителей всѣхъ округовъ о вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ, — состоитъ въ томъ, чтобы народное образованіе, согласно съ высочайшимъ намѣреніемъ августѣйшаго монарха, совершалось въ соединенномъ духѣ православія, самодержавія и народности.» — Въ духѣ этихъ началъ должна была устроиться и новая система образованія въ западно-русскомъ краѣ, началъ, какъ мы видимъ, совершенно противоположныхъ прежней системѣ, основанной на католицизмѣ, конституціи и польской народности. — Трудно было вводить направленіе, такъ рѣзко противорѣчившее прошлому. Надо было дѣйствовать исподоволь и осторожно, опасаясь задѣть неугаснувшія аятыпати; слѣдовательно тутъ много зависѣло отъ способности второстепенныхъ исполнителей — а гдѣ было Брадкѣ

взять их? Не рѣдко случалось, что среди зануگانшихъ мѣстныхъ жителей, какой-нибудь учитель русскаго языка, не понимая всей неловкости своего поступка, читалъ оду своего издѣлія, въ которой, летая по холмамъ Геликопа, восклицала торжественно и съ гордостію «я Россѣ!» *). Бывало и то, что самъ директоръ заведенія, въ торжественной рѣчи, неловко лѣтя присутствующему городничему и другимъ мѣстнымъ властямъ, называлъ ихъ «отблескомъ Божества» **). — Встрѣчается въ старыхъ дѣлахъ и такой, напрімѣръ, случай, что начальникъ учебнаго заведенія требуетъ отъ католическаго священника, чтобы онъ читалъ учепкамъ священную исторію, не по избранной имъ книгѣ *Historia starego i nowego Testamentu*, но по изданной святѣйшимъ синодомъ для православныхъ «Краткой Священной Исторіи» ***). Такихъ ловкихъ и искусныхъ проводниковъ тройственнаго начала православія, самодержавія и народности было не мало. Плоды ихъ дѣятельности оказались позднѣе въ новомъ университетѣ. — Оттого мы и почли нужнымъ привести здѣсь эти факты.

Какъ бы то ни было, со второй половины 1832 г., уже начали открываться въ замѣнъ старыхъ новыя учебныя заведенія. Въ декабрѣ 1832 года и въ теченіи 1833 года уже были открыты 4 гимназіи (Луцкая, Винницкая, Каменецъ-Подольская и Житомирская), 6 уѣздныхъ и 26 приходскихъ училищъ. Всѣ учебныя заведенія среднія и низшія, какъ вновь открываемыя, такъ и тѣ, въ которыхъ ученіе не прерывалось, были устроиваемы на точномъ основаніи устава 1828 года. Новый министръ возсталъ противъ существовавшей прежде системы смѣшенія высшихъ учебныхъ заведеній, какъ специальныхъ и окончательныхъ, съ средними, какъ общими и приготовительными, и среднихъ въ свою очередь съ низшими. «Правительство не можетъ согласиться, говоритъ онъ, чтобы среднія учебныя заведенія (какъ напр. благородные пансіоны) образовались въ видѣ отдѣльныхъ,

*) Дѣло объ открытіи гимназій по округу въ 1832 и 1833 годахъ.

**) Ibid.

***) Ibid.

въ видѣ окончательныхъ мѣстъ воспитанія, чтобы, возвращаясь къ прежнему безпорядку, питомцы оныхъ, получая за поверхностное энциклопедическое образованіе значительныя чины, выходили оттолѣ прямо въ гражданскую службу, минуя университеты *).»

Забываясь объ учрежденіи среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ-особенности для трехъ западныхъ губерній, министерство и попечитель заботились и объ основаніи при нихъ благородныхъ пансіоновъ, исключительно для дворянства, «которое будучи по духу коренныхъ учрежденій столь рѣзко отлучено еще отъ прочихъ сословій, не оказывало довѣрія къ гимназіямъ, и парализовало благодѣтельныя попеченія высшаго правительства, открывавшаго гимназіи для людей всякаго состоянія **).» Вслѣдствіе этого при Кіевской гимназіи открытъ былъ, въ 1834 году, первый благородный пансіонъ и приняты дѣятельныя мѣры къ умноженію числа подобныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній.

Недоставало высшаго центральнаго учебнаго заведенія въ краѣ. Еще въ 1832 году, во время пребыванія императора Николая I въ Харьковѣ, тогдашній попечитель округа дѣйствительный статскій совѣтникъ Филатевъ выразилъ мысль о переводѣ Кременецкаго лиція, вмѣсто Житомира, въ Кіевъ. Докладная записка его о постройкѣ въ Кіевѣ зданій для лиція представлена была государю въ бытность его въ Кіевѣ графомъ Левашовымъ. Государь императоръ высочайше утвердилъ предположеніе и избранное для этого мѣсто, гдѣ стояла гимназія, которая должна была войти въ составъ лиція. Вслѣдъ за тѣмъ, составлены были въ Харьковѣ архитекторомъ Тономъ планы, фасадъ и смѣты на постройку зданій лиція, а министерство распорядилось объ ассигнованіи суммъ на перевозку лиція въ Кіевъ. Въ тоже время генералъ-губернаторъ графъ Левашовъ вошелъ съ представлешемъ объ учрежденіи въ Кіевѣ для образованія гражданскихъ чиновниковъ «института правовѣдѣнія», подѣ

*) Циркулярное предложеніе о благородныхъ пансіонахъ при гимназіяхъ, 16 мая 1833 года.

*) Ibid.

именемъ института Св. Владиміра, на счетъ капитула императорскихъ и царскихъ орденовъ. 9 Мая 1833 года государь императоръ утвердилъ положеніе комитета гг. министровъ о предоставленіи канцлеру орденовъ сдѣлать распоряженіе, какъ объ отпускѣ единовременно на первоначальное устройство и образованіе учреждаемаго института св. Владиміра 150,000 р. асс., такъ и впередъ на содержаніе его по 12,000 р. ежегодно изъ суммъ капитула.

Итакъ, Кіеву вмѣсто одного высшаго центрального заведенія готовилось два: одно въ родѣ старыхъ гимназій высшихъ наукъ, другое чисто спеціальное по одной отрасли, нѣчто въ родѣ юридическаго факультета.

Переводить въ Кіевъ лицей въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ Кременецѣ, значило прямо — противорѣчить основной мысли министра, что «сдѣлать изъ среднихъ учебныхъ заведеній университеты въ сокращенномъ видѣ, сосредоточивать отрывками въ нихъ то, что принадлежитъ въ цѣлости университетамъ, — значитъ не только не вмѣщать никакой пользы, но затруднять болѣе и болѣе развитіе народнаго образованія» *).

Учреждать одинъ факультетъ для образованія гражданскихъ чиновниковъ, при тогдашнемъ ограниченіи права мѣстныхъ уроженцевъ на занятіе гражданскихъ мѣстъ въ западныхъ губерніяхъ, значило явно отнимать у нихъ право на высшее образованіе, для распространенія котораго въ западномъ краѣ сдѣлано было столько жертвованій и поднято столько успій. — Да при томъ спрашивалось: если не повторять ошибки предъидущаго времени учрежденіемъ гимназій высшихъ наукъ, подъ другимъ только именемъ, если не заводитъ того въ Кіевѣ, что только-что уничтожено было въ Нѣжинѣ, — то куда дѣвать богатія кременецкія и виленискія коллекціи? Институту правовѣдѣнія естественно-историческихъ коллекцій пенужно. Сверхъ-того самыя обстоятельства края требовали, чтобы правительство, уничтоживъ Виленискій университетъ, замѣнило его другимъ. Все это знали и очень хорошо обдумали и министръ, и генералъ-губерна-

*) Циркуляръ о благородныхъ пансіонахъ.

торъ, и попечитель. Вспомнили и о томъ, что еще въ 1803 году извѣстный Н. П. Демидовъ пожертвовалъ капиталъ въ 50,000 р. серебр. на основаніи университета въ Кіевѣ.

Осенью 1833 года генераль-губернаторъ, графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, переговоривъ съ попечителемъ, отправился въ Петербургъ. *31-го октября 1833 года*, на всеподданнѣйшемъ докладѣ управлявшаго мниистерствомъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, о причинахъ, по которымъ желательно было бы имѣть въ Кіевѣ университетъ, государь императоръ Николай Павловичъ собственноручно написалъ: *«Совершенно согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы были только два факультета, философскій и юридическій; медицинскій имѣть въ виду; богословскаго-же не имѣть: ибо для сего есть академія.*

ВИТАЛІЙ ШУЛЬГИНЪ.

ЛЕДАЩИЦА.

ПОВЕСТЬ.

I.

Наша пани была уже не первой молодости, но еще и не старуха, а пзъ себя высокая, тучная; взгляды у нея смѣлый; говорила громко, скоро. Наряжаться любила, ужъ какъ она старательно наряжалась! Шнурочекъ къ шнурочку, ленточка къ ленточкѣ. Вырядится, бывало, и похаживаетъ себѣ, какъ малѣваная.

И въ горницахъ у насъ было хорошо: вычищено, вылощено, выкрашено; и креслице, и столикъ, все какъ слѣдуетъ, по-пански. Пани, бывало, каменныхъ цацокъ настановить по столикамъ: мисочекъ изъ разноцвѣтнаго стекла, чарочекъ; была у нея и мѣдная собачка, былъ и зайчикъ съ узорными ушками. Все это ни къ чему, а какъ оно вмѣстѣ разставлено одно при одномъ, то и блеститъ, и въ глаза бросается, и рябѣтъ *ажъ бѣе*. А что самое дорогое — висѣлъ у нея на стѣнѣ панъ малеванный, черный, смуглый какъ жукъ, а пасмурный какъ ночь, въ золотыхъ перстняхъ на рукѣ — ея батюшка покойный, вельможный князь.

Кто, бывало, ни придетъ, кто не заглянетъ изъ гостей къ нашей пани, пани каждому объявить, скажетъ: «это мой папенька покойничокъ!»

Ужѣла она какъ обойтись съ кѣмъ, какъ заговорить, какъ глянуть, вздохнуть. Придетъ къ ней какой-нибудь горемыка, то она ему звучно и громко говорить: «Это мой батюшка-князь!» Другому, надутому, чванному богачу вздыхаючи: «Вотъ, какъ здравствовалъ мой батюшка — это его портретъ — не знала я горя!» А третьему, доброму молодому, да сердечному: «Что, говорить, что значить все мірское? Что знатность? что богатство? Вотъ мой отецъ былъ князь, великихъ чиновъ дослужился...»

И ужъ то такъ, то сякъ, а всякому расскажетъ, что она княжеская дочка. А про то она не вспоминала никогда, что вельможный отецъ всю *батьковицину* промоталъ, и оставилъ ей послѣ себя только хоромочки невелички въ городѣ, съ немощеннымъ дворикомъ, да съ садикомъ густымъ черешневымъ. Хоромочки стояли въ глухомъ переулочкѣ; дворикъ заросъ травой высокою; середь двора кудрявая, старая яблоня — ужъ эту яблоню и вѣтромъ сломало и молнією опалило, совсѣмъ при землѣ лежала, распустивши во всѣ стороны вѣтви, а все еще цвѣла сильно и яблоки родила. Отъ воротъ узенькая тропиночка вилась къ шаткому крылечку съ навѣсомъ рѣзнымъ. Половину хоромъ пани отдавала въ наемъ какимъ-то панчамъ, и столовала ихъ; изъ этого она и жила кое-какъ. А мужъ ея гдѣ-то далеко на службѣ былъ; мы его никогда и въ глаза не видывали. Да пани не очень-то, чтобъ по немъ убивалась. Паничи ей скучать-грустить не давали: каждый день, каждый вечеръ они съ нею, то въ карты, бывало, играютъ, то пѣсни поютъ. Жилось нашей пани безъ заботъ и безъ большого горя!

II.

Меня нашей пани подарилъ. Я родомъ изъ Глушихи; была я когда-то нванковскихъ пановъ. Жила я у отца, у матери — Господи милый! теперь вспомню, какъ жилось-то

мнѣ тогда! Женился нашъ панъ, и взяли меня для прислуги молодой пани. А эта, теперешняя моя, часто ѣзжала къ нашимъ господамъ, и всегда бывало во время, въ пору, и скажетъ, и посовѣтуетъ, и услужить. Гостить, бывало, у насъ по мѣсяцу, по два, и больше, ухаживаетъ за нашей пани, ублажаетъ ее, улещаетъ. А наша ногъ подъ собою не слышать: «княжеская дочка такъ меня почитаетъ!» Наша пани, говорили, взята была изъ купеческаго дому и всякій почетъ себѣ очень любила. Вотъ разъ и начни ей жаловаться княжна. «Что мнѣ дѣлать? какъ быть? нѣтъ у меня слуги! Не дадите-ли вы мнѣ которую изъ своихъ на времячко, пока я своихъ изъ деревни вытребую.»

— Отчего-жь? Да берите, берите какую себѣ хотите. На вѣки вѣчные пусть она вамъ.... дарю ее.

То она и взяла меня, и увезла съ собою отъ роду, отъ родни. Безъ меня и отецъ и мать померли, безъ меня весь мой родъ перевелся. Осталась я одна, однимъ одна на бѣломъ свѣтѣ.

Жила я у пани лѣтъ пять. Сначала я только одна у нея была, а потомъ, когда набралось много столовниковъ, пани вытребовала своихъ крѣпостныхъ — женщину съ дочерью. До той поры пани ихъ держала гдѣ-то въ глуши, у какой-то своей пріятельницы, — вѣдь у нея не было, кромѣ городского домика, ни усадьбы, ни ступня земли. Долго пани сбиралась, пока велѣла привести ихъ. Думала — думала пани, и наконецъ рѣшилась. Приѣхали онѣ.

Молодицу звали Чайчиха, Горпина, дочку — Настею. Не говорлива была Чайчиха, не привѣтлива; какая-то, словно, туча обвила ее на вѣки. Гнѣвается-ли пани, дарить-ли пани юпку, или платокъ, — Чайчиха все молча приметъ и отойдетъ. Покорная, работающая, кажется, женщина, пока не глянешь на эти сдвинутыя, черныя брови, на эти впаляющія очи, огнемъ горящія. Какъ-то сгрустнулось мнѣ. Вотъ я и плачу себѣ, сидячи на лавкѣ. Извѣстное дѣло, человекъ и въ счастье, да и то иногда грусть охватитъ душу — не то что намъ. Говорятъ: привыкнешь!... Нѣтъ! ужъ какъ утомимься патерпѣвшись, то и покажется тебѣ, что ужъ все

ни по чемъ стало — да вдругъ проснется горе. Иногда одно слово.... А что вы думаете? Иногда битые забудешь въ одинъ часъ, а иногда иное слово горькое проникнетъ тебя до самого сердца, — мѣсяцы, годы будешь помнить....

Тяжело и грустно мнѣ было и сердечное слово хотѣлось съ кѣмъ-нибудь перемолвить. А Чайчиха около печи хозяйничаетъ.

— Горпина! говорю, — вотъ я печалюся, плачу, а вы всегда одинаковы. Такъ вамъ, вѣрно, ужъ Богъ далъ. Вѣдь и вы горе знаете!

Она обратила на меня свои черныя очи, словно спросила какая у меня мысль и отвѣтила.

— Отчего не знать!

— Господи! говорю опять. Какъ я смолоду-то жила у отца, у матери!

— А я, проговорила Горпина, — я вѣкъ извѣковала, все по чужимъ дворамъ слоняючись.

Да и смолкли мы.

— Вы съ малолѣтства сиротою остались, Горпина? опять спрашиваю.

— Нѣтъ, меня взяли изъ семьи маленькою. Отца и мать чуть помню. Да и они не признали бы меня еслибъ послѣ увидали. Да не видали — умерли.

— А мужъ вашъ покойникъ, царство небесное, откуда опъ былъ родомъ?

— Изъ того села, гдѣ я съ панами жила, изъ Горіевки. Дворовый былъ.

— И долженько вы пожили съ нимъ?

— Полгода.

— Господи! и не нажились! Чтожъ это ему за бѣда приключилася?

— Спился и умеръ.

Съ этимъ словомъ вышла изъ хаты. И ужъ никогда я потомъ объ этомъ рѣчи съ нею не заводила.

Ш.

Бывало, подъ вечеръ, отработаемся, пани куда-нибудь въ гости поидеть — сидимъ у воротъ. То съ тѣмъ словомъ перекинешься, то съ другимъ; спросишь; поздравствуешься; а Чайчиха все молча сидитъ. Настя ея съ сосѣдскою дѣвшкою щебечеть. Жила супроти насъ мѣщаночка, сиротка была; Кривошненкова ея звали. Такая славная дѣвочка была! Глаза какіе у нея были ясныя! какія длинныя косы темно-русые! а личко что яблочко. Бывало, какъ ни посмотришь на нее — веселенькая, щебетливая; и голосокъ у ней былъ, вотъ словно ручеекъ быстро бѣгущій. Очень любился и дружили онѣ съ Настею, какъ сестры родныя — все бывало вмѣстѣ. Дѣла-то не много тогда было у Насти: еще она только изъ дѣтства выходила; такъ вотъ онѣ бывало и щебечуть себѣ двѣ щебетушечки. А Горпина все одна, все молчатъ.

— Горпина! говорю ей разъ. Хоть бы вы съ дочкою поговорили — все бы вамъ веселѣе было.

— Какія еще съ нею рѣчи! Она еще глупа. Пускай прежде уму-разуму наберется.

— А по моему, говорю, то я бы и съ малымъ ребенкомъ поговорила. Пусть хоть кто-нибудь да спочуялъ мнѣ. Свой мысли, свои думы повыскажу; поплачу....

— А ребенокъ то вѣдь пятому, десятому поидеть да и расскажетъ что у васъ за горе. На то юность!

— Что-жь? говорю. Добрый человекъ пожалѣетъ.

Ничего не отвѣтила мнѣ Чайчиха.

А дѣвочка у нея была хороша, какъ цвѣточекъ. И такая она была живая, чуткая, пылкая.... Ужь бывало какъ запечалится о чемъ, то ажно захвораетъ; если-жь весела — что это за шутки! что за пѣсни у ней! что за выдумки! Быстрая, легкая, станъ гибкій и стройный, волосъ черный... а ужь очи! Тамъ были такія очи, что безъ словъ говорятъ. Посмотрѣтъ на другихъ — взгрустнется, поплачетъ себѣ втихомолку, а весело — усмѣхнется. Нѣтъ, Настя въ горѣ то

слезы выплачетъ, въ радости смѣхъ высмѣетъ. Что по-
четъ, то всею душою, всѣмъ сердцемъ кипучимъ, щир-
рымъ.... Вотъ и росла она и выростала.

IV.

А Чайчиха что дальше, то все мрачнѣй, — вотъ словно
туча черная. И стала я замѣчать, что она начала куда-то
ходить. Вечеромъ поздно какіе-то люди къ ней приходятъ
и долго она съ ними говоритъ. Я молчу себѣ, не распра-
шиваю у ней. Коли одинъ разъ вижу, — идетъ на дворъ къ
намъ, не то москаль, не то кто его знаетъ, съ краснымъ
воротникомъ, такой изъ себя мордатый, усатый, и спраши-
ваетъ дома ли пани. Вотъ я говорю: дома, а сама глядь! Гор-
пина стоитъ на хатнемъ порогѣ, побѣлѣла какъ платокъ и
провождаетъ глазами того москаля. Я ажъ перепугалася. Къ
ней: «Что съ вами, Горпина?» Она только мнѣ рукою
махнула.

Отдалъ москаль пани какую-то бумагу, а она какъ про-
читала ее, разгнѣвалась, встревожилась. Написала что-то и
дала москалю. Онъ понесъ. Скоро вкатился въ дворъ какой-
то панъ, толстякъ, и стали они вмѣстѣ съ пани шептаться
да руками разводять. Пани паша такъ и сыплеть словами,
и платочкомъ глазки оботреть, и ручками всплеснетъ. Дала
тому пану денегъ. А онъ все слушалъ, поднимая брови
да по креслечку постукивалъ ногтями. Деньги взялъ и спря-
тавши въ карманъ: «не бойтесь, говорить, ничего не бой-
тесь.» Пани его благодарить, до воротъ его провожаетъ и
тамъ благодарить.

Прихожу я въ хату, а Горпина въ уголку сидитъ, я все
и рассказываю да спрашиваю: что это такое дѣется и что
это значитъ?

А она только зубы сцѣпила да простонала: «Знала я!
знала!»

Я ничего не разберу, не понимаю. А тутъ приходятъ
какіе-то два панка изъ суда. Велѣли Горпини передъ собою

стать, а сами сѣли. Одинъ табаку понюхалъ, другой платочкомъ обтерся, да и спрашиваютъ:

«Ты, молодница, вольность отыскиваешь?»

А она: «Я!»

— «Попадешь ты въ бѣду, глупая! Лучше ты своей пани служи да работай.»

Она молчитъ.

— «Слышишь? понимаешь? Смотри-жь, не забывайся, не накликай на себя напасти. Если прослышимъ еще разъ — не хорошо будетъ!»

Да и пошли.

Хочу я ей слово сказать, да гляну на нее — не вымолвлю. Сѣла она и голову на руку склонила. Не плачетъ, не тужитъ — будто обмерла.

И Настя стоптъ, задумалась и въ лицѣ мѣняется.

V.

Боже мой! ужъ какъ пани гнѣбалась на Горпину! недѣли двѣ и на глаза ее къ себѣ не пускала.

А Настя мнѣ какъ-то разъ и говоритъ: «такъ вотъ отчего матуся такая задумчивая да кручинная ходила! вотъ о чемъ печалилась, сокрушалась! Она бывало, какъ я маленькая была, все мнѣ рассказывала про нашихъ отцовъ вольныхъ, да и сама воли захотѣла. Тогда она веселѣй была, говоритъ, а сама задумалась, запечалилась, — не такая какъ теперь. Рассказываетъ бывало мнѣ сказки прядучи, какъ наши отцы жили по Днѣпру вольными козаками; и славныя пѣсни про старину она пѣвала.»

— Да чего-жь это и ты, Настечка, все думаешь.

Да все мнѣ, говоритъ, давняя воля мерещится. Что-то мнѣ неспокойно; все чего-то ожидаю, сама не знаю чего.... и мысли мои мѣшаются, и сонъ меня не беретъ; а засну — все вольныя степи, все козаки съ вольными сестрами, съ вольными дочками снятся....

VI.

А Настѣ уже шестнадцатый годокъ пошелъ. Пани ее вышивать учить, шить. Разумница, быстрая, сметливая, она скоро и выучилась на свою голову. Пани обрадовалась, да стала чужую работу брать. Бывало кому надо, она и уговорится: — «есть у меня тутъ подъ рукою молодца, что хорошо шьетъ,» да и даетъ Настѣ спать. И хорошія деньги она брала, и много работы ей давали. Сиди Настя да шей. А она такая молодая, такая-то еще юная; у ней сердце еще отъ каждаго слова трепещеть; у ней еще роятся думки дѣвичьи, веселія; ей бы молодой еще пороскошевать, тихими вечерами, ясными зарями по зеленымъ садикамъ побѣгать, любыхъ рѣчей при мѣсяцѣ стоячи послушать.... Ну что-жь дѣлать! Другая, поплакала-бъ да и смирилась. Настя не такая зародилась. Сколько она слезъ вылила, Господи Боже мой! Истаяла какъ воскъ. Потемнѣли ясныя веселія очи и стала она мрачная, какъ и мать ея старая.

VII.

Какъ-то пошла пани въ гости и никого изъ столовниковъ дома не было. Мы съ Чайчихою, отработавшись въ хатѣ, пошли къ Настѣ. А Настя шла въ паниной комнатѣ. Вошли мы, а дѣвушка закрывшись руками рыдаетъ — рыдаетъ! ажъ задыхается.

— Что съ тобою, Настя? спрашиваю.

А Чайчиха только глянула на дочку, ничего не сказала и сѣла.

— Что съ тобою?

Настя мнѣ въ окно показываетъ, на улицу киваетъ.

— Что тамъ, голубка?

— Тамъ люди! вскрикнула. Живутъ, ходятъ, на Божій свѣтъ смотрятъ, а я вотъ тутъ, надъ чужою работою попадаю!

— О, пташка! (я уговаривать) развѣ у нихъ нѣту горя, у тѣхъ людей-то?

— Да что горе! я горя не боюсь! мнѣ хуже, мнѣ горьче: я не знаю ни горя, ни радостей; я какъ камень тутъ каменью!

Гляну я на Горпину, а она сидитъ слушаетъ, словно эта пѣсня ей давно знакома, — и головою не поведетъ.

Вздохнула Настя тяжело, отерла горячія слезы, да и говоритъ: — Сядьте по ближе, мамо! Побайте, теточка, разговорите меня!

Что ей тутъ сказать? что ей говорить?

Ты, Настя, не печалься, не плачь.... А она не глядячи, не слушаючи, какъ кинется къ матери, какъ схватитъ ее за руки: — Мама! мама! скажите мнѣ словечко, скажите! Моя душа изныла, изболѣла.... мое сердце сохнетъ....

А что я тебѣ скажу, дочка?—проговорила Чайчиха мрачно. Спасенія нѣту!

А тутъ кто-то шамъ-шамъ.

— Пани, говорю, пани! А она въ двери.

VIII.

— Вотъ, вскрикнула пани, какое сборище! Лишь бы я шагъ со двора ступила, то и не спрашивай работы! Береть у Настя рубашку, смотреть. Да ты кажется и не шла совѣмъ, а?

— У меня голова болить, отвѣчаетъ Настя похмуро.

— А воронъ ловить-то у тебя и голова здорова, не болить тогда? Негодница! въ мать пошла. Сама на порогъ стала-стоитъ, не даетъ и намъ съ Чайчихою пройти.

— Я ее кормлю, я ее одѣваю, обуваю, я ее на свѣтъ держу, кричить, а она, негодная, она на меня работать не хочетъ!

— Можеть на себя работаю? говоритъ Настя, — да такъ-то ужъ горько тѣ слова промолвила. — Можеть себѣ что заработала?

— Ты мнѣ смѣешь такъ отвѣчать! я еще тебя не учила! — Да и бросилась на нее.

— Бейте, бейте! крикнула Настя: да и за это повелите спасибо сказать!

— Молчи жъ! молчи! не то на весь вѣкъ будетъ тебѣ бѣды!

— Пусть будетъ!

Смотрю — пани въ гнѣвѣ, вся разгорѣлась; гляжу на дѣвушку — блѣдна, грозна — само отчаянье горькое. Гляжу на Чайчиху — словно туча мрачная.

Да на счастье тутъ столовники надошли. Пани выпихнула Настю за дверь.

— Вотъ, житье мое! — жалуется — какая негодная, да я та мнѣ грубить! А за что? За то что не школена по хозяйски, не бита, какъ у другихъ. О мой батюшка! (оглядывается на малѣванаго князя, а у самой глаза такіе самыя стали какъ у него и морщина такая жъ межъ бровями легла), думалъ ли ты, гадалъ ли, что твоя дочь-княжна сама будетъ съ такими тварями возиться, мучиться!

А столовники ей:

— Да полно вамъ беспокоиться! Стоитъ ли она того, чтобъ вы такъ себя тревожили? Будемъ-ка ужинать!

Житье наше, житье! Смолоду работаешь, трудяшься кому-то на прихоти, а самъ въ убожествѣ, въ униженіи, и такъ старость нахватится. По чемъ васъ, молодые лѣта, поминать?....

IX.

И тихо у насъ въ хатѣ: ни рѣчей, ни разговору. Слышко изъ комнатъ, какъ тамъ смѣются, разговариваютъ, шутятъ

Отд. I.

4

громко... пани бывало на картахъ гадаеть, столовникамъ долю ихъ угадываетъ, или такъ-что рассказываетъ, иногда поеть, и все она поеть про какого-то *друга милаго*, отчего другъ не любитъ, за что забываетъ, въ гостяхъ не бываетъ — объ своемъ это она пани вспоминала что-ли... А у насъ тихо. Въ печкѣ огонь пылаеть ярко. Я въ уголку сижу; Настя въ другомъ — сумрачна. Чайчиха около печки словно мара быстро суется, свое дѣло дѣлаеть. Вбѣжитъ бывало иногда сосѣдская дѣвушка къ Настѣ:

— Настуся! иди къ намъ! поговоримъ... Чого такая печальная? Если ужъ тебя пани не пускаеть, то не стоитъ этимъ сокрушаться, а вотъ какъ выберется вольный часокъ, ты и погуляй себѣ, наверни что потеряно.

— Не навернуть, сестрица, не навернуть! скажетъ Настя горько такъ, ажъ и та веселая щебетунья головку опуститъ, вздохнетъ и смолкнетъ.

А тамъ ужъ и такъ пошло: какъ вечеръ, то и нѣтъ Нести. И такъ было не одинъ, не два раза. Однимъ вечеромъ мы и спать лягли, ее нѣтъ. Днемъ мы ее не видали, работала при пани, а вечеромъ опять псчезла. Не лягла Чайчиха, сидитъ, дожидаетъ дочку. И я себѣ не сплю: грусть-тоска мнѣ такая, Матерь Божія Заступница! И вотъ идетъ она ужъ ночью; уже звѣзды передъ нею меркнутъ. Идетъ она, а мать встрѣчаетъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ была, дочка? (А у самой голосоъ что струна разбитая).

— Не спрашивай меня, матушка, не спрашивай! отвѣтила ей Настя.

И зазвенѣли слова ея по хатѣ какъ плачь... И почала Чайчиха:

— Что это ты дѣлаешь, дочка? Что это ты себѣ задумала? Не на мою ли голову безталанную?

А дочка лягла, лежитъ нѣмая, словно убитая.

— Гдѣ ты была? гдѣ ты была, дочка?...

Ни просьбы, ни грозьбы не слышитъ — нѣма.

X.

На другой день въ вечеру Чайчиха у воротъ поджидаетъ. Выбѣгаетъ дочка — она ее за руку: «куда идешь? воротись!»

Воротила, привела въ хату, и цѣлехонькій вечеръ просидѣла Настя въ уголку, скрестивши руки, глядячи въ землю, слова не промолвивши.

И ужъ такъ завелось: чуть мать не усмотрѣла — дочка убѣжить. Какъ ее ни просили, какъ ни молили — ничего не сказала. Мы и слѣдомъ за ней слѣдили, такъ идетъ она, оглядывается, озирается, а завидитъ что ее догоняютъ — побѣжить, какъ на крыльяхъ полетитъ; не настигнетъ и молодой, не то что старуха — мать или я. Куда намъ за ней поспѣть! А ни словъ не слышитъ, ни слезъ не видитъ, ни на что не смотритъ. Какъ же печально, уныло было у насъ въ хатѣ! какъ же тихо-глухо! По недѣлямъ, бывало, словечка не перемолвимъ добраго межъ собою. Я бывало и хочу заговорить съ матерью или съ дочерью — не рѣшусь, развѣ только взгляну на нихъ. Однимъ вечеромъ сидимъ мы съ Чайчихою въ хатѣ. Пани ужъ спать лягла; все тихо. Настя нѣту. Долгонько сидѣли мы. Только и слышно какъ вѣтеръ въ садикѣ траву колышетъ да соловей свищетъ-щебечетъ. Какъ вдругъ настигъ хохотъ послышался. Мы такъ и вздрогнули.

Я испугалась... А Настя распахнула двери съ стукомъ, стала на порогѣ и смѣется. Въ хатѣ чуть-чуть ночникъ свѣтился. Стоитъ она такая раскраснѣвшаяся; глаза горять; стоитъ и смѣется. Мать стала противъ нея, глядитъ. И вотъ начала Настя... да такъ весело, что мою душу тоска сдавила:

— Матушка моя родная! вѣрно вы меня дожидали? Вотъ дочка пришла... Чого глядите, мама? Нешто меня не узнали? Это я... мнѣ весело... Да ступила шагъ и запаталась.

— Боже мой! Боже мой! да она пьяная! — Шатаючись подошла къ столу и сѣла.

— Ну, моя матушка, родная, нашла я ужъ себѣ человѣка, что меня освободить... Истинно вамъ говорю, что освободить. Будемъ вольныя, станемъ жить да на себя работать, будемъ за него Богу молиться. Хоть онъ теперь и унижаетъ и обижаетъ меня, и отъ людей не хоронится, да пускай... Я его, матушка, благодарю; я ему, матушка, низко кланяюсь въ ноги... Пусть мою дѣвичью славу ногами топчетъ... То все пустое! все ничего! Онъ бумагу мнѣ напишетъ... Пани не имѣетъ на насъ никакихъ правъ. У ней земли нѣту, говорилъ. А мы, матушка, мы вѣдь козачьяго роду — какъ же намъ застрять въ неволѣ навѣкъ? Онъ насъ выручить и ее на волю вывести! (на меня показываетъ). Весело мнѣ, ужъ какъ весело, матушка моя родная! А закручинюся — онъ денегъ мнѣ даетъ... я горѣлки куплю... и ясныя звѣзды у меня въ головѣ заиграютъ-засвѣтятъ...

Итакъ она говоритъ и смѣется. А Чайчиха только слушаетъ, не сводячи съ дочки сумрачныхъ глазъ. Заснула Настя, на столъ склонившись. И почникъ погасъ... Темная ихъ ночь покрыла.

XI.

И съ той поры каждый вечеръ она и пѣяна; а урветъ днемъ часокъ, то и днемъ папется. Узнала пани, очень смѣивалась; стыдила и мать-старуху:

— Ты мать, не остановишь, не закажешь!

Замыкали Настю, она таки убѣжить; дверью ли, окномъ ли, а убѣжить. Бранить пани, бьетъ, а она бывало:

— Пускай, пускай! Напьюся — все забуду, весело будетъ!

Чего ужъ пани не дѣлала! Бывало когда еще Настя тверезая, то она нарочно ее передъ столовниками стыдить:

— Вотъ дѣвка! вотъ золото! вотъ негодница!

А Настя будто и не слышитъ. Смѣются они и она еще себѣ всмѣхнется.

Уморила пани ужъ и сердиться.

— Хоть днемъ работай же мнѣ хорошенько, негодная! А то пропадай себѣ!

Замыкаетъ бывало на день, стережетъ ее, чтобъ работала; а вечеромъ только пустила — она и пропала до поздней ночи.

XII.

Родилось у Насти дитя... такое-то крошечное, сухенькое, слабенькое! Какъ увидала его Настя: «дитя мое, лихо мое!» застонала и закрывшись руками зарыдала. А давно ужъ она не плакала...

Я боюсь — что Чайчиха; думаю, на дочь и не смотритъ, то и дитя не привѣтитъ, да подношу его къ ней тихонько: — Богъ, говорю ей, Богъ намъ дитятко далъ, Горпина!

Она взяла дитя на руки, да и глядитъ на него пристально, и печально и понуро; глядитъ, глядитъ, пока ажъ слезы у ней покатались.

— Горе! сказала, — горе, все горе!

Я и себѣ говорю: горе! плачучи. Вотъ какъ мы нарожденнаго приняли — привѣтили кручиною да плачемъ!

И росло жъ она трудно да болѣзненно; все хвораетъ, да хвораетъ, да квилитъ. А Настя стала еще больше, еще горьче пить. Какъ пьяна, то бывало еще заговорить и со мною, и дитя приголубить, поняньчить: «Дитятко мое! Отчего твой тато никогда не провѣдаетъ тебя? Напрасно и дожидать его: не прійдетъ! что ему? Онъ и не спроситъ ни когда... А ты, меня, ангелочекъ, не кляни!» такія-то бывало слова говорить, а сама дитятѣ усмѣхается и ладушки бьетъ. Тяжело бывало смотрѣть: дитя ужъ словно не живое, а она съ нимъ играетъ. Когда жъ тверезая, то никогда и близко къ дитятѣ не подойдетъ, не глянетъ, бѣжитъ прочь. И не кормила ее. Мы ужъ безталаннаго молочкомъ поили.

Одинъ разъ попробовали, не пустили Настю дпя два что ли со двора, — Господи! билась она, кричала, словно ее горячимъ желѣзомъ жгли. «Ой пустите меня, пустите, или съ

меня голову снимите! Умилосердитесь! За что и про что меня мучите? Я пьяница вѣчная... помилуйте меня, пустите! Напьюся — я свое лихо усыплю... А у тверезой лихо рядомъ со мной сидитъ, лихо мнѣ въ глаза глядитъ!»

А пани все не велитъ пускаться, да все столовникамъ жалуются: «что это за люди, пьяницы какія! Вѣрно ужъ у нихъ природа иная, чѣмъ у насъ... Посмотрите, какая вѣдь молоденькая, а ужъ напивается. Негодница! эхе! А дитя свое со всѣмъ забросила; погибаетъ дитя.»

А они ей на это: «Ужасно! у этихъ людей ни стыда, ни совѣсти, ни души вѣрно у нихъ нѣту!»

Да такъ и судятъ себѣ, смачненько ужинаючи, или просто такъ забавляючись.

ХІІІ.

А дитя тихо дошло. Однимъ утромъ прихожу я, хотѣла поныничить, накормить, вхожу — въ хатѣ темно, — собрались тучи тогда; вдалекѣ громъ гремѣлъ; вѣтеръ залѣгъ гдѣ-то — тишь...

Вхожу, смотрю, а дитячко ужъ глазками водить. Я къ нему бросилась, перекрестила. Вздохнуло оно разочекъ и душечка его отлетѣла... Ни Чайчихи, ни Настя не было дома. Я дитяточко обмыла, нарядила, столъ застлала и на столѣ положила. Сбѣгала — свѣчечку купила, затеплила въ головкахъ... Ручечки ему сложила...

Пришла Горпина, перекрестила, поцаловала холодную внучечку и долго надъ нею стояла, долго... пришла и Настя, веселая и пьяная: «Что это такое? — говорить. Дочка моя умерла?... Дочка, дочка милая! Рученьки мои холодненькія! личечко мое привялое! (Сама беретъ ея ручечки, цалуетъ, въ головку цалуетъ.) «Какая безгласная, нѣмая! прежде, то квилла тихонько; теперь нѣма?... Такъ вотъ это ты умерла? Хорошо, дочечка, хорошо!... Ей Богу хорошо!»

А сама слезами обсыпается, будто и горюетъ и радуется она чему-то.

Вдругъ вскочила посипѣшно: «Горѣлки надо, горѣлки! Люди будутъ: хоронить мою дочку придутъ... Да придутъ ли?... Что жъ? все таки надо горѣлки... побѣгу!...»

И побѣжала, и до ночи не ворочалась.

А мы тутъ разгоревали гробикъ, прибрали, зельечкомъ устлали.

Ночью Настя воротилась. Опять дитя за ручки брала, опять въ головку цаловала. Около гробика и свалилась и заснула, и все: «хорошо, хорошо, ей Богу хорошо!» все эти слова твердила.

А утромъ проснулась, увидала гробикъ, вздрогнула, побѣхла: «умерла!» промолвила, словно она того и не знала, забыла... Къ дитятѣ; я ее отвожу: «Настя! Настя!»

«Пустьте!—крикнула—пускай посмотрю! Я еще до сихъ поръ ее не видала, до самой ея смерти.»

Глядѣла — глядѣла, какъ-то утихала все, будто смирялась... и вышла изъ хаты.

Мы и скоронили дитя — ее не было; послѣ ужъ пришла — пришла въ этотъ вечеръ тверезая и бѣлая — бѣлая, истомленная такая; пришла, ничего у насъ не спросила... Послѣ этого опять еще горче завила.

XIV.

Не день и не два вѣдь житье-то такое длилось... матишка, два года! Какъ вдругъ Настя съ разу бросила пить, ни куда и шагу съ двора не ступить; а сама въ такой тревогѣ! въ лицѣ мѣняется, вздрагиваетъ, трепещетъ — вотъ словно она себѣ смерти или воли ждетъ. Спрашиваю — молчитъ. И такъ три дня прошло. На третій день въ вечеру промолвила слово: «обмануль!» «Настя, голубушка! — говорю ей, «что съ тобою такое? Скажи жъ мнѣ, моя безталанная!»

— Что я сдѣлаю? что придумаю?.. Я пойду къ нему, пойду... Или я его съ бѣлаго свѣту сгоню, или сама пропаду. Онъ меня увѣрилъ, что въ понедѣльникъ волю пришлетъ... Пойду, пойду, хоть задушю его... Можетъ, полег-

часть... Вырвалась у меня изъ рукъ, да и побѣжала. Я за нею; сама старухъ кричу: «бѣда, горе будетъ»!

А Чайчиха только головою кивнула, слова ниго она и не ждала.

Бѣгу я да кричу: «Настя! Настя! подожди меня! Я съ тобою хочу идти... Я тебѣ во всемъ помогу!..» Не слушаетъ, бѣжить. Надо было мнѣ домой воротиться. Нѣту Насти до ночи; нѣту ночью; не пришла и днемъ. Посылала насъ пани ее искать. Искали мы — не нашли.

Коли такъ — на другой уже день, въ обѣдную пору идетъ она и два москаля ее провожаютъ.

Бросилась я къ нимъ: «Голуби вы мои сизые! Что вы съ нею хотите дѣлать?»

— Вотъ баба одурѣла! Вѣрно и всѣ вы дурацкаго роду! говоритъ мнѣ сухопаренькій рыженькій москаликъ, размазавъ бумагою.

— Тутъ ей вольная воля, тутъ бы выбрыковать, а она и остальной толкъ и разумъ потеряла!»

Какая воля? спрашиваю.

— А вже-жъ! вольная будетъ — вотъ какая! Уже порѣшили въ судѣ. Какой за нее паничъ хорошій старался!

А другой москаль: — «Эге! небось за старую никто-бъ не постарался — пропадай старая!»

И шутятъ такъ-то межъ собою.

А Настя бѣлая, какъ платокъ, ни печальна, ни весела — вотъ словно каменная.

Выбѣжала Чайчиха, говорю ей, не вѣрить и слушать не хотеть. А пани перепугалась; то за тѣмъ знакомымъ шлетъ, то за другимъ; плачетъ, совѣту просить, жалуется. А мы ждемъ-дождемъ: смерть или воля горемычнымъ намъ будетъ. Мутилося у насъ этакъ цѣлую недѣлю; совсѣмъ ужъ рѣшили, что мы вольные, а пани все еще не хотѣла насъ пустить; да ужъ надо было отпустить.

Вотъ какъ собрали насъ въ послѣдній разъ, да объявили намъ что мы вольные, бумагу намъ въ руки дали, вышли мы за ворота панскія — какъ зарыдаетъ тогда Чайчиха!.. Рыдаетъ, рыдаетъ такъ, Господи, да только причитаетъ: «ой свѣтъ, ты, мой милый, свѣтъ ты мой прекрасный!»

Соплился сосѣди, толпятся на улицѣ, обступили насъ, поздравляютъ, сами съ нами плачутъ, а насъ уговариваютъ. А Чайчиха имъ на то: «Сестрицы! братики! родина! (такъ-то ужъ величаетъ ихъ!) не заказывайте, не уговаривайте — пускай поплачу! Я двадцать лѣтъ не плакала!»

И такъ она выговорила эти слова, что всѣ опять горячими слезами залились.

Какъ я на нее тогда глянула, тогда я только увидѣла, что за добрыя у нея очи, что за ласковая улыбка — словно это не та Чайчиха молчаливая, мрачная, суровая... Да взглянула она на свою дочку, омрачилась, закручинилась опять тяжело. А Настя стоитъ, на всѣхъ, на все смотритъ да шепчетъ: «я ужъ сегодня выпила... шумитъ у меня въ головѣ...» А потомъ: «Люди добрые! — простонала — вольная ли я, или я только пьяная?»....

XV.

Давняя Настина подруга, Кривошеинкова, приняла насъ къ себѣ въ хату. Собралось еще сосѣдочекъ добрыхъ туда къ намъ, да и совѣтуемся, совѣщаемся. Только Настя, какъ сѣла въ уголкѣ, какъ опустила голову — словно замерла.

— Настя! — кличемъ, — иди-ка въ совѣтъ, посоветуемся!

— Голова болитъ! отвѣтила. На другой день еще хуже она захворала; ужъ съ этого дня и не встала. Таяла она, какъ свѣчечка. Никого не узнаетъ; страшно глядитъ, и все за голову себя хватаетъ. «Горитъ, горитъ!» говорить.

На пятый день, она поднялась на постелѣ, платка ищетъ, вскакиваетъ, будто куда хочетъ побѣжать.

— Настя, куда это?

— Горѣлки хочу!.. Пойду, пойду!..

Мать заплакала, просить: «Дочка моя, опомнись!»

— Пустите меня, пустите!

— Куда жъ тебя пустить? Ты на ногахъ не устоишь... ляжь!

— То убейте меня, убейте! закричала ломаячи руки.

Положили ее опять на постель. Начала она метаться; начала стонать, кричать.

— Я вольная, вольная... ну, хорошо! И вольная, и пьяница и ледащо.... Куда-жь мнѣ голову преклонить? гдѣ? Добрый хозяинъ выгонитъ: «пьяница, ледащо, надо ее съ своего двора выгнать! скажетъ—и выгонитъ, и хорошо сдѣлаеть... ей-Богу хорошо сдѣлаеть.» Къ ночи ужъ совсѣмъ она изъ силъ выбилась, только тихо стонала да просилась: «Не гоните меня, не гоните — пусть я хоть крошечку отдохну! Матинька, я вѣдь ваше дитя — не гоните!»

Все ей представлялось, что ее гонятъ. И дитя свое вспоминала. «Схороните, схороните мое дитя, шепчетъ, оно ужъ давно умерло!»

Такъ, въ полночь, приподнялась на постели...

— Зима лютая—вымолвила—куда вы меня гоните?

И упала.

Это ее послѣднее слово было.

МАРКО ВОВЧОКЪ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Изъ Виктора Гюго.

L'enfant chantait....

Ребенокъ пѣлъ... а мать въ предсмертныхъ мукахъ
Металася на ложѣ день деньской,
И слышались въ печально-рѣзкихъ звукахъ
Ребячья пѣснь и хриплый стонъ больной.

Пять только лѣтъ тебѣ, невинный крошка,
Какъ птичка ты весенняя точь-въ-точь,
Весь день поешь, играя у окошка,
А близъ тебя мать кашляетъ всю ночь.

И вотъ она сошла въ могилу скоро....
Дитя же все по-прежнему поеть....
Страданье плодъ, — но плодъ такой, который
Господь вѣтвямъ окрѣпнувшимъ даетъ.

С. Д.

II.

* * *

Оттого-ли, что когда-то
Я любилъ тебя всѣхъ больше,
Мнѣ твое вниманье свято
И его вліянье дольше —

Или, можетъ-быть, въ пустынѣ
Моего существованья
Я успѣлъ сблечь донинѣ
Тоже сердце и желанья....

Самъ не знаю я, но только
При тебѣ, мой ангелъ милый,
Свѣжихъ чувствъ и мыслей столько,
Что ихъ выразить нѣтъ силы.

С. Д.

Одесса, 24 июля 1859.

ПОЛГОДА ВЪ АЛТАѢ.

I.

Томскую губернію можно раздѣлить на три полосы. Сѣверная, мѣстами болотистая, покрытая березовыми дубровами, на крайнемъ сѣверѣ превращается въ Барабу. Средняя состоитъ изъ бугристыхъ песковъ, на которыхъ растутъ сосновые лѣса; внутри этой полосы много озеръ, соленыхъ, горькихъ и прѣсныхъ, въ которыхъ водятся одни караси; на ровныхъ безлѣсныхъ степяхъ этой полосы въ большихъ разжѣрахъ сѣютъ *дорогую* или сложную пшеницу. Наконецъ южная часть Томской губерніи занята Алтайскими горами.

Средняя полоса особенно характеристически отличается отъ всѣхъ частей западной Сибири. Предѣлы ея точно определяются со всѣхъ сторонъ линіей, означающей опушку сосновыхъ боровъ, которыми она наполнена. На западѣ линія эта начинается у устья рѣчки Шульбы, впадающей въ Иртышъ, выше города Семипалатинска, и тянется вдоль Иртыша на сѣверъ, постепенно удаляясь отъ этой рѣки; около Коряковской станицы эта линія отстоитъ уже отъ Иртыша на 70 верстъ и поворачиваетъ на востокъ, пересѣкаетъ дорогу изъ Каинска въ Барнауль въ деревнѣ Качки и достигаетъ рѣки Оби у города Колывани; на югѣ отъ устья Шульбы опушка сосновыхъ боровъ идетъ на Барнауль, а съ востока боры ограничиваются рѣкой Обью. Почва этой полосы состоитъ или изъ песчаныхъ дювъ, или изъ супесчаныхъ

степей; пески имѣютъ свою собственную флору; на нихъ растутъ сосны; земледѣлія на нихъ ни какого не можетъ быть, супесчанныя степи, разбросанныя внутри этихъ песковъ въ видѣ оазисовъ, покрыты ковылью или кипцомъ и даютъ богатый урожай различныхъ родовъ дорогой пшеницы: калмынки, китайки, теремковой и проч.; по прѣснымъ озерамъ водятся гуси и разныя утки; по горькимъ красныя, какъ огонь, турпаны и атайки; въ сосновыхъ лѣсахъ живутъ рябчики и тетери, а на степяхъ между лѣсами драхвы.

На сѣверѣ эта полоса переходитъ въ черноземную и сырую Барабу; эта переходная часть носить одинаковый характеръ съ сѣвѣрною частью Киргизской степи. Небольшія рѣчки, находящіяся на ней, текутъ омутами, т. е. представляютъ цѣпочки глубокихъ озеръ, соединенныхъ узкими и мелкими ручьями. Воды собираются во внутренней бассейнъ, образуемый озеромъ Чаны. Почва, какъ и на всей Барабѣ, состоитъ изъ череполосныхъ площадей солончаковъ или чернозема.

Югъ Томской губерніи поднять Алтаемъ. Сѣвернѣйшіе холмы его идутъ отъ устья Убы къ Змѣино-горскому руднику, оттуда на деревню Моралиху — на рѣкѣ Чарышѣ, и на станцію Антоньевскую на рѣкѣ Андѣ. Линія этихъ передовыхъ холмовъ представляетъ дугу, выдавшуюся на сѣверъ; самая сѣверная точка ея находится между Змѣино-горскимъ рудникомъ и Колыванской шлифовальной фабрикой. Здѣсь Алтай отдѣляетъ отъ себя узкую меридіанную цѣпь, называемую *Глядльномъ* или *Саушканскимъ хребтомъ*, потому что у сѣвернаго мыса ея лежитъ деревня Саушка. Геологическое строеніе этого хребта вѣроятно такое же, какъ у всѣхъ меридіанныхъ хребтовъ Азіи. Этотъ сѣверный мысъ Алтая не служитъ однакожъ водораздѣломъ обской и пртышской водныхъ системъ; рѣка Алей, впадающая слѣва въ Обь, беретъ пачало западнѣе Глядльна.

Глинистый сланецъ, изъ котораго состоитъ сѣверный скатъ Алтая, придаетъ ему плоскій характеръ; Алтай не возвышается надъ равниной крутой стѣной, какъ гранитные хребты Джунгаріи, а исподволь склоняется къ песчаной полосѣ Томской губерніи.

Въ южной части Киргизской степи хребты поднимаются такъ круто, что отъ подошвы можно видѣть снѣжныя вершины его; потому величина горнаго теченія здѣшнихъ рѣкъ не значительна, около 20 или 30 верстъ; въ Алтаѣ напротивъ рѣки текутъ въ горахъ по нѣскольکو сотъ верстъ. Рѣка Чарышъ беретъ начало на высотѣ 5950 футовъ и протекаетъ отъ своего истока до послѣднихъ холмовъ Алтая, т. е. до деревни Моралихи, 300 верстъ. Крутыхъ свѣсовъ мало, и тѣ незначительны; къ такимъ принадлежатъ Тигерецкіе бѣлки, между рѣками Иней и Бѣлой, Коровій хребетъ, между Ульбой и Бухтармой, и Нарымскій, между Нарымомъ и Курчумомъ. Отъ такого устройства Алтая на возвышенныхъ мѣстахъ образуются нерѣдко маленькія плато, покрытыя альпійскими злаками, на которыхъ воспитывается превосходный калмыцкій скотъ и особенная не высокая, но сильная порода *калмыцкихъ* лошадей. Тутъ кочуютъ калмыки, одинокія юрты которыхъ соотвѣтствуютъ альпійскимъ хижинамъ. Рельефъ сѣвернаго ската Алтая представляетъ половину весьма тупаго конуса, вершину котораго составляетъ гора Бѣлуха; южный скатъ Алтая неизвѣстенъ; Риттеръ предполагаетъ, что Алтай вовсе не имѣетъ свѣса на югъ и продолжается плоскогорьемъ; потому онъ относитъ его къ тому роду хребтовъ, который онъ называетъ *гласисами плоскогорій*. Нужно также замѣтить, что скатъ Алтая на сѣверъ не по всей длинѣ падаетъ подъ однимъ угломъ; на нѣкоторой высотѣ онъ дѣлается круче; въ долинѣ Чарыша этотъ изломъ дѣлается при устьѣ р. Кана; выше этой рѣчки находятся плато, ниже крутые спуски и подъемы. Оттого на вершинѣ Алтая рѣки текутъ безъ скалъ, не въ глубокихъ долинахъ, какъ на равнинѣ, а въ нижнемъ ярусѣ они врѣзываются въ гребень, образуемый изломомъ покатости. По той же причинѣ, и дороги не только для верховой ѣзды, но и для ѣзды въ экипажахъ удобнѣе въ верхнемъ ярусѣ, чѣмъ въ нижнемъ, гдѣ рѣки текутъ въ глубокихъ долинахъ и переѣздъ изъ долины въ долину весьма затруднителенъ.

Отъ дуги, образуемой крайними холмами Алтая до южной границы песчаныхъ холмовъ тянется не широкая полоса обнаженной отъ высокаго лѣса степи; она имѣетъ паденіе зна-

чительнѣе, чѣмъ остальная равнина Томской губерніи; эта полоса составляетъ первую ступень или базу Алтая.

Сѣверный скатъ Алтая покрытъ хвойнымъ лѣсомъ. Если подниматься отъ подошвы его къ высотамъ, то можно видѣть тотъ же порядокъ въ распредѣленіи лѣсныхъ породъ, какъ удаляясь отъ Алтая къ сѣверной границѣ Томской губерніи. Первые холмы Алтая около Моралихи, Змѣино-горскаго рудника и города Усть-Каменогорска обнажены отъ лѣсовъ, и покрыты ковылью; выше встрѣчаются сосновые лѣса, которымъ исключительно присвоивается названіе бора. Въ долиніѣ Чарыша область сосны начинается Кольванскимъ боромъ и кончается Мохнатой сопкой, лежащей при устьѣ рѣчки Тулаты. Выше начинается область лиственницы; сосна продолжаетъ расти только въ низкихъ долинахъ рѣчекъ; горы покрыты исключительнo лиственницами, отличающимися своимъ рѣдкимъ насажденіемъ. Выше лиственницы появляется береза, осина и пихта въ смѣшеніи всѣхъ трехъ породъ; еще выше кедръ и ель. Смѣсь этихъ породъ березы, осины, пихты, кедра и ели называется въ Алтай *черню*. Нижніе предѣлы черни опредѣляются линіей, проходящей чрезъ горы Избыши, Разсыпную, Монастыри, Шпили, Плѣшивую, Левъ-гору, Луковую гору и Глядѣнь.

Названіе свое чернь получила отъ своего зимняго вида, сохраняющаго темный цвѣтъ. Отдѣльныя насажденія лиственницы не называются черню, потому что эта порода теряетъ зимою хвою; для отдѣльныхъ насажденій сосны существуетъ другое названіе — *боръ*.

Чернь и листвяжники покрываютъ въ Алтай только сѣверные скаты возвышеній, такъ что передъ тѣмъ, кто ѣдетъ изъ Усть-Каменогорска въ Бійскъ, съ запада на востокъ, горы на правой рукѣ покрыты или курчавымъ березовымъ лѣсомъ, или обрѣшетившимся отъ сосѣдства человѣческихъ жилищъ листвяжникомъ; горы же съ лѣвой руки покрыты одними травами; изъ-за вершинъ ихъ выглядываютъ верхушки лѣса, одѣвающаго ихъ сѣверный скатъ. — На вѣкторой же высотѣ оба ската одинаково одѣваются лѣсомъ. Причины этаго явленія не изслѣдованы; вѣроятно оно происходитъ отъ такихъ метеорологическихъ условій, которыя

существуютъ только до извѣстной высоты; по мнѣнію Гельмерсена, это происходитъ отъ южнаго сосѣдства степей средней Азіи. На южныхъ скатахъ Алтая растутъ изъ древесныхъ породъ только верескъ да иногда сосна.

Направленіе верхняго предѣла черни на Алтаѣ трудно обозначить урочищами, потому-что среди области, покрытой лѣсами, иногда возвышаются такіе отдѣльныя сопки, которыя переходятъ за предѣлъ лѣсной растительности; такія возвышенности называются въ Алтаѣ *бѣлками*. Нѣкоторые придаютъ этому названію значеніе снѣжныхъ горъ; но въ Алтаѣ, между Бійскомъ и Усть-Каменогорскомъ, это опредѣленіе не будетъ точно. Я видѣлъ много горъ, которымъ было присвоено названіе бѣлковъ, хотя онѣ далеко не достигали снѣжной линіи; въ долинѣ Чарыша бѣлокъ Плѣшивая-гора, Абисскій бѣлокъ и Куминскій бѣлокъ едва поднимаются изъ лѣсной области. Поэтому бѣлками здѣсь называются всѣ тѣ горы, высота которыхъ простирается за предѣлъ произрастанія деревъ; такое названіе онѣ получили оттого, что зимой вершины ихъ, покрытыя снѣгомъ, отличаются бѣлизной отъ черныхъ, хвойныхъ скатовъ. Притомъ, на эти вершины снѣгъ падаетъ раньше, и потому онѣ бѣлѣются уже тогда, когда въ долинахъ еще цвѣтутъ послѣдніе цвѣты.

Я былъ въ алтайской черни съ нѣсколькими жителями станицы Тулаты, ѣздившими въ августѣ за кедровыми орѣхами. Мы выѣхали какъ можно раньше; одѣты были въ платье изъ замши дикихъ козловъ, потому что всякое другое раздирается объ сухія вѣтви деревьевъ, на шеѣ у нѣкоторыхъ висѣли бойки, т. е. палки изъ стволовъ рябины, которымъ обколачиваютъ шишки съ кедровыхъ лѣсинъ; кромѣ того съ нами были переметныя сумы и мѣшки. Въ трехъ или въ четырехъ верстахъ отъ станицы Тулаты, мы перевалили черезъ невысокую гору, и передъ нами открылся обширный видъ на небольшую живописную долину, которая однакожъ не имѣетъ названія. — Горизонтальное дно этой долины было покрыто темной зеленью *лузика*, состоящей изъ длинныхъ, какъ у злаковъ, листьевъ; внутри этой зелени скрывались сидѣвшіе на короткихъ ножкахъ цвѣты этого растенія, извѣстные въ другихъ мѣстахъ Сибири подъ названіемъ *кукушкиныхъ слезъ*. До-

лина эта имѣеть до двѣнадцати верстъ длины, и не болѣе двухъ или трехъ верстъ ширины. На восточномъ концѣ ея находится деревня Березовка; съ юга она ограничивается длинной горой, покрытой хвойнымъ лѣсомъ; гора эта называется Шпили, потому-что гребень ея мѣстами состоитъ изъ нагихъ скалъ, высовывающихся изъ лѣсовъ въ видѣ башенъ; на неприступной высотѣ ихъ одинъ вороны вьютъ гнѣзда. Длина Шпилей-около двадцати верстъ. На западѣ она соединяется съ Плѣшиной горой, вершина которой совершенно свободна отъ лѣсовъ и покрыта щепками разрушившихся горныхъ породъ, еще западнѣе видна была темная большая скала Тулатинскаго хребта, изъ котораго беретъ начало рѣчка Тулата. Наконецъ позади всего этого былъ видѣнъ бѣлый треугольникъ — это Тигерекскій бѣлокъ съ вѣчнымъ снѣгомъ. Видъ этой безыменной, замкнутой со всѣхъ сторонъ, долины производитъ сильное впечатлѣнiе даже и на простолюдиновъ, которымъ особенно нравится развалистое положенiе горъ, обширность панорамы. «Вотъ бы гдѣ быть нашей-то станицѣ, замѣтили мои спутники; говорятъ, наши старикки просились поселиться на этомъ веселомъ мѣстѣ, да начальство не позволило.»

Мы пересѣкли долину поперегъ и вступили въ ущелье между Шпилями и Плѣшиной горой; рѣчка Тулата осталась въ правой рукѣ. Рѣчка эта беретъ начало изъ хребта своего имени, недалеко отъ *Плѣшиной горы* и впадаетъ въ Чарышъ при *Мохнатой сопкѣ*. Последняя такъ называется по тому, что скалистая острая верхушка ея усажена соснами. Недалеко отъ истока, Тулата скрывается подъ землей, падая въ широкое отверстiе при подошвѣ небольшой горы; версты три ниже, съ противоположной стороны, въ той же горѣ находится обширный гротъ, по дну котораго Тулата вытекаетъ изъ-подъ горы во всей цѣлости. Кромѣ этого, окрестности этой рѣчки замѣчательны еще двумя пещерами; одна находится при подошвѣ Шпилей; входъ въ нее состоитъ изъ узкаго колодезя; любопытные прыгиваютъ съ краевъ прямо въ отверстiе и на одну сажень глубины встрѣчаютъ ногою дно пещеры, которая продолжается въ горизонтальномъ направленiи внутрь горы; другая пещера находится въ

подошвѣ Мохнатой сопки. Есть еще третья пещера при деревнѣ Чагырской; послѣдней приписываются чудесныя свойства.

Дальше въ гору ущелье становилось уже, лѣсъ гуще и трава выше; множество попадалось намъ черемухи, обремененной урожаемъ ягодъ; особенно бросались въ глаза кусты рябины большими красными букетами своихъ ягодъ. Травянистая растительность принадлежала по большей части къ такимъ породамъ, которыя далеко превышаютъ ростъ лошади; когда мы стали подниматься косогоромъ на гору, зигзагами, между пихтъ, безъ тропинки, по неизмятой травѣ, мы видѣли другъ у друга только головы и плечи; я сталъ бояться за каждый новый шагъ лошади, потому что почва, на которую она становила свою ногу, скрывалась въ зіяющей тѣни стеблей и листьевъ. Изъ зеленой массы большихъ и разнообразно-разрѣзанныхъ листьевъ возвышались вертикальныя цвѣтоносы-прикрыты, равняясь головками своими съ нашими головами. Такимъ образомъ мы исподволь вступили въ чернь; въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились мы, она состояла мѣстами изъ стволовъ лиственницъ съ примѣсю кедровъ, мѣстами изъ кедровъ и пихтъ, съ небольшою примѣсю лиственницъ. Постель, на которой возвышался этотъ лѣсъ, покрыта мхами и колодами уроненныхъ вѣтромъ лѣсницъ, лежавшихъ одна на другой и также покрытыхъ мхами; изъ-за мховъ не было видно настоящей почвы. Мѣстами изъ мха высовывались камни, что впрочемъ, бываетъ очень рѣдко; гораздо чаще между мхами скрываются длинныя мочаги, развѣтвляющіяся, вновь соединяющіяся и составляющія такимъ образомъ сѣтъ мочаговъ, изъ которой трудно бываетъ найти выходъ. Между высокими хвойными деревьями растутъ только два кустарника, составляющіе подлѣсокъ: рябина и красная смородина, на которыхъ красныя ягоды остаются въ продолженіе всей зимы. Въ болѣе сухихъ мѣстахъ на почвѣ стелются стебли черники, высовывая изъ подъ моха только кончики вѣтвей съ черными ягодками. Лѣсъ такъ густъ, что дальше пяти сажень нѣтъ перспективы. Особенный видъ придаютъ ему послѣдствія вѣтровъ, которые въ Алтаѣ особенно сильны. На одномъ изъ острововъ Чарыша росъ молодой бе-

резовой и осиновый лѣсъ, были старыя лѣсины, но большею частью это былъ свѣжій, неподгнившій лѣсъ, въ четверть въ отрубѣ; ударившая буря повалила его вдругъ на разстояніи четырехъ верстъ, ни одного ствола не осталось цѣлаго, нѣкоторые были вывернуты изъ земли съ корнемъ, у другихъ сломлена вершинка. Въ черни однакожь вѣтры не бываютъ такъ опустошительны, потому-что встрѣчаютъ на всѣхъ точкахъ одинаковое сопротивленіе, но и здѣсь дѣйствія ихъ такъ значительны, что картина черни состоитъ изъ хаотическаго безпорядка, какъ будто вѣзжаешь въ нее послѣ только-что кончившагося урагана; между нижнихъ частей стволовъ, обнаженныхъ отъ хвои, видна общая картина валежника; высокіе стволы, отломленные отъ корня, лежатъ своими вершинами на вѣтвяхъ сосѣднихъ деревъ въ разнообразныхъ направленіяхъ, такъ что валежникъ имѣетъ видъ разнообразно-скрестившихся линий. Нѣкоторыя лѣсины лежатъ на почвѣ, до половины уже вросшія въ почву и покрытыя сверху мхомъ; отъ другихъ остались только отрывки гнилья, свидѣтельствующіе о направленіи, въ которомъ лежала лѣсина; иногда паденіе одного дерева роняетъ нѣсколько другихъ и представляетъ темную кучу, похожую на убѣжище чудовища. Эти ограниченныя рамы картины, представляющіяся человѣческому зрѣнію, наводятъ тоску тѣмъ болѣе, что зелени нигдѣ не видно: подъ ногами кругомъ коричневый мохъ да изрѣдка какіе-то маленькіе злаки, выше — сухія вѣтви деревьевъ, обвѣшенные блѣдно-зеленымъ мхомъ, какъ сѣдинами; изъ-за лѣса невидно контуровъ горъ и ущелій и мнѣ очень хотѣлось добраться поскорѣе до лысой вершины горы, откуда можно было бы взглянуть на весь пройденный путь сверху; но уже было поздно и мы должны были, чтобъ достаточно вознаградить свою поѣзду, приняться за сборъ орѣховъ.

Лошадей привязали къ деревьямъ; приготовили мѣшки и распредѣлили людей, однихъ лѣзть на кедръ съ бойкомъ, или топоромъ, въ рукахъ, другихъ собирать на полу слетѣвшія сверху шишки. Я пробовалъ самъ подниматься на кедръ, но съ половины слѣзъ, потому что лѣсина уже стала качаться подо мной; но алтайскіе жители проворно поднимаются до самой вершины, всегда обильной шишками, не смотря на ея

размахи. Они, какъ бѣлки, лазаютъ по деревьямъ, и если нужно перейти на сосѣднюю лѣсину, то чтобъ не спускаться снова на землю, они раскачиваютъ вѣтвь, на которой стоятъ, прыгаютъ прямо на другой кедръ и схватываются руками за его вѣтви. Искусство лазить здѣсь такъ развито, что во время масляницы молодые люди иногда взбираются на длинный шестъ, воткнутый въ землю, и, не смотря на то, что жидкая вершина его дѣлаетъ размахъ въ двѣ сажени, они достигаютъ до конца.

Я расположился внизу для ловли шишекъ, которыя, какъ дождь, посыпались съ разныхъ лѣсинъ, отскакивая отъ вѣтвей и дѣлая рикошеты въ разныя стороны; трудно было услѣвать за ними глазами, не только руками. Мы скоро набили однѣ сумы и мѣшокъ. Точно опредѣлить, сколько одинъ кедръ даетъ шишекъ было трудно, потому что не всѣ еще дозрѣли и нѣкоторыя были очень сѣристы. Шишки кедровыя расположены на самыхъ концахъ вѣтвей, по три вмѣстѣ, по четыре, пяти, и даже по семи. Во время сбора насъ иногда отвлекали дикіе обитатели черни, которые безпрестанно давали намъ знать о своемъ присутствіи. Особенно громко кричала роньжа; птица эта исключительно питается кедровыми орѣхами, и, кажется, считаетъ кедровые лѣса своей собственностью, потому-что при появленіи человѣка въ кедровникѣ слетается во множествѣ на ближайшія лѣсины и поднимаетъ крикъ. Въ одномъ мѣстѣ насъ удивилъ стукъ дроворуба; пробираясь украдкой подъ вѣтвями, я дошелъ до мѣста, гдѣ слышѣе раздавался стукъ, и между вѣтвей замѣтилъ маленькую смѣшную фигуру сальника, съ натугомъ трудившагося надъ добываніемъ древеснаго червяка. Въ другой разъ наше вниманіе было привлечено шорохомъ бѣлки, которая сидѣла на гнилой колодѣ и щелкала кедровые орѣхи; она бѣжала отъ насъ; блюдо ея осталось на столѣ: это была шишка, съ краю исклеванная роньжей и потомъ уже доставшаяся бѣлкѣ; на колодѣ валялись оббитыя чешуи и расколотыя скорлупы орѣховъ. — Мои спутники, не интересовавшіеся домашней жизнью бѣлки, кинулись за ней въ погоню; она оттаивалась иногда на лѣсинѣ, и когда мы снова приближались къ ней на опасное разстояніе, — прыгала дальше,

и привела насъ такимъ образомъ къ скалисту обрыву, поросшему лѣсомъ; обрывъ былъ обращенъ къ югу; подбѣжавъ къ нему, мы вдругъ очутились вѣ лѣса, который будто вдругъ упалъ къ нашимъ ногамъ; надъ его верхушками тихо кружилась большая птица; мы увидѣли горы съ ихъ ущельями, гребнями и лѣсомъ, покрывающимъ ихъ бока; бѣлка спрыгнула въ зеленую площадь верхушекъ лѣса, которая стлалась подъ нашими ногами и скрылась въ ней. Такъ какъ кедры на обрывѣ, отъ южнаго его положенія, скорѣе созрѣли, то мы быстро дополнили тутъ свои мѣшки и отправились домой. — Когда мы въ сумерки уже спустились въ долину, мы очутились въ обществѣ множества каравановъ, то ѣхавшихъ впереди, то выѣзжавшихъ сзади изъ разныхъ ущелий, съ пѣснями и орѣхами; то перегоняя ихъ, то сами обгоняемые ими, мы незамѣтно доѣхали до станицы, забывъ усталость своихъ членовъ.

Сборъ кедровыхъ орѣховъ для алтайскихъ жителей тоже, что сборъ винограда для жителей южной Европы. Еще съ осени начинаются предсказанія на будущее лѣто о урожаѣ орѣховъ, потому что осенью, когда бьютъ орѣхи, на кедрахъ уже есть маленькія шишки, которыя должны поспѣть въ будущую осень; эти молодыя шишки называются *озимью*. Кромѣ того хорошая озимь ржи также служитъ примѣтою для здѣшнихъ жителей хорошаго сбора орѣховъ. Но урожай эти бываютъ очень рѣдки; до урожая 1856 г. девять лѣтъ не было вовсе сбора кедровыхъ орѣховъ, и никто не ѣздилъ въ кедровникъ. Съ нетерпѣніемъ алтайцы ждутъ августа мѣсяца; сначала какой-нибудь охотникъ за козулями, возвращаясь изъ черни, привезетъ до десятка шишекъ, которыя въ мгновеніе разойдутся по его роднымъ и знакомымъ, а молва, что шишки поспѣли, по всей деревнѣ *); въ ближайшее воскресенье въ деревнѣ остается одно женское населеніе; къ вечеру мужчины возвращаются изъ черни съ полными мѣшками, и шишки распространяются

*) Наружнымъ признакомъ спѣлости орѣховъ служитъ отсутствіе сѣры на поверхности шишекъ; въ 1856 году первые спѣлые орѣхи въ станицу Чарышскую были привезены 28 іюля.

по всей деревнѣ; на всѣхъ завалинахъ щелкають орѣхи; мальчишки, отправляясь въ поле на игры, запасаются шишками; улицы покрыты скорлупой и чешуей шишекъ, какъ красной скорлупой яицъ въ Пасху. Такъ дѣлается конечно въ деревняхъ, ближайшихъ къ черни; но скоро вѣсть, что въ ближнихъ уже ѣздили за орѣхами, распространяется и по отдаленнымъ деревнямъ, и тогда крестьяне спѣшатъ въ Алтай за нѣскольکو сотъ верстъ. Они проводятъ въ черни цѣлыя недѣли и вывозятъ орѣхи караванами. Кедровники оживляются; повсюду слышенъ людской говоръ, шумъ, стукъ срубаемыхъ вѣтвей и даже цѣлыхъ кедровъ; смѣхъ, шалости, пѣсни, потому что такъ много собирается кедровниковъ, что станъ отъ стана располагается недалеко, и партіи, во время сбора, часто встрѣчаются между собою. Словомъ, эти недѣли — самый поэтическій сезонъ алтайскаго крестьянина. Кедры бываютъ, смотря по почвѣ, или каряговатые и низкіе, или высокіе и прямые; первые удобнѣе для того, чтобъ на нихъ подняться, потому что сучья начинаются съ самаго низу; но на кандовые кедры нельзя подняться безъ лѣстницы; потому промышленникъ, выбравъ рясную лѣсину, срубаетъ по близости молодую ель или пихту, и ставитъ ее къ стволу кедра такъ, чтобъ верхушка елны доставала до нижнихъ сучьевъ; по ней онъ лезетъ вверхъ съ бойкомъ, висящимъ на шеѣ; на деревья, нижнія сучья которыхъ не слишкомъ далеко отстоятъ отъ земли, взбираются посредствомъ крючка, который состоитъ изъ ствола лѣсины, корень котораго загибается крюкомъ; длина этого орудія 3—4 аршина. Промышленникъ зацѣпляетъ крюкомъ нижнія вѣтви и, обхвативъ дерево ногами, поднимается на него. Добравшись до первыхъ плодоносныхъ вѣтвей, промышленникъ усаживается на сучьяхъ и околачиваетъ съ вѣтвей шишки, которыя валятся на землю не осыпаясь, потому что орѣхи застрены въ своихъ гнѣздахъ. Въ то время, какъ онъ работаетъ сверху, снизу его совершенно не видно въ густотѣ хвои, и только сыплющаяся шишки обнаруживаютъ его присутствие; лазить по высокимъ кедрамъ однакожъ тяжело, и запасные охотники теряютъ здоровье на этомъ промыслѣ; платье также портится, потому что покрывается сѣрой.

Крестьяне ближайших деревень увозят шишки в деревню в тот же вечер и готовят их дома для продажи; крестьяне же отдаленных деревень дѣлают это в лѣсу. Шишки, собранныя изъ-подъ деревьевъ, складываются въ кучу, въ которой онѣ прѣютъ; благовонный паръ отъ нихъ распространяется по лѣсу; на запахъ часто приходитъ по ночамъ медвѣдь, но такъ какъ видитъ самихъ хозяевъ, спящихъ возлѣ, то всю ночь проводитъ около приманки, расхаживая кругомъ и страдая желаніемъ полакомиться; на утро оказывается даже тропинка изъ его слѣдовъ кругомъ стана. Иногда дѣлаютъ срубъ и орѣхи оставляютъ въ черни до зимы; тогда случается, что хозяевамъ достанутся одни остатки отъ медвѣдя, наткнувшагося на орѣхи. Медвѣди также любятъ кедровые орѣхи, какъ малину, и сами лазятъ по кедрѣ; одинъ промышленникъ зашедшій далеко отъ своихъ товарищей, возвращаясь, замѣтилъ что съ одного кедра валятся вѣтви съ шишками, въ руку толщиной; онъ подивился сначала, кто бы могъ отламывать такія толстыя вѣтви; онъ остановился передъ кедромъ и закричалъ: «эй! это ты кумъ?» вмѣсто отвѣта между вѣтвями показалась темная масса звѣря и стала спускаться внизъ; промышленникъ бѣжалъ прочь, но и медвѣдь, испуганный этой неожиданностью, съ половины дерева бухнулся прямо на землю и уплеся въ лѣсъ.

Послѣ выпарки, когда орѣхи ослабнутъ въ своихъ гнѣздахъ, ихъ вылущиваютъ посредствомъ *катка* и *терки*. Первый совершенно такой же, какой употребляется для катанья бѣлья; теркой называется доска 1 аршинъ длины и 2 четверти ширины, съ такими же, какъ и на каткѣ, рубцами, нарѣзанными на верхней плоскости. Шишки кладутся на терку тѣми концами, которыми сидѣли на ножкѣ, а спѣлыя какъ-нибудь, по нѣсколько за-разъ; потомъ бьютъ по нимъ каткомъ и растираютъ по теркѣ. Для отдѣленія орѣховъ отъ чешуи дѣлаются почевки или полукруглыя лукошки; почевку наполняютъ орѣхами, берутъ ее въ руки прямымъ бокомъ отъ себя, а круглымъ къ себѣ, и трясутъ такъ, что орѣхи скатываются къ широкому боку, а чешуя остается выше; орѣхи сгребаютъ и откидываютъ въ пологъ; послѣ

того ихъ еще сѣютъ, какъ хлѣбъ, и сушатъ для продажи на воздухѣ, а для себя въ корчагахъ въ печи.

Нѣкоторые крестьяне набиваютъ орѣховъ до 100 пудовъ; въ 1856 году кедровые орѣхи продавались въ Змѣиногорскѣ по 2 р. 50 к. асс. пудъ, а въ Барнаулѣ, въ 280 верстахъ отъ Змѣиногорска, по 4 руб. асс. пудъ. Иногда въ Змѣевъ возятъ орѣхи въ шишкахъ, и, на первый разъ, продаютъ по 1 к. сер. шишку. Такимъ образомъ за возъ шишекъ, въ который помѣстится до 5000, можно выручить 50 руб. сер. Такіе барыши заставляютъ крестьянъ покидать полевые работы и занимать битьемъ орѣховъ; жители деревни Березовки, лежащей при подошвѣ Шпилей, остаются иногда безъ хлѣба изъ-за орѣховъ, потому-что упускаютъ время уборки; но они не бываютъ отъ того въ убыткѣ, потому-что возъ пшеничной муки, т. е. 20 пудовъ, по 1 р. асс. пудъ, будетъ стоить 20 р. асс., а возъ кедровыхъ орѣховъ 30 руб. Они соединяются въ компаніи, и посылаютъ отъ себя одного члена въ чернь бить орѣхи, который и живетъ тамъ не выѣзжая цѣлый мѣсяцъ и, время-отъ-времени, отправляя въ деревню транспорты орѣховъ, сопровождаемые остальными членами.

Интересно было бы опредѣлить все то пространство Алтая, на которомъ попадается кедръ; но такъ какъ я не объѣзжалъ Алтая во всѣхъ направленіяхъ, то и не могъ собрать полныхъ данныхъ о его распространеніи. Границы его на сѣверѣ: гора Разсыпчатая, Монастыри, Плѣшивая гора, Тулатинскій хребетъ, Левъ-гора; далѣе на западѣ кедровые лѣса удаляются внутрь Алтая, параллельно правому берегу Убы, и есть ли онъ на лѣвомъ ея берегу, я не слышалъ. Изъ Ридерскаго рудника, лежащаго на западъ отъ Убы, ѣздятъ за кедровыми орѣхами въ вершины Убы; въ окрестностяхъ Усть-Каменогорска и Бухтарминской станицы нѣтъ кедровыхъ лѣсовъ; но въ вершинахъ Бухтармы кедры составляютъ, также какъ и въ вершинахъ другихъ алтайскихъ рѣкъ, существенную часть черни. На востокѣ кедровые лѣса простираются безпрерывно по горамъ Алтая и Кузнечнаго Алатау.

По рѣкѣ Чумышу, около Кузнецка, за орѣхами ѣздить вдоль рѣки, и бьютъ орѣхи или съ прибрежныхъ, отлпчающихся *карешоватостью*, у которыхъ сучья начинаются съ полу, а развикоѣ, отдѣляющій толстую вѣтвь, не выше полуторы сажени; или пробираются къ кедрамъ, стоящимъ внутри кочковатыхъ болотистыхъ *согръ*, по узкимъ сухимъ полосамъ, которыя называются *рѣлками* и служатъ единственными путями внутрь *согръ*, способными для проѣзда верхомъ на лошади; на рѣлкахъ кедръ по большей части голенастые *); чумышскіе кедръ достигаютъ трехъ обхватовъ толщины; далѣе на востокъ кедръ кажется толще, чѣмъ на западѣ; въ Томской тайгѣ недавно сгорѣлъ кедръ, имѣвшій до восьми обхватовъ толщины и носившій прозвание «Двѣнадцать братьевъ», потому что развѣтвлялся вверху на двѣнадцать частей.

Такъ называемые алтайскіе орѣхи, привозимые въ Бійскъ и Кузнецкъ, покупаемые у кумандинцовъ и сплавляемые внизъ по Оби и Томи, гораздо вкуснѣе и крупнѣе тѣхъ орѣховъ, которые собираются въ Алтаѣ между Бійскомъ и Усть-Каменогорскомъ.

Кедръ сибирскій есть родъ сосны; вѣтви его, какъ у всѣхъ хвойныхъ, образуютъ нѣсколько пунктовъ общаго выхода изъ ствола; точно также симметрически расположена на немъ хвоя, и, наконецъ, тотъ же законъ участвуетъ въ расположеніи шишекъ на концахъ верхнихъ вѣтвей; сидятъ онѣ по нѣскольку на самомъ концѣ, чаще по 3, но иногда по 6 и 7, и непременно всѣ прикрѣплены къ вѣтви въ одной плоскости. Кедръ растутъ здѣсь или въ смѣшеніи съ другими породами, или составляютъ отдѣльные лѣса, которые есть и въ Чарышской долинѣ; я не былъ въ чистыхъ кедровникахъ, но по тѣмъ кедровникамъ, которые я видѣлъ на Пльшивой горѣ, можно заключить, что они не представляютъ особенно величественной картины; судя по ихъ сучковатости, кедровники составляютъ обыкновенную сибирскую

*) Голенастые кедръ, по рассказамъ орѣхопромышленниковъ, даютъ только пудовку шишекъ; береговые же до пяти мѣшковъ, т. е. не много менѣе пяти пудовокъ.

трущобу, а отдѣльныя фигуры кедровъ, видѣнные мною на Плѣшиной горѣ, были одни изъ неуклюжихъ хвойныхъ деревьевъ.

Лѣсъ имѣеть большое значеніе въ фizioноміи страны. Видъ лиственныхъ породъ пріятнѣе хвойныхъ, по разнообразію и легкости фигуръ; контуры березы показываютъ, что при жидкомъ свойствѣ молодыхъ вѣтвей, тяжесть листового бремени оказывала продолжительное вліяніе на направление ихъ; вся фигура березы представляетъ подвижныя прозрачно-зеленыя массы, легко и свободно размѣщенныя по стволу. Напротивъ, сосна прикрѣплена къ землѣ крѣпкимъ стволомъ, который спокойно стоитъ во время вѣтровъ, качающихся березы, и только густыя массы темной хвои едва замѣтно передвигаются; эта твердая постановка стержня отстранила вліяніе равновѣсія на воспитаніе дерева, и вѣтви распростерлись внѣ видимыхъ условій; случается видѣть, что сосна погнулась въ одну сторону, а тяжѣйшія массы хвои группируются на противоположной сторонѣ. Но между хвойными сосна считается самымъ красивымъ деревомъ; въ ней нѣтъ однообразія елей, дѣлающаго всѣ ихъ похожими одну на другую, и въ тоже время нѣтъ того разнообразія, которое доходитъ до уродливости въ лиственницѣ. Послѣднее дерево отличается въ Сибири полнымъ отсутствіемъ граціи; въ срединѣ дерева возвышается стволъ, прямой, какъ свѣча, ни мало не подчиняясь прихотливому распредѣленію вѣтвей. Это распредѣленіе бываетъ иногда довольно странно; то дерево имѣеть снизу длинныя вѣтви, составляющія своими контурами законченную фигуру дерева; а другая половина дерева, едва облеченная короткими вѣточками, возвышается надъ этой фигурой въ видѣ тонкой колонны; другія лиственницы представляютъ эту же фигуру въ превратномъ видѣ, т. е. вѣтвистая часть украшаетъ вершину дерева, а нижняя половина остается обнаженною; наконецъ встрѣчаются такіе уроды, которые имѣють длинныя и густохвойныя вѣтви съ одной только стороны, тогда какъ другая сторона совершенно нагая. Вѣтви лиственницы покрыты очень нѣжной хвоей, легкость которой усиливаетъ независимость распредѣленія вѣт-

вей отъ центра тяжести дерева. Пихта и ель, двѣ остальные хвойныя породы Алтая, хотя придаютъ ландшафту мрачный характеръ, но пирамидальная фигура дерева, происходящая отъ симметрически опустившихся вѣтвей, дѣлаетъ ихъ очень оригинальными, и породы эти для сѣверныхъ пустынь такія же характеристическія растенія, какъ пальма для южныхъ степей.

Породы, которыя, составляя отдѣльныя лѣса, растутъ рѣдникомъ, въ смѣшеніи съ другими породами терпятъ и тѣсноту. Такъ напримѣръ береза, которая въ березовыхъ рощахъ не отличается особенной тѣснотой, въ черни растетъ въ мрачной глухотѣ между пихтами. Онѣ иногда такъ тѣсно сближаются, что невольно предполагаешь физическую дружбу между ними; корни березы иногда перепутываются съ корнями пихты, что обнаруживается, когда ихъ выворотить вѣтромъ изъ земли; стволы ихъ стоятъ на разстояніи только двухъ четвертей, и тогда листовенный сферондъ березы бываетъ проткнутъ черной иглой пихты, силуэтъ которой виднѣется чрезъ скважины березовой жилы, какъ жила въ сквозящемъ тѣлѣ насѣкомаго. Лиственница, растущая рѣдникомъ въ нижнихъ горизонталяхъ Алтая, также терпитъ глухоту въ границахъ черни. Отъ глухоты на пихтѣ и лиственницѣ растетъ печеночный мохъ, одѣвающий сухія вѣтви ихъ вмѣсто хвои. У всякаго дерева сѣверная сторона нѣсколько поросла мхомъ; отъ этого южная сторона у березы бѣлѣе, а у лиственницы краснѣе.

Ель растетъ болѣе во внутренности Алтая, и притомъ вовсе не встрѣчается на западъ отъ долины Чарыша, тогда какъ на востокъ отъ этой рѣки составляетъ исключительные лѣса.

Сами алтайскіе жители очень мало истребляютъ лѣсу; они обрубили его сильно только въ первый годъ своего населенія, но съ того времени порубка лѣса идетъ медленно; значительная часть дровъ собирается по горамъ, въ видѣ валежника и обгорѣлаго лѣса, слѣдовательно и порубкой на дрова онъ мало уничтожается; степному жителю, страдающему недостаткомъ лѣса и захавшему въ алтайскую чернь, становится завидно, что столько бурелому гніетъ на мѣстѣ не

вырезаннымъ; здѣсь почти всякая лѣсна доживаетъ свой вѣкъ, или, по-крайней-мѣрѣ, умираетъ на корнѣ. Притомъ здѣсь, не такъ какъ на сухой почвѣ Киргизской степи и южной Европы, гдѣ лѣсъ не растетъ уже тамъ, гдѣ его вырубилъ, но вездѣ возобновляется. Въ полосѣ лиственничныхъ рѣдниковъ я встрѣчалъ скаты горъ, покрытые молоденькими лиственницами; тамъ, гдѣ береза мѣшается съ пихтой, молодыя пихты густыми кучами выходятъ изъ земли; въ глухой черни менѣе молодой поросли, но это потому, что молодое дерево встрѣчаетъ тотчасъ по выходѣ изъ земли соперничество старыхъ деревьевъ, густо растущихъ, терпитъ недостатокъ и въ сокахъ, и въ свѣтѣ, и умираетъ прежде, чѣмъ достигнетъ до крыши лѣса.

На сибиряковъ взводятъ двѣ клеветы: произвольное истребленіе лѣсовъ пожарами и порубкой кедровыхъ деревьевъ, для сбора орѣховъ. Я этимъ не оспариваю извѣстій, сообщаемыхъ сибирскими путешественниками и другими писателями, потому-что извѣстія ихъ можетъ быть справедливы въ отношеніи къ другимъ мѣстностямъ Сибири, но читатели не различаютъ этого и часто слова объ одной части Сибири распространяютъ на всю страну, отчего происходитъ иногда большая путаница *). Я не слыхалъ случая, чтобы въ западной Сибири кто-нибудь зажегъ лѣсъ, съ намѣреніемъ полюбаваться пожаромъ; всѣ только признаютъ удовольствіе въ томъ, чтобы смотрѣть на горящій лѣсъ, зажженный молніей или другой причиною; да иногда звѣропромышленники, подявившись на снѣжные хребты, чтобы отогрѣться, вмѣсто разкладыванья большаго костра, зажгутъ одинокую пихту, что въ той горизонталѣ имѣетъ совершенно равное экономическое значеніе. Несправедливо бы было также сказать объ алтайскихъ кедровщикахъ, что они срубаютъ цѣлыя

*) Авторъ «Статистическаго Обзорѣнія Сибири» въ одной части своего сочиненія написалъ, что тигръ называется въ Сибири *бабромъ*; во всей Западной Сибири не знаютъ этого слова, тогда какъ тигръ въ нее чаще заходитъ, чѣмъ въ Восточную, а на югѣ киргизской степи водится постоянно. Свѣдѣніе это авторъ заимствовалъ изъ «Поѣздки въ Якутскъ» Щукина, гдѣ говорится, что тигръ въ самомъ дѣлѣ называется бабромъ на крайнемъ востокѣ Сибири.

деревья, чтобъ не лазить на нихъ; это дѣлають въ алтайской черни, только не мѣстные крестьяне, а тѣ, которые пришли за 150 и болѣе верстъ и которые спѣшатъ поскорѣе набрать орѣховъ и возвратиться домой. Притомъ, по большей части рубятъ шишконосныя вѣтви, а не самый стволъ; такое обращеніе возбуждаетъ неудовольствіе и у алтайскихъ крестьянъ, хотя въ не большой мѣрѣ, потому что чернь алтайская ни кому не принадлежитъ, и они не смотрятъ на нее, какъ на свою собственность.

Русскіе крестьяне, населяющіе деревни при подошвѣ Алтая, вывозятъ лѣсъ по большей части гужомъ. Даже деревни, лежащія внѣ горъ по Чарышу, вывозятъ лѣсъ не по этой рѣкѣ, а по дорогѣ, идущей между станицами Слюденкой и Сосновкой. Такихъ дорогъ, изъ равнины въ чернь, въ Алтаѣ нѣсколько, но я не успѣлъ собрать объ нихъ свѣдѣній. Деревни, лежащія въ горахъ по Чарышу, по необходимости сплавляютъ лѣсъ по своей рѣкѣ. Но сплавъ этотъ затруднителенъ, потому что Чарышъ, если и не слишкомъ порожистъ, какъ и другія алтайскія рѣки, то имѣетъ скалистые берега, которые свѣшиваются *быками* въ самую воду. Чтобъ дать ясное понятіе о быкахъ, необходимо распространиться о теченіи горныхъ рѣкъ. Такая большая рѣка, какъ Чарышъ, имѣетъ *лугъ* въ одну версту шириною. Это узкая плоская полоса земли; плоскость луга параллельна поверхности воды въ рѣкѣ; дно луга состоитъ изъ плотнаго камня, на который нанесенъ рѣкою толстый пластъ голешника, т. е. округленныхъ водою обломковъ каменныхъ породъ; сверхъ голешника лежитъ слой чернозема, покрытый луговою растительностью и составляющій поверхность луга; ложе рѣки врѣзывается въ пластъ голешника; лугъ обставленъ съ боковъ скалами и пласты его какъ будто лежатъ на днѣ длиннаго ящика или корыта. Корыто это не прямо, а искривлено, и потому рѣка, подчиняясь его изгибамъ, течетъ колѣнами; размывая берега въ изгибахъ, она теряетъ направленіе корыта и приближается наконецъ къ одной изъ его каменныхъ стѣнъ; чѣмъ уголь, подъ которымъ она пришибается къ скалѣ прямѣе, тѣмъ сильнѣе она бьетъ въ скалу, и подъ тѣмъ же угломъ отражается. Плоть, увлекаемый

главной струею, набѣгаетъ на камень, и разбивается. Скаль, къ которымъ пришибается Чарышъ, множество, и наибольшая глубина и главная струя всегда находится подъ ними, но не всѣ онѣ называются быками, потому-что безъ большаго труда можно бываетъ держаться вдали отъ нихъ на веслахъ; быки же имѣютъ такой прибой, что многіе опытные люди не успѣваютъ выгрестись изъ главной струи и погибаютъ. Замѣчательные быки по Чарышу: *полковниковъ быкъ*, *зипунниковъ*, *козлятинъ* и *коровій хребетъ*. Кромѣ того есть на немъ еще другія опасныя мѣста: *дурной порогъ*, *зазубра* и *ворота*. *Зазуброй* называется навѣсвившаяся надъ водой скала, подъ которой слишкомъ глубокое мѣсто и водоворотъ; плоты увлекало прежде подъ этотъ навѣсъ, но нынѣ прибой къ *зазубрѣ* нѣтъ, потому-что Чарышъ нѣсколько измѣнилъ свое ложе; *воротами* называется узкій и опасный проходъ между береговымъ камнемъ, и камнемъ, стоящимъ по срединѣ Чарыша и, во время разлива, покрываемымъ водою.

Постройка крестьянскихъ избъ есть главное употребленіе, на которое идетъ здѣшній лѣсъ. Породы, употребляемая для этого, такъ различны, что разграниченіе областей въ этомъ отношеніи можетъ составить предметъ интереснаго изслѣдованія, подъ названіемъ *географіи матеріала крестьянскихъ избъ*. На всемъ сѣверномъ скатѣ Алтая они строятся изъ сосны, пзрѣдка изъ пихты; въ ущельяхъ, ведущихъ изъ города Усть-Каменогорска въ долину Бухтармы, всѣ дома шихтовые; въ Бухтарминской станицѣ между сосновыми встрѣчается много тополевыхъ домовъ; въ трехъ станицахъ, расположенныхъ по рѣчкѣ Нарыму, впадающему справа въ Иртышъ, дома лиственничные. Но по Чарышу лиственничныхъ избъ не строятъ, потому что стѣны ихъ потѣютъ зимой. Березовыхъ избъ въ Алтаѣ также нѣтъ, потому что дерево это здѣсь хрупко и имѣетъ загнившую сердцевину въ комлѣ. Только березы, которыя растутъ на гривахъ, не имѣютъ этого недостатка; по мнѣнію здѣшнихъ жителей это происходитъ отъ того, что на гривахъ лежитъ мало снѣгу, и потому земля глубже промерзаетъ, что сохраняетъ корни отъ поврежденій; въ низьяхъ же лежатъ глубокіе снѣга, почва

промерзаетъ только на четверть аршина, а ниже остается всю зиму талою и корни, находящіяся зимой въ органическомъ бездѣйстви, загнивають *). Для постройки избъ выбираются *кандовыя* лѣсны, т. е. прямыя, внутри совершенно сухія, и сырыя только на палецъ снаружи, легкія и звонкія; кандовая лѣсина въ Алтаѣ всегда имѣетъ засохшую верхнюю; мяндачь, т. е. лѣсина сѣристая, суковатая и тяжелая не употребляется для построекъ.

Кедръ, кромѣ сбора орѣховъ, не приноситъ ни какіхъ другихъ выгодъ дѣшнему крестьянину; изрѣдка дѣлаются изъ его дерева лодки. Дерево лиственницы идетъ на стойки, нижніе вѣнцы у домовъ, и на мосты, потому что это дерево отличается негниючестью; бочки лиственничныя считаются здѣсь самыми лучшими, потому что выдерживаютъ больше мочи, чѣмъ всякія другія; одигъ дубовыя превосходятъ ихъ. Цѣна сосновой бочки въ Алтаѣ 3 р. асс., лиственничной 1 р. 50 к. сер., дубовой 6 руб. сер. Бадьи подъ медь дѣлаются также лиственничныя, потому-что, по замѣчанію пчеловодовъ, такія бадьи не отнимаютъ у меда вкуса и аромата. Колодки, или улья, пчеловоды стали дѣлать изъ лиственницы недавно, когда замѣтили, что дикія пчелы предпочитаютъ дупла лиственничныя другимъ. Калмыки дѣлаютъ изъ лиственницы, какъ полозья такъ и вязья. Они не гнутъ полозья, а щутъ такую лѣсину, у которой сукъ загибался бы подъ надлежащимъ угломъ къ стволу и обтесываютъ изъ этой лѣсны полозья.

Одинъ изъ важныхъ продуктовъ, доставляемыхъ лиственницею, есть ея сѣра, которая расходуется отсюда по западной Сибири. Не всякая лиственница даетъ сѣру; но на тѣхъ, которыя безъ сѣры, накапливается снаружи толстыми шпшкми *камедь*, или лиственничный клей. По замѣчанію дѣшнихъ жителей, камедь даютъ лиственницы, опаленныя весепнимъ левымъ пожаромъ. Камедь просто отколачиваютъ отъ дерева, безъ особенныхъ трудовъ; она бываетъ такъ клейка, что

*) Березовые дома сплошь составляютъ жилища у обитателей барабинской равнины; въ Омскѣ большая часть домовъ изъ кедровъ, приплавляемыхъ по Оми изъ лѣсовъ, окружающихъ ея вершины.

положенная между зубовъ, склеиваетъ ихъ и не позволяетъ разжать ротъ скоро, не испортивъ зуба. Она прозрачна и имѣетъ розовый цвѣтъ. Для сѣры сбиваютъ съ лиственницъ кору и складываютъ въ корчагу, которую ставятъ въ печь къ загнеткѣ, послѣ топки, и когда сѣра закипитъ, корчагу вынимаютъ, оттыкаютъ, и сѣра течетъ изъ корчаги въ отверстие, которое просверлено надъ самымъ дномъ; подъ корчагой поставлена посуда съ холодной водой, въ которую сѣра падаетъ и застываетъ. Лиственничную сѣру жуютъ всѣ женщины западной Сибири, особенно въ городахъ; обыкновеніе жевать, кажется, перешло въ Сибирь изъ южной Азіи, гдѣ особенно распространено жеваніе бетеля.

Береза, кромѣ древесины, доставляетъ алтайскимъ жителямъ вѣники (*), бересту, идущую на деготь, на обувь и на туесы; кора березовая, пережженная въ золу, употребляется калмыками для подмѣси въ курительный табакъ; осиповая кора употребляется для обработки мыла.

Сидѣніе дегтя и смолы въ Алтаѣ весьма просто. Вырывается воронкообразная яма, т. е. состоящая изъ двухъ ярусовъ: верхній — обширный и глубокій, суживается книзу; нижній, не глубокій, составляетъ цилиндрическое продолженіе верхней ямы. Надъ послѣднимъ углубленіемъ кладутъ бревешки въ видѣ рѣшетки, для свободнаго пропуска смолы изъ верхняго отдѣленія; на рѣшетку ставятъ бревешки стоймя, въ нѣсколько рядовъ одинъ надъ другимъ; эти ряды называются *ставами*; ставы выше земной поверхности завершиваются въ остроконечную кучу, бока которой обкладываются травой, а верхушка зажигается. Огонь не допускаютъ до рѣшетки за полтора става, снимаютъ рѣшетку и вычерпываютъ смолу, скопившуюся въ нижнемъ отдѣленіи. Для выгонки дегтя употребляются такіа же ямы; скорѣе, т. е. береста, сбивается долотомъ, насаженнымъ на палку; но какъ потребность дегтя не велика, то сбиваютъ одни березовые пни, тѣмъ болѣе, что нижняя береста смолистѣе.

*) На семью, состоящую только изъ мужа и жены, заготавливаютъ здѣсь каждую осень пятьдесятъ двѣ пары вѣянокъ.

Сравнительно съ своимъ богатствомъ, алтайскіе и вообще сибирскіе лѣса мало доставляютъ выгодъ туземцамъ. Только два продукта: кедровые орѣхи и лиственничная сѣра сбываются внѣ Алтая; торговли лѣсомъ не существуетъ. Крестьяне деревень, расположенныхъ при подошвѣ Алтая, сами ѣздятъ въ горы для порубокъ, а дальніе получаютъ лѣсъ изъ сосновыхъ боровъ песчаной полосы. Единственный случай, въ которомъ алтайскія деревья являются въ продажѣ въ средней Сибири, — это сплавка товаровъ изъ Алтая внизъ по тремъ большимъ рѣкамъ: Томи, Оби и Иртышу. По Томи сплавляется на плотахъ хлѣбъ, а по Оби, Бухтармѣ и Иртышу меда; разгруженные плоты продаются въ Томскѣ, Барнаулѣ и Омскѣ. Естественно, что этимъ путемъ весьма ничтожное количество лѣса вывозится изъ Алтая. Добываніе кедровыхъ орѣховъ и лиственничной сѣры по простотѣ способовъ принадлежатъ къ роду сельскихъ промысловъ; болѣе же сложныхъ производствъ, требующихъ основанія заводовъ, нѣтъ ни въ Алтайѣ, ни при его подошвѣ, какъ, напримѣръ, скипидарнаго, которое было бы очень прибыльно въ Томской губерніи, получающей теперь скипидаръ съ ирбитской ярмарки.

Впрочемъ, такъ какъ лѣсъ средней Сибири не сбывается внѣ его родины, то лѣса Алтая, удаленные на югъ и не имѣющіе удобствъ къ сплаву, потому что рѣки его скалисты и отчасти порожисты — надолго еще будутъ оставаться дѣвственными, и какъ въ Германіи уцѣлѣли только лѣса на горахъ Швабіи и Богеміи, такъ и въ Сибири, когда населеніе и культура превратятъ лѣса равнины въ рощи, лѣса Алтая останутся заваленными по нынѣшнему буреломомъ.

Долины рѣкъ и скаты горъ ниже черни представляютъ контрастъ съ характеромъ и впечатлѣніемъ черни. Здѣсь солнце не загорожено и блеститъ во всей силѣ; контуры окрестныхъ горъ рисуются вполне со врѣзанными въ ихъ бока логами; за ближайшими горами, если смотрѣть на югъ, видны отдаленныя высочайшія горы, въ видѣ амфитеатра,

на заднемъ планѣ котораго находятся тѣ горы, которыя покрыты чернью, и даже иногда снѣжныя вершины.

Единственное высокоствольное дерево этой полосы, лиственница, растетъ рѣдкимъ по вершинамъ горъ, и иногда спускается въ лога, но очень рѣдко на лугъ; иногда еще на лугу встрѣчаются сосны и березы; такое отсутствіе сплошныхъ лѣсовъ дѣлаетъ эту часть Алтая открытою и производящею совершенно противоположное впечатлѣніе угрюмой черни. Здѣсь только на островахъ да въ логахъ растетъ густой низкій лѣсъ черемухи, гороховника, боярышника, бузины, калины и жимолости, а гривы покрыты короткой травяной растительностью и кустарниками крушины, черного шиповника и золотарника, не превышающими ростъ человѣка.

Сѣверные скаты покрываются сплошными заростями бадала или *чагыра*, который употребляется въ Томской губерніи вмѣсто чая; на прочихъ сторонахъ, гдѣ камень обнажается изъ-подъ чернозема, растутъ другія толстячковые: *каменная рѣпка* и *скрытунъ* или заячья капуста. На скалахъ труднодоступныхъ растетъ горный лукъ, луковницы и ботва котораго весьма сходны съ огороднымъ лукомъ; жители алтайскихъ деревень ходятъ иногда собирать его и нерѣдко бываютъ принуждены спускаться къ нему на веревкахъ: другаго подступа нѣтъ. Луковницы его сидятъ по нѣсколько вмѣстѣ, въ щеляхъ, которыя образуются на камнѣ; толщина и величина луковницъ одинакова съ размѣрами огородныхъ луковницъ; ботва и стрѣлка дудкообразны и имѣютъ три линіи въ діаметрѣ и одинъ дюймъ въ окружности. По этимъ же скаламъ стелются верескъ и крыжовникъ, а изъ узкихъ щелокъ между камней торчатъ другое луковичное — вишвикъ, родъ чеснока, и дикая гвоздика, названная такъ потому, что корни этого растенія имѣютъ вкусъ и запахъ гвоздики. Изъ подъ камней, наконецъ, висятъ гирлянды папоротника-кочедыжника, который называется здѣсь *каменнымъ звро-богъмъ*.

На крутыхъ косогорахъ съ глинистымъ грунтомъ, въ сильномъ освѣщеніи, возвышаются, какъ вѣхи, *царскія сѣчи*, съ толстыми, усыпанными желтыми пахучими цвѣтками, наконечниками, и съ увеличивающимися книзу шерстистыми

листьями. Обнаруженія глины на скатахъ возлѣ рѣчекъ усѣваются ранней весной столбками съ желтыми сложными цвѣтками, а въ срединѣ лѣта покрываются широкими листьями, съ бѣлой исподкой, принадлежащими къ одному растенію съ цвѣтками, называемому *мать-мачихой*. На нѣкоторыхъ розсыпяхъ (разрушившихся скалахъ) растеть особенная порода ивы, о названіи которой сами здѣшніе жители точно не знаютъ, потому-что одни называютъ ее ивой, другіе певгой, ивгой и т. п.

На лугу Чарыша, по курьямъ и островамъ, составляются сырые забокы изъ таловъ и черемухи, образующіе своими сноповидно-раскнутыми вѣтвями тѣнистые своды, подъ которыми цвѣтутъ и зрѣютъ малина, смородина и курслѣпъ. Тѣнь еще болѣе усиливается отъ хмѣлевыхъ плетей, опутывающихъ вѣтви черемухи, мѣшая съ ея овальными листьями свои вырѣзные листья и шишки. Черемухи, стоящія надъ водой, опутываются другимъ вьющимся, *вьюнкомъ*, бѣлые колокольцы котораго достигаютъ цѣлковаго въ раструбѣ. По сухимъ окраинамъ забокъ, гдѣ лучше грѣеть солнце, спорятъ съ кустарниками своей высотой разныя сложноцвѣтныя: ренейникъ и шишебарникъ, — зонтичныя: болиголовъ и дягиль, также бѣлоголовникъ, и изрѣдка прикрытъ и татарское мыло.

На лугу, не покрытомъ лѣсомъ, также своеобразныя растенія, лузикъ, потничная трава, черноголовникъ, молосникъ и другія.

Притомъ всѣ эти растенія цвѣтутъ послѣдовательно одни за другими, вплоть до самой осени, такъ-что человекъ, дѣлающій экскурсію въ лѣсъ, каждый день бываетъ обрадованъ какой-нибудь растительной новостью. Весна здѣсь начинается тѣмъ, что снѣгъ сначала изрѣшетится и получить сѣрый цвѣтъ; потомъ, въ болѣе припекаемыхъ мѣстахъ, онъ превращается въ тонкій слой и наконецъ протанываетъ до земли, образуя круглыя дыры. Не дожидаясь этого, пробуравивъ снѣгъ своимъ бутонемъ, уже распускается надъ нимъ первая лилія — *камдыкъ*; раскпнувъ свои лиловые лепестки, она погибаетъ длинными тычинками и пестикомъ внизъ, а концы лепестковъ загибаетъ вверхъ, въ китайскомъ вкусѣ. За тѣмъ на гривахъ появляется лиловый анемонъ, или *вѣтрянка*, на

лугахъ маленькая фіалка, а у подошвъ скалъ желтыя головки мотыльковыхъ цвѣтовъ, называемыя *гилыми кореньями*, потому что корни ихъ, какъ будто, подвержены разрушенію. Верба и медунка съ синими однолепестными цвѣтками даютъ уже взятку пчеламъ. Съ поля начинаютъ приносить въ деревни разцвѣтшіе піоны.

Въ началѣ мая на лугахъ появляется множество коротенькихъ архидій яркосиняго цвѣта, и большія пространства по лугамъ и скатамъ горъ исключительно покрываются сплошными засѣвами желтой руты. Въ это же время, горы мѣстами украшены вертикальными бѣлыми полосами — это луга, курчавый лѣсъ которыхъ осыпанъ ароматическими бѣлыми цвѣтами черемухи. Къ концу мая, цвѣтущей горбоховникъ какъ будто облитъ золотомъ, отъ своихъ мотыльковыхъ цвѣтовъ.

Къ концу іюня и въ началѣ іюля начинаютъ цвѣсти растенія, отличающіяся своимъ ростомъ; кипрей цвѣтетъ по пустошамъ *) и покрываетъ малиновымъ цвѣтомъ цѣлыя полосы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ весной цвѣла рута; возлѣ рѣчекъ, близъ кустовъ черемухи и горбоховника, уже отцвѣтшихъ, появляются полосы бѣлоголовника съ большими пахучими букетами цвѣтовъ; между ними изрѣдка попадаются голубые колокольчики, синій вертикально возносящійся прикрытъ, благовонный медоносный зонтикъ, *пучки*, или дягиля, осотъ, рѣпей, листья котораго бываютъ съ салфетку, девясилъ, или *карандысъ*, съ самымъ большимъ изъ сложныхъ цвѣтковъ между здѣшними дикими растеніями, отчего онъ называется также *польскимъ подсолнечникомъ*.

Тамъ, гдѣ въ логу течетъ ключъ, крутые бока его такъ густо покрываются бѣлоголовникомъ, что кажется, будто зелень сверху осыпана мукой, въ среднѣй которой иногда сидитъ красный, какъ кумачъ, букетъ гвоздичныхъ цвѣтчиковъ *татарскаго мыла*, или барской спѣси.

Позже, около забокъ разнообразныя цвѣты смѣняются жесткимъ и высокимъ шишебарникомъ, а подъ лѣсомъ, при комляхъ черемухи, вмѣсто глухой крапивы и чистотѣла, цвѣтшихъ въ половинѣ лѣта, въ августѣ цѣпляется за вѣтви

*) Т. е. по старымъ пашнямъ.

другой снѣй прикрытъ, называемый здѣсь *сердечной травой*, отличающійся болѣе разнѣнными листьями и горизонтально вьющимся стеблемъ, и считающійся самымъ ядовитымъ растеніемъ въ Алтаѣ. Съ середины лѣта зацвѣтаетъ *золотарникъ*, называемый также *тарновникомъ*, осыпаясь и вновь набирая цвѣты непрерывно въ продолженіи всей второй половины лѣта.

На лугахъ въ это время сначала цвѣтетъ *потычничная трава* съ трехлестными желтыми цвѣтами, сухія листья которой собираются здѣшними жителями каждую осень и употребляются вмѣсто мочала при мытьѣ половъ. Потомъ цвѣтетъ множество желтыхъ сложноцвѣтныхъ растений, между которыми замѣчательнъ *молосникъ* по своему горизонтально-растопыренному вѣнчику шафрашаго цвѣта, особенно любимый здѣшними лошадьми.

Весной на всей природѣ лежитъ печать свѣжихъ силъ; дерево, обкусанное домашними животными, вновь окидывается зеленью нѣсколько разъ; на всѣхъ произведеніяхъ земли видна полнота и правильность; мелкіе зубчики молодыхъ черемуховыхъ листьевъ нарѣзаны самымъ отчетливымъ образомъ; каждое травянистое растеніе стоитъ прямо, и ущербъ, наносимый имъ, быстро пополняется. Но съ половины лѣта, это напряженное состояніе силъ смѣняется усталостью, зелень теряетъ свою прозрачность и дѣлается темнѣе, у высокихъ зонтичныхъ замѣчаются поломанные листья и стволы; на листьяхъ рѣпея подлѣ дороги лежитъ не слетающій уже слой пыли; трава въ поскотинѣ притоптана или выѣдена домашнимъ скотомъ; наконецъ на черемухѣ мѣстами встрѣчается желтый листъ, который обманываетъ наблюдателя, бѣгущаго къ нему, какъ къ загадочному цвѣтку, и разочаровывающагося, достигнувъ до него. На поляхъ цвѣтутъ цвѣты одного только желтаго, уже ополѣвшаго цвѣта, которые достанваютъ уже до перваго инея, и прихваченные имъ, уходятъ, желтѣя, подъ снѣга будущей зимы.

Въ воздухѣ начинаютъ носиться пушистые сѣмена разныхъ сложноцвѣтныхъ; растенія, хранящія сѣмена въ коробкахъ, гремятъ отъ прикосновенія къ нимъ; толстые стволы болголова поддерживаютъ темные большіе шары своихъ

грушнхъ сѣменъ; на косогорахъ торчатъ стволы саранки съ сѣменниками, расположенными на изогнутыхъ вверхъ вѣткахъ въ видѣ канделябра; кустарники также увѣшиваются ягодами; черемуха иногда бываетъ такъ плодоносна, что вѣтви ея гнутся подъ тяжестью ягодъ; въ глуши острововъ поспѣваютъ черная смородина и малина, и на курслѣпѣ появляются букеты красивыхъ голубыхъ ягодъ; наконецъ красные букеты появляются на рябинѣ, калинѣ и кислицѣ (красной смородинѣ), которые, не опадая, уходятъ въ зиму.

На лугахъ и въ логгахъ возникаетъ множество стоговъ сѣна, огороженныхъ отъ скота остожьями, а на гривахъ, между логгами, чуть не въ отвѣсномъ положеніи, какъ издали кажутся, видны большіе четырехугольники побѣлѣвшей ржи или пожелтѣвшей пшеницы.

Наконецъ хлѣбъ также убранъ въ кладѣ, въ огородахъ торчатъ одни кочни отъ капусты, становится сыро и туманно, мужики сдвигаютъ одежду и всегда входятъ въ избу мокрые, и наконецъ пушистый теплый снѣгъ слетаетъ на сѣрожелтый бурьянъ зонтичныхъ и сложноцвѣтныхъ стволловъ. Такимъ образомъ природа кончаетъ свой растительный семестръ въ Алтаѣ.

Какъ растительность въ Алтаѣ составляетъ двѣ зоны (зону сплошныхъ лѣсовъ и открытую зону), такъ и животныя составляютъ двѣ различныя фауны. Лѣсная часть Алтая замѣчательна тѣмъ, что въ ней водятся преимущественно животныя, ведущія одинокую жизнь; въ полосѣ же лиственницъ, какъ между млекопитающими, такъ и между птицами, есть много породъ, живущихъ обществами. На верхней окраинѣ черни живутъ соболи, питающіеся ягодами рябины и красной смородины и маленькими звѣрками, живущими въ той же полосѣ; тутъ же водятся глухари, вѣсящіе иногда по тридцати фунтовъ, и вылетающіе не рѣдко на лысыя вершины бѣлковъ, гдѣ они садятся на мелкій щебень; въ тѣхъ частяхъ верхней окраины черни, гдѣ больше попадаетъ нагихъ скалъ средя лѣса, водится кабарга, самый маленькій родъ между оленями, такъ-что изъ шкуры его выходитъ только пара рукавицъ; ни одно животное не владѣетъ такимъ искусствомъ,

какъ кабарга, лазить по камнямъ; копыта ея такъ цѣпки, что она бѣгаетъ по жерднкѣ, положенной косвенно однимъ концомъ на скалу. Это единственные жители верхняго этажа Алтая.

Ниже ихъ, въ черни, живутъ медвѣди, которые не рѣдко спускаются въ деревни, лежащія у нижней окраины черни и наносятъ вредъ тамошнему скотоводству; лѣтомъ 1856 года одинъ медвѣдь поселился около Бѣлорѣцкой и Ключевской станицъ и задавилъ въ теченіи лѣта восемь разныхъ скотинъ; въ Ключахъ онъ даже вошелъ въ улицу, и сначала явился подъ окномъ одной избы, гдѣ напугалъ женщину, а потомъ въ сосѣднемъ оторвалъ голову у теленка. Въ одной полосѣ водятся изрѣдка моралы, а на деревьяхъ рябчики и бѣлки; прежде здѣсь много водилось лосей, но теперь ихъ вовсе не встрѣчаютъ въ Чарышской долинѣ. Разныя орлиныя породы, беркутъ, карагушъ, скопа вьютъ здѣсь свои гнѣзда; изъ голенастыхъ изрѣдка встрѣчается одинъ аистъ, мясо котораго нѣкоторыми жителями употребляется въ пищу.

Ниже черни, въ полосѣ лиственницъ и сосенъ, отъ Усть-Каменогорска до Бійска, водятся сурки, весьма характеристическое животное для этой полосы. Ниже Усть-Каменогорска, около Семиполатинска, его уже нѣтъ. Здѣсь же водятся лисицы, волки, колонки, *сусленики* и *кроторойки* (хомяки). Изъ водяныхъ птицъ въ долинѣ Чарыша попадаетъ одна только утка-крахаль; гуси, лебеди, другія утки, бакланы и журавли бывають здѣсь только пролетомъ осенью и весной, а водятся внѣ Алтая, хотя при самой его подошвѣ, по Чарышу, Аную и Алею они уже поражаютъ своей многочисленностью.

Осенью животная жизнь въ Алтаѣ становится замѣтнѣе; одни дѣятельно приготовляются къ перенесенію зимы, другія, съ приближающейся переменной температуры, дѣлають переходы изъ одной мѣстности въ другую. Въ черни, около самыхъ бѣлковъ, возникаютъ стога кошечки-сѣноставки, а въ низкихъ мѣстахъ появляется множество кучекъ свѣжаго чернозема, выбрасываемаго изъ норъ кроторойками. Маленькія птички, совершенно окончившія дѣло воспитанія своихъ птенцовъ, чаще прилетаютъ въ деревню; особенно отличаются

привычкой къ человѣческимъ жилищамъ *салмыки*, которыхъ осенью можно видѣть вездѣ, на улицахъ, во дворахъ, сидящихъ на заборахъ и окнахъ; они часто влетаютъ въ открытныя окна избъ, чтобъ поклевать таракановъ, и выются около топора крестьянина, рубящаго дрова, и открывающаго имъ убѣжища древесныхъ червей. Въ это же время въ пашкахъ производится подрѣзъ ульевъ, бадьи съ медомъ со всѣхъ сторонъ вѣѣзжаютъ въ деревню, въ избахъ стоитъ запахъ отъ топленаго воска и деревня подвергается нашествію пчелъ; въ амбарахъ и избахъ становится отъ нихъ шумно.

На пашняхъ осенью слетаются рябчики-*гуменники* (сѣрыя куропатки), перепелки и тетери; въ то же время по горамъ идутъ къ черни табуны козуль, а воздухъ оглашается, особенно ночью, турлыкающими журавлями и ичущими лебедями. Долина Чарыша, кажется, служить главнымъ путемъ переселенія перелетныхъ птицъ сѣверной Сибири; ни черезъ одинъ пунктъ въ Алтаѣ не летитъ столько перелетной птицы, какъ мимо Чарышской станицы; я былъ въ Бухтармѣ во время весенняго пролета, и не замѣтилъ особеннаго множества птицы; вѣроятно черезъ Калбинское ущелье летятъ только гуси и журавли, водящіеся по пашнямъ на правомъ берегу Иртыша; Чарышской же долиной вѣроятно летитъ все пернатое населеніе Барабинской равнины, Васюганской тундры и можетъ быть болѣе отдаленныхъ сѣверныхъ странъ. Особенно бываютъ велики стаи журавлей. Весной 1856 года пролетѣла надъ деревней Чечулихой стая журавлей, занявшая въ небѣ версту разстоянія; крестьяне, бывшіе въ деревнѣ и удивленные этимъ явленіемъ, стали считать птицъ, и насчитали ихъ болѣе 3000.

Уже послѣ прихода русскихъ въ Алтай, Чарышская долина лишилась нѣкоторыхъ породъ звѣрей; такъ по всѣмъ сѣвернымъ долинамъ Алтая водился прежде кабанъ, и теперь еще это обстоятельство свидѣлствуется названіями рѣчекъ Боровушекъ; также вывелись выдры, исключая Ануя и мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ справа въ Иртышъ, между Усть-Каменогорскомъ и устьемъ Бухтармы. На оборотъ, недавно сталъ попадаться въ Алтаѣ звѣрь, котораго никогда старики

не встрѣчали вблизи своихъ жилищъ: изъ стени стали заходить въ долины корсуки; въ декабрѣ 1854 года убили одного корсука въ деревнѣ Притышной и двухъ въ Чарышской и Тигерцкой станицахъ.

Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, въ Алтаѣ жили одни калмыки; въ восточной части его, въ вершинахъ Кана и Чарыша, они состояли подъ управленіемъ зайсанга Онбо, который жилъ при устьѣ Кана, и въ 1756 году изъявилъ желаніе вступить въ подданство Россіи. Его люди назывались въ русскихъ актахъ *каракольскими* и *канскими калмыками*. Племя же, обитавшее въ западной части Алтая, по Бухтармѣ, по рѣчкамъ, текущимъ въ Иртышъ, изъ Калбинскаго хребта и около Усть-Каменогорска, называлось Урянхай, и состояло въ вѣдѣніи зайсанга Гобоя. Русское населеніе занимало только три пункта, при подошвѣ Алтая: Бійскую крѣпость, основанную до 1710 года, Колывано-Воскресенскій заводъ, основанный въ 1727 году, и крѣпость Усть-Каменогорскую, въ 1721 году. Прямаго сообщенія между ними не было; изрѣдка изъ Семипалатинска ходили въ Колывань транспорты съ казеннымъ хлѣбомъ, да частные обозы съ рыбой. Чиновникъ, которому нужно было переѣхать изъ Усть-Каменогорска въ Колывань, прямо не болѣе 180 верстъ, долженъ былъ ѣхать внизъ по Иртышу до Тары, оттуда на Обь, и Обью и Чарышемъ вверхъ до Колыванскаго завода, т. е. дѣлалъ 2700 верстъ пути.

Въ 1755 г. основана была линія станцовъ между Усть-Каменогорскомъ и Бійскомъ; она была занята драгунами и казаками; тотчасъ же по основаніи ихъ, солдаты были заняты казеннымъ хлѣбопашествомъ. Линія эта тянулась дугой по равниѣ, параллельно сѣверной окраинѣ Алтая; вѣея не было русскихъ деревень; калмыки занимали только вершины рѣки Чарыша и Ануя. Между ихъ высокими жилищами и линіей русскихъ станцовъ лежала полоса, свободная отъ черни, живописная и богатая, но остававшаяся пустою. Изрѣдка спускались сюда калмыки немногочисленными

ауламъ съ верхняго Алтая, особенно во время военныхъ движеній въ Монголіи, да русскіе промышленники ходили на звѣровой промыселъ и исканіе дикаго меда, и еще мѣстами жили русскіе разбойники, о которыхъ и теперь еще сохранилась народная память. Въ рѣку Бѣлую впадаетъ рѣчка Омелиха, названная такъ потому, что на ней жилъ прежде разбойникъ Емельянь; въ Бухтарму, не далеко отъ ея устья, впадаетъ рѣчка Селсзневка, на которой жилъ разбойникъ Афонасій Селсзневъ, извѣстный въ народѣ просто подъ названіемъ *Селсзня-разбойника*.

До основанія колыванской линіи, русскія деревни не были ограждены отъ нападеній непріятеля; основаніемъ ея русское правительство хотѣло закрыть внутренность Томской губерніи, отъ набѣговъ изъ средней Азіи. Но русскія деревни снова появились внѣ линіи; когда, для прикрытія ихъ, линію перенесли далѣе на югъ, въ горы, гдѣ она и теперь существуетъ въ видѣ цѣпи казачьихъ станицъ, деревни еще далѣе вторглись во внутренность Алтая; этимъ свойствомъ — идти впереди укрѣпленной линіи, русская колонизація въ Алтаѣ отличается отъ колонизаціи по Иртышу и степямъ, къ нему прилегающимъ; по Иртышу тянется линія казачьихъ станицъ, основанная правительствомъ, а русскія деревни лежатъ въ 200 верстахъ отъ нея, внутри Томской губерніи; въ срединѣ находится степь, сначала пустая, а потомъ, во время потрясеній Джунгаріи, занятая киргизами; въ Алтаѣ русское племя и теперь еще рвется впередъ, безпрестанно основывая новыя деревни между старыми, и проситъ позволенія выселиться за крайнюю линію русскихъ поселеній. Но вершины Чарыша, Ануя и Катуня, предоставлены калмыкамъ, и потому русской колонизаціи открыты совершенно только двѣ алтайскія долины, Бухтармы и Убы, гдѣ дѣйствительно она распространилась почти до самыхъ вершинъ. Напротивъ, русская колонизація отъ Оби къ Иртышу и теперь тихо подвигается, а казаки, живущіе по послѣдней рѣкѣ, съ неохотою переселяются въ Киргизскую степь. Колонизація Томской губерніи началась на сѣверѣ и шла съ запада на востокъ, потомъ она обратилась на югъ, вдоль рѣки Оби, и наконецъ съ Оби къ Иртышу, съ востока на западъ, по южной

части губерній; такимъ образомъ путь ея составляетъ дугу, внутри которой находится Кулундинская стена, доселѣ лишенная осѣдлости, и отдѣленная отъ Киргизской степи линіей казачьихъ станицъ, что дѣлаетъ ее внутреннею степью. Причиною этого явленія то, что климатъ этой дуги, представляетъ болѣе климатическаго сходства съ Великороссіей, чѣмъ заливъ Киргизской степи, вдавшійся въ Томскую губернію почти до Барнаула, который русскіе люди и должны были обогнуть, чтобъ достигъ до Алтая, заключающаго въ себѣ по своей возвышенности всѣ условія сѣвернаго климата.

Въ настоящее время, русскія деревни прижнуты вплоть къ нижней окраинѣ черни, которая и составляетъ пока границу русской колонизаціи; по Чарышу самая дальняя деревня Чечулиха, въ 140 верстахъ отъ Колыванской шлифовальной фабрики, прежняго завода, самаго крайняго русскаго селенія въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія. По Убѣ много основано новыхъ деревень, которыя находятся еще въ такой лѣсной глуши, что не имѣютъ другаго сообщенія съ равниной, какъ въ лодкахъ по рѣкѣ. Я не могъ узнать въ сколькихъ верстахъ отъ устья находится самая дальняя деревня на этой рѣкѣ.

Вершины Чарыша, до впаденія Кузыла, заняты кочующими калмыками. Образъ жизни ихъ походитъ болѣе на остячій; войлочные кибитки очень часто смѣняются берестяными; нѣкоторые же вовсе не имѣютъ юртъ, а живутъ въ пещерахъ, огораживая ихъ спереди хворостомъ. — Особенно замѣчательно, что они кочуютъ не многочисленными аулами, какъ киргизы, а разъединенно; гдѣ попадется три, гдѣ двѣ, гдѣ одна кибитка, поставленная въ густомъ лѣсу; такой порядокъ они находятъ привольнымъ для скотоводства, а грабежа и воровства у нихъ не существуетъ, почему имъ нѣтъ необходимости соединяться въ большія общества; здѣсь оставленная въ пустынѣ вещь лежитъ до возвращенія своего хозяина не тронутою, хотя и проѣзжаютъ мимо ея посторонніе люди. Такимъ образомъ иногда оставляется, гдѣ-нибудь на лѣснѣ, цѣлое имущество безъ опасенія потери его.

Одежда калмыковъ приспособлена къ мѣстности. Главное ея отличіе состоитъ въ томъ, что кромѣ шапки, ни одна со-

ставная часть ея не мокнетъ сильно. Она состоитъ изъ шубы, которая не спинается и лѣтомъ, замшевыхъ штановъ, сапоговъ изъ моральныхъ погъ, шерстью внаружу, и оригинальной шапки. Овчинныя или сурочьи шубы ихъ бываютъ такъ выдѣланы, посредствомъ натирания печению, что не повреждаются отъ мочи. Русскій крестьянинъ обыкновенно передъ дождемъ, спѣшитъ накинуть озямъ сверхъ нагольнаго тулупа, чтобъ его не испортило; а калмыкъ иногда бросается въ своей шубѣ въ воду и выходитъ, какъ утка, мокрый, не боясь, чтобъ она затвердѣла или потеряла теплоту. Замшевыя штаны и мохнатыя сапоги, отличаются тѣмъ же свойствомъ. Такое условіе въ одеждѣ явилось вслѣдствіе положенія калмыковъ въ странѣ, обильной дождями.

Калмыцкая шапка издали похожа на китайскую пуховую, съ загнутыми кверху краями, но вблизи открывается большое несходство. На описаніи ея стоятъ остановиться долѣе, потому что шапка и головной уборъ всегда составляли самую характеристическую часть человѣческаго костюма. Калмыцкая шапка состоитъ изъ мѣховаго или стеганаго колпака, сверху покрытаго непремѣнно желтою нанкой; къ этому колпаку пришивается снаружи опушка, изъ черной мерлушки, которая, такъ какъ у калмыковъ нѣтъ своихъ черныхъ овецъ, покупается у русскихъ. Опушка сверху гораздо полнѣе, чѣмъ внизу, отчего шапка кажется кверху шире; сзади опушка разрѣзана; къ этому мѣсту пришиваются двѣ тесьмы, висящія вдоль спины вмѣстѣ съ косою. Непремѣнная принадлежность калмыцкаго костюма есть также ножъ и огниво на поясѣ, и трубка, вложенная въ кожаный мѣшокъ и хранящаяся вмѣстѣ съ нимъ въ сапогѣ. Трубки бываютъ желѣзныя, мѣдныя, но чаще дѣлаются самими калмыками изъ еловыхъ сучьевъ, безъ вставляемаго внутрь желѣза, какъ дѣлаютъ русскіе, потому что еловое дерево само довольно огнеупорно. Табакъ получается ими изъ окрестностей города Бійска, вокругъ котораго находится много табачныхъ плантацій, а частью и въ Иртыша. При употребленіи табакъ мѣшается на половину съ березовымъ лубомъ, что, будто-бы, отнимаетъ у него горькій вкусъ.

Главныя занятія ихъ скотоводство и звѣроловство. Виро-

чемъ уходъ за скотомъ ничтожный. Не только распложеніе скота предоставлено на его собственную волю, но и вся жизнь его очень мало стѣснена; конскіе табуны почти независимы, ходятъ безъ пастуховъ гдѣ вздумается. Если хозяину нужно имѣть лишнюю лошадь для верховой ѣзды, то онъ ѣдетъ въ свой табунъ, и ловитъ арканомъ того коня, котораго намѣренъ усмирить. На концѣ аркана сдѣлана петля; калмыкъ кладетъ ее на ладонь правой руки, потомъ остальную веревку собираетъ кольцами около кулака, постепенно увеличивая величину ихъ, и мчится по табуцу, преслѣдуя неуква. Догнавъ его, онъ кидаетъ арканъ на воздухъ, и никогда не дѣлаетъ промаха; петля стягивается на шею пойманной лошади, захватываетъ у ней дыханіе, и она падаетъ; за тѣмъ перекинуть на неѣ сѣдло и намотать на голову арканъ вмѣсто узды—дѣло мгновенія—и укротитель уже сидитъ на дикомъ, не привыкшемъ ни къ какой ношѣ конѣ. Эта ловля болѣе походитъ на охоту съ лассо гуачосовъ Буэносъ-Айрэса, чѣмъ ловля крюкомъ у калмыковъ Астраханской губерніи и бурятовъ Забайкальской области.

Значительная высота калмыцкихъ пастбищъ и особенный ихъ характеръ, придаютъ калмыцкимъ лошадямъ нѣкоторыя черты, отличающія ихъ отъ лошадей киргизской степи и сибирской равнины. Онѣ ниже всѣхъ ихъ ростомъ, имѣютъ широкую спину и сильно развитую грудь, отчего переднія ноги ихъ широко разставлены и кажется будто выворочены, и отличаются наклономъ къ полнотѣ. Онѣ считаются при подошвѣ Алтая лучшими ломовыми лошадьми.

Рогатый калмыцкій скотъ также считается лучшимъ въ Томской губерніи. Калмыки покупаютъ телятъ на равнинѣ и угоняютъ въ горы; тамъ они нагуливаются и уже взрослыми спускаются опять на равнину для продажи на-убой. Изъ быка выходитъ около 15 пудовъ мяса и до 4-хъ пудовъ сала. Овцы калмыцкія имѣютъ небольшіе курдюки, мягкую шерсть, никуда впрочемъ не сбываемую, и всѣ одной бѣлой масти съ черными головами, что придаетъ живописный видъ овечьему стаду, когда его гонятъ въ кучѣ. Межгорное положеніе особенно развило у калмыковъ козловодство, и у нѣкоторыхъ ихъ считается до 300 головъ. Попадаются иногда яки

(длинноволосый тангутскій скоть), извѣстный у нихъ подъ именемъ *сарлыкъ*. Онъ отличается свирѣпымъ видомъ и характеромъ, имѣетъ длинную шерсть, густой хвостъ и тонкія ноги; меня увѣряли, что яки даютъ синее и невкусное молоко, что не согласно съ показаніями путешественниковъ по Монголіи и Тибету.

Весной калмыки спускаются съ своего плоскогорья до безлѣсныхъ предгорій Алтая, бить сурковъ, мясо которыхъ они уважаютъ. Осенью они встрѣчаются по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ изъ ихъ страны, караванами иногда въ 15 лошадей, на которыхъ перекинуты переметныя сумы, наполненныя кедровыми орѣхами, которые они спѣшатъ сбыть въ Колыванской фабрикѣ и въ Бійскѣ; зимой они выводятъ лошадей на продажу, а сами покупаютъ табакъ и другіе припасы. Кромѣ этого, ихъ нельзя увидѣть у подошвы Алтая; по ближнія къ нимъ деревни всегда полны ими, потому что они покупаютъ въ нихъ ячмень, стоимость котораго въ Чечулихѣ не превышаетъ 30 к. асс. за пудъ.

Характеръ этого небольшого народа, подъ тяжелыми условіями его домашняго быта, въ странѣ съ низкой температурой, и не богатой, сложился иначе, чѣмъ у киргизовъ, пользовавшихся южнымъ климатомъ, обширнымъ скотоводствомъ и положеніемъ на торговомъ пути изъ Азіи въ Европу; съ 15 лѣтъ калмыкъ дѣлается уже опытнымъ звѣроловомъ, и до смерти занятъ единственною мыслью достать себѣ насущное пропитаніе. Киргизы смѣняютъ труды отдыхами, несчастья сопровождаютъ иршествами и самая война составляетъ для нихъ забаву; калмыки должны вести войну съ непріятелемъ, незнающимъ договоровъ и условій. По замѣчанію старожпловъ, калмыки, со времени перваго знакомства съ русскими, не сдѣлали ничтожнаго измѣненія въ своемъ костюмѣ; у киргизовъ есть мода. Они долго еще будутъ носить свою шапку, тогда какъ у киргизовъ уже появляются пуховыя шляпы съ полями, русскаго издѣлія. Такая неподвижность можетъ быть объяснена горнымъ положеніемъ ихъ жилищъ, которое однакожъ на столько доступно съ равнины, сколько нужно, чтобъ не образовать изъ нихъ *непокорныхъ* горцевъ. Эта доступность Алтая была причи-

ною того, что коренные жители Алтая никогда не были независимы, и всегда входили въ составъ другаго какого-нибудь владѣнія, какъ членъ его или какъ данникъ. По своей доступности Алтай, какъ и ровныя степи Джунгаріи, былъ занимаемъ разными племенами; сначала онъ вѣроятно былъ занятъ финнами; пѣлѣшніе калмыки принадлежатъ къ монгольскому племени, или, по-крайней-мѣрѣ, это омонголенные финны; наконецъ, въ наше время, въ ущелья Алтая врывается съ сѣвера русское племя, тогда какъ съ юга, около вершинъ Бухтармы, уже въ его предѣлахъ начинается кочевать турецкое племя киргизовъ, которое, въ продолженіе не болѣе 250 лѣтъ, подвинулось на востокъ отъ вершинъ Ишима на полторы тысячи верстъ.

II.

Въ одной изъ лучшихъ долинъ Алтая находится станція Чарышская. Такъ называется она по рѣкѣ Чарышу, на которой стоятъ; на этой рѣкѣ нѣтъ ни мостовъ, ни мельницъ; броды часты, но опасны; русло пзмѣнчиво; тамъ, гдѣ въ прошлое лѣто былъ глубокіе и широкіе плеса, на другой годъ рѣка настружитъ мели изъ валуновъ, превращающіяся потомъ въ острова, покрытые густой лѣсной растительностью. Ночью, во время всеобщей тишины, въ долину слышенъ грохотъ катящихся по дну валуновъ; въ ясный и тихій день поверхность ея волнуется отъ неровнаго дна, какъ въ бурю. Лодка съ шалашными дѣтьми улетаетъ изъ виду; гуси, вздумавшіе переплыть на ближній островъ уносятся бокомъ внизъ по рѣкѣ и тотчасъ высаживаются обратно на берегъ, громко разговаривая о неудобности предпринятой экспедиціи.

По обѣимъ сторонамъ этой быстрой рѣки идутъ горы, изрѣзанныя логами, въ которыхъ текутъ побочныя рѣчки и ключи; рѣка нерѣдко пришибается къ одной сторонѣ, отдѣливъ подъ другую узкую и тихую протоку; въ пришибахъ образуются быки, т. е. грива горы окачивается отвѣсной скалой, въ которую бьетъ рѣка почти подъ прямымъ угломъ.

Станція стоитъ на правомъ берегу. Въ четырехъ вер-

стахъ выше станицы, рѣка дѣлаетъ пришибъ къ высокому камню, и потомъ удаляется къ противоположной сторонѣ, возвращаясь къ правой сторонѣ уже въ верстѣ ниже станицы, и также образуя опасный быкъ. Такимъ образомъ на правой сторонѣ находится лугъ, пять верстъ длиной, на который выходятъ изъ ущелій нѣсколько мелкихъ рѣчекъ, впадающихъ въ Чарышъ. Станица стоитъ не на самомъ Чарышѣ, а на курьѣ, т. е. глубокомъ заливѣ, при впаденіи въ неё Пашенной рѣчки.

Рѣдкое селеніе въ Алтаѣ такъ удачно освѣщено, какъ Чарышская станица. Освѣщеніе имѣетъ въ горномъ ландшафтѣ такое же значеніе, какъ и въ расположеніи картины на стѣнѣ; недостатокъ свѣта дѣлаетъ видъ печальнымъ, излишній блескъ фальшивымъ; количество свѣта зависитъ отъ расположенія горъ. Станица Ключи (на западъ отъ Чарышской), такъ обставлена высокими горами, что солнце свѣтитъ въ нее какъ въ колодезь только тогда, когда находится въ зенитѣ; день сокращается на нѣсколько часовъ. Сами жители сознаютъ это неудобство, и завидуютъ тѣмъ селеніямъ, которыя не такъ загорожены горами. Чарышская станица лежитъ ближе къ горамъ, которыя возвышаются на сѣверной ея сторонѣ, и, напротивъ, болѣе открытый видъ представляется для нея на югозападѣ. — На сѣверѣ, не болѣе, какъ въ ста саженьяхъ отъ послѣднихъ дворовъ, возвышается Заворотная гора, на востокъ — надъ самой станицей, другая — Слизунова, при подошвѣ которой построена деревянная церковь. За ней дальше Могильная, Каштацкая горы и такъ далѣе, вверхъ по Чарышу. Изъ-за Заворотной, влѣво, вдали выглядываетъ Мохнатая сопка, скалистая верхушка которой покрыта сосновымъ лѣсомъ; она лежитъ уже на другомъ берегу Чарыша, верстахъ въ 10-ти отъ станицы; отъ нея къ станицѣ, по противоположному берегу тянется длинная гора, которая образуетъ западную стѣну Чарышской долины, и кончается на югѣ Чалинской горой; мѣстами углубляются въ ея покатость глубокіе лѣсистые лога, образующіе пазухи между гривами, которыя кончаются надъ долиной по большей части обрывами; можетъ быть онѣ прежде кончались далѣе въ долинѣ, постепенно понижающимися мысами,

но рѣка отмыла эти клинья, и образовала на концахъ гривъ-треугольные утесы надъ долиной.

На югъ отъ станицы видны Монастыри, Шпалл, Теплая гора и на самомъ заднемъ планѣ синяго цвѣта, покрытая чернью, Плѣшивая гора. Если подняться изъ станицы на Слизунову гору, то можно увидѣть и Коргонскій бѣлокъ, всегда покрытый снѣгомъ, что и дѣлають здѣсь тѣ, которые не видали снѣжныхъ горъ. Ближайшія горы покрыты различной зеленью, рѣдко насаженные по верхушкамъ пхъ высокія лиственницы кажутся снизу тоненькими тросточками; треугольные обрывы кажутся черными отъ густаго кустарнаго лѣса, растущаго на нихъ. Дальнія горы теряють уже настоящій зеленый цвѣтъ и принимаютъ фіолетовый, но издали еще ясно можно видѣть пластическое ихъ устройство, съ выдающимися гривами и вдавшимися логами; горы, за ними стоящія, уже не выказываютъ своихъ реберъ, и кажутся просто синими пятнами одного тона.

При такомъ просторномъ ландшафтѣ, Чарышская станица пользуется прохладнымъ лѣтомъ, теплой зимой и отсутствіемъ такихъ рѣзкихъ вѣтровъ, какіе бывають въ другихъ частяхъ Алтая; все это даетъ жителямъ береговъ Чарыша право хвастаться своей рѣкой и, въ самомъ дѣлѣ, отличатья особеннымъ благосостояніемъ передъ окрестнымъ населеніемъ.

Большая куча домишекъ, маленькихъ и старенькихъ, на половину безъ крышъ, съ маленькими дворами, составляетъ жилища здѣшнихъ горцевъ. — Каждый домикъ выходитъ на улицу чистымъ крыльцомъ, иногда въ видѣ портика, о четырехъ колоннахъ, иногда въ видѣ длинной будки, съ четырехугольнымъ отверстіемъ вмѣсто окна, и въ разныхъ другихъ видахъ. Каждый домъ состоитъ изъ избы и горницы, раздѣленныхъ сѣнями, съ дверями на улицу, и во дворъ; дворы были отмежеваны при первомъ поселеніи станицъ, не болѣе 5 квадратныхъ сажень для каждаго дома; на такомъ ограниченномъ пространствѣ настроены у состоятельныхъ: другая изба для стряпни, содержанія птицы и телятъ зимою, амбаръ съ сусѣками для хлѣба и погребокъ. Половина двора иногда крыта. На этомъ же тѣсномъ дворѣ водится множе-

ство домашней птицы, у нѣкоторыхъ по 50 куръ, по два стада гусей и иногда свиньи; отъ этого во дворахъ все лѣто держится грязь, и гниллой запахъ врывается въ комнату, когда отворится дверь, ведущая на дворъ. Если бы не счастливый климатъ Алтая, такая тѣснота дворовъ, конечно была бы причиною частыхъ болѣзней. Избы, находящіяся въ связи съ горницею, отличаются чистотой отъ тѣхъ, которыя стоятъ на дворѣ, и имѣютъ вымытыя водой съ пескомъ стѣны, скамьи, или *лавки*, потолки и полати, постоянно набитыя ребятишками; по поводу послѣдняго обстоятельства, передъ полатями нерѣдко висятъ на вѣточкѣ пара пустыхъ гусиныхъ яицъ, или растопыренный тетеревиный хвостъ. Между русской печью и стѣной, сдѣланы дверцы въ подполье, называемыя *голубцемъ*. Въ горницѣ, вмѣсто скамей, софа, покрытая коврикомъ, постель съ занавѣсками, шкафъ съ стеклянными дверцами, наполненный стеклянною и фарфоровою посудою, голландская печь, и иногда передній уголъ оклеенъ шпалерами. Скотъ держится въ пригонахъ, которые расположены вокругъ селенія; поэтому нѣкоторымъ донти приходится ходить за полверсты отъ своей избы. Тамъ устроены у нихъ хлѣва и стайки, первые, поставленные на мху и покрытые дерномъ, вторыя не мшеныя и крытыя сѣномъ; здѣсь же разчищаются *ладоми* для молотбы хлѣба, покрываемыя сверху навѣсомъ, и овнины, въ которыхъ зимой молотятъ и сушатъ хлѣбъ. Лѣтомъ здѣсь копаются гряды для овощей, и пригонъ превращается въ огородъ.

Въ нижнемъ концѣ Чарышской станицы собраны лучшіе дома ея, и между ними одно изъ лучшихъ мѣстъ, на солнечной сторонѣ, занимаетъ домикъ Петра Маркыча. Петръ Маркычъ строилъ его еще когда былъ богатъ; деревья на срубъ употреблены были все толстыя, изба сдѣлана просторною, чтобъ много можно было принять проѣзжихъ мужиковъ; прежде, кто не ѣхалъ, всѣ приворачивали къ Петру Маркычу, потому что никто не умѣлъ сдѣлать свою хлѣбъ-соль такую пріятною, какъ онъ. Пولاتи сдѣланы такъ удобно, что по нимъ можно ходить, цемпожко только согнувшись; въ горницѣ выкладена печь, съ такими изящными карнизами и столбиками, какихъ вѣроятно нѣтъ на двѣсти верстъ кругомъ.

Петръ Маркычъ былъ когда-то сельскій капиталистъ. Сельскіе капиталы бываютъ двухъ происхожденій: капиталы, основанные на физическихъ силахъ, и капиталы, основанные на способности спекуляціямъ. Первые, конечно, не долговременны и растраниваются съ паденіемъ силъ; они принадлежатъ крестьянамъ, имѣющимъ многочисленную семью, состоящую изъ сильныхъ рабочихъ членовъ. Петръ Маркычъ хотя и не имѣлъ большой семьи, но тѣмъ не менѣе принадлежалъ къ этому роду капиталовъ, потому что приобрѣлъ состояніе трудолюбіемъ и сплюю воли; онъ нажился преимущественно охотой за соболями, промысломъ очень труднымъ; дальше читатель увидитъ, какъ онъ любилъ и трудъ земледѣльческій.

Капиталы втораго рода болѣе устойчивы и образуютъ иногда торговыя фамиліи на нѣсколько поколѣній, хотя тоже не надолго. Послѣдній капиталъ способенъ къ приращенію, тогда какъ первый остается всегда въ извѣстныхъ, разъ установившихся, размѣрахъ. Въ образѣ жизни капиталистовъ также замѣтна большая разница; капиталистъ-торговецъ обзаводится на городскую руку; мебель, посуда и самая архитектура дома, нерѣдко съ мезонинномъ, показываютъ, что хозяинъ знакомъ съ городской жизнью; напротивъ у капиталиста-земледѣльца въ мебели и посудѣ виднѣн недостатокъ плана, и онѣ представляютъ разнообразное собраніе, изъ разныхъ рукъ, изъ разрозненныхъ дюжинъ, доставшееся, гдѣ за безцѣнокъ, гдѣ въ подарокъ. Мѣры этого капиталиста къ удержанію въ славѣ своей фамиліи ограничиваются только тѣмъ, что онъ выстроить избу по шире, накопитъ приданаго дочерямъ, да побольше заведетъ лошадей и побольше распашетъ десятинъ.

Петръ Маркычъ былъ богатъ и извѣстенъ въ свое время, но когда я познакомился съ нимъ, оно уже называлось прошедшимъ. Потомство Петра Маркыча состояло изъ одного сына и двухъ дочерей; сынъ былъ нездоровъ, а дочери, извѣстно, не свой товаръ. Когда Петръ Маркычъ пересталъ ходить на промыселъ, источникъ богатства исчезъ; во время моего знакомства, Петръ Маркычъ не могъ уже назваться богатымъ, но не съ-разу можно было узнать за наруж-

ной обстановкой настоящее его положеніе; дочери его были обезпечены, слѣдовательно не озабочивали его; сынъ былъ также женатъ; Петръ Маркычъ содержалъ пасѣку, заключавшую въ себѣ до 400 колодокъ; все это дѣлало его домъ по прежнему полнымъ, только не доставало старой разгульной жизни и пѣснй ужъ не гремѣли въ его избѣ.

Вся семья, къ которой принадлежалъ Петръ Маркычъ, отличалась необыкновенною силою тѣла и духа. Физическую силу сообщила этой фамилиі матушка Петра Маркыча, а силой духа отличался его отецъ. — Вотъ что рассказывалъ мнѣ самъ Петръ Маркычъ о кончинѣ своего отца. По мнѣнію здѣшнихъ жителей, человѣкъ передъ смертью становится равнодушенъ ко всему земному; когда отецъ Петра Маркыча почувствовалъ близость разлуки съ здѣшнимъ міромъ, онъ позвалъ своихъ старшихъ сыновей, и спокойно приказалъ ѣхать въ поле, найти прямую и цѣлую сосну, и вырубить изъ нея сунутокъ для гроба; когда древесный обрубокъ былъ привезенъ изъ лѣсу и внесенъ въ избу, отецъ Петра Маркыча своими глазами освидѣтельствовалъ его безпорочность, и, чтобъ узнать, не укоротили ли ребята, при помощи ихъ спустился съ кровати, и протянулся возлѣ обрубка.

Матушка Петра Маркыча отличалась необыкновенной силой; она однажды держала пари съ цѣловальникомъ, что пронесетъ три мѣшка муки, отъ кабака до своей избы, за то, чтобъ эти самые мѣшки были ея призомъ, и выиграла его, положивъ два мѣшка на плеча, а третій позади шеи, на концы первыхъ двухъ мѣшковъ. — Эту силу въ особенности наслѣдовалъ старшій ея сынъ, Филимонъ Маркычъ, находившійся въ дружбѣ съ Петромъ, и всегда ходившій вмѣстѣ съ нимъ на соболиный промыселъ.

Нынѣ изъ Чарышской станицы никто не ходитъ соболевать; молодое поколѣніе обратилось къ болѣе спокойному и надежному земледѣлю и скоро типъ соболевщика исчезнетъ въ Алтаѣ. Эти завоеванія «рогалья» *), истребляютъ тотъ

*) *Рогаль* называется ручка сохи, посредствомъ которой дается направление сошнику. «Взяться за рогаль» значитъ принятъ за хлѣбопашество.

образъ жизни, который имѣеть для Сибири такое же значеніе, какъ казачество для южной Россіи; періодъ звѣрованья, теперь нами отживаемый, былъ чѣмъ-то въ родѣ среднихъ вѣковъ для Сибири; нужно было сибирскому народонаселенію укрѣпить свой духъ, что совершается всегда путемъ тревожной жизни; но столѣтія было достаточно, чтобъ совершенно усмирить обложенныхъ ясакомъ инородцевъ, и придти къ монотонной жизни великорусскихъ поселеній. Взаимѣнь войны, исторія дала сибиряку звѣроловную жизнь, исполненную подвиговъ, неудачъ, страстей и трудностей. Я смотрю на соболевщика не иначе, какъ на маленькаго рыцаря; то же пренебреженіе семейной жизни и промѣна ея на опасности, только не изъ-за принципа общественной пользы и безопасности, а изъ страсти къ личному обогащенію, что составляетъ самую важную особенность сибирскаго народнаго характера.

Впрочемъ не одни экономическіе расчеты увлекали звѣровщиковъ въ чернь, а также обаятельная свобода лѣсной жизни, то наслажденіе, которое и мы, горожане, испытываемъ, очутившись въ пустынномъ лѣсу, какъ на незнакомой необитаемой планетѣ. Мнѣ жены соболевщиковъ рассказывали, что онѣ часто видали своихъ мужей въ слезахъ отъ радости, при наступленіи времени соболинаго промысла; самъ Петръ Маркычъ сознавался, что онѣ плакалъ передъ отправленіемъ на бѣлки. Неужели эти дѣтскія слезы у грубыхъ, сорокалѣтнихъ мужиковъ не свидѣтельствуютъ, что у нихъ «чувствованіе природы» (Гумбольдтъ) живѣе, чѣмъ у насъ?

Прежде соболиннй промыселъ производился на всѣхъ тѣхъ горахъ, которыя носятъ названіе бѣлковъ; такъ соболевали на Абинскомъ бѣлкѣ, по рѣчкамъ Чечулихѣ, Башалакѣ, Талицѣ и даже на извѣстной уже читателю Плѣшиной горѣ; но нынѣ на послѣдней странно было бы встрѣтить и одного соболя, потому-что граница обитанія этого звѣрка отодвинулась на югъ; впрочемъ и во времена лучшей охоты Петра Маркыча главный промыселъ производился на Убинскихъ бѣлкахъ, т. е. на тѣхъ, которые лежатъ на сѣверъ отъ вершинъ Убы. Для этого чарышскіе соболевщики поднимались по долинѣ рѣчки Сентелека до вершинъ его, пере-

внизъ черезъ Чарышскій хребетъ, идущій подъ названіемъ Чарышскихъ, Хапркумирскихъ и Коронскихъ бѣлковъ, спустились въ долину рѣки Ини и по ней вновь поднимались на Убинскіе бѣлки и располагались наконецъ на ихъ южной сторонѣ; передъ ними лежала внизу долина рѣки Убы, а за ней тянулся снѣжный Коровій хребетъ, идущій между рѣками Ульбой и Бухтармой, и извѣстный у обитателей южной своей стороны подъ названіемъ Листвянскаго хребта *).

Завасъ на иѣкоторое разстояніе завозили на лошадяхъ, для чего высѣкали въ снѣгу ступеньки, а далѣе тащили на себѣ, сложивши его на моралью шкуру, положенную шерстью внизъ. На горахъ соболевщики имѣли постоянныя избушки, и пришедши на промыселъ обзаводились полнымъ хозяйствомъ. Устройство ихъ избушекъ такъ просто, что неволью приводитъ къ сравненію жизни соболевщиковъ съ звѣроловною жизнью тѣхъ славянъ, которые занимали лѣса средней Россіи. Входъ въ избу запирался дверью, вертѣвшеюся на пятѣ; внутри ея, у стѣны была битая печь безъ чувала, потому что такая печь, по словамъ Петра Маркыча, жарче нагреваетъ избу и скорѣе сушитъ одежду, вымоченную на промыслѣ; для выхода дыма сдѣлана въ стѣнѣ отдушнина, затыкаемая травой; кромѣ того въ стѣнѣ прорубалось окно, или два, по числу артельщиковъ, чтобъ въ ненастье, когда бываетъ скучно, каждый могъ сидѣть у своего окна и смотрѣть, но крайней мѣрѣ, на лѣсъ; для спанья около стѣны дѣлали нары; одинъ уголь избы рубили надъ ключемъ, чтобъ можно было брать воду, не выходя изъ избы; это потому было необходимо дѣлать, что зимой ключи въ черни бываютъ завалены глубокимъ снѣгомъ и текутъ подъ ледяной корой, и постоянно содержать прорубь было бы трудно. Избу звѣролововъ завозило снѣгомъ на нѣсколько сажень, и потому обитаемое мѣсто имѣло видъ снѣжной пустыни въ густомъ лѣсу; бѣдные признаки жизни усматривались только

*) Въ Алтаѣ часто одна гора у жителей деревни на сѣверной сторонѣ называется другимъ именемъ, чѣмъ у жителей южной стороны. Такъ около Чарышской станицы гора на лѣвомъ берегу Чарыша называется Чалинской; крестьяне же деревни Березовки, расположенной у ея южной подошвы, называютъ ее Сосновой.

въ рубленыхъ дровахъ и въ *сайель*, или амбарѣ, висѣвшемъ на вершинахъ нѣсколькихъ деревьевъ, какъ гнѣздо необыкновенной птицы. Посреди этой мертвой картины отвѣсная яма вела къ дверямъ звѣроловой избушки; снаружи только покатошь къ ямѣ съ обѣихъ сторонъ свидѣтельствовала о существованіи подъ снѣгомъ быстрого ключа, который журчалъ внутри избы.

Отдѣльно отъ избы рубили баню по черному, въ которую ходили каждую недѣлю, но бѣлья не перемѣняли и по восьми и девяти недѣль ходили въ одной рубахѣ, такъ что домой приносили только одни вороты; но не смотря на грязноту рубашки, они не могли жаловаться на зудъ.

Сѣстные запасы хранились въ *сайель*, которая устраивалась слѣдующимъ образомъ. На четыре близко стоящія другъ къ другу осоченные деревья клали двѣ сѣги, и на нихъ настилали полати; сверху полати закрывались двускатной крышей съ забранными досками лбами; чтобъ достать что-нибудь изъ сайвы, приставляли къ ней лѣстницу, выдвигали снизу одну доску и просовывали голову и руки въ образовавшееся отверстіе; сайва устраивалась на высотѣ семи аршинъ надъ землей или поверхностью снѣга; хотя медвѣдь или росомаха и могутъ съ трудомъ залѣзть по осоченнымъ деревьямъ на эту высоту, но такъ какъ концы сайвы далеко пропущены въ стороны, то они не могутъ закинуть лапы, чтобъ перелѣзть на верхнюю сторону сайвы. Здѣсь дѣлали закромокъ для муки, и также хранили мясо моралье или убитую птицу, масло, лукъ и проч. Иногда здѣсь же хранился найденный въ черни медъ дикихъ пчелъ. Утварь звѣролововъ состояла изъ кадушекъ, квашенокъ для тѣста, сита, чугунокъ для щей, сковороды для жаркаго и горшка вмѣсто корчаги, въ которомъ заводили квасъ.

Снѣга въ черни бываютъ такъ глубоки, что промышленнику нельзя рукой зачерпнуть воды въ полыньяхъ Убы; стѣны полыньи были такъ высоки, что до поверхности воды можно было достать только кондомъ шеста, который промышленники носили при себѣ для огребанья соболинаго путика; чтобъ напиться съ помощью этого орудія, они попеременно мочили конецъ его въ водѣ и втыкали въ снѣгъ,

пока на немъ не накопила значительный слой льда; тогда, обмакнутый въ воду, онъ удерживалъ на себѣ много капель, которыя скатывались въ подставленный ротъ звѣровщика. Весной, когда снѣга сходили, пни деревьевъ возлѣ звѣроловной избушки такъ высоко поднимались надъ землей, какъ будто были срублены съ помощью лѣстницъ. По увѣренію соболевщиковъ на бѣлкахъ зима гораздо теплѣе, чѣмъ въ долинахъ, и земля подъ снѣгомъ остается постоянно талою.

На соболинъй промыселъ отправлялись осенью по-голу, съ Воздвиженья (14-го сентября), на такъ называемый *путыкъ*, и ловили соболей кулемникомъ; зимой же ходили на *лоны*, и промышляли капканами, разставляя ихъ на дорожкахъ соболей.

Дорожка соболя состоитъ изъ *колодцевъ* или ямокъ, на разстояніи длины тѣла соболя, въ которыхъ онъ, скача, ставитъ сначала обѣ переднія ножки, потомъ обѣ заднія; снѣгъ подъ колодцемъ вырѣзываютъ ножомъ, вдвигаютъ подъ колодецъ ловушку, подкладываютъ съ боку вѣтокъ, чтобъ снѣгъ необвалился, заравниваютъ яму и наконецъ заматаютъ свой слѣдъ, потому-что соболю имѣеть острое чутье и угадываетъ опасность безъ этой мѣры. Тонкій слой снѣга, оставленный надъ ловушкой, обваливается подъ соболемъ и лапа послѣдняго ущемляется спущеной пружиной.

Кулема, другая обыкновенная ловушка на соболей, состоитъ изъ загородки, съ приманкой внутри и съ системой рычаговъ въ отверстіи, какъ у простой мышеловки. Онѣ устроиваются около дерева; загородка состоитъ изъ досочекъ, стоймя вбитыхъ въ землю по двумъ полукругамъ, которые съ одной стороны упираются въ пень дерева, а съ другой не смыкаются только на поларшина; сверху загородка закрывается накатцемъ и хвойными вѣтками; входъ въ кулему состоитъ изъ верей, низъ между которыми забранъ въ видѣ порога, а на веру подвѣшены шестики, поддерживающіе *давокъ*, или большую тяжесть, которою и придавляется лапа соболя, когда онъ полѣзетъ внутрь кулемы за приманкой. Внутри кулемы, по срединѣ, втыкается въ землю колышекъ, поддерживающій на своей вершинѣ убитаго рябчика, тетеря или кошку-сѣноставку.

По приходѣ на промыселъ, соболевщики въ продолженіе первой недѣли занимались приуготовительными работами, дѣлали кулемникъ, ловили для животн кошечекъ-сѣноставокъ, стрѣляя ихъ и ставя на дорожкахъ черканы, капканы, плашки и кулемки, и наконецъ разставляли кулемки на соболей, иногда на пространствѣ 50 верстъ. Чтобъ не потерять дорогу къ своему стану, звѣровщики, разставляя кулемы въ дремучемъ лѣсу, дѣлали *тоси* на деревьяхъ на каждыѣхъ десяти саженьяхъ, какъ золотонскательныя партіи въ Енисейской тайгѣ и промышленники древней Сибири, переходившіе такимъ образомъ неизвѣстные водораздѣлы и открывавшіе новыя рѣки и страны. Остальное время промысла состояло только въ осмотрѣ кулемъ; иногда двѣ ночи придется соболевщику начевать въ лѣсу прежде, чѣмъ онъ возвратится съ осмотра на станъ; потому они брали иногда съ собой со стану запасу на нѣсколько дней, таща его сзади на моральей шкурѣ за веревку; моралья шкура замѣняла здѣсь сани и даже нарты и вѣроятно была первымъ экипажемъ у всѣхъ звѣроловныхъ народовъ сѣвера, и можетъ быть у древнихъ славянъ.

Когда въ одной избушкѣ жила артель изъ трехъ или болѣе челоувѣкъ, то одинъ оставался для протапливанія ея и для приготовленія пищи товарищамъ, пока они находились на осмотрѣ ближнихъ кулемокъ. Единственное развлеченіе этого кашевара въ отсутствіе товарищей — поддерживаніе постоянного огня въ печи; въ этомъ одиночествѣ иногда разстраивалось воображеніе, и черная избушка, освѣщаемая перемежающимися, наводящими тоску, огнемъ, навоплялось колеблющимися привидѣніями. Филимонъ Маркычъ, братъ Петра Маркыча, прихворнувши на промыслѣ, принужденъ былъ поневолѣ дежурить нѣсколько дней сряду; это такъ утомило его духъ, что въ послѣднія ночи, какъ только смеркалось, онъ сталъ грезить; каждый разъ маленькіе черти съ острыми головами, называемые здѣшнимъ народомъ *шилкунами*, и выростутъ, какъ трава, у порога; сначала они рѣстомъ не выше порога, но потомъ начинаютъ расти, длиннѣть, упираются головами въ потолокъ, и, кажется, поднимаютъ его все выше и выше, такъ что Филимонъ Маркычъ уже не ви-

дѣтъ его и какъ будто сидѣтъ на днѣ узкой, какъ колодець, пещеры; онъ тотчасъ раскладывалъ болѣе огня, и когда дрова, треска, разгорались и обливали пзбушку полнымъ свѣтомъ, она принимала прежніе скромные размѣры и привидѣнія исчезали. Молитвы не помогали Филимону Маркычу и онъ долженъ былъ просиживать ночи на пролетъ, безпре- станно поджигая огонь. Петръ Маркычъ вполне вѣрилъ рассказамъ своего брата и былъ убѣжденъ въ существо- ваніе нечистой силы, и хотя самъ избѣжалъ встрѣчи съ нею, проводя въ этой же избушкѣ иногда по два мѣсяца на промыслѣ одинъ, совершенно безъ товарищей, слѣдовательно въ 150 верстахъ отъ всякаго жилаго мѣста, но приписы- валъ это тому, что нечистый уважалъ его, какъ строителя этой избушки; русскіе въ Алтаѣ думаютъ, что нечистому также необходимо тепло, какъ и человѣку, и промышлен- ники даже часто выдали его грѣющимся у огня, разведен- наго нпн, во время ночлега въ лѣсу, когда всѣ уже снятъ; потому неудивительно, что печистый питалъ къ Петру Мар- кычу родъ благодарности. Въ русскихъ сказкахъ часто встрѣ- чается типъ необитаемой звѣроловной избушки въ лѣсу; можетъ быть вятичи, радимичи и древляне рубили въ лѣ- сахъ средней Россіи одинокія избы, звѣровали около нихъ и потомъ покидали, предоставляя во владѣніе бабы-яги или другаго *не русскаго* духа.

Кухня звѣролововъ на бѣлкахъ была довольно разнообразна. Изъ завезенной, изъ своей долины, муки они пекли хлѣбы, по отзывамъ ихъ самихъ, довольно вкусные; кромѣ того они всегда бывали богаты дичью, ловили глухарей па- стями, разставляемымъ на бѣлкахъ, и били нерѣдко мора- ловъ и лосей. Впрочемъ моралы только осенью бываютъ на бѣлкахъ, а когда снѣга сдѣлаются глубже, они спускаются къ рѣчкамъ Коргону, Талицѣ, Плясавчихѣ и другимъ. Однажды русская артель, бывшая на промыслѣ, встрѣтила стадо мо- раловъ, застигнутыхъ снѣгами; положеніе животныхъ было несчастное; кто изъ нихъ ни подойдетъ къ дереву и обра- зится въ снѣгъ; почему-то снѣгъ былъ особенно рыхлъ около деревьевъ; вѣроятно теплота, исходящая изъ земли подъ снѣгомъ и дѣлающая почву талою, возгоняется подлѣ

древесныхъ стволовъ, подобно тому, какъ послѣ дождя, уже на обсохшей почвѣ садовыхъ дорожекъ, появляются черныя сырыя пятнышки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся срѣзанные стволы травянистыхъ растений, служащіе въ этомъ случаѣ для нижнихъ слоевъ почвы естественнымъ дренажемъ. Пятдесятъ мораловъ было зарѣзано на мѣстѣ, и нарѣзали бы еще болѣе ста, еслибъ одинъ промышленникъ не вспомнилъ вѣроятно старинное установленіе промышленниковъ, предразсудочное, но не лишенное человѣчности: «Богъ не покажалъ мясо даромъ бросать, а вѣдь намъ всего мяса и теперь не убрать, для однѣхъ шкуръ рѣжемъ.» Эти слова остановили рѣзню. Разказъ вѣроятно достовѣрный, потому что переданъ мнѣ Петромъ Маркычемъ, какъ современное ему происшествіе.

Каждый разказъ, подробно передаваемый самимъ соборевщикомъ, есть маленькая поэма, возбуждающая подъ конецъ сильный интересъ въ слушателя. Притомъ увлекательно передавать ихъ умѣютъ только сами охотники; не надѣясь сохранить живость разказа Петра Маркыча объ одномъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ его охоты за моралами, я все таки думаю, что простая передача его ближе сведеть читателя съ дѣйствительностью. Вотъ разказъ Петра Маркыча:

«Несъ я на станъ пятнадцать ловушекъ желѣзныхъ на спинѣ; не далеко и до стану; снѣгъ идетъ, нога съ лыжами такъ и тонетъ по колѣно; вдругъ вижу подъ ногами *лунникъ*, т. е. свѣжій моралій слѣдъ; думаю — мораль близко. Поднялъ глаза, а онъ за колодой тутъ и есть; большущая пихта повалилась, а онъ за ней улегся, поднявъ голову, и смотритъ на меня, а рожки торчатъ вверхъ. Я къ нему, бросилъ и ловушки на дорогѣ; двѣ версты подался онъ въ гору, — я думалъ, что онъ пойдетъ на бѣлокъ, — а онъ вдругъ поверотилъ внизъ, да моимъ же слѣдомъ въ лѣсъ и направился; я не отстаю, да и догнать не могу; сколько у него нога тонетъ въ снѣгу, столько и у меня; снѣгъ свѣжій, не держитъ. А я весь смокъ, задѣваю за лѣсъ, съ него и валится снѣгъ и таетъ. Онъ заложивъ свою *борону* на спину, и идетъ потихоньку. Вотъ вышли мы оба на чистое мѣсто. Я ужъ

зналъ тутъ, куда ему слѣдуетъ идти и на какое мѣсто выйти, и пошелъ туда на прямикъ, а онъ идетъ обходомъ и сошлись,—въ двадцати саженьяхъ онъ прошелъ мимо меня впередъ. Рассмотрѣлъ я его близко,—языкъ длинный высухнулъ, еле-еле шагаетъ, да и я не лучше. Тащимся другъ за другомъ. Вотъ онъ подъ гору, а круто; я тоже за нимъ подъ гору, такъ не ловко было спускаться; лыжи мои какъ-то уткнулись въ снѣгъ, я и полетѣлъ вверхъ ногами, и запутался. Пока я выкарабкивался, всталъ — мораль ужъ сажень на пять ушелъ отъ меня. Я не знаю, что дѣлать. Говорю: «Николай Чудотворецъ! создай его монмъ.» Ужъ верстъ двадцать я гонюсь за нимъ, солнце стало закатываться. Тутъ пришелъ мораль къ ключику; онъ только спустился и провалился въ снѣгъ; видно ключикъ былъ подъярый; вотъ я тороплюсь къ нему; какъ подошелъ и упалъ на него, и обнялъ руками. Вскочилъ, сталъ ногой на горло, пластулъ ножомъ и давай свѣжевать, а самъ думаю: «это смерть мнѣ Богъ послалъ; сумерки, усталъ, до стану далеко, приду ли на станъ живой.» Освѣжевалъ я его и потащилъ было на себѣ моралину, да тяжела была, и его въ лѣсу мочило, самъ потной былъ, какъ я снялъ шкуру съ его, мокро-то на ней и застыло; бросилъ я ее и взялъ только одинъ соколокъ (грудную часть). А артельщикъ мой, Филимонъ Маркычъ, въ это время не надивится, куда дѣвался мужикъ, выйдетъ изъ избы, посмотритъ на всѣ стороны — не видать; опять уйдетъ въ избу, думаетъ — либо снѣгомъ завалило, либо за мораломъ извязался; не ложится спать, ждетъ утра. А я какъ выпелъ на свою лыжницу, подморочало на небѣ, тепло стало, иду по тихоньку, не тороплюсь, гдѣ и полежу. Подошелъ я къ избушкѣ, спялъ лыжи и стукнулъ ими, артельщикъ и выскочилъ; увидѣвъ соколокъ за поясомъ, и говоритъ: «ну я правду положилъ, что за моралами извязался.» Давай мы тутъ варить ужинъ, а на завтра пошли за мораломъ.

Охота за лосемъ, или сохатымъ, гораздо труднѣе охоты за мораломъ. Мораль всегда спасается отъ непріятеля бѣгствомъ; лось, сознавая свое могущество, смѣло ожидаетъ на мѣстѣ нападенія; потому собаки могутъ остановить морала

только зимой, въ глубокихъ снѣгахъ, а осенью онъ всегда уходитъ отъ нихъ; напротивъ лось онѣ остававливаютъ и осенью; лось самъ вступаетъ въ борьбу, и отражаетъ нападенія собакъ, кусаясь какъ жеребецъ и лягая почти всѣми четырьмя ногами въ разъ такъ сильно, что если бой происходитъ въ тѣсномъ лѣсу, то кора черепьями слетаетъ съ окрестныхъ деревьевъ. Если бой происходитъ на рѣкѣ, и лось обратился въ бѣгство, то при первой полыньѣ его должно считать потеряннымъ, потому что онъ не упуститъ случая броситься въ нее; собаки преслѣдуютъ его на водѣ; но на другомъ концѣ полыни лось съ легкостью птицы выскакиваетъ изъ воды, тогда какъ собакъ теченіе удѣрживаетъ подъ ледъ. Туша сохатаго давала по 17 и 20 пудовъ мяса; студень изъ верхней губы соболевщины считали вкуснѣйшимъ блюдомъ своей кухни.

Нерѣдко промышленникамъ угрожала на бѣлкахъ голодная смерть, когда запасъ выходилъ, а продолжительные бураны не позволяли своевременно спуститься въ долину. Такъ случилось однажды съ артелью, состоявшей изъ Петра Маркыча, Филимона Маркыча и еще одного промышленника, чужаго имъ. Только что они закончили запасъ, поднялся буранъ и дулъ десять дней сряду; всѣ крохи и корки, какія кой-гдѣ еще валялись, были съѣдены; главную пищу составляли маленькіе хлѣбцы, испеченные изъ отрубей, которыя лежали подъ лавкой; всѣ обглоданныя кости собрали и стали снова варить; но и этотъ запасъ сталъ истощаться; на десятый день остался на всѣхъ одинъ хлѣбецъ величиной въ два кулака; положеніе духа промышленниковъ было уже такое, что третій товарищъ сталъ опасаться за свою безопасность; «вы родные братья: при послѣдней крайности вы меня убеге и съѣдите», сказалъ онъ имъ, и отдѣлился отъ нихъ въ баню; но на слѣдующій день ясное морозное утро обрадовало ихъ; они взяли соболей, и въ тотъ же день спустились домой.

Такія происшествія укрѣпляли характеры соболевщиковъ. Другая артель также находилась въ положеніи, близкомъ къ голодной смерти; разстояніе до жилья было такъ велико, что они плохо надѣялись не умереть дорогой, — и спасеніемъ были обязаны спокойствію духа своего предводителя, кото-

рый говорилъ имъ: «миѣ бы только кости вынести домой, а в тѣлѣ не думаю, — наростеть.»

Случалось иногда, что одинъ изъ артельщиковъ дѣлался больнымъ; тогда артель оставляла ему припасы и спускалась въ долину, чтобъ дать знать его роднымъ о его болѣзни, и больной оставался одинъ въ черни, дожидаясь, когда за нимъ придутъ съ носилками. Однажды случилось это съ знакомымъ Петру Маркычу соболевщикомъ; два его товарища принесли извѣстiе объ немъ въ станицу, и родственники соболевщика наняли четырехъ молодыхъ промышленниковъ, подняться на бѣлокъ и вынести больного; они получили уже и задатокъ и, сдѣлавъ изъ моральей шкуры носилки, отправились въ дорогу; по условiю, они должны были нести его на рукахъ, а не тащить по землѣ. Но когда они пришли на станъ, больной соболевщикъ выздоровѣлъ совершенно; не смотря на то, онъ по капризу не согласился уничтожить контракта, не принявъ обратно задатка и требовалъ, чтобъ наёмщики несли его съ горъ, хотя онъ и здоровъ; договоры въ черни исполняются гораздо лучше, чѣмъ въ городахъ подъ надзоромъ полицiи; наёмщики приняли его на носилки и на плечахъ спустились въ долину, не смотря на неудобство такого путешествiя, потому что ноги ихъ не равномерно катились внизъ по скатамъ или безпрестанно запинались за колоды; особенно торжественно было прибытiе соболевщика въ свое село, въ этомъ сѣверномъ паланкнѣ.

Петръ Маркычъ выкаживалъ на лыжахъ по сту верстъ въ день; однажды онъ спустился въ одинъ день съ Убы на Чарышъ, таща на себѣ моральну, кромѣ соболей.

Петръ Маркычъ съ жалью вспоминалъ то время, какъ прожитое счастье. Онъ говорилъ, что живо помнить всё мѣста, гдѣ онъ ставилъ кулѣмки, гдѣ что случилось, такъ что, когда онъ проходилъ въ воспоминанiяхъ свою собственную исторiю, червь возникала въ его воображенiи полной панорамой, каждое мѣсто которой оживлено было происшествiемъ. Онъ по прежнему усердно соболевалъ во снѣ, и я думаю, что для него не нужно было другихъ благъ рая, какъ возможности соболевать по прежнему. А если бы какiя-нибудь неестественныя силы, перенесли Петра Маркыча на мѣста

его прежняго поприща — онъ не вынесъ бы этого счастья, онъ умеръ бы, какъ мать, черезъ двадцать лѣтъ увидѣвшая своихъ дѣтей.

Прелесть соболинаго промысла состояла во-первыхъ въ свободѣ отъ условій общественной жизни, во-вторыхъ въ легкости добычи и въ-третьихъ — въ молвѣ, предметомъ которой становился счастливыи соболевицикъ. — Жизнь эта, сопряженная съ опасностями и затрудненіями и требовавшая болѣе твердости характера и безстрастія, чѣмъ ума, сдѣлала изъ Петра Маркыча суроваго семьянина. Жена, которую онъ любилъ за ея вѣрность, обиходливость и безоружность, должна была выносить безконечныя обиды и исполнять странныя прихоти Петра Маркыча. То онъ бранился, что ребенокъ не чистъ, и упрекалъ жену въ недостаткѣ привязанности къ дитяти, то съ бранью приказывалъ взять его прочь и говорилъ: «не люблю его кувяканья.» Этой безалаберностью онъ отличался конечно только въ своей избѣ, и внѣ ея смиренно подчинялся старшей власти. Ему было нужно, чтобъ жена любила его тогда только, когда хотѣлъ быть любимымъ; въ другое время она надоѣдала ему, и онъ превращался въ привязчиваго деспота. Самъ Петръ Маркычъ сознавался, что онъ много грѣшилъ въ своей жизни, и отъ такой жены смиренницы ходилъ по сторонѣ; «ты не смотри, какой я теперь смиренный, сказалъ онъ мнѣ однажды; я былъ звѣремъ. Доставалось отъ меня этой цыпушкѣ.» Это было сказано голосомъ раскаянія, и мнѣ казалось, что онъ самъ удивлялся безпутности и безнаказанности своего поведенія.

Жена его Палагея Ивановна сохранила болѣе него свѣжести. Она проворно стряпала, наблюдала за птицей, огородомъ и скотиной, ходила за водой, убирала въ избѣ и во дворѣ, и приговаривала: «не такая бы я еще была, если бъ не была столько бита.» *) Она также убѣждала меня не судить о Петрѣ Маркычѣ по нынѣшнему его состоянію, и рассказывала, что она не знала замужемъ, какъ бабы выходятъ въ воскресенье на крыльцѣ сидѣть; Петръ Маркычъ отпускалъ ее съ работы только въ сумерки; на улицѣ хороводы ходятъ,

*) Эти слова я очень часто слышала отъ старушекъ въ Алтай.

а она, воротясь съ поля, бѣжить за зыбкой съ ребенкомъ на край станицы, гдѣ она нанимала одну старушку нянчить его; потомъ нужно было уговорить его или доить напередъ коровъ, держа его у себя въ колѣняхъ. Утромъ, до зари, она снова относла ребенка на край деревни и уходила съ мужемъ въ поле. Самъ Петръ Маркычъ работалъ безъ усталы, не варивъ ни обѣда, ни ужина, чтобъ не тратить времени, и если была лунная ночь, то они на пролетъ метали стога. Такими усиленными трудами наживали они хозяйство. Впрочемъ Петръ Маркычъ считалъ себя въ правѣ сейчасъ же его спустить, не предполагая, что оно на половину принадлежитъ женѣ, и ей очень часто случалось видѣть подтвержденія этого образа мыслей Петра Маркыча; она должна была молча вынимать деньги изъ сундука, когда онъ гулялъ съ товарищами, сидѣть, не спать и дожидаться конца гулянки. Еще грустнѣе было ей, когда ея трудовая копейка шла на уборы чужой дѣвицы; но это уже и самъ Петръ Маркычъ дѣлалъ скрытно.

Петръ Маркычъ обращался съ Палагей Ивановной очень круто; однажды оказалось очень мало пива, а онъ только что похвастался одному прїѣзжему гостю тѣмъ, что его жена варитъ лучшее въ деревнѣ пиво. Петръ Маркычъ вызвалъ жену черезъ заднее крыльцо на дворъ и, высѣкши ее безчеловѣчно, возвратился къ гостямъ совершенно спокойнымъ. Самъ онъ рассказывалъ мнѣ о другомъ своемъ грубомъ поступкѣ: когда его назначили на службу въ городъ за тысячу верстъ отъ Чарыша, онъ придумалъ средство отдѣлаться отъ этого назначенія, — назначались только тѣ, которые имѣли лошадей, — Петръ Маркычъ имѣлъ одну лошадь и долженъ былъ на ней отправиться въ путь; онъ пошелъ вмѣстѣ съ прочими, но въ третьей станицѣ отъ Чарыша лошадь его обезножилъ, такъ что его должны были отпустить домой и вмѣсто него назначить другаго. Онъ не пожалѣлъ бѣдной лошади и вколотилъ ей подъ копыто гвоздь.

Все это однакожъ перемѣнилось, и сорокалѣтній Петръ Маркычъ нынѣшнему Петру Маркычу казался просто мальчишкой, шалуномъ. Палагея Ивановна вступила въ свои права (только на шестидесятомъ году!) и когда Петръ Маркычъ

шутя, божился, что онъ не позволитъ ей нынѣ ѣхать въ гости къ зятю, она говорила: «не мели понапрасну. Вѣдь ужъ отошла твоя-то лафа, теперъ я стала старше».

Сынъ Петра Маркыча, Петръ Петровичъ, не могъ уже сдѣлаться соболевщикомъ, но начало его жизни было похоже на дѣтство соболевщика. Десяти лѣтъ, онъ, какъ и всѣ здѣшніе маленькіе горцы, занимался ловлею дикихъ кошечекъ или суслениковъ и колонковъ, и продавалъ уже свою добычу за деньги проѣзжему купцу, а на деньги пріобрѣталъ какую-нибудь вещь для дома. Петръ Петровичъ наследовалъ характеръ своей матери, и былъ смиренный и послушный ребенокъ, потому, когда сталъ понимать себя; до этого онъ былъ больной, и потому плаксивый и капризный. Я не знаю, былъ ли обрадованъ Петръ Маркычъ первой добычей сына, но самъ сынъ былъ въ восхищеніи отъ первой шкурки колонка; онъ цѣлый вечеръ, лежа на полатяхъ, совѣтовался съ матерью, которая прямила на лавкѣ, — что купить бы на колонка.

— Мама! я куплю горшокъ?

— На что его?

— А ты утромъ говорила: «горшковъ много, а цѣлаго ни одного нѣтъ».

— Горшковъ и безъ того много.

— Нѣтъ, я куплю.

— Ну, да ужъ, купи.

— Или купить тебѣ платокъ?

— Чего и говорить, купилъ парень-то платокъ за колонка!

— Такъ что же бы купить, мама? Пстой, сѣрко нашъ ходитъ безъ ошейника.

— Еще чего лучше?

Такого рода разговоръ продолжался до самого ужина, и матери не было нисколько скучно вести его. Кончилось тѣмъ, что на другой день пришелъ въ избу вязниковецъ и вымѣ-

пять колонка на подноспкѣ, который сохранился до моего времени.

Другое занятіе десятилѣтнихъ горцевъ, въ которомъ также участвовалъ Петръ Петровичъ, было лученье по рѣчкамъ. Осенью нѣсколько мальчиковъ составляютъ артель и отправляются на ближайшія къ селу горныя рѣчки; они дѣлятся по-парно, одинъ идетъ берегомъ, неся въ одной рукѣ торбу для собиранія рыбы, а другой рукой поддерживаетъ на спинѣ связку двухъ-аршинныхъ сосновыхъ лучинъ; другой товарищъ его идетъ съ маленькой острожкой и пукомъ зажженныхъ лучинъ впереди его по рѣчкѣ вверхъ, чтобъ вода мутилась сзади, а не спереди, передъ глазами; освѣщая путь свой, онъ смотритъ на дно рѣчки, и увидавъ спящую внизъ хвостомъ рыбу, убиваетъ ее; на ноги, чтобъ не щекотило и не рѣзало голыхъ пятокъ, надѣваются чарки съ опушками. На этихъ дѣтскихъ забавахъ и приучаются здѣшніе поселяне къ мѣткости при лученіи.

Не мало торжества Петру Петровичу доставилъ первый успѣхъ и на этомъ поприщѣ. Онъ сдѣлался наконецъ полезнымъ членомъ семейства, постоянно принося по торбѣ рыбы, такъ что, благодаря его усердію, Палагея Ивановна безпрестанно варила уху. Но особенно Петръ Петровичъ былъ счастливъ, когда онъ самъ сдѣлалъ мордочку, утвердилъ въ рѣчкѣ, и послѣ обѣда отправился осмотрѣть ее; въ ней сидѣлъ огромный тальмень; поддѣвши его за жабры, онъ взвалилъ его себѣ на спину и отправился домой; хвостъ висѣвшаго сзади тальменя почти касался пятокъ маленькаго Петра Петровича, когда онъ входилъ въ село, встрѣчаемый своими товарищами.

Скоро Петръ Маркычъ сталъ брать его съ собой на рыбалку и позволялъ бить рыбу настоящей острогой; Петръ Петровичъ пристрастился къ этому способу рыбной ловли и сдѣлался лучшимъ *лучельщикомъ* въ станицѣ. Это искусство составляло его главную славу; здѣсь каждый селянинъ имѣетъ за собой какое-нибудь занятіе, которымъ онъ извѣстенъ въ окрестности; одинъ лучше или болѣе всѣхъ ловитъ козловъ, профессію другаго составляетъ охота на медвѣдя, третьяго отъяскиваніе дикаго меду въ лѣсу; въ ловляхъ рыбы остро-

гой Петръ Петровичъ не имѣлъ соперниковъ; но кромѣ того онъ успѣшно занимался другими родами охоты, такъ напри- мѣръ онъ съ избыткомъ ловилъ ямами козуль, въ каждую осень налаживалъ на своей пашнѣ до двѣсти тетеръ, умѣлъ налаживать сохи и лечилъ одну конскую болѣзнь — исплекъ, вся станица обращалась къ нему за пособіемъ отъ этой бо- лѣзни и для исправленія сохъ. Кромѣ того, онъ прекрасно вязалъ снопы, прочно и красиво, и лучше его никто не могъ завершить стога. Пашню Петра Петровича тотчасъ можно было отличить отъ прочихъ по красотѣ коническихъ суслоновъ, которая зависитъ отъ пропорціональной завязки верхняго сно- па, опрокинутаго внизъ колосьями и служащаго суслону кры- шей; если перевязка его сдѣлана слишкомъ далеко отъ жни- ва, суслонъ выйдетъ большеголовый, если слишкомъ близко — на оборотъ. Петръ Петровичъ удачно избѣгалъ обоихъ не- достатковъ и шейки всѣхъ суслоновъ приходились у него на одной высотѣ.

Лученье рыбы есть самый интересный, самый увлека- тельный образъ ловли. Онъ производится въ осеннія ночи, когда вода чиста и рыба глубоко видна на рѣчномъ днѣ; какъ только вода *обръжется*, т. е. войдетъ въ настоящіе берега, по всему пространству отъ Печоры до Шялки, впа- дающей въ Амуръ, по рѣкамъ плаваютъ ночью лодки съ го- рящимъ смольемъ въ жаровняхъ и съ людьми, которые дер- жать въ рукахъ желѣзные остроги, орудіе, которымъ они поражаютъ спящую рыбу. Названіе этой рыбалки, кажется, происходитъ отъ употребленія огня, т. е. отъ слова *лучь*. Нѣкоторые не соглашаются съ этимъ мнѣніемъ и находятъ болѣе справедливымъ производить глаголь *лучить* отъ гла- гола *улучать*; но слѣдующія выраженія, которыя я слышалъ въ Алтаѣ, служатъ въ пользу перваго предположенія. Здѣсь спрашиваютъ: «поди съ лучемъ видѣли рыбу-то». Также го- ворятъ, что пять *лучей* т. е. пять лодокъ, на одномъ мѣстѣ рыбачили.

Огонь раскладывается на желѣзной рѣшоткѣ, утвержден- ной въ носъ лодки и называемой *козой*; на дрова въ Чарышѣ рубятъ сосновыя деревья, опаленныя весеннимъ пожаромъ, потому-что такія деревья оказываются смолистѣе. Дрова эти,

или *смолье*, какъ они обыкновенно называются, заготавливаются заблаговременно съ половины мая. Въ другихъ мѣстахъ, какъ на Иртышѣ и Оби (около Барнаула), для смолья вырываютъ сосновые корни. Острогой называется пяти-зубая желѣзная уда, насаженная на *ратовище*, семи аршинъ длины; для мелкой рыбы употребляется острога меньшихъ размѣровъ, называемая *хайрюзовкой* въ отличіе отъ *тальменевки*, употребляемой для крупныхъ рыбъ.

Охота за тальменемъ требуетъ наиболѣе ловкости и смѣлости. Рыба эта между здѣшними обитателями водъ отличается тѣми же свойствами, какъ щука въ тихихъ рѣкахъ равнины. Онъ проворенъ, смѣлъ и обжорливъ. Рыболовы рассказываютъ о немъ интересные анекдоты; во всемъ Алтаѣ известна уловка его, посредствомъ которой онъ освобождается изъ невода: онъ набираетъ въ ротъ дель, отдаляется отъ стѣны и потомъ съ размаху кидается впередъ; если силы его значительны, онъ дѣлаетъ дыру въ неводѣ и уходитъ; если онъ слабъ, то засыпаетъ съ делью въ рту*). Иные стараются прорвать дель простымъ ударомъ или перескакиваютъ черезъ верхнюю тетиву невода. Запоръ въ рѣчкахъ, который сбѣгается для того, чтобы мѣшать ему приподниматься вверхъ, также не служитъ ему преградой, если не высокъ, также какъ и пороги этихъ рѣчекъ: онъ выскакиваетъ изъ воды на воздухъ и перелетаетъ черезъ преграду. Пища его разнообразна: въ его животѣ рыболовы находятъ хайрюзовъ, мышей, крахалей, мелкихъ налимовъ, нельмъ и даже небольшихъ тальменей. Однажды на Зайсанѣ тянули неводъ, въ которомъ случилось множество всякой рыбы; всѣ они искали спасительнаго выхода; тальмень, который попался вмѣстѣ съ ними, обольстился на такое обиліе пищи, и, не сообразившись съ величиной одной рыбы, проглотилъ ее; она не могла помѣститься въ его внутренности и хвостъ ея торчалъ изъ рта тальменя.

Тальмень смѣло подходитъ къ лодкѣ, и, укрываясь подъ носомъ, держится всѣхъ ея движеній, чтобы безнаказанно любоваться свѣтомъ *козы*.

*) Поэтому здѣшніе рыболовы сами плетутъ дель изъ толстой нитки; казанная, т. е. ирбитская дель тонка и не выдерживаетъ ударовъ тальменя.

Весной тальмень поднимается вверхъ по Чарышу и входитъ въ побочныя рѣчки, въ маѣ онъ выкатывается изъ шихъ въ Чарышъ, а осенью катится назадъ изъ Чарыша. — Весной, во время его хода вверхъ, его ловятъ мордами; онъ тогда бываетъ пкряный и молочный; по замѣчаніямъ рыболововъ пкряный тальмень (самка) бываетъ жирнѣе молочнаго; пкра и молоки въ это время бываютъ такъ зрѣлы, что когда тальменей вынимаютъ изъ морды, эти вещества сами выкачиваются изъ отверстій; поэтому рыболовы затыкаютъ травой отверстія пкряныхъ тальменей. Когда они, выхолостившись, катятся изъ побочныхъ рѣчекъ въ Чарышъ, на нихъ ставятъ *сурпы*; время это совпадаетъ съ временемъ цвѣтенія черемухи; сурпой называется корзина, съ четырехугольнымъ устьемъ и съ постепенно-суживающимся глухимъ задомъ; недалеко отъ глухаго конца замѣтно небольшое разширеніе, она ставится въ протокъ, устьемъ вверхъ; открылки, сдѣланныя изъ прутьевъ, по обѣимъ ея сторонамъ, перегораживаютъ протокъ и тальмень вносится въ сурпу теченіемъ воды и ущемляется въ узкомъ мѣстѣ при разширеніи, въ которомъ не можетъ уже повернуться; въ одну сурпу иногда завязаетъ по три тальменя; если попадается хайрузъ, то онъ не въ состояніи повернуться въ этой узкой ловушкѣ.

Время съ половины мая до Госпожинокъ тальмени проводятъ въ Чарышѣ. Днемъ они держатся на глубинѣ плѣса, и не выходятъ на мель прежде, пока не зайдетъ за гору не только солнце, но и луна, хотя бы закатъ ихъ былъ морочный. Тогда онъ спускается на нижнюю изголовь шиверы, а если бываетъ испуганъ лучельщикомъ, то прячется въ волны верхней изголови. Въ эти-то ночи и отправляются лучельщики на свой промыселъ; если первая половина ночи лунная, то они ложатся дома спать, пока луна не спрячется за гору; иногда въ полночь они поднимаются съ своихъ постелей, выходятъ на берегъ и спускаются въ плѣсъ, въ которомъ днемъ еще замѣтили обиліе рыбы. Въ лодкѣ помѣщается лучельщикъ, пожилой рыболовъ, вооруженный острогой; въ кормѣ для управления лодкой сидитъ съ весломъ или десятилѣтній мальчикъ, или шестидесятилѣтній старикъ: на козѣ разводятъ огонь, который освѣщаетъ воду на глу-

бинѣ трехъ или четырехъ аршинъ съ ея населеніемъ; въ это время рыболовы стараются не стучать весломъ, чтобъ не испугать рыбы; лодка тихо катится внизъ по плёсу, иногда на одномъ плёсѣ охотятся нѣсколько лодокъ и рѣка представляется иллюминированною. На днѣ ея видны темные хребты спящихъ вдоль теченія тальменей или приткнувшихся къ берегу подъ прямымъ угломъ налимовъ; иногда случается лучельщикамъ видѣть одно изъ замѣчательныхъ явленій этого міра — подъемъ вверхъ по рѣкѣ нельмы для метанія икры; по ихъ рассказамъ, онѣ идутъ парами, и всѣ однимъ путемъ, такъ что опытные лучельщики, убивъ двухъ нельмъ и поплававъ по плёсу, чтобъ отвлечь вниманіе неопытныхъ, возвращаются на то же мѣсто, ждутъ и всегда дождутся другой пары. Иногда икрная нельма бываетъ такъ грузна, что не въ состояніи идти сама вверхъ противъ теченія, и два самца поддерживаютъ ее съ боковъ, сдавивъ ее своими боками; если лучельщики встрѣтятъ такую группу, они кидаютъ острогу въ боковаго, другой боковой конечно успѣваетъ спастись бѣгствомъ, но самка, оставленная ими, не въ состояніи скрыться и даже справиться съ теченіемъ — она переворачивается вверхъ брюхомъ, отдается на произволъ теченія и, безъ сомнѣнія, дѣлается добычей лучельщика. Эта скромность заставляетъ рыболововъ питать родъ уваженія къ этой рыбѣ и рыболовы озера Зайсана считаютъ ее свящею, и не принимаютъ чистить ее не умытыми руками.

Отъ удара нельма останавливается и не трогается нѣсколько времени, въ продолженіи котораго ее спѣшатъ ввалить въ лодку, иначе, очнувшись отъ удара, она станетъ биться и изрѣжетъ объ острогу свое мягкое тѣло. Эта же мягкость тѣла заставляетъ кидать острогу въ нельму, легче чѣмъ въ другую рыбу; сильный ударъ остроги перешибаетъ ее тѣло пополамъ; напротивъ, въ тальменя бьютъ съ размаху, потому-что онъ имѣетъ крѣпкую кожу; въ налима же стараются попасть ближе къ головѣ, потому что онъ покрытъ слизью, и острога, кинутая въ хвостъ, соскользаетъ. Если рыба убѣгаетъ отъ лодки, то лучельщикъ выбрасываетъ острогу изъ рукъ, направивъ ее въ рыбу; удары эти не имѣютъ промаховъ у искуснаго лучельщика, какимъ былъ

Петръ Петровичъ; острога, воткнувшаяся въ рыбу, выносятся вмѣстѣ съ ней на поверхность по легкости ратовища; здѣсь ее ловятъ. Если тальмень, испуганный, успѣетъ спрятаться въ гальки, а налимъ затаится подъ корягу, тогда лучельщикъ гремитъ острогой по каменистому ложу рѣки, держа ее за конецъ ратовища, и тѣмъ выгоняетъ рыбу изъ ея убѣжища. Тальмень любитъ быстрыя мѣста, и потому, на мелкомъ ли мѣстѣ онъ стоитъ, или на глубинѣ шѣса, онъ всегда избираетъ стрѣжь, т. е. быстрину, потому одно изъ условій успѣшной ловли — умѣнье распознавать стрѣжь отъ второстепеннаго течения. Поэзія этой ловли увлекаетъ лучельщиковъ заниматься ею по нѣсколько ночей сряду, что имѣетъ вредное вліяніе на глаза; по окончаніи промысла они болятъ у лучельщиковъ и покрываются краснотой. — Я самъ видѣлъ Петра Петровича съ глазами яблоками, красными какъ сургучъ. Возвращаются съ промысла уже на разсвѣтѣ; я помню эти возвращенія Петра Петровича съ своимъ отцемъ, который служилъ въ этихъ экскурсіяхъ кормчимъ: они снимали сырое отъ росы платье и развѣшивали на гвозди въ темномъ дворѣ; къ стѣнѣ приставлены остроги; къ нимъ во дворъ вышла семья осматривать добычу; въ плоскихъ бадьяхъ и въ торбахъ лежитъ раненная рыба, жена Петра Петровича перебираетъ ее рукой; Петръ Маркычъ рассказываетъ, что онъ начинаетъ замѣчать за собой уменьшеніе силы и что съ трудомъ поворотилъ лодку на валахъ, — въ это время самый младшій сынъ Петра Петровича, Алешка, который еще учился говорить, беретъ въ руки хайруза и обращается къ отцу съ вопросомъ:

— Тятя, это рыба?

— Рыба, отвѣчаетъ ему Петръ Петровичъ, продолжая разговаривать съ большими.

— Тятя, это удочка? спрашиваетъ Алешка, держа въ рукѣ удочку.

— Удочка.

И такъ далѣе.

Съ Госпожинокъ тальмень катится изъ Чарыша въ Обь, когда придетъ вода; въ продолженіи осени магѣйшій туманъ даетъ тальменю поводъ катиться; но чѣмъ морокъ

сильнѣе, тѣмъ сильнѣе бываетъ катъ, особенно, когда идетъ дождикъ и еще болѣе, когда по Чарышу гонитъ желтый листъ съ деревьевъ. Дѣйствительно ли онъ катится внизъ при этихъ обстоятельствахъ, или только *сдается на мизъ* въ своемъ плѣсѣ, въ которомъ онъ жируетъ, неизвѣстно, только при нихъ тальменей много бываетъ на нижнихъ частяхъ плѣсѣ. А если вода въ Госпожинки не прибудетъ и простоятъ въ берегахъ до сентября, какъ это случилось въ 1856 году, то тальмень вовсе не катится изъ Чарыша, хотя бы потомъ и пошли дожди и подняли воду. Когда начинаются забережники, здѣшніе рыбаки ловятъ рыбу неводами по курьямъ; на этихъ заливахъ ледъ прежде становится, потому что въ нихъ движеніе не значительное и забережники не ломаются, какъ въ Чарышѣ; въ это время рыба собирается подъ ледъ курей, особенно, когда онъ засыпанъ сверху снѣгомъ. Если льдину, покрывающую заливъ, сдвинуть, то и рыба идетъ вмѣстѣ съ нею; подъ эту льдину подкидываютъ неводъ и тянутъ, чтобъ собрать его на другомъ концѣ льдины, или *но-рять*, т. е. дѣлаютъ проруби въ льдинѣ, сквозь которыя управляютъ неводомъ. Такимъ образомъ добываютъ до двадцати и болѣе тальменей заразъ, и при томъ попадаются восьмичетвертные *). Въ это время, около 15-го октября, онъ уже бываетъ икранный.

Когда осенніе дожди взмутятъ воду, на рыбу ставятъ морды, въ которыя попадаютъ налимы и хайрузы, но тальменей уже не находятъ въ нихъ. Хайрузы также горная рыба, и отличается бойкостью и хитростью. Они также какъ и тальмени, бываютъ икранные уже осенью, а нерстятся весной; жирные хайрузы имѣютъ бѣлый цвѣтъ, тощіе или *мужыге* — черный, почему послѣдніе называются *синяками*; въ рѣкѣ Убѣ водятся только бѣлые жирные хайрузы, а въ Чарышѣ бѣлые рѣдко попадаютъ, и потому чарышскіе уступаютъ хайрузамъ рѣчекъ, въ него впадающихъ: Коксу, Хайръ, Кулшра, Ини и Тигирека; самыми же лучшими считаются убинскіе хайрузы.

Налимъ болѣе скромная рыба; уха изъ него считается

*) Въ 1856 году ловъ неводами по курьямъ начался 10 октября.

лучшею; особенно уважается *ксемь*, т. е. печенка, которая у здѣшнихъ бываетъ величиной съ ладонь, а у обскихъ въ книгу in-8°; во время счастливой рыбалки, когда налимовъ налавливается много, рыбаки варятъ себѣ уху изъ однихъ ксеней. Здѣшніе налимы вкуснѣе тѣхъ, которые водятся въ озерѣ Норъ-Зайсанѣ. Осенью дѣти ловятъ налимовъ по заберегамъ, ходятъ по ночамъ съ лучинами, и, увидѣвъ подъ свѣтлымъ льдомъ налима, бьютъ колотушкой по льду въ этомъ мѣстѣ; налиму бываетъ оглушенъ ударомъ, ледъ разрубаютъ и вынимаютъ его. Здѣшніе рыболовы рассказываютъ какъ налиму охотится на мелкую рыбу: онъ подходитъ къ утесу, прислоняется къ нему головой и широкимъ хвостомъ загребаеъ воду съ мелочью въ разинутый ротъ.

Нельма входитъ въ Чарышъ только осенью и дальше Чарышской станицы не проходитъ; рѣдко случается, что здѣсь набьютъ ее головъ до десяти въ осень; въ 1856 году убили двухъ нельмъ въ рѣкѣ Чарышѣ, противъ устья Кедровки, тридцать верстъ выше Чарышской станицы; это былъ случай, подобнаго которому Петръ Маркычъ не помнилъ. Въ это же время она спускается внизъ по рѣкѣ, такъ что приходитъ только, чтобъ выкидать икру, которая во множествѣ погибаетъ отъ хищныхъ хайрузовъ; во время нерста нельмы внутренности распластанныхъ хайрузовъ бывають набиты икрой этой рыбы.

Красная рыба, осетръ и стерлядь, начинаютъ попадаться въ обилии только ниже деревни Харловой; тутъ Чарышъ становится тише, и на немъ городятъ запоры, а еще ближе къ устью ставятъ самоловы. Въ нижній Чарышъ заходятъ изъ Оби, вмѣстѣ съ красной рыбой большія (по тридцати фунт.) щуки и большіе тальмени; послѣдніе въ Оби бывають въ три пуда, тогда какъ въ верхнемъ Чарышѣ рѣдко въ одинъ пудъ, и притомъ здѣсь онъ тоньше и называется *стрижникомъ*. Здѣсь семичетвертной тянетъ одинъ пудъ, а въ Оби аршинникъ имѣетъ столько же вѣса, а семичетвертной тянетъ уже два съ половиною пуда.

Въ горныхъ рѣчкахъ Алтая водятся еще двѣ рыбки небольшие: *гольянъ* и *писканъ* (пискаръ); первый называется такъ потому, что имѣетъ голую, безъ чешуи, кожу; онъ не

попадается въ Чарышѣ, но распространень по всему небольшому бассейну рѣки Убы, а также въ рѣчкахъ, впадающихъ въ Чарышъ и берушихъ начало къ западу отъ Тигерека; эта рѣчка есть послѣдняя на востокъ, въ которой водится голянь *). Также попадается рыба ускучь, но рѣдко; на сто другихъ крупныхъ приходится поймать одного ускуча; прежде ихъ было больше; причиною уменьшенія этой породы здѣшніе жители считаютъ крокость этой рыбы, отчего ее легче было убить острогой, чѣмъ другую. Ускучей привозятъ въ Чарышскую станицу изъ деревни Уйманъ, въ вершинахъ Катуня.

Объ составляетъ изъ двухъ рѣкъ Бія и Катуня: въ первой вода свѣтлая и темная, въ послѣдней мутная и бѣловатая; воды этихъ двухъ рѣкъ, соединившись въ одномъ ложѣ, сохраняютъ это различіе цвѣта на разстояніи четырехъ, пяти верствъ; черта, отдѣляющая темную воду Бія отъ бѣлой воды Катуня, называется *сулоемъ*; въ свѣтлой водѣ Бія видно бѣлую стѣну катунской воды, которая вливается клубьями въ воду Бія. На этомъ замѣчательномъ мѣстѣ особенно играетъ тальмень, — то онъ промчится на большое разстояніе сверхъ воды, едва касаясь ея своимъ брюхомъ; то отвѣсно вылетитъ изъ воды на воздухъ и снова упадетъ тутъ же. На сулоѣ употребляется для ловли тальменей снарядъ, называемый *блесной*; это большой крюкъ, облитый бѣлымъ оловомъ и украшенный кусочкомъ краснаго сукна; конецъ поводка, къ которому прикрѣплена блесна, рыболовъ беретъ въ ротъ, и плыветъ на косъ по рѣкѣ; если тальмень задержатъ поводкомъ, то рыболовъ спѣшитъ выйти на берегъ по тому направленію, которое приметъ попавшійся тальмень; на большомъ поводѣ онъ такъ сильно дергаетъ, что выдергиваетъ человека изъ лодки; на оба берега ставятся по товарищу, которые помогаютъ тащить рыбу. Другая уда, похожая на блесну и отличающаяся отъ нея величиной, называется *дорожкой*; блесна имѣетъ одинъ вершокъ длины, дорожка — четверть; послѣдняя состоитъ изъ крюка, къ которому прикрѣплено желѣзко, зали-

*) Впрочемъ онъ встрѣчается въ р. Сентелекѣ, впадающей въ Чарышъ выше Чарышской станицы.

тое оловомъ, и красные лоскутки сукна, которые правятъ ее вверхъ крюкомъ; если дорожка идетъ неправильно, то на нее и рыбы не попадетъ; потому стараются посредствомъ обтачиванія поставить центръ тяжести уды такъ, чтобъ крюкъ держался вверхъ; рыболовъ, опустивъ дорожку въ воду, плаваетъ по рѣкѣ взадъ и впередъ; конецъ поводка онъ держитъ въ зубахъ, замотавъ его предварительно на ухо; дорожка играетъ въ водѣ, и сходство ея съ наружностью чебака привлекаетъ тальменя; когда послѣдній закроетъ ее, поводокъ слетаетъ съ уха долой, — это служитъ рыболу сигналомъ тащить дорожку изъ воды.

Для болѣе обширнаго рыболовства отправляются изъ Бійска, вверхъ по рѣкѣ версть тридцать, съ лошадьми, на одной изъ которыхъ находятся переметныя сумы съ запасомъ и приправами для уха. Лодку прикрѣпляютъ къ *волокушамъ* и завозятъ туда же: тамъ ее спускаютъ на воду и плывутъ внизъ по рѣкѣ въ продолженіи трехъ дней, луча дорогой и другимъ образомъ добывая рыбу.

Невода въ Бійскомъ округѣ вяжутся изъ домашней пряжи самими рыболовами; они не служатъ болѣе трехъ лѣтъ; на Катунѣ они бывають такъ велики, что для совладанія съ нимъ необходимо 15 человѣкъ; нѣкоторые невода дѣлаются съ мѣшкомъ, называемымъ *матней*, которая держится въ поднятомъ положеніи посредствомъ наплавка, прикрѣпленнаго къ *гузнышку*, т. е. концу мотни. Чтобы бродить въ водѣ при неводной рыбалкѣ, на ноги надѣваются *бродни* изъ сыромятной или вовсе невыдѣланной кожи, сшитой шерстью внутрь; бродни завязываются выше и ниже колѣна, доходятъ до лядвей и подвязываются къ поясу. Въ нихъ бродятъ и перелавливаютъ въ большихъ неводахъ рыбу, чтобъ облегчать вытаскиваніе невода на берегъ.

На Катунѣ неводятъ ночью; живутъ иногда по мѣсяцу на рѣкѣ, занимаясь рыбалкой; рыбу привозятъ домой и здѣсь всю солятъ въ тополевыхъ корытахъ, сначала два дня въ теплѣ, а потомъ въ погребѣ; на продажу въ Змѣиногорскъ или Барнауль она отвозится въ колодахъ.

Осенью употребляется жерлица, уда въ три вершка длиною, съ большою зазубриной, на которую наживляется рас-

пластанный четвертной хайрузъ; на нее попадается тальмень. Жерлицы въ числѣ 10—15 штукъ навязываются на одинъ поводокъ, занимая полторы сажени по его длинѣ; одинъ конецъ поводка загружается камнемъ въ воду, а другой поддерживается на верху плавающей сухой длинной лѣсиной. Когда этотъ наплавокъ станетъ дѣлать неправильныя движенія, рыболовы, сидящіе на яру, плывутъ въ лодкѣ къ лѣсинѣ, вынимаютъ жерлицы, снимаютъ тальменя и багромъ вваливаютъ въ лодку. Чтобы онъ не бился и не повалилъ лодку, одинъ изъ рыбаковъ садится на него и убиваетъ ударомъ по лбу. Охотники жерлицей замѣтили, что тальмень попадается на эту уду болѣе во время новолунія, потому-что онъ въ это время сильно ѣстъ чебаковъ и хайрузовъ, а въ послѣдней четверти ея, въ животахъ тальменей не находятъ ничего, кромя дресвы.

Другой промыселъ, въ которомъ отличался Петръ Петровичъ, была охота за козулями. Животное это, имѣющее телячью морду, вѣтвистые рога и кудый задъ, водится на всей сѣверной покатости Алтая, отъ Катуня до Иртыша. Онѣ каждую весну и осень дѣлаютъ переходъ изъ одной страны въ другую, смотря по удобствамъ зимовокъ. Козули Чарышской долины проводятъ лѣто въ равнинѣ, стелющейся на сѣверъ отъ Алтая, а въ августѣ поднимаются къ бѣлкамъ; въ этомъ онѣ совершенно противоположны козулямъ западной части Алтая, принадлежащей къ бассейну Иртыша, т. е. пасущимся извѣстное время по рѣкамъ Убѣ, Ульбѣ и Бухтармѣ; эти послѣднія проводятъ лѣто подъ алтайскими бѣлками, а на зиму спускаются съ нихъ, переплываютъ Иртышъ и уходятъ въ Кокбектинскій округъ Кыргызской степи; козули Кунгы-Алатау также лѣто проводятъ на горахъ, а на зиму спускаются съ его сѣверной покатости въ долину рѣки Или, въ камыши ея береговъ. Въ Алтаѣ, на оборотъ, козули проводятъ въ камышахъ лѣто, а не зиму. Онѣ распространяются довольно далеко на сѣверъ, и я слышалъ отъ крестьянина Касмалинской волости (около Барнаула), что въ ней даже козули и зимуютъ и лѣтуютъ въ сосновомъ бору; онѣ изрѣдка попадаются и около Семиполатинска. Мнѣ кажется, что онѣ распространены по всему тому пространству,

которое занимает песчаная полоса Томской губерніи, покрытая сосновыми лѣсами.

На зиму онѣ небольшими табунами поднимаются на горы вдоль рѣкъ, не переплывая ихъ и слѣдя промежутками. Эти промежутки, выше города Бійска, деревни Моралпки и Змѣи-ногорскаго рудника, заняты горами, прорѣзанными съ юга на сѣверъ большими рѣками Алтаѣ Ануемъ, Чарышемъ и Убой. Горы между двумя рѣками образуютъ одну непрерывную продолговатую гриву, возвышенную по водораздѣлу и понижающуюся къ сѣверу; эти большія гривы въ обѣ стороны отъ своего хребта изрѣзаны крутыми логами, служащими ложемъ малыхъ или поперечныхъ рѣкъ и образующими между собой второстепенныя гривы; эти послѣднія только и называются здѣсь *гривами*, а гребни ихъ *рѣлками*; большія же гривы, происходящія отъ соединенія поперечныхъ и образующія водораздѣлъ между продольными рѣками, называются *ходовыми сопками*, потому-что ихъ рѣлками направляется главный ходъ табуновъ козуль. Такимъ образомъ тѣ козули, которыя паслись лѣтомъ у береговъ Оби, между устьями Чарыша и Ануя, идутъ по правому берегу Чарыша; козули, проводившіе лѣто въ Колыванскомъ бору, выше устья рѣчки Бѣлой, поднимаются ходовой сопкой между Чарышемъ и Бѣлой, и наконецъ тѣ, которые паслись въ займищахъ между средней Обью и среднимъ Иртышемъ, идутъ водораздѣломъ рѣчки Бѣлой и Убы. На равнинѣ есть еще мѣстности, гдѣ онѣ пересѣкаютъ рѣки: такъ напримѣръ, козули праваго берега Оби переходятъ на лѣвый и поднимаются въ вершины Чарыша; но въ горахъ онѣ держатся ходовыхъ сопокъ, и гдѣ послѣднія бываютъ сужены поперечными логами, всѣ пути козуль сходятся въ одну общую тропу; въ этихъ узкихъ мѣстахъ они избираютъ для своего прохода сѣдловины между двумя, хотя и не значительными возвышенностями; на этихъ-то мѣстахъ, во время хода козуль, здѣшніе промышленники прячутся за камни съ ружьями: поэтому мѣста эти называются *караульными сопками*. Съ сѣверной стороны караульная сопка представляетъ, какъ и всякая здѣшняя возвышенность, наибольшую покатость, покрытую хвойнымъ лѣсомъ; съ южной стороны она имѣетъ видъ

высокаго каменстаго бугра; козули поднимаются лѣсомъ, и выходятъ на обнаженную южную сторону караульной сопки; передъ ними открывается маленькое открытое плато, черезъ которое онѣ должны перебѣжать, чтобъ достигъ до другихъ лѣсистыхъ возвышенностей, лежащихъ впереди; но на этой открытой мѣстности онѣ дѣлаются добычей охотниковъ, сидящихъ въ камняхъ южной стороны караульной сопки.

Осенью козули пасутся подъ самыми бѣлками; но когда выпадетъ первый снѣгъ, онѣ спускаются къ вершинамъ ключей, и, по мѣрѣ углубленія снѣговъ, спускаются все ниже и ниже. На этихъ переходахъ онѣ встрѣчаютъ изгороди, которыя тянутся иногда на нѣсколько верстъ; въ изгородахъ онѣ находятъ отверстія въ полтора аршина ширины, и устремляются въ нихъ, но впереди отверстій вырыты глубокія ямы, въ которыя онѣ падаютъ и живыми достаются охотникамъ. У казака Кудеярова, въ Тулатинской станицѣ, на двухъ верстахъ изгороди сдѣлано такихъ семьдесятъ ямъ. Естественно, что тѣ промышленники, которые имѣютъ свои изгороди выше, начинаютъ промыслять козуль раньше прочихъ.

Козули не доходятъ до вершинъ Чарыша, и въ мѣстахъ, обитаемыхъ калмыками, по отзывамъ здѣшнихъ звѣролововъ, ихъ никогда не бываетъ. Во время перехода на горы, въ первыхъ числахъ августа, у козуль, какъ и у мораловъ и сохатыхъ, начинается *юнь* (течка); табунами козулей предводительствуютъ самцы; въ сентябрѣ козули дѣлаются уже *яжны*, т. е. тяжелы, и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, лниютъ и перемѣняютъ красный цвѣтъ на сѣрый; осенній козляный мѣхъ, прочный и синевато-сѣрый, называется борловымъ, дороже цѣнится (отъ 3 руб. асс. до 1 руб. сер.) и употребляется на сапоги и дахи; *хохлуць*, т. е. весенній красный мѣхъ, не держитъ шерсти, скоро оголяется при носкѣ, и потому употребляется только для выдѣлки замши. Осенью и мясо считается вкуснѣе, чѣмъ въ другое время.

Козуля приноситъ отъ одного до четырехъ *яглоковъ* заразъ; яглокомъ называется козленокъ, который бѣгаетъ еще за матерью, т. е. питается еще ея молокомъ. Охотники умѣютъ подражать крику яглоковъ, положивши въ ротъ сло-

женный вдвое лоскутокъ бересты; эти звуки привлекаютъ самокъ, вѣроятно лишившихся дѣтей по какой-нибудь причинѣ. Охотники убиваютъ ихъ изъ ружей.

Ружья алтайцы носятъ за спиной, на ремнѣ черезъ правое плечо, дуломъ внизъ; на другомъ ремнѣ, черезъ лѣвое плечо виситъ натруска; на прикладъ и казенникъ надѣвается *барсучье нагалице*.

Кромѣ этихъ способовъ, козуль промышляютъ петлями и капканами; послѣдніе ставятся въ озерахъ, находящихся на лугу Чарыша, по которымъ онѣ любятъ бродить. Надъ дорожками, на двухъ кольяхъ навѣшиваютъ пеньковыя петли, вымазанныя травой, называемой здѣсь медвѣжьей пучкой, чтобъ козуля не могла услышать человѣческаго запаха отъ веревки. Козули и моралы имѣютъ болѣе развитое обоняніе, чѣмъ зрѣніе; по-крайней-мѣрѣ онѣ стоятъ выпучивъ глаза, когда къ нимъ приближается человѣкъ со стороны вѣтра; но если вѣтерокъ нанесетъ мгновенно тонкій запахъ чело-вѣка въ ноздри морала, онѣ опрометью бросается прочь.

Одинъ колъ утвержденъ въ землѣ крѣпче, другой, напротивъ, такъ слабо, что козуля можетъ его сронить; послѣдній отличается еще тѣмъ, что имѣетъ сучья, далеко обрубленные отъ ствола. Петля концомъ своимъ крѣпко привязывается къ суковатому колу и слегка поддѣвается на крѣпко утвержденный колъ; другая половина петли виситъ надъ дорожкой; козуля, продѣвъ голову въ петлю, сдергиваетъ ее съ одного кола и тащитъ за собой другой колъ, который бороздитъ по землѣ своимъ сучьями.

Кромѣ чело-вѣка, козули дѣлаются добычей беркутовъ; гоняясь за козулей, беркутъ старается сѣсть ей на спину, уцѣпиться лапами въ шею и хвостъ, и потомъ выклевать или выбить крыльями глаза. Но козуля выкидываетъ заднія ноги выше спины, и такъ сильно бьетъ ими, что сшибаетъ орла долой; однажды въ долину, между Чарыпской и Тулатинской станицами шель обозъ; обозные видѣли, какъ по косогору неслась козуля, преслѣдуемая беркутомъ; чувствуя, вѣроятно, что силы оставляютъ ее, она хотѣла спастись отъ него подъ покровительствомъ людей, что дѣлаютъ также жаворонки Кпргизской степи, спасаясь отъ того же преслѣдо-

вателя; израненная козуля прибѣжала въ обозъ, но здѣсь обозные люди поймали ее и зарѣзали.

Кромѣ этихъ родовъ охоты, въ Алтаѣ есть еще охота на медвѣдей, на которыхъ ставятъ большія ловушки, пудовые капканы, подрѣзи и пасти, а также убиваютъ ихъ изъ ружей. Пудовые капканы ставятся и на мораловъ; они натягиваются воротомъ и бьютъ такъ сильно, что отскакиваютъ на поларшина отъ земли, и пересѣкаютъ ногу морала, а потому съ ними обращаются осторожно; на соболей употребляются тѣ же капканы, которые ставятся на волковъ, и рѣдко дѣлаются менѣе; третій сортъ капкановъ употребляется для выдръ и козулъ и ставится въ воду. Подрѣзи устроиваются на дорогахъ медвѣдей и сохатыхъ; главную часть подрѣзи составляетъ шесть, или *очапъ*, имѣющій на концѣ обоюдоострый кривой ножъ; очапъ лежитъ на вилагѣ не центромъ тяжести, а такъ, что конецъ съ ножомъ легче и стремится вверхъ, но удерживается *сильшемъ*, петлей, надѣтой на очапъ и задѣтой за зарубку на вколоченномъ въ землю колышкѣ; къ *сильшу* привязана *сима*, или веревка, другой конецъ которой обвязанъ около лѣсины, стоящей противъ вилагги. Сима перегораживаетъ звѣрю дорогу, и потому онъ, проходя, натягиваетъ ее; сима сдергиваетъ сильшъ съ зарубки, и конецъ очана съ ножомъ вдругъ поднимается вверхъ; снарядъ этотъ устанавливается такъ, чтобъ ножъ наносилъ рану звѣрю въ полое мѣсто.

Медвѣдь самый сильный изъ здѣшнихъ звѣрей, и потому пользуется наибольшою извѣстностью. Характеръ его достаточно объясняется въ разсказахъ простолюдиновъ, которые любятъ представлять его болѣе въ комическомъ положеніи. Анекдотъ объ охотѣ его за кабанями, извѣстенъ всей Сибиряи. Въ Алтаѣ онъ разсказывается чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Не рѣшаясь напасть на цѣлое стадо кабановъ, медвѣдь поднялся на скалу, подъ которой оно паслось, и хотѣлъ бросить въ середину его большое бревно. Чтобъ

*1) Когда рѣжутъ живую козулю, добытую лмой, то придавливаютъ ногой одну заднюю ея ляжку, чтобъ она не брыкала, иначе она изорветъ копытами замшевые шаровары охотника.

вѣрнѣе попасть, онъ положилъ бревно между заднихъ ногъ, и подвигалъ его передними; но когда центръ тяжести бревна перешелъ за гребень скалы, бревно полетѣло внизъ, и другимъ концомъ сбросило медвѣдя въ середину кабаньяго стада.

Медвѣдь отличается страстью къ артистическимъ удовольствіямъ, къ изысканнымъ блюдамъ, къ музыкѣ и, мнѣ кажется, въ охотѣ онъ не столько ищетъ добычи, сколько наслажденія побѣды. — Одинъ крестьянинъ, рубившій дрова въ лѣсу, былъ свидѣтелемъ другаго рода охоты медвѣдя за кабанамъ; медвѣдь кидалъ въ непріятеля булыжникомъ, потомъ обращался въ бѣгство, всползалъ на пенъ, и помѣщался на огромной березовой губѣ, какъ на балконѣ; кабаны подбѣгали къ пню, но, видя непрístupное положеніе медвѣдя, возвращались на пастбище; когда медвѣдь спустился съ губы для новаго нападенія, крестьянинъ подошелъ къ его крѣпости, и подрубилъ слегка губу: черезъ непродолжительное время медвѣдь спѣшилъ въ свою крѣпость спастись, влѣзъ на пенъ, и только соскочилъ на губу, какъ она оторвалась, онъ полетѣлъ вмѣстѣ съ нею, и былъ принятъ кабанамъ на клыки.

Первостепенная сила, наводящая страхъ на всѣхъ животныхъ, и совершенство инстинкта, дали право медвѣдю на уваженіе и людей. Иностранцы сибирскіе питаютъ къ нему божеское почтеніе; это уваженіе замѣтно и въ русскомъ народѣ; оно усиливается еще тѣмъ, что ни одно изъ здѣшнихъ животныхъ, такъ не близко къ природѣ человѣка по наружнымъ признакамъ, какъ медвѣдь; пища, полумясная, полурастительная, умѣнье ходить на двухъ ногахъ и вооружаться камнемъ, и, наконецъ, нѣкоторое сходство формъ скелета, покрытаго мускулами, съ такимъ же скелетомъ человѣка, такъ сближаютъ медвѣдя съ человѣкомъ въ глазахъ народа, что послѣдній допускаетъ возможность половаго соединенія ихъ. Въ народѣ существуетъ разсказъ о женщинѣ, уведенной медвѣдемъ въ свою берлогу. Ласки его состояли въ томъ, что онъ лизалъ ей лицо; вмѣсто пищи давалъ ей сосать какой-то питательный камень; она такъ *обнатурилась* *) въ этой

*) Слово, употребленное разсказчикомъ.

странной жизни, что, когда была спасена и выведена изъ берлоги, то была уже найдена беременною. Разсказъ этотъ можно принять за остатки многа о происхожденіи народа, заимствованный вѣроятно у финскихъ племенъ, потому-что я слышалъ его не только отъ крестьянъ Томской губерніи, но и отъ татарина Казанской губерніи, выдававшего его за произшествіе случившееся въ ихъ краѣ.

Медвѣдь въ здѣшнихъ лѣсахъ лакомится черемухой, машиной и кедровыми орѣхами, а осенью, когда нападеть снѣгъ, собираетъ каштану; кромѣ того онъ дѣлаетъ опустошенія въ здѣшнихъ пасѣкахъ; кажется, изъ той же гастрономической прихоти онъ не ѣстъ свѣжаго мяса, а закладываетъ его предварительно подъ хворостъ, и проквашиваетъ.

Кромѣ бурыхъ медвѣдей здѣсь встрѣчаются соловые, которые вѣроятно подали поводъ простому народу утверждать, что въ вершины Бухтармы, на бѣлки, заходитъ бѣлый медвѣдь Ледовитаго моря. Когда я доказывалъ, что бѣлый медвѣдь долженъ бы былъ пройти мимо нашихъ деревень, чтобъ попасть на бѣлки Бухтармы, потому-что онъ живетъ только на сѣверѣ, мнѣ простодушно отвѣчали, что вѣдь и въ вершинахъ Бухтармы такой же *сиверъ*, какъ и у устья Оби. Подъ сиверомъ въ Сибири разумѣютъ холодный вѣтеръ съ вѣчнымъ снѣгомъ и холодными вѣтрами.

По размѣрамъ, здѣшніе медвѣди принадлежатъ къ самымъ большимъ. Въ станицѣ Ключи былъ найденъ мертвый медвѣдь, шкура котораго имѣла 17 четвертей длины; сала было снято 5 пудовъ. Этотъ медвѣдь, долго приводившій въ ужасъ станицы Ключи и Бѣлорѣцкую, переходя отъ одной къ другой, былъ жертвой увѣренности въ своей силѣ; онъ задалъ двухъ лошадей, которыя были привязаны одна къ другой, что часто дѣлаютъ, когда одна изъ лошадей не отличается спокойнымъ характеромъ и съ трудомъ ловится. Медвѣдь воспользовался ремнемъ, который соединялъ трупы, перекинулъ его себѣ на шею и поволокъ лошадей въ лѣсъ; на пути ему представилась переправа черезъ небольшую рѣчку, поперекъ которой лежала упавшая толстая лѣсна; медвѣдь пошелъ по этому случайному мосту, а трупы потащались сзади его по обѣимъ сторонамъ моста; но, такъ

какъ рѣчка была довольно быстра, то трупъ, тащившійся выше моста, снесло и затерло подъ лѣсину, а медвѣдь былъ притиснуть къ ней ремнемъ и задушился. Разказы объ этомъ медвѣдѣ распространились на сотни верстъ вокругъ отъ Ключей и, кажется, будутъ жить вѣчно въ горахъ, и, можетъ-быть, превратятся въ фантастическое преданіе.

При всемъ совершенствѣ инстинкта, у медвѣдя всегда достааетъ его, чтобъ удачно приводить въ исполненіе свои выдумки, и онъ чаще надѣется на свою силу, чѣмъ на смышленость. Если голова его попадетъ въ петлю, то онъ не старается снять ее съ шеи, а тянется изъ всей силы прочь, чтобъ порвать ее и затягиваетъ себѣ горло. Иногда на его дорогѣ кладутъ петлю съ тяжеловѣснымъ обрубокѣмъ на концѣ; медвѣдь попадаетъ лапой въ петлю и обрубокъ начинаетъ мѣшать ему скоро ходить; онъ беретъ его въ лапы и старается отбросить какъ можно далѣе, но обрубокъ снова тащится сзади; медвѣдь повторяетъ тѣ же усилія до тѣхъ поръ, пока не измучится до смерти, а иногда поднимается на утесъ и кидаетъ обрубокъ въ долину, и самъ бываетъ увлеченъ туда же. Народъ также думаетъ, что одно изъ лучшихъ средствъ спасенія при встрѣчѣ съ медвѣдемъ безъ оружія—стать за толстую лѣсину; медвѣдь будетъ цѣлый день ходить въ одну сторону и не догадается пойти на встрѣчу.

Во время своихъ поисковъ въ насѣкахъ, онъ бываетъ чрезвычайно остороженъ, старается подкрасться совершенно незамѣтно, и, дѣйствительно, присутствіе его въ насѣкѣ только тогда обнаруживается, когда онъ стукнетъ колодкой; онъ старается ступать на землю какъ можно мягче, и каждую хворостинку обходить кругомъ, чтобъ не хрустнула подъ ногой; съ такой же осторожностью медвѣдь любитъ слѣдить иногда за человѣкомъ.

Кромѣ описанныхъ ловушекъ, на медвѣдя устриваютъ еще кулѣмы, похожія устройствомъ на сроблиныя, но отличающіяся размѣрами; онѣ также состоятъ изъ двухъ стѣнъ, врубленныхъ въ лѣсину; но стѣны эти состоятъ изъ заплотника и имѣютъ два аршина высоты; спереди порогъ, надъ которымъ настораживается гнетикъ, но не палка, какъ въ

соболиной ловушкѣ, а цѣлая лѣсина, на которую навалено множество лѣсу; гнеткѣ медвѣжьей кулёмы называется *смилой*. Внутри кулёмы для приманки кладется падалъ.

На зиму медвѣдь устраиваетъ берлогу, вырываетъ яму, закладываетъ сверху хворостомъ, подъ себя натаскиваетъ *тундры* (моху) и оставляетъ нору, чтобъ только самому вылѣзти. Замѣтивъ берлогу, охотники ждутъ времени, когда онъ совершенно уснетъ; тогда дѣлаютъ нѣсколько *остросмиль*, жердей съ оставленными на нихъ сучьями длиною въ четверть, и толкаютъ ихъ одну за другою въ берлогу, комлями впередъ; разбуженный медвѣдь сначала самъ задерживаетъ ихъ къ себѣ, но потомъ начинаетъ толкать вонъ, но не можетъ вытолкать, потому-что торчащiе сучья втыкаются въ стѣны отверстiя; въ берлогу бросаютъ гнилушки, поджигаютъ ихъ, и медвѣдь задыхается отъ дыма. Но случается, что медвѣдь не задерживаетъ первую островину и вылѣзаетъ самъ наружу; охотники уже готовы къ такой встрѣчѣ и держать ружья надъ отверстиемъ.

Алтай бѣденъ водяными птицами, а потому птицеловство въ немъ не отличается большими размѣрами. Какъ лѣсистая страна, онъ изобилуетъ куриными породами; въ немъ водятся глухари, тетери и рябчики; больше всего ловятъ тетерь осенью; Петръ Петровичъ налавливалъ ихъ въ одну осень до 200 штукъ; для ловли тетеръ устраиваютъ здѣсь *тынки, коши, шатры и падины*. Кошъ отличается отъ тынка тѣмъ, что можетъ переноситься, а тынокъ плетется на вбитыхъ въ землю кольяхъ; въ обѣихъ этихъ ловушкахъ птица обманывается вертящейся на оси крышкой, на которую она садится. Падины дѣлаются въ хлѣбныхъ кладяхъ; это просто углубленiя, которыя оставляются въ кладяхъ во время владки ихъ; сверху они закрываются слегка колосьями; птицеловъ, замѣтивши, что тетери начинаютъ нападать на хлѣбъ, садится въ яму и сдерживаетъ тетерь за ноги рукой или крючкомъ.

Иногда ловятъ здѣсь беркутовъ и ястребовъ, и продаютъ въ Семипалатинскѣ киргизамъ. Для этого небольшое пространство огораживается нѣсколькими кольями, на которые слабо набрасывается сѣть; въ середину кладется ку-

сокъ падали; беркутъ падаетъ на неё отвѣсно, *тумаромъ*, а поднимается на-косо, налетаетъ на сѣть и запутывается.

Глава эта, описывая ловецкую промышленность Чарышской станицы, въ то же время характеризуетъ дѣятельность отца и сына; успѣхи перваго зависѣли отъ его силы и терпѣнія; на соболиномъ промыслѣ отъ него только требовалось хладнокровіе передъ смертью, потому-что онъ могъ или замерзнуть, или умереть съ голоду, или встрѣтиться съ медвѣдемъ и быть съѣденнымъ, или погибнуть подъ снѣжной лавиной. Сынъ силѣ противопоставилъ ловкость; онъ выбралъ тѣ роды охоты, которые не подвергали его лишениямъ и опасностямъ и зависѣли не отъ силы, а отъ совершенства глазъ.

Г. ПОТАНИНЪ.

МОЕ ПРИЗВАНІЕ.

(Изъ Беранже.)

Заброшенъ межъ людей
Уродомъ, спротою,
Подавленъ я, пигмей,
Бездушною толпою.
При тяжелой долѣ той,
На вошь невольный мой, —
Господь прорекъ мнѣ: «пой!
«Бѣдняжка жалкій, пой!»

Карета богача
Въ лицо мнѣ грязью брызжетъ,
Вельможный тузь плеча
Меня жь обидѣтъ щетъ.
Отъ снѣси ихъ такой —
Прощай святой покой!
Господь мнѣ молвить: «пой!
«Бѣдняжка жалкій, пой!»

О будущемъ своемъ
Сомнѣняемъ истомленный,
Влачу я жизнь съ трудомъ
Подъ гнетомъ доли скромной.
Свободы-бъ мнѣ одной!...
Да голодъ мучить злой!...
Господь твердитъ мнѣ: «пой!
«Бѣдняжка жалкій, пой!»

Въ одинъ изъ черныхъ дней
 Амуръ — былъ гость мой милый;
 Но съ юностью моею —
 Исчезъ онъ легкокрылый.
 Напрасно красотой
 Тревожусь я порой...
 Господь твердитъ мнѣ: «пой!
 «Бѣдняжка жалкій, пой!»

Мнѣ выпало въ удѣлъ
 Лишь пѣть, бродя по свѣту:
 И тотъ, кому я пѣлъ,
 Навѣки другъ поэту.
 И часто въ круговой,
 За влагою живой, —
 Мнѣ слышенъ голосъ: «пой!
 «Бѣдняжка жалкій, пой!»

Н. ЛУГОВСКОЙ.

СОНЕТЫ МИЦКЕВИЧА.

III.

Одинъ ли, въ обществѣ зъ, — я путаюсь, тупѣю,
 Тревогу сердце бьетъ, въ груди нѣмѣетъ духъ,
 Свѣтъ искрится въ глазахъ, часъ отъ часу блѣднѣю...
 «Бѣдняга — заболѣлъ!» одни толкуютъ вслухъ, —

Другіе шепчутся: «да онъ лишенъ разсудка!»
 Когда жъ паду въ постель, промучась день деньской,
 Чтобъ сномъ хотя украсть у мукъ своихъ минутку,
 То сердце тучу грезъ проноситъ предо мной.

И вотъ, вскочивъ, бѣгу, слагаю бездну фразъ,
 — Которыми громить тиранку собираюсь, —
 Тѣхъ фразъ, придуманныхъ, забытыхъ столько разъ!..

Но лишь явлюсь къ тебѣ, я въ тотъ же мигъ теряюсь,
 Какъ камень холоденъ, я тихъ, спокоенъ вновь,
 Пришелъ я, чтобъ молчать и вновь зажечь любовь.

IV.

Ты не жеманишься, — и рѣчь твоя проста,
 Глаза твои, лице, — какъ всѣ глаза и лица;
 Но ты мила для всѣхъ, какъ лучшая мечта:
 Пастушкой убрана, — а видно, что царица!

Былъ веселъ день вчера: громъ пѣсень, шумъ рѣчей,
 О сверстницахъ твоихъ судили, какъ умѣли,
 Здѣсь шутка, тамъ восторгъ былъ слышенъ межъ судей;
 Но только ты вошла, всѣ гости онѣмѣли.

Такъ на иру пѣвецъ составилъ стройный хоръ,
 Кружки танцующихъ неслись уже по залѣ;
 Вдругъ танецъ прерванъ былъ и смолкнулъ разговоръ....

Всякъ спрашивалъ — зачѣмъ въ раздумьи всѣ стояли?
 «Тутъ ангелъ пролетѣлъ», — откликнулся поэтъ:
 «Не всякъ его узналъ, — но отдалъ свой привѣтъ».

Н. ЛУГОВСКОЙ.

ГОРКУША,

УКРАИНСКІЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Ein freies Leben führen wir,
Ein Leben voller Wonne.
Der Wald ist unser Nachtquartier,
Bei Sturm und Wind hantieren wir,
Der Mond ist uns're Sonne.

SCHILLER.

ГЛАВА I.

Вмѣсто предисловія.

Имя разбойника Горкуши въ южной Руси также знаменито, какъ имя Ваньки Каина или Стеньки Разина въ сѣверной, какъ имена Каргуша и Мандрена во Франціи. Нетолько дѣдовъ нашихъ имя Горкуши пугало дѣйствительной и близкой опасностью, еще и наше поколѣніе пугливо слушаетъ рассказы о немъ. Народъ успѣлъ уже облечь это имя въ одежду вымысловъ. Какъ древніе греки приписывали подвиги и злодѣянія многихъ лицъ одному лицу, такъ наши украинцы приписываютъ похождения многихъ разбойниковъ одному Горкушѣ. Народъ во всѣхъ вѣкахъ и вездѣ — народъ. Ему нѣкогда помнить имена многихъ дѣятелей; онъ помнить ихъ дѣянія, да два-три имени, которымъ приписываетъ подвиги двадцати, тридцати дѣятелей.

Въ наши мелочныя времена, при нашемъ безстрастїи, пигмеи, мирмидоняне, мы готовы отвергать не только существованіе Геркулеса, не только геройство грековъ и римлянъ, но даже существованіе Гомера. Мы говоримъ, что Илиада и Одиссея не одними устами спѣты, не одной написаны рукой, что это раисодїи, вдохновенія многихъ пѣвцовъ, слитыя во-едино. — Какое грустное сознаніе своего ничтожества! Сколько простодушія въ этомъ ругательствѣ самихъ себя! Шекспиръ и Шиллеръ вѣрили, что былъ Гомеръ.

Мы готовы были-бы отвергнуть и существованье Рима, еслибъ не стоялъ передъ нами Колизей.

Народъ не таковъ. Онъ вѣритъ въ силу, онъ сочувствуетъ ей; обращена-ль она на добро или на зло, онъ не отвергаетъ ея, онъ любитъ ее, онъ чувствомъ признаетъ возможность ея существованія. Героя имъ избраннаго онъ видитъ вездѣ, и даже въ чуждыхъ ему подвигахъ.

Государства дряхлѣютъ, народъ всегда молодъ; государства умираютъ, народъ никогда. Онъ поетъ и работаетъ, работаетъ и поетъ. Въ его устахъ проза облекается въ поэзію, истина въ вымыслы, обстоятельства небывалыя прирастаютъ къ дѣлу во время разсказа о чемъ. Построеніе Кіево-Печерской колокольни видѣли наши дѣды; а внуки успѣли уже украсить ее поэтическою обстановкою: уже въ народѣ говорятъ, что ее строили двѣнадцать братьевъ; что передъ разсвѣтомъ каждаго рабочаго дня она опускалась въ землю; лѣсовъ и лѣстницъ не строя, братья продолжали воздвигать великолѣпное зданіе, и когда водруженъ былъ крестъ въ его золотую главу, тихо и стройно оно выступило изъ земли, и, во-весь свой сорока-четырехъ саженный ростъ, поднялось къ небу.

Тѣ-же наши дѣды видѣли въ лицо Горкушу; они поймали, допросили, осудили его; а внуки сдѣлали изъ Горкуши лицо мнѣшеское. Въ какихъ видахъ, по преданьямъ, не являлся онъ? Едвали не во многихъ мѣстахъ видѣли его въ одно и то же время. Слѣды его остались, для народа, вездѣ, даже и тамъ, гдѣ онъ никогда не бывалъ. Каждый погребъ въ лѣсу — это пещера, гдѣ онъ укрывался; каждая глухая,

ведущая мимо сель дорога, это «злодійскій шляхъ», по которому Горкуша ѣхалъ съ своею шайкою. Если бы счастье всѣ мѣста, гдѣ, по мнѣнію народному, онъ жилъ сряду три года, то на жизнь его не достало-бы и трехъ столѣтій; если бы разрыть всѣ мѣста, гдѣ зарылъ онъ свои зачатые клады, то всѣ сокровища царя лидійскаго, рѣки фригійской и Солимана-бенъ-Дауда остались бы ничтожны въ сравненіи съ сокровищами, тамъ схороненными.

Правда, что Горкуша занялъ обширное пространство для подвиговъ: отъ Умани до Полтавы и отъ Казани до лимана днѣпровскаго имя его было прославлено. Никогда не ѣздилъ онъ въ одномъ и томъ-же экипажѣ три, четыре недѣли сряду; никогда не держалъ долѣе мѣсяца однихъ и тѣхъ-же лошадей; никогда нѣсколько дней сряду не носилъ одежды одинаковой; бывалъ и запорожцемъ и купцомъ, чумакомъ и паномъ; имѣлъ много крещеныхъ именъ, еще болѣе фамилій, и сидѣть на одномъ мѣстѣ не любилъ. Но его наружность не была ни страшна, ни отвратительна. Ростъ средній, лысъ въ сорокъ лѣтъ, остальные на головѣ волоса и усы свѣтлорусые, круглолицъ, бритая борода; таковъ онъ былъ, по описанію его товарища Максима Высочиненка.

Онъ не былъ кровожаденъ, жестокъ; онъ не былъ любо-стяжатемень; будучи атаманомъ, дѣлилъ добычу по-ровну, изъ своей доли дарилъ бѣдныхъ и товарищей. Что же понудило его принять ремесло разбойника?

Онъ вздумалъ заняться контрабандою; поляки обобрали его до-чиста, и онъ пошелъ промышлять чужою собственностью. Пріятель Гонты, сотрудникъ его въ уманьской рѣзні за религію, онъ на большихъ дорогахъ не былъ новичкомъ. Запорожець, видя руину рыцарскаго религіознаго общества, именуемаго Сѣчью, онъ тосковалъ въ бездѣйствіи; уничтоженіе вольнаго перехода крестьянъ доставило ему многочисленную шайку бѣглецовъ неожиданно, въ-расплохъ закрѣпленныхъ. Все это случилось въ 1768, 1775 и 1782 годахъ, и Горкуша не остался бездѣйственнымъ. А разъ извѣдавъ дѣятельную жизнь обывателя большихъ дорогъ, разъ извѣдавъ сильныя ощущенія, трудно отстать отъ нихъ.

Однажды отецъ мой спросилъ одного разбойника: какъ рѣшился онъ начать снова жизнь разбойническую послѣ кнута и каторги? — «Ахъ, батюшка-баринъ», отвѣчалъ злодѣй: — вы не извѣдали этой жизни, такъ гдѣ вамъ понять, что я скажу! Кто разъ побывалъ на распутьи, тому скучно въ селѣ. Чудо, что за жизнь.»

Одна титулованная дама, старинной породы, говорила мнѣ: «ледяныя горы, морозъ въ тридцать градусовъ, лихая тройка въ саняхъ, баня, въ которой обомлѣешь, октябрьскій хрѣнъ, сарептская горчица — вотъ что я люблю. Для меня полное наслажденіе только въ томъ, что духъ захватываетъ.»

Кто понимаетъ этотъ родъ наслажденій, тому не трудно понять, что для сотрудника Гонты, для запорожца, изгнаннаго изъ-Запорожья, для казанскаго бѣглеца, одна только жизнь: въ степи, въ оврагѣ, на большой дорогѣ, въ шинкѣ или — на каторгѣ.

Пусть судятъ какъ хотятъ подобныхъ людей, я нахожу такое расположеніе духа — избыткомъ силъ. Если угодно, это аномалія, уродство, болѣзнь, которой начало все-же — въ избыткѣ силъ. Во всякомъ случаѣ ихъ жизнь достойна вниманія людей, изучающихъ сердце человѣческое.

Въ моемъ разсказѣ о Горкушѣ я придерживаюсь строгой истины; онъ основанъ на вопросахъ и показаніяхъ самого Горкуши и его товарищей, на подлинныхъ документахъ съ автографами, печатями, даже съ фальшивыми паспортами, сохранившимися въ моемъ архивѣ. Списокъ всѣхъ этихъ документовъ читатели найдутъ въ концѣ статьи въ примѣчаніяхъ.

ГЛАВА II.

Отъ рожденья Горкуши до отсылки его въ Казань.
1739 — 1780.

Въ 1739 году, въ тогдашнихъ польскихъ владѣнiяхъ, на правой сторонѣ Днѣпра, въ повѣтѣ мазурацкомъ, въ селѣ Березани, въ имѣнiи шляхтича Старинскаго, у крестьянина православнаго вѣроисповѣданiя, Ивана Николаенка, родился сынъ Семень.

Мишло ему девять лѣтъ; отецъ записалъ его въ березанскую народную школу. Но грамота Семену не далась; вѣроятно и тогдашнiя субботки ему не понравились. Отъ масляницы до петрова дни посѣщалъ онъ дьячка и ни чему не выучился; не только школа, и самая Березань ему опротивѣла; вотъ онъ рѣшился забросить книгу и указку, покинуть отца и мать, проститься съ родною и, свѣтъ великъ, — идти куда глаза глядятъ.

Въ петровъ постъ переходили черезъ Березань запорожцы: Яковъ Легкоступъ, Андриѣ Галажай и Шрамъ. Они везли въ Чернобыль рыбу на продажу, съ намѣренiемъ на вырученныя деньги купить дегтю. Семень къ нимъ присталъ, побывалъ въ Чернобыли и, не отставая отъ нихъ, явился на Запорожьи. Яковъ Легкоступъ полюбилъ и усыновилъ его.

Въ 1756 году Легкоступъ умеръ; Семень сталъ владѣльцемъ всего его имуществва, былъ принятъ въ козакъ и записанъ въ шкуринскiй курень. Тутъ перемѣнили ему фамилю; онъ нѣсколько заикался и картавилъ, или, по мѣстному выраженiю, говорилъ «горкаво», его прозвали *Горкушею*. Съ этого времени и я перестану его называть Семеномъ или Николаенкомъ; въ послѣдствiи онъ былъ и Грыцькомъ Горкавымъ, и Васильемъ Васильевичемъ, и Иваномъ Ивановичемъ Щербатымъ, и Иваномъ Легкоступомъ, и Василиемъ Верхосудомъ и Терповцемъ; но не слѣдуетъ его лишать имени народнаго, знаменитаго, возбуждающаго любопытство и страхъ. Для насъ онъ будетъ Горкушей постоянно.

Послѣ смерти Легкоступа прожилъ онъ въ Сѣчѣ шестнадцать лѣтъ. Подробности его сѣчевой жизни мало мнѣ извѣстны. Бывалъ онъ въ извозахъ, ходилъ въ Карасевъ, Бахчисарай и въ разныя мѣста крымскаго ханства; жилъ общей жизнью запорожскою, вольною, разгульною; не обходилось безъ драки съ лихами, безъ стычекъ съ татарами.

И когда въ 1768 году возгорѣлась страшная борьба козаковъ съ уніатами, іезуптами, жидами и ксендзами за православіе; когда Гонга, Желѣзнякъ и Усь набили уманскіе колодези трунами своихъ гонителей; когда вспыхнули фольварки и палацы буйныхъ нановъ и облились ихъ кровью улицы и площади селъ и городовъ ими закабаленныхъ; когда, наконецъ, жида Мовшу, патера Пробшта, шляхтича Пшиковецкаго сѣчевки вѣшали на осинахъ рядомъ съ собаками, — Горкуша не сидѣлъ, сложа руки, въ своемъ куреніи. Вотъ слова его, произнесенныя въ присутственномъ мѣстѣ, въ 1784 году:

Одинъ изъ любимыхъ его товарищей, Романъ Босенко, сказалъ, что Горкуша ограбилъ пана Леонтовича и жида, арендатора въ Кånевщинѣ. «То було не въ Кånивщини, а въ Уманщини, — поправилъ Горкуша, — въ сели Жыто-марті, въ доми ляха Леонтовича, и у жыда Мовшы, бывшаго въ оренди, чому слѣдуетъ пятнадцать, або шестнадцать лѣтъ; я бувъ съ моими товарищамы: Иваномъ Гонтою, за атамана, Матвіемъ Похилымъ, Петромъ Быкомъ и многими бывшими запорожскими козаками, которыхъ по-казать не могу.»

Прошли наливщица и колівщица; утихла «Гуманьска Ражь». Измѣною взятъ былъ Горкушинъ атаманъ, Гонга; поляки отрѣзали ему языкъ, отрубили правую руку, раздѣли, усадили на раскаленные полосы желѣза, содрали двѣнадцать ремней кожи со спины, раздѣли на четыре куска тѣло его и прибили куски къ столбамъ, врытымъ надъ большими дорогами. Такъ, или почти такъ, они поступили со многими другими защитниками своей собственности и православія, и все пошло обычной чередой.

Лѣто цѣлое 1770 года Горкуша простоялъ подъ Очаковомъ, куда было отправлено двѣ тысячи запорожцевъ. Зимо-

валъ онъ въ своемъ зимовникѣ; съ открытіемъ весны 1771 года, кошевой отпразднвалъ его при пятистахъ запорожцахъ подъ Гаджибей. Находясь въ наѣздникахъ, онъ былъ раненъ. Черезъ три дни пошелъ въ обратный путь съ товарищами, дорогою попалъ на татарскіе стада и табуны, захватилъ, угналъ ихъ на Запорожье, куда прибылъ въ день сошествія св. Духа. Тутъ онъ задумалъ пуститься въ торговлю; продавъ овецъ, рогатый скотъ и лошадей за 1,350 цѣлковыхъ и прибавя къ этой суммѣ деньги вырученныя за доставшуюся ему долю изъ добычи гаджибейской, 1-го октября 1772 года, выѣхалъ онъ въ Городище, что надъ Днѣпромъ.

Изъ Городища пустился странствовать по Украинѣ, былъ въ Ичнѣ, въ Миргородѣ, въ Харьковѣ; покупалъ рыбу, сало, ковры; возвратясь на Запорожье и сбывъ привезенный изъ Украины товаръ, снарядилъ одинадцать четыре — конныхъ повозокъ, принялъ въ товарищи Степана Окуня, въ прикащки Андрея Василенка и, нанявъ одинадцать работниковъ, выѣхалъ изъ Сѣчи.

Дѣла его шли хорошо: на Запорожьи богатъ онъ былъ друзьями; на Украинѣ свелъ много знакомствъ, которыми умѣлъ въ послѣдствіи воспользоваться; денегъ и товаровъ было у него вдоволь, сорокъ четыре коня, толпа работниковъ; но онъ везъ, очевидно, контрабанду.

Уклоняясь отъ польской таможи, повыше монастыря Межигорскаго, при Ирпени обозъ перешелъ за русскую границу. Тутъ попалъ на него польскій уланскій объѣздъ, конфисковалъ товары, лошадей и повозки. Пользуясь темнотою ночи, Горкуша бѣжалъ въ лѣсъ, товарищи и работники разбрелись куда кто могъ.

Итакъ у него лопнуло все состояніе; изъ человека богатаго, независимаго онъ сталъ бѣднякомъ; не имѣя въ виду даже пропитанія, пошелъ онъ въ Малороссію, въ нѣжинскій полкъ. Надъ батурипскою дорогою, ведущею изъ Нѣжина въ Глуховъ, между Борозною и Батуринымъ, онъ поселился подъ открытымъ небомъ въ лѣсу. Это въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ хуторовъ дочанскихъ, переѣхавъ плотину, за непроходимыми болотами и топями, растетъ теперь на песчаныхъ буграхъ

густой чагарникъ. Проживъ болѣе трехъ недѣль на этомъ пустырѣ, за съѣстнымъ ходилъ онъ въ Борзну или въ Новы-Млины, и старался найти какого-нибудь бѣглеца или разбойника въ товарищи.

Однажды, подѣ лѣсомъ, идетъ онъ въ Борзну; его нагоняетъ вѣжинскій житель, войсковою товарищъ Ефимъ Николаевъ сынъ Бѣлявскій, на тройкѣ, съ мальчикомъ. — Кто ты? — «Казакъ запорожскій, ляхами ограбленный, ишу соби хозяина.» — Поѣдемъ со мною. — Горкуша поѣхалъ, поселился у Бѣлявскаго, и нашелъ въ немъ хозяина какого искали: ремесломъ этого войсковаго товарища были грабежъ и разбой.

Ограбивъ хуторъ пана Чуйкевича, подѣ Борзною, обобравъ попа Новомлинскаго, они хотѣли потѣшиться въ польскихъ владѣнiяхъ; но подѣ монастыремъ Межигорскимъ были схвачены командою польскою и переданы пограничной русской. Чѣмъ кончилось съ войсковымъ товарищемъ — не знаю; но нашъ запорожець былъ осужденъ и сосланъ въ Таганрогъ, на поселенiе; это было въ 1775 году, то есть въ годъ уничтоженiя Сѣчи.

Черезъ полтора года онъ условился, съ колодникомъ Даниломъ Малымъ и съ солдатомъ Тимофѣемъ, уйти изъ Таганрога. Они бѣжали изъ виноградниковъ, гдѣ были на работѣ; думали постричься въ монахи въ Кiево-Печерской лаврѣ; какъ безпаспортнымъ — имъ отказали. Такой же отказъ, получили они въ монастырѣ черниговскомъ Елецкомъ. Тогда солдатъ пошелъ съ обозомъ черниговскихъ купцовъ въ Дандигъ; а Горкуша съ Малымъ пошелъ на Батуринъ въ Терны, гдѣ познакомился съ Яковомъ Косымъ, Онпсiемъ Недонщевкомъ и Романомъ Босенкомъ.

Съ послѣднимъ необходимо познакомиться покороче, какъ съ постояннымъ товарищемъ Горкуши.

Уроженецъ слободы Терновъ, сумскаго полка, изъ крестьянъ генераль-маiора Сафонова, онъ родился въ 1744 году. Лишась отца, жилъ съ братомъ своимъ Васильемъ при матери до 1762 года; женился въ этомъ году на дочери посполитаго Ивана Тютюника — Катеринѣ, и чрезъ пять лѣтъ по-

шелъ на заработки «къ морю», — по тогдашнему выраженію, то есть, къ устью Дона. Онъ пробылъ въ отлучкѣ почти пять лѣтъ, и въ эти годы лишился брата и матери, но жена черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ разлуки родила ему сына.

Отправляясь къ морю, присталъ онъ къ чумакамъ шедшимъ за рыбою. Пѣшкомъ дошелъ до урочища Кривой-Косы и нанялся у жителя черкаскаго, козака Скородумовской станицы, у Михайла Петрова Цыплека, быть при рыболовлѣ въ забродѣ, у невода. Честными пятилѣтними трудами заработалъ возъ и пару воловъ; нагрузилъ этотъ возъ рыбою и въ 1771 году возвратился къ женѣ, въ Терны на родину, человѣкомъ достаточнымъ. Распродавъ рыбу, онъ думалъ устроиться, заняться хлѣбонашествомъ и зажить семьяниномъ; судьба назначила ему другой путь: его обокрали, и такъ съ весною 1772 года ему довелось отправиться къ морю вторично. На той же Кривой-Косѣ, въ той же станицѣ Скородумской нанялся онъ при неводѣ козака Василья Степанова Сидого. Прослуживъ ему три года, купилъ коня съ телегою и чехони 2,500 штукъ, къ Филиппову посту 1775 года прибылъ въ Терны и распродавъ рыбу.

Но онъ уже привыкъ къ жизни скитальческой, бездомной, село и стѣны хаты казались тѣсными для него. Полтора года жизни земледѣльческой надоѣли человѣку привыкшему къ толпѣ товарищей, къ разгулу, къ чумакованью, къ морю. Въ это время слухъ о Горкушѣ распространился въ обѣихъ Украиннахъ; Босенка поразили рассказы о немъ. Онъ услышалъ, что въ хуторъ подъ Тернами, къ крестьянину его барина, къ Николаю Паліохѣ, ѣздить «злѣдип», — что Паліоха ихъ передерживаетъ. Это подтвердилъ и пріятель его Яковъ Мироненко, прибавя, что въ числѣ разбойниковъ бываетъ Горкуша.

Босенко пошелъ въ шинокъ Сташка, тамъ же въ Тернахъ; онъ предвидѣлъ что встрѣтитъ Паліоху въ шинкѣ и, увидя его, спросилъ: «а якін злѣдип іздотъ до тебе?» — А тоби хто сказавъ? спросилъ вмѣсто отвѣта Паліоха, не скрывая истины. — «Яковъ Мироненко. Послухай Паліохо, я хочу

до ихъ пристаты, скажи кто приїздыть до тебе?» — Семень Горкуша, съ Карномъ Октренкомъ, съ Трохымомъ Селеземъ и його сыномъ Артемомъ, да зъ Юхымомъ Баранныченкомъ. Я тебя оповищу; — сказалъ Паліоха и поѣхалъ въ хуторъ, Босенко пошелъ домой.

Три дни спустя поплъ онъ въ рѣчкѣ коня. Идетъ сынъ Паліохи, Николай, и уже навеселѣ. «Гей, Босенко! закричай онъ: приїзды до мене! е вже въ насъ Горкуша запорожець.» — Босенко не долго думалъ и не заставилъ себя ожидать. Въ среду, передъ масляницей, явился къ Паліошенку, — это было въ 1777 году. Тамъ засталъ Горкушу съ товарищами, все уроженцами села Бобрика, изъ-подъ Ромна, кромѣ Баранныченка, который былъ, по собственному своему показанію, родомъ изъ Кіева. Данила Малаго, бѣжавшаго съ Горкушею изъ Таганрога, и Недошненка при Горкушѣ въ это время не было.

Пили горѣлку, гульня была шумная, подчивали Босенко; порядкомъ подгулявъ, предложили ему ѣхать въ мѣстечко Крыгу и тамъ ограбить богатую мѣщанку Гевычку. — «Вона грошовита; у бабы грошей до ката, — говорилъ Паліошенко. Я ея знаю; якъ буваю у ярмарку въ Крызи, такъ до ея заїзжду.» Босенко ударилъ по рукамъ. И вотъ изъ рыболова, хлѣбонашца, семьянина, Романъ сталъ вѣрнымъ другомъ и товарищемъ Горкуши.

Отъ паліохпнаго хутора до Крыги двадцать пять верстѣ. Товарищи дождалсь вечера, разѣлись въ трое саней и пустились въ путь. Одинъ Горкуша былъ съ ружьемъ, всѣ остальные съ дубинами. Приѣхавъ о полуночи, оставили сань подъ надзоромъ стараго Селезня, на выгонѣ, и пошли самъ-шестъ ко-двору Гевычки. Калиткой вошли въ дворъ. Въ дворѣ, въ отдѣльной избѣ жилъ подсусидокъ; они къ нему, зажгли каганецъ, Горкуша и Баранныченко связали подсусидка и жену его, поставили Босенка надъ ними сторожемъ, вышли и подперли дверь. Баранныченко продрался сквозь соломенную кровлю въ сѣни Гевычки, отперъ дверь для товарищей, они вошли въ свѣтлицу съ зажженной свѣчю, перевязали четырехъ дѣвокъ, одинъ пошелъ за подсусидкомъ и его же-

ною, привелъ ихъ въ свѣтлицу, Босенко остался сторожемъ всѣхъ шести. Горкуша, Баранныченко, Селезень, сынъ Остренко, и Палиоха взяли Гевычку изъ комнаты въ комору; она отомкнула сундукъ, они вытащили оттуда одежды, вещи и деньги, потомъ повели и дѣвокъ, и подсусидка съ женою, и Гевычку въ погребъ, никого не били, не обижали, даже не бранили, только всѣхъ заперли въ погребъ и возвратились къ Палиохи въ хуторъ. Отдѣливъ часть добычи въ пользу хозяйна, ту же ночь пустились въ Бобрикъ, въ гости къ Селезню, черезъ мѣстечко Константиновъ, и вечеромъ въ пятницу, передъ масляницею, явились въ Бобрикъ.

Селезень и Карно Остренко были подданные пана Лукьяновича, жившаго не далеко отъ г. Ромна, въ селѣ Проціовкѣ, близъ плотины. Оба жили въ одной избѣ на концѣ села Бобрика, надъ протокомъ, возлѣ мостика, поодаль отъ прочихъ избъ. Тутъ былъ дѣлѣжь. Добыча оказалась весьма посредственною: каждому досталось по четыре рубля; кафтанъ, холстъ и плахты Горкуша подарилъ Остренку и Селезню.

Тутъ же въ дворѣ, отдѣльною хатою, жилъ Алексѣй Литвинъ. Товарищи отъ него не таились и привезли ему гостинца. Въ этомъ дворѣ поселились и прожили они отъ субботы мясоѣда до второй недѣли великаго поста. — Кормъ для лошадей и сѣстное для нихъ закупами Остренко и Селезень, въ Ромнѣ. Торговля другъ-съ-другомъ, мѣна, могорычи бывали ежедневно; въ сдѣлкахъ и кутежѣ незамѣтно уходили дни. Босенко продалъ коня за четыре рубля. Къ нимъ явился новый товарищъ изъ роменскаго засулья, Илья Суховіенко. Но когда бывало пріѣдутъ отъ пана изъ Проціовки «загадываты на панщину,» — веселые гости испугомъ разогнанные, укрывались въ хлѣвахъ, загонахъ и погребахъ.

На второй недѣлѣ поста Горкуша объявилъ, что пора оставить гульню, что время заняться дѣломъ. На этотъ разъ поприщемъ для подвиговъ былъ избранъ Новгородъ-Сѣверскій. Тамошній бурмистръ Зимакъ обратилъ на себя Горкушино вниманіе.

Всматриваясь пристально въ предпріятія Горкуши и въ ихъ исполненіе, я вижу что онъ былъ вдохновляемъ минутами

разгула. Подъ звуки чарокъ, при разказахъ и воспомина- нійхъ, воображеніе запорожскаго козака разыгрывалось; на- леты на татаръ, наѣзды на ляховъ не могли уже повторяться; осталось довольствоваться средствами домашними, въ грани- цахъ родины; но здѣсь судьба не всѣхъ ровно надѣлила зем- ными благами, ихъ должно поровнять, по-крайней-мѣрѣ, такова была идея Горкуши; должно было волею или неволею заста- вить скрягу богача подѣлиться съ бѣдняками. И въ минуты, когда воображеніе было распалено искрами пламенной вла- ги, явилася у него мысль дерзкая, съ перваго взгляда су- масбродная, невыполнимая; тѣмъ болѣе она была увлекатель- на для его товарищей, тѣмъ геніальнѣе она была, по ихъ разумѣнію. Слѣпая довѣренность ихъ къ атаману была по- руюкою въ удачѣ почти вѣрной, а хитрость, прозорливость, осторожность, безбоязненность и трезвость атамана во вре- мя исполненія совершенно обезпечивали успѣхъ.

Казалось какимъ образомъ могла быть удача въ пред- пріятіи ограбить домъ богатаго бурмистра, посреди главнаго города въ намѣстничествѣ? А между тѣмъ сотрудники съ полнымъ убѣжденіемъ, что все пойдетъ хорошо, не отказа- лись идти за атаманомъ.

Шайка состояла изъ Баранныченка, Босенка, Остренка, Суховіенка и Селезня-сына. Выѣхали днемъ. Размѣстились на двухъ тѣлѣжкахъ трончныхъ горкушинныхъ и въ сухо- віенскомъ пароконномъ возкѣ. Ѣхали черезъ Ромень, нѣкто ихъ не опросилъ: въ городѣ карауловъ не было. Ночевали въ лѣсу, въ пваховомъ яру, подъ мѣстечкомъ Смѣлымъ. На другой день ѣхали выгономъ смѣлянскимъ, стараясь обогнуть мѣстечко. На Череповой степи кормили лошадей; почевали близъ с. Стараго, надъ Сеймомъ, въ бору. Утромъ пошли къ рѣкѣ посмотрѣть каковъ переѣздъ по льду, тутъ увидѣли что ледъ уже тронулся. Немедленно тѣлѣжки были изрубле- ны и сожжены; Остренко съ лошадьми и возкомъ отправился обратно въ Бобрикъ, а Горкуша съ четырьмя товарищами пошелъ внизъ по рѣкѣ. При немъ было небольшое ружье, а у остальныхъ, у всѣхъ, былъ одинъ топоръ да и тотъ въ мѣшкѣ. Это было все ихъ оружіе.

Увидя рыбачью избу на берегу рѣки и не спрашивая ни званія ни имени хозяина, рыбака, они просили, чтобъ онъ перевезъ ихъ на противоположный берегъ. Въ душегубкѣ онъ перевезъ ихъ по одиночкѣ, каждый заплатилъ ему по пяти копеекъ. Оттуда пошли они, неся на плечахъ каждый свою провизію, пробираясь мимо селъ и хуторовъ лѣсами, скрываясь въ кустахъ въ дневную пору, избѣгая всякой встрѣчи съ людьми и даже ночуя въ лѣсахъ.

Нѣсколько сутокъ пробирались они къ Воронежу и стали на привалъ отъ глуховскаго вѣзда въ лѣсу. Баранныченко и Босенко пошли въ городъ, гдѣ, какъ и въ Ромнѣ, никто ихъ не опрашивалъ, потому что карауловъ на баштахъ не было. Купивъ два мѣшка хлѣба, возвратились къ товарищамъ, въ лѣсу провели день и какъ стемнѣло, оставя въ сторонѣ Воронежъ, начали пробираться боромъ къ Деснѣ; не зная какъ минути село Подоловъ, по улицамъ его, подъ заборами проскользнули ночью и еще четыре ночи тянулись до Десны. На шестую, приблизясь къ Пироговкѣ, передневали въ лѣсу, гдѣ, не теряя времени, вытесали два весла. Ночью улицами Пироговки подошли къ рѣкѣ. Тутъ увидѣли не далеко отъ парома, подъ огородами, у берега привязанный дубъ. Съ помощью двухъ своихъ веселъ поплыли Десной, и еще до разсвѣта явились на правомъ берегу рѣки. Самъ Горкуша былъ рулевымъ.

Дубъ привязали въ лозахъ, такъ, чтобъ его ни откуда не было видно и не вдалекѣ отъ него легли на короткое время опочить. Потомъ оставили Десну въ правой рукѣ, пошли столбовою дорогою. Когда же сверкнуло разсвѣтомъ, они своротили влѣво и въ лѣсу стали на дневку. Ночью пошли всѣ въ Новгородъ, къ двору бурмистра.

Дворъ Зимака былъ на краю города; онъ примыкалъ къ полю. Четверо останоуилось подъ плетнемъ, а Горкуша перелѣзъ черезъ плетень; довольно долго ходилъ по двору и осматривалъ плетни, постройки, рвы и лазы. Возвратясь, онъ сказалъ товарищамъ: «не добре теперь, есть народъ въ дворѣ.» Пошли въ лѣсъ, на старое мѣсто, дождалсь второй ночи. Горкуша опять пошелъ въ дворъ и ходилъ по двору; но не

одня, а съ Баранныченкомъ. Возвратясь, опять сказалъ: «теперь не способно.»

Тогда взшли они на гору и въ чьемъ-то гумнѣ спали подъ городомъ. Передъ разсвѣтомъ Баранныченко пошелъ въ городъ, а остальные въ лѣсъ. Еще утромъ Баранныченко пришелъ изъ города къ товарищамъ съ провизіею; нетерпѣливо ожидали они третьей ночи. Только-что солнце сѣло, Баранныченко и Селезень пошли къ Деснѣ искать лодки; Горкуша, Босенко и Суховіенко остались въ гумнѣ подъ городомъ. Не много погода, Баранныченко и Селезень донесли Горкушѣ, что лодка приведена къ известковымъ заводамъ и привязана; тотчасъ всѣ пошли къ двору Зимака, перелѣзли черезъ плетень близъ винокурни, четырехъ винокуровъ связали, поручили Суховіенку наѣхать надъ тремя, а четвертаго взяли съ собою, чтобъ провезъ ихъ черезъ дворъ и собакъ заставилъ молчать.

Пришедши къ дому, Горкуша отправилъ проводника въ винокурню, а самъ полѣзъ на кровлю. Его подсадили товарищи; онъ продралъ дрань, спустился въ сѣни и впустилъ въ дверь остальныхъ. Сперва пошли на кухню, черезъ сѣни, отъ жлобй хозяйской. Зажгли свѣчу, связали парня, бабу и двухъ дѣвокъ. Босенко сталъ надъ ними съ дубиною. Горкуша Селезень и Баранныченко пошли со свѣчею въ свѣтлицу, связали зимакова сына и его жену, и стали требовать деньги; молодой Зимакъ объявилъ что деньги у отца. Между тѣмъ Суховіенко привелъ въ эту избу связанныхъ винокуровъ, парня, бабу и дѣвокъ; онъ и Босенко остались при нихъ на сторожѣ, а Горкуша, взявъ собою Баранныченко и Селезень, пошли къ старому Зимаку. Оторвавъ ставню, влѣзли въ избу, связали старика и старуху его, взяли у нихъ 480 рублей серебряною монетою, серебряныхъ чарокъ и стакановъ сорокъ четыре штуки, большую серебряную вызолоченную мису, жемчугу шесть нитокъ, персидскій и шалевый пояса, много одеждъ и холста. Живо все это разобравъ по рукамъ, заперли въ избахъ хозяевъ съ прислугою, бѣгомъ бросились къ Деснѣ и въ приготовленной лодкѣ поплыли къ противоположному берегу.

Около недѣли шли они лѣсами до Воронежа; подъ Во-

ронежемъ стали на томъ самомъ мѣстѣ, въ лѣсу, гдѣ стояли прежде. Босенко и Баранныченко взяли пару пустыхъ мѣшковъ и отправились въ горсдѣ для покупки съѣстныхъ припасовъ; наполнивъ мѣшки, возвратились къ товарищамъ. Отъ Воронежа до рѣки Сейма шли цѣлую недѣлю. Пробирались лѣсомъ, избирали постоянно такія тропинки, гдѣ бы не было на пути ни сель, ни встрѣчи; ни ихъ никто, ни они никого не видѣли. У берега рѣки были привязаны три лодки рыбацьи; переправясь въ нихъ на лѣвый берегъ, повыше села Старого, они приняли путь по дорогѣ идущей отъ перевоза къ Смѣлому.

Вечеръ наступалъ когда они подошли къ Смѣлому; отдохнувъ на могилѣ подъ мѣстечкомъ, они пробирались не улицами, а выгономъ, передъ разсвѣтомъ мпновавъ Иваховъ Яръ, своротили въ сторону и дневали надъ дорогою. Вечеромъ приблизились къ Ромну и обошли его, хотя карауловъ при въѣздахъ по прежнему не было; и ночью съ пятницы на Вербную субботу явились въ Бобрикъ, въ домъ Остренка и Селезня.

Здѣсь былъ дѣлежъ добычи. Денегъ на каждого досталось по восьмидесяти рублей, кунтушъ взялъ Баранныченко, положивъ за него три рубля въ артель. Горкуша положилъ въ артель двѣнадцать рублей и взялъ за нихъ серебряную посуду, жемчугъ, тонкій холстъ и пояса, Селезню и Остренку достался простой холстъ. Алексѣй Литвинъ хотя и не участвовалъ въ экспедиціи, но какъ онъ зналъ о ней и жилъ въ одномъ дворѣ съ Селезнемъ, то ему Горкуша подарилъ одинъ сувой холста.

Въ понедѣльникъ, на страстной, товарищи разъѣхались: Суховіенко и Баранныченко каждый къ себѣ, Остренко и оба Селезни остались дома; Горкуша, оставя одну лошадь у Остренка, взялъ съ собою Босенка, и въ повозкѣ парюю поѣхалъ на Ромоданъ, въ шинокъ пана Шишацкаго—Кулябки, къ своему давнему пріятелю, у котораго оставилъ когда-то подъ сохраненіе червонцы, къ шинкарю Ивану Литвиненку, болѣе извѣстному подъ именемъ Тymoши Пухлаго. У него провелъ онъ весь вторникъ; въ среду выѣхалъ въ Лубны, къ другимъ своимъ пріятелямъ, тоже къ шинкарямъ.

Одинъ изъ нихъ, Василь, жилъ за городомъ противъ башты пирятинской, былъ крестьянинъ того же пана, что и Литвиненко; другой Ѳедоръ Никоненко, жилъ надъ пирятинскою дорогою, на выгонѣ.

Съ Горкушею приѣхалъ и Литвиненко, т. е. Пухлый. Ставъ на квартирѣ у Васяля, Горкуша взялъ съ повозки холстъ и пояса, вынулъ изъ-за пазухи жемчугъ и, сказавъ Босенку: «тутъ положу; не хай лежить.» Пухлый помогъ перенести все это въ хату, Василь принялъ счетомъ. Потомъ выпилъ по нѣсколько чарокъ горѣлки и вечеромъ поѣхали къ Ѳедору Никоненку. Тутъ и ночевали; у Никоненка Горкуша оставилъ все серебро.

Выѣхавъ отъ Никоненка въ четвергъ, они забѣжали къ Васялю, которому Босенко отдалъ подъ сохраненіе и свои восемьдесятъ рублей. Наконецъ поѣхали на Ромоданъ, къ Пухлому, и прогостили у него недѣль около пяти.

Передъ Вознесеніемъ отправились въ Бобрискъ навѣстить Остренка и Селезня. Ёдучи Ромаданомъ, видятъ они: сидитъ у колодезя подъ каплицею, что подъ Бобрикомъ, молодой человекъ, лѣтъ двадцати пяти. «Якъ тебе зовуть? спросилъ Горкуша. — Михайломъ. — «Иды до мене въ товаришы; я Горкуша, гайдамацкій атаманъ,» — сказала Горкуша, даже не заботясь узнать фамилію, званіе, родъ жизни молодаго человека. Михайло съ радостью согласился, ударили по рукамъ и поѣхали въ троемъ въ Бобрискъ, куда явились днемъ, прямо къ Остренку и Селезню. Такъ пробойчивъ былъ глазъ атамана; онъ по взгляду видѣлъ человека способнаго пристать къ нему; безбоязненно открывалъ ему свое ремесло и увлекалъ его однимъ словомъ. Есть какое-то колдовство въ глазахъ инаго человека. Какимъ образомъ взглядъ и слово могутъ покорять довѣренность и повинновеніе толпы? Это — власть мысли. Это — магнетизмъ души, выражающей взглядомъ и словомъ цѣлую мысль.

Переночевавъ въ Бобрискъ, Горкуша поѣхалъ въ Ромень, съ намѣреніемъ ѣхать оттуда въ Кіевъ и въ Остеръ, къ Баранчыченку, который женись поселился въ Острѣ у тещи. Подъ Ромномъ Горкуша съ товарищами зашелъ къ Сухо-

виенку. Извѣстень будучи въ Ромѣ каждому, какъ житель роменскій, Суховіенко повелъ Михайла черезъ городъ, чтобъ кто-нибудь не остановилъ его, какъ незнакомаго и не задержалъ, какъ безпаспортнаго. А Горкуша и Босенко вмѣшались въ толпу стекавшихся пѣшкомъ, верхомъ, въ тѣлегахъ на ярмарку, минули караулъ, проѣхали вдоль всего города и счастливо достигли выгона, гдѣ Михайло ихъ ожидалъ. Потомъ разочли, что необходимо сдѣлать запасъ съѣстнаго, оставили Михайла при повозкѣ и пошли обратно въ городъ; слѣдовало идти мимо острога; тамъ между колодниками сидѣли Пархомъ и Гордѣй Осадчіе, старые знакомцы и товарищи горкушины. Сквозь оконныя рѣшетки острога выглядывали они на улицу и узнали своего давняго пріятеля. При видѣ товарища, который какимъ-то мастерствомъ, какимъ-то чудомъ умѣлъ сохранить или возвратить себѣ свободу, въ нихъ заговорило и свойственное подобнымъ людямъ чувство зависти, и тоска о свободѣ, и, можетъ быть, обвиненія совѣсти, которыя не примпряютъ колодниковъ съ судьбою, а возбуждаютъ въ нихъ ненависть къ человѣку. Осадчіе шепнули кому слѣдовало; козакки нагнали Горкушу и Босенка за баштой и отвели въ сотенное константиновское правленіе.

Пока ихъ забивали въ колодки, козакки привели и Михайла съ повозкою; у него нашли монеты серебряной на восемьдесятъ и мѣдной на пятнадцать рублей. Сотенное правленіе отправило всѣхъ трехъ въ лубенскій городской судъ.

Допросъ былъ снятъ, показанія были полны, утайки не было; о Паліохѣ, о Суховіенкѣ, о Селезняхъ, Баранниченкѣ и Остренкѣ, о грабежахъ у Чевички и Зимака, о спрятахъ денегъ и вещей, и пристанодержателяхъ — о всѣхъ подробностяхъ довѣдались. Но кромѣ Горкуши, Босенка и Михайла были пойманы, судимы и отправлены въ Глуховъ только лубенскіе шинкари да Суховіенко. Всѣ прочіе спаслись.

Это было въ концѣ весны 1778 года. Горкуша, Босенко и Суховіенко сидѣли въ глуховскомъ острогѣ до конца лѣта 1779. Августа 15-го Босенко и Суховіенко были отправлены въ Москву на канатѣ, они пришли туда сентября 14-го; обоимъ били кнутомъ, обоимъ вырвали ноздри, но не клеймили, и

оставили въ московскомъ острогѣ, до весны 1780 года, а потомъ повели на каторгу въ Казань.

Горкуша продолжалъ сидѣть въ острогѣ глуховскомъ, куда привели Якова Косого, Федора Кривенка, извѣстнаго богѣе подъ именемъ Зміенка, и Пылыпя Романенка. Пока длилось дѣло, Горкуша, по словамъ Никитенка, успѣлъ перепрятать у разныхъ обывателей глуховскихъ девятьсотъ рублей; да и самъ Горкуша, въ дружескихъ бесѣдахъ съ Бардакомъ и Гусаченкомъ, говорилъ, что его награбленныя вещи хранятся у какихъ-то значковыхъ товарищей, въ Глуховѣ.

Весною въ 1780 году горкушино дѣло въ Глуховѣ окончилось; его, Зміенка, Романенка и Якова Косого отправили въ Москву, тамъ онъ получилъ двадцать-пять ударовъ кнута, наложили ему на лбу и скулахъ указные знаки, вырвали поздри и послѣ Свѣтлаго праздника отправили его и трехъ его товарищей Москвой, Окой и Волгою на вѣчную каторгу въ Казань. Прибыли они туда въ августѣ.

Ночью содержали ихъ въ острогѣ; днемъ они были на крѣпостной и земляной работахъ; это продолжалось до веснянаго Николы. Передъ николинымъ днемъ ихъ отправили въ кандалахъ, числомъ тридцать человѣкъ, въ іерусалимскій монастырь, пилить дерево для архіерейскаго дома. Дни проходили на шельбѣ; по ночамъ запирали всѣхъ колодниковъ вмѣстѣ, въ глубокомъ каменномъ подвалѣ устроенномъ подъ этимъ домомъ.

ГЛАВА III.

Отъ бѣгства изъ Казани до пѣзда на Холодовича.

Были времена, казни имѣли необыкновенное разнообразіе; варили людей въ котлахъ, вѣшали ребрами на крючьяхъ, вбитыхъ въ кремлевскую стѣну; сажали на колы, четвертовали, колесовали, давали пить ядъ, обнаживъ женщинъ, разстрѣливали; наконецъ цѣлый городъ топили въ кровл. Московскіе и псковскіе лѣтописцы, Таубе и Крузе, Гваньини и Курб-

скій увѣковѣчили память объ этихъ временахъ; письма Іоанна и его синодикъ подтвердили эти сказанія.

Прошла эпоха котловъ съ кипяткомъ, кольевъ, крючьевъ. Все идетъ исподоволь; настало время, въ которое нужно было «весьма смертію казнити, кнутѣмъ бити, бити батоги «нещадно, оловомъ горло залити и за питіе зеля табачнаго «губы рѣзати, носы пороти». Желябужскій весьма просто-душно увѣковѣчилъ эти времена кротости и благодущія.

Въ это время родилось у насъ знаменитое «слово и дѣло». Построены были «немшаныя бани гдѣ людей вѣсютъ», то есть застѣнки, гдѣ допрашивали подъ кнутомъ и при встряскѣ; учрежденъ былъ «Стукаловъ монастырь», то есть тайная кашцелярія. Чтобъ допытаться истины, заворачивали у человѣка руки за спину, связывали ихъ вмѣстѣ и поднимали на блокахъ къ потолку, между ногъ ввязывали тяжелое бревно, палачъ прыгалъ на этомъ бревнѣ, потомъ быстро пускали веревку, человѣкъ падалъ отъ потолка почти до полу, болтался въ воздухѣ, руки выворачивались въ плечахъ изъ суставовъ, кнутъ взрывалъ кожу изъ спины висящаго такимъ образомъ человѣка; если же онъ и еще таился, къ сплнѣ прикладывали ему раскаленные шны и опять кнутъ допрашивалъ его.

Если онъ сознавался въ томъ, чего никогда не бывало, въ чемъ никогда онъ не былъ виновенъ, — его вѣшали. Если невинность его была дознана, его освобождали. Правда, что онъ былъ невозвратно изувѣченъ; но это ничего, этимъ государственная цѣлость была обезпечена. Такъ дѣла шли до 1762 года.

Съ этого года пытки начали ослабѣвать. Вскорѣ и смертная казнь была отмѣнена. Екатерина нашла, что отнимать то, чего не можно возвратитъ — не слѣдуетъ. Вѣдь можетъ же судья ошибиться? Какъ же онъ возвратитъ здоровье и силы невинному, котораго пыткой изувѣчилъ? Какъ онъ возвратитъ жизнь несправедливо отнятую?

Чѣмъ вознаградимъ мы жену, мать, сестру, дочь, у которыхъ, по ошибкѣ, по недостатку прозорливости, по ложнымъ очевидностямъ, отняли мы на лобномъ мѣстѣ мужа,

сына, брата, отца? Возстановленіемъ чести казненнаго? Какая странность! Возстановить доброе имя во мнѣніи мерзавцевъ, казвившихъ невиннаго. Реабилитация не стоитъ выѣденнаго яйца. Человѣкъ не существуетъ. Остаются осиротѣлые друзья погибшаго, свидѣтели его мученичества, для которыхъ отвратительны и люди и ихъ мнѣнія.

Елизавета имѣла уже мысль уничтожить смертную казнь, она эту мысль даже выразила, но при ней еще рѣзали языки. Елизавета дала зарокъ не казнить никого смертью, но право конфирмаціи смертныхъ приговоровъ предоставила себѣ.

Въ 1767 году Екатерина сказала: «Смерть гражданина «ни полезна ни нужна и, можетъ быть, въ одномъ только «случаѣ нужна: когда онъ лишенъ будучи вольности, имѣетъ «еще способъ и силу возмутить народное спокойствіе. Смерть «злодѣя слабѣе воздерживаетъ беззаконія, нежели долговременный и непрерывно-пребывающій примѣръ человѣка лишенаго свободы, чтобъ наградить работою, всю жизнь продолжающеюся, вредъ сдѣланный обществу». Но въ это самое время, въ 1766 и 1768 годахъ, семь жертвъ мптельбронскихъ и графъ Лалли-де-Толлендаль, невинные гибли на эшафотахъ въ просвѣщенной Франціи.

«Умѣренность управляетъ людьми, а не выступленіе изъ «жѣры. Опытъ научаетъ, что кроткими наказаніями сердце «гражданъ столько же поражается, какъ жестокими.» Сказавъ это, Екатерина уничтожила смертную казнь.

Въ этомъ благомъ и христіанскомъ дѣлѣ, свѣтъ просвѣщенія шелъ изъ Россіи въ Европу, съ востока на западъ, во направленію народовъ, религій и солнца.

Но еще недавно существовала во Франціи смертная казнь съ *отпеченіемъ ручной кисти предварительно* *). Инквизиторскіе допросы со встряской, съ ущемленіемъ рукъ и ногъ, съ бродскинами, съ помощью огня и воды, долго тамъ существовали, послѣ того какъ Екатерина сказала: «Пытка «есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое

*) Наполеоновскій Code Penal, изд. 1810 года, Firmin Didot, кн. I, стр. 13. «Le coupable condamné a mort pour le parricide, aura le poing droit coupé, et sera immédiatement exécuté à mort.»

«сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою «уповающаго». Тщетно Вольтеръ вопіялъ противу пытокъ; его голосъ былъ заглушенъ звѣрскими воплями сорбонны, іезуитовъ, парламентовъ и кардиналовъ.

Благость, руководившая перомъ Екатерины, внушила ей слѣдующія слова: «Книга добрыхъ законовъ не что иное «есть, какъ недопущеніе до своевольства причинять зло себѣ «подобнымъ. Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое «изуродовать можно — должно отмѣнить». Не знаю почему, написавъ эти строки, не отмѣнила она кнута, плетей, а еще болѣе клейменія лицъ и вырѣзыванья поздрей. Одно послѣднее дѣйствіе отмѣнилъ Александръ, а кнутъ замѣненъ трехконечною плетью весьма недавно. Вѣроятно императрицу увѣрили, что невозможно сразу ослабить суровость законовъ; что клейменіе лицъ есть предохранительное средство отъ побѣговъ каторжниковъ. Мы немедленно увидимъ на сколько это средство достигаетъ цѣли своей.

Передъ весеннимъ Николюю, онъ, Босенко, Зміенко, Романенко и съ ними «два кацапа» *) Алеша и Игнатъ условились бѣжать. Въ ночь передъ Вознесеніемъ, Горкуша самъ продолбилъ долотомъ дыру въ каменной стѣнѣ архіерейскаго погреба. Откуда взялъ онъ это долото? Вѣроятно, по небрежности досмотрщиковъ, утащилъ его, находясь при распиловкѣ дерева. Зміенко и Босенко пробрали кирпичъ и расширили дыру. Оказалось, что она была сдѣлана слишкомъ высоко отъ почвы. Горкуша спустилъ Зміенка и Босенка на поясахъ; эти помогли вылѣзть остальнымъ, послѣдній спустился Горкуша. Всѣ они были въ ножныхъ кандалахъ, руки были свободны. Они сошли съ горы въ лѣсъ; цѣлый день разбивали кандалы Горкушинымъ долотомъ, къ вечеру пошли въ путь, два дни пробирались лѣсами безъ всякой пищи, на третій набрели на избу, при которой была плотина съ мельницею. Команда погналась за ними въ день Вознесенія; но тщетно, — и слѣдъ простылъ.

Въ избѣ жилъ черемисъ. Онъ далъ имъ полхлѣба на всѣхъ; шпаккія убѣжденія, ни просьбы, ни слезы не убѣдили

*) Слова показанія.

его дать имъ еще хоть одинъ хлѣбъ. Они отняли у него семь хлѣбовъ, ружье, порохъ и дробь, и продолжали путь лѣсами. Счетъ днямъ они потеряли; помнили только, что шли долго; дорогою воровали съѣстное у обывателей; разъ какъ-то вздумали прибѣгнуть къ грабежу въ одномъ селѣ чувашскомъ; чуваша оборонялись, — произошла довольно жаркая стычка, одинъ изъ товарищей былъ убитъ стрѣлой.

Но кто? Показаніе ясно, лгать показателямъ было не къ чему; а между тѣмъ мы видимъ Зміенка, Босенка, Романенка, Игната и Алешу невредимыми.

Отбитые чувашами, они бѣжали далѣе, вѣроятно съ прибавкою товарищей, какъ это видно по непоименованному убитому и по рѣшимости вступить въ бой съ цѣлымъ селомъ. Они шли, шли, и вотъ увидѣли широкую, быструю рѣку и на берегу нѣсколько рыбаковъ, черемисовъ, съ лодкою. Та рѣка была Волга. Черемисы, по первому требованью, перевезли ихъ на противоположный берегъ повыше Нижняго Новгорода. Отсюда пошли они между Окою и Волгою, все лѣсомъ. Какъ видно, бѣда и страхъ ихъ гнали куда глаза глядятъ; вмѣсто Рязани, они къ Москвѣ приближались. На другой день послѣ переправы Алеша и Игнатъ объявили, что идутъ въ Архангельскъ и разстались съ украинцами. На дороге купили они четыре хлѣба, за деньги оставшіяся отъ подацій, полученныхъ дорогою изъ Москвы въ Казань. Замѣчательно, что надсмотрщики не позаботились отобрать отъ нихъ эти деньги.

Горкуша съ товарищами пошелъ по направленію къ Владыкиру, обогнулъ его и, подходя къ Москвѣ, поссорился съ Зміенкомъ. Тотъ хотѣлъ идти и ночью и днемъ; Горкуша объявилъ, что будетъ идти только ночью, а днемъ станеть скрываться по лѣсамъ; дошло до крупныхъ словъ, Зміенко разсердился, пошелъ впередъ, и до Малороссіи его ужъ не видѣли товарищи.

Въ Москву они не заходили, а рѣку перешли по мосту, выше города. Скрытыми мѣстами, глухими дорогами пошли на Калугу, повыше города переправились черезъ Оку въ дубкѣ; отсюда шли ужъ и днемъ и ночью, не минуя городокъ, сѣвскою дорогою. Если кто-нибудь спрашивалъ ихъ,

что за люди, они отвѣчали: «Малороссіане. Гоняли скотъ въ Москву изъ Украины и теперь возвращаемся». Не доходя до Сѣвска, повернули на малороссійское село Середину-Буду, купили тамъ хлѣба, обошли Глуховъ ночью и за Глуховомъ ночевали на полѣ, во рву.

Ночью Горкуша ходилъ въ Глуховъ одинъ; онъ послѣ самъ рассказывалъ Зелѣзняку, что у какого-то глуховскаго жителя, котораго онъ не назвалъ, оставилъ семсотъ рублей, передъ своею бѣдою. Теперь онъ пошелъ къ нему за этими деньгами. Пріятель отвѣчалъ: «Колы будешь доправлять *) гроши, то будешь снова въ остроги, тамъ де бувъ». Тогда Горкуша пошелъ, въ ту же ночь, къ другому своему должнику, который изъ двухсотъ рублей долга далъ ему сорокъ.

Отъ Глухова шли они два дня до Батурина; ночью минули Кролевещъ, Ксендзіовку и Алтыновку; ночью прошли черезъ Батуринъ и повернули на знаменитые пчеловодствомъ Мытченки. Слѣша на Запорожьѣ, они дошли до Сухой Голтвы. Тутъ, увидя въ степи стадниковъ съ табунами, разговорились съ ними о разныхъ разностяхъ, попросили у нихъ хлѣба, объявили себя богомольцами ходившими въ Кіевъ къ святымъ мощамъ на поклоненіе. Стадники сказали имъ, между прочими украинскими новостями, что «въ Сѣчи теперь стоятъ полки».

Тогда они пошли въ Суховерховку, къ старымъ пріятелямъ Горкуши: къ зятю Королиса, Артему Моргослипу и къ крестьянину Сафонова, Петру Шевченкѣ. Сафоновскій же крестьянинъ Тимофей Пухлый, пріятель Горкуши и Босенка укрывалъ ихъ у себя въ клунѣ; а Шевченко и Моргослипу носили имъ пищу. У Пухлаго, Горкуша, передъ бѣдою, оставилъ свои червонцы подъ сохраненіе; теперь получилъ ихъ обратно сполна.

Погостивъ у этихъ пріятелей дня три, вдругъ Горкуша обратился къ Романенку, и сказалъ: «А поидьмо въ село «Мытченки! Тамъ е знакомый намъ чоловикъ; чы не наведеть насъ щобъ де розжытись?» — Сказано, слѣдано: на парѣ лошадей Шевченка и Моргослина, Горкуша отправился

*) Взъскивать.

въ Мытченки въ сопровожденіи Босенка, Шевченка, Моргослипа и Пылыпа Романенка.

Они остановились у знакомаго имъ козака, жившаго отъ поля, въ сосѣдствѣ съ козацкимъ атаманомъ. Сынъ этого козака Иванъ, угостилъ ихъ ужиномъ. «Чи е грошы у вашого сусида атамана?» спросилъ Горкуша. — Е, отвѣчалъ старый козакъ. Но теперъ ступайте домой, приѣдете послѣ. Тутъ Иванъ козакъ прибавилъ: якъ прыпдете, дайте мени знать; я васъ поведу. — И въ ту же ночь они поѣхали къ Шевченкѣ, въ Суховерховку.

На третій день Горкуша, съ тѣми же товарищами, на двухъ тѣлегахъ, опять поѣхалъ въ Мытченки. Прибывъ туда ночью, приказалъ поставить лошадей отъ поля, на левадѣ, подъ вербами. Самы же, не заходя къ козаку и къ сыну его Ивану, пошли прямо къ атаманскому двору. Горкуша и Шевченко влѣзли въ окно избы пустой, напротивъ избы жилой хозяйской; обѣ были подъ одною кровлею черезъ сѣни. Такъ какъ эта изба была заперта изъ сѣней, то они пробрали печь, и черезъ это отверстіе влѣзли въ сѣни; потомъ отперли дверь изъ сѣней въ дворъ; тогда вошли въ сѣни Моргослипъ, Босенко и Романенко, всѣ разомъ ворвались въ жилую избу, зажгли свѣчу, и перевязали атамана, жену его и сына.

«Де твои грошы?» спросилъ Горкуша. — Въ скрынцѣи видъ постелью, отвѣчалъ атаманъ и указалъ ключи. Горкуша отомкнулъ сундучекъ, вынулъ серебряною монетою двѣсти рублей, синій атаманскій мундиръ съ красной отдѣлкой, исподній кафтанъ. Снявъ со стѣны пару пистолетовъ и выведши изъ конюшни коня съ сѣдломъ, молодцы возвратились въ Суховерховку; каждому досталось по сороку рублей; лошадь въ цѣнѣ отдана была на троехъ: на Горкушу, Босенка и Романенка. Платье и пистолеты взялъ Горкуша не въ счетъ.

Отобравши свои деньги отъ многихъ своихъ пріятелей, у которыхъ хранились онѣ, Горкуша спряталъ часть изъ нихъ въ селѣ Самусяхъ у трехъ братьевъ, значковыхъ товарищей, и у старой ихъ матери; другую часть зарылъ въ землю, въ окопѣ гусаковомъ.

Черезъ нѣсколько дней припрягли они добытую въ Мытченкахъ лошадь къ шевченковой, и ночью выѣхали на Константиновъ. Это было въ послѣднихъ числахъ сентября; «недѣли за полторы передъ Покровою,» говоритъ Горкуша. Ночью они успѣли выѣхать на сумскую дорогу, обогнуть Роменъ; въ Бобрикѣ забѣжали къ Селезнямъ и Острому, но не нашли ихъ дома; нашли только Алексѣя Литвина, давняго пріятеля, который сказалъ имъ, что оба Селезни и Острый въ бѣгахъ. Не долго отдохнувъ у Литвина, въ коморѣ, поѣхали Ромоданомъ, въ Бодаквѣ упросились къ Ивану козачку на ночлегъ, познакомился съ нимъ, но о своемъ ремеслѣ ему не объявили. На другой день отправились въ слободу генераль-маіора Шамшева, Бригадировку, прямо во дворъ шинкаря Максима Высочиненка, онъ же Сиренко.

Горкуша разсказалъ Высочиненку подробности бѣгства и пути своего изъ Казани; тутъ засталъ онъ товарища, съ которымъ поссорясь разошелся подъ Москвою — Ѳедора Змиенка; тутъ увидѣлъ онъ и другихъ своихъ товарищей: Ѳому Дурнаго, Василья Подоляку, Васыля Цыганка и Степана Дарагана. Первые три начали просить, чтобъ онъ ихъ велъ на добычу въ польскую Украинну; къ нимъ пристали Босенко и Романенко; тогда и другіе не остались назади; Горкуша согласился. Купили у Высочиненка коня съ сѣдломъ для Романенка; тутъ же у кого-то въ слободѣ купили и другое сѣдло для Босенка, а лошадь дали ему шевченкову, взятую въ Суховерховкѣ; еще два дня погостили въ Бригадировкѣ, и потомъ пустился въ путь берхомъ; всѣхъ товарищей было восемь.

Они переѣхали Сулу плотиною ниже Лубенъ, ниня села объѣзжали, другихъ не могли обминуть, этими проѣзжали по ночамъ. Иногда одинъ или двое изъ нихъ, входили въ села для закупки съѣстнаго; наиболѣе пробирались путями глухими, околицами, лѣсами, пока-то наконецъ засвѣтился у нихъ въ лѣвой сторонѣ, черезъ рѣку на горѣ, Кіевъ. Отъ лѣсовъ при-днѣпрскихъ, переяславскихъ, недалеко до сыпучихъ песковъ, трущобъ и знаменитаго бора броварскаго; пробравшись этимъ боромъ къ Днѣпру, они въ одномъ мѣстѣ увидѣли на рѣкѣ пустой дубъ; жилья вблизи не было; пере-

права совершилась благополучно, лошади были перевезены; на польскомъ берегу никакой объѣздъ ихъ не встрѣтилъ. Все шло счастливо.

Горами и оврагами, черезъ ручьи и потоки днѣпровскіе имъ было труднѣе пробираться. Теперь они ѣхали внизъ по теченью Днѣпра. Ома Дурный зналъ эти мѣста хорошо, былъ пожатымъ и велъ товарищей лѣсами; главы кievскихъ храмовъ засверкали влѣво; они объѣхали городъ за Лукьяновкою, Шулявщиною, Демѣвкою и пустились на югъ мимо Ржищева и Трахтомирова. Проѣхавъ пять сутокъ отъ переправы, подѣхали они къ какому-то селу Каневщинѣ; такъ называется его Босенко, въ своемъ показаніи, вѣроятно по округу каневскому, именуемому въ народѣ Каневщиною.

Босенко, Цыганко, Ромащенко и Дараганъ, остались въ лѣсу. Горкуша, Зміенко, Дурный и Подоляка пошли въ село; увидѣвъ человѣка, идущаго съ панскаго двора на гумно, подхватили, связали и привели его въ лѣсъ; потомъ всѣ восемь привязали лошадей къ деревьямъ, и, по указаніямъ связаннаго крестьянина, пошли на панскій дворъ.

У Горкуши было ружье черемисское; у Босенка и Ромащенко по пистолету атамана мытченскаго; у каждаго изъ остальныхъ по ружью, съ которыми ихъ засталъ Горкуша въ Бригадировкѣ, у Высочиненка.

Пришедши къ воротамъ панскаго двора, они схватили сторожа, связали, отнесли въ дворъ, положили его въ углу, подъ хлѣвомъ, и приставили къ нему Босенка. На дворѣ, возлѣ комнатъ, зажгли восковую свѣчу, которая была у нихъ въ запасѣ; оторвали оконщину и влѣзли въ окно втроемъ: Горкуша, Дурный и Подоляка; связали хозяина, отперли сѣпный двери, впустили туда остальныхъ четырехъ, пошли въ кухню, гдѣ перевязали слугъ, которыхъ было восемь, отвели ихъ въ погребъ; развязавъ ноги сторожу, Босенко привелъ и его туда же; погребъ заперли, у дверей сѣлъ Босенко съ пистолетомъ.

На требованья Горкуши панъ сперва не отвѣчалъ, даже вздумалъ бороться; тогда его побили, принудили указать деньги, забрали ихъ, свели и пана въ погребъ, забили дверь на глухо, и пошли «до жида въ аренду», то есть къ жиду,

нанмавшему шинокъ. Обобравъ его, отправились въ лѣсъ, сѣли на коней и до разсвѣта еще успѣли отѣхать отъ села верстъ на двадцать. Разсчитывая, что медлить некогда, дали лошадямъ вздохнуть только, и еще верстъ за тридцать отѣхали мимо мѣстечекъ, селъ и хуторовъ, все лѣсомъ да лѣсомъ; тутъ стали на привалъ и занялись дѣлелемъ добычи. На каждого досталось по четыреста рублей серебряною монетою. Это было передъ вечеромъ, истомленные кони требовали покормки и отдыха. Тутъ былъ ночлеги.

Три или четыре дня они ѣхали до переправы черезъ Днѣпръ, и на томъ же дубѣ, на которомъ переправлялись на кievскую сторону, переправились въ нынѣшній козелецкій уѣздъ. На третій день, по прибытіи на лѣвобочную Украину, Дурный, Зміенко, Цыганко, Дараганъ и Подоляка объявили, что пойдутъ къ Самарѣ, искать гдѣ бы поселиться, и разстались съ Горкушею.

А онъ, съ Босенкомъ и Романенкомъ, поѣхалъ въ Суховерховку, къ Пухлому. Въ ноябрѣ, наканунѣ архистратига Михаила, пріѣхали въ хуторъ къ Бардаку Шевченко и запорожець Романъ; этотъ хуторъ былъ подъ Смѣлымъ, что въ Роменщинѣ. По словамъ Бардака, эти гости потребовали квартиру горѣлки, взяли его самага и поѣхали въ яръ «Любчычева крыныцѣ», что въ двухъ верстахъ отъ его хутора. Тамъ въ яру стоялъ «Грыгорый» Горкуша; это нашъ тотъ же Семень, только подъ другою кличкою. Когда явились они къ нему, стали пить горѣлку; Шевченко совѣтовалъ Бардаку прибѣгнуть къ «Грыгорю Ивановичу, щобъ не зоставивъ «іого деньгамы.» Григорій Ивановичъ принялъ просьбу благосклонно, и обѣщалъ по заслугѣ наградить.

Выпивъ порядкомъ горѣлки, Горкуша, Босенко и Романенко отправились въ знакомую намъ уже слободу Бригадировку, гдѣ прожили болѣе недѣли у Максима Высочиненка. Оттуда пустились Ромоданомъ въ Бобрикъ. Проѣздомъ черезъ Бодакву, започевали у Ивана Козачка. Въ Бобрикѣ явились прямо въ дворъ Селезней и Острога, въ которомъ уже поселился крестьянинъ папа Лукьянѣвича, Миронъ Есипенко, онъ же Онисимъ Недоньщевко. У него прогостили они четыре дня.

Въ эти дни Горкуша высказалъ товарищамъ намѣреніе отправиться въ Воронежъ, въ гости, только въ непрошеные, къ пану Холодовичу. Босенко, Романенко и Недоныщенко, согласились; но обдумавъ планъ наѣзда, Горкуша отложилъ экспедицію до удобнѣйшаго времени: «покуда мѣсяць начне примеркать, — говоритъ въ показаніи Горкуша. «Бо тогда было мѣсячно.»

Для разнообразія бездѣйственной бобрлицкой жизни, Горкуша, то одинъ, то съ товарищами, часто ѣздилъ въ хуторъ козака Кондрата Бардака и гостилъ тамъ иногда дня по два, по три.

ГЛАВА IV.

Наѣздъ на пана Холодовича.

Бунчуковый товарищъ, помѣщикъ, житель воронежскій, Холодовичъ былъ старикъ, какъ видно изъ дѣла, добродѣтельный, живущій не столько здѣшнею, тлѣнною жизнью, сколько будущею; человѣкъ съ теплыми чувствами къ религіи, нѣсколько охлажденными къ людямъ, и совершенно холодными къ роднымъ, особенно къ наслѣдникамъ. Это былъ типъ богатаго бездѣтнаго дядюшки, не переносящаго фізіономіи племянническихъ. Эти люди съ одной стороны правы. Вообразите себя Холодовичемъ: хотя вы человѣкъ живущій не столько здѣшною тлѣнною жизнью, сколько будущею; но все же вамъ еще не время умирать, вы еще «не все земное совершили»: вы не выстроили колокольни къ церкви вами построенной; не устроили больницы и школы для бѣдныхъ, которымъ издавна намѣрены дать пріютъ; не обезпечили вашей молоденькой кляшницы, которую сама совѣсть повелѣваетъ пристроить, да и денегъ не полную сумму еще собрали: тамъ одинъ сундукъ стоитъ еще только до половины монетою засыпанный; короче — вамъ еще не время умирать. А эти отвратительные, богопротивные племянники... что за выраженіе лицъ! въ этихъ взглядахъ есть что-то могильное, похоронное; нельзя безъ отвращенія вообразить какую жал-

кую физиономию будутъ корчить они при всѣхъ, когда насъ будутъ перекладывать въ гробъ со стола, и съ какимъ восторгомъ будутъ дѣлиться они деньгами, землями, драгоценными вещами, запершись въ нашемъ кабинетѣ. А эти ласки, это заискиванье, это глубокое прочтеніе и повиновеніе вамъ, все это — предательство, во всемъ видна задняя мысль. И, наконецъ, какво вамъ будетъ видѣть съ того свѣта, какъ труды цѣлой вашей жизни погибнуть въ рукахъ этихъ негодяевъ; вы копили, — они проматываютъ; вы сажали, — они вырубятъ; даже церковь вами построенную, предоставятъ приходу содержать; даже домъ, въ которомъ вамъ было такъ хорошо жить, — перестроютъ. Рѣшительно старые дядюшки правы; нельзя любить племянниковъ, если они наследники. Дарить ихъ можно, даже для приличія и должно, но избирая тѣхъ, которые менѣе нуждаются, которые побогаче; эти, во первыхъ, менѣе нуждаются, а потому не столь нетерпѣливо ожидаютъ видѣть васъ несомыхъ въ дубовомъ ящикѣ, вслѣдъ за хоругвями; во-вторыхъ, они богаче, а потому у нихъ пріятелей больше, и больше станутъ говорить о вашей милости и любви къ роднымъ. Итакъ дарить племянниковъ исподоволь можно, но любить ихъ рѣшительно нельзя.

Съ другой стороны нельзя не извинить иногда и бѣдныхъ племянниковъ. Поставьте теперь себя на мѣстѣ бѣднаго племянника. Во-первыхъ, вашъ дядюшка къ вамъ несправедливъ: вы хлопчете по дѣламъ его, — онъ награждаетъ не васъ а вашего брата; вы стараетесь ему угождать, онъ при всѣхъ съ вами обращается презрительно; онъ въ обществѣ выставляетъ васъ, при васъ же, блюдолизомъ, низкопоклонникомъ, худопахолкомъ, бѣднякомъ, гольтяпой нуждающимся въ подащии и прикрытіи наготы, который ходилъ бы въ дерюгѣ и питался бѣ размазней, еслибъ не его къ вамъ богатия и щедрія милости; онъ при всякомъ, удобномъ и неудобномъ случаѣ, гоняетъ васъ, какъ гончую собаку, по своимъ дѣламъ, и потомъ, не смотря на скорое и хорошее исполненіе, ворчитъ на васъ по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ за лѣность, нерасторопность, непонятливость, неумѣнье; потомъ читаетъ вамъ проекты своихъ духовныхъ завѣщаній, въ пользу племянника жены своей, въ пользу какого-нибудь монастыря,

въ пользу кіево-могилинской братской школы, заведенной Анною Ярославною, Анною Гугулевичевою, Петромъ Могилою и гетманомъ Петромъ Конашевичемъ Сагайдачнымъ. Какъ же его любить послѣ всѣхъ такихъ продѣлокъ? Напротивъ, чувство нелюбви къ человѣку, который по родству насъ долженъ любить, весьма естественно. Онъ не любить васъ за то, что вы его племянникъ и наслѣдникъ; вы его не любите за то, что онъ дядя, и долго держитъ за собою ваше дѣдовское наслѣдье. Какъ васъ обвинять, если вы скажете, что «вашъ дядя самыхъ честныхъ правилъ, коль не на шутку занемогъ.»

Рѣшительно племянники богатыхъ дядюшекъ правы; нельзя, однакожъ, обвинять и дядюшекъ, которыхъ племянники бѣдны. Я не извѣдалъ участи ни тѣхъ, ни другихъ; у меня по мадушкѣ дядюшки были семейные, а по батюшкѣ дядюшекъ не имѣлъ я—ни семейныхъ, ни холостыхъ. Я только видѣлъ дѣло на сторонѣ, и сердце мое болѣло иногда за дядюшекъ, иногда за племянниковъ.

Холодовичъ былъ не только дядюшка, но и двоюродный дѣдушка, дарилъ однихъ родныхъ, другихъ гналъ отъ себя прочь, своенравничалъ со всѣми, строилъ церкви и деньги копилъ.

У него была племянница, курская помѣщица, уѣзда путивльскаго, Масалитинова; у нее было два сына. Изъ угожденья дядюшкѣ прислала она ему въ подарокъ одного коня осенью, другаго въ филиповъ постъ. За перваго коня дядюшка отдался свѣжею рыбою для стола; за втораго разсердился: «Шо тсе вона мене дарить киньмы да киньмы, якъ якого нѣбудь худобаолка; я и самъ куплю коней, колы буде треба, на мои грошы». И отправилъ подарокъ съ крестьяниномъ своимъ Петромъ Гладкимъ обратно. Это взорвало ея сыновей. Второй изъ нихъ, Иванъ Григорьевичъ, встрѣтивъ Гладкого въ сѣняхъ, сказалъ:

«Вотъ каковъ дѣдушка, другимъ племянникамъ даетъ имѣнія, строитъ церкви, а насъ и во дворъ къ себѣ не пускаетъ. Если волею ничего не дастъ, мы когда-нибудь приѣдемъ къ нему въ гости.» Потомъ, давъ Гладкому полтинникъ, продолжалъ: «Гдѣ ты живешь? Далеко ли отъ винокурни? Нужно,

чтобъ слуги наши знали, гдѣ тебя искать». Гладкій отвѣчалъ, что живетъ на поварнѣ, и пошелъ домой; дорогою зашелъ въ домъ Шрамченка, чтобъ выкупить шапку, которую тамъ заложилъ. На вопросъ, гдѣ взялись деньги, онъ отвѣчалъ, что отъ Масалитинова.

Какъ и гдѣ познакомился Горкуша съ Масалитиновыми, это осталось неизвѣстно; когда и сколько разъ бывалъ онъ въ Курскѣ, Сѣвскѣ и Путивлѣ, тоже не извѣстно: ясно, однакожь, что тамъ онъ бывалъ и не разъ. Изъ дѣла мы видимъ, что никогда онъ не выдавалъ и въ показаніяхъ передъ судомъ не называлъ людей, которые могли быть или были ему полезны. Такъ и при допросахъ о воронежскомъ набѣгѣ онъ не поименовалъ Масалитиновыхъ. А между тѣмъ онъ зналъ ихъ, какъ зналъ Курдюмовыхъ и другихъ жителей Курска. Въ дружеской бесѣдѣ съ товарищами онъ сказалъ, что дорогой изъ Казани познакомился съ Курдюмовыми и что они перепрятаваютъ его имущество. Товарищи показали это при допросахъ.

Во время побѣга изъ подъ Конотопа, Горкуша сказалъ Бардаку, что поѣдетъ въ Путивль за вещами, которые тамъ лежатъ подъ сохраненіемъ у его пріятелей. И дѣйствительно, связь его съ Путивлемъ не прерывалась; но въ дѣло не вмѣшалъ онъ никого.

Нѣтъ въ томъ никакого сомнѣнія, что онъ далъ знать молодымъ Масалитиновымъ о времени набѣга своего на домъ Холодовича. Ничего не можетъ быть яснѣе, какъ участіе Ивана Масалитинова и его товарища прапорщика Аванасьева въ разбоѣ и грабительствѣ, въ домѣ его двоюроднаго дѣда. Самыя показанія ихъ, такъ сами-себѣ противорѣчатъ, такъ сбивчивы и лживы, что не допускаютъ никакихъ опроверженій на счетъ этого участія. Показанія Гладкого подтверждаютъ, что и тотъ и другой находились въ экспедиціи горкушинской.... Судъ оправдалъ ихъ. Фельдмаршалъ Румянцовъ примѣтилъ мошенничество слѣдователей и судей; онъ велѣлъ переслѣдовать дѣло, исправить неисправности, пополнить недомолвки. Эта мѣра ни къ чему не послужила. Масалитиновъ былъ оправданъ вторично.

Дѣло въ томъ, что или Горкуша воспользовался ненавистью его къ дѣду и увлекъ его въ участіе, или самъ онъ соскучась долготерпѣніемъ и рѣшась ограбить дѣдушку, упротилъ Горкушу на этотъ набѣгъ. Югъ Курской губерніи долго славился мастерствомъ рѣзать глотки проѣзжающимъ, подстрѣливать ихъ, и владѣть кистенемъ.

Передъ третью поѣздкою шайки въ Воронежъ, Масалитиновъ зналъ день и часъ назначенные для набѣга.

Дождавшись темныхъ ночей, Горкуша, Босенко, Романенко и Недоныщенко выѣхали въ Суховерховку къ Шевченку и Моргослипу, забрали этихъ обоихъ, и на трехъ санияхъ пустились въ Воронежъ. Это было 5 декабря, въ Филиповъ постъ. Вечеромъ приѣхали къ Воронежу и стали на выгонѣ, въ сараяхъ кирпичнаго завода. Ночью Горкуша былъ въ городѣ, обошелъ дворъ Холодовича, возвратился къ табору и сказалъ: «не время! вернимось.»

Возвращаясь въ Суховерховку, заѣхали къ Бардаку и объявили, что неудачно проѣздились. Проживъ два дня въ Суховерховкѣ и оставя тамъ Шевченка съ Моргослипомъ, Горкуша поѣхалъ самъ-четверть въ Бобрикъ; тутъ оставилъ Недоныщенка и самъ-треть отправился въ Бригадировку. Въ Бобрикѣ ночевалъ у Козачка, въ Бригадировкѣ прожилъ недѣлю у Ивана Карлаша.

Декабря 14-го выѣхали изъ Бригадировки; дорогою были у Бардака, онъ далъ имъ въ подарокъ два мѣшка соли, для виду, будто-бы они торгуютъ солью; отъ Бардака заѣхали за Недоныщенкомъ въ Бобрикъ, потомъ за остальными въ Суховерховку, оттуда въ Воронежъ, куда прибыли въ сумерки.

Они упротились въ избу къ крестьянину Холодовича, Гаврилу Литвину, котораго не знаю для чего, Босенко называетъ Василемъ. Литвинъ, брюнетъ, круглолицый, роста средняго, былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, жилъ не далеко отъ господскаго двора. Жены и дѣтей его гости не видѣли. «Кто вы?» спросилъ ихъ хозяинъ, когда они усѣлись. — Мы продавали соль, отъ которой у насъ еще два мѣшка осталось. — Тутъ Горкуша подарилъ ему полпуда соли. А между тѣмъ Горкуша дѣйствительно успѣлъ уже побывать на базарѣ и купить тамъ горѣлки. Тогда онъ началъ пить горѣлку, по-

томъ поподчивалъ Гаврилу, за чаркою-чарка, Гаврило подпилъ. Увидя что у него глаза уже въ туманѣ, Горкуша спросилъ: «Какой это господинъ живетъ?» и указалъ на домъ панскій. — Холодовичъ. — «А много у него денегъ?» — Богато. — «Какъ бы обворовать его?» спросилъ Горкуша, будто бы въ шутку. Но Гаврило почелъ вопросъ весьма естественнымъ и отвѣчалъ: — Теперь въ двори панщина; не манно приздить святкамы; то не буде панщины.

Однакожь проба была сдѣлана: ночью Шевченко и Моргослипъ тихонько встали, пошли въ дворъ и осмотрѣли кругомъ. Возвратясь, объявили, что: «Морозъ великъ; снигъ рыпыть пидъ ногами; опасно шобъ насъ не ошутылы». И такъ они опять поѣхали въ Суховерховку, въ Бригадировку и къ Бардаку, и опять въ Суховерховку.

Декабря 24-го Горкуша и Босенко, котораго Бардакъ называлъ «Романомъ Запорожцемъ», приѣхали къ Бардаку на кутю, пароконной телѣгой. 26-го явились туда бобрицкіе жители Пылыпъ Запорожець и Мыронъ Донченко; этотъ Донченко тотъ же Анисимъ Недоныщенко и Миронъ Есипенко. Того же числа прибылъ къ нимъ и Моргослипъ. Объявивъ на хуторѣ, что ѣдутъ въ Литву на добычу, все общество выѣхало 27-го отъ Бардака въ Суховерховку. Оттуда въ третій разъ отправились въ Воронежъ и положили, чтобъ наѣздъ былъ, во-что бы ни стало, рѣшительный. Съ ними поѣхалъ еще сынъ суховерховскаго жителя Алексѣя Литвина, Самсонъ. Прибывъ подъ Воронежъ, остановились они на томъ же выгонѣ, въ тѣхъ же сараяхъ кирпичнаго завода, которые по этому случаю Горкуша прозвалъ «козацькы конюшни». Это было съ 3-го на 4-е января.

Между тѣмъ въ Воронежѣ, 3-го января поутру, Гладкій пошелъ въ спаскій церковный шинокъ выпить меду съ нищимъ Скубицкимъ «со старцемъ шпытальнымъ», по выраженію Гладкого. Въ шинкѣ былъ крестьянинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Григорьевича Туманскаго, Прокопъ Здоровецъ. Старца шпытальнаго и Гладкого пригласилъ Здоровецъ къ себѣ. Тамъ застали горбовскихъ поповичей Тараса и Григорія Короткевичей. Пили горѣлку. Скубицкій пошелъ въ «шпыталь». Этого только и ожидалъ Здоровецъ.

Тотчасъ заговорилъ онъ о богатствѣ Холодовича, о томъ, что Холодовичъ хорошо править людьми, что Холодовичъ церковь выстроилъ, что у Холодовича «грошей сыла!»

«И на тебѣ сказуваль», обратился онъ къ Гладкому, «шо у тебе грошей багато. Ты не дасы у позычку? У вашего клюшныка тысяча, а мѣже й бильшь. Якъ бы хто васъ, або пана вашего потрусывъ, я думаю, багацько можно-бъ одъ васъ добыть грошей! Такъ бы й пропало!» — Грѣхъ это дѣлать, — отвѣчалъ Гладкій. Мой господинъ опредѣлялъ деньги на церковь. А у меня если есть рублей пятьдесятъ, такъ и тѣ по милости панской. — Не обращая вниманія на такое объясненіе, Здоровецъ сказалъ: «Жаль миѣ, что нѣтъ брата моего Тимофея изъ Новагорода. Онъ обѣщаль пріѣхать ко миѣ». Передъ вечеромъ Гладкій пошелъ въ дворъ своего пана, съ женою, которая пришла за нимъ; дорогою встрѣтился съ Гавриломъ Литвиномъ, который сказалъ ему: «Ходимъ до мене; у мене будутъ гости.» Но Гладкій былъ уже пьянъ, жена не пустила его и повела въ кухню.

Эти гости были: Горкуша съ причтомъ, Масалитиновъ и Здоровцы.

Горкуша, какъ сказалъ я, прибылъ въ Воронежъ съ 3-го января на 4-е, и сталъ въ кирпичномъ заводѣ на выгонѣ. Тотчасъ же пошелъ онъ къ крестьянину Холодовича, Гаврилу Литвину, вызвалъ его, вызвалъ товарищей и Гаврило повелъ ихъ на винокурню. «Идять перво у вынныцю, сказалъ онъ. Тутъ есть люде.» А самъ возвратился домой. Въ винокуренной конторкѣ нашли они семь винокуренныхъ работниковъ, перевязали ихъ и оставили подъ присмотромъ Моргослипа. Одного взяли въ проводники, въ самый дворъ, чтобъ заставилъ собакъ молчать. Тутъ вскочили они въ людскую, «вхопылысь въ молодечню», какъ выражается Босенко; перевязали всѣхъ слугъ, въ томъ числѣ двухъ женщинъ и пошли въ свѣтлицу, къ Холодовичу.

Гладкій рассказываетъ, что было уже за полночь, когда въ молодечню вошли четыре человѣка, въ сопровожденіи связаннаго двороваго Прокопа Носенка. Гладкій, жена и дѣти его, слуга Степанъ Свиргунъ уже спали. Свиргуниха еще не спала. Она видѣла какъ вошли эти люди, принесли въ горшкѣ

горящіе уголья, вздули огонь и сѣрниками зажгли «якись-то черны свичы». Потомъ всѣхъ кромѣ жены Гладкого перевязали. Оставя въ избѣ челоуѣка вооруженнаго, это былъ Босенко, они взяли Гладкого, связаннаго, и потребовали, чтобъ указалъ имъ избу, гдѣ спятъ работники. Тамъ ихъ было около десяти. Когда ихъ начали вязать, Артемъ Вермеіенко назвалъ Здоровца по имени. Этотъ ударилъ его по головѣ, чтобъ не распространялся.

Вязавши сына Гладкого, Петра, одинъ изъ шайки спросилъ: «А что! какова лошадь подаренная вашему пану Масалитиновымъ?» — Исхудала, отвѣчалъ Петръ. Разбойники вышли въ сѣни. Одинъ изъ нихъ, обратясь къ тому, который спрашивалъ о лошади, сказалъ: «На что ты, с.... с...., спрашиваешь? Вѣдь ты ее не съѣшь?» — Подозрѣвая, кто это, и припоминая чей-то голосъ, Гладкій спросилъ: «Разви, добродію, вы зѣ родни пану, що объ лошади спрашуете?» Этотъ бросился на него съ ножемъ и свирѣпо крикнулъ: «Молчать, с.... с...., или пропадешь! Панъ «твой старъ и боленъ; умереть, племянники разберутъ имѣніе, а мы тебѣ дадимъ денегъ, чтобъ ты молчалъ и не доносилъ на Масалитиновыхъ».

Съ этой минуты, примѣчая за разбойникомъ, Гладкій узналъ въ немъ и по рѣчамъ и по лицу меньшаго Масалитинова, того, что далъ ему полтинникъ.

Между разбойниками было еще двое: одинъ черноволосый, съ длиннымъ носомъ, въ голубомъ суконномъ кафтанѣ, въ голубыхъ суконныхъ шароварахъ, въ сѣрой бараньей шапкѣ съ черной плисовой макушкой; другой русый, круглолицый, высокаго роста, въ красномъ китайчатомъ кафтанѣ, въ красныхъ суконныхъ шараварахъ, шапка такая, какъ у перваго. Гладкій узналъ въ-первомъ Тимофея Здоровца, во второмъ брата его, Прокопа.

Управясь въ людской, шайка пошла, безъ Босенка, въ покои панскіе. Тамъ еще свѣтилось. Холодовичъ что-то читалъ, стоя. Очевидно, молился.

Горкуша подошелъ къ нему: «Здравствуй, пане!»

— Здравствуйте.

— Де твои гроши, пане?

Холодовичъ, указавъ на сундукъ, сказалъ хладнокровно: — Грошы не мои. Я ихъ опрѣдиль въ церковь. Не той грошы проживае, кто ихъ наживаетъ, а той, кому Богъ судить.

Холодовичъ сказалъ великую истину: дѣйствительно скряги наживаютъ, но не проживаютъ деньги. Ими пользуются наслѣдники. Но Горкуша былъ не философъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на это изрѣченіе и принялся хозяйничать.

Возлѣ Холодовича стоялъ его ключникъ Росенно. Въ соседней комнатѣ спали старуха и мальчикъ. Этихъ не будили, но Росенку Горкуша велѣлъ связать.

Не требуя ключей, начали разрубать сундукъ и ларчикъ. Насунувъ шапку до самаго рта, Масалитиновъ ощупью раскапывалъ по комнатѣ и спросилъ Росенка: «А матерія гдѣ?» Въ это время одни разбирали по карманамъ червонцы, дукаты, золотыя цѣпочки; другіе выкладывали изъ сундука на полъ мѣшки съ серебряною монетою.

Масалитиновъ спросилъ Росенка: «Гдѣ погребъ?» — «Покажи погребъ!» сказалъ ключникъ Гладкому. Масалитиновъ отбилъ дверь, Горкуша приказалъ сводить туда со всего двора всѣхъ связанныхъ. Пришедши въ людскую, чтобъ забрать этихъ людей, Масалитиновъ сталъ давать Гладкому мѣшокъ съ деньгами. «Вотъ тебѣ деньги; только не говори, что мы Масалитиновы.» Имѣя руки связанныя, Гладкій не могъ принять мѣшка и указалъ каморку. Тимофей Здоровецъ взялъ мѣшокъ и вбросилъ въ кадовбу, родъ широкой полу-бочки, чанъ, въ который всыпаютъ зерно и всякую всячину. Въ людскую были уже приведены люди, въ винокурнѣ связанные. Всѣхъ ихъ повели въ погребъ, куда черезъ нѣсколько минутъ привели и ключника Росенка.

Въ комнатахъ, между тѣмъ, набирали хлѣба и колбасъ, взяли боченокъ горѣлки, все это снесли въ погребъ для затворниковъ, поставили въ погребъ свѣчу и заперли накрѣпко двери. А Гладкого взяли съ собою, протоптали передъ нимъ снѣгъ, положили туда еще одинъ мѣшочекъ съ деньгами, засыпали снѣгомъ и сказали: «можешь послѣ взять къ себѣ».

Возвратясь въ комнаты, забравъ деньги, вещи и легкую кирю *доброто сукна вишневаго*, Горкуша сказалъ: «Спасыбо

«тоби, пане!» Онъ вышелъ, за нимъ вся шайка; дорогою вкинули въ погребъ два мѣшка денегъ въ пользу затворниковъ. У воротъ стояли сани. Горкуша пошелъ туда смотрѣть, какъ сносятъ и складываютъ добычу.

— Теперь веди насъ къ воротамъ, къ атаману, сказала Масалитиновъ Гладкому и, вложивъ ему въ карманъ еще нѣсколько монетъ, прибавилъ: — вотъ тебѣ еще деньги. Смотри! не объявляй о насъ никому, да не пьянствуй, такъ будешь человѣкомъ. Тутъ разбойники разсѣлись по саямъ и двинулись въ путь.

Горкуша забѣжалъ на минуту въ избу, къ Гаврилу Литвину, подарилъ ему мѣшочекъ неслитанныхъ серебряныхъ денегъ, и они со всею возможною скоростью помчались. Къ разсвѣту они были уже верстъ за сорокъ отъ Воронежа; того же дня въ сумерки явились въ Суховерховку.

Съ восторгомъ встрѣтили друзей Шевченко и Моргослицъ. Горкуша немедленно съѣздилъ къ Бардаку. По словамъ самого Бардака, онъ пріѣхалъ къ нему января 5-го, привезъ коробку серебряныхъ денегъ; этими деньгами Бардакъ заплатилъ всѣ свои долги. 6-го января, во время ихъ обѣда, пріѣхалъ туда моргослицовъ дядя Терентій Королисъ. При Горкушѣ были Босенко, Донченко, т. е. Есяпенко, онъ же Недоныщенко, Пылыпъ Запорожець, т. е. Шевченко, и Артемъ Моргослицъ.

Тутъ былъ дѣлежъ добычи; по словамъ Горкуши, на каждаго досталось по тысячи семисотъ рублей.

Бардакъ, его жена и сынъ были свидѣтелями этого дѣлежа. Босенко, принявъ свой пай, вынулъ оттуда сто восемьдесятъ рублей и вложилъ въ кафтанъ. Отдавая его женѣ Бардака почистить, онъ сказалъ: «въ кишени есть деньги. Выймы». Она вынула и подала ему. — «Не отдавай! нехай «тоби!» сказалъ шутя Горкуша; она воспользовалась этою шуткою, а Босенко не противорѣчилъ. Сверхъ дѣлежа, Горкуша взялъ себѣ кирею Холодовича; но потомъ положилъ за нее девять рублей въ артель.

Черезъ три дня пріѣхалъ въ хуторъ Шевченко съ сыномъ Литвина, Самсономъ, жаловаться на Недоныщенка, за побой. По приказанію Горкуши, Босенко поѣхалъ въ Боб-

рикъ, отнялъ у Недоныщенка семьсотъ рублей, раздѣлилъ ихъ между Шевченкомъ и Самсономъ, и возвратился къ Горкушѣ.

Наконецъ они выѣхали изъ хутора, передневали въ Суховерховкѣ; Литвиненко и Недоныщенко поѣхали въ Бобрискъ, Босенка съ Горкушею въ Путивль.

Такъ кончился этотъ опасный набѣгъ, вознагражденный большою добычею. Десять мужчинъ въ людской, семь въ винокурнѣ, неизвѣстно сколько въ молодецкѣ, но не менѣе троицхъ, и одинъ въ комнатахъ были связаны. А между тѣмъ, это было въ многолюдномъ городѣ. По этому можно судить о рѣшимости и распорядительности Горкуши.

ГЛАВА V.

Слѣдствіе по дѣлу Холодовича.

Чтобъ ни говорили, чтобъ ни писали нынѣшніе философы, публицисты, журналисты, литераторы о пользѣ гласности, я той вѣры, что тайна необходима въ судахъ и гражданскихъ и уголовныхъ.

Говорятъ, что тайна есть маска честности на лицѣ запятнаномъ мошенничествами; покрывало на безобразіи; вывѣска скромной жизни на развратѣ, добродѣтели на порокахъ; что это золото на грязи. Говорятъ, что тайна есть вѣрный признакъ дѣла нечистаго. Чистое не боится гласности, даже любить ее. Пусть такъ; но это не касается слѣдствій и судопроизводства; я утверждаю, что тайна необходима въ судахъ.

Говорятъ еще о семейной тайнѣ, будто-бы она скрываетъ какое-нибудь пятно черное или сѣрое, могущее опозорить имя семейства; будто бы здѣсь таится или безчестное дѣло мужа, сына, или неосторожный шагъ споткнувшейся жены, дочери. Но это дѣло постороннее; кто вправѣ вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла? Я говорю о тайнѣ судейской.

Вотъ и въ торговлѣ тайна необходима. Она скрываетъ

несостоятельность, поддерживаешь кредитъ. На что знать постороннимъ, что я — почетный гражданинъ, кунецъ первой гильдіи, нѣсколькихъ городовъ откупщикъ и кавалеръ, замотался и замошенничался. Это мое дѣло. Кредитомъ можно поправиться, а при гласности лопнетъ мой кредитъ. Да и дешевиэпу купленнаго мною товара на что знать постороннимъ? Это помѣшаетъ мнѣ взять на немъ рубль на рубль барыша. Тайна въ коммерціи для честнаго купца очень важное дѣло, весьма «пользительна»; но въ судахъ, при допросахъ, при слѣдствіяхъ она необходима вполне.

Умолчимъ о безобразіи, скрываеомъ подъ корсажами и тюриорами. Скажемъ только, что со дня грѣхопаденія, виноградный листокъ и передникъ вошли въ употребленіе. Вѣдь не снять же ихъ. Съ первымъ лицепріятіемъ, съ первою взяточю судейская тайна введена; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вѣдь не разоблачить же судью и его благородныхъ товарищей. Тайна — виноградный листокъ на лицѣ судьи.

Чтобъ доказать ея пользу фактически, посмотримъ, что дѣлалось въ Воронежѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ, послѣ отъѣзда Горкуши изъ Воронежа.

— Пейте горѣлку и развязывайте другъ-друга, сказалъ одинъ изъ разбойниковъ, отходя отъ погреба; однокожъ, запирая дверь, заложилъ щеколду ножемъ. Тогда они начали другъ-друга развязывать, выломали окно, высадили двухъ человекъ, эти отперли дверь; вышли и остальные; но разбойниковъ уже не было: ихъ и слѣдъ простылъ.

Освободившіеся затворники явились къ пану; панъ послалъ къ сосѣду своему, пану Шрамченку, съ увѣдомленіемъ. Между разказами онъ упомянулъ, что разбойники взяли у него нѣсколько бутылокъ водки.

Января 4-го, спасскій пономарь Ярмоленко пилъ водку изъ боченка оставленнаго разбойниками для людей, запертыхъ ими въ погребѣ. Онъ по вкусу узналъ, что такая водка есть у Прокопа Здоровца. Онъ донесъ объ этомъ. Это очень важное обстоятельство для улики Здоровца; особенно важно тѣмъ, что разговоръ Здоровца съ Гладкимъ у себя въ домѣ, при Короткевичахъ, очень подтверждается показаніемъ Ярмоленка.

Гладкій вмоталъ въ клубокъ нитокъ послѣднія, отъ Масалитнинова полученныя деньги, вырылъ затоптанныя разбойниками въ снѣгъ и спрягалъ въ льняное сѣмя, выпуль изъ кадовба туда вброшенныя и зарылъ въ кучу известки, и распорядясь такимъ образомъ всѣми деньгами, разсказалъ о томъ женѣ. Она начала плакать, повторяя: «Буде жъ намъ беда».

Января 5-го Гладкого допрашивали въ воронежскомъ сотенномъ правленіи. Вечеромъ пошелъ онъ изъ правленія въ шинокъ, все таки спасскій, гдѣ засталъ пономаря Ярмоленка и Прокопа Здоровца.

Послѣдній, подгулявъ, сказалъ ему: «Благодарю тебя за то, что хоть и посидѣлъ ты въ канцеляріи, да не обмаралъ меня и не показалъ на меня ничего. А ты *такой-сякой*, — обратился онъ къ Ярмоленку, — оговорилъ меня, что у меня такая водка, какъ въ дворѣ у папа Холодовича. А я мою собственную водку имѣю».

Гладкій пьянствовалъ, проматывалъ деньги, дарилъ сосѣдей, жертвовалъ на церковь и не могъ удержать языкъ на привязи. Женѣ Шрамченка сказалъ, что между разбойниками узналъ Масалитнинова, другимъ проговорился, что разбойники обдарили его деньгами. Когда же перевели его изъ воронежской сотенной канцеляріи въ новгородъ-сѣверское намѣстническое правленіе, онъ показалъ, что Гаврило Литвинъ, просидѣвъ въ винокурнѣ до полуночи, вышелъ, тотчасъ явились разбойники, и былъ первый набѣгъ на винокурню. Этимъ онъ подалъ подозрѣніе на Литвина.

Итакъ Литвинъ и два поповича горбѣвскіе, Короткевичи оказались подъ подозрѣніемъ; Здоровцы и меньшей Масалитниновъ были уличаемы. Какъ ни старался Масалитниновъ избавиться отъ скандала, какъ ни желалъ судъ избавить его отъ бѣды и отъ слѣдствія, нельзя было оставить безъ допроса. Отговариваясь отъ участія въ дѣлѣ, онъ подалъ слѣдующее показаніе:

«Условился я съ прапорщикомъ Аванасьевымъ ѣхать въ Погарь, въ гости къ дядѣ моему, бунчуковому товарищу Григорію Соболевскому. Поѣхали мы изъ села Гвинтовой, сѣзда Путивльскаго, изъ дому Аванасьева, избушкою и ки-

«биткою, съ четырьмя слугами; двое изъ тѣхъ слугъ Аонасьева. Января 1-го мы кормили въ Камени, почевали въ Кролевцѣ. Распутица остановила насъ. Января 2-го послали «мы изъ Кролевца двухъ слугъ съ письмомъ отъ меня къ «Соболевскому. Того же января 2-го получили отвѣтъ, коего «копію представляю въ судъ. Того же января 2-го возвратились мы въ село Гвинтовую. Вечеромъ былъ я у пріятелей «моихъ Марковыхъ, у которыхъ встрѣтился съ Дашковымъ; «ночеваль я у Аонасьева. Января 3-го поѣхаль домой въ «село Красное, гдѣ нашель Титова и ссылаюсь на нихъ на «всѣхъ, что съ 3-го на 4-е ночь проводилъ съ ними.»

Тутъ очевидная ложь. Отъ Кролевца до Погара ближайшимъ путемъ сто тридцать верстъ; отъ Камени, что надъ Сеймомъ, до Кролевца, тридцать верстъ, если ѣхать на Мутинъ и Богрокъ; а если взять на Морозовку и на Погребки, мимо Локни, такъ будетъ и сорокъ, отвратительной дороги и песками, и болотинами, и рытвинами, и горами. Если эти посланные поѣхали въ Погаръ 2-го января и возвратились того же числа, то это значить, что они сдѣлали двѣсти шестьдесятъ верстъ. За тѣмъ еще осталось довольно времени для Масалитинова пріѣхать того же числа въ Гвинтовую изъ Кролевца. Онъ ѣхаль на Камень; это ближайшая дорога и, какъ я сказалъ уже, тридцать верстъ; а отъ Камени до Гвинтовой, какъ видно изъ его же показанія, еще перегонъ, ибо ѣдучи въ Кролевецъ, онъ принужденъ былъ въ Камени кормить лошадей. Итого слуги, посланные и возвратившіеся 2-го января, и самъ онъ сдѣлали триста двадцать верстъ; да еще ему осталось довольно времени, чтобъ съѣздить въ Гвинтовой, на вечеръ къ пріятелямъ и возвратиться на ночь къ Аонасьеву. Такая явственная ложь ясно выказываетъ участіе въ разбоѣ, страхъ, замѣшательство, и невозможность извернуться.

Допросили одного изъ посыланныхъ въ Погаръ, Андрея. «Онъ, Андрей Соколовъ, получивъ билетъ, выѣхаль въ Погаръ января 2-го, почеваль противъ 3-го въ Пироговкѣ, «вечеромъ 3-го пріѣхаль въ Погаръ. 3-го и 4-го ночеваль «въ Погарѣ, 5-го выѣхаль и ночеваль въ Каменной слободкѣ (это тридцать верстъ отъ Погара); 6-го ѣхаль черезъ

«Воронежъ, гдѣ слышалъ о разбоѣ. 7-го почевалъ въ Тули-головѣ (это нынѣшняя станція между Глуховомъ и Кролев-цемъ); 8-го приѣхалъ въ Красное и *объявилъ отцу Масалитнинова о разбоѣ*; отецъ тотчасъ послалъ въ Воронежъ «за вѣрнѣйшими свѣдѣніями.»

Письмо Соболевскаго къ Масалитнинову оказалось писанымъ отъ 5-го числа. Это совершенно опровергало показаніе Масалитнинова; но судъ не обратилъ на это вниманія.

Гладкого перевели въ острогъ кролевецкій; старый Масалитниновъ подослалъ къ нему Купріенка неизвѣстно съ какими порученіями.

Нищій Скубицкій, «шпитальный старецъ», объявилъ, что не помнитъ никакихъ словъ Здоровца.

Жены горбовскихъ поповичей, Короткевичей, не были допрошены.

Гаврило Литвинъ ничего не показалъ.

Холодовичъ жаловался графу Петру Александровичу Румянцову на безпорядокъ и неполноту слѣдствія. Румянцовъ далъ ордеръ дополнить слѣдствіе. Поручили новгородъ-сѣверскому протопопу допросить Гладкого. Гладкій повторилъ, что узналъ обоихъ Здоровцовъ по лицамъ и по платьямъ, а Ивана Масалитнинова по лицу: — «сами разбойники мнѣ сказывали что между ними Масалитниновъ». Но не только Прокопу Здоровцу и Масалитнинову не сдѣлали повторительнаго допроса, даже и послѣ, когда снимали допросъ съ переловленныхъ разбойниковъ, о Масалитниновѣ не было упоминаемо.

Былъ допрошенъ Тимошей Здоровецъ. Онъ показалъ, что съ 3-го на 4-е января приѣзжалъ онъ къ брату своему Прокопу въ Воронежъ изъ Новгородъ-Сѣверска, гдѣ постоянно живетъ при тещѣ; что съ нимъ приѣзжала теща его, подводчикомъ былъ Босось; что засталъ у Прокопа двоюродныхъ братьевъ своихъ Короткевичей. Посидѣвъ около двухъ часовъ, они легли спать въ одной комнатѣ. Утромъ, января 4-го, пришелъ къ нимъ пономарь Ярмоленко и за новость рассказалъ имъ о разбоѣ. Того же дня, пообедавъ у Пѣшовца, Тимошей возвратился въ Новгородъ.

Эти люди: Пѣшовецъ, Короткевичи, Босось не были допрашиваемы. Хозяинъ дома, гдѣ въ Кролевцѣ квартиро-

вали Аванасьевъ и Масалитиновъ, не былъ призванъ къ показанію о томъ, когда къ нему они пріѣхали, когда отъ него уѣхали и были ли у него ночью или днемъ съ 3-го на 4-е число и 4-го.

Еще на третьемъ допросѣ Гладкій показалъ, что «какой-то фузелерный офицеръ сказалъ ему въ новгородъ-сѣверскомъ острогѣ: смотри! показывай справедливо. Если ты «напрасно покажешь на Масалитинова, такъ тебя отдадутъ «подъ судъ; тамъ и пропадешь».

Кончилось тѣмъ, что Масалитиновъ и Здоровцы, Короткевичи и Аванасьевъ, то есть: курскіе помѣщики, прапорщикъ, поповичи и ихъ родственники, крестьяне дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Григорьевича Туманскаго, очищены отъ подозрѣнія, оправданы и вышли здоровы и невредимы. А между тѣмъ очевидно, что они были участники Горкуши. Гладкій и жена его, насильственно вовлеченные въ разбой, были приговорены: «Во-уваженіе трехлѣтняго «содержанія въ острогѣ, къ ссылкѣ на поселеніе, буде никто «не возьметъ ихъ на поруки».

Кто засѣдалъ въ сотенномъ воронежскомъ правленіи? Ихъ имена не дошли до насъ. Люди слабые, безсильные для борьбы съ «панами великыми», — люди, которые трепетали возбудить панскій гнѣвъ и любили взять взятки. Кто былъ городничимъ въ Кролевецѣ? Какой-то или какая-то коханея. Въ судахъ засѣдали Галяховскій, Чермуховскій, — деньги Масалитинова имъ были нужнѣе нежели безопасность по проселкамъ между Погаремъ, Гвинтовою, Краснымъ и Воронежемъ.

Отъ чего же сосѣдъ Холодовича, котораго немедленно извѣстилъ онъ о бѣдѣ, Михайло Васильевичъ Шрамченко, служившій членомъ перваго департамента верхняго земскаго суда новгородъ-сѣверскаго намѣстничества, отъ чего онъ такъ мало принялъ участія въ ограбленномъ, добродѣтельномъ строителѣ храмовъ и сосѣдѣ? а ему что за охота была бы хлопотать о постороннемъ дѣлѣ и поспорить, можетъ-быть, съ Туманскимъ. Вѣдь Здоровцы были люди богатые, крестьяне Туманскаго и доступъ имѣли къ своему пану.

Что жъ дѣлало новгородъ-сѣверское намѣстническое правленіе? Какъ что?... Ничего. Вѣдь ему поручено было разслѣдованіе. Оно и поступило въ руки секретаря Дергуна, а въ уголовномъ судѣ въ руки секретаря Калиновскаго, Акима; короче сказать въ руки секретарей. Они занимались разборомъ; Богъ ихъ знаетъ, брали ли они взятки съ Масалитиновыхъ, отца и сына, и съ Аоанасьева, это судебная, или судейская тайна. Съ Здоровцовъ не брали они взятку, это вѣрно, но Здоровцы крестьяне Василя Григорьевича 1) манскаго, какъ же ихъ не уважить, не защитить?

Да что же такое Василю Григорьевичу Туманскій? Какъ что? Дѣйствительный статскій совѣтникъ, поручикъ, правитель казенной палаты; свать Василя Васильевича Кочубей члена намѣстническаго правленія, гдѣ предсѣдателемъ «Само Юго Сіятельство Высоковельможный, Сіятельныйшій Графъ Петро Олександровичъ.» Членъ палаты уголовного суда Осипъ Григорьевичъ ему родной братъ, — верхняго земскаго суда Кочубей ему зять, — совѣстнаго суда, Михайло Васильевичъ, сынъ, — «Якъ таки такого чоловіка, якъ Василь Григорьевичъ огорчить? Посли во всихъ судахъ, палатахъ и «правленіяхъ беда! То Паны Велькіе!»

Правы Здоровцы! Правъ Масалитиновъ! въ острогъ, въ Сибирь Гладкого и жену его! Чортъ поберн этого старого, бездушнаго скрягу Холодовича! По дѣломъ вору и мукѣ: копилъ, копилъ, обижалъ племянниковъ и внуковъ, самъ же и наказанъ.

Вотъ, любезные читатели, для чего необходима судебная или судейская тайна въ уголовныхъ слѣдствіяхъ. Не будь тайны, Холодовичъ не былъ бы наказанъ.

ГЛАВА VI.

Отъ Новгорода-Сѣверскаго до Конотопа.

Итакъ генваря 7-го Горкуша съ Босенкомъ поѣхалъ отъ Бардака въ Путивль. Это недалеко. Тутъ же и Красное, Масалитинова, и Гвинтовая, Аоанасьева. Оба взяли свои

деньги. Горкушины были въ бѣломъ окованномъ сундучкѣ. Горкуша взяла кирею кофейную съ краснымъ шелковымъ приборомъ, подбитую крымскими пластоватыми овчинами, пару ружей, пару пистолетовъ и саблю съ насѣчкою серебряною, съ рукояткой слоновои кости.

Генваря 25-го они возвратились къ Бардаку безъ денегъ и безъ вещей — Гдѣ ты былъ, уѣхавъ отъ меня? — спросилъ Горкушу Бардакъ. — «Въ Путивлѣ у купцовъ Курдюмовыхъ и Сметаниныхъ. Славная жена у Курдюмова! Веселая, жирная!... Жилъ я въ слободѣ Зѣновѣ у однодворцевъ. Вотъ люди—что ни привези къ нимъ, хоть на какую великую сумму, все могутъ по твоей волѣ перевести, и все сохранять въ цѣлости.»

Недолго, однакожъ, Горкуша гостилъ у Бардака; не знаю за что они поссорились и уѣхали отъ Бардака оба. Взяли путь черезъ Константиновъ, мимо Бобриска, обѣдали въ шинкѣ Шевича, подъ именемъ роменскихъ жителей; ночевать поѣхали въ Бодакву и остановились у Ивана Козачка. Шутя съ хозяиномъ, Горкуша снялъ съ него постолы, изрѣзалъ и выбросилъ; потомъ подарилъ ему два рубли и сказалъ: «Купы за сіи грошы чоботы, а въ постолахъ не ходы.» Ночевалъ въ степи подъ скирдами.

На другой день заѣхалъ въ хуторъ полковника Пламенцова, зашелъ въ шинокъ къ незнакомому шинкарю, сказался роменцемъ, пила горѣлку и въ тотъ-же день пріѣхалъ въ Бригадировку къ шинкарю Максиму, съ которымъ до тѣхъ поръ не былъ знакомъ. У него засталъ стараго своего товарища, извѣстнаго намъ уже Зміенка, съ которымъ повздоривъ разстался послѣ переправы черезъ Волгу; здѣсь этотъ Зміенко назывался Федоромъ Лохвицкимъ и Федоромъ Крывенкомъ. Тутъ же былъ еще лубянской житель Прокопъ Воровченко.

Узнавъ, что Горкуша и Босенко ищутъ мѣста, гдѣ бы поселиться, шинкарь Максимъ сказалъ имъ, что у него барина, Генерала Шамшева, есть за-Днѣпромъ и слободы и земли пустопорожія. Босенко приторговалъ себѣ дворъ въ Бригадировкѣ; Горкуша хотѣлъ идти въ слободу Терновку, того же Шамшева; потомъ оба раздумали, поѣхали по ро-

менской дорогѣ, ночевали въ хуторѣ купца Барбосова и явились къ Бардаку.

Мировая была сдѣлана, у Бардака они прожили довольно долго. Горкуша четыре раза ѣздила къ товарищамъ въ Суховерховку; потомъ, взявъ у Бардака четыреста рублей, поѣхалъ въ Миргородъ. Босенко былъ при немъ постоянно. На второй недѣлѣ великаго поста ѣздила онъ въ хуторъ Политики, Ракову-Сичу, къ Закрыльскому, на двухъ параконныхъ телѣгахъ, подъ именемъ самарскаго жителя Василья Васильевича. Онъ говорилъ, что ѣдетъ въ Хоружовку, къ прикащику тамошнему Чемоданову, покупать макъ и пшено, просилъ сварить просольную рыбу, поужиналъ, переночевалъ и уѣхалъ.

Остановясь въ трактирѣ Шевича, подъ прежнимъ названіемъ роменцевъ, Горкуша и Босенко сказали, что ѣдутъ къ своимъ воламъ зимующимъ на Кулябчиной степи. Оттуда пріѣхали въ Миргородъ, на ярмарку средопостную, остановились въ неизвѣстномъ шинкѣ, купили лошадь за 39 рублей 40 копеекъ, и сотню рыбы. Въ Миргородѣ явился къ нимъ Прокопъ Воровченко. Они взяли его съ собою и поѣхали къ Самарѣ и къ Екатеринославу. Тамъ жилъ бѣглець изъ ссыльныхъ, мастеръ дѣлать фальшивые паспорта, Филиппъ Канавецъ. Они рѣшились вписаться въ мѣщанство по Азовской губерніи, Воровченко написалъ имъ паспортъ и приложилъ печать пмъ самимъ вырѣзанную.

Не доѣзжая двадцати верстъ до Екатеринослава, остановились они на рѣчкѣ Колчекѣ, у церковнаго моста. Воровченко поѣхалъ къ Канивцу, чтобъ взять паспортъ для Горкуши; но дома не засталъ его, и, простоявъ въ степи надъ Кялчекомъ двое сутокъ, они поѣхали, подъ именемъ любенскихъ мѣщанъ, къ Григорію Желѣзняку. «Мы пріѣхали за смушками и сафьянами и ѣдемъ въ Екатеринославъ», говорилъ Горкуша. Между тѣмъ Воровченко, всегда имѣя при себѣ бумагу, чернильницу, сургучъ и печати, заготовлялъ фальшивые паспорта. Одну изъ этихъ печатей онъ купилъ въ Азовѣ за два рубля.

Купивъ у Желѣзняка смушекъ и сафьяновъ, Горкуша поѣхалъ на ярмарку въ Екатеринославъ, 14-го марта. Просто-

явъ тамъ полтора дня на ярмарочной площади, поѣхалъ въ Кодакъ; но отѣхавъ пятнадцать верстъ, узналъ что переправа черезъ Днѣпръ опасна и невѣрна, поѣхалъ на рѣку Самару, къ войсковому мосту, что въ четырехъ верстахъ отъ города Самары. Тамъ отдохнувъ, поѣхалъ на благовѣщенскую ярмарку, въ мѣстечко Луганку; это было въ чистый четвергъ. Тутъ на выгонѣ простоялъ онъ до вторника свѣтлой недѣли, и потомъ поѣхалъ къ войсковому мосту почевать.

Тутъ явился къ нимъ Ѳедоръ Змиенко, потомъ житель омельницкой сотни, служившій у маіора Байдака, Никита Пикниеръ, а потомъ житель уѣзда конотопскаго, мѣстечка Хмелова, козакъ Семень Хмеловскій. Горкуша съ ними сошелся, и тутъ же родилась у нихъ мысль о наѣздѣ на домъ городничаго конотопскаго Базилевича или, какъ выражались они, «на Парпурыху». Горкуша зналъ ее прежде. Онъ до ссылки своей въ Казань привозилъ первому ея мужу Парпурѣ соль изъ Запорожья; а Змиенко покупалъ горѣлку у ея деверя, Луки Парпуры.

Никита Пикниеръ, онъ же и Власенко, новый горкушинъ товарищъ, былъ грамотѣй, не хуже Воровченка, «весьма искусно ризавъ печати на осельци ¹⁾ и на камени, якую тыльки побачить ²⁾.» Горкуша договаривалъ его ѣхать къ туркамъ, до некрасовцовъ. Власенко не согласился, хотя ему предлагалъ Горкуша по сту рублей въ годъ. Что касается до паспортовъ, написалъ ихъ два и приложилъ печать купленную въ Котельвѣ на ярмаркѣ ³⁾.

Наѣздъ на Парпуриху былъ отложенъ, потому что Босенко и Воровченко желали прежде съѣздить въ Самару за рыбу, распродать ее и потомъ навѣстить жену Воровченка въ Лубнахъ. Къ тому же Босенко объявилъ, что не хочетъ болѣе разбойничать, что займется торговлею, что «буде хлѣбъ робыть». Романенко извѣстилъ ихъ, что взять въ Лубнахъ, отправленъ въ Кіевъ и оттуда препровожденъ на днѣпров-

1) Оселокъ.

2) Увидать.

3) Оба сохранились у меня въ архивѣ.

скую линію. Это извѣстіе передалъ онъ черезъ Никиту Пикинера-Письменнаго-Власенка, о которомъ сейчасъ я упоминалъ. Пикинеръ, Хмеловскій, Зміенко, Горкуша выѣхали черезъ два дня. Жили то на запорожской степи, то при хмеловскомъ мостѣ, до апрѣля, и потомъ поѣхали въ Самару.

Въ трехъ верстахъ отъ Самары, договорился въ услуги къ Горкушѣ, за сто рублей въ лѣто, Семень Тимофѣевъ Никитенко. Поселились они въ чумацкомъ таборѣ; придавъ Прокопу Ворончанку Романа Босенко и давъ имъ свягаго коня, Горкуша отправилъ ихъ въ хуторъ Терны и велѣлъ захватить въ гусаковъ окопъ, подъ Смѣлымъ, для осмотра зарытыхъ тамъ двухсотъ битыхъ таллеровъ и слитковъ серебра и золота. На третій день пріѣхалъ Зміенко и Яковъ Герасимовичъ. Тутъ былъ у нихъ совѣтъ о поѣздкѣ за Десну для покупки холста. Проживъ около трехъ недѣль подъ Самарою, они часто ѣздили къ Желѣзняку въ Самару; бывали тамъ у капитана Пискача. Желѣзнякъ, Никитинъ и капитанъ съѣздили съ Горкушею въ капитанскій хуторъ, гдѣ онъ купилъ лошадь и сѣдло за 50 рублей и возвратился въ Самару, къ капитану на могоарычъ. Желѣзнякъ поѣхалъ съ Никитенкомъ къ себѣ; поздно вечеромъ пріѣхалъ къ нимъ Горкуша, а потомъ и кума его, Крамаренкова. Горкуша подарилъ ей тридцать рублей. Нѣсколько дней была у него попойка съ Желѣзнякомъ и кумою.

Въ этомъ обществѣ Горкуша былъ очень откровененъ, экспансивенъ и наивенъ, какъ говорятъ французы. Онъ рассказывалъ, гдѣ его деньги спрятаны, о своемъ житьѣ-бытьѣ въ глуховскомъ острогѣ. Желѣзнякъ обнадеживалъ его, что осенью, когда спадутъ рѣки, онъ проведетъ его въ Очаковъ.

Тутъ же Горкуша познакомился съ Семеномъ Ивановымъ Носатымъ, онъ же Курыло, который жилъ въ шинкѣ у капитана Пискача. Это новый пріятель называлъ Горкушу «Грыцькомъ Горкавымъ утекшимъ изъ ссылки». Въ показаніи онъ выражается: «Горкавый пріѣхалъ въ Самару въ первыхъ числахъ мая; ежечасно гоститъ и гуляетъ у Пискача; съ нимъ бываютъ Никита Ивановъ, Фѣдоръ Зміенко, Яковъ Трофимовичъ». Это тотъ же Герасимовичъ.

Въ маѣ поѣхали они изъ Самары въ разные хутора и въ Ахтырку, а потомъ въ Стародубъ для покупки холста-хряща. Ихъ экипажъ состоялъ изъ кибитки, тройкою, и телѣжки, парюю.

Отѣхавъ верстѣ за двадцать, остановились. Кума простилась съ ними и поѣхала домой; но на другой же день возвратилась съ мужемъ своимъ Степаномъ. Привезла легкую кирею бѣластаго сукна съ шелковымъ приборомъ; зеленый матерчатый кафтанъ; двѣ сабли: одна въ серебрѣ съ слоновой рукоятью, другая въ золотѣ. Горкуша взялъ обѣ сабли и кафтанъ, а кирею и другую «ягодковую пидь рубымъ крымскимъ михомъ съ шовковымъ приборомъ» подарилъ Степану Крамаренки, хозяину ихъ угощавшему, прибавя къ этому подарку пятьдесятъ рублей. Куму съ мужемъ обдарилъ онъ еще щедрѣе. Они съ подарками поѣхали домой. Горкуша съ товарищами продолжалъ путь и пагналъ, въ тридцати верстахъ отъ ночлега, Зміенка, Никиту Власенка и Якова Трофимовича или Герасимовича.

8-го мая, на Троицынъ день, пріѣхали въ Ахтырку. Съ Горкушею были: Зміенко, Власенко, Никитенко, онъ же и Хмеловскій. Власенко назывался еще Пикинеромъ. Проѣзжали степями, остановились въ березовой рошѣ, гдѣ монастырь; тамъ была тогда никольская ярморка. Отъ Ахтырки поѣхали лѣсомъ и полемъ; по всей дорогѣ нигдѣ, кромѣ Ахтырки, паспортовъ у нихъ не спрашивали.

Дорогою Горкуша показывалъ Власенкѣ червонцевъ и имперіаловъ болѣе нежели на тысячу рублей. Пріѣхавъ на Ромоданъ, подъ Бригадировку, остановились на степи, отъ села въ пяти верстахъ. Зміенко поѣхалъ въ Миргородъ взявъ горкушину саблю, что подъ золотомъ, для починки и кафтанъ для перешивки. Тамъ же онъ долженъ былъ получить отъ портнаго заказанное прежде платье. Черезъ три дни возвратился изъ Миргорода: платье было еще не готово; саблю оставилъ онъ серебрянику, давъ на починку ея «пять жучковъ» изъ золотой цѣпи и кусокъ серебра.

Тотчасъ же по возвращеніи Зміенка изъ Миргорода, Горкуша поѣхалъ съ нимъ въ Бригадировку. Онъ купилъ ба-

ранью тушу, Зміенко пять кварть горѣлки, возвратились и поѣхали почевать въ степи, еще пятью верстами далѣе отъ слободы; на другой день взяли путь на хутора смѣлянскіе.

На первой недѣли петрова поста, между 23-го и 30-го мая, недоѣзжая до Смѣлаго, Горкуша послалъ Зміенка извѣстить Кондрата Бардака о его приѣздѣ. Бардакъ отвѣчалъ, что сей часъ будетъ. Горкуша отаборился подлѣ Гусакова окопа. Явился Бардакъ съ хлѣбомъ и солью и флягою горѣлки; поцѣловался съ Горкушею и предложилъ выпить. Долго Горкуша отговаривался, потомъ сказалъ: «Для брата — вынью!» — Допили флягу, Бардакъ поѣхалъ въ хуторъ, привезъ другую съ паляницами. Напившись пьянъ, Горкуша залегъ въ кибитку и заснулъ.

Въ это время подошли къ своему окопу братья Гусаки, Иванъ и Петро. Зміенко завелъ съ ними разговоръ, они приблизились къ табору и стали пить горѣлку. Никитенко былъ тоже пьянъ и спалъ подъ возомъ. Иванъ Гусакъ нагнулся, раскрылъ и узналъ его: «Де ты знаходышься? — спросилъ онъ. Никитенко указалъ на спящаго Горкушу и сказалъ: «У сіюга пана».

Проснулся и Горкуша. Увидя Гусаковъ, вылѣзъ изъ кибитки, сѣлъ подъ кибиткою, усадилъ возлѣ себя товарищей, пригласилъ въ свое общество и Гусаковъ. Стали пить горѣлку. «Пойдемъ въ Лытву за здобычою!» громко сказалъ онъ, обращаясь къ Гусаку, Ивану, хотя это было ихъ первое знакомство. Завязался разговоръ.

Вотъ что показываютъ Гусаки объ этомъ знакомствѣ и разговорѣ:

Будучи въ своемъ хуторѣ, при работникахъ съ братомъ своимъ Петромъ, Иванъ увидѣлъ близъ своего окопа, что надъ Ромоданомъ, кибитку и тѣлегу. Петро пошелъ туда посмотрѣть, кто тамъ, и увидѣлъ людей незнакомыхъ; долго не возвращался и сказалъ этимъ людямъ, чтобъ не пускали въ окопъ лошадей. Одинъ изъ незнакомцевъ отогналъ стреноженую лошадь скачущую въ окопъ, другой поднесъ Петру чарку водки и поподчивалъ трубкою. Видя, что они медлятъ не какъ обыкновенные проѣзжіе и что Петро съ ними за-

сидѣлся, Иванъ пошелъ туда же. Видитъ—Петро сидитъ надъ рвомъ съ знатнѣйшимъ незнакомцемъ и толкуетъ съ нимъ. Онъ подошелъ. Незнакомецъ рассказываетъ, что ѣздилъ въ Парافیевку къ графу Румянцеву за награжденіемъ по службѣ и теперь опять ѣдетъ къ нему, по тому же дѣлу, а потомъ въ Сосницу, по другимъ дѣламъ. Увидя Бардака сидящаго возлѣ кибитки, Иванъ спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ? — «Прививъ кобылу да сіюго жеребца за рубля грошей и за кварту горилки». — Одинъ изъ проѣзжающихъ предложилъ Ивану выпить. Выпивъ чарокъ пять, Иванъ опьянѣлъ. Бардакъ вспомнилъ, что Гусакъ, когда-то, обидилъ жену его, снявъ съ нее запаску, и началъ упрекать его въ этомъ. Слово-за-слово, дошло до ругательства; Бардакъ съ досады поѣхалъ въ свой хуторъ. Тутъ подошелъ Никитенко, разговорился съ Гусаками о своихъ домашнихъ, просилъ ихъ не говорить ни кому, особенно его женѣ, о своемъ съ нимъ въ окопѣ свиданьи; при этомъ далъ ему рубль для передачи брату его Леонтью Никитенкѣ.

На второй недѣлѣ петрова поста пріѣхалъ Леонтій Никитенко въ Смѣлое къ Ивану Гусаку покупать табакъ. Гусакъ вызвалъ его изъ избы и спросилъ: чы бувъ у тебе братъ твій Семень? — «Не бувъ и не знаю де винъ».

— Я бачывъ іого въ моемъ окопи; зъ нимъ було пять чоловикъ мени незвистныхъ. — Сказалъ Гусакъ, потребовалъ у жены рубль, размѣнялъ на мелочь и отдалъ Леонтью.

— Се тоби твій братъ Семень передавъ на гостынець.

«Де-жъ винъ? Чы винъ заіиде до мене? Куды винъ поіхавъ?»

— Не скажу, бо ты проговорышся. Да и объ сіому рубли, що я тоби поручаю, никому не казувай.

На третьей недѣлѣ петрова поста, Горкуша съѣздилъ въ Ракову-Сичу, сотни константиновской, въ верстѣ отъ Коровинець, къ Закрыльному. При немъ были Бардакъ и Шевченко. Онъ призвалъ дядю и племянника Закрыльныхъ, имѣлъ съ ними тайные переговоры, подчивалъ ихъ горѣлкою, нанялъ въ услуги Харченка и уѣхалъ.

ГЛАВА VII.

Конотопъ и Парпуриха.

Въ набѣгахъ Горкуши на Гѣвичку и на Зимака мы видѣли дѣйствующими лицами: Бараннѣенка, Остренка, отца и сына Селезней, Паліоху, Суховіенка и Босенка.

Въ набѣгѣ на Каневщину его сотрудиниками были: Цыганкò, Романенко, Дараганъ, Зміенко, Дурный, Подоляка, и Босенко.

Въ Воронежѣ у Холодовича, не считая Масалитинова, Аванасьева, двухъ Короткевичей и двухъ Здоровцовъ, хозяйничали: Артемъ Моргослипъ; Миронъ Донченко, онъ же Есяпенка и Недоныщенко; Тимофей Литвиненко, онъ же и Пухлый и Лесенко; Петръ Назаровъ Шевченко, онъ же и Пылыпъ Запорожець; наконецъ все тотъ же, до-сихъ-поръ неизмѣнный, нынѣ измѣнившій, Босенко.

Иныхъ мы не знаемъ ни роду ни племени; даже ихъ показаній не нашель я при дѣлѣ; вѣроятно или сложили головы въ другихъ мѣстахъ, или по другимъ дѣламъ были схвачены и кончили жизнь каторгою, только не какъ друзья горкушинны; многіе заблаговременно сошли со сцены, и остатокъ дней провели мирными гражданами, за плугомъ, на участкѣ собственнаго поля, какъ тотъ безсмертный римлянинъ, котораго имени не помню.

Въ показаніяхъ мы видимъ что Литвиненко-Лесенко-Пухлый родился въ 1732 году подъ Стародубомъ; перешель сперва въ слободу Терны, генераль-поручика Софонова; оттуда въ с. Купну пана Лпзогуба, полка миргородскаго, и наконецъ въ с. Суховерховку, помѣщицы Дмитріевой-Мамоновой.

Шевченко родился въ 1745 году, въ Суховерховкѣ.

Теперь явилось у Горкуши нѣсколько новыхъ сподвижниковъ; Босенко отсталъ отъ него, чтобъ торговать и «хлиба робить.» Романенко занялся наймомъ на крѣпостной работѣ по днѣпровской линіи. А съ новыми дѣятелями, по ихъ

несчастью, мы могли покороче познакомиться. Опишу весь составъ шайки.

Максимъ Высочиненко, онъ же Сиренко, онъ же и Голнченко, крестьянинъ Сергѣя Алексѣевича Мамонова, двадцати двухъ лѣтъ.

Федоръ Даниловичъ Кривчѣнко, онъ же и Лохвицкій, онъ же и Зміѣнко. Это давній товарищъ Горкуши, который раздѣлялъ съ нимъ затворничество въ острогахъ глуховскомъ, московскомъ и казанскомъ и въ погребѣ ново-іерусалимскомъ; это спутники его отъ Казани до Москвы.

Никита Ивановичъ Письменный, онъ же и Пикинеръ, а по настоящему — Власенко. Тридцати лѣтъ; родомъ изъ мѣстечка Злобина; грамотѣй, дѣлатель паспортовъ. Его десятилѣтняго чумаки завезли въ село Петриковку, по дорогѣ изъ Злобина въ Черкесы и тамъ оставили у Гаврила Косого, обучаться грамотѣ. Оттуда онъ пошелъ въ городъ Орель, Азовской губерніи, гдѣ *при народной школѣ*, потомъ при тамошнемъ жителѣ Кузѣ *шиковалъ* до 1772 года. Въ этомъ году былъ взятъ въ пикинеры; въ 1778 году замѣщенъ былъ другимъ, пошелъ въ Самару и, получая по семи рублей въ годъ, служилъ у козака Желѣзняка два года.

Семень Тимофѣевичъ Никитенко, онъ же и Хмеловскій, родился въ отцовскомъ хуторѣ, близъ Хмелова, въ 1745 году. Онъ былъ козакъ, былъ женатъ на козачкѣ Марѣ Сочавиной; въ 1778 году поѣхалъ въ запорожскіе зимовники къ троюроднымъ братьямъ своимъ Ивану Шеремету и Моисею Хмельницкому. Тамъ купилъ триста пятьдесятъ штукъ рогатаго скота и распродалъ ихъ въ Хмеловѣ. Потомъ сложился съ Иваномъ Гусакомъ, Михайломъ Поповичемъ, Моисѣемъ Хмельницкимъ и роднымъ братомъ своимъ Леонтьемъ, вторично поѣхалъ въ зимовники, купилъ семдесятъ три лошади и распродалъ ихъ въ своемъ хуторѣ. Поѣхавъ въ третій разъ въ зимовники, купилъ девятнадцать лошадей; тогда требовались описи купленного скота и лошадей, чтобъ свободно перегонять и продавать ихъ; онъ сдѣлалъ опись этимъ девятнадцати головамъ, ее подписало мѣстное начальство. Дорогою Моисей Хмельницкій поручилъ ему еще десять лошадей распродать. Никитенко не потребовалъ отъ него описи

и пригналъ ихъ въ свой хуторъ. Блюститель законовъ и, слѣдовательно, честнѣйшій человѣкъ, сотникъ Шкляревичъ конфисковалъ ихъ и отправилъ его за карауломъ въ Лубны, а лошадей удержалъ до распоряженія начальства. Никитенко оправдался; но насидѣлся и приплатился. Тогда онъ пересталъ торговать скотомъ и лошадьми; взялъ въ долю Курыла Полтавца, его же Семена Ивановича Носатаго, началъ торговать табакомъ, шерстью, мотками, холстомъ, рубахами, рыбою; ѣздилъ за Десну и за Днѣпръ, бывалъ въ Снявкѣ и Сиволожи, полку черниговскаго; бывалъ въ Поповкѣ, Кропивнѣ, Царичанкѣ, Самарѣ, Золотоношѣ. Въ Самарѣ познакомился съ Горкушею и нанялся къ нему слугою на лѣто, за сто рублей. Его родной братъ Леонтій былъ судимъ, въ 1776 году, — «за уворованье у Твердохлибовны скрини зъ разнымъ фантьямъ.» — Послѣ опять его судили за конокрадство и высѣкли на площади въ Лубнахъ.

Семень Ивановичъ Носатый, онъ же Курыло, родомъ изъ Золотоноши, тридцати семи лѣтъ. Ѣздилъ, въ 1762 году, съ вериміевскими чумаками на торговые промыслы. Пять лѣтъ жилъ при запорожцахъ куреня Поповичевскаго; съ 1767 года жилъ въ курени Стебливскомъ, у запорожца Моисея Хмельницкаго; потомъ на рыболовлѣ при запорожцахъ Петрѣ Старчакѣ, Гаврилѣ Билоусѣ, Петрѣ и Данилѣ Лапкахъ. Наконецъ перешелъ въ Самару, въ шинокъ капитана Василья Герасимовича Пискача, гдѣ познакомился съ Горкушею.

Съ Яковомъ Герасимовичемъ, Трофимовичемъ то-жь; съ Петромъ Назаровичемъ Шевченкомъ, Пыльномъ запорожцемъ то-жь, и съ Тимофеемъ Лесенкомъ-Литвененкомъ-Пухлымъ мы уже познакомились у Холодовича.

Таковъ былъ составъ новой шайки. Изъ этого можно судить, что Горкуша умѣлъ выбирать товарищей. Онъ когонибудь не принималъ. Братья Гусаки, они же Мошки, просили, чтобъ онъ ихъ взглъ въ конотопскую экспедицію; онъ отвѣчалъ: «Вы, Гусаченки, одного состоянія съ Тymoшемъ и Семеномъ Тараненками.» И вмѣсто того чтобъ ихъ взять, подарилъ имъ по рублю.

А между тѣмъ онъ къ Гусакамъ имѣлъ довѣренность;

онъ не скрывалъ отъ нихъ своихъ плановъ. Только — они были одного состоянія съ сотничкими сынами Тараненками. Къ ихъ окопу онъ имѣлъ еще болѣе довѣренности: въ этомъ окопѣ былъ зарытъ его скарбъ.

Таборъ, состоявшій изъ пяти человѣкъ, поднялся 8-го іюня, отъѣхалъ на степь Сангурскаго, гдѣ было хуторище и заночевалъ. Оттуда выѣхали они на большую глуховскую дорогу и стали надъ истокомъ рѣчки Терна, въ яру. Тотчасъ же Горкуша послалъ Никитенка и Зміенка въ городъ на рекогносцировку — развѣдать позицію дома конотопскаго городничаго. Это было въ четвергъ, на 3-й недѣлѣ петрова поста, іюня 9-го. Изъ Конотопа, гдѣ посланные ночевали на постояломъ дворѣ, привезли они три мѣшка овса. Іюня 10-го таборъ сталъ въ лѣсу, надъ столбовой дорогой, въ шестнадцать верстахъ отъ Конотопа.

Зміенко опять поѣхалъ въ городъ съ Никитенкомъ, купилъ дегтю, съѣстныхъ припасовъ, пять кварть горѣлки, возжей для того, чтобъ городническихъ слугъ перевязать. Ужинали на постояломъ дворѣ; съ ними ужиналъ одинъ изъ слугъ городничаго, сибирякъ. Подчюя его горѣлкою, Зміенко спросилъ: «Чы багато грошей у городничаго?» — Е!... — «А багато козаківъ въ караули?» — Два. — Въ простотѣ ли души, или въ вишномъ чаду, сибиряку эти вопросы казались совершенно естественными, отнюдь не подозрительными. Въ эту минуту подѣхалъ на параконной телѣгѣ Иванъ Фузелеръ. Немедленно узналъ онъ Зміенка, котораго видѣлъ часго въ глуховскомъ острогѣ.

— Де ти ты взявся? спросилъ Фузелеръ. — Тебе жъ заслали въ ссылку по канату!... Зміенко подарилъ ему два рубли, нагольный тулупъ, водилъ на водоной лошадей его со своими, напоилъ его вдоволь и взялъ клятву никому не говорить о встрѣчѣ съ нимъ. На другой день, пока Никитенко подмазывалъ телѣгу и запрягалъ лошадей, Зміенко осмотрѣлъ дворъ и домъ городничаго, и Фузелеръ еще спалъ, когда тѣ оба уѣхали въ таборъ, къ атаману. Возвратясь, Зміенко донесъ Горкушѣ объ осмотрѣ дома.

— Довольно ли будетъ пяти человѣкъ? спросилъ Горкуша.

— Нужно больше, отвѣчалъ Зміенко.

— Добре! У мене е знакомые въ Суховерховци; ѓз-
мемъ скылькы нужно будетъ.

Во время совѣта объ этомъ дѣлѣ и Власенко, то есть Пикинеръ, замѣтилъ Горкушѣ, что для разграбленія дома городничаго пяти человекъ весьма недостаточно. Но Горкуша отвѣчалъ ему иначе: «Можно будетъ прибавить двоихъ або троихъ. Однако я въ зимное время, въ мѣстечку Воропнжу «взявъ много денегъ съ чотырма чоловикамп. А у тому дворѣ «бузо трыдцать чоловикъ людей». Горкуша надувалъ Пики-
нера; уже и намъ извѣстно четырнадцать человекъ его шайкы въ набѣгѣ на Холодовича; какъ звать о числѣ непоказанныхъ при слѣдствіи? Но Горкуша успливалъ этимъ рѣшимость товарищей. И въ это время побрякивалъ двумя золотыми цѣпями на груди; на одной изъ нихъ висѣлъ дукать. Снявъ меньшую, онъ подарилъ ее Змиенкѣ. Потомъ команда сняла ее съ убитаго Змиенка.

Однакожь Горкуша рѣшился подкрѣпить шайку и ночью, 11-го числа, въ субботу, поѣхалъ съ Никитенкой въ Суховерховку верхомъ. Они стали на выгонѣ, близъ двора Литвиненка, то есть Пухлаго. Горкуша пошелъ осмотрѣть дворъ; возвратясь, приказалъ ввести туда лошадей, подошелъ къ окну, постучалъ, вышла невѣстка Пухлаго и пригласила въ избу. Первое слово его было: «Хто охотныкъ іихать за мною на розбой въ Конотопъ до городничаго Базылевыча?» — Я! отвѣчалъ Пухлый, и послалъ тотчасъ же за Шевченко. Тотъ не замедлилъ приѣзжать и объявилъ себя такимъ же охотникомъ, обѣщая сверхъ того привести и третьяго. Тотъ третій былъ Максимъ Высочиненко. Горкуша немедленно возвратился въ яръ къ табору и объявилъ, что къ нимъ прибудетъ еще три товарища. Дѣйствительно, іюня 12-го явились на двухъ одноконныхъ телѣгахъ Шевченко, Пухлый и Максимъ Высочиненко, онъ же и Сиренко, который былъ уврѣнъ, что ѣдетъ въ Конотопъ за солью.

«За колядинскимъ степомъ, — говоритъ Максимъ въ своемъ показаніи, — увидѣли мы при вершинѣ Терна пять «запорожцевъ повасающихъ коней; у нихъ были телѣжка и «кыбятка. Одинъ изъ нихъ былъ подпоясанъ желтымъ шелковымъ поясомъ, — это былъ Горкуша, — другой назывался

«Никитою, а третій Яковомъ. Они сказали, что они жители «села Новоселицы, Азовской губерніи, и показали мнѣ пашпортъ. Потомъ запорожцы начали насъ понть, и когда всѣхъ «трехъ до пьяна перепоили, тогда уже сказали, что ѣдутъ «грабить тамошняго городничаго.»

Максимъ не отказался пристать къ шайкѣ. Шевченко и онъ тотчасъ же поѣхали на самый короткій часъ въ Суховерховку; всѣ остальные направились черезъ села Грузькое, Козацкое, мимо знакомой намъ Гвинтовой, и, отѣхавъ шесть верстъ отъ истоковъ Терна, започевали подь селомъ Гутки, уѣзда конотопскаго, на сѣверъ отъ города, въ урочищѣ Вовчокъ. На другой день ночевали надъ рѣчкою Строгою, въ урочищѣ Гнилицѣ. Тутъ нагнали ихъ Шевченко и Высочиненко, Максимъ.

Тогда всѣ восемь человекъ, Горкуша девятый, поднялись таборомъ, ночью проѣхали черезъ городъ и стали въ верстѣ за городомъ, при греблѣ Луганкѣ. При повозкахъ остались Яковъ Трохимовичъ и Пухлый, а шестеро съ Горкушею пошли, черезъ болото, отъ кандыбинской гребли, къ дому городничаго. Въ пустой хатѣ Горкуша оставилъ всѣхъ, кромѣ Зміенка; а съ этимъ вдвоемъ пошелъ осматривать дворъ городничаго. Не зная хорошо мѣстности, они спорили долго, возвратились къ товарищамъ и отѣхали отъ города за десять верстъ, къ селу Желдакамъ, къ рѣкѣ Сейму, въ тамошній боръ. 13-го и 14-го іюня пробыли въ бору, ихъ удерживалъ необыкновенный ливень. Въ ночи на 15-е, оставя въ бору параконную телѣжку, Якова Трохимовича и Пухлаго, опять приблизился къ городу.

Въ среду, 15-го, поутру, Горкуша послалъ Никиту Пикинера и Никитенка въ городъ за съѣстнымъ; самъ съ остальными товарищами пошелъ къ каплицѣ, надъ колодеземъ, что по дорогѣ въ Поповку. Туда посланные привезли изъ города провизію и они пробыли тамъ до ночи. Какъ стало темно, переѣхали въ рожь, подь самый городъ; во ржи оставили Высочиненка съ телѣгою и пошли въ городъ, вооруженные топоромъ, пикою, парюю пистолетовъ и ружьемъ. Подойдя ко двору городничаго, поставили у воротъ Курыла Носатаго, съ приказаніемъ свиснуть въ случаѣ опасности.

Остальные перелѣзли въ садъ черезъ заборъ; на дворѣ остались Никитенко и Шевченко, а Горкуша съ Пикинеромъ и Зміенкомъ пошли въ кухню.

Тотчасъ связали они двухъ женщинъ и двухъ козаковъ; у комнатъ, на крыльцѣ, разбудили двухъ сторожевыхъ козаковъ, отняли у нихъ ружья, сабли, ядунки, связали ихъ же поясами и отвели на кухню; въ конюшнѣ связали трехъ конюховъ и то-же отвели на кухню; конюшенный мальчикъ свелъ ихъ въ домъ, къ падчерницѣ городничаго, Парпуриной; тамъ связали они двухъ горничныхъ и отвели на кухню; потомъ позвали изъ-за воротъ Курылу-Носатаго и велѣли стеречь перевязанныхъ, а не спокойныхъ пикою колоть; послѣ этого самъ Горкуша привелъ на кухню связаную городничаго дочь. Тогда пошли въ комнаты городничихи. Фамилія городничаго была Базилевичъ; но ее въ народѣ знали подъ фамиліею перваго ея мужа и называли Парпурыхою. Въ ея спальнѣ горѣла еще свѣча, но ея въ ней не было, она спала въ другой комнатѣ, а на ея постелѣ лежалъ городничій и еще не спалъ.

И вотъ увидѣлъ онъ передъ собою человѣка средняго роста, круглолицаго, плѣшиваго, съ усами свѣтло-русыми, въ синемъ кафтанѣ, въ красныхъ суконныхъ штанахъ, подпоясаннаго краснымъ шелковымъ кушакомъ, въ сѣрой бараней шапкѣ съ черною бархатною макушкою. Онъ оглянулся во всѣ стороны, снялъ шапку и сказалъ: «Здоровъ! чы радъ гостямъ?» — Здравствуйте, отвѣчалъ городничій. — «Ну! не до тебе касается!... Лежи!» Это былъ Горкуша.

За нимъ вошли: первый — черноволосый, черноусый, ростомъ по-выше Горкуши, смуглый, въ кафтанѣ вишневомъ, въ поясѣ персидскомъ, въ зеленыхъ штанахъ, шапка черная кучма — это былъ Пикинеръ-Власенко; второй — свѣтлорусый, въ красномъ суконномъ кафтанѣ, въ бѣлыхъ суконныхъ штанахъ — Зміенко; третій — высокій, черный, сѣрая свита, поясъ рябой, шапка каплоухая, — Шевченко. У всѣхъ сапоги поверхъ штановъ.

Они вошли, связали городничаго, его же галстухомъ, и положили на ту-же кровать, на которой онъ лежалъ. Потомъ пошли въ комнату, гдѣ спала городничиха, разбудили ее,

надѣли на нее юбку и спросили, гдѣ ея сорокъ тысячъ. Она повела ихъ въ кладовую, отперла сундукъ и сказала: «Вотъ все мое богатство».

Тамъ было весьма много серебряной посуды и мѣшокъ серебряныхъ денегъ. Забравъ то и другое, они отперли небольшой сундучокъ, гдѣ нашли два мѣшка денегъ мелкихъ, четыре полумперіала и три нитки жемчугу. Взяли кусокъ парчи, кусокъ венеціанскаго зеленаго бархата, лисью мужскую шубу, подъ краснымъ сукномъ, два ружья: тульское и венеціанское, и саблю оправленную въ серебро.

Тутъ Пикинеру и Зміенкѣ вздумалось дать городничихѣ отеческое наставленіе; они положили ее и высѣкли, приговаривая: «Не иижъ мяса въ Петровку! Не уныжай чоловика «свого! не верховодь надъ имъ! Не бый дивчать и хлоп-«цивъ!» Забравъ все награбленное, вывели три коня и пустились скорѣе за городъ въ рожь, гдѣ стояла ихъ телѣга. Но телѣги они ужъ не нашли. Высочиненко уѣхалъ въ боръ, не дождавшись друзей. Итакъ, часть изъ нихъ верхомъ, на лошадяхъ городничаго, часть пѣшкомъ, отправились черезъ сарнавскую плотину, на Сарнавцину, къ остальнымъ повозкамъ въ дворъ.

Дорогою набрали на десять чумаковъ, которые везли изъ Глухова горѣлку; объявивъ себя гайдамаками, они пристали къ чумакамъ; Горкуша далъ имъ три горсти мѣдныхъ денегъ. Перешедши плотину городничаго, находящуюся въ концѣ Конотопа, набрелъ онъ еще человекъ на десять литвиновъ, идущихъ опять съ горѣлкою; насыпавъ имъ въ кошельки мелкихъ денегъ, онъ съ одной повозки скатилъ бочку, сложили на нее награбленное добро, Горкуша съ Никитенкомъ сѣли на повозку, остальные размѣстились верхомъ и поѣхали къ бору.

Эти чумаки, литвины и несвоевременный отѣздъ Высочиненка погубили ихъ. Это было причиною медленности, которой такъ не любилъ и къ которой вовсе не привыкъ дѣятельный, быстрый въ исполненіи Горкуша. Вдругъ услышали они что кто-то за ними скачетъ. То былъ значковый товарищъ Яковъ Парпура, съ козакомъ, они скакали на лошадяхъ — оставленныхъ Горкушею во ржи!

Когда приблизился Парпура къ шайкѣ, въ него начали стрѣлять и дали два выстрѣла: одинъ Зміенко, другой Курыло-Носатый, тотчасъ послѣ выстрѣла Зміенко погнался за нимъ. Видя, что сила не равна, Парпура поворотилъ назадъ коня и думалъ ускакать, но конь началъ бѣситься, конь подъ козакомъ тоже всталъ на дыбы, они обонхъ сѣдочковъ сбили съ себя; ихъ поймалъ кто-то изъ шайки; козакъ бѣжалъ въ болото и спрятался въ тростникахъ; Парпуру подхватили, порядочно поколотили, связали его же поясомъ, усадили къ Горкушѣ на повозку и продолжали путь. Дорогою нагнали Высочиненка и заѣхали въ хуторъ Лободы

Въ дворѣ увидѣли они жену Лободы и потребовали отъ нее подводу. Она начала ихъ бранить. Зміенко прицѣлился въ нее и взвелъ курокъ; Горкуша не любилъ смертоубійствъ и отнял у него ружье. Оставя Парпуру съ Зміенкомъ на дворѣ, онъ пошелъ въ избу, разбудилъ Лободу и потребовалъ лошадей.—Кто вы?—спросилъ хозяинъ. «Гайдамаки.» отвѣчалъ Горкуша. «Мы взяли Парпуру «въ ясырь.»—Лобода далъ имъ штофъ водки, три верховыхъ коня и слугу, который долженъ былъ привести лошадей обратно. Увидя у Лободы четыре ружья, одно изъ нихъ тутъ же изломали, а три взяли себѣ и поѣхали далѣе. Парпура, подъ надзоромъ Высочиненка, ѣхалъ по прежнему въ повозкѣ, литвинъ продолжалъ править конемъ.

Не отѣхали они трехъ полныхъ верстъ отъ хутора Лободы, какъ топотъ многочисленныхъ лошадей послышался отъ Конотопа, все слышиѣе, слышиѣе; все громче и громче; съ недовѣрчивостью къ измѣнившему счастью они спѣшили въ боръ; и вотъ показалась козацкая команда, человекъ въ пятьдесятъ, которая быстро мчалась и ужъ нагоняла ихъ. Началась перестрѣлка, козакъ Зима прицѣлился въ красный суконный кафтанъ, Зміенко свалился съ коня мертвый, остальные, и съ ними козакъ Лободы, успѣли вскочить въ боръ. Десятокъ цыганъ и какой-то попъ съ цыганами хотѣли бѣглецовъ остановить, но были смяты и разогнаны. Повозки въ бору были запряжены. Пухлый и Яковъ ждали товарищей съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что слышали крики и перестрѣлку. Выпрягну лошадей изъ одной

повозки, потому что легче спастись верхомъ отъ погони, почти всѣ поскакали въ разныя стороны. Пухлый гнался за однимъ изъ товарищей на повозкѣ; съ нимъ былъ слуга Лободы; они взяли узкую лѣсную дорожку.

Пикинеръ-Власенко уронилъ пистолеть, всталъ съ коня, поднялъ его, хотѣлъ вспрыгнуть на сѣдло, конь началъ кружиться, пикинеръ бросилъ поводья, спрятался въ кусты и такимъ образомъ остался одинъ съ ружьемъ, съ пистолетами, съ ассигнаціями взятыми у Базилевича и съ паспортомъ на имя Зміенка. Погоня нагнала и схватила его въ гусаковомъ хуторѣ.

Курыло-Носатый и Высочиненко бросили Парпуру на дорогѣ и поскакали за село Старсе; тамъ пересѣли верхомъ. Горкуша переодѣлся; надѣлъ кафтанъ люстриновый зеленый, штапы кармазинные; черкесску маковаго цвѣта ввязалъ въ торока, въ карманъ взялъ жемчугъ и платки, ящичекъ съ перстнемъ и серьгами отдалъ Шевченкѣ подъ сохраненіе.

Проѣхавъ старянскіе лѣса, подъ селомъ Требинскаго они остановились, привязали лошадей къ дереву и стали выжидать ночи, чтобъ ѣхать въ Суховерховку. Вдругъ опять нагнала ихъ команда, отняла у нихъ все награбленное и захватила всѣхъ, кромѣ Горкуши. Первый былъ взятъ Курыло-Носатый, связанъ и представленъ въ конотопскую полицію.

Горкуша бѣжалъ, только жемчугъ да сабля у него уцѣлѣли; онъ послѣ оставилъ ихъ у жителя села Очеретоватаго, что на Кильчикѣ, у Степана Крамаря. Во время послѣдней стычки съ командою, онъ спрятался въ болото, гдѣ просидѣлъ до вечера; вечеромъ вылѣзъ изъ болота и пошелъ лѣсами къ Бардаку.

Пухлый говоритъ, что только стали они на покормку лошадей, какъ Шевченко и Пикинеръ-Власенко что духу, въ пыли и въ мылѣ, прискакали къ нимъ съ извѣстіемъ о погонѣ козачей команды. Начали запрягать лошадей. Тутъ всѣ товарищи разбѣжались, кто куда попалъ; онъ самъ спрятался въ лозахъ на Сеймѣ. Въ пятницу пришелъ въ село Чуринь, нанялъ подводу и поѣхалъ въ Черповку; за слободою Гамалѣвкою нагналъ Шевченка, взялъ его на подводу

и доѣхалъ съ нимъ до Череповки. Оттуда пошли они пѣшкомъ въ Суховерховку. Дорогою зашли къ тестю Шевченка, Токмаку, въ его хуторъ. Въ понедѣльникъ Шевченко пошелъ въ Суховерховку. Только что онъ вышелъ, какъ Пухлаго схватилъ въ хуторѣ соцкій изъ Терновъ, Василій Монсенко, и представилъ въ Недригайловку.

Пара лошадей Пухлаго и Шевченка; вороной жеребецъ и пара лошадей убитаго Зміенка; неизвѣстно чья бурка и чей боклагъ; горкушины пара гнѣдыхъ лошадей, сабля подъ серебромъ, пара пистолетовъ, два ружья и кибитка съ упряжью — все досталось козакамъ.

Прибѣжавъ 18-го іюня ночью къ Бардаку, Горкуша разсказалъ ему всѣ подробности несчастнаго набѣга на Коноптъ, онъ сказалъ ему, что лишился трехъ тысячъ рублей. Сперва думалъ было ѣхать въ Путивль, гдѣ перепрыгивалось его имущество у пріятелей; потомъ рѣшился ѣхать къ значковымъ товарищамъ Самусямъ, которымъ ввѣрилъ часть своего имущества, когда вели его передъ ссылкой въ Казань, въ острогъ глуховской. Волнуемый перѣшительностью, страхомъ, находясь въ тревожномъ состояніи, онъ безпрестанно мѣнялъ намѣренія свои и рѣшился было ѣхать на Побережье, съ тѣмъ, чтобъ возвратиться 17-го августа къ Бардаку. Наконецъ просилъ Бардака свезти его въ хуторъ Ракову-Сичу. Бардакъ очень жалѣлъ о своемъ другѣ и благодѣтелѣ; тотчасъ же началъ запрягать лошадей; но пока запрягалъ, Горкуша, *боясь остаться*, пошелъ пѣшкомъ. Бардакъ нагналъ его телѣжкой, привезъ ему остальные тысячу двѣсти рублей, отвезъ въ Ракову-Сичу, продалъ ему сивую лошадь за пятнадцать рублей, сѣрую свиту за три рубли и на девяносто копеекъ пшена и горѣлки.

Въ Раковой-Сичи Горкуша остановился на выгонѣ, вызвалъ знакомаго «Дида Глухойда», это было прибавочное прозваніе старика семидесяти шести лѣтняго Закрыльняго; съ этимъ дидомъ пришелъ племянникъ его Никита Закрыльный, потомъ пріѣхали еще два хуторянина. Горкуша нанялъ ихъ съ повозкою, припрегъ своего сиваго коня, сказалъ, что отсталъ отъ своего обоза съ рыбою и поѣхалъ въ Бригадировку, остановясь въ полѣ подъ слободою; тамошній жи-

тель Харченко взялся свезть его въ Хороль за рубль. Въ Хоролѣ онъ остановился на выгонѣ, возлѣ дома нана Родзянки.

Харченко рассказываетъ, что Бардакъ іюня 18-го привезъ къ нему купца, покупавшаго въ Глуховѣ горѣлку, и договаривалъ свезть его въ Бригадировку, что составляетъ семьдесятъ верстъ. Онъ условился за рубль. Но купецъ далъ ему при литвинѣ и при Закрыльномъ не рубль, а два. Былъ могорычъ медомъ и горѣлкою; купецъ припрягъ въ его телѣгу своего спваго коня и они поѣхали. Дорогою купецъ признался, что онъ не купецъ, а войсковою товарищъ Верхосудъ, купилъ въ Глуховѣ девяносто бочекъ горѣлки и отправилъ въ эти мѣста. «Колы-бъ нагнать обозъ, ябъ тебѣ одпустывъ.» Харченко хорошо помнилъ ростъ, усы и лысину Верхосуда, помнилъ люстриновый зеленый кафтанъ и штаны его кармазинные. Горѣлки они не нагнали, но Верхосудъ отпустилъ его изъ подъ Бригадировки. Іюня 23-го вдругъ набѣжалъ на домъ его войсковою товарищъ Горошковскій съ смѣлянскою командою и, услышавъ что онъ свезъ Верхосуда въ Бригадировку, арестовалъ и отправилъ его въ Смѣлое.

ГЛАВА VIII.

Новые товарищи. Левицкій.

Подѣхавъ къ Хоролу, Горкуша увидѣлъ, что везуть на петропавловскую ярмарку кибитки, и купилъ одну за одиннадцать рублей. Его подводчикъ уѣхалъ домой, а онъ остался съ чумаками и простоялъ на выгонѣ два дня. Чумаки везли рыбу изъ Елизаветграда; онъ купилъ у нихъ два сѣрыхъ коня за шестьдесятъ рублей, всю упряжь на пару за семь рублей восемьдесятъ копеекъ и нанялъ въ услуженіе молодого человѣка чумацкаго, по два съ полтиною въ мѣсяцъ.

Этотъ молодой человѣкъ назывался, то Максимомъ, то Васильемъ, по фамиліи Мохна. Горкуша сказался Иваномъ Легкоступомъ.

Они пустились степью, черезъ Кобелякъ на Запорожье; купили въ Кобелякѣ мѣшокъ сухарей и четыре мѣшка овса. Продолжали путь къ Павлограду и Кальміусу, остановились въ урочищѣ Сухая-Баба, простояли два дня, и поѣхали въ Кобелякъ за дегтемъ.

Тутъ Горкуша встрѣтился съ куляблинскимъ крестьяниномъ, жителемъ Шишаковъ, Петромъ Терещенкомъ. Онъ съ нимъ познакомился въ первое посѣщеніе Бригадировки, и стоялъ тогда у него въ шинкѣ. Онъ началъ просить Терещенка взять его съ собою, дорогою признался въ грустныхъ своихъ обстоятельствахъ, а Мохна отпустилъ.

По приѣздѣ въ Бригадировку, расположился въ шинкѣ генерала Шамшева, у шинкаря Максима. «Я изъ Побережья, тамъ осѣдлость моя,» говорилъ онъ. Терещенко сказывался наемнымъ его работникомъ. Простоявъ въ Бригадировкѣ сутки, этотъ самозванецъ-работникъ успѣлъ сѣздить въ Шишакъ, чтобъ взять оттуда жену; но она не захотѣла съ нимъ ѣхать и онъ возвратился къ Горкушѣ одинъ.

Тогда они поѣхали въ Самару; подъ Самарою, въ слободѣ Алексѣевской, близъ Очеретоватаго, остановились у горкушинаго пріятеля Степана Крамара. Это былъ старый пріятель, товарищъ молодости; они были вмѣстѣ запорожцами до уничтоженія Сѣчи. Здѣсь Горкуша нашелъ много прежнихъ друзей; въ зимовникѣ возлѣ Спасовой слободы жили: запорожскій полковникъ Денисъ Забіяка, запорожскій есаулъ Ѳеодоръ Сербинъ, атаманъ атестатныхъ Семенъ Ковалевскій. Крамаръ зналъ всѣ дѣла горкушины, получилъ отъ него взаймы пятьдесятъ рублей, взялъ саблю и жемчугъ подъ сохраненіе, и поѣхалъ съ нимъ къ Моку Чорному. Но Чорный былъ въ Кодакѣ. Горкуша три дня ожидалъ его возвращенія, купилъ у него двѣсти шесть овецъ по восьмидесяти пяти копеекъ, нанялъ Ивана Молодыка къ себѣ слугою, за шесть рублей въ годъ и за право дать перезимовать десяти овцамъ въ стадѣ горкушиномъ. Иванъ съ Терещенкомъ погнали овецъ, слѣдомъ за ними поѣхалъ Горкуша, забѣжалъ къ Крамару въ Очеретоватомъ, далъ ему шестнадцать рублей на сѣно и оставилъ у него овецъ.

Переночевавъ у него, поѣхалъ съ Терещенкомъ въ Кре-

менчугъ. Тамъ на городскомъ выгонѣ простоялъ пять сутокъ, каждый день ходилъ въ городъ, познакомился съ бывшимъ прикащикомъ Требинскаго, съ Пылыпомъ Щербатымъ, сужденымъ, кнутованымъ, клейменнымъ, сосланнымъ и бѣжавшимъ изъ ссылки. Горкуша принялъ его въ товарищи, согласились ѣздить вмѣстѣ, а Терещенка отпустили, давъ ему семь рублей.

Въ Кременчугѣ Горкуша купилъ на платье себѣ «сукна кармазиннаго, зеленой саеты и желтого гранитуру» на сто двадцать четыре рубля. Оттуда поѣхалъ въ Вельскій-Лугъ къ козаку Ѳедору Сухому и остановился надъ рѣкою Конскою, гдѣ Сухій рыбу ловилъ. Это было въ день Покрова, октября 1-го, 1782 года. У него прожилъ Горкуша до мясоѣда, бывалъ дня по два въ Кременчугѣ, квартировалъ постоянно у Волкова, тамошняго купца, называлъ себя братомъ Пылыпъ Щербатого, Иваномъ Ивановичемъ Щербатымъ, бывшимъ у моря, то есть въ низовьяхъ рѣки Дона. По ходатайству Волкова записался въ кременчугскомъ магистратѣ мѣщаниномъ и черезъ четыре дня получилъ паспортъ. Съ этимъ паспортomъ онъ возвратился къ Сухому въ Вельскій-Лугъ; съ нимъ и Пылыпъ Щербатый. Тамъ прожили они до масляницы 1783 года.

Какъ же клейма на лицахъ не изобличили ихъ? Какъ столько времени ходить съ тремя выбитыми буквами на лбу и на щекахъ и не быть схвачеными земскою полиціею? Какъ кременчугскій магистратъ, описывая примѣты для выдачи паспорта, дался въ обманъ, не замѣтилъ этихъ странныхъ, не естественныхъ примѣтъ?

У Горкуши явился новый слуга, Дангло, при Щербатомъ былъ работникомъ Григорій Стрелецъ. Въ понедѣльникъ, на масляницѣ, поѣхали они въ двухъ повозкахъ, на пяти лошадяхъ; Горкуша на тройкѣ, Щербатый на парѣ. Ихъ цѣлью была покупка хряща и бичевы въ Путивлѣ. Ночевали въ Сокулкѣ, кормили въ двадцати пяти верстахъ отъ Сокулки, второй ночлегъ былъ въ Омельникѣ, покормка у Шимацкаго-Кулябки въ шинкѣ на степи; въ среду пріѣхали въ извѣстный намъ шинокъ Шевича на Ромоданѣ, и въ немъ гостили до воскресенья. На заговѣнье послѣ обѣда пріѣхали

подъ Роменъ на Засулье и, подъ именемъ кременчугскихъ купцовъ, остановились въ шинкѣ у маркевичевского крестьянина Кухара.

Горкуша пошелъ въ Роменъ на базаръ, за хлѣбомъ и рыбою. Переночевавъ у Кухара, въ первый понедѣльникъ проѣхали они въ Коровинцы и Константиновъ, кормили въ погѣ, ночевали въ неплюевскомъ шинкѣ въ Великой Слободѣ, во-вторникъ прибыли въ Путивль.

Три дня жили у неизвѣстнаго имъ торговца дегтемъ, купали холстъ, хрящъ, бичеву, канаты. Горкуша особо купилъ сани, хомуты и нарытники. Въ субботу выѣхалъ въ Клепалы, въ воскресенье были въ Песчаномъ бродѣ, въ понедѣльникъ ночевали въ Биркахъ, во-вторникъ ночевали на берегу Псла, въ среду приѣхали въ село Венрикъ. Тутъ Горкуша продалъ сани, купилъ повозку, и они поѣхали на Камыши. Околицей объѣхали Ахтырку, взяли на Котельву, Рублевку и Свинковку. Въ Свинковкѣ мятель задержала ихъ двое сутокъ. Оттуда, черезъ Перещепну, подѣхали къ Самарѣ; остановясь подъ городомъ, Горкуша пошелъ повидаться съ Иваномъ Губою, старымъ своимъ пріятелемъ, бывшимъ сѣчевикомъ.

Здѣсь онъ узналъ, что по требованію прикащика экономіи Алексѣева, конфискованы его овцы, платья, сукны, четыреста рублей серебряною монетою и сто рублей золотою; то есть, все, что оставилъ онъ въ Очеретоватомъ, въ слободѣ Алексѣевской, у Степана Крамара. Тотчасъ же поѣхалъ онъ въ Луганку. Дорогою повстрѣчалъ Романа Босенка, съ которымъ разстался передъ наѣздомъ на коцотопскаго городничаго.

Генераль Шамшевъ успѣлъ уже записать Босенка въ свое подданство и причислить къ ревизской сказкѣ бригадирской. Босенко шелъ съ фурами овса.

До Свѣлаго праздника Горкуша ѣздилъ съ Босенкомъ по разнымъ рыболовнымъ станамъ, они накупили рыбы и поѣхали на Голтву, тамъ рыбу распродали. Гдѣ въ это время былъ Щербатый, неизвѣстно. Горкуша купилъ себѣ кибитку, крытую юфтью, и поѣхалъ въ Бригадировку, куда прежде его послѣшилъ Босенко. Туда приѣхали горопчане съ горѣлкою.

Одинъ изъ нихъ, Соломка, познакомился съ Иваномъ Ивановичемъ Щербатымъ, какъ продолжалъ себя называть Горкуша; задали добрую попойку, послѣ которой Горкуша пошелъ къ Босенку, но этотъ выѣхалъ уже въ Херсонъ. Въ домѣ Босенка остался товарищъ его, родомъ бригадировецъ, Павло Музыка. Двое сутокъ былъ у нихъ пиръ горой и разливное море.

Однажды Горкуша повелъ лошадей своихъ на водопой и не нашелъ воды въ колодезѣ. «Выверчу на мои гроши колодецъ въ Бригадыровци ѿ поставлю каплицу надъ тымъ колодціомъ!» сказалъ онъ Музыкѣ. По этому случаю они пошли въ шинокъ наполненный народомъ, послали за прикащикомъ и за писаремъ. Эти донесли о томъ владѣльцу. Шамшевъ не только разрѣшилъ Горкушѣ рыть и строить, но *изъ своихъ рукъ далъ ему планъ каплицы*. Продѣлка стоила Горкушѣ двѣсти рублей.

Какъ же со своими клеймами на лбу и на скулахъ Горкуша рѣшился лично явиться къ Шамшеву? Вѣроятно Шамшевъ не могъ не понять этихъ уродующихъ отвратительныхъ знаковъ; вѣдь онъ былъ челоуѣкъ бывалый, видѣлъ виды, генералъ. Вѣрно былъ добрый челоуѣкъ. Онъ зналъ, что клейменіе слѣдуетъ за кнутованіемъ, для чего же бѣднаго челоуѣка подводить вторично подъ кнутъ и подъ штемпеля. Но вѣдь онъ зналъ, что ищутъ Горкушу, что не могутъ Горкуши поймать, что Горкуша клеймень, бѣжалъ и бѣды творить. А ему что за дѣло? Онъ генералъ Шамшевъ самъ-по-себѣ, а Горкуша самъ-по-себѣ. Да вотъ и каплица у него въ селѣ надъ хорошимъ колодеземъ будетъ.

Между тѣмъ подѣхалъ Пылыпъ Щербатый; Горкуша подарилъ ему третьяго коня, договорилъ бригадировскаго жителя Андрея Кучеренка быть распорядителемъ постройки, и поѣхалъ въ Кременчугъ, къ портному жиду, у котораго оставилъ сукно, саету и гранитуръ для пошитья платья; взявши платье, возвратился въ Бригадыровку.

Не доѣзжая до слободы, верстахъ въ двадцати, встрѣтилъ онъ жителя холгутаецкаго Данила Устименка и миргородскаго Прокопа Гузенка; они ѣхали на параконной повозкѣ изъ Хомутца въ Хороль. Съ Устименкомъ Горкуша былъ знакомъ

еще въ глуховскомъ острогѣ; они втроемъ поѣхали въ Бригадировку, остановились въ полѣ, ходили къ Кучеренку въ слободу, Горкуша далъ ему восемьдесятъ рублей на постройку, возвратился къ товарищамъ въ поле, переночевалъ и поѣхалъ къ шинку Соханскаго, что въ четырехъ верстахъ отъ Бригадировки, къ шинкарю Алексѣю Дранкѣ. Тутъ нашли они крестьянина Лукьяновича, Ивана Щербатаго, и уроженца нѣжинскаго Говрыла Дробота, его же Довблша, а въ дѣйствительности Тарасенка. Иванъ Щербатый имѣлъ лошадь роста средняго, вороную, по собственному его сознанию украденную съ конюшни его же пана. Тарасенко имѣлъ лошадь гнѣдую и говорилъ, что онъ бѣжалъ изъ Кременчуга отъ маіора Байдака. Всѣ вмѣстѣ условились ѣхать въ Литву; на другой день поѣхали на степь подъ Снитинъ, гдѣ простояли трое сутокъ; туда явился къ нимъ подданный Ливицкаго Кирило Стягаило. Будучи знакомъ съ Иваномъ Щербатымъ, онъ сказалъ ему, что бѣжалъ отъ своего пана, что у пана денегъ много. Начали толковать какъ бы ограбить пана; Стягаило поѣхалъ въ Хороль, къ своей женѣ; Горкуша съ остальными черезъ Прилуки и Густыню въ Стародубъ.

Познакомимся же теперь съ новымъ сподвижникомъ Горкуши, съ Иваномъ Щербатымъ.

Иванъ Григорьевичъ Полосенко, Лосенко, Лесенко, онъ же и Щербатый, родился въ с. Духовой, подъ Лубнами, въ 1760 году, крестьяниномъ посполитымъ владѣльческимъ. Онъ былъ дптатею, когда отца его, за какое-то воровство, повезли въ лубенскій градской судъ. Вмѣстѣ съ отцомъ взяли туда же и его, съ братомъ его Алексѣемъ. По малолѣтству, онъ не могъ показать въ точности когда это случилось. Градскій писарь Петръ Федоровичъ Лукьяновичъ взял ихъ обоихъ и перевезъ въ свое владѣніе, въ село Проціовку, что подъ Ромномъ. Такъ тогда благопріобрѣтались ревизскія души и помѣщики не брезговали населять селы острожными колодниками. Иванъ пасъ овецъ, потомъ былъ въ числѣ дворовыхъ и женился на крестьянкѣ Лукьяновича, Ульянѣ Власенковой, которая умерла въ 1782 году. Прежде жилъ онъ при тещѣ. Вдругъ Лукьяновичъ получилъ подозрѣніе, что Иванъ перепряталъ воровское сало, принятое имъ отъ воровъ, солдатъ

муромскаго пѣхотнаго полка; онъ высѣкъ бѣдняка, который оказался потомъ совершенно невиннымъ: сало было принесено въ его избу его постояльцами, солдатами муромскаго полка, слѣдовательно онъ не только не могъ знать какое это сало, но купленное-ли — краденное-ли, онъ не вправѣ былъ его не принять. Это такъ огорчило его, что въ томъ же году весною онъ бѣжалъ въ село Липляво къ отцу, матери и другому брату своему, Давиду, во владѣніе Левицкаго; тѣмъ скорѣе онъ рѣшился на этотъ побѣгъ, что тогда же, почти въ одно время съ незаслуженнымъ наказаніемъ, онъ овдовѣлъ, и ни что уже не привязывало его къ Проціовкѣ.

Черезъ три недѣли, по подозрѣнію, опять несправедливому въ конокрадствѣ, схватили его, брата, отца и мать и повезли въ золотоношское правленіе. Отецъ оправдался, они тѣмъ болѣе; отецъ уѣхалъ въ Кіевъ, а онъ и братъ съ матерью сданы были Левицкому. Тамъ проживъ одну недѣлю, у своей невѣстки, жены Давидовой, Евдохи, пошелъ на заработокъ, съ коробки хлѣбъ молотить. Дорогою присталъ къ чумакамъ, которые везли изъ Ирклева въ Лубны желѣзо, купилъ въ Лубнахъ косу и пошелъ на косовицу въ Бригадировку. Косилъ день у Музыченка, другой у Тимофея Литвиненка, послѣдній намъ уже давно извѣстенъ, это одинъ изъ товарищей Горкуши — Пухлый. Отъ Пухлаго пошелъ онъ въ Ромень и въ Проціовку, къ брату своему Алексѣю, но опасаясь, чтобъ не задержалъ его Лукьяновичъ, остановился въ лѣсу подъ Проціовкою, у тамошняго жителя Леонтія Гаіовика. Туда къ нему пришелъ братъ Алексѣй, пили горѣлку, нѣчью пошли въ господскій домъ. Алексѣй въ дворѣ жилъ, а онъ пошелъ его проводить и повидаться съ старымъ товарищемъ Петромъ Посенкомъ, который тоже жилъ въ господскомъ домѣ. Вошедши во дворъ, зашли они въ конюшню. Ивану понравилась господская вороная лошадь, ни съ кѣмъ не видясь, онъ вывелъ ее на улицу, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ въ Бригадировку къ Пухлому. Здѣсь онъ объявилъ, что купилъ эту лошадь на деньги братомъ ему подаренныя.

Не долго погостивъ у Пухлаго, онъ сошелся съ Гавриломъ Шаповаломъ, Алексѣемъ Лавдыремъ, Григоріемъ Ткачемъ и Петромъ Клубученкомъ и поѣхалъ съ ними въ Ста-

родубъ для покупки бичевы, чтобъ отвезти ее на продажу въ Харьковъ. Дворовый писарь генерала Шамшева, поддерживая пословицу: «каковъ попъ, таковъ приходъ», далъ имъ паспорта.

Отъѣхавъ четыре версты отъ Бригадровки, они встрѣтили Горкушу, въ кожаной кибиткѣ, съ однимъ работникомъ, на парѣ лошадей, какъ уже я сказалъ о томъ, близъ шинка Соханскаго. Горкуша тоже ѣхалъ въ Стародубъ; они всѣ пристали къ нему, и поѣхали съ нимъ на Прилуки и Густыню; купили въ Стародубѣ пропорцію бичевы и поворотили на Добрянку и на Городню. Подъѣхавъ къ Ропску, владѣнія графа Кирилы Григорьевича Розумовскаго, остановились въ полѣ, и поѣхали съ Горкушею въ Ропскъ. Тамъ жилъ не родственникъ, но однофамилецъ и пріятель его, Щербатый. Они остановились на базарѣ. Щербатый пошелъ за горѣлкою въ шинокъ. Одинъ изъ проходящихъ, житель Ропска, сидѣлъ въ глуховскомъ острогѣ съ Горкушею и узналъ его. Тотчасъ же объявилъ онъ о томъ въ шинкѣ; тайкомъ послали за волостнымъ писаремъ; писарь немедленно явился, отобралъ у него паспортъ и отвелъ въ господскій дворъ. Управитель съ перваго взгляда въ лице ему увидѣлъ съ кѣмъ имѣеть дѣло; онъ велѣлъ взять его подъ караулъ; стража повела его въ волостную канцелярію, этой стражи было пять человекъ, управитель шелъ назадъ. Выходя изъ воротъ Горкуша увидѣлъ Ивана Щербатаго на конѣ, держащаго другого коня за поводъ. «Се мій слуга, сказалъ Горкуша, я прикажу шобъ запрягши повозки вынѣ ихавъ у Ропскъ.» Говоря это, онъ приблизился къ своему коню, вспрыгнулъ на сѣдло, выругалъ управителя и ускакалъ съ крикомъ на Щербатаго: «Утикай! Въ мене отобрано паспортъ, то ѣ тобі буде лыхо; утикай!» Вслѣдъ за нимъ пустился во всю конскую прыть Щербатый, они прискакали къ повозкамъ, и еще издали начали кричать товарищамъ: «Утикайте! утикайте!» Видя, что не время запрягать лошадей, всѣ они вспрыгнули каждый на ближайшаго коня и, покинувъ тѣлеги въ полѣ, помчались въ лѣсъ по направленію къ Нѣжину. Съ повозокъ успѣли захватить пику и ружье. Девяносто рублей, штофный кафтанъ привезенный изъ-Запорожья, шалевый

поясъ, два мѣдныхъ котла и одинъ чугунный, остались въ добычу погонѣ.

Три дня ѣхали они безъ пищи; ночью переправились черезъ Десну, подъ монастыремъ Максаковскимъ. На дорогѣ купили за три съ половиною двѣ литовскія повозки у проѣзжихихъ, и, подѣхавъ къ Нѣжинѣ, остановились въ полѣ, съ чумаками везшими соль. Горкуша пошелъ въ Нѣжинъ съ товарищами, кромѣ Гузенка, который остался въ полѣ при лошадяхъ; онъ купилъ на базарѣ хлѣба, цыновку и котель; воротились къ табору и поѣхали на Бригадировку. Всѣ сдѣли на двухъ параконныхъ телѣгахъ; Горкуша верхомъ, а шестая лошадь, осѣдланная, шла безъ сѣдока за телѣгою. Въмѣсто отнятаго паспорта, Проконъ Воровченко написалъ ему немедленно новый.

Подъ Нѣжиномъ, въ какомъ-то селѣ, за какой-то горкушникъ долгъ, житель этого села началъ отнимать у Щербатого лошадь, впрочемъ краденую. «Не супротивляйся!» сказалъ Горкуша. «И я и ты одного села люде: я общаюсь тебе уистыты». Щербатый отдалъ лошадь. Изъ Нѣжина они ѣхали не большою дорогою, а такъ называемымъ «злодійскимъ шляхомъ» мимо Лосиновки, Галицы, Вейсбаховки, Гнилицы, Туровки, Рубовки, на Прилуки, Чорнухи и Сиптынь, нигдѣ не останавливаясь, кромѣ по степямъ, для покормки лошадей. Въ Бригадировкѣ остановились въ шинкѣ Алексѣя Дранки, гдѣ нашли Ѳедора Свердла и Кирилу Стягайла. Тутъ же къ нимъ присоединились сотницкій подсусюдокъ Кирило Живоглядъ и какой-то Гаврыло, безъ фамильнаго прозванія. Свердель и Стягайло жаловались Горкушѣ, что панъ Левицкій отбираетъ у крестьянъ своихъ въ свою пользу краденыхъ лошадей, зная впрочемъ, что они краденые. Горкуша нашелъ это величайшею подлостью со стороны Левицкаго, и объявилъ, что онъ намѣренъ ограбить этого негодяя немедленно, для чего предлагаетъ отправиться въ Липляво. Всѣ согласились единодушно.

Шайка состояла изъ Ивана Щербатого, Гаврыла Шаповала, Алексія Лавдыря, Григорія Ткача, Петра Клубученка, Гаврылы Дробота-Тарасенка, Кырыла Стягайла, Ѳедора

Свердла и Живогляда. Устыменку и Гузенку Горкуша не взяли въ эту экспедицію.

Они поѣхали на четырехъ телѣжкахъ, имѣя сверхъ того одного коня верховаго. Приняли направленіе на Горошинъ, гдѣ переѣхали черезъ Сулу, объѣхали всѣ села и остановились въ двухъ верстахъ отъ Переяслава. Здѣсь простояли четверо сутокъ, водили въ городъ ковать лошадей, на пятые сутки, вечеромъ, поѣхали къ Липлявому, остановились въ полѣ разпрягли лошадей, пересѣли на нихъ верхомъ и поѣхали къ селу поближе. Въ березовой рошѣ сошли съ лошадей, отдали ихъ подъ надзоръ Стягайлу и пошли въ дворъ Левицкаго, вооруженные парю пистолетовъ, пикою, топоромъ и нагайкою.

Во-первыхъ явились въ винокурню; винокуру приказали быть проводникомъ и потребовали чтобъ велъ ихъ въ кухню. Въ кухнѣ связали винокура и двухъ женщинъ; одна изъ нихъ была мачиха Щербатаго. Одинъ остался для надзора надъ связанными, остальные пошли къ старикамъ: къ отцу и матери Левицкаго. Съ стариками ночевала дочь ихъ, сестра молодого Левицкаго, еще не замужняя. Перевязавъ всѣхъ трехъ возжами и приставя къ нимъ надсмотрщика, отправились въ комнату, гдѣ спалъ хозяинъ, молодой Левицкій, сотникъ. При немъ спали два «молодыка», то есть, два парня взрослые, годные въ женихи по возрасту.

Сотникъ лежалъ уже въ постелѣ, но еще не спалъ, свѣча еще горѣла. «Чого прышли до мене? Вы знаете що у мене нима ничого; усе у батюшки.» Сказалъ онъ, всталъ и одѣлся. Разбудили молодыхъ, всѣхъ трехъ перевязали, отнесли въ погребъ, приставили къ нимъ Щербатаго, а сами пошли къ сундукамъ.

Они забрали всѣ деньги, серебряныхъ стакановъ два, чарокъ восемь и подносъ; козацкую саблю въ оправѣ серебряной; нѣсколько хорошихъ одеждъ; ружье и мѣдный кашеварный котелокъ. Изъ конюшни вывели пару коней вороныхъ и одного гнѣдого; возвратились въ рошу, сѣли на коней, прискакали къ повозкамъ, сложили добычу и поѣхали на Ташань. Проѣхавъ Ташань, ночевали въ полѣ, и ѣхали оттуда четверо сутокъ до Бригадировки.

Не доѣзжая пятнадцати верстъ до слободы, остановились для дѣлежа добычи. Она была очень не велика; не стоила трудовъ и опасности: Горкушѣ досталось двѣ чарки, онъ тутъ же подарилъ эту дрянъ Стягайлу; досталось ему еще ружье, одна юфть и денегъ— семь рублей. У Левицкаго нашли одинъ имперіалъ; всегда вѣрный своему правилу дѣлиться деньгами поровну, Горкуша желалъ имѣть эту монету, взялъ ее себѣ, и внесъ за нее десять цѣлковыхъ въ артель.

Дроботь, Живоглядъ, Шаповалъ, Лавдырь, Ткачъ Клубученко и Стягайло разѣхались по домамъ. Горкуша, Свердель и Щербатый, простоявъ шесть дней на полѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Бригадировки, на седьмой день поѣхали въ Слоду, и остановились у Павла Музыки. Навѣстивъ шинкаря Максима, осмотрѣвъ строящуюся каплицу, Горкуша поднялъ пиръ горой, пилъ горѣлку на-славу у Максима, къ нимъ подоспѣлъ и Пылыпъ Щербатый. Онъ скоро сдружился съ своимъ однофамильцемъ, Иваномъ, и условился ѣхать вдвоемъ на Донъ.

ГЛАВА IX.

Каплица. Дроботь. Босенко. Женитьба Горкуши.
Генералъ Шамшевъ. Вѣйна.

Горкуша занялся постройкою. Планъ, данный Шамшевымъ, былъ выполненъ въ точности; каплица была рубленая, въ нижнемъ этажѣ четыре двери и лѣстница, въ верхнемъ три окна; надъ кровлею шпиль, какъ на колокольняхъ. Читатель можетъ вообразить, какъ сердце генеральское пріятно забилося отъ восторга, когда столь важное зданіе украсило его слободу Бригадировку, не требуя никакихъ издержекъ и пожертвованій отъ его превосходительства. Каплица была доведена до послѣдняго вѣнца, и уже ставили кроввы, когда пріѣхалъ Горкуша. Осмотрѣвъ ее, онъ пошелъ къ себѣ на квартиру, переночевалъ и, поутру, послалъ за Иваномъ Щербатымъ, Дроботомъ и Лавдыремъ, которые немедленно къ

нему по требованію явились. Взявъ ихъ съ собою на двѣ тройки, онъ поѣхалъ къ Ромну, въ Проціовку за Алексѣемъ Щербатымъ. Иванъ Щербатый пошелъ въ дворъ; но услышавъ голосъ сторожа, возвратился къ повозкамъ. Онъ уговаривалъ дожидаться, пока всѣ въ домѣ заснутъ, потомъ идти брать бараньи шкуры, а наконецъ пойти въ домъ, и взять оттуда Алексѣя. Горкуша на это предложеніе не согласился, признавъ дѣло опаснымъ. Они поѣхали черезъ Роменъ, проѣхали плотину, и остановились въ верстѣ отъ Засуля. На разсвѣтѣ пустились по коровишской дорогѣ, отдохнули возлѣ шишка купца Барбасова, украли у него лошадь новозку, упряжь и тремя повозками продолжали путь въ Бригадировку.

Переночевавъ у Максима, Горкуша поѣхалъ съ Дроботомъ въ хуторъ Шамшева, Конышевъ, за Живоглядомъ; взявъ его изъ дому, и поѣхалъ втроемъ въ шинокъ Соханскаго, къ шинкарю Дранкѣ, пилъ цѣлые сутки горѣлку, возвратился къ Живогляду, прожилъ два дня въ Конышевѣ, и поѣхалъ съ обоими товарищами къ Павлу Музыкѣ въ Бригадировку. Ноября 14-го, въ день заговѣнья на Филипповъ постъ, женился онъ на дочери бригадировской жительницы, вдовы Анны Чвирковой, на Маланѣ.

Это было желанье всего бригадировскаго народонаселенія и прикащика тамошняго Моисея Замогпленка. Самъ Горкуша подалъ къ тому поводъ: онъ слишкомъ нѣженъ былъ къ Маланѣ Чвиркиной, и доказательства его нѣжности становились день-отъ-дня очевиднѣе.

Можетъ быть, и самъ генералъ Шамшевъ пожелалъ этой свадьбы, чтобъ дать семейныя и родственныя связи Горкушѣ, и тѣмъ удержать его отъ скитальческой жизни. Это ромуловское правило: покуда не пережилъ Ромулъ своихъ молодцовъ на похищенныхъ сабинянкахъ, его римляне были просто разбойники, а Римъ былъ просто Бригадировка; пережилъ? разбойники стали римлянами, Бригадировка стала Римомъ. Рѣшительно генералъ былъ второй Ромулъ со своею слободою.

Но оставимъ Ромула II для Дробота.

Петръ, онъ же и Павелъ, Тарасенко, Бондаренко, Довбышъ, онъ же и Дроботъ, родился въ Кіевской губерніи,

чигиринскаго уѣзда, въ знаменитомъ селѣ Субботовѣ, въ 1747 году; отецъ его, Тимофей, ремесломъ былъ бондарь. Въ 1767 году Петръ, тамъ же въ Субботовѣ, женился. Въ 1771 году, наканунѣ Троицына дня, рано утромъ, онъ тайно перѣхалъ польскую границу у нестеровскаго форпоста, съ женою, съ сыномъ, съ имуществомъ, одною телѣгою, на лѣвобочную Украину. Дорогу взялъ черезъ Носовку, Аджамку, Секретаревку и Лозоватку, съ намѣреніемъ поселиться въ Самарѣ. Между Секретаревкою и Лозоваткою, его нагнали крестьяне майора Андрея Григорьевича Байдака. Узнавъ, что онъ изъ польской Украины, и хочетъ поселиться на лѣвомъ берегу Днѣпра, только не рѣшается гдѣ бы избрать мѣсто, они предложили ему поселиться у ихъ пана, въ Лозоваткѣ. Прикащикъ Лапенко согласился его принять, помѣстилъ временно въ избѣ Степана Обманца. Черезъ четыре дня, Дроботь поѣхалъ въ Кременчугъ, къ самому владѣльцу, который окончательно принялъ его въ число своихъ подданныхъ. Въ 1773 году, его перевели съ другими крестьянами изъ Лозоватки на рѣчку Саксаганъ, для заселенія новой слободки, въ дачахъ того же Байдака. Новая слободка названа Варваровкою.

Еще за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, нѣжинскій грекъ Пататій, увезъ изъ Субботова въ Нѣжинъ, дроботова брата, семилѣтняго. Желая увидѣть брата, Петръ уговорилъ жителей Варваровки, Ивана Гаранзу и Прокопа Мандрыку, ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Нѣжинъ, на покровскую ярмарку. Они поѣхали къ своему владѣльцу Байдаку. Онъ взялъ для нихъ паспорта изъ новороссійской губернской канцеляріи; они отправились въ Нѣжинъ, за двѣ недѣли до Покрова. Тамъ Петро нашелъ Пататія, и у него брата. Съ тремя параконными повозками остановились они на ярмарочной площади, купили орѣховъ, ведеръ, подситковъ. Гаранза продалъ лошадей; купилъ шапку и двѣ плахты; проживъ въ Нѣжинѣ недѣлю, они поѣхали домой тремя повозками, но только не шестеркою, а на пяти лошадяхъ.

Ѣхали на Прилуки, Ппрятинъ, Лубны, миргородскою дорогою до Ромодана. На Ромоданѣ въ шинкѣ Соханскаго, у Дранки, была покорма. Тамъ застали «кацапа» Василя Бо-

рисова Касіянова, по прозвищу Секлетара, и Семена Вовчыка, ѣхавшихъ съ цыновками и съ деревянною посудою. Дроботь давно слышала о Вовчыкѣ, какъ о конокрадѣ, многіе лозоватскіе жители его знали, Гаранза и Мандрыка подтвердили слухи о его конокрадствѣ.

Это знакомство понравилось Дроботу и его товарищамъ; они условились ѣхать на ярмарку въ Вереміевку, съ цѣлю: «чы не вдасться обокрасты де комору?» Дорога шла Ромоданомъ; Мандрыка съѣздила въ Шпшакъ повидаться съ матерью, и когда возвратился, они своротили въ сторону съ Ромодана и поѣхали горошинскою дорогою, мимо Горошина черезъ Жовнинъ, въ Вереміевку. Здѣсь Вовчыкъ продалъ пять цыновокъ, купилъ съѣстного, и того же дня они продолжали путь; опять черезъ Жовнинъ, въ Чигиринъ-Дуброву и въ Пронозовку. Въ полдень остановились они въ небольшомъ оврагѣ подъ лозами; ночью Гаранза и Вовчыкъ ходили въ село; послѣ полуночи принесли оттуда двѣ кипы женскаго платья, нѣсколько серебра, сложили на дроботову телегу. Къ восхожденію солнца пріѣхали въ Кременчугъ, и стали на рынкѣ. Купивъ дегтю, вынивъ кварту горѣлки, переправились за Днѣпръ, остановились въ полѣ близъ Онопріевки кормить лошадей, ночевать и дѣлиться добычею.

Дроботу досталось двѣ чарки, стаканъ, шелковый платокъ, лисья шуба подъ желтою матерією; брату его Ивану поднось, двѣ чарки, двѣ ложки, стаканъ, красный робронъ и кофта шелковая. Остальные раздѣлили между собою: три стакана, шесть ложекъ, пять чарокъ, сахарницу, чайникъ, семь шелковыхъ женскихъ платьевъ, и одинъ мужской нѣмецкій сюртукъ. Переѣхавъ село Онопріевку, остановились подъ слободкою полнера Комбурлея, то есть, таможеннаго пристава. Вовчыкъ сказалъ, что на минуту съѣздитъ въ слободку, къ своему старому пріятелю Якову Компанцю; оттуда возвратился верхомъ съ мѣшкомъ, вязаннымъ въ торока; тамъ были разныя вещи. Такъ какъ у нихъ были паспорта розничные, то проѣхавъ слободу Зыбкую, они разстались. Вовчыкъ поѣхалъ къ теткѣ въ Плахтіевку; Дроботь съ братомъ, Гаранза и Мандрыка, — въ Варваровку. Обманецъ купилъ у нихъ серебро.

Въ день Саввы, то есть, 5-го декабря, наѣхала команда, взяла Петра и Ивана Дроботовъ, Гаранзу, Мандрыку, Обманца, и кромѣ ихъ еще двадцать варваровскихъ обывателей и отправила въ кременчугскую губернскую канцелярію. Два съ половиною года ихъ содержали въ острогѣ и судили за воровство. Дроботы, Гаранза и Мандрыка отведены были въ Александровскую крѣпость на работу, на три года, Обманецъ туда же на два года. Ихъ повели туда въ іюніѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Черезъ четыре дня расковали и послали косить сѣно и жать хлѣбъ. Потомъ отправили на гумно, къ какому-то полковнику, на молотьбу. При нихъ на стражѣ было два солдата; въ полдень они бѣжали, и укрылись въ десяти верстахъ отъ крѣпости, въ терновыхъ кустахъ, гдѣ притаились до ночи; три дни шли степью, питаясь хлѣбомъ крѣпостнымъ; близъ Самары перешли рѣку Самару, по плотинѣ попа Дикаго; поворотили на крѣпость Старо-Самарскую, извѣстную подъ названіемъ Богородицкой. Проводникомъ ихъ былъ колодникъ Демьянъ Васюта, бѣжавшій изъ Александровской крѣпости вмѣстѣ съ ними. Здѣсь онъ имъ былъ уже не нуженъ, онъ оставилъ ихъ; сказалъ: «пойду у Волощину, у Святы Горы, Богу молиться.» — А они, не заходя ни въ одно село, продолжая питаться остатками крѣпостнаго хлѣба и подаваніямъ жнецовъ и косарей, пошли въ Кодакъ. Проходя мимо Царычанки, Кобеляка, Омельника, Демидовки и Родзякпной Семеновки, Ромоданомъ, пли проселками до Бригадировки, они вездѣ выдавали себя за работниковъ гнавшихъ казенные плоты въ Херсонъ и возвращающихся въ Кременчугъ; это не была ближайшая дорога, но съ ними никто не спорилъ.

До того времени въ Бригадировкѣ Дроботъ не бывалъ; но одинъ изъ колодниковъ Александровской крѣпости, Якимъ Стрильникъ сказалъ ему слѣдующія замѣчательныя слова о генералѣ Шамшевѣ:

«Въ Брыгадыровци можно прожить: панъ *обстоятельный*, людямъ радъ и *не выдасть.*»

Дроботъ не могъ не понять, что такое «обстоятельный» и что значить: «не выдасть.» Около 15-го августа онъ явился въ слободѣ обстоятельнаго пана. Шинкарка Макси-

мыха, Живоглядъ и Тымишь Паколенко, которыхъ засталъ онъ въ шинкѣ, все поданные Шамшева, спросили кто онъ. «Я съ Польщы, изъ Уманя, ищу мѣста для прожытья.» — И я съ Польщы, изъ Уманя, сказалъ Живоглядъ. — Иды-жь до Мойсія Прокѣповыча Замогыленка, нашего прыкащыка. И повелъ его въ слободку Шарговщину, что въ двухъ верстахъ отъ Бригадировки. Замогыленко, не спрося — ни кто онъ, ни есть ли у него паспортъ, рѣшилъ такъ: «Жывы, колы ты чоловикъ добрый; а я о теби доставлю пану.» Дроботь остался жить у Жывогляда; до 9-го мая 1783 г. его на панщину не требовали.

Тутъ онъ впервые видѣлъ Горкушу и послѣ часто встрѣчался съ нимъ. Онъ бывало проживалъ дня по два, по три у шинкаря Максима и у Гордѣя Кучеренка, договореннаго Горкушею для надзора за постройкой каплицы и за рытьемъ колодезя. Но до ноябрю не былъ знакомъ съ Горкушею. Только передъ самою свадьбою, Горкуша пригласилъ его на 14 ноября.

А Босенко? что же дѣлалъ онъ, со дня разлуки съ атаманомъ? съ того дня, когда рѣшился не воровать, не разбойничать, а «хлѣба робыть?» — Онъ поселился въ избѣ «хлѣборѣба» Павла Скрынныченка; съ нимъ ходилъ къ Моисею Замогильному, испросилъ позволенье купитъ въ Шарковщинѣ дворъ и, съ условіемъ платить чиншъ, записался въ поданные Шамшева.

— Де твій билетъ? — спросилъ Замогильный.

«Я жытель сумскаго полка; билета у мене немає.»

— Ну, тоби на два года дається воля одъ панщины; купы соби дворъ.

Онъ купилъ половину левады и дворъ за девятнадцать съ полтиною, и перешель туда на житье съ Павломъ Скрынныченкомъ. На Свѣтлый праздникъ поѣхалъ къ жещѣ своей въ Терны, былъ у нее тайно ночью, подарилъ ей сто рублей на хозяйство; на возвратномъ пути кормилъ лошадей въ слободкѣ Бодаквинской, за плотникою, по дорогѣ бригадировской, когда изъ Бодаквы приѣхалъ туда козакъ Вивчаренко, со свадебнымъ хлѣбомъ и съ калиновыми ягодами. Увидя у него гнѣдую лошадь, Босенко купилъ ее за двад-

цать семь съ полтиною, и поѣхалъ въ Бригадировку, по дорогѣ нагналъ обозъ табаку идущій изъ Сенчи и купилъ три тысячи папушъ, по шести рублей тысячу. Сложивъ табакъ у шинкаря Максима и купивъ у него коня за сорокъ рублей, взялъ у Шамшева билетъ на себя и на Скрынныченка. Въ этомъ билетѣ онъ названъ *подданнымъ Шамшева* Иваномъ Коломійцемъ. И вотъ они оба поѣхали торговать въ Азовъ.

Ночью, при рѣкѣ Калкѣ, нанали на нихъ калмыки и отняли у Босенка триста рублей, которые взялъ онъ на рыбу и на фуры; однакоже онъ продолжалъ путь, въ Азовѣ продалъ табакъ по двѣнадцати рублей за тысячу, на Дону, на Щучьей Косѣ, купилъ рыбы, дома распродалъ ее и все лѣто занимался хлѣбопашествомъ.

Осенью опять выѣхалъ съ Скрынныченкомъ, взявъ въ товарищи лубенскаго Прокопа Воровченка. Подъ Азовомъ, въ слободѣ солдатской, купилъ у Босенка «въ боргъ», т. е. въ долгъ, табакъ на сорокъ рублей родственникъ Воровченка Мануйло Юрьевъ. Эти деньги пропали на Мануйлѣ. На морской косѣ купилъ онъ рыбы, распродалъ ее въ Полтавѣ, зимовалъ въ Бригадировкѣ, въ Миргородѣ продалъ лошадь за двадцать семь рублей, другая пала весною; въ Хоролѣ, Кременчугѣ и Поповкѣ купилъ три пары воловъ за восемьдесятъ одинъ рубль десять копеекъ, да три воза за девять съ полтиною; накупилъ пшеничной муки, отвезъ ее въ Херсонъ, тамъ купилъ три воза соли за тридцать шесть рублей семдесятъ пять копеекъ, и распродалъ ее въ Лохвицѣ. Черезъ недѣлю, по возвращеніи домой, поѣхалъ въ донскія станицы за рыбою. Этого рода дѣятельность была недолговременна. Не будь калмыки и Мануйло Юрьева, Босенковы дѣла могли-бы принять блестящій оборотъ, тѣмъ болѣе, что торговля шла ему въ руку. Но знакомство съ Горкушею, опасности и удачи походовъ въ другомъ родѣ, были для него привлекательнѣе, коммерція безжизненна для гайдамака. Ноября 11-го Босенко возвратился въ Бригадировку.

Онъ нашелъ Горкушу, приготавливающагося къ женитьбѣ на дочери вдовы Чвыркалки, какъ сказалъ я выше, на Малѣсици Чвыркальвыки. Тотчасъ дядя невѣсты явился къ нему съ приглашеніемъ на свадьбу. Дружкомъ былъ Иванъ Яре-

мужко, старостами Прокопъ Воровченко и Андрей Кучеренко; Петро Дроботь разносилъ напитки, Босенко былъ посаженнымъ отцомъ.

Двѣ скрипки работали для танцующихъ, вѣнчалъ молодыхъ въ селѣ Тарапункѣ, владѣнія Шамшева, тамошній священникъ отецъ Василій; на свадьбу въ числѣ почетныхъ гостей, которыхъ было множество, пріѣхали изъ Миргорода два брата Харченка, и самъ засѣдатель мпргородскаго суда; не сказано, впрочемъ, который изъ двухъ: Чарнышъ или Бровка; вѣроятно Бровка, тѣмъ болѣе, что этотъ засѣдатель прибавилъ къ своей фамиліи частичку «*вѣди-горъ*», какъ видно изъ росписи чиновъ на 1784 годъ, что очень неблагообразно и для фамиліи малороссійской не гармонически. Свадьба ѣздила въ гости, въ Шарковщину, къ прикащику, ночевали у Кучеренка, гулянье длилось до 4-го декабря.

Пока шель пиръ и Горкуша занятъ былъ вступленіемъ въ новую сферу жизни, Петро Дроботь не забывалъ и дѣла за бездѣльемъ. Напитки онъ продолжалъ разносить, но 16-го ноября началъ уже заботиться о новой экспедиціи.

Онъ пошелъ къ бригадировскому жителю Гаврилу Максименку и засталъ тамъ Григорія Стрѣльца, Михайлу Гиряваго, его же верховаго, Василя Сидоренка и двухъ жителей лубенскихъ, пріѣхавшихъ на свадьбу. Тутъ они условились немедленно послѣ свадьбы посѣтить село Клепачи.

4-го декабря свадьба умолкла; 5-го, наканунѣ Николина дня Дроботь съ товарищами выѣхалъ изъ Бригадировки на пяти повозкахъ; въ лѣсу подъ Клепачами оставилъ повозки и при нихъ Гороваго, и пошелъ самъ-восемь къ козаку, у котораго служилъ прежде Максименко и который жилъ въ концѣ села. При нихъ не было ни порѣху, ни дроби, было только одно ружье не заряженное, топоръ, да у каждаго «*кѣй*,» т. е. палка съ увѣсистымъ концомъ.

Они влѣзли въ окно пустой избы, зажгли свѣчу и черезъ сѣни пришли въ избу, гдѣ жилъ хозяинъ. У него было два гостя изъ Рашевки. Ихъ разбудили, перевязали всѣхъ и отвели въ погребъ. Дали имъ подушки и «*лыжныкы*;» у хозяина взяли ключи отъ коморы, послали за повозками, положили на нихъ два сундука съ деньгами и семь дѣжекъ меду.

Тогда заперли дверь въ хатѣ и въ коморѣ и поскакали Сулою, мимо Мгарьскаго монастыря, къ Лубенскому мосту. За ними гналось уже въ погоню шесть верховыхъ изъ Клепачовъ, съ крикомъ: «Воры, воры! держи воровъ.» Солдаты, бывшіе въ Лубнахъ въ караулѣ, услышали крикъ погони и бросились къ ней на помощь. Отягощенные медомъ, сани провалилися на Сулѣ. Ъхавшіе на нихъ засульскіе хлопцы, бросили ихъ и бѣжали въ свои дома; трое остальныхъ саней мчали куда глаза глядятъ; Дроботь успѣлъ выпрячь одну изъ провалявшихся лошадей, вспрыгнувъ на нее и поскакалъ въ степь. Прискакавъ на Ромодань, далъ лошади волю выбрать путь; она сама принесла его подъ Бригадировку, въ шинокъ Саханскаго, къ Дранкѣ.

Въ шинкѣ сидѣло трое Щербатыхъ: Пылыпъ, сынъ его Опанасъ и Иванъ. Онъ съ ними познакомился, признался Пылыпу въ происшествіи, не утаивъ и о погонѣ. Пылыпъ пригласилъ его ѣхать въ Азовскую губернію, и объявилъ ему, что и онъ тѣмъ же ремесломъ занимается.

Между тѣмъ люди ѣхавшіе изъ Бригадировки мимо шинка говорили, что команда гнавшаяся изъ Лубенъ за разбойниками, захватила ихъ по горячимъ слѣдамъ въ бригадировкѣ; что сундуки найдены въ полѣ разбитые; что самого Горкушу, и съ нимъ Прокопа Воровченка заперли въ избу, но что и тотъ и другой бѣжали.

Боясь оставаться столь близко отъ Бригадировки, Щербатые всѣ трое бѣжали въ слободу Еньковку, владѣнія Родзянокъ, пробыли въ ней два дня, пили горѣлку; а въ шинокъ Дранки возвратился только одинъ Пылыпъ, на третій день, откуда пріѣхалъ опять въ Еньковку, черезъ два дня съ Горкушею, Босенкомъ, Стягайломъ и Кириломъ Вышаренкомъ.

Слухъ о лубенской погонѣ оказался справедливымъ: дѣйствительно полиція миргородская и лубенская гналась за разбойниками. На Саввы, декабря 5-го, исправникъ пріѣхалъ въ Бригадировку и схватилъ Воровченка. Горкуша цѣлый день прятался по закоулкамъ и по огородамъ слободы, потомъ бѣжалъ въ степь. Его жену схватили со всѣми пожитками и повезли въ Лубны.

Въ этой экспедиціи мѣстной полиціи, принялъ большое уча-

стие владѣлецъ сосѣдняго села Кибинець, Соханскій. Онъ выслалъ своихъ крестьянъ на помощь командѣ, и оцѣпили всю Бригадировку. Не выпуская изъ нее ни души, всѣхъ «трусилы.»— Испуганный также за себя, Босенко спряталъ «вы хыжи», въ бочкѣ пшеницы, сто тридцать рублей. Но это денегъ не спасло.

Вотъ имена участниковъ, друзей и пристанодержателей горкушинныхъ, схваченныхъ и уведенныхъ въ Лубны команду:

«Иванъ Капашъ; Максимъ шинкаръ; Андрій Хучеренко; Андрій Батаній; Даныло Комаръ; Овсій Оксененко; Леонтій «Старый; Грыгорый Бальбука; Василь Сыдаренко; Петро «Сидельныченко; Тымншъ Лытвененко; Михайло Зинченко; «и другой Горкуша, старый, особый отъ Семена.» Это все изъ Бригадировки. Да изъ Шарковщины, одного и того-же владѣльца, взято было два человѣка.

Припоминая отзывы о Шамшевѣ колодника Александровской крѣпости, Якимъ Стрильныка, какъ о человѣкѣ обстоятельно, который не выдастъ никого, слычая его поступки на счетъ приѣма крестьянъ въ свое владѣніе, съ постройкой часовни надъ колодеземъ и съ знакомствомъ его съ Горкушею, всякій можетъ видѣть, что генераль былъ главный пристанодержатель и разбойникъ; какъ же онъ выскочилъ изъ этого омута?... Это судебная тайна. На то онъ и генераль.

Босенко бѣжалъ въ лѣсъ подъ Лубны, одноконкою въ санкахъ. На пути, въ ярмаковскомъ хуторѣ, жилъ Яковъ Герасимовичъ, дѣятель въ дѣлѣ съ Холодовичемъ, подъ прозвищемъ «Якова Терновскаго». Онъ участвовалъ и въ конопскомъ похищеніи. Забѣжавъ къ нему, Босенко спросилъ: «Де Горкуша?» — Въ лѣсѣ, отвѣчалъ Яковъ и повелъ его къ Горкушѣ. Тамъ съ Горкушею былъ бригадировскій житель Григорій Стрилецъ; туда же прибѣжали, вырвавшіеся изъ лапъ команды, сперва Василь Сыдаренко, а потомъ и Воровченко. Послѣдній со Стрильцомъ поѣхали по своимъ домамъ; а Босенко и Воровченка къ Пылыпу Щербатому, въ шинокъ Пшпацкаго-Кулябки, что на Ромоданѣ, вмѣстѣ съ Горкушею.

Подъѣзжая къ шинку, увидѣли Пылыпа Щербатаго, вы-

бзжающаго изъ шинка съ Кырыломъ Вышаренкомъ и Кырыломъ Стягайломъ; Горкуша ихъ остановилъ, разговорился съ ними, Щербатый сказалъ: «Поидымо въ Еньковску слободу; тамъ на Ромодани есть моя кыбытка и два молодыка». Тотчасъ же они туда поѣхали.

Что касается до Горкуши, онъ прятался дѣйствительно въ хлѣбахъ и огородахъ Бригадировки, и только на «Анны Зачатія», то есть, декабря 9-го, прибѣжалъ въ шиннокъ Дранки, который спряталъ его въ отдѣльной избѣ; это спасло его.

Итакъ теперь соединясь, они поѣхали въ Еньковку, въ десяти верстахъ отъ Хорола, въ двухъ телѣгахъ, въ розвальняхъ и въ кибиткѣ. Было декабря 18-е.

Крестыанинъ Войныхы, Аникій, принялъ ихъ къ себѣ; у него они застали Петра Дробота и Кирила Малого. Аникій началъ предлагать и даже просить, чтобъ ограбили они его госпожу. Они согласились. Войныха жила въ Хоролѣ, тогда еще не городѣ, а только мѣстечкѣ. Горкуша и Иванъ Щербатый верхомъ, остальные на двухъ тройкахъ, подѣхали къ ее двору; лошадей оставили въ саду возлѣ двора и пошли во дворъ. Оружіемъ были: пика, топоръ, желѣзный шворень и молотильный цѣпъ.

Подъ амбарами спалъ сторожъ, его связали. Горкуша шворнемъ оторвалъ висячій замокъ на дверяхъ коморы, вырубилъ огня, зажгли свѣчу, нашли три сундука, отбили одинъ; какъ нарочно, нашли въ немъ ключи отъ двухъ остальныхъ, и очистили всѣ. Добыча была значительна: двѣ тысячи рублей въ серебряной монетѣ, девять имперіаловъ, сто рублей монетою мѣдною, двѣнадцать чарокъ серебряныхъ, съ позолотою подъ чернью, шесть штукъ голубаго сукна, шесть штукъ голландскаго холста, мужская кунья шуба подъ желтою шелковою матеріею и нѣсколько вещей менѣ цѣнныхъ; какъ-то: два пистоleta, головы сахару, двѣнадцать балыковъ и проч.

Возвратясь въ Еньковку, Горкуша раздѣлил добычу, каждому досталось по двѣсти пятидесяти четыре рубли, въ томъ числѣ и Аникію. Вещи были сложены въ артель.

Шайка поѣхала въ хуторъ Левенца, подъ Полтаву. Верстахъ въ двадцати пяти отъ Еньковки, передъ разсвѣтомъ,

они своротили съ Ромодана вправо, къ Самусевкѣ, по словамъ Босенка, къ Замуловкѣ, по словамъ Горкуши, къ Семеновкѣ, по словамъ Дробота, и по причинѣ великаго снѣга и тумана, стали, въ долині подѣ скирдою, гдѣ простояли до ночи.

Съ темнотою ночи опять выѣхали на большую дорогу, то есть на, Ромоданъ, проѣхали въ Самусивку, и своротили съ Ромодана на «Омельницкій шляхъ». Черезъ сутки, къ вечеру добрались до хутора Петра Вышары, отца Вышаренка. Это возлѣ кочубеевской Демидовки. У Вышары переночевали; о полуночи явнули Омельникъ, направляя путь за Полтаву, въ слободу Руновскаго; три дня ѣхали степью, иногда покупая сѣно у проѣзжихъ, иногда кормя некупленнымъ, ночуя все подѣ скирдами, и сколько возможно объѣзжая села. На третія сутки приѣхали въ левенцовъ хуторъ, что въ тридцати верстахъ отъ Полтавы, и остановились у горкушинаго пріятеля, старика, подсусидка Левенцевого Тыгыпка. Было декабря 22-го.

ГЛАВА X.

Скитальческая жизнь и плѣнь.

Отъ Тыгыпка, въ двухъ кибиткахъ тройками и на парѣ въ розвальняхъ, да одинъ верхомъ, поѣхали они въ слободу Руновщину, чтобъ развѣдать, нельзя ли пробраться на Запорожье. Шайка состояла изъ Пылына и Опанаса Щербатыхъ, Воровченка, Стягайла и Босенка; атаманъ Горкуша, само-собою разумѣется, съ ними. А Иванъ Щербатый, Малый и Дроботь остались у Тыгыпка.

Тыгыпка продалъ Дроботу двѣ пары сѣрыхъ воловъ за тридцать шесть рублей, съ условіемъ выдержать ихъ до весны, и весною получить деньги за выкормъ.

Въ это время Горкуша выѣхалъ къ Ивану Горовому, гдѣ, по случаю Рождества, простоялъ четверо сутокъ. Горовый жилъ въ самой Руновщинѣ. 28-го декабря шайка поѣхала въ другой хуторъ руновскаго, болотомъ отдѣленный

отъ Руновщины. Тамъ переночевали, и послали Воровченка въ Полтаву для покупки саней.

Четыре дня отлучки горкушиной, испугали Дробота; не дождавшись возвращенія Горкуши, и полагая его пойманымъ, онъ поѣхалъ въ Демидовку къ Петру Вышарѣ, то-жъ Лободѣ. Генваря 2-го, 1784-го года, прибылъ онъ туда, и прожилъ двѣ недѣли. Съѣздили на торгъ въ Кременчугъ, купилъ сани, упряжь и свую, смушковую, съ плисовымъ верхомъ шапку, которую послѣ подарилъ Горкушѣ. Былъ и хорошо гулялъ на свадьбѣ у вышаринаго пасынка, подарилъ молодымъ рубль. Но на свадьбѣ украли у него чересь со ста двадцатью рублями.

Вдругъ прискакали къ пирующимъ, верхомъ, Горкуша, Босенко и Стягаило. Горкуша разсказалъ, что какой-то господинъ къ нимъ въ Руновщину неожиданно наѣхалъ съ тридцатью козаками. Схватили отца и сына Щербатыхъ, съ повозками и съ вещами, въ тѣхъ повозкахъ спрятанными. Горкуша, Босенко и Стягаило кинулись въ хлѣвъ и притаились; выждавъ отъѣздъ этого злаго барина, они вылѣзли изъ хлѣва, и ускакали въ степь къ Котельвѣ, а оттуда къ Полтавѣ, въ хуторъ какого-то дроботоваго родственника. Тамъ застали Дробота и Кирилу Малого. Горкуша предложилъ ѣхать вмѣстѣ, искать гдѣ бы прожить до весны.

Утромъ выѣхали они на одной лошади, придерживаясь направленія къ Кременчугу; но потомъ, въѣхавъ на роменскую дорогу, поворотили къ Ромну. Двѣ недѣли шатались по степи, наконецъ заѣхали въ шинокъ какого-то Значковаго товарища, который былъ подъ судомъ за братоубійство, и сидѣлъ въ кievскомъ острогѣ. Изъ этого шинка перебрались они въ хуторъ Новицкаго. Здѣсь завязался разговоръ у Дробота съ хозяиномъ. За штофомъ горѣлки Дроботь спросилъ:

— Чы нема у тебе лошади промѣнять на кобылу?

— А чому? Е! Абы годяча. — Отвѣчалъ хозяинъ, и они обмѣнялись; Дроботь далъ додачи три съ полтиною.

— Видкиля вы? — спросилъ хозяинъ.

— Изъ Бригадыровкы.

— Якъ-же се зъ Брыгадыровкы? Брыгадыровскихъ уснихъ людей позабирато у Лубни, а васъ-то-бъ и ни?

— А на что-жь насъ братья, бо мы невинны!

Этотъ разговоръ неполниѣ понутру былъ пріятелямъ. Слѣдующую ночь они ночевали подъ скирдомъ, близъ Бодаквы, не смотря на проливной дождь, и поутру поѣхали въ Бодакву къ нашему давнему знакомому, Ивану Козачку.

«Тутъ есть одинъ мой пріятель; заѣдемъ къ нему,» сказалъ Горкуша. Босенко пошелъ провѣдать дома ли Иванъ Козачокъ. О полудни они въѣхали къ нему въ дворъ. Козачокъ велѣлъ сварить для нихъ гуся; послѣ обѣда пили горѣлку; ужинъ хозяинъ заказалъ на славу; лошади были на хозяйскомъ корму; за такое дружеское гостепрѣимство Горкуша далъ Козачку взаймы, срокомъ до Покрова, десять рублей на покупку воловъ. На другой день, отобѣдавъ, они поѣхали къ Ромнѣ, Ромоданомъ. Въ шинкѣ Билухи Кохановскаго сказались купцами, ѣдущими въ Путивль. Ночевали въ пустой мельницѣ. У Бобрика оставили Ромоданъ, чтобъ околицей объѣхать село, своротили вправо въ степь, и ночевали подъ скирдомъ; Сулою обогнули Роменъ, и переѣхали на другую сторону города, гдѣ была табачная контора, въ которой Тепловъ мошенничалъ. За «Царыною» остановились; Горкуша и Дроботь зашли въ городъ и купили хлѣба, рыбы и для лошадей соли; возвратясь къ товарищамъ, тотчасъ же поѣхали къ Нѣжину. Отѣхавъ отъ Ромна десять верстъ, съѣхали съ большой дороги, и подъ лѣсомъ пріютились на ночлегъ.

Иванъ Щербатый разстался съ ними на хуторѣ Тыгыпка. Петро Клубученко и Кырыло Малый купили у Тыгыпка лошадь и неизвѣстно куда уѣхали. Иванъ прожилъ въ этомъ хуторѣ еще четыре дня; но когда у него украли тридцать рублей, то и онъ пошелъ оттуда, предполагая взять путь на Роменъ. На бѣду его подъ Решетиловкою стоялъ караулъ. Уже были приняты сильныя и дѣятельныя мѣры, чтобъ переловить шайку горкушину и поймать его самого. Иванъ Щербатый попался какъ мышь въ западню. Его подхватили и препроводили въ Полтаву. Онъ сказался бѣглецомъ изъ имѣнія помѣщика Лукьяновича. Судъ сдалъ его Лукьяновичу; не смотря на тяжкую болѣзнь, въ которую онъ впалъ во время препровожденья его изъ острога въ острогъ, Лукья-

повичъ велѣлъ его заковать и отослать въ Проціовку. Тамъ передали его исправнику, а исправникъ роменскому суду.

Съ Горкушею и его остальными товарищами разстались мы въ лѣсу, надъ дорогою ведущею изъ Ромна въ Нѣжинъ. Изъ этого лѣса они поѣхали сперва по дорогѣ; обогнули село Бубны; потомъ, по выраженію Дрѣбота, «мановцемъ», то есть, безъ дороги, кочками, болотами, пахотью, куда глаза глядятъ. Приѣхали въ шиннокъ пана Савича, гдѣ была шинкарка съ дочерью и съ сыномъ, ребенкомъ. Она сказала, что въ Ромнѣ схвачены полиціею копокрады. Подѣхавъ къ Ярошовкѣ, они заночевали въ шинкѣ пана Скоропадскаго; объѣхали Ярошовку и забѣжали къ шинкарю жиду, въ Туркеновкѣ, гдѣ пили горѣлку, объѣдали и студа поѣхали на Парафѣевку, графа Румянцова. Въ Парафѣевкѣ, черезъ которую они хотѣли пробраться ночью, ихъ остановили и опросили: кто они и куда ѣдутъ? — «Роменъци; идемо въ Нѣжинъ». Ихъ пропустили. Взявъ на Гуживку, Ичню, пана Галагана, объѣхали «мановцемъ». За Ичнею ночевали подъ лѣсомъ въ хатѣ, возлѣ которой прудъ и мельница; это была Романовщина, пана Горленка. Оставя въ этой избѣ при лошадяхъ Босенка, сами пошли черезъ Васылевщину, пана Маккевича, и минуя дозоръ, боковою улицею прошли въ Ичень на базаръ; купили хлѣба и мяса. На вопросы отвѣчали: «Зѣ Побережья; инздылы въ Роменъ за долговыми «диламы; зѣ Ромна идемо въ Кієвъ». Оттуда ночевали подъ Томашовкою, пана Стороженка; варили въ лѣсу ужинъ; утромъ ѣхали мимо села Пашковки выгономъ и заѣхали въ шиннокъ полковницы Пелагін Розумовской, который стоялъ на краю Пашковки, къ нѣжинскому выѣзду. Пили горѣлку; кормили лошадей.

— Де живе Усатый Иванъ.... запорожець? спросилъ Горкуша тамошнихъ.

— На що тобі його?

— Якъ були мы въ Запорожьи, вниъ мени зоставсь довженъ деньгы.

— Въ насъ вышъ прозывается Чорнухою, або Чернычымъ зятемъ; живетъ въ лѣси, одъ Пашкивки верстовъ за шять.

Хозяинъ указаль дорогу. Они явились въ хуторокъ подъ гѣсомъ; это былъ хуторокъ Усатаго. У подсусядка Горкуша спросилъ о хозяинѣ и подарилъ ему гривну. Они прожили у Усатаго сутки.

— Не шатайся тутъ, сказалъ Усатый. — Тебе всюды ищутъ.

— А яки караулы у Нижини? спросилъ Горкуша.

— Тамъ дуже крипки караулы, бой близькихъ безъ билета не пропускають. А колы у васъ не ма билетывъ, то не идьте.

Испуганные этими предостереженіями, они въ сырный поведѣльникъ поѣхали на Пашковку, мимо Дорогиньки и Томашовки, никуда не являясь, и пріѣхали въ заѣзжій дворъ, стоявшій въ Томашевкѣ, за Чагарникомъ. Отдыхали тамъ два дня, и за все: за хлѣбъ, за дрова, даже за квартиру Горкуша расплатился.

Черезъ два дня поѣхали въ трактиръ пана Савича, гдѣ пробыли тоже два дня. Ѣхали на Ярошовку, на Бѣлье Мѣжи. Кормили лошадей изъ саней сѣномъ и на заговѣнье, съ масляницы на великій постъ, 11-го февраля, вечеромъ, подѣхали къ шинку пана Скоропадскаго. Просились перемочевать; но шинкаръ сказалъ, что тѣсно, людей много; и такъ они заночевали въ сосѣдней избѣ, у крестьянина того же Скоропадскаго.

Пока хозяйка варила имъ ужинъ изъ рыбы ими привезенной, Горкуша съ Дроботомъ сходили въ шинокъ и пили тамъ горѣлку. Поздно возвратились они на квартиру. Горкуша сказалъ: «Мени шынкарка сестра: подаровала мени «хустку, а я подаровавъ їй рубля». Ужинали и легли спать.

Утромъ, въ первый день великаго поста, оба они опять вошли въ шинокъ, начали пить горѣлку, когда солдаты первого легкоконнаго полка вошли туда же; они везли сѣно въ Борзну. «А чы будете пить горилку?» спросилъ Горкуша. — Будемъ, отвѣчали солдаты. Онъ купилъ для шихъ кварту, они начали пить и пзподтишка всматриваться. Горкуша закрылъ носъ рукавомъ; не смотря на эту предосторожность, услышалъ шопотомъ произнесенное: «Это Горкуша!...»

Онъ вышелъ изъ шинка; за нимъ Дроботь и Босенко; на дворѣ встрѣтили четырехъ солдатъ; одинъ сказалъ: «Идите къ вахмистру». — Заразь пойду, сказалъ Горкуша и вспрыгнулъ на коня. Въ то же мгновенье его товарищи очутились на своихъ коняхъ. Горкуша поднялъ коня на дыбы, ошеломленные солдаты разступились, а тѣ помчались во всю конскую прыть. Напрасно солдаты, опомнясь, вздумали гнаться за ними; скоро они исчезли изъ виду.

Войнова кунья шуба, шелковый «квитчастый блакитный» кафтанъ, сани, дуга, возжи, хомуть, пшено, мука, овесъ, все досталось солдатамъ.

Вечеромъ бѣглецы наши миновали Туркменовку и ночевали за селомъ въ лѣсу подъ скирдомъ. Потомъ заѣхали въ шинокъ пана Савича, что подъ Бубнами, верстахъ въ пяти отъ села. Шинкаръ содержался въ роменскомъ острогѣ, за воровство; въ шинкѣ оставалась шинкарка съ дѣтьми. «Насъ «кони побылы и повтикалы зъ саньмы, зъ сидломъ и зъ «збрую, — сказалъ Горкуша. А опісля знайшлы мы ко- «ней въ лиси до дерева попрывязуваныхъ; а сани, сидло и «збрую позабирано». Они купили у проѣзжающихъ сани, сѣна, у шинкарки хлѣба и прожили у нее трое сутокъ.

Сынъ шинкарки собрался въ Ромень, къ отцу. Горкуша, оставя при себѣ Босенка, отправилъ съ молодымъ человѣкомъ Дробота. Дроботь припрегъ своего коня къ хозяйскому; въ Ромнѣ купилъ розвальни, полную збрую и сѣстныхъ припасовъ; перепрегъ своего коня въ розвальни и возвратился съ шинкаркинымъ сыномъ въ шинокъ, впизъ по Ромнѣ, льдомъ до Герасимовкѣ, подъ Плавинцами. Другіе сани купили они у шинкарки и въ двухъ саняхъ выѣхали въ пятницу, на первой недѣлѣ поста, къ Ромну. Вечеромъ подѣхали къ табачной конторѣ, своротили на Сулу, сперва ѣхали льдомъ, потомъ, когда уже совершенно стемнѣло, выбрались на сумской трактъ и поворотили опять на Ромень, пріѣхали въ село Засулье, что подъ городомъ отъ выгона, когда совершенно «розвиднилось».

Горкуша уприсялся въ чей-то дворъ, котораго хозяинъ былъ въ отлучкѣ. «Звары намъ иісты», сказалъ Дроботь хозяйкѣ. — Ходимъ въ городъ! сказалъ ему Горкуша. —

Купимо тамъ харчей. Они пошли, поднялись на гору, остановились возлѣ вала у башты, за городомъ, на улицѣ. Дроботь отправился на базаръ, купилъ пшена и пять хлѣбовъ. Возвращаясь съ базара, встрѣтили они женщину.

— Що ты несешъ? спросилъ Горкуша.

— Булки.

— Отъ нема срибныхъ грошей! Воротимось на базаръ, розминяймо рубля, да купимо булокъ.

— Ходимъ до мене, сказала булошница. — Озьмете булокъ и рубля розминяете.

Она размѣняла рубль, дала копейку промѣпу, и продала двадцать булокъ. Въ это время вошелъ ея мужъ.

— Що вы за люде? Видкиля вы?

— Мыргородци. Булы въ Нижини за рыбою.

Оставя хлѣбы у булошницы, они опять пошли на базаръ за рыбою; Горкуша остался назади, Дроботь купилъ три десятка рыбы, возвратился на мѣсто, гдѣ оставилъ Горкушу; но Горкуши тамъ не было.

Дроботь пошелъ къ булочницѣ, забралъ булки и, выходя отъ нее, увидѣлъ толпу народа. Въ этой толпѣ былъ какой-то странный говоръ; на лицахъ видны были то страхъ, то радость, то любопытство, то недовѣрчивость. Дроботь вмѣшался въ народъ. Онъ-то и передаетъ намъ это въ своемъ показаніи. Вслушивается, тамъ другъ-другу говорятъ: «Чи вы чулы що поймано Горкушу?»

Дроботь поспѣшилъ на квартиру. Пока онъ успѣлъ шепнуть Босенку о страшномъ говорѣ народа, пока запрягали они лошадей, хозяйка вышла къ нимъ и сказала: — «ось вамъ и борщъ готовъ!» — «Нехай тобі борщъ: а мы нійдемъ до ромельского жителя Клюка; тамъ панъ нашъ зостався». Ихъ панъ былъ дѣйствительно у Клюка; онъ былъ схваченъ и отведенъ къ городничему.

Разумѣтся, что обонимъ было не до Ромна; они пустились гадяческою дорогою, мимо хутора Бѣлухи-Кохановскаго, своротили на Ромоданъ, поѣхали на Бодакву; ихъ принялъ съ прежнимъ хлѣбосољствомъ и участіемъ старій, неизмѣнный другъ — Козачокъ.

— Де пань?

— Въ Ромни!... Говіе!

Козачокъ поднесъ имъ водки. Подъ вечеръ былъ у нихъ какой-то незнакомый гость, посидѣлъ, потолковалъ съ ними и ушелъ. Поужинали. Просили хозяйку вымыть бѣлье. Она имъ подарила по платку и по рубашкѣ. Ложась спать, Дроботъ положилъ на полку пару небольшихъ пистолетовъ и одинъ большой. Поутру приходилъ къ нимъ человекъ просить денегъ взаймы на подушное; онъ предлагалъ имъ въ услуги, въ видѣ залога, — сына; они отвѣчали, что нѣтъ у нихъ денегъ.

Только что сѣли обѣдать, вдругъ команда оцѣпила дворъ, взяли и Босенка и Дробота и повезли въ Лохвицу.

Конецъ дѣла каждому извѣстенъ: кнутъ, подновленіе указныхъ знаковъ, каторга, — короче, все слѣдующее въ силу законовъ уголовныхъ. Слѣдовательно описаній дальнѣйшихъ не нужно. Горкуша пошелъ въ Нерчинскъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Собраніе документовъ, послужившее для описанія жизни Горкуши досталось мнѣ съ другими бумагами отъ дѣда моего Ивана Андреевича Маркевича, который служилъ въ восьмидесятихъ годахъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ намѣстничествѣ старшимъ совѣтникомъ гражданскаго суда. Часть изъ нихъ была собрана въ подарокъ дѣду моему роменскимъ судьей Іосифомъ Маркевичемъ; другая предсѣдателемъ уголовного суда Осипомъ Григорьевичемъ Туманскимъ; недостающія были пополнены дѣдомъ моимъ съ помощью тестя его, роднаго моего прадѣда, совѣтника намѣстническаго правленія, Василія Валильевича Кочубея.

Сдѣлавъ классификацію этихъ документовъ, я раздѣлилъ ихъ на три разряда: 1-й — слѣдствія, показанія, улики, счета;

2-й—экстракты; 3-й—судъ и приговоръ. Каждый разрядъ переплелъ я въ отдѣльный переплетъ, что составило три толстыхъ фолианта.

Разрядъ 1-й. Слѣдствіе.

1. Показанія Петра *Гладкого*. Скрѣпили: совѣтникъ *Калиновскій*, канцеляристъ *Аванасій Куриискій*; за неграмотнаго колодника подписался канцеляристъ *Лазарь Мирданскій*. 1782. Февраля 25-го, листовъ 8.

2. Показанія «неизвѣстнаго малороссійской породы человека», представленнаго въ конотопскій уѣздный судъ отъ городничаго конотопскаго *Базилевича*. Этотъ неизвѣстный оказывается въ показаніяхъ *Высоченкомъ*: «Высоченко онъ же и *Сиренко*, а во мѣсто его неграмотнаго, по его прошенію, уѣзднаго конотопскаго суда подканцеляристъ *Тимофей Трубницкій* руку приложилъ.» Допросъ подписанъ членами: *Адамомъ Семеновичемъ Столбовскимъ*, *Андреемъ Кандыбою* и *Иваномъ Шкларевичемъ*. 1782 г. іюня 16-го, листовъ 2.

3. Выписка изъ журнала уѣзднаго конотопскаго суда: по сужденію о разбоѣ въ домѣ городничаго. Подписана списывателемъ подканцеляристомъ *Трубницкимъ*. 1782 г. іюня 16-го, листовъ 2.

4. Показанія «неизвѣстнаго малороссійской породы человека,» и пр. та-же надпись, что и № 2. Этотъ колодникъ былъ «*Семень Ивановъ сынъ Носатый*, онъ же и *Курыло*.» За него подписался тотъ же *Трубницкій*, показанія скрѣплены тѣми же тремя членами. 1782 г. іюня 17-го, листовъ 4.

5. Показанія *Семена Тимофѣева сына Мыкитенка* «пойманнаго зчисла разбойниковъ напавшихъ на домъ господина городничаго конотопскаго *Петра Базилевича* и разграбившихъ» и пр. подписавшійся за неграмотнаго и члены скрѣпившіе *тѣ-же*. 1782 г. іюня 17-го, листовъ 8.

6. Показанія разбойника *Никиты Власенка*, присланнаго при рапортѣ отъ конотопскаго земскаго исправника *Андрея Шкларевича*. — «*Власенко* своеручно подписался.» Скрѣпили тѣ-же члены. 1782 г. іюня 23-го, листовъ 6.

7. Показанія Кондрата Григорьева сына *Бардака*, присланнаго отъ того же земскаго исправника. За него подписанъ копіистъ Антонъ *Яремовъ*. Скрѣпили тѣ-же члены. 1782 г. іюля 1-го, листовъ 4.

8. Показанія Семена *Харценка*, присланнаго тѣмъ же исправникомъ; за него подписанъ тотъ же копіистъ; скрѣпили тѣ-же члены. 1782 г. іюля 1-го, листовъ 2.

9. Показанія Ивана Борисова сына *Мошка-Гусака*, присланнаго тѣмъ же исправникомъ. «Мошко-Гусакъ своеручно подписался.» Скрѣпили тѣ-же члены. 1782 г. іюля 1-го, листовъ 2.

10. Показанія Леонтія Тимофѣева сына *Микитенка*, присланнаго тѣмъ же исправникомъ. За него подписанъ подканцеляристъ *Трубицкій*. Скрѣпили тѣ-же члены. 1782 г. іюля 1-го, листовъ 2.

11. Показанія крестьянъ помѣщицы полковницы Марѣи Дмитреевны Мамошовой, недригайловскаго округа, слободы Суховерховки, Тимофѣя Никитина сына *Лесенка*, онъ-же *Литвиненко*, и Петра Назарова сына *Шевченка*. Сняты въ недригайловскомъ уѣздномъ судѣ. За нихъ подписался *Глушенко*. Скрѣпили: *Дергунъ* и въ должности секретаря *Стрѣльченко*. 1782 г. іюня 21-го, листовъ 6.

12. Показанія того же Петра *Шевченка*, въ конотопскомъ судѣ. За него подписался сотенный копіистъ Андрей *Дашенко*. Скрѣпили Адамъ *Стошовскій*, Андрей *Кандыба*, Иванъ *Шкларевичъ*. 1782 г. іюля 4-го, листовъ 4.

13. Показанія Петра Борисова сына *Мошка-Гусака*. Это братъ № 9. Подписанъ по пунктамъ своеручно: «ксему допросу Петро Мошко, онже и Гусакъ, свое ручно подписался.» Скрѣпили тѣ-же, что № 12. Въ припискѣ: «оный колодникъ отослалъ съ дѣломъ о разбоѣ донца Бондарева въ глуховскую нижнюю расправу. Канцеляристъ Василій *Кузюра*.» 1782 г. іюля 5-го, листовъ 2.

14. Показанія посполитаго сотни глуховской, села Будища, оговореннаго Петромъ Шевченко, Василя *Сибиряки*, сдѣланныя въ конотопскомъ судѣ. Подписанъ за него копіистъ Григорій *Парпура*. Скрѣпили тѣ-же, что № 12. — 1782 г. іюля 18-го, листовъ 2.

15. Показанія въ конотопскомъ судѣ о подданныхъ Политики: Григоріѣ и Никитѣ *Закрѣльныхъ*, и о Семенѣ *Харченкѣ*, подданномъ генерала-гевальдигера Левандовскаго, сдѣланныя козаками: Григоріемъ *Ищенкомъ*, Даниломъ *Карпенкомъ*, Яковомъ и Даниломъ *Нычыками*, Иваномъ *Луговымъ*, Иваномъ *Шаповаломъ*, подданнымъ Политики Степаномъ *Мялотою*, козаками Тихономъ, Антономъ и Гавриломъ *Сиромлями*, и кочубейскими подданными: Иваномъ *Мирошникомъ*, Алексѣемъ и Никитою *Ключками*. За всѣхъ и за себя подписался козакъ Иванъ *Шаповаль*. 1782 г. іюля 30-го, листовъ 2.

16. Показанія въ конотопскомъ судѣ о Леонтиѣ и Семенѣ *Никитенкахъ*, сдѣланныя при повальномъ обыскѣ, хмеловскими козаками: *Гуласмъ*; *Жукомъ*; Мпханлъ, Иванъ и Радькомъ *Куриленками*; Григоріемъ, Трофимомъ и Иваномъ *Твердохлибами*; Константиномъ и Романомъ *Никитенками*; Яковымъ *Веригою*; Леонтиемъ *Демою*; Пыльпомъ *Бездидькомъ*; *Пыльпасомъ*; подсудками *Дудкою*, *Домашыченкомъ*, *Льтовченкомъ*, и Кіевопечерской Лавры посполитыми Акимомъ и Борисомъ *Лещенками*; Омельяномъ и Ѳедоромъ *Ивицныками*; да Павломъ *Чепуркомъ*. Бумага сплошь писана и подписана хмеловскимъ козакомъ Прокопомъ *Дукліемъ*. 1782 г. августа 1-го, листовъ 2.

17. Показанія Григорія Демьянова сына *Закрѣльнаго-Глухонда*. Сняты въ присутствіи конотопскаго уѣзднаго суда и глуховской нижней расправы. За колодника подписался канцеляристъ *Герасимовскій*, скрѣпили: Адамъ *Столовскій*, Андрей *Кандыба*, Иванъ *Шкларевичъ*, Григорій *Жураковскій* и Макаръ *Лесенко*. 1782 г. августа 11-го, листовъ 2.

18. Показанія Никиты Корнѣева сына *Закрѣльнаго*; сняты тѣми же двумя присутственными мѣстами; скрѣплены тѣми же членами, подписаны «по персональному и рукоданному прошенію» копійстомъ Григоріемъ *Парпурою*. 1782 г. августа 11-го, листовъ 2.

19. Показанія Григорія Осипова сына, — фамилія не поименована; при тѣхъ же членахъ, подписаны копійстомъ Ѳедоромъ *Скальскимъ* 1782 г. августа 11-го, листовъ 2.

20. Показанія снятыя тѣми же присутствіями съ Агриппины *Бардачки*. За нее подписался Григорій *Порпура*. Скрѣпили тѣ-же 1782 г. августа 11-го листовъ 2.

21. Повальный обыскъ въ слободѣ Тернахъ, Харьк. губ., нынѣ принадлежащей князьямъ Щербатовымъ, учиненный не-дригайловскимъ нижнимъ судомъ. Допрашиваны: *Миرونенко*, *Руденко*, *Недайхлиба*, *Прокопенко*, *Губскій*, *Дамыленко*, *Матузка*, *Коровай*, *Куцовой*, *Бабычъ*, *Спыця* и *Морозенко*. За неграмотныхъ подписались: *Пономаревъ*, *Зайцевъ* и *Блашевъ*, жители того же села Терновъ. 1789 г. августа 11-го, листовъ 4.

22. Показанія Контрата *Бардака* въ конотопскомъ судѣ, при нижней глуховской расправѣ. Скрѣплены лицами № 17. Подписаны за Бардака копѣистомъ *Базилемъ*. 1782 г. августа 13-го, листовъ 2.

23 Показанія Никиты *Власенка*, имъ самимъ подписанныя, скрѣплены тѣми же членами. 1782 г. августа 13-го, листовъ 2.

24. Выписка изъ дѣла о колодникѣ Петрѣ *Гладкомъ*. По содержанию оказывается, что писана въ 1783 году; по ни года, ни числа не выставлено. Подписался собственноручно секретарь новгородъ-сѣверскаго уголовного суда Акимъ *Калиновскій*. Эта бумага писана съ видимымъ бездѣльническимъ умысломъ — покрыть злодѣяніе мерзавцевъ Масалитинова, Аванасьева и другихъ клеветовъ горкушннхъ, во время разбоя Холодовича. Листовъ 4.

25. Выписка изъ журнала палаты уголовного суда, вслѣдствіе предложенія отъ фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, по дѣлу Холодовича и разбоя въ домѣ у него, о горбовскихъ поповичахъ Тарасѣ и Григоріѣ Короткевичахъ, о крестьянахъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Туманскаго, Здоровцахъ и Литвиненкѣ, о слугѣ Холодовича Петрѣ *Гладкомъ* и о помѣщикѣ Путивльскаго уѣзда, прапорщикѣ Иванѣ Масалитиновѣ. Очныя ихъ ставки. Отвѣты присутственнаго мѣста фельдмаршалу на замѣчанія имъ сдѣланныя. Оправданія на счетъ указанныхъ имъ упущеній и несправильностей. Подлинникъ отправленъ къ Ру-

мянцову; а эта копія съ подлиннымъ свѣрена и по листамъ помѣчена протоколистомъ Алексѣемъ *Вилокуровымъ*. 1783 г. декабря 8-го, листовъ 4.

26. Выписка изъ того же журнала о другихъ обстоятельствахъ, по дѣлу тѣхъ же лицъ; помѣченная по листамъ тѣмъ же *Вилокуровымъ*. 1783 г. декабря 7-го, листовъ 2.

27. Отъ новгородъ-сѣверскаго протопopa *Ленковского* въ новгородъ-сѣверскій уголовный судъ увѣдомленіе. Онъ увѣщевалъ Петра Гладкаго показать истину, и передаетъ суду его показанія. 1783 г. декабря 8-го, листовъ 2.

28. Отъ роменскаго городничаго секундъ-маіора *Сегунова* въ роменскій судъ сообщеніе, съ посылкой пойманнаго разбойника *Семена* Ивана сына *Горкуши*, *Устименка* и *Цуна* съ сыномъ; и съ приложеніемъ горкушинаго показанія. 1784 г. февраля 20-го, листовъ 2.

29. Копія съ перваго *горкушинаго* показанія, снятаго въ роменскомъ городническомъ правленіи; за него подписался тамошній копіистъ Пав. *Токаревъ*; копію свѣрилъ съ подлинникомъ секретарь роменскаго уѣзднаго суда Михайло *Селастенниковъ*, скрѣпилъ коллежскій канцеляристъ Васил. *Стояновъ*. Показаніе было снято 1784 года, февраля 17-го, листовъ 12.

30. Второе главное показаніе присланнаго городничимъ *Сегуновымъ Горкуши*.

Допросы были дѣланы февраля 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29 и марта 1-го, приведенъ былъ Горкуша февраля 21-го, въ два часа по полудни въ роменскій судъ, и не смотря на воскресенье, допросы дѣятельно шли. За Горкушу подписалъ по пунктамъ войсковой товарищъ Петръ *Самарскій*. Скрѣпили: судья Іосифъ Марковичъ *Маркевичъ*, засѣдатели: Иванъ Павловичъ *Ласкевичъ* и Григорій Васильевичъ *Косляровскій*. По маржалѣ скрѣплялъ за секретаря коллежскій канцеляристъ Михайло *Селастенниковъ*; внизу, земскаго суда коллежскій канцеляристъ Иванъ *Прасолъ*, уѣзднаго суда канцеляристъ Марко *Магеровскій* и у письменныхъ дѣлъ *Блюводскій*.

Годъ 1784; конецъ допроса былъ марта 1-го, листовъ 22.

31. Копія показаній Артема Яковлева сына *Устименка* въ роменскомъ уѣздномъ судѣ. Свѣрена съ подлинникомъ канцеляристомъ Иваномъ *Зашурою*. Засвидѣтельствована *Селастениковымиъ*. 1784 г. марта 1-го, листовъ 2.

32. Копія съ показаній Матвѣя Яковлева сына *Цуна* и сына его Ильи *Цуна*, въ томъ же судѣ. Тѣми же лицами свѣрена и засвидѣтельствована. Того же дня. Листовъ 2.

33. Копія съ показаній Семена *Харченка*, тамъ же; подписи тѣхъ же лицъ. Того же дня. Листовъ 2.

34. Копія съ показаній подданнаго Евдокіи Маркевичевой, Семена *Хмелька*, онъ-же и кухарь. Въ томъ же судѣ; подписи тѣхъ же лицъ. Того же дня. Листовъ 2.

35 Копія съ показаній подданныхъ роменскаго судьи Юсифа Марковича Маркевича, съ крестьянина Данилы *Крыштала*, жены его *Анны* и дочери *Марты*. Сняты въ томъ же судѣ, внѣ присутствіи судьи. Свѣрена копія тѣми же лицами. Того же дня. Листовъ 4.

36. Копія съ показаній Ивана *Семерненка* и Семена *Логвиненка*, снятыхъ въ томъ же судѣ, шинкарей на ромодановскомъ шляху графа Румянцова-Задунайскаго подданныхъ. Свѣрены и засвидѣтельствованы тѣми же лицами. 1784 г. марта 3-го, листовъ 4.

37. Копія съ показаній крестьянъ деревни Туркеновки, графа Румянцова-Задунайскаго, Данилы *Мирошныка*, жены его *Мары* и Ивана *Печая*. Сняты въ томъ же судѣ; свѣрены тѣми же лицами. Эти показатели, равно какъ и предыдущіе, «оправдались присягою.» Но это крестьяне Румянцова, намѣстника, генераль-губернатора малороссійскаго; любопытны эти слова: «Дать онымъ Мѣрочныку и его женѣ и Не-«чаю въ томъ, что они съ разбойникомъ Гаркушею, и его «товарыщами никакой дружбы и знакомства не имѣли; о его «злодѣянїяхъ и ремеслѣ и послѣдовавшихъ объ немъ приго-«ворахъ никакихъ не знали; а ни знаковъ на немъ учиненныхъ «при отправкѣ въ каторгу не примѣтили; и въ даръ отъ него «рубль и сапоги съ нихъ *Марья* получила не въ залогъ какой «дружбы значащей свободное и впредь пристанище. А по тако-«вой присягѣ признавъ оныхъ очищенными отпустить въ домъ

«ихъ, въ слободу Туркеновку, во владѣніе его сіятельства «графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго.» — Не нападайте на предковъ нашихъ! и сегодня дѣлается то-же. И всегда будетъ то-же, покуда гласности не будетъ. А въдѣ какая отъ этого польза государю, Россіи и православію! нѣтъ! мнѣ кажется, тому не слѣдуетъ произносить эти три священныя слова, кто любить судъ за угломъ.

Допросъ былъ 1784 г. марта 5-го, листовъ 4.

38. Копія съ показаній запорожца Ивана *Чорнухи* и подданнаго полковницы Разумовской Ивана *Писаренка*, присланныхъ нѣжинскимъ исправникомъ *Жиравскимъ*. Сняты въ роменскомъ же судѣ; тѣми же лицами свѣрена копія. 1784 г. марта 6-го, листовъ 2.

Примѣчаніе: Восемь номеровъ, отъ 31-го по 38-й включительно, препровождены были въ копіяхъ въ уголовный судъ и доставлены дѣду моему Осипомъ Григорьевичемъ Туманскимъ. Подлинники должны быть въ роменскомъ уѣздномъ судѣ.

39. Показанія Ивана *Лосенка*, *Лесенка* его же и *Щербатого*. Сняты въ уѣздномъ роменскомъ судѣ. Подписался за него генеральной артиллеріи канцеляристъ Андрей *Римаревъ*. Скрѣпили судья Іосифъ *Маркевичъ*, засѣдатели Иванъ *Ласкевичъ* и Григорій *Косяровский*, за секретаря *Селастенникъ*, канцеляристъ Марко *Магеровскій*. 1854 г. марта 15-го, листовъ 8.

40. Копія съ предъидущаго подлинника, свѣренная регистраторомъ *Стефановичемъ*. Листовъ 6. Эта чотче писано и, кажется, потому была сбережена при подлинникѣ.

41. Показанія Петра *Тарасенка* сняты въ уѣздномъ лухвицкомъ судѣ. Скрѣпили: судья Иванъ Антоновичъ *Гокало*, засѣдатели секундъ-маіоръ князь Егоръ *Асизмановъ* и бунчуковый товарищъ Иванъ Осиповичъ *Гамалей*. 1784 г. марта 19-го, 20-го и 21-го, листовъ 16.

42. Показанія Романа *Босенка*, сняты въ томъ же судѣ; скрѣпленные тѣми же лицами, да подхоружимъ Иваномъ *Ковалевскимъ*, *Бьловодскимъ*, *Друковымъ*. 1784 г. марта 21-го 22-го и 23-го, листовъ 24.

43. Выписка «принадлежащаго до Новгородъ-Сѣверской губерніи.» Добавочныя обстоятельства къ № 42, къ пунктамъ 6, 7 и 11. Выписывалъ канцеляристъ лохвицкаго уѣзднаго суда Власть *Шкаруна*. Подписалъ Иванъ *Ковалевскій*. 1784 г. марта 21-го 22-го и 23-го, листовъ 4.

44. Два добавочныхъ показанія: одно Романа *Босенка*, другое Петра *Тарасенка*. Сняты въ лохвицкомъ судѣ, скрѣплены каждое порознь: *Гокаломъ*, *Асихмановымъ* и *Гамальею* См. № 41. — 1784 г. апрѣля 15-го, листовъ 3.

45. Дополнительныя показанія самага *Горкути*. Сняты въ роменскомъ уѣздномъ судѣ. Подписался за Горкушу *Стояновъ*. Скрѣпили: судья Юсифъ Марковичъ *Маркевичъ*, засѣдатели: *Ласкевичъ* и *Косяровский* и въ должности секретаря *Селастенникъ*. 1784 г. апрѣля 24-го, листовъ 4.

45. Очныя ставки Алексѣя и сына его Самсона *Литвиновъ*, данныя имъ въ лохвицкомъ уѣздномъ судѣ съ Романомъ *Босенкомъ*. Подписались: *Гокало* и князь *Асихмановъ*. 1784 г. мая 3-го, листовъ 2.

47. Очныя ставки данныя жителю села Пашковки, что подъ Нѣжиномъ, Ивану *Усатому*, ему же *Чорнухъ*, съ Романомъ *Босенкомъ* и Петромъ *Тарасенкомъ*. Подписались тѣ-же. 1784 г. мая 3-го, листъ 1.

48. Выписка изъ журнала: о приѣмѣ въ лохвицкій судъ изъ нѣжинскаго Ивана *Усатого*, его же *Чорнухи*. Взята 1784 г. мая 3-го, листъ 1.

49. Очныя ставки *Горкушъ* съ его товарищами: *Босенкомъ*, *Тарасенкомъ* и *Щербатымъ* въ черниговскомъ верхнемъ земскомъ судѣ имъ данныя. За нихъ подписался *Цимбалыстовъ*. Скрѣпилъ показанія засѣдатель земскаго суда Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ *Бабарыковъ*. 1784 г. іюня 21-го, листовъ 4.

50. Выписка изъ допросовъ дѣланныхъ Петру *Гладкому* и *Горкушъ* съ его товарищами, по дѣлу Холодовича. Свѣрять титулярный совѣтникъ Акимъ *Калиновскій*. 1785 г. февраля 11-го, листовъ 10.

51. Копія съ показаній Кирилла *Пащенко* въ прилуцкомъ уѣздномъ судѣ. Свѣрjali съ подлиннымъ: въ должности секретаря полковой писарь Петръ *Кеценко*, и сотенный ата-

манъ Терентій *Мищенко*. Подлинныя были скрѣплены: судьей Петромъ *Милородовичемъ* и засѣдателямъ Семеномъ *Горленкомъ*. 1785 г. февраля 7-го, листовъ 2.

52. Показанія Петра *Гладкаго* въ новгородъ-сѣверской палатѣ уголовного суда. Безъ скрѣпъ. 1785 г. февраля 12-го, листовъ 2.

53. Копія съ показаній данныхъ *Горкушею* и Кирилломъ *Пащенкомъ*, онъ же и *Стягаило*, на очныхъ ставкахъ въ черниговской уголовной палатѣ. Февраля 21-го, 1785 г., листовъ 4.

54. Показанія *Судиловскаго*, онъ же и *Звѣревъ*, данные подъ священническимъ увѣщаніемъ, въ глуховской нижней расправѣ. Показанія подписалъ самъ *Судиловскій* своеручно. Скрѣпили: священникъ Веригинской Рожественской церкви *Данилъ Черныльскій*, расправный судья бунчуковый товарищъ Александръ *Славскій*, члены Мина *Лобанъ* и Данило *Шкиль*. 1785 г. апрѣля 9-го, листовъ 2.

55. Добавочныя показанія *Горкуши* и *Босенка* для сличенія съ показаніями *Гладкаго*, снятыя и скрѣплены повгородъ-сѣверскимъ городничимъ, секундъ-маіоромъ Петромъ Григорьевичемъ *Иваненкомъ* и членами Юсифомъ *Туманскимъ* и Антономъ *Гайворонскимъ*. За неграмотныхъ подписался Авскультантъ Иванъ *Имшенецкій*. 1785 г. іюня 5-го, листовъ 2.

56. Копія съ копій. Прошеніе бригадира, вице-губернатора екатеринославскаго намѣстничества и кавалера Андрея Никитина сына *Воинова*. Жалоба на разбойниковъ напавшихъ на его домъ, что въ Хоролѣ, описаніе всего происшествія, исчисленіе грабежа. Съ подлиннымъ прошеніемъ свѣрялъ прапорщикъ Петръ *Волчанецкій*. 1785 г. іюль, листовъ 8.

57. Опись имуществу колодниковъ Кондрата *Бардака* и Семена *Никитенка*, находящемуся въ уѣздномъ конотопскомъ судѣ. Составляли, оцѣнку производили и подписывались: войсковый товарищъ Павелъ *Прошковскій* и регистраторъ Петръ *Чермуховскій*. 1782 г. сентября 29-го, листовъ 2.

58. Открытое предписаніе отправленному изъ нѣжинскаго уѣзднаго суда въ лохвицкій, пристанодержателю Горкуши Ивану *Горбаню*, ему же *Чорнухъ*, и его конвойнымъ, съ требованіемъ охранительной стражи, квартиръ, корму и подводъ по дорогѣ. Дано 1784 г. апрѣля 26-го за № 286, за подписями: уѣзднаго судьи, бунчуковаго товарища Степана *Левицкаго*; засѣдателя, капитана Ивана *Тарасевича*; расправнаго судьи, бунчуковаго товарища Сидора *Армашевскаго*; въ должности расправнаго секретаря, войсковаго товарища Кюдрата *Бажанова*; и канцеляриста Аванасія *Лосота*. На слѣдующемъ листѣ выписка изъ журнала составленнаго лохвицкимъ судомъ, при полученіи колодника, мая 3-го дня 1784 г., свѣрена съ журналомъ *Друковымъ*. Печать нѣжинскаго уѣзднаго суда очень хорошо сохранилась; листовъ 2.

59. Открытое предписаніе отправленному изъ харьковскаго намѣстническаго правленія въ черниговскую уголовную палату Артему *Королесову* и его конвойнымъ, отъ Недригайлова до Чернигова, данное 1785 года мая 20-го, за № 10,393. За подписями совѣтника Петра *Чернова*, секретаря *Кривобокова* и регистратора Петра *Навроцкаго*. Печать отлѣпилась, и на мѣстѣ осталось круглое красное жирное пятно; листовъ 2.

60. Открытое предписаніе отправленнымъ изъ уѣзднаго суда роменскаго въ лохвицкій колодникамъ Алексѣю и сыну его Самсону *Литвинамъ*, съ ихъ конвойными. Дано 1784 г. апрѣля 24-го за № 362, за подписями Григорія *Косяровскаго*, Михайлы *Селастенника* и Андрея *Римарева*. На слѣдующемъ листѣ выписка изъ журнала составленнаго при приѣмѣ колодника въ лохвицкомъ судѣ, за подписями: въ должности секретаря Ивана *Ковалевскаго* и въ должности канцеляриста Тимофѣя *Друкова*. Печать роменскаго суда превосходно сохранилась, листовъ 2.

61. Фальшивый билетъ: Азовской губерніи, павлоградскаго уѣзда, «Осударевой слободы Михайловки» жителю Ивану *Чумаченку* съ товарищемъ Антономъ *Медведенкомъ*. Билетъ данъ въ павлоградской воеводской канцеляріи, февраля 27-го

1782 г., за подписью капитана Степана *Вяликова*, прапорщика *Василія Роменскаго* и канцеляриста Пантелеймона *Великодамова*. Эти чиновники дѣйствительно тогда служили при лавлоградскомъ воеводѣ, коллежскомъ ассессорѣ *Акимѣ Ивановичѣ Бяльцевѣ*, Вяляковъ былъ казначеемъ, а Роменскій секретаремъ. Всѣ три подписи имѣютъ различный почеркъ. Слѣдуетъ оговорка: «за подписаніемъ и приложеніемъ по «неимѣнію казенной печати собственной запечатанъ.» И печать приложена съ птицею несущою въ клюву пакетъ. Паспортъ былъ въ небольшомъ употребленіи, онъ совершенно чистъ, листъ 1.

62. Фальшивый паспортъ *Никитѣ Власенку*, той же губерніи, той же слободы, только не «Осударевой», а войсковою, жителю. Этотъ подписанъ *Бяльцевымъ*, *Роменскимъ* и *Великодимовымъ*. Роменскаго подпись очень ловко поддѣлана подъ ту, что въ № 61, но Великодимова обличаетъ мошенничество: никакого сходства одна съ другою. Печать то-же оговорена: вмѣсто казенной какой-то фантастическій вензель. Этотъ паспортъ былъ въ большомъ употребленіи, онъ по карманамъ засалился и углы протерлись. 1782 г. мая 14-го, листовъ 2.

63. Опись и оцѣнка вещей пограбленныхъ въ домѣ конотопскаго городничаго Петра Васильевича *Базилевича*. При описи и оцѣнкѣ были и подписались: возный Семень *Таранскій*, войсковый товарищъ *Василій Ар... (?) щевскій*, и ратманъ Степанъ *Езучевскій*. 1782 г. іюня 21-го, листовъ 2.

64. Опись имѣнія козака *Кондрата Бардака* «зоблычившагося въ пристанодержательствѣ разбойника Горкуши.» Эта копія, которую «сводилъ» съ подлинникомъ *Дергуиъ* и потомъ сличалъ «у дѣлъ земскаго конотопскаго суда находящійся писарь сотенный *Іаковъ Семеренко*.» 1782 г. іюля 1-го, листовъ 2.

65. Опись имущества *Семена* и *Леонтія Никитенковъ*, въ хуторѣ, подъ мѣстечкомъ роменскаго уѣзда *Хмеловымъ*. Подписана земскимъ исправникомъ *Шкларевичемъ*. 1782 г. іюля 14-го, листъ 1.

66. Опись вещей заграбленныхъ разбойниками въ домѣ

конотопскаго городничаго *Базилевича*, пмѣ самимъ составленная и подписанная. 1782 г. іюля (?) дня, листовъ 2.

67. Опись имущества найденнаго у Романа *Босенка* и Петра *Тарасенка*. Копія засвидѣтельствованная канцеляристомъ *Еленинымъ*, листовъ 2.

68. Реэстръ имущества заграбленнаго разбойниками въ домъ полковаго судьи *Ивана Левичаго*. Копія свѣренная съ подлинникомъ канцеляристомъ Карпомъ *Нужновымъ*. 1783 г. августа 26-го, листовъ 2.

69. «Реэстръ деньгамъ и вещамъ въ еврея шпикующаго волости Почеповской, Куйневскаго диспененства, Орлыка *Катлибовыча*, разбойниками побратымъ.» Свѣрля съ подлиннымъ *Нужново*. 1784 г. марта 13-го, листовъ 2.

70. Реэстръ о уворованныхъ церкви Покровъ Богоматери Тавкачовской сосудовъ, и пр. Копія свѣренная *Нужновымъ*. 1784 г. генваря 23-го, листовъ 2.

Всѣхъ листовъ 272.

Разрядъ 2-й. Экстракты.

1. Изъ дѣла о разбойникахъ напавшихъ на домъ городничаго конотопскаго Петра *Базилевича*, и разграбившихъ на нѣсколько тысячъ движимаго имѣнія и денегъ; о пристаподержателяхъ и оговоренныхъ; повгородъ-сѣверскаго намѣстничества въ уѣздномъ конотопскомъ судѣ учиненъ 1782 г. октября 12-го дня. Скрѣпили по листамъ: протоколисть Андрей *Дергунъ* и войсковою товарищъ Григорій *Волховскій*, листовъ 46.

2. Экстрактъ изъ дѣла о колодникахъ; служителѣ бунчуковаго товарища Матвѣя *Холодовича*, Петрѣ *Гладкомъ*; приличившемся въ припятіи отъ разбойниковъ, разграбившихъ домъ господина его, съ пограбленныхъ денегъ, и о оговоренныхъ отъ него въ бытіи, яко-бы, на томъ разбой *Короткевичихъ*, *Здоровцахъ*, Гаврилѣ *Литвиненкѣ* и прапорщикѣ *Масалитиновѣ*. Составлялъ Александръ *Анненковъ*, скрѣпилъ по листамъ полковой писарь Акимъ *Калиновскій*. Число не выставлено. Листовъ 18.

3. Экстрактъ изъ дѣла о каторжномъ разбойникѣ, Семѣнѣ Ивановѣ сынѣ *Горкушѣ*, два раза за прежніе злодѣянія, вмѣсто смертной казни, въ вѣчную ссылку, въ томъ числѣ послѣдній разъ, съ положеніемъ указныхъ знаковъ, и съ учиненіемъ наказанія кнутомъ, сужденному, и отъ толь бѣжавшему; а сего 1784 года, февраля 17 числа въ Ромнѣ словленному, и въ поступленіи съ нимъ по законамъ, съ снятыиъ съ него городничимъ роменскимъ, секундъ-маіоромъ Селуновымъ, о злодѣяніяхъ его допросомъ, въ сей судъ при сообщеніи присланному, и за тѣмъ по сообщеніи его жъ къ нему для отсылки его, куда указомъ ему повелѣно отправленному; а 3 числа сего апрѣля, при указѣ изъ черниговскаго намѣстническаго правленія въ сей судъ къ осужденію возвращенному; въ уѣздномъ роменскомъ судѣ апрѣля 25 числа, 1784 года учиненный. Подписанъ судьей Іосифомъ *Маркевичемъ*, засѣдателями: Иваномъ *Ласкевичемъ* и Григоріемъ *Косяровскимъ*; скрѣпилъ по листамъ *Селастенникъ*. Листовъ 24.

4. Экстрактъ изъ дѣла о колодникѣ 24 лѣтъ, подданномъ бунчуковаго товарища Петра Федорова сына Лукьяновича, жительствовавшаго роменскаго уѣзда въ селѣ Проціовкѣ, во владѣніи онаго Лукьяновича, Иванѣ Григорьевѣ сынѣ *Щербатомъ*, онъ же назывался *Льскимъ* и *Полосенкомъ*; сысканномъ въ уѣздный роменскій судъ, по оговору его каторжнымъ разбойникомъ, Семеномъ Горкушею, въ совмѣстныхъ съ нимъ злодѣяніяхъ. Учinenъ въ уѣздномъ роменскомъ судѣ 1784 года, марта 20-го дня. За подписями *Маркевича*, *Ласкевича*, *Косяровскаго*, *Селастенника* и *Магеровскаго*. Листовъ 4.

5. Экстрактъ изъ дѣла, произведеннаго и рѣшеннаго въ уѣздномъ лохвицкомъ судѣ о ворахъ и разбойникахъ Петру *Дроботу*, онъ же и *Тарасенко* и *Бондаренко*, и о Роману *Босенку*, за разнопочиненные ими разбой, грабительства и воровства. Сочиненъ 1784 году, мая 6 дня. По листамъ скрѣпили: верхняго земскаго суда коллежскій канцеляристъ Иванъ *Прасолъ* и уѣзднаго лохвицкаго суда въ должности канцеляриста Тимофей *Друковъ*, подписали экстрактъ: Иванъ *Гокало* и князь Егоръ *Асизмовановъ*. По маржамъ скрѣпили: въ должности секретаря, лохвицкаго уѣзднаго суда, полковой хо-

рунжіи Иванъ *Ковалевскій*, и въ должности секретаря верхняго земскаго черниговскаго суда, войсковою товарищъ Иванъ *Бѣловодскій*. По пунктамъ подписано: «къ сему экстракту «воры и разбойники, Петро Тарасенко и Романъ Босенко, «подписались; а за ихъ неграмотныхъ, уѣзднаго лохвицкаго «суда канцеляристъ Иванъ *Костенко* руку приложилъ.» Листовъ 88.

6. Экстрактъ изъ дѣла о колодникахъ восьми человекѣхъ, подданныхъ коллежскаго совѣтника Сергѣя Мамонова, курскаго намѣстничества, уѣзда недригайловскаго, села Терновъ жителѣ Петрѣ *Шевченкѣ*; козакѣ уѣзда конотопскаго, сотни хмеліовской, Семенѣ *Пикитенкѣ*; вышедшемъ изъ Польши, изъ мѣстечка Злобина, Никитѣ *Власенкѣ*; жительствовавшихъ недригайловскаго уѣзда, въ слободѣ Недригайловкѣ, во владѣніи полковницы Мамоновой, Тимофѣй *Лесенкѣ*, онъ же и *Пухлый*, да Максимѣ *Высочиненкѣ*, грабившихъ прошлаго 1782 года съ бѣглецами изъ вѣчной ссылки, находившимися нынѣ въ бѣгахъ разбойниками: Семеномъ Горкушею, Яковомъ Трофимовичемъ и убитымъ, при поимкѣ ихъ козачьею командою, Федоромъ Лохвицкимъ, онъ же и Зміенко, домъ конотопскаго городничаго Базилевича: да о пристаподержателяхъ разбойника Горкуши, и товарищей его, козакѣ сотни смѣлянкой, Кондратѣ *Бардакѣ* и женѣ его *Агриппинѣ*; и имѣвшемъ съ Горкушею и товарищами его обращеніе, и принимавшемъ деньги Терентіѣ *Корольсѣ*. Безъ даты и безъ подписей. Листовъ 4.

Всѣхъ листовъ 184.

Разрядъ 3-й. Судъ и приговоръ.

1. Орденъ конотопскому уѣздному суду. Выговоръ и замѣчаніе объ упущеніяхъ. Отъ іюля 26-го дня 1782 года, изъ Вишенскъ. Подписано: *гр. Румянцовъ-Задунайскій*. Листовъ 2.

2. Судъ надъ девятнадцатью колодниками, товарищами, и причастными къ дѣлу Горкуши, а именно:

1. Кондратъ *Бардакѣ*; 2. Жена его *Агриппина*; 3. Петрѣ *Шевченко*; 4. Тимофѣй *Лесенко*, онъ же *Литвиненко* и *Пухлый*; 5. Максимъ *Высочиненко*, онъ же *Сиренко*; 6. Семенъ *Микитенко*; 7. Никита *Власенко*; 8. Терентій *Корольсѣ*; 9. Иванъ

Мошко, онъ же и *Гусакъ*; 10. *Леонтій Микитенко*; 11. *Григорій Токманъ*; 12. *Семень Харченко*; 13. *Григорій Закрыльный*; 14. *Никита Закрыльный*; 15. *Василій Опимахъ*; 16. *Дмитрій Манникленко*; 17. *Марья Лесенкова*; 18. *Василій Сибиряка*; 19. *Афонасій Гавриленко*. Судъ былъ въ конотопскомъ уѣздномъ судѣ обще съ магистратомъ. Подлинникъ отправленъ въ новгородъ-сѣверскій верхній земскій судъ. Копію свѣрять *Григорій Вольховскій*. 1783, генваря 20-го дня. Листовъ 24.

3. Судъ надъ *Никифоромъ Гавымыъ*, *Максимомъ Грушкою* и женою его *Еленою Грушкою*, крестьянахъ Скоропадскаго, пристанодержателяхъ Горкуши, въ хуторѣ подъ Бѣлыми-Межами, уѣзда Борзенскаго. Произнесенъ въ Роменскомъ уѣздовотъ судѣ 1784 года марта 8-го дня. Копія засвидѣтельствованная *Селастенникомъ* и *Зашурою*. Листовъ 14.

4. Судъ надъ *Тарасенкомъ* и *Босенкомъ*. Произнесенъ въ лохвицкомъ уѣздномъ судѣ, подписанъ судьей *Иваномъ Гожаломъ*, и засѣдателемъ княземъ *Егоромъ Асихмовановымъ*. Скрѣпленъ по маржамъ и по листамъ: *Бѣловодскимъ*, *Ковалевскимъ* и *Друковымъ*. Подписанъ и приведенъ въ исполненіе 1784 года мая 10-го дня. Листовъ 104.

5. Изъ новгородъ-сѣверскаго намѣстническаго правленія въ палату черниговскую уголовнаго суда сообщеніе съ требованьемъ добавочныхъ поясненій по дѣлу *Холодовича*. Отъ марта 7-го дня 1785 года. Подписалъ *Василій Кочубей*. Скрѣпиль *Марко Голубовскій*. Листовъ 2.

6. Копія съ ордера графа *Румянцова*, въ палату уголовнаго суда, намѣстничества новгородъ-сѣверскаго. Отъ августа 7-го дня 1785 года. Свѣрять съ подлинникомъ коллежскій протоколистъ *Григорій Богаевскій*. Листовъ 2.

7. Судъ надъ *Гладкимъ* произнесенъ августа 10-го дня 1785 года въ новгородъ-сѣверской уголовной палатѣ. Копія свѣрена съ подлинникомъ *Алексѣемъ Винокуровымъ*. Листовъ 12.

Всѣхъ листовъ 160.

Итого въ трехъ разрядахъ 83 бумаги, 616 листовъ. Изъ нихъ копія: разряда 1-го, N° 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 16*

38, 40, 51, 53 и 56; разряда 3-го, № 2, 3, 6 и 7. Всѣхъ копій семнадцать; но эти копіи также достовѣрны и драгоцѣнны, какъ и подлинники, ибо онѣ одновременны съ подлинниками и тогда же засвидѣтельствованы присутственными мѣстами.

Остальныя шестьдесятъ шесть бумагъ, всѣ безъ изыятія *подлинники*; печати и подписи вездѣ превосходно сохранены.

НИКОЛАЙ МАРКЕВИЧЪ.

ЖИНИЦА.

Утромъ, лишь только зарею багровою
Сонный востокъ заалѣетъ,
Только лишь свѣжестью утра здоровою
Изъ гѣсу влажно повѣетъ,

Только за мушкой, по звуку примѣтною
Вылетитъ чуткая птица, —
Съ жаркой молитвой, тропю завѣтною
Выйдешь ты на поле, жница.

Все бъ я глядѣлъ, какъ рукою ты ловкою
Рожь у корней подрѣзаешь,
Какъ на серпѣ надъ румяной головкою
Бережно снопъ поднимаешь;

Все бы глядѣлъ я, какъ съ пѣснею звонкою
Жнешь ты подъ солнечнымъ жаромъ, —
Парень прохожій на жницу, сторбнкою, —
Вѣрь, — заглядится не даромъ!...

Выйди жъ: тамъ колосъ давно нагибается
Тихо надъ жаркой землею,
Словно, тебя поджидая, склоняется
Самъ предъ твоей красотою.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

1857.

СОВРЕМЕННЫМЪ ПИСАТЕЛЯМЪ.

Наши цензоры и судьи,
Вы насъ гоните вездѣ;
Что же, судьи, правосудья
И на вашемъ нѣтъ судѣ?
Лишь на насъ, судьбой забытыхъ,
Поднята у васъ рука;
Эхъ, ребята, бить убитыхъ
Честь ей-ей не велика.
Васъ послушать, такъ виновникъ
Всѣхъ въ отечествѣ невзгодъ
Только онъ, бѣднякъ-чиновникъ,
Право, странный вы народъ!
Исправлять вы насъ хотите,
Да берётесь не тутъ.

.....
.....

Въ приговорѣ вашемъ строгомъ
Мы преступны, мы беремъ.
Да, повинны мы предъ Богомъ
И предъ батюшкой царемъ;
Сознаемъ чистосердечно,
Согрѣшили мы ему.
Да, повинны мы конечно;
Но повинны потому,
Что въ трескучіе морозы,
Въ нестопленномъ углу
Выжимаетъ холодъ слезы,
Плачутъ дѣти на-полу.
Намъ проклятьемъ вы гремите,
Стали притчей мы у васъ,

Что-жъ вы, братцы, не хотите
 Приподнять немного глазъ?
 Къ намъ вы строги, будьте жъ правы.
 Тамъ по выше, господа,
 Не святѣ нашихъ нравы,
 Поглядите-ка туда.

.....

Нашимъ вмѣстѣ всѣмъ проказамъ
 Не сравняться, можетъ-быть,
 Что иной тамъ баринъ разомъ
 Соизволить подцѣпить.
 Если нашъ братъ взялъ полтину,
 Такъ, ей Богу, потому,
 Что подметки нужны сыну,
 И что негдѣ взять ему.
 Тамъ, вверху, не то, не голодъ,
 Побуждаетъ, не бѣда;
 Тамъ не терпятъ въ зиму холодъ,
 Не грызетъ ихъ тамъ нужда;
 Тамъ о дѣтяхъ нѣтъ томленья,
 Всякій знаетъ напередъ,
 Что ихъ всѣхъ по заведеньямъ
 На казенный примутъ счетъ;
 Тамъ есть все, чего хотите,
 Блага всякія рѣкой
 Льются къ нимъ, а посмотрите,
 Что тамъ дѣлаютъ съ казной;
 Какъ изъ службы государя
 Выжимается доходъ,
 Чтобъ, нарядомъ дочка Варя
 Удивила весь народъ,
 Чтобъ слетать въ чужіе края,
 Чтобы дань свезти въ Парижъ,
 Чтобъ держать лаксеевъ стаи
 На служебный свой барышъ.
 Чтобы англійскому клубу
 Заплатить сполна оброкъ,
 Чтобы тысячную шубу
 Подарить мамзель Делокъ,
 Интереснѣйшей дѣвицѣ,
 Съ парой миленькихъ дѣтей,

Что пѣвала за-границей,
По кофейнымъ у дверей.
Вотъ гдѣ зло; но вы молчите,
Но вы строги только тамъ,
Гдѣ ничѣмъ не повредите
Вашимъ крошечнымъ дѣламъ,
Гдѣ протекціи безсильны,
Гдѣ мѣстечекъ нѣтъ въ виду,
Чьи обѣды не обильны,
Съ кѣмъ нѣтъ пользы быть въ ладу.
Вмѣстѣ Богу и мамонѣ
Вамъ хотѣлось бы служить;
Не кричите жъ о законѣ,
Не отучите грѣшить.
Къ дѣлу правды, нашей братьи,
Не возвать вамъ никого,
Если такъ лицепріятешъ
Вы позорите его.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

1857.

ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ и ФЕДОРЪ ФЕДОРЫЧЪ.

Homo sum, et nihil humanum mihi alienum
preto!

Вскорѣ послѣ моего приѣзда въ К. заводъ *), я однажды изъ любопытства зашелъ въ заводскую больницу. Въ одной изъ палатъ ея, со мною встрѣтился человѣкъ лѣтъ 70-ти, съ высокимъ, немного сгорбленнымъ, станомъ и огромными черными съ просѣдью усами. Выраженіе лица этого чело-вѣка было въ очевидномъ раздорѣ съ ласковою улыбкою, которою онъ привѣтствовалъ меня: черные глаза какъ-то дико выглядывали изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, сведенныхъ у корня носа и поперекъ перерѣзанныхъ глубокою морщиною. Тонкія губы закрытыя густыми усами, и въ обыкновенномъ состояніи, были сжаты, какъ будто выражая угрозу, чему впрочемъ нѣсколько способствовалъ и недоста-токъ зубовъ. — Лѣсъ черныхъ съ просѣдью волосъ, небрежно причесанныхъ, еще не начиналъ рѣдѣть: онъ придавалъ болѣе рѣзкости и безъ того жесткимъ чертамъ худаго, жел-таго лица.

Незнакомецъ былъ одѣтъ въ казакинъ изъ толстаго темносиняго сукна, подбитый мерлушками; длинныя, кривыя ноги его болтались въ старенькихъ пимахъ, обшитыхъ кожею.

*) См. рассказъ: «Аннушка», помѣщенный въ Иллюстраціи за 1858 годъ №№ 23 и 24.

— Я — смотритель больницы! сказалъ онъ, раскланиваясь съ видомъ человѣка, сознающаго свое достоинство.

— А! очень радъ познакомиться! сказалъ я: — а я пришелъ полюбопытствовать, взглянуть на подвѣдомственную вамъ лечебницу, и потому....

— Больница подвѣдомственна только г. лекарю и г. смотрителю завода! сказалъ, прерывая меня, мой собесѣдникъ: Здѣсь особаго смотрителя отъ казны не полагается! Я просто рабочій, изъ несчастныхъ.... былъ маіоромъ въ отставкѣ.... Собирался покойно остатокъ дней провести въ наследственномъ имѣніи, но... Богъ, вотъ, какъ присудилъ... Его святая всевышняя воля...

При этихъ словахъ старикъ перекрестился и взглянулъ въ уголь, въ которомъ висѣлъ, едва замѣтный для глаза, мѣдный литой образъ.

Не смотря на этотъ умильный оборотъ рѣчи, черты лица бывшаго маіора нисколько не потеряли своего прежняго, жосткаго выраженія.

— Давно вы уже здѣсь? спросилъ я, не зная какъ продолжать разговоръ, который начиналъ интересоваться меня.

— Да! лѣтъ двѣнадцать — безъ малаго! отвѣчалъ маіоръ. Ну и натерпѣлся же я горя... Спасибо еще г. лекарю... добрый человѣкъ... Года три тому, упробилъ г. смотрителя дать старику поспокойнѣе мѣстечко .. вотъ и назначили меня въ больничные смотрителя.... Хоть то-же не Богъ знаетъ, что за благодать: отвѣтственности пропасть, а жалованья, всего-на-все, два рубля серебромъ... Впрочемъ и за то пошли имъ, Господи, всего добраго... Живу на кухнѣ... уголь теплый... пища отъ больницы... Ну, знаете: какъ быть въ нашемъ несчастномъ положеніи?

— Позвольте узнать ваше имя и отчество...

— Хфедоръ Хфедоровичъ Б—овскій къ вашимъ услугамъ! А васъ позвольте спросить, какъ величаютъ?

Я удовлетворилъ его любопытству и, передъ уходомъ, просилъ его навѣщать меня.

Съ этого дня Б—овскій сдѣлался моимъ, почти ежедневнымъ, утреннимъ гостемъ. Мы обыкновенно вмѣстѣ пили чай и бесѣдовали о заводскихъ новостяхъ. Не смотря на

такое наружное сближеніе, сердце у меня не лежало къ моему мрачному собесѣднику. Причиною могла быть отчасти и скрытность Б—овскаго, который въ разговорахъ со мною, всегда пзбѣгалъ воспоминаній о своемъ прошедшемъ, и тѣмъ мучилъ мое любопытство и возбуждалъ во мнѣ подозрѣнія.

Федоръ Федорычъ много молился, часто упоминалъ имя Божіе, строго соблюдалъ всѣ посты, даже подъ рукою распустилъ слухъ, что носить подъ одеждою тяжелый желѣзный обручъ, въ видѣ пояса. Но, съ другой стороны, онъ почти ни о комъ, за исключеніемъ начальства, хорошо не отзывался. Начальниковъ своихъ онъ всегда расхваливалъ, но какимъ-то особеннымъ, почти враждебнымъ тономъ.

Однажды я спросилъ Б—овскаго, нѣтъ ли въ заводѣ кромѣ его и извѣстнаго уже мнѣ Г—нскаго еще разжалованныхъ изъ дворянъ.

— Какъ не быть! отвѣчалъ онъ. Да, какіе это дворяне? Одинъ-то изъ нихъ, Иванъ Ивановичъ Р—новъ, помѣщикомъ былъ; говоритъ, что въ кавалеріи, въ гусарахъ, поручикомъ служилъ... Ну, да кто его знаетъ? Приврать очень любить... Разъ такъ, другой разъ, про то-же, совсѣмъ иначе рассказываетъ... Да и что въ немъ, что дворяниномъ былъ, коли теперь хуже послѣдняго, такъ-сказать, рабочаго себя ведетъ... Напьетса, валяется по улицамъ, дерется съ другими варнаками... Тащутъ его на гауптвахту.... Разъ даже драть хотѣли, да ужъ, ради старости и немощи, пощадѣли.

— Такъ ужъ онъ старъ? спросилъ я.

— Да лѣтъ шестидесяти, увѣряетъ... Вретъ, кажется, хвастаетъ.... Ему, можетъ быть, лѣтъ пятьдесятъ пять, ни какъ не больше!....

На этомъ разговоръ нашъ былъ прерванъ больничнымъ сторожемъ, который для какого-то дѣла отозвалъ Б—овскаго.

Однажды, прикованный болѣзнью къ комнатѣ, я сидѣлъ за книгою: шорохъ у дверей заставилъ меня поднять голову.

Въ полуотворенную половинку, бокомъ вступала какая то фигура страннаго вида. Протиснувшись такимъ образомъ, фигура, съ низкимъ поклономъ, остановилась у порога, и на мой вопрошающій взглядъ отвѣчала съ видомъ замѣшательства:

— Честь имѣю рекомендоваться, Иванъ Ивановичъ Р—новъ: поручикъ Н—скаго гусарскаго полка.... По несчастію рѣшенъ въ Сибирь.... Извините, что беспокою васъ....

— Я слышалъ о васъ, Иванъ Ивановичъ! сказалъ я: — очень радъ познакомиться... Прошу поближе... садитесь, Иванъ Ивановичъ!

Фигура нерѣшительно присѣла на край стула и сказала:

— Читать изволили! я помѣшалъ...

Иванъ Ивановичъ Р—новъ былъ человѣкъ лѣтъ подь шестьдесятъ, средняго роста, съ довольно замѣтнымъ брюшкомъ, полнымъ добродушнымъ лицомъ, покрытымъ безчисленными мелкими складочками, съ огромною лысиною, окаймленною бѣдокурными съ сѣдиною волосами, съ рыжими рѣдкими усами и свѣтлоголубыми глазами. Обвислость щекъ и небритаго подбородка свидѣтельствовала о томъ, что Р—новъ, въ старыя годы, былъ еще тучнѣе. Лицо и маленькія нѣжныя руки его, вѣроятно, давно уже не видали воды, потому-что имѣли какой-то сѣрый, почти коричневый цвѣтъ. Бѣлки глазъ, постоянно казавшихся заспанными, были покрыты сѣткою красныхъ жилокъ.

Р—новъ былъ одѣтъ, какъ я уже замѣтилъ, довольно странно: крытый желтою нанкою, бѣличій тулупъ его, подвязанный по животу обрывкомъ суконной коймы, весьма походилъ на женскую шубу. На голой шеѣ у него былъ повязанъ красный бумажный платокъ, засаленный и свернутый на подобіе веревки; на ногахъ огромные грязные кунгурскіе сапоги. Признаковъ бѣлья и остальныхъ подробностей мужскаго наряда, глазами нельзя было доискаться.

Говорилъ Р—новъ сначала робко, какъ-то нерѣшительно, но, уже разговорившись, приходилъ въ сильный азартъ. Рѣчь его походила на рѣчь человѣка, выдавшаго лучшее положеніе, даже иногда нѣсколько отзывалась книгою, но была униженно-ласкательна и лишена благородной увѣренности. Р—новъ все какъ-будто думалъ, что его подозреваютъ въ желаніи приврать, хвастнуть или, просто, опоэтизировать обстоятельства, о которыхъ ему приходилось рассказывать. По этому онъ часто божился, увѣрялъ, что не хвастаетъ, приводилъ доказательства истины своихъ словъ, ссылаясь на

свидѣтельство разныхъ лицъ, которыя были за нѣсколько тысячъ верстъ, или даже успѣли уже умереть.

Я успокоилъ старика увѣрениемъ, что онъ мнѣ вовсе не помѣшалъ и, поговоривъ съ нимъ о-томъ-о-семь, воспользовался первымъ благовиднымъ поводомъ, чтобы распросить объ обстоятельствахъ его жизни. Вотъ что онъ разсказалъ почти тѣми же словами, которыми я передаю читателю:

— Смѣю доложить, я служилъ, какъ ужъ имѣлъ честь объявить, въ Н—скомъ гусарскомъ полку, и считался лихимъ кавалеристомъ... Объ этомъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ мои сослуживцы... ужъ они теперь въ чинахъ, разумѣется... Но вѣроятно помнятъ Ванютку Р—нова. Много мы вмѣстѣ и попили, и пошалили, и дѣла сдѣлали... Персидскую компанію, я смѣю сказать, совершилъ очень счастливо... раненъ былъ въ лѣвое плечо и награжденъ Анною съ бантомъ и золотой саблей... Помилуйте — это вѣдь, прошлое, такъ хвастать нечего... Было да сплыло... И что не даромъ я получилъ эти знаки отличія, то-же скажу безъ хвастовства... Весь нашъ полкъ былъ такой безшабашный, что любо-здорово... конечно, ужъ и офицеры старались поддержать славу полка, и не терпѣли въ своемъ обществѣ мямлей и матушкиныхъ сынковъ. Кто нашъ, тотъ пей по нашему и рубись по нашему.. А не то: *allons, marchez*, убирайся вонъ изъ полка. Полковой у насъ такой же былъ, изъ стародавнихъ гусаръ... Бригаду давали,— не взялъ!.. Нашъ полкъ, говорить, дороже бригады.... Ну, что бы кажется, служить мнѣ, да служить.... теперь ужъ былъ-бы генераломъ, можетъ быть, командовалъ бы Н—скимъ полкомъ... Такъ нѣтъ! Захотѣлось на свободѣ пожить... При томъ и чужія жены понадоѣли: захотѣлось своей обзавестись... Вотъ, если бы товарищи тогда бы догадались, чего мнѣ недостаетъ, да отдубасили бы меня леньками: тень, тень, тень.... вотъ какъ! Такъ я теперь человѣкомъ былъ бы... Правда, грѣшно сказать; они уговаривали меня бросить дурь, не затѣвать бабства. Ротмистръ Д* даже просто плюнулъ въ сторону и сказалъ:

— «Ну, братъ!, вотъ, на что ты пошелъ... Ну съ твоей ли рожей женатымъ быть?... Жену пропьешь, и самъ по миру пойдешь... Чучело!...

— Ей Богу, такъ и сказалъ мнѣ ротмистръ Л*... То есть, онъ тогда былъ ротмистромъ, а теперь ужъ, вѣрно, генералъ-лейтенантъ....

— Ну, такъ вы женились? спросилъ я.

— Женился-съ... сдѣлалъ эту непростительную оплошность... продолжалъ Иванъ Ивановичъ. Извольте видѣть.... Имѣньишко у меня было родовое, такъ, небольшое, отчасти ужъ и поразстроенное... Вѣдь шампанскаго и рому въ долгъ не даютъ бестіи-маркитанты; а и дадутъ, такъ денегъ требуютъ въ срокъ... А за гусара кому-жъ платить, какъ не мужику... случалось, впрочемъ, и барыньки платили... а все-таки, не безъ того, чтобъ деревни въ Опекунской не прогулялись... Впрочемъ хоть и заложенные, все-двѣ деревеньки смѣжныя, душъ по сто каждая, одну Петровкой, другую Ивановкой звали.

— Поѣхалъ я сперва въ отпускъ, чтобы поосмотрѣться, знаете... А тутъ, какъ разъ, и невѣста подвернулась, хорошенькая, всего семнадцати лѣтъ, да и съ денежками... Отецъ ея въ то время былъ нашимъ уѣзднымъ предводителемъ... Подумалъ я, подумалъ... да въ одно прекрасное утро доломанъ напялилъ и *allons, marchez*.... въ атаку на невѣсту...

При этихъ словахъ Р—новъ почему-то крякнулъ, потомъ, проводя пальцами по нижней губѣ, совершенно такъ, какъ играющій на флейтѣ проводитъ по клапанамъ, продолжалъ:

— Мнѣ тогда было лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Красивъ я былъ, какъ.... ну, словомъ, очень красивъ, смѣю за вѣрить, статный молодчина, кровь съ молокомъ: усъ нафабрень, хохоль завить; при томъ же и красавый мундиръ... Женщины, сй-ей, были очень равнодушны ко мнѣ... безъ хвастовства говорю. — Вѣдь дѣло ужъ прошлое!... Первое время, знаете, и жена любила меня: не слѣпа же была... мы жили въ Петровкѣ, которую я жениными деньжонками выручилъ изъ Опекунскаго... Тутъ родилось у насъ двое дѣтей: дочь и сынъ, всѣ въ меня: здоровые такіе же ребята... только усовъ не доставало... Эдакъ, лѣтъ семь былъ я въ своемъ семействѣ совершенно счастливъ... Случалось, и гульну въ холостой бесѣдѣ, но все это, знаете, чинно: на другой день—ни гугу; обрѣюсь и къ женѣ явлюсь на смотръ,

что все обстоит благополучно, только немножко тяжелъ киверный болванъ... Она пожурить и простить, и въ двѣнадцать часовъ прикажетъ водку подать; сама рюмку нальетъ, груздей и всякой всячины солененькой да кисленькой велитъ принести, да и лечитъ мнѣ башку... Славная была жизнь, какъ вспомню... Эхъ, лучше бы ея вовсе не было — не такъ бы тяжело было!..

Р—новъ опять замолчалъ, и лицо его какъ-то болѣзненно передернуло судорогою; онъ досталъ изъ кармана грязный бумажный платокъ и громко троекратно высморкался: Мнѣ стало жаль старика, и я просилъ его оставить окончаніе разсказа до другаго раза.

Помплуйте! воскликнулъ онъ въ отвѣтъ, кладя платокъ за пазуху и стараясь улыбнуться: — это такъ! я расчувствовался некстати... А въ самомъ-то дѣлѣ, я... чортъ съ ней, съ этой женщиной... Если только вамъ не надоѣло слушать, я готовъ разсказать вамъ всю эту подлюю исторію... Даже, знаете, мнѣ, какъ-будто, легче становится, когда я могу разсказывать человѣку, который меня понимаетъ.... Въдъ мое обыкновенное общество — дикари, полузвѣри!..

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ продолжать!..

— Изволите видѣть, выбрали мы, т. е. нашъ уѣздъ, въ предводители роднаго брата знаменитаго поэта К*, Степана Егорыча К*. Человѣкъ онъ былъ молодой, камеръ-юнкеръ, красивый мужчина! Такъ, немного женственное, блѣдное, но очень, знаете, выразительное, открытое лицо, черные волосы... Ну, при томъ образованъ на-славу, уменъ какъ чортъ, поетъ такъ, что и я заслушивался не-разъ, а на фортепьяно такія трели выбрасывалъ, что и пальцевъ не видать, когда бывало, играетъ... Да-съ! Всѣмъ взялъ... только ужъ за то и подлюстью взялъ... Такой разпраканальи, — извините, — я отъ-роду не видывалъ, да и здѣсь не нахаживалъ... Какъ только онъ былъ выбранъ, такъ познакомился съ нашимъ домомъ и сталъ ѣздить все чаще-и-чаще... Имѣніе его тутъ же по сосѣдству было... Ну, какъ сосѣда не приглашать, а онъ и радъ за женой ухаживать: тары-да-бары, завтра Варвары; шуры-да-шуры, разиньте рты, дуры!.... Жена, знаете, и влюбилась въ него!.. Я сначала этого не замѣтилъ,

а какъ, въ то-же время, Н—скій гусарскій полкъ смѣнилъ въ нашей губерніи преждестоявшій уланскій, такъ кутежи и охота все чаще стали отвлекать меня отъ дому... Я разъѣзжалъ по сосѣдямъ... Когда же къ себѣ приглашалъ, такъ обыкновенно не въ Петровку, гдѣ жила жена, а въ Ивановку, гдѣ все у меня было устроено для такихъ случаевъ... Вотъ, знаете, заберемся мы, дней на пять или на недѣлю, въ Ивановку, или заѣдемъ къ кому-нибудь изъ нашихъ холостыхъ помѣщиковъ, да и поминай какъ звали... пьемъ, охотимся: карты, женщины, все тутъ... Домой наѣду на короткое время, провѣдать... Посмотрю: все, кажется благополучно... Иногда сосѣда предводителя застану...

— Ну, что-жъ, думаю: ничего худаго въ этомъ нѣтъ! Конечно, ей, бѣдной, скучно! Пусть себѣ развлечется съ умнымъ, образованнымъ человѣкомъ.... почитаетъ, музыкой займется...

А вышла такая изъ этого музыка, да чтеніе, что: ай, ай, ай!...

— Сначала товарищи, а тамъ и посторонніе люди стали подтрунивать надъ моею безпечною, и намекать на то, что не доброе творится, въ мое отсутствіе, въ домѣ. Все чаще при мнѣ стали упоминать имя К* вмѣстѣ съ именемъ моей жены. Улыбочки, полуслова, знаете, разные эдакіе великосвѣтскіе фигли-мигли раскрыли мнѣ глаза... Я вспылалъ и прямо къ женѣ:

— «Что, молъ, это такое, матушка? а?...

Супруга моя въ слезы, въ упреки... А я-то:

— «Дудки? меня не проведешь!.. Самъ бывалъ мастеровъ на разныя вещи... Нельзя-ли чего-нибудь по новѣе, а это ужъ старо!.. je vous prie.... Она видитъ: дѣло серьезнымъ стаетъ!... бросилась къ тестю...

Тотъ, старый дуракъ, только ею и дышалъ.... призываетъ меня... Я говорю въ чемъ дѣло и прошу содѣйствія его родительской власти... А онъ назвалъ меня же неучемъ, глупцомъ, который позволяеть оскорблять себя въ глаза, и приказалъ, оставивъ всѣ подозрѣнья, просить у дочери прощенья и впередъ не беспокоить ни его, ни жены подобными дрязгами и сплетнями. Я, знаете, пріѣхалъ отъ него домой, сло-

вно въ горячей водѣ выкуанный, просилъ у жены прощенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ, чтобы, во избѣжаніе новыхъ сценъ, она перестала принимать К*. Чтожъ вы думаете: она и это нашла совершенно не умѣстною съ моей стороны жестокостью, предосторожностью, оскорбляющею въ ней женщину и долженствующую способствовать подтвержденію слуховъ, а ни уничтоженію ихъ! Я настаивала, она не соглашалась... Борьба эта длилась нѣсколько мѣсяцевъ... я бѣсилась, говорилъ К* грубости, чуть не выгонялъ его изъ дома... День, другой пройдетъ безъ него... Посмотрю: опять ѣдетъ... Тфу, ты нечистая сила... извините!

Всѣ эти обстоятельства, знаете-съ, такъ исчалили меня, что я началъ худѣть... и кутить регулярнѣе прежняго... То есть, просто-съ, покою нигдѣ не нахожу: такъ ужъ съ утра, знаете зарядишь, и на душѣ какъ-будто легче, и храбрости прибавится... Домъ конечно шель къ верху тармашкой... Гувернантка у меня была выписана изъ Москвы, такая почтенная, умная и образованная дѣвица, ужъ не молодая, правда... И та нѣсколько разъ въ Москву просилась. —

Иногда, какъ ужъ сильно солоно придется, я дома задамъ переполошку, кому слѣдуетъ, да самъ бѣжать въ Ивановку... Пошлю за своими: бутылки, карты, а не-то арапникъ, лихаго коня, свору, да въ отъѣзжее... и размыкаемъ кое-какъ лютое горе....

Однажды, знаете, такимъ же манеромъ начудесилъ я дома: пыль поднялъ коромысломъ, К* прогналъ, жену заперъ въ спальнѣ... да и тово... въ Ивановку... А до Ивановки, отъ господскаго дома въ Петровкѣ, было верстъ семь... Зналъ я, что у ближняго сосѣда, отставнаго штабсъ-ротмистра Ш*, попойка идетъ на славу... Я къ нему нарочно: пріѣзжай, моля, со всѣми гостями. Прикатили нашихъ гусаръ человекъ десять, самъ Ш* и еще нѣсколько штафирокъ; такъ мы называли штатскихъ, не въ обиду будь сказано.... Принялись пить, послали за пѣсенниками, за бабенками... Карты на столъ, разсудокъ подъ столъ... Пошла кутерьма.....

Подъ утро, когда всю ночь было пито... вдругъ Ш* отзываетъ меня въ сторону и говоритъ, будто съ прискорбіемъ, а у самого какая-то улыбка эхидная... Вѣдь ужъ и

глаза не смотрѣли, а улыбку я все-таки замѣтилъ: и до сихъ поръ она мерещится мнѣ подъ пьяную руку ... такая подлость!.. Говорить Ш*:

— «Помилуй, душа! Какъ ты это терпишь?.. Недавно мнѣ мой человѣкъ сказалъ, что К* всю ночь у твоей жены сидитъ... Я тебѣ это, говорить, по старой дружбѣ обязанъ сказать...»

Я, знаете, такъ и вспрыгнулъ со стула... Говорю:

— «Ш*, ты сказалъ неправду!... Я прогналъ К* вчера вечеромъ, и жену заперъ въ спальнѣ... Вотъ и ключъ!»

А онъ и расхохотался.

— «За замкомъ, говорить, хочешь женщищу уберечь... Будто самъ никогда, мимо замковъ, къ чужимъ женамъ не попадалъ... Я тебѣ твои слова, душа моя, извиняю, говорить, потому что ты самъ не свой!.. И это естественно!.. Но теперь, уже моя честь требуетъ, чтобы было сдѣлано удостовѣреніе.... Если я солгалъ, то даю тебѣ, какое хочешь, удовлетвореніе за клевету...»

У меня, знаете, и хмѣль весь вышибло изъ головы, и слезу прошибло... Ну, что-же я, съ позволенія сказать, за свинья такая, чтобы можно было говорить мнѣ въ глаза подобныя дерзости? Вѣдь я дворянинъ, подлецомъ никогда не былъ, женился не для денегъ... а дѣвка мнѣ понравилась, а что деньги взялъ, такъ не бросать же ихъ?... пропадай все... Взорвало меня... Говорю я Ш*:

— «Послушай, любезный! Ужъ я такой несчастный, что надо мной и тетерева въ лѣсу хохочутъ, такъ немудрено и тебѣ... Но теперь, ужъ дѣло пошло не на шутку... держи ухо востро... Если жена виновата, я самъ собственноручно подожгу домъ... Только дѣтей и прислугу вонъ выведу... А ей и ея любовнику... *bon jour, mon plaisir*. Если же твой слуга совралъ, стало-быть и ты также, то... самъ знаешь, какъ въ подобныхъ случаяхъ, благородные люди раздѣляются...»

Ей Богу, такъ и сказалъ ему, а потомъ, эдакъ, обращаюсь къ другимъ своимъ гостямъ и, со слезами на глазахъ, говорю:

— «Господа, прошу васъ принять участіе въ моемъ горѣ!.. За чтò я терплю такое безчестье?... Положимъ, я слабъ, что попустилъ все такое; но, вѣдь слабость еще не подлость... А тутъ позволяютъ себѣ говорить мнѣ въ глаза такія вещи, которыя можно сказать только отъявленному бездѣльнику... Будьте свидѣтелями: если слова Ш* подтвердятся, то помогите мнѣ поджечь мой домъ въ Петровкѣ, чтобы и слѣда моего семейнаго жилья не оставалось... Если же слова Ш* не правда, то прошу изъ васъ кого-нибудь къ себѣ въ секунданты...»

Всѣ нашли, что я затѣялъ дѣло, закричали: ура! потребовали рому на дорожку и лошадей. Заложили намъ тройкамъ нѣсколько пошевень, и всѣ до одного мы пустились въ Петровку. Но пріѣхало туда только четверо насъ: остальные, видно, труслили и своротили домой. Пріѣзжаемъ часу, эдакъ, въ пятомъ. Въ домѣ всѣ спятъ... я разбудилъ одного изъ дворовыхъ, котораго, какъ мнѣ вспало на мысль, барыня особнно жаловала... Спрашиваю:

— Здѣсь ли К*? И нагайку подь носъ:

— «На, понюхай, моля: авось, правду скажешь!..»

Гришка, было, замаялся, да какъ я звякнулъ нагайкой, такъ и признался во всемъ... Извольте видѣть-съ...

Черезъ часъ послѣ моего отъѣзда жена моя своимъ ключемъ отперла дверь спальни и послала этого дурака узнать: что я дѣлаю въ Ивановкѣ? Извѣстившись, что мы собираемся кутить, она Гришку же отправила съ цыдулкой къ К*, который вскорѣ и пріѣхалъ...

Тогда моя, благовѣрная, гувернантку съ дѣтми отослала въ мезонинъ, гдѣ они помѣщались у меня, а сама заперлась съ К* во внутреннихъ покояхъ, приказавъ горничной придти къ ней часовъ въ пять утра... Каково мнѣ было слышать это, да еще и при постороннихъ и при Ш*, каково?..

Тутъ опять Иванъ Ивановичъ крякнулъ и, повторивъ пальцами пріемъ, походившій на игру на флейтѣ, продолжалъ:

Я, знаете, въ первую минуту закрылъ лицо руками и бросился, было, къ стѣнѣ, чтобы разбить себѣ въ дребезги голову... И зачѣмъ помѣшали мнѣ?.. сразу бы конецъ... Потомъ... ну, потомъ... Все такъ во мнѣ и кипѣло... Велѣлъ

я человѣку молчать, пошелъ въ мезонинъ къ дѣтямъ; приказалъ гувернанткѣ вынести ихъ въ ближнюю избу; разбудилъ горничныхъ, лакеевъ, всѣхъ выслалъ изъ дому, и велѣлъ таскать хворостъ, солому, щепу, паклю, заготовленную на продажу... Дверь во внутренніе покои заставилъ мебелью, заднее крыльцо то-же заперъ, а совсѣмъ и забылъ, что изъ спальни былъ выходъ прямо въ садъ... Ну, знаете, и неувидительно, что забылъ! Такія вещи, вѣдь, хладнокровно не дѣлаются... Въ ушахъ у меня, словно сборъ били... Многое дѣлалъ я совершенно машинально... Сбѣжалась деревня... Безъ шуму, конечно, не обошлось... такъ-что, когда я подалъ сигналъ зажигать домъ и самъ первый подбѣжалъ къ нему съ головней, на верху слышались голоса, потомъ крики. —

— А, проснулись, голубчики!... *Comment vous portez vous?* Ну, такъ жарытесь на яву.... (А, вотъ и рюма подвернулась!). Какъ вамъ угодно, думаю... Если не хотите жариться въ объятіяхъ другъ-друга, въ сладостномъ снѣ, такъ потанцуйте другъ передъ дружкой..

— Вдругъ смотримъ: по саду бѣгутъ мужчина и женщина въ такомъ, знаете, интересномъ дезабилье... и мужчина поддерживаетъ женщину... *Sapperlotte!*.. Послалъ бы имъ пулю... жаль, одинъ арапникъ въ рукѣ... Гусары вслѣдъ имъ подняли свистъ, мужики хохотъ... Я, было, бросился за бездѣльникомъ К* и женою, да снѣгъ былъ глубокъ... А тутъ меня уговариваютъ:

— «Брось... оставь... чортъ съ ними!

И въ-самомъ-дѣлѣ, думаю: чортъ съ ними! Поджарилъ и довольно... будутъ знать, что я не шутилъ... жену къ чорту, или къ тестю, гувернантка будетъ воспитывать ребятъ... брошу кутить... Мало ли людей съ женами врознь живутъ, да вѣдь не пропадаютъ же!..

И какъ, знаете, порѣшилъ... и легче стало на душѣ... Мужикамъ выкатилъ бочку вина и велѣлъ отстаивать деревню, а домъ, чтобы весь до тла сгорѣлъ... Такъ они и сдѣлали... Самъ же я, захвативъ ребятъ, гувернантку, гостей и кого нужно было изъ прислуги... *allons, marchez* назадъ въ Ивановку...

Дѣло эго, конечно, на другой же день, разнеслось по уѣзду... Нарядили слѣдствие... я не отпирался... Да, надѣюсь, что я имѣлъ право съечь свой домъ, когда онъ, анаема, не нравился мнѣ...

— «Нѣтъ, говорятъ, не имѣли права... Притомъ въ немъ была ваша супруга, которую вы хотѣли съечь живую.

— «Да, она, съ любовникомъ тамъ была!..

— «Все-таки... Самоуправство... Зачѣмъ не жаловались? Людей жарить воспрещается!.. Нельзя же такія вещи допустить?..

Жена, конечно, бѣжала къ тестю... У того, да у К* денегъ было больше моего... Вотъ и присудили меня, за покушеніе, сдѣланное въ пьяномъ видѣ, съечь живую жену, лишитъ правъ состоянія и сослать сюда!.. Вѣдь вотъ и возьмите!..

Р—новъ развелъ руками и вперилъ въ полъ какой-то бессмысленный, стеклянный взглядъ.

— Но неужели К* и его сообщница остались безъ всякаго наказанія? спросилъ я, со сжатымъ сердцемъ.

— Безъ всякаго! отвѣчалъ мой собесѣдникъ, продолжая бессмысленно смотрѣть въ полъ. Да, совершенно оправданы, подлецы... Да чего? Они по своему переименовали все дѣло... Мои показанія о К* всѣ были исключены изъ него. Чортъ ихъ знаетъ, какъ это такъ было спроворено... А только, я вотъ уже лѣтъ двѣнадцать здѣсь нахожусь... да лѣтъ семь судился... А жена между тѣмъ прижила ребенка и окрестила его въ мою фамилію... и все... и прелюбополучно живетъ... и К* то-же...

— А изъ вашихъ товарищей и гостей никто не пострадалъ? спросилъ я.

Лицо Р—нова опять ожило при этомъ вопросѣ; онъ сдѣлалъ свой обычный жестъ пальцами по нижней губѣ и сказалъ съ гордою усмѣшкою:

— Никто-съ! Я никого не выдалъ-съ... все дѣло принялъ на себя... Впрочемъ и К* этого хотѣлось, потому-что, если бы оказались у меня сообщники, да притомъ сильные люди, такъ судъ, можетъ-быть, и не сталъ бы выгораживать его изъ дѣла...

Зналъ я это!.. ну, да нельзя же было друзей топить пзъ ненависти къ врагу!.. Большо мнѣ только одного, что нѣкоторые изъ мужичковъ попались и, какъ я ни стоялъ на томъ что всю отвѣтственность беру на себя, однако одинъ пзъ нихъ сюда же угодилъ, а двое еще въ Нерчинскъ... А за что? спрашивается... вѣдь они только исполняли приказанія барина...

— Ну, а ваши малютки? Съ ними что случилось?

Р—новъ презрительно и вмѣстѣ болѣзненно улыбнулся и махнулъ рукою.

— Такая подлость, право... сказалъ онъ. Вѣдь отдали ихъ змѣѣ, которая погубила меня... Дочь давно ужъ за мужемъ, за хорошимъ человѣкомъ... Помогаетъ мало-мальски старику-отцу... а то бы вовсе голодать пришлось...

— А сынъ вашъ?

— Сынъ! что! Кажется добрый малый, да должно быть большой вѣтренникъ... Служить въ Х-скомъ уланскомъ полку... Наслѣдовалъ мою Ивановку... а денегъ все-таки не присылаетъ ни гроша... Увѣряетъ, что въ полку жизнь дорога... Знаю я все это!.. Да, видно, справедлива пословица, что сытый голоднаго не понимаетъ...

Видя, что старикъ сильно пригорюнился, я велѣлъ подать закуску. Какъ только подносъ съ графиномъ показался въ дверяхъ, лицо Р—нова прояснилось, но, вѣроятно, не желая выказать своей радости, онъ всталъ со стула и началъ раскланываться, придерживая лѣвою рукою полу своего тулуна. Конечно, мнѣ не стоило большого труда уговорить его закусить вмѣстѣ съ мною. Послѣ первой рюмки, старикъ совершенно развеселился и началъ, безъ-умолку, болтать о своей молодости, при чемъ очевидно лгалъ и немплосердно хвасталъ. Уставъ слушать, я прервалъ его на срединѣ какого-то безконечнаго романа, вопросомъ:

— Не знаете ли, Иванъ Ивановичъ, за что сосланъ Федоръ Федорычъ Б—овскій?

Это имя подѣйствовало на моего собесѣдника, какъ ведро холодной воды на голову: онъ вдругъ замолчалъ, подошелъ къ столику, на которомъ стояла водка, и, сдѣлавъ обычное движеніе пальцами по губѣ, напилъ пзъ графина въ рюмку.

Потомъ, видя, что я дожидаясь отвѣта, онъ съ любовью взглянулъ на рюмку и, какъ-будто боясь, чтобы она не убѣжала, торопливо опрокинулъ ее въ ротъ и сказалъ, покашлявая и побрякивая съ явнымъ удовольствіемъ...

— Вы изволите спрашивать о Б—овскомъ-съ! Слышалъ я-съ, что онъ за какую-то подлость сосланъ... да ужъ забылъ-съ, за какую именно... Вѣдь его достанетъ хоть на какую угодно... Таковъ человѣкъ.. Вотъ здѣсь, близъ завода, живетъ посельщикъ... прежде рабочимъ былъ... изъ унтер-офицеровъ разжалованъ... зовутъ Осипомъ Трофимовымъ... Если угодно будетъ распросить его... онъ знаетъ... Притомъ очень хорошей сапожникъ..... смѣю рекомендовать... даже дамскую работу.... На смотрительшу шьеть.

Черезъ четверть часа, я постарался отдѣлаться отъ общества Р—нова, который, послѣ третьей рюмки водки, сдѣлался уже совершенно несноснымъ человѣкомъ.

Невыполнѣ удовлетворенный свѣдѣніями, сообщенными о себѣ, Р—новымъ и, желая пополнить ихъ, я, при первой возможности, разузналъ о сосланномъ, вмѣстѣ съ нимъ, крестьянинѣ его, котораго, какъ оказалось, звали Алексѣемъ Онуфріевымъ и который находился при паровой мукомольной мельницѣ, въ качествѣ маляра, штукатурщика и смазчика. Я нашелъ его занятымъ приготовленіемъ замазки. Алексѣю было лѣтъ 45; блѣдно-желтое худое лицо его носило слѣды тяжелой болѣзни или глубокаго горя; черты этого лица, въ которомъ верхняя часть замѣтно преобладала надъ нижней, поросшею рѣдкою бѣлокурою бородкою, умные быстрые небольшіе глаза, въ которыхъ нельзя было не угадать способности загораться огнемъ внутренняго чувства, намекали на недюжинную природу. Худое, слабое тѣло Алексѣя было одѣто въ дырявый нагольный тулупъ; очень поношенные сапоги, шапка, изъ которой мѣстами лѣзла вата, и прожженные кожаныя рукавицы, лежавшія возлѣ Алексѣя на скамьѣ, свидѣтельствовали о крайней его бѣдности.

Убѣдившись, что онъ дѣйствительно тотъ самый человѣкъ, который былъ сосланъ за повиновеніе противозаконнымъ

приказаніямъ Ивана Ивановича, я началъ свои распросы съ его собственной прежней жизни. Оказалось, что Алексѣй провелъ молодость во дворѣ Ивана Ивановича въ качествѣ поваренка, дворника, разсылнаго и истопника. —

— Не годился я, батюшка, въ дворовые, говорилъ Алексѣй: нерасторопенъ таковъ былъ; что ни возьму, изъ рукъ валится; свою времени не зналъ... да и охоты не было къ этому дѣлу... Къ одному была охотка... такъ опять господской воли на то не было...

— Къ чему же это?

— Да къ малярству, батюшка... къ малярству!.. все брожжи малевалъ, и на стѣнахъ, и на полу, и гдѣ ни попало... да и чѣмъ попало... мѣлкомъ, уголькомъ, али палочкой на пескѣ, али чѣмъ... И доставалось мнѣ за это; особливо досталось, какъ я однажды, знаешь, печку въ барскомъ кабинетѣ топилъ, да карандашъ со стола укралъ... Ну, что? было мнѣ тогда лѣтъ двѣнадцать или тринадцать... неразумень былъ...

— Но почему же не захотѣли отдать тебя въ маляры?

— На то господская была воля... Да чего! я вотъ и жениться захотѣлъ, такъ и то не удалось... такова ужъ, видно, у иного судьба... куда ни кинь, все клинь...

— А жениться отчего не удалось?..

— Отчего?.. Изволишь видѣть, батюшка... Вѣдь Иванъ-то Ивановичъ, въ ихней молодости, не то были, что впослѣдствіи... помѣщикъ — одно слово... Даромъ, что у самого супруга была царица, а около крестьянскихъ дѣвчонокъ любили похаживать... Ну, конечно, господская воля — раздолье... Я было сунулся свататься за одну бѣдную, да пригожую отцовскую дочь... хотѣлъ у барина и обзаводства просить... Да сказали, что дѣвка-то не нашему брату чета, что она и барину можетъ приглянуться... И точно приглянулась... Иванъ-то Ивановичъ отцу новую хату выстроили и дѣвку за богатаго мужика выдалл...

— Но вѣдь не одна же эта была дѣвка у васъ въ деревнѣ? Посватался бы за другую...

— Вѣстимо, не одна! отвѣчалъ Алексѣй и вдругъ въ глазахъ его, обращенныхъ на меня, блеснула искра осмы-

сленнаго энтузіазма. Да, мнѣ только одна была по сердцу... Была, правда, еще и другая... ну, да, что и говорить о той? — дурь мужицкая. Замужняя жена была, да притомъ же... Ну, да, чего тутъ...

И Алексѣй, наклонившись, принялся усердно мѣсить руками замазку.

— А что, Алексѣй, сказалъ я, боясь затрогивать вопросы, которые мой собесѣдникъ, можетъ-быть, не охотно сталъ бы разрѣшать: каковъ вообще былъ для крестьянъ Иванъ Иванычъ?

Алексѣй приподнялъ голову, обтеръ о фартукъ руки и, доставъ изъ-за пазухи берестяную съ фольгою табакерку, понюхалъ порядочную щепотку зеленого табаку, извѣстнаго въ заводѣ подъ названіемъ сампантре *) потомъ, протяжно крикнувъ, плюнулъ какъ-то особенно искусно сквозь зубы и сказалъ:

— Какъ бы вамъ доложить-съ! Иванъ Иванычъ были сами-по-себѣ, а мужики... ну, мужики ничего... жили... Оно, конечно, бываютъ господа и поаккуратнѣе Ивана-то Иваныча; только и они не то, чтобы обижали мужиковъ, али что... Богатыхъ, правда, очинно мужиковъ мало было у нихъ, ну, а бѣдныхъ-то они старались поднять на ноги, дай имъ Богъ добраго здоровья... Кому коровенку, кому лошаденку купить!.. ужъ никогда не постоятъ за эвтимъ... Особливо, какъ подошьютъ, да если кто изъ бѣдняковъ придетъ къ нимъ:

— «Такъ и такъ, молю: скотинка пала, али лѣсу надать избенку поправить, али жена больна, за лѣкарствомъ въ городъ нужно»...

— Иванъ Иванычъ никогда не прочь помочь... Только скажутъ:

— Ну-ко пропляши?

— Али заставятъ иѣсню спѣть, али черезъ стулъ прыгать, али, на одной ногѣ, вкругъ всей комнаты проскакать.... А сами надрываются — хохочутъ, какъ тотъ бѣдный, съ

*) Слово это составлено изъ трехъ: самъ панъ тре (треть), и означаетъ самодѣльщину. Курительный табакъ-самодѣльщина называется въ заводѣ самкросше (отъ самъ крошилъ).

кислой рожей, примется козликомъ подпрыгивать... И ужъ всегда помогутъ... Коли у самихъ денегъ не случится, тутъ же сейчасъ у кого-нибудь займутъ... А только ужъ никакъ порожнемъ не опустятъ... грѣшно солгать... Ну, особливо дѣвокъ любили жаловать... когда синенькой, а иногда и красненькой, да ситчику на сарафанъ, да платковъ и разнаго такого женскаго тряпья... Только приказываютъ барыни не сказывать.... Нѣтъ, нешто было жить у Ивана Иваныча мужику.... грѣшно укорить...

— А любилъ выпить Иванъ Иванычъ? спросилъ я.

— Какъ не любить... русскій человѣкъ... любилъ... А особливо подъ конецъ... съ той поры какъ барыню заподозрѣлъ... тутъ ужъ сильно пить зачали... А чего заподозрить?... Ужъ вся деревня про-то знала, ну и посусѣдству то-же баяли... а онъ все еще сумѣвался... Оно, конечно, кому любо про такое свѣдать?... Развѣ ужъ само въ уши влѣзеть, и тѣ радъ бы заткнуть ихъ.. Вотъ, хошь, и про себя скажу... Наше дѣло ужъ чево? холонское, а и тутъ, какъ сталъ я примѣчать за барыней шашни, такъ сердце и замерло, и на свѣтъ смотрѣть тошно стало... а ему-то еще-бы?.. Ну, видно Богу угодно было, чтобы за свои прежніе грѣхи и самъ не платился... У мужиковъ бабъ, да дѣвокъ отбивалъ; пришлось и самому грязи наѣстись...

И опять сердито понутивъ голову, Алексѣй замолчалъ и принялся за замазку. Черезъ нѣсколько минутъ, замѣтивъ, что онъ искоса поглядываетъ на меня, я спросилъ:

— Но за что же, Алексѣюшка, тебя сослали? Вѣдь ты не виноватъ въ поджогѣ... тебѣ было приказано...

— А за что? Вотъ и спросите ихъ! сердито отвѣчалъ Алексѣй, продолжая свою работу: Больно усердно, ишь, помогалъ ихъ благородіямъ... Такъ какъ-же было не помогать, коли приказываютъ... Вѣдь сами же твердятъ, что мужикъ долженъ слушаться, не разсуждать... а вотъ, и слушайся... Да чего?

При этихъ словахъ мой собесѣдникъ вдругъ приподнялъ голову и лицо его расцвѣло невыразимую улыбкою, онъ продолжалъ съ жаромъ:

— Вѣдь не знали они, что не будь меня, барыня и ея

полюбовникъ не вышли бы... такъ и сгорѣли бы... Ключъ отъ садовыхъ дверей, еще по осени, куда-то затерялся, а вылѣзть въ окна мудрено было... Двойныя рамы нескоро вынешь... я какъ раскинулъ въ умѣ эту притчу, да втихомолку на кухню, топоръ схватилъ, да двери-то и раскололъ... Только они-то меня не видали... Вишь, они изъ другой компаты хотѣли выбратъся... А я крикнулъ имъ: — спасайтесь въ садъ! дверь отперта!... Да самъ бѣжать — помогать тѣмъ, что головни таскали... Крику, гаму, больше всѣхъ поднималъ... нарочито, чтобы не догадались, что я отлучался... А мнѣ что пустой домъ жалѣть?... Добро не мое, барское...

— За чѣмъ же ты барыню спасъ? развѣ вы ее любилъ?...

— Да какъ другіе, а я люб....

Алексѣй закашлялся и посмотрѣлъ въ сторону съ видомъ замѣшательства.

— Ну, а какова она была, Алексѣюшка?

— Да была себѣ барыня, какъ барыня! отвѣчалъ мнѣ мой собесѣдникъ, будто нехотя: — нешто — добрая... А впрочемъ ея мало и слышно было... Сидитъ въ хоромахъ и разные тамъ узоры вышиваетъ, али книжку читаетъ... Ну и на балконъ иногда выдетъ, такъ кругомъ поведетъ глазами, да и зѣвнетъ... потомъ назадъ пойдетъ въ покои.

— А красива была? спросилъ я, удивленный страннымъ выраженіемъ лица Алексѣя.

— Красива.... отвѣчалъ онъ и вдругъ, будто любуясь картиною, возникшею въ его воображеніи изъ тѣни прошедшаго, продолжалъ съ вдохновеннымъ взоромъ и разгорѣвшимся лицомъ: — Царица была... рослая такая... тоненька, правда, ну а лицомъ ужъ куды пригожа... глаза таки, словно звѣзды, а сама какъ солнце... Вѣдь, подумаешь, дастъ же Богъ лѣпоту такую, что инова и по кожѣ подереть какъ взглянетъ... Да!

И тяжело вздохнувъ, Алексѣй торопливо принялся собирать свои орудія, потому что раздавшійся звонъ конторскаго колокольчика возвѣстилъ часъ обѣда. Вспомнивъ еще объ одномъ обстоятельстве, которое хотѣлъ привести въ ясность для себя, я спросилъ:

— Но какъ же судъ, не принявъ во вниманіе, что ты раскололъ садовую дверь и тѣмъ спасъ барыню... Вѣдь, ты объявилъ это въ судъ?...

— Какъ же не объявить... объявилъ... отвѣчалъ Алексѣй. — Такъ, они, ишь, сказали, что можетъ, и не я это дѣло спроворилъ, а другой кто-нибудь... Вѣдь и барыня не видала меня, когда я дверь-ту раскололъ...

— Но слѣдствіе должно было раскрыть...

— Очень нужно кому хлопотать да слѣдовать... Приговоръ подписали и дѣло съ плечъ!...

— Помогаетъ ли тебѣ хоть здѣсь твой прежній помѣщикъ, за котораго ты пострадалъ...

— Кто помогаетъ? пробормоталъ, будто не слышавъ, Алексѣй.

— Да, Иванъ Иванычъ! Вѣдь ты за него пошелъ въ работу...

Алексѣй презрительно улыбнулся и сказалъ, поворачиваясь, чтобы идти:

— Хороша помочь! Ононхъ послѣдній полтинникъ выманилъ.... Отдамъ, говоритъ, Алеша, ей-ей отдамъ, какъ только дочь денегъ пришлетъ... Чего?... ужъ не впервой мои кровные денежки пропивать... И грѣшно бы, кажись... рабочаго человѣка обирать... А мнѣ какъ своему барину не дать... Вѣдь самому ему чтобы подумать о томъ, что у меня вонъ и сапожонки скоро съ ногъ свалятся.

Эти слова были сказаны Алексѣемъ уже на ходу. Вскорѣ онъ и вовсе исчезъ у меня изъ виду, но еще долго послѣ того необыкновенный ансамбль этой личности занималъ мое воображеніе, а нѣкоторыя обстоятельства его разсказа, еще и понынѣ, иногда заставляютъ меня задумываться.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого, понадобился мнѣ сапожникъ и, вспомнивъ рекомендацію Р—нова, я послалъ за Осипомъ Трофимовымъ. Онъ въ тотъ же день зашелъ ко мнѣ, и, остановившись у дверей въ солдатской позѣ, возгласилъ:

— Здравія желаю! За сапожникомъ изволяли посылать: сторожъ сказывалъ!...

Осипу Трофимовичу, по прозванію Битокъ, могло быть лѣтъ пятьдесятъ: онъ былъ средняго роста, коренастъ и худъ, какъ киргизская лошадь.

Лицо его, открытое и смѣющееся, было оживлено парокъ свѣтлосѣрыхъ глазъ, въ которыхъ выражались лукавство и беззаботность нрава. Голова его была острижена по солдатски подъ гребенку, но рыжая борода отросла и покрывала всю грудь по самую ложечку. Когда разговоръ нашъ о дѣлѣ, для котораго я требовалъ Осипа Трофимова, кончился, я поспѣшилъ завести рѣчь о Б—овскомъ. Осипъ Трофимовъ не заставилъ долго просить себя; онъ кажется очень обрадовался случаю рассказать слѣдующее:

— Шелъ я, сударь, въ партію въ Сибирь... Партія выбрала меня въ партіонные старосты, потому — извольте разумѣть — что я грамотенъ и порядки всѣ, какъ надо, зналъ, ну и въ честность мою вѣрили больше, чѣмъ въ чью-либо... Вѣдь на рукахъ у старосты партія иногда почитай всѣ деньги свои оставляетъ... такъ нужно чтобъ староста былъ не воръ... Вотъ, знаете, прибыли мы, эдакъ, на одинъ этапъ... было дѣло Ч. губерніи въ Т—скомъ уѣздѣ... Стрѣтилъ насъ его благородіе Федоръ Федорычъ Б—овскій. Они, значитъ, тамъ этапнымъ командиромъ были... Смотрѣлъ Б—овскій и тогда ужъ такимъ звѣремъ, какъ ноньче... только, конечно, помоложе, поздоровѣе былъ... А впрочемъ, можетъ, и не моложе, кто знаетъ? Про него намъ сказывали въ командѣ солдатики, будто онъ кощей безсмертный; будто такимъ и родился, какъ есть... Ну, про то онъ самъ да матушка его знаютъ.

При этихъ словахъ насмѣшливая улыбка улеглась на устахъ рассказчика и болѣе не сходила съ нихъ. Осипъ Трофимовъ продолжалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Будучи, въ тѣ-поры, они въ капитанскомъ, примѣрно сказать, чинѣ, его благородіе смотрѣли такимъ фономъ... Какъ только партія прибыла, Б—овскій и пошелъ честить насъ и такими, и сякими, и немазанными.... Розгами все стращаетъ, если кто хоть пикнетъ у него, али пальцемъ

шевельнетъ, чтобы бѣжать, али что.... Кричалъ, кричалъ, даже горло осипло; только мы дивуемся, изъ чего это онъ такъ ортачится.... ужъ не въ полковые ли командиры къ намъ собирается!... А въ партіи и доподлинно, всякій народъ былъ, да только не его благородія испугались бы они, если бы охота была уйтить.... И не такихъ видали!... Страхомъ не далеко уѣдешь на русскомъ человѣкѣ.... шкура у него вишь, больно плотна, что барабанная....

— Ну, такъ что же далѣе? спросилъ я, желая прервать это отступленіе.

— Да, виновать-съ, заговорился.... сказалъ Осипъ Трофимовъ: — вотъ, знаете, при переключкѣ, узналъ Федоръ Федорычъ, что я изъ ундеръ-офицеровъ разжалованъ.... Ну, какъ быть? Вѣдь, и ко мнѣ ему дѣло случилось.

— Ты, говоришь, Осипъ Трофимовъ?

— Я, молю!

— Ты, говоришь, изъ ундегъ-офицеровъ?

— Да, молю: такъ что-жь?

— Не стыдно ли тебѣ, бгатець?... Цагю и Богу служилъ, а къ чогу угодилъ.... Удостоили тебя проиводства.... А ты.... экой сгамъ! ундегъ-офицегъ въ ссылку идетъ....

А самъ Федоръ Федорычъ будто радуется.... усмѣхается и усами такъ умильно передергиваетъ.... Взорвало меня, осмѣлюсь доложить.... что онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, глумится надъ несчастнымъ? Самъ я знаю, что не хорошо я сдѣлалъ, да вѣдь какъ ни жалѣй, прошлаго не воротить.... Самъ кажинный своей судьбѣ господинъ.... А этотъ что зубы скалитъ?... Хошь онъ и господинъ офицеръ, а все не слѣдъ.... не на то ему власть дана, чтобы хаялъ всякаго встрѣшнаго.... Вотъ я выступилъ эдакъ на три шага изъ фронта, да и говорю:

— Ваше благородіе! что молю, я вамъ такое сдѣлалъ, что вы эдакъ изволите срамить при партіи?... Вѣдь, за это Богъ, пожалуй, и взыщеть съ васъ....

А онъ весь какъ побагровѣеть, да потомъ поблѣднѣеть, да какъ закричитъ:

— Молчать! Злодѣй! Вагнакъ! Бунтовщикъ ты эдакой.

— Да и затопалъ ногами: и такія ужъ онъ тутъ разныя

названія прибиралъ мнѣ, что и нашъ солдатскій языкъ не во-всяко время поворотится сказать ихъ.... А я въ отвѣтъ ему на все это только и молвилъ :

— Вѣдь, брань, ваше благородіе, на вороту не виснетъ.... Варнакъ я точно, и въ Сибирь подлинно иду, но только для того, чтобы и вамъ тамъ же мѣстечко приготовить.... Вѣдь Богу одному вѣдомо, гдѣ кто свой вѣкъ кончить!

Такъ только и сказалъ.... Когда же пришло время партію дальше вести, Федоръ Федорычъ меня же и проситъ :

— Осипъ Тгофимовъ, говоритъ : — сего дня мой день рожденія! Попгоси, говоритъ, чтобы гебята сложились да поднесли мнѣ подагочекъ! Вѣдь я изъ-за васъ всю ночь не спалъ....

— Знаемъ мы этихъ господъ этапныхъ; всё, какъ одинъ.... Только придетъ партія, ужъ они сейчасъ либо именинниками, либо новорожденными прикинутся.... а все только бы нашего брата обирать.... А еще господа!... Ну, осмѣлюсь спросить: прилично-ли, примѣрно-сказать, офицеру отъ варнаковъ, что же? — подарки брать?... Срамъ, да и только... Но какъ быть?... что съ нимъ дѣлать станешь? Какъ бы ни было: все капитанъ! Ослушаться неловко, субординація требуетъ и все такое.... Думай, что хошь, а дѣлай то, что приказано.... По нашему, такъ.... Собралъ я съ міра по пятаку съ чело-вѣка.... партія была большая.... составилось пять съ небольшимъ рублей.... я и отнесъ ему.... Думаю, хоть спасибо скажетъ, а онъ ругаться началъ.

— Такой-сякой! говоритъ : — что я газвѣ пгалогщякъ какой, чтобы мнѣ пять гублевъ давать. Да я всѣхъ васъ пегеногю....

— Пошелъ я назадъ и уговорилъ партію еще по пятаку пожертвовать живодеру.... Да какъ принесъ ему деньги, эдакъ смѣючись говорю его благородію :

— Партія, молю, вашему благородію въ долгъ еще пять рублей жалуетъ....

— Какъ въ долгъ? говоритъ.

— Точно такъ-съ, молю: когда свидимся съ вами въ Сибири, тогда и отдадите, ваше благородіе! А онъ, извольте разумѣть: ужъ совсѣмъ иной сталъ.... какъ увидѣлъ денежки,

такъ, ровно вешній цвѣтъ, расцвѣлъ.... да, эдакъ, погрозилъ мнѣ пальцемъ и говоритъ, смѣючись:

— Ну ужъ ты, шутъ, смотри! не забываться у меня!... Только за то и пгощаю, что ты лхой стагоста! Молодецъ: пагтію въ погядкѣ дегжишь.... Только и самъ дегжи ухо востго, а то дгугой командигъ за такое словцо негавно и възыщеть.... Видишь, я какой добгый....

— Хороша доброта! думаю я про себя: — обобралъ партію и добръ сталъ, извольте видѣть!

— Пришелъ я въ заводъ, отбылъ свой срокъ и поселился тутъ близехонько въ деревни Горкахъ; тамъ же и жену взялъ, и избу кое-какъ поставилъ.... И заплъ, оно не больно сладко, да не то чтобъ очень и солоно, а такъ не шатко, не валко.... какъ Богъ велѣлъ.... Разъ пришелъ я, за своимъ дѣлишкомъ, въ заводъ.... смотрю: партія у канторы стоитъ.... Дай, посмотрю, нѣтъ ли знакомаго кого-нибудь.... Обошелъ всѣхъ и хотѣлъ ужъ поворотить оглобли.... Вдругъ сторонкою вижу.... смотритель съ кѣмъ-то разговариваетъ.... Ба, знакомая рожа.... вѣдь гдѣ-то эту басурманскую харю привелось ужъ видѣть.... Да, вишь, вспомнилъ.... Хе, хе, хе, это нашъ милостивецъ, его благородіе Федоръ Федорычъ Б—овскій! Да только ужъ не партію привелъ, а самого въ партію привели.... Я, извольте разумѣть, выждалъ, какъ смотритель пересталъ говорить съ нимъ, да самъ къ нему....

— Ваше, моѣ благородіе! — какъ вы это къ намъ, въ нашу породизию попали!..

А онъ и отворотился отъ меня...

— Ну, думаю, не удивительно, что не узнаешь, голубчикъ! я съ тѣхъ поръ и бородой обросъ, и много постарѣлъ... За то, какъ я напомнилъ ему, гдѣ мы свидѣлись, что я говорилъ ему на этапѣ, въ бытность его командиромъ, онъ и ротъ розинулъ и отбѣжалъ отъ меня, словно отъ ужа какова ядовитаго... Да ужъ потомъ, спохватившись, отвелъ меня къ сторонкѣ и такимъ сахаромъ медовичемъ прикинулся, будто и не онъ на этапѣ хаялся... Говорить:

— Любезнѣйшій, Осипъ Тгофимычъ! Сдѣлай милость, не говоги о томъ, что тамъ было у насъ съ тобою!...

— Нѣтъ, голубчикъ! я ему на это: шалишь! Вашего брата учить надо! Буду всѣмъ нарочито рассказывать, чтобы ты своею прежнею мерзостью кáзнился... Подлецъ ты былъ въ офицерахъ, такъ ужъ здѣсь изъ тебя вѣрно пятерыхъ подлецовъ выкроить можно будетъ... Такихъ шалапаевъ, шаромыжниковъ, какъ ты, говорятъ, и могила не исправляетъ... И на томъ свѣтѣ вы еще каверзить ради бываете, только бы случай представился....

— Но не знаешь ли ты любезный, за что Федоръ Федоровичъ попалъ въ работу? спросилъ я.

— Какъ не знать-сь! отвѣчалъ Осипъ: мы все выведали, частью отъ него самого, а отчасти отъ другихъ, сторонкою... Дѣло-то знаете, за которое онъ судился, то-же, куда не хорошо... Осталось ему, вотъ прислушайтесь: послѣ отца наследство... Ужъ большое-ли, малое-ли, про это дѣло не сумѣю сказать... не слыхалъ... только деревенька съ христьянами... Вышелъ онъ въ отставку маіоромъ съ полнымъ пенсіономъ... да и поѣхалъ на свою сторону, примѣрно-сказать, за наследствомъ: оказалось, что деревню надо на двѣ ровныя половинны раздѣлить... одна Федору Федоричу, а другую завѣщалъ покойникъ меньшему брату его высокоблагородія... Вотъ пока ихъ тамъ вводили во владѣніе... младшій-то братъ спохватился, взялъ, да и ножки протянулъ... Осталась послѣ него вдова, да пятеро сиротокъ, все малюга меньше... Онъ оставилъ завѣщаніе, по которому мать должна была стать опекуншею малолѣтнихъ, и вся доля покойнаго переходила къ ней... Взыграло въ Федорѣ Федоричѣ молодецкое сердце; на вдову, да на сиротъ воевать пошелъ!.. Захотѣлъ все имѣніе захватить и опекуномъ дѣтей сдѣлаться, а братниной вдовѣ только четырнадцатую часть изъ его участка отдать... Дѣло вышло спорное! Стали судиться, а пока судъ рѣшить — стали жить, какъ собака съ кошкой, въ одномъ господскомъ домѣ, съ вдовою и ея дѣтьми. Федоръ Федоричъ занялъ одну половинну дома, а вдова другую, и дверь, что между ними была, заперли на-глухо, и шкапами заставили, чтобы и духъ отъ одного къ другой не проходилъ... Живутъ они такъ другъ возлѣ друга, не недѣлю, не мѣсяць, а, можетъ, и годъ и два... Вотъ ужъ и дѣло

ихное къ концу стало приходить, и всѣ сосѣди вдовушку и ея свротъ стали поздравлять съ выигрышемъ тяжбы, а Федору Федорычу намеками знать давали, что ему носъ вос-
послѣдуетъ, да и преотличный... и всѣ протори и убытки заставятъ заплатить... Ну, можете вообразить, какъ это было не по-нутру его высокоблагородію... Чай, позеленѣлъ весь отъ злости...

— Разъ, какъ-то, — случилось: вышелъ маіоръ на крыльцо съ ружьецомъ... такъ позабавился... не встрѣтится ли птица какая, али что... Стоитъ онъ и высматриваетъ, а ружье зарядилъ крупной дробью... На свою бѣду, и вдова вышла на свое крылечко курочекъ крупницею покормить... Какъ Федоръ Федорычъ завидѣлъ ее, въ немъ и закипѣла злость.

— Какъ вдова, вишь, смѣетъ такъ безстрашно при немъ курочекъ кормить?.. Можетъ, и завидно стало, что курочкамъ крупу даютъ, прицѣлился мой маіоръ, да бѣдной барынькѣ цѣлый зарядъ въ грудь и влѣпилъ... Ну конечно, она только повернулась, да, не охнувъ ни разу, на мѣстѣ Богу душу и отдала.

— Во, какой храбрець — его высокоблагородіе!... Знай нашихъ... Пока на турку другіе ходили, онъ крупу продавалъ; и французы, видно, въ мирное время, ему ни по чемъ были, коли православную барыньку безоружную на повалъ убили...

Такъ заключилъ свой рассказъ Осипъ Трофимовъ.

Съ этого дня, я приказалъ своему слугѣ отказывать Б—овскому, когда бы онъ ни приходилъ, и такимъ образомъ скоро въ совершенно избавился отъ посѣщеній мрачнаго старика.

Сибирская весна коротка, но, за то, какъ хороша эта сѣверная красавица! Сколько очарованія въ этомъ почти мгновенномъ пробужденіи природы пзъ восьмимѣсячнаго оцѣпененія! Какъ блистательна здѣсь побѣда жизни надъ смертью!..

Еще снѣгъ покрываетъ большую часть земной поверхности, еще рѣки скованы льдомъ, а уже солнце начинается

свой благодатный вешній трудъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣжный покровъ не представляетъ ему преграды. Почти видимо, вырастаетъ здѣсь травка, тамъ цвѣтокъ, а тамъ древесная почка. А между тѣмъ все болѣе мѣстностей освобождаются отъ зимняго савана и быстро покрываются растительностью, которая, разнообразіемъ цвѣтовъ и оттѣнками превосходитъ европейскую той же полосы, хотя сочностью и душистостью травъ уступаетъ ей. Все ранѣе и ранѣе поднимается солнышко на свою трудную работу; подобно доброму хозяину, оно боится опустить драгоцѣнную пору, и, около времени лѣтняго солнцестоянія, оно уже почти оспариваетъ у ночи послѣдніе предѣлы ея владѣнія, продолжая, и въ немногіе почные часы, зарею лобзать свою ненаглядную землю.

Но, для грустныхъ обитателей завода ранній солнечный восходъ ненавистенъ тѣмъ, что съ нимъ ранѣе прежняго начинается раскомандировка и работа. Лѣтомъ колоколъ уже около третьяго часа призываетъ ихъ на дневной трудъ, который, съ перемѣшкою двухъ часовъ для обѣда, продолжается до девяти часовъ вечера. Не смотря на то, весенній воздухъ не остается безъ благотворнаго вліянія и на этихъ недобровольныхъ тружениковъ. Бодрѣе идутъ они, на утреннюю раскомандировку, не такъ сердито расходятся по назначеннымъ мѣстамъ и только уже подъ вечеръ начинаютъ роптать на безконечный день, все чаще посматривая на паденіе тѣни, по которой бѣдняки угадываютъ часы.

Въ тотъ годъ, съ котораго я началъ свой рассказъ, весна была для меня вѣстницею и источникомъ обновленія силъ, пестроценныхъ продолжительною упорною болѣзнью. Я воскресалъ вмѣстѣ съ природою и, такъ же какъ она, чувствовалъ въ себѣ новую весну силъ, надеждъ и стремленій! и какъ я полюбилъ прекрасную общую мать за это согласіе ея со мною, съ какимъ нѣжнымъ дѣтскимъ чувствомъ прижимался къ ея могучей груди и впитывалъ изъ нея новую энергію и бодрость на предстоящій жизненный путь.

Звонъ конторскаго колокола, призывавшаго на работу, заунывно разносился по заводу и будилъ рабочихъ, кого гдѣ

находилъ. Просыпались инвалиды, и ворча шли отпирать острогъ; одинокіе часовые, вздремнувшіе опершись на ружье, прибодривались и начинали ходить въ ожиданіи смѣны. Въ острогѣ, потягиваясь, подымались съ наръ мрачныя фигуры заключенныхъ и, громко разговаривая, перебраниваясь или мурлыча пѣсни, отправлялись на площадь, гдѣ происходила раскомандировка.

Вдоль заводскихъ улицъ, тамъ-и-сямъ, изъ воротъ выходили зажиточные рабочіе, получившіе, по выбытіи срока содержанія въ острогѣ, позволеніе жить своими домами и имѣвшіе, изъ своей прежней жизни, средства для обзаведенія. Вылѣзали изъ землянокъ бѣдняки, также выпущенные изъ строга, но, понеимѣнію денегъ, жившіе въ тѣсныхъ ямахъ, вырытыхъ въ склонѣ горы, и почти не возвышавшихся надъ земною поверхностью.

Всѣ рабочіе были вооружены орудіями своего ремесла. Большая часть ихъ, оставляя ночлегъ, молились на-ходу, обращаясь лицомъ къ востоку, гдѣ лазурь неба уже подернулась румянцемъ утра.

Я также пробудился отъ звона колокола, и одѣвшись выглянулъ въ окно.

Здѣсь простоялъ я до тѣхъ поръ, пока колоколъ замолкъ, протяжно и многозначительно прогудѣвъ, какъ будто онъ вздохнулъ послѣ тяжкаго труда. На горизонтѣ показалось весеннее солнце, прекрасное, какъ счастливая невѣста передъ налоемъ. Мнѣ стало душно въ комнатѣ: я взялъ шапку и вышелъ на площадь, съ которой рабочіе кучками стали расходиться къ мѣстамъ, назначеннымъ имъ нарядчикомъ.

Посреди площади остановились неподвижными только два человѣка, изъ которыхъ въ одномъ я, еще издали, узналъ Б—овскаго, а другой былъ нарядчикъ, Арсеній Яковлевъ, прозванный вѣрнымъ, по причинамъ, которыя я желалъ бы передать читателю. Подходя ближе къ этой группѣ, я замѣтилъ, что Б—овскій съ жаромъ, говорилъ что-то, а Арсеній, съ видимымъ неудовольствіемъ, слушалъ и неодобрительно покачивалъ и трясъ головою. Не успѣлъ я поровниться съ ними, какъ Б—овскій отошелъ отъ нарядчика, громко повторяя нѣсколько разъ сряду:

— Ну, такъ я самъ доложу господину смотрителю.... Тебѣ же достанется!...

— Старый ябедникъ, чума триклятая! сказалъ ему вслѣдъ Арсеній, и потомъ, обращаясь ко мнѣ и снимая шапку, прибавилъ: вѣдь вотъ, скажите, ради Христа однороднаго, какой это человѣкъ. Своего же дворянина не жалѣеть.... Даже на всѣхъ сплетничаетъ и начальству доносами досаждаеть.... А чего ему надоть, и ума не приложишь....

— На кого это онъ хочетъ жаловаться смотрителю? спросилъ я.

— Да на своо-же брата, разжалованнаго изъ дворянъ. Ишь, учарась Иванъ Ивановичъ Р—новъ деньги отъ дочки получилъ.... Она высылаеть на имя казначея, а тотъ по немногу выдаетъ Ивану Ивановичу.... Старикъ, вѣдь слабъ, зашибаетъ.... Неблагонадежный таковъ человѣкъ!... Такъ дочь письмецомъ и просила казначея, чтобы, то-есть, поберегаль бѣднаго старичка.... Какъ беречь, коли самъ не бережется? хоть бы и вчера, только получилъ рублишка три, первымъ долгомъ: пошелъ и нарѣзался.... Ну, а Р—новъ больно не любить маіора, потому что и маіоръ надъ трезвымъ Ивановъ Ивановичемъ, что ни встрѣтится, издѣвается и всячески обзываетъ.... Трезвый-то Р—новъ ужъ куды смиренъ и ко всѣмъ почтителенъ; даже передъ какою-нибудь, сказать, дрянью готовъ шапку снять.... За то пьяный, все скажетъ, какъ чувствуетъ.... Вотъ учарась выпимши, онъ и обругай Федора Федорыча.... Да, чтожъ съ пьянаго возьмешь?... Пьяному море по колено, и китайскій болдыханъ двоюродный братъ.... Кажется-бы такъ, а Б—овскій судить иначе! Такой старый придирщикъ!... Хочетъ жаловаться начальству....

— Онъ меня, говоритъ, оскорбилъ, мою честь задѣлъ.... А како, его честь? вонъ сказывалъ Осипъ Трофимовъ, ее давно ужъ, собаки по клочкамъ растрепали.... Только-что рондился дворяниномъ, а хуже инова нашего брата....

— Да чего же онъ хочетъ за оскорбленіе своей чести? спросилъ я.

— А чего хочетъ? спросите.... Иванъ Ивановичъ, знаете, и кромѣ того еще напроказилъ съ пьяныхъ глазъ.... Забрался въ землянку, гдѣ однѣ бабы, да драку и затѣялъ....

Сказали мнѣ!... У меня судъ не далекъ: взялъ и заперъ его на обахту... Проспится, думаю, самому стыдно будетъ.... Вѣдь дворянская же кровь, не сѣчь старика.... Я и смотрителю не хотѣлъ сказывать про эту оказію.... Почто начальство безпокоить такими дрязгами.... Ужъ, конечно, Иванъ Ивановичъ пьетъ не съ радости.... Горя навидался много на своемъ вѣку, бѣдняга.... Нѣтъ, вотъ, старый скаредъ Б—овскій непременно требуетъ, чтобы при лепортѣ я доложилъ. Что станешь дѣлать? придется сказать.... Не то самъ, вѣдь, спиною заплатишься: почто смолчалъ, да самовольно распорядился выпустить....

— Такъ Р—новъ на гауптвахтѣ?

— На обахтѣ, батюшка.... Чай, ужъ проспался.... Меня поджидаетъ, чтобъ слободилъ, какъ всегда бываетъ.... Ну, да ужъ сегодня нельзя, прошу не прогнѣваться.... Эхъ-хе-хе! Тяжела эта должность нарядческая, хочешь хорошо сдѣлать, всѣмъ угодить норовишь, анъ смотришь: либо самъ палокъ наживешь, либо свою брата подведешь подъ угощенье!... Такъ ужъ и виляешь, чтобы день да ночь — сутки прочь.... Только и молишь у Бога терпѣнья!

Арсеній, кряхтя и покашливая, пошелъ въ контору, а я, движимый состраданіемъ и желаніемъ помочь Р—нову, направился къ гауптвахтѣ. На платформѣ ея, полуодѣтый или, лучше сказать, полураздѣтый, стоялъ Иванъ Ивановичъ съ мутными, заспанными глазами и слѣдами вчерашней оргіи на опухшемъ, дрябломъ лицѣ. Я подошелъ къ старику и, приготовивъ его къ предстоявшимъ непріятностямъ, спросилъ какъ поправить дѣло. Сконфуженный, растерянный, Р—новъ шаркалъ, кланялся, кашлялъ, сморкался, и долго не могъ начать говорить. Наконецъ, дрожащимъ голосомъ, произнесъ:

— Покорно васъ благодарю-съ за ваше доброе участіе.... Чувствую, что очень глупо сдѣлалъ.... Вовсе даже бросалъ пить-съ.... Но на этотъ разъ, побожусь!... Ужъ положительно говорю-съ.... Честное слово благороднаго человѣка даю, что въ послѣдній разъ.... Брошу-съ, совершенно брошу проклятое пьянство.... Срамъ-съ просто, срамъ! Эдакой Б—овскій и тотъ имѣетъ преимущество передо мною, потому что умѣетъ пить-съ.... И добро бы вовсе не пилъ, старый зло-

дѣй, а онъ исподтишка, у себя, тамъ на кухнѣ, налижется, и потомъ, какъ будто ничего не бывало, выпится.... Ну, конечно, кому какое дѣло? Но я.... но мнѣ непростительно-съ!... Не умѣю пить, какъ люди.... Такое, право, несчастье! Вѣчно нарвусь на непріятности!...

— Не хотите ли, Иванъ Ивановичъ, сказалъ я, прерывая сѣтованія моего собесѣдника: — не хотите ли, я пойду къ Б—овскому и скажу ему, что вы извиняетесь во вчерашнихъ оскорбленіяхъ, и просите его не жаловаться на васъ смотрителю? Мнѣ ужъ онъ, вѣрно, не откажетъ, а если онъ согласится, то и Арсеній оставитъ это дѣло втунѣ.... хотите?

Р—новъ былъ въ замѣшательствѣ и молча кланялся мнѣ, какъ-то двусмысленно. ●

— Такъ я пойду къ Б—овскому? опять спросилъ я, принимая поклоны Р—нова за утвердительный отвѣтъ на свое предложеніе и повертываясь, чтобъ уйти.

— Н-н-нѣтъ-съ, помилуйте!... вдругъ заговорилъ Р—новъ: за что же я буду и самъ унижаться передъ этимъ негодяемъ, и вамъ причинять такую непріятность — просить эту тварь?... Вѣдь онъ не стоитъ....

— Но какъ же быть въ такомъ случаѣ, Иванъ Ивановичъ?

— Ужъ, я и самъ не знаю-съ! отвѣчалъ старикъ, пожимая плечами съ видомъ дѣйствительной печали, между тѣмъ, какъ глаза его наполнялись слезами, а пальцы стали выдѣлывать трели на шпжней губѣ. — Смотритель, и безъ того, сердится на меня за прежній дебошъ.... казначей еще вчера, давая мнѣ деньги, сказалъ, что, если я прошью ихъ, то онъ намѣренъ совершенно отступить отъ меня.... и дочери напишетъ.... Срамъ-съ, срамъ!...

— Ну, послушайте! сказалъ я, тронутый его горестью до глубины души, хотя не могъ не признать комической стороны этой сцены: — такъ какъ вы уже рѣшили, съ сегодняшняго дня совершенно бросить нить, то я вполне увѣренъ, что смотритель, по моей просьбѣ, велитъ васъ выпустить.... Но гдѣ же вашъ долманъ, Иванъ Ивановичъ? прибавилъ я со смѣхомъ: — вѣдь, можетъ быть, смотритель захочетъ видѣть васъ, чтобы пожурить: нельзя же вамъ идти къ нему въ этомъ, вовсе не нарядномъ, костюмѣ...

Р—новъ, опять припявѣйся шаркать, кашлять, сморкаться и кланяться, отвѣчалъ со сдержаннымъ смѣхомъ :

— Мой доломанъ? Вѣроятно, о шубенкѣ изволите спрашивать? Виновать-сь! Она осталась въ землянкѣ-сь, въ которой я кутилъ.... Должно быть, я заложилъ ее за проклятую водку!... Но не помню-сь, совершенно ничего не помню.... Такая мерзость!...

— Такъ вы и не знаете: за сколько она заложена?

— Ей Богу, ничего-сь не знаю.... Ужъ я очень пьянъ былъ!...

— Ну, растолкуйте, по крайней мѣрѣ, солдату, котораго я пошлю выкупить вашу шубу: въ какой землянкѣ вы кутили?

Черезъ полчаса Р—новъ уже стоялъ у колонны, поддерживавшей перестиль гауптвахты, въ своей забавной шубѣ и съ повеселѣвшимъ лицомъ.

Часу въ девятомъ, время около котораго смотритель обыкновенно принималъ рапорты, я зашелъ къ нему и засталъ у него казначея. Тотъ и другой уже знали о проказахъ и арестованіи Р—нова, хотя нарядчикъ еще не былъ съ утреннимъ докладомъ. Оказалось, что доносъ былъ сдѣланъ Б—овскимъ, который настаивалъ на томъ, чтобы Р—нова высѣкли.

— Я и хотѣлъ, знаете, сдѣлать эту церемонію, съ громкимъ смѣхомъ говорилъ смотритель, хитро моргая глазомъ: — знаете, эдакъ: велѣтъ принести розогъ, поставить скамеечку, прійти солдатамъ и ему, старому дураку; а потомъ сказать ему, что вотъ до чего ты довелъ себя, старая скотина!... А потомъ, разумѣется, отпустить.

— Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, оставте это намѣреніе! сказалъ я: — это убило бы старика окончательно, и онъ хуже началъ бы пить.... А теперь онъ обѣщаетъ исправиться.

— Помилуйте! воскликнулъ казначей: — онъ? исправиться? онъ и сюда пришелъ за то, что въ пьяномъ видѣ, вздумалъ живую жену жарить.... Это безшабашная голова.... его не исправилъ ни добромъ, ни палкой.... И странное дѣло: трезвый, онъ никогда не рѣшился бы и мухи обидѣть, а самъ готовъ перенести отъ другихъ всякую обиду.... очень добрый

человѣкъ.... оттого и жаль его. Дочь у него преобразованная и умная дамочка.... Она писала ко мнѣ, просила о немъ.... Ну, какъ ему пособить? Вотъ, вчера только получилъ часть присланныхъ дочерью денегъ, а ночь уже провелъ на гауптвахтѣ!

— Да, онъ вамъ-таки дѣлаетъ изрядные хлопоты! скажешь смотрителю.

— Помилуйте! возразилъ казначей: не пожалѣлъ бы и хлопотъ, если бы толкъ изъ нихъ видѣлъ какой-нибудь.... А то я, вѣдь, всячески пытался.... И не давалъ ему вовсе денегъ: самъ все покупалъ для него, — разумѣется, все на дочернія же деньги; самъ за квартиру и за столъ его платилъ.... Что-жъ вы думаете? Найдеть охотка выпить: платье либо, какую-либо вещь въ залогъ тащить, а потомъ я-же опять выкупаю, хлопочи.... Досадно даже.

— Нѣтъ-съ, ужъ изъ него ничего путнаго не выдетъ! рѣшилъ смотритель: такъ видно и израсходуется, бѣдняга! Ваша правда! Лучше не убивать его стыдомъ: Богъ съ нимъ! Ей козакъ!

Вошелъ рослый нарень, въ козачьей шинели, и остановился на вытяжку у дверей.

— Поди, скажи на гуптвахтѣ, что я приказалъ выпустить старика Р—нова, сказалъ, обращаясь къ вошедшему, смотритель.

Прошло около недѣли послѣ описаннаго нами случая. Въ одинъ изъ немногихъ праздничныхъ дней, въ которые въ заводѣ не работаютъ, я шелъ по главной улицѣ, печально разсматривая группы, здѣсь и тамъ составлявшіяся изъ мужиковъ, бабъ и дѣвокъ, одѣтыхъ въ пестрые праздничные наряды. Русскій человѣкъ вездѣ, даже въ ссылкѣ, сохраняетъ свой беззаботный, непосредственный характеръ. Вотъ, составилъ большой кругъ, поютъ дѣвки безконечную пѣсню о своей дѣвичьей волюшкѣ, да о добраго молодца горькой долюшкѣ; вотъ идетъ полупьяный отецъ семейства, одною рукою опираясь на руку своей жены, а на другой держа малютку — дочь; вотъ скачетъ, сломя голову, цѣлая ватага

пьяныхъ мужиковъ и бабъ, въ разладъ затягивающихъ самыя разноголосые мотивы; вотъ молодой парень, въ синей сибиркѣ и шляпѣ съ узкими полями, перебирая струны балалайки, балагуритъ съ группою красныхъ дѣвушекъ; вотъ изъ косящатаго окна выглянула полногрудая баба и подсмѣивается, глядя на маленькаго сына, который босыми ножонками полочется въ едва образовавшейся изъ снѣга лужѣ. Вотъ.... Вдругъ посреди толпы, по-видимому собравшейся для того, чтобы позабавиться занимательнымъ зрѣлищемъ, я услышалъ какія-то восклицанія, произнесенныя голосомъ Р—нова. Подхожу ближе: Иванъ Ивановичъ, передъ многочисленною толпою рабочихъ, плясалъ трепака съ отвратительною пьяною старушонкою. Онъ, по-видимому, былъ въ самомъ пріятномъ настроеніи духа: прыгалъ, дергалъ плечами, вертѣлся на мѣстѣ, разводилъ руками и восторженно вскрикивалъ, какъ-будто, ободряя себя и свою тапцорку. Одинъ изъ рабочихъ подыгрывалъ танцующимъ на варганѣ. Нѣкоторые изъ нихъ смѣялись и остряли на счетъ молодой четы, другіе разговаривали между собою, не обращая вниманія на пляску.

Видимо утомленный Р—новъ, посреди какого-то колѣна, остановился и сталъ отирать потъ, крупными каплями катившійся по лоснившемуся, красному лицу.

— Что-же? кричала ему баба, досадовавшая на это бѣгство кавалера ея: — Иванъ Ивановичъ! Ты чего же это, старый сынъ? Развѣ эдакъ дѣлають: — недоканчивать, знашь не хорошо!...

Громкій хохотъ одобренія принялъ эти слова.

— Уфъ! отвѣчалъ Р—новъ. — Нѣтъ! не могу больше!.. усталъ! Баста! потѣшилъ васъ, ребята! Теперь другой кто-нибудь пусть съ нею доплясываетъ.

— Нѣтъ! ужъ мы слуги покорные! отвѣчалъ молодой дѣтина прекрасной наружности, въ красивомъ нарядѣ зажиточнаго ямщика. — Это только ты, Иванъ Ивановичъ, съ нею плясать можешь!.. А другой кто срамится захочетъ на весь заводъ съ Антипчихой... Вѣдь отъ нея ужъ родной сынь отступился, какъ отъ гадины какой...

— Что? что ты шутъ разсуждаешь? воскликнулъ Иванъ

Иванычъ тономъ угрозы и признанія своего достоинства, между тѣмъ какъ Антипчиха начала ругать молодого рабочаго. — Ты знаешь ли, дуракъ, продолжалъ Р—новъ: — что если я это дѣлаю, такъ стало быть это хорошо: потому что я столбовой дворянинъ, а ты — ослѣпина...

Въ эту минуту Р—новъ замѣтилъ меня и вдругъ замолчавъ, замаялся на мѣстѣ: а потомъ съ полусконфуженнымъ, полунахальнымъ видомъ, пошатываясь пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ.

— Имѣю честь поздравить съ праздникомъ! сказалъ онъ, не совсѣмъ твердымъ голосомъ, приподнимая шапку и кланяясь мнѣ.

— Вы его, кажется, достойно празднуете! отвѣчалъ я съ досадою: я еще не зналъ за вами способности говорить трогательныя рѣчи самаго нравственнаго содержанія. Знаете что, Иванъ Иванычъ? Ваше поведеніе не только лично васъ унижаетъ, но и вредитъ, въ глазахъ здѣшняго простонародія, всему сословію, къ которому вы нѣкогда принадлежали...

Р—новъ глухо засмѣялся и отворотившись въ сторону, сказалъ громко и какъ будто съ цѣлью чтобъ его слышали рабочіе, которые столпились вокругъ насъ.

— Чтожъ вы изволите находить такого предосудительнаго въ томъ, что я вспомнилъ свою молодость... нѣсколько, такъ сказать, забылся въ воспоминаніяхъ о лучшихъ временахъ, когда я былъ гусаромъ, помѣщикомъ, когда....

— Да! сказалъ я, тѣмъ же серьезнымъ тономъ, заглушая глупыя фразы своего собесѣдника: — то было время, а теперь другое; не худо бы вамъ вспомнить, что вы уже не гусаръ, не помѣщикъ, не въ обществѣ гусаровъ и помѣщиковъ, и что въ обществѣ, въ которомъ вы теперь живете, ничего нѣтъ легче, какъ перейти отъ пляски къ дракѣ, какъ это чуть-было и не случилось за нѣсколько минутъ передъ этимъ... За драку васъ опять посадятъ на гауптвахту, съ которой уже не кому будетъ выручать васъ; по крайней мѣрѣ, я ужъ болѣе не слуга вамъ въ этомъ отношеніи, потому что вы убѣждаете меня на дѣлѣ, что честное слово васъ не связываетъ...

Р—новъ поникнулъ головою и задумался въ большомъ

замѣшательствѣ; но, вѣроятно, замѣтивъ, что мои слова подали поводъ рабочимъ насмѣхаться надъ нимъ, вдругъ окликнулъ ихъ самоувѣреннымъ взглядомъ и воскликнулъ тономъ молодечества:

— Что намъ гауптвахта? Спживали мы на ней!.. Да не эта крупа насъ караулила, а свои гусары... Бывало на разводъ опоздаемъ за пирушкою, или у какой-нибудь дамочки-аристократки засидишься, или, няный, начальству на глаза покажешься, либо дебошъ какую устроишь, купеческую дочку въ церкви поцѣлуешь, или еврея-маркитанта вздуешь такъ, что небу жарко станетъ... Полковой командиръ пошлетъ за тобой и самымъ вѣжливымъ тономъ скажетъ тебѣ:

— «Поручикъ такой-то, извольте оставить вашу саблю у полковаго адъютанта и ѣхать на гауптвахту!»

— «Слушаю, полковникъ! На долго-съ?»

— «Я пришлю вамъ саблю, когда найду, что вы довольно насидѣлись! Прощайте.

— Ну, чтожъ такое? Намъ и на гауптвахтѣ не дурно!.. найдутъ товарищи, навезутъ шампанскаго, картъ... Allons, marchez... Даже либесъ Кетхенъ пріѣзжала ко мнѣ!..

Я печально отошелъ отъ старика, который, какъ я видѣлъ издали, еще долго рассказывалъ что-то толпѣ рабочихъ.

Лѣтъ черезъ пять послѣ описанныхъ событій, когда я уже давно болѣе не жилъ въ К—вскомъ заводѣ случилось мнѣ, проѣздомъ, мѣнять лошадей въ деревнѣ, отстоящей верстъ на сорокъ отъ города Т. (названія деревни не припомню). Весна уже сильно попортила дорогу, но ѣзда на колесахъ была еще невозможна. День былъ воскресный; солнце уже клонилось къ западу, и косвенные лучи его серебрили немногіе перистые облака, тамъ и сямъ разбросанныя по ясной лазури неба. Контрастъ между чистотою и прозрачностью горизонта и вонючею грязью большой дороги невольно бросался въ глаза и наводилъ мысль на сближенія между небомъ и землею: въ дорогѣ, со скуки, и реторика иногда пригодится!

Въ деревнѣ, около избъ, народъ кой-гдѣ собрался разно-характерными кучками; здѣсь и тамъ, одинокіе старички сидѣли на завалинкахъ, на перекресткѣ дѣвки ходили кружками и голосили пѣсни; въ одной изъ избъ выставилось въ окно заспанное лицо сѣдаго дѣдушки, возлѣ воротъ стояла телѣга, обращенными къ верху оглоблями, какъ-будто моля небо о испосланіи весенняго пути; изъ-подъ лошадиныхъ ногъ съ крикомъ выскочило нѣсколько курницъ, и безъ оглядки помчались къ родной подворотнѣ; въ грязной лужѣ лежала корова, со всѣмъ комфортомъ жуя жвачку. Картина извѣстная и представляющая мало интереса наблюдателю: я смотрѣлъ на нее въ тысячный разъ, только потому, что не имѣю способности спать въ дорогѣ.

Вдругъ, въ одной изъ группъ, мимо которыхъ быстро мчалась моя легонькая кошевушка, поразило меня знакомое лицо. Высокій согбенный ростъ, безконечные черные съ просѣдью усы на худомъ костлявомъ лицѣ съ обритымъ подбородкомъ, живо напомнили мнѣ Федора Федорыча Б—овскаго. Онъ взглянулъ въ мою сторону и, кажется, также узналъ меня: рука его приподнялась къ мерлушечьей шанкѣ... Не оглядываясь, я промчался мимо и, только на другомъ концѣ деревни, остановился у избы дружка *) у котораго мой ямщикъ мѣнялъ лошадей.

— Послушай-ко, милал! сказалъ я женѣ хозяина, который занять былъ перепряжкой. У васъ въ деревнѣ не живетъ ли Федоръ Федорычъ Б—овской?

— Маіоръ-отъ? спросила баба.

— Ну, да, маіоръ...

— Какъ же, батюшко, живетъ, нелегкая его принесла...

— Отчего же нелегкая?

— Да чего, батюшко? на проищаніе, ишь, онъ отпущонъ: срокъ, значитъ, выбылъ въ работѣ, ну и прибылъ къ намъ.

— Что же онъ у васъ дѣлаетъ?

— Чего дѣлать? Дѣло, вѣстимо, дворянское... топоромъ не умѣсть... такъ въ сельскіе, въ ишсара взяли... Да и то,

*) Дружками называются въ Сибири крестьяне, промышляющіе павозомъ по купеческимъ трактамъ, тамъ, гдѣ еще не устроена почтовая гоньба отъ правительства.

мужики, слышь, бають—не оченно-то довлительно дѣло разумѣть... Или ужь изъ ума выжишь: кто его знаетъ?.. Упрямый такой: старшина свое, онъ свое!.. Къ тому жь иногда и соръ изъ избы любить выносить, сплетки выводить... хотять его, тово, по шеямъ...

— А давно онъ здѣсь?

— Да ужь, кажись, второй годъ живеть... жалованья ему мужики два рубля положили... Прежнему-то только полтора давали... И тутъ онъ еще не доволенъ; вотъ, хоть и опомнись.... Случилось мому хозяину нужда: сыну письмецо наваракать... а сынъ-то у насъ въ солдатахъ... Чтожъ, вѣдь и тутъ Федоръ Федорычъ захотѣлъ полтпнникъ сорвать, да ужь едва-едва на рублѣ сигналами сошлись... Такая язва, прости Господи!

— Что-же у васъ, развѣ опъ одинъ грамотный?

— Былъ тутъ еще и другой, то-же пропитанный! Тотъ еще и почище его пишетъ... Только засѣдатель велѣлъ ему въ сосѣдную деревню переселиться... Вишь, Федоръ-то Федорычъ къ засѣдателю въ большую милость втерся: все ему наушничать, что у насъ дѣлается... Ну, и нельзя прогнать его изъ сельскихъ-то...

Произнеся эти слова, моя собесѣдница вышла за чѣмъ-то на крыльцо и возвратившись сказала:

— Вонъ и маюръ, кажись, сюда ковыляетъ... Да, и твои лошадушки, родименькй, готовы, и хозяинъ ждетъ.

Понявъ изъ этого оборота рѣчи, что старушка боится, чтобы я ни проговорился Б—овскому о рассказанномъ ею, и самъ не чувствуя особеннаго желанія встрѣтиться съ мрачнымъ маюромъ, я поспѣшилъ сѣсть въ кошевушку и выѣхалъ со двора.

Лѣто прошеднаго года провелъ я въ городѣ Т*. Однажды, ѣдучи по утру по главной улицѣ, я встрѣтилъ многочисленную мужскую партію: по разспросамъ оказалось, что это были рабочіе, которыхъ, по случаю пожара переводили изъ К—скаго въ Т—скій заводъ. Я приказалъ кучеру

подъѣхать ближе и сталъ всматриваться: много встрѣтилось знакомыхъ лицъ, изъ нихъ одни кланялись, другіе протягивали за милостынею руку. Большая часть были печальны, — и неудивительно: они покинули заводъ, въ которомъ уже обжилсь, обзавелись домами и хозяйствомъ... У многихъ осталась въ немъ и семья, съ которою они должны были свидѣться на новосельи не ранѣе, какъ черезъ полгода; но болѣе всѣхъ поразилъ меня видъ бѣднаго Р—нова, бодро шагавшаго въ одной изъ послѣднихъ паръ, въ плохомъ, нанковомъ казакинѣ и разодранной зимней фуражкѣ. Взглянувъ на старика, я чуть не заплакалъ: онъ замѣтно постарѣлъ, щеки его еще болѣе обвисли и кости скулъ обозначились; глаза померкли и стали краснѣе прежняго; вокругъ нихъ морщинъ прибавилось; въ волосахъ и небритой бородѣ было сѣдны; тѣломъ онъ также похудѣлъ. Я соскочилъ съ пролетки и подошелъ къ нему.

— Вы ли это, Иванъ Иванычъ? сказалъ я.

— Мое глубокопочитаніе-сь! беззаботнымъ тономъ отвѣчалъ несчастный, снимая шапку: мы, изволите видѣть, въ походѣ-сь! Ужъ не въ первый разъ приходится кочевать-сь: что дѣлать?... Только ужъ старъ стаю... А вы, какъ поживаете?

— Но почему же вы не освобождены тогда, какъ я Б—овскаго уже видѣлъ на поселеніи?...

— Ему-сь сокращенъ срокъ! Онъ особливая статья: пройдоха, а я кутило — дѣло разлпчное... Его все начальство протезировало, а меня... сами знаете... Гусаръ!.. *Allons marchez!*.. Какъ быть?

— Но, вѣдь, вамъ тяжело пѣшкомъ сдѣлать полторы тысячи верстъ... неужели вамъ не прислали изъ дому денегъ на дорогу?

— Прислала-то, прислала дочь, да мало... Я знаете, съ досады, и вообще съ горя, и протеръ деньгамъ глаза... ну, а теперь приходится путешествовать пѣшечкомъ. Не совсѣмъ удобно, безспорно!.. но хуже всего то, что я и шубу уходилъ, угощая одного человѣка... Знаете, придется вѣдь и осени, пожалуй, и зимы захватить въ дорогѣ, такъ въ казенной аммуниціи не очень-то жарко будетъ...

Р—новъ замолчалъ и повѣсилъ голову; но вдругъ какъ будто утѣшительная мысль блеснула у него въ головѣ; онъ улыбнулся и, по прежнему, беззаботно сказалъ:

— Эхъ, да чего тужить!.. Не воротишь... Надо было жалѣть тогда, когда было чего; а эти пустяки трынъ-трава...

— Передъ уходомъ партіи, я еще увижусь съ вами, Ивалъ Ивалычъ! сказалъ я.

— Прощенья просимъ-съ! отвѣчалъ старикъ снова, приподнимая шапку.

Но случай хотѣлъ, чтобы я не сдержалъ своего обѣщанія, черезъ часъ послѣ моего разговора съ Р—новымъ, я принужденъ былъ выѣхать изъ города верстъ за тридцать, а возвратился только черезъ пять дней.

Ф. ТОЛЬ.

Б Р П Т Н К А.

Богданъ Хмельницкій. Сочиненіе Н. Костомарова. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1859 г.

Къ числу первокласныхъ историческихъ сочиненій нашего времени безспорно должно быть отнесено сочиненіе о *Богданъ Хмельницкомъ* г. Костомарова; на это оно имѣетъ полное право по обширному запасу источниковъ, большею частію, до сихъ поръ нетронутыхъ и не всѣмъ доступныхъ, полнотѣ содержанія, драматизму, и художественной простотѣ изложенія, — качествамъ, не всегда соединяющимся вмѣстѣ въ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Хотя авторъ и говоритъ, что его повѣствованіе, писанное не въ видѣ систематической исторіи, а разсказа, предназначается не для ученаго круга специалистовъ, а для публики, все же справедливость требуетъ сказать, что оно оставляетъ далеко назадъ за собою все, что только до-сихъ-поръ было написано о Богданъ Хмельницкомъ людьми, занимающимися малорусскою исторіею. Какое впечатлѣніе остается въ читателѣ по прочтеніи этого сочиненія, объ этомъ распространяться нѣтъ надобности; авторъ рядомъ самыхъ оживленныхъ картинъ, въ которыхъ всѣ подробности утверждены, по видимому, на несомиѣнномъ историческомъ основаніи и нѣтъ ни одного штриха, дорисованнаго фантазіей, переноситъ насъ въ самую изображаемую имъ эпоху и, не предлагая готовыхъ воззрѣній, выводовъ и заключеній, даетъ читателю полную возможность самому придти къ заключенію — что за человѣкъ былъ Богданъ Хмельницкій. А извѣстно, что подобныя сочиненія всегда читаются съ боль-

шимъ интересомъ сравнительно съ историческими изслѣдованіями, не всегда доступными для большинства читающей публики, по своей строго-научной формѣ и неизбѣжной съ нею сухости изложенія. Но мы имѣемъ теперь возможность судить о впечатлѣніи «Богдана Хмельницкаго» и на ученыхъ специалистовъ, знатоковъ малорусской исторіи. Такъ почтенный издатель недавно появившагося въ свѣтѣ *Украинца* *) высказываетъ свое мнѣніе о трудѣ г. Костомарова и, какъ видно, намѣренъ въ мельчайшихъ подробностяхъ разобрать его, раскрывая гласно недосмотры и очевидныя ошибки. Въ какой мѣрѣ имѣютъ значеніе поправки г. Максимовича, странно было бы поднимать объ этомъ вопросъ; скажемъ только, что замѣчанія, сдѣланныя не голословно, не тѣмъ законодательнымъ тономъ знатока, въ каждомъ словѣ котораго отзывается чувство оскорбленнаго самолюбія, не могутъ быть безъ пользы. А г. Максимовичъ выражаетъ только желаніе, чтобы г. Костомаровъ, въ теченіи долгихъ лѣтъ изучавшій исторію Малороссіи вообще и Хмельницкаго въ частности, передѣлалъ бы только свое сочиненіе не для одной публики, но и для ученыхъ специалистовъ. Вотъ что говоритъ онъ между прочимъ:

«Богданъ Хмельницкій г. Костомарова хорошъ, какъ Днѣпровскій лугъ, въ ту пору, когда красуется онъ длинными рядами свѣжихъ травныхъ покосовъ, послѣ удачной *косовицы* и благовременной *требовицы*. Но за привольною и веселою работою *косарей* и *требцовъ* настааетъ спѣшная и тяжелая работа *тягальниковъ* и *кидальниковъ*, чтобы уготованное благоуханное сѣно сложилось плотно въ стройныхъ скирдахъ. Чего бы и хотѣть, еслибы за эту окончательную уборку взялся самъ хозяинъ занятаго и уже скопшеннаго имъ луга, на которомъ ему уже знакомы каждый бугоръ и каждая ложбина. Эпоха гетмана Хмельницкаго, да и самъ великій Богданъ, стоитъ того, чтобы г. Костомаровъ поработалъ надъ ними съизнова,—чтобы, пересмотрѣвъ и перебравъ *критически* весь богатый запасъ, имъ собранный, сложилъ бы его въ новую исторію *Богдана Хмельницкаго*, равно удовлетворительную для публики и для ученаго міра специалистовъ. Ибо, въ какомъ бы видѣ ни была изложена исторія эпохи Богдановой,—въ видѣ романческаго разсказа, или систематической исторіи, для публики ли, для круга ли ученыхъ, или для

*) См. *Украинецъ*, изд. М. Максимовича. Москва 1859 г. Письма о Б. Хмельницкомъ къ М. П. Погодину стр. 149 и слѣд.

круга учениковъ малыхъ и большихъ,—вездѣ равно требуется и предполагается *историческая, живая истина*; а для достиженія ея, необходимо добыть *точность и вѣрность историческаго факта*, потому что это есть основаніе, безъ котораго не можетъ состояться прочно никакое дѣло историка. Мы хотимъ и требуемъ отъ исторіи, чтобы въ ней давно минувшая жизнь являлась *живьемъ* предъ очами нашими; а для этого необходимо, чтобы каждое историческое событіе и лице было познано и представлено вѣрно въ его подлинномъ видѣ и на своемъ мѣстѣ, какъ *было* оно на самомъ дѣлѣ.» — За тѣмъ начинается рядъ поправокъ, о которыхъ мы здѣсь говорить не будемъ; вѣроятно онѣ дойдутъ по назначенію и г. Костомаровъ не оставитъ ихъ безъ вниманія; этого требуетъ доброе имя его прекраснаго труда, на которомъ потрачено столько времени и который написанъ съ такимъ историческимъ тактомъ и знаніемъ дѣла.

Изъ приведеннаго уже нами мѣста читатель можетъ видѣть, что г. Максимовичъ выступаетъ противъ г. Костомарова съ тяжкимъ обвиненіемъ въ искаженіи исторической истины. Почтенный критикъ дагѣе гласно высказываетъ, что авторъ держался болѣе воззрѣнія польскаго на Хмельницкаго, чрезъ что впалъ въ односторонность и омрачилъ свѣтлый образъ славнаго гетмана, съ именемъ котораго неразлучны самыя дорогія, самыя завѣтныя воспоминанія каждаго истаго малорусса. Но въ дѣлѣ Хмельницкаго заинтересована не одна Малороссія; переворотъ, совершенный имъ отозвался роковыми послѣдствіями въ дальнѣйшей участи и самой Рѣчи Посполитой. По этому, чтобы имѣть возможность болѣе правильно судить о Хмельницкомъ, историкъ не долженъ ограничиваться тѣмъ только, что говорятъ малоруссы; справедливость требуетъ спокойно выслушать и другую сторону. А этого-то и не достаетъ у русскихъ писателей; всѣ они, какъ скоро заходила у нихъ рѣчь объ отношеніяхъ Малороссіи къ Польшѣ до Хмельницкаго и при немъ, безусловно во всемъ обвиняютъ Польшу. Спрашивается: виноватъ-ли писатель, если онъ при изображеніи лица, игравшаго главную роль въ вопросѣ объ отдѣленіи Малороссіи отъ Польши, избѣгая односторонности, непремѣнной въ томъ случаѣ, когда перомъ руководитъ чувство національной привязанности, задумалъ фактически возложить исторію Хмельницкаго и если пѣз самыхъ событій раскрывается, что дѣло послѣдняго по-мимо народнаго интереса имѣло другое гораздо высшее значеніе относительно цѣлаго государственнаго организма Рѣчи Посполитой? Не нужно упускать

здѣсь изъ виду и того обстоятельства, что идеальный образъ какого-нибудь историческаго дѣятеля, сохранявшійся въ памяти народной въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ, рѣдко соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Воззрѣніе на Хмельницкаго общее всѣмъ малоруссамъ, кто только писалъ объ немъ до г. Костомарова, скорѣе должно почестся идеальнымъ; а г. Костомаровъ, не вдаваясь въ идеалы, старается изобразить его такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности и, черезъ дѣйствительность, довести читателя до составленія общей идеи объ немъ. Что же это за идея и въ какой мѣрѣ можетъ быть она принята, какъ достоинство науки?—рѣшенію этихъ двухъ вопросовъ и посвящается настоящая наша статья; подробный разборъ труда г. Костомарова, по связи его съ исторіею Малороссіи вообще, мы пока оставляемъ, интересуясь напередъ узнать—какъ далеко зайдутъ поправки г. Максимовича. Но чтобы имѣть возможность съ большею опредѣлительностію судить объ основной идеѣ г. Костомарова о Хмельницкомъ, полагаемъ не будетъ излишнимъ, если мы предварительно изложимъ прежнія воззрѣнія на него, какъ русское, такъ и польское. Какъ смотрятъ на него поляки, объ этомъ читатели могутъ судить отчасти по извѣстнымъ замѣткамъ г. Грабовскаго *). Но мы имѣемъ еще цѣлостный, болѣе глубокой взглядъ, принадлежащій писателю, пользующемуся заслуженною извѣстностію въ ученомъ мѣрѣ—взглядъ Лелѣвеля. Чуждый всякаго пристрастія, не ослѣпляясь патриотизмомъ, онъ въ своемъ сочиненіи, носящемъ заглавіе—«*Разсужденія о политическомъ состояніи прежней Польши*» **) — говоритъ и объ отношеніяхъ Рѣчи Посполитой къ Малороссіи.

Извѣстно, какъ еще неудовлетворительно состояніе обработки малорусской исторіи; въ ней цѣлыя эпохи до-сихъ-поръ представляются нетронутыми; разнорѣчивыя показанія объ одномъ и томъ же предметѣ очень часто остаются не соглашенными. Не говоря уже о частностяхъ, вспомнимъ только въ какомъ положеніи находятся такіе существенные вопросы, какъ вопросъ о соединеніи южнорусскихъ земель сперва съ Литвою, а потомъ чрезъ Литву съ Польшею. Мы знаемъ только внѣшнюю исторію этого соединенія; а какъ оно отозвалось на внутреннемъ орга-

*) Записки о южной Руси, томъ II, стр. 293 и слѣдующія; возраженіе Грабовскому Максимовича въ Рус. Бесѣдѣ т. IV, 1857 г. стр. 35 и слѣдующія.

**)*) Betrachtungen über den politischen Zustand des ehemaligen Polens. 1845.

низмъ Южной Руси, какое произвело измѣненіе въ ея социаль-ныхъ отношеніяхъ, обо-всемъ этомъ, безъ преувеличенія можно сказать, не было еще прямой рѣчи. Не менѣе недостаточна обработка вопроса о казачествѣ. А между тѣмъ въ настоящее время, при тѣхъ условіяхъ, съ какими соединено успѣшное разъясненіе русской исторіи, вообще вѣроятно никто не сомнѣвается болѣе, что казачество какъ днѣпровское, такъ и донское принадлежитъ къ разряду тѣхъ оригинальныхъ и своеобразныхъ явленій русской жизни, не зная которыхъ, нельзя составить себѣ ясной идеи объ историческомъ развитіи послѣдней. Два вольныхъ братства, утвердившихся въ широкой южнорусской степи, на двухъ великихъ рѣкахъ, двухъ естественныхъ путяхъ изъ Россіи въ Черное море, вызваны были на историческое поприще условіями, на которыхъ опирался государственный бытъ двухъ великихъ государствъ, собравшихъ обширныя земли восточной половины Европы,—государствъ московскаго и польско-литовскаго. Исторія не можетъ съ точностію опредѣлить время начала днѣпровскаго и донскаго казачества. И очень естественно: подобныя явленія зачинаются незамѣтно. Народныя преданія какъ на Дону, такъ и на Днѣпрѣ согласно свидѣтельствуютъ, что первое казацкое поселеніе на этихъ рѣкахъ вызвано было обиліемъ звѣриной и рыбной ловли. Но здѣсь, при всемъ сходствѣ преданій, усматривается и важное отличіе. Такъ донское преданіе говоритъ, что первый поселенецъ на Дону, имѣя большую охоту бить звѣрей и переходя съ мѣста на мѣсто, пробрался на Донъ, по которому спустился до самыхъ устьевъ. Здѣсь онъ водворился на постоянное жительство; промыселъ его оказался очень прибыльнымъ; а, разъѣзжая съ пушнымъ товаромъ по разнымъ населеннымъ мѣстамъ Россіи, онъ заохотилъ послѣдовать его примѣру и другихъ, предприимчивыхъ промышленниковъ, которые и стали приходить на низовья Дона для поселенія. Въ скоромъ времени число ихъ увеличилось и первый поселенецъ былъ избранъ старшимъ, или атаманомъ. Вновь возникшее общество жло свободно и никому не платило дани; *вольные* казаки называли себя русскими по закону и вѣрѣ православной. Запорожцы же рассказывали, что начало ихъ войско получило отъ нѣкаго Семена, *польскаго* выходца, который для рыбнаго промысла и ловли звѣриной первоначально поселился на рѣкѣ Бугѣ. Когда къ нему собралось не малое число подобныхъ ему охотниковъ, то онъ также выбранъ былъ въ атаманъ. Преданіе относитъ поселеніе Семена къ отдаленной стари-

нѣ и понятно по чему: Днѣпръ испоконъ вѣку благопріятствовалъ развитію на немъ вольныхъ дружинъ; такимъ зналъ его и Константинъ Багрянородный, описавшій молодецкія прогулки въ Черное море руссовъ на ихъ не затѣйливыхъ *однодеревкахъ*. Но оставимъ преданія и обратимся къ положительной исторіи; здѣсь мы можемъ сказать утвердительно, что образованіе казачества какъ на Дону, такъ и на Днѣпрѣ вызвано было внутренними условіями жизни какъ въ московскомъ, такъ и польско-литовскомъ государствахъ, а именно: объединеніе восточнорусскихъ земель Москвою, идущее рука-объ-руку съ усиленіемъ центральной власти великихъ князей, а потомъ царей московскихъ, мало-по-малу подчиняло опредѣленнымъ условіямъ жизнь народа, давало ей направленіе и сдерживало безграничный произволъ. Естественно, что тѣ, для которыхъ тягостенъ былъ суровый московскій государственный обычай, стали искать простора въ вольной степи, и толпы народа повалили на знакомый Донъ, извѣстный своимъ широкими раздольями. Общество, возникшее здѣсь, не терѣло, если его называли *московскимъ*, за то любило именоваться русскимъ, противопоставляя такимъ образомъ общее названіе частному, съ которымъ неразлучно было представленіе о тягостной для него *землицѣ*. Но скоро московскій обычай сталъ донимать казаковъ и въ вольной степи. Тогда они, волею-или-неволею, должны были явиться слугами государства и стали воевать съ одной стороны съ татарами, окаймлявшими восточную европейскую равнину съ юга и съ другой—искать поприща своей удали за Волгою. Наконецъ, пробравшись въ отдаленную Сибирь, поклонились вновь взятымъ ими сибирскимъ царствомъ не кому другому, а грозному царю Ивану Васильевичу, который былъ грозенъ и для нихъ. Въ эпоху смуты, потрясавшихъ московское государство, по прекращеніи династіи московскихъ рюриковичей, донскіе казаки, не забывавшіе кровной связи, соединявшей ихъ съ восточною Русью, выступили на поприще, понимая по своему какого рода порядокъ долженъ установиться въ московскомъ государствѣ. Здѣсь въ высокой степени замѣчательна та черта, что каждая ихъ партія, имѣвшая главную цѣлью грабежъ и поживу, старалась прикрыть ее благовиднымъ предлогомъ, что поддерживаетъ царя законнаго, какимъ казаки объявляли cadaго изъ той толпы самозванцевъ, которые явились цѣлюю стаею по сверженіи перваго Лжедмитрія, введшаго въ соблазнъ и степенныхъ московскихъ земцевъ. Исторія смуты показала, что московскій земець сильнѣе казака

безурядника, — и въ результатѣ вышло подчиненіе донскаго казачества московскому земству.

Казачество днѣпровское, вызванное на свѣтъ также социальными условіями жизни польско-литовскаго государства, состояло не въ тѣхъ отношеніяхъ къ Рѣчи Посполитой, въ какихъ донское было къ Москвѣ. Тамъ всякой новый выходецъ изъ Польши или Литвы, становясь членомъ вольнаго *товариства*, на всегда отказывался отъ своей національности, становился русскимъ; отказывался онъ и отъ латинства, принимая на себя обѣтъ быть вѣрнымъ сыномъ и защитникомъ православной церкви. Условія, на которыхъ опиралось запорожское братство, не даромъ называвшее себя *рыцарствомъ* *), ясно даютъ намъ знать, что не одно желаніе высвободиться изъ-подъ тяготы, которою гнѣла низшій классъ народонаселенія аристократическая Рѣчь Посполитая, влекло толпы народа на Днѣпръ, но что всякой, становившійся вольнымъ казакомъ, обязывался служить высшей цѣли, состоявшей въ борьбѣ съ врагами православія, гдѣ бы они ни были и съ какой бы стороны ни оказались. Исторія здѣсь свидѣтельствуетъ, что какія бы отношенія ни существовали между днѣпровскимъ казачествомъ и Рѣчью Посполитою, на какія бы уступки послѣдняя въ пользу ихъ не рѣшалась, — въ результатѣ могла быть только одна кровавая война, которая тѣмъ неизбежно должна была разразиться, чѣмъ настойчивѣе Рѣчь Посполитая стала подводить народонаселеніе юго-западной Руси подъ общій бѣдственный уровень съ народонаселеніемъ исконныхъ польскихъ земель. Разъясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ находится въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи по настоящее время. Всѣ, кто только брался за малорусскую исторію, разъясняли ее въ отдѣльности отъ исторіи Польши; а между тѣмъ, съ той поры, какъ Малороссія утратила самобытное существованіе, исторія ея можетъ быть понята и разъяснена единственно въ связи съ исторіей Польши. Пока мы будемъ упускать изъ виду это важное обстоятельство, очевидно, взглядъ нашъ на историческую судьбу южнорусскихъ земель, будетъ не вѣренъ и одностороненъ. Въ послѣднемъ убѣдиться не трудно: стоитъ только обратить вниманіе на то, какъ изображалась до-сихъ-поръ самая эпоха Хмельницкаго, о которой дошли до насъ болѣе подробныя и обстоятельныя извѣстія сравнительно съ предшествовавшимъ ей временемъ и которую наиболѣе прославляетъ южнорусскій на-

*) Или, собственно говоря, *рыцарства*.

родъ въ своихъ думахъ и быльяхъ. Взглядъ, какой имѣли на Хмельницкаго и на событія его времени, малорусскіе писатели XVII столѣтія, сохранился неизмѣннымъ въ сочиненіяхъ и позднѣйшихъ. Въ XVII столѣтіи его называли вторымъ Моисеемъ, выведшимъ украинскій народъ изъ польской работы *). Позднѣйшіе писатели утвердили за нимъ значеніе историческаго дѣятеля, давашаго направленіе событіямъ, проникнутаго идеей объ освобожденіи Малороссіи и служившаго этой идеѣ послѣдовательно и неизмѣнно отъ перваго до послѣдняго шага на трудномъ его историческомъ поприщѣ. Подъ перомъ ихъ, дѣло Малороссіи въ борьбѣ съ Польшею за независимость — является безусловно правымъ. Согласны, что нельзя не воздать здѣсь должнаго уваженія національному чувству, — согласны, что поборники малорусской независимости, отстаивавшіе самые завѣтные, самые священные интересы своей отчизны — не могутъ не внушать уваженія къ себѣ въ отдаленномъ потомствѣ. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ возстаніи Малороссіи заинтересована не менѣе русскихъ и другая сторона — польская: для Польши оно имѣло также роковое значеніе. Понятно, что для того, чтобы окончательный приговоръ въ этомъ вопросѣ былъ исполнѣнъ вѣренъ, его нужно рѣшать, выслушивая спокойно и безпристрастно и ту и другую сторону, не поддаваясь влеченіямъ сердца, остерегаясь указаній патріотизма, этого ненадежнаго руководителя тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ оправданіи или осужденіи заинтересованныхъ тяжбою въ дѣлѣ народности. — Въ тяжбѣ же Малороссіи съ Польшею, доводы, выставляемые послѣднею въ свое защищеніе, не такого свойства, чтобы судъ могъ ихъ отвергнуть безусловно. Здѣсь особенно важно то обстоятельство, что въ то время, какъ малорусское возрѣніе въ теченіи болѣе, чѣмъ двухъ сотъ лѣтъ остается неизмѣннымъ, взглядъ поляковъ на Хмельницкаго значительно прояснился по мѣрѣ того, какъ проходило ожесточеніе, съ которымъ говорили объ немъ люди, находившіеся подъ непосредственнымъ вліяніемъ самыхъ событій той бѣдственной для Польши эпохи, и въ сужденіяхъ объ пей позднѣйшихъ польскихъ писателей, мы встрѣчаемъ гораздо болѣе спокойствія, чѣмъ въ сужденіяхъ противной имъ стороны. Не отвергая справедливости многихъ обвиненій, выставляемыхъ малоруссами, они обнаруживаютъ явное стремленіе раскрыть болѣе глубокія причины малорусскаго возстанія. — Извѣстно, что съ того времени, какъ

*) Лѣт. Величка т. I. стр. 31.

Малороссія стала сливаться съ Польшею, вмѣстѣ съ польскимъ порядкомъ въ русскихъ земляхъ стали укореняться и тѣ недостатки, отъ которыхъ страдала общественная жизнь въ самой Польшѣ: тамъ, какъ и здѣсь, стало господствовать различіе въ классахъ народонаселенія—одни становились *хлопами и подданными*, другіе — господами. Какъ обыкновенно бываетъ, недостатки, отъ которыхъ терпитъ общество, рѣзче выказываются на почвѣ, на которую они пересаживаются вновь, нежели тамъ, гдѣ они составляютъ исконное явленіе жизни. Такъ было и въ Малороссіи: безусловное господство одного класса надъ другимъ, утвержденное въ Польшѣ вѣками, перенесенное на русскую почву—неминуемо должно было повлечь за собою тѣ явленія, которыя поставили Южную Русь въ противоположность Польшѣ, и оправдали на дѣлѣ невозможность слитія ея съ послѣднею въ одно государственное тѣло. Различія національностей и вѣроисповѣданій довершило здѣсь то, что начато было близорукою политикою польскаго правительства, недопускавшаго возможности равноправнаго существованія подъ однимъ скипетромъ народовъ, съ сохраненіемъ неприкосновенными вѣры, обычаевъ и законовъ одного изъ нихъ. Такимъ образомъ неизбѣжна была катастрофа, совершившаяся въ польскомъ государствѣ въ половинѣ XVII столѣтія. Взглядъ новѣйшихъ польскихъ писателей на эту катастрофу глубже сравнительно съ малорусскимъ. Въ этомъ убѣждается каждый, знакомый съ *разсужденіями* Лелевеля въ выше указаномъ нами его сочиненіи. Разоблачая польскій государственный бытъ и характеризуя бѣдственное положеніе низшихъ классовъ народа въ Польшѣ, повсемѣстно, въ періодъ времени отъ 1607 года, онъ говоритъ:

«Страшныя знаменія дѣйствительно предвѣщали ужасную будущность, которая наступала уже быстрыми шагами, озабочивала дворянство, но не приводила его на путь здравомыслія. Терпѣніе народа истощилось; не говоря о религіозномъ волненіи, вслѣдствіе котораго горожане склонны были къ беспокойствамъ, какъ это на самомъ дѣлѣ обнаружилось между схизматическимъ (православнымъ) народонаселеніемъ въ Витебскѣ, движеніе становилось замѣтнымъ въ степномъ краю, куда теперь все болѣе и болѣе стекался народъ, покидая свою родину. Частыя опустошенія, которымъ подвергались пограничныя провинціи, не страшили его: онъ искалъ тамъ иного счастья, приставалъ къ партіямъ, которыя боролись между собою уже тридцать лѣтъ. Украина представляла лучшіе виды и служила вѣрнымъ убѣжи-

щемъ для тѣхъ, которые успѣвали спастись отъ своихъ господъ. Бродяжничество, грабежъ и разбой размножились. Чтобы остановить зло, еще въ 1595 году въ великой Польшѣ изданы были многочисленныя постановленія, которыми объявлялись бродягами, негодяями (*hultai*) всѣ кметы и садовники, равно дѣти ихъ обоого пола, которые только осмѣлятся самовольно покинуть свои жилища; подобныхъ повелѣвалось задерживать, ковать въ кандалы и употреблять на каторжную работу. Въ 1633 году эта жестокая и тиранская мѣра принята была въ Мазовіи и Пруссіи; но она не уменьшила тамъ зла. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рокиа 1612 года, большія дороги и проселки не были болѣе безопасны отъ множества воровъ (*opriszki*). Тогда прибѣгнули къ крайней строгости. Въ 1614 году, подъ Бѣжемъ поймано было въ одинъ день и повѣшено 120 разбойниковъ. Подобные случаи имѣли въ результатѣ только неудовольствіе и отчаяніе; не такія нужны были мѣры противъ народонаселенія Украйны, казаковъ, умы которыхъ и безъ того были взволнованы и склонны къ отпаденію; вслѣдствіе чего и безъ того ежеминутно нужно было ожидать возстанія».....

Здѣсь авторъ возвращается назадъ и говоритъ о первомъ появленіи казаковъ. Сказавъ нѣсколько словъ о казацкихъ возстаніяхъ въ концѣ XVI вѣка и упомянувъ о гибели Наливайки, умершаго отъ того, что ему не давали заснуть ни на минуту *), онъ продолжаетъ: «Чтобы держать казаковъ въ уздѣ, въ 1607 году дворянство учредило особый судъ и, опираясь на распоряженія 1589, 1590, 1601 годовъ, возобновило старую конфедерацию 1438 года, по которой всѣ туземцы, владѣющіе поземельною собственностію, обязывались дѣйствовать оружіемъ и истреблять всѣхъ тѣхъ, которые, будучи недовольны земскими законами, осмѣлются поднять оружіе или станутъ распространять сѣмена ереси. Мѣра эта была направлена противъ казаковъ, хотя составлявшее ихъ воинственное простонародіе не было собственно еретическимъ; но оно не было и католическимъ, а состояло изъ схизматиковъ. Всегда готовые къ войнѣ, казаки давали убѣжище недовольнымъ простолюдинамъ, бѣглымъ и бродягамъ, число которыхъ увеличилось. Эти факты имѣли чрезвычайную важность относительно участи Польши: они предвѣщали народное возстаніе и заслуживаютъ тѣмъ болѣе тщательнаго разсмотрѣ-

*) «Solis vigiliis, quod ipsi non fuisset concessum dormire enecatus,» говоритъ Пясецкій.

ня, что сбивчивость ихъ требуетъ особенныхъ разъясненій въ различныхъ отношеніяхъ». — Сказавъ о запорожскихъ и украинскихъ казакахъ, авторъ переходитъ къ военнымъ ихъ подвигамъ, которые представляетъ въ слѣдующемъ видѣ: «Въ этотъ періодъ распада Польши, когда основнымъ положеніямъ и желаніямъ республики противодѣйствовало столько разнородныхъ элементовъ, пришелъ въ противорѣчіе съ нею и народъ казакій. Не желая завоеваній, республика не искала войны, а между тѣмъ она постоянно вовлекаема была въ войну королемъ, магнатами и казаками, ибо всѣ они думали, что имъ позволительно дѣйствовать, руководствуясь частными своими видами, и вступать въ соглашенія съ иностранцами, не обращая вниманія на интересы республики; однихъ побуждали династическія стремленія, другихъ властолюбіе, третьихъ жажда войны и грабежа. У казаковъ не было никакого высшаго побужденія; желаніе добычи и страсть вооружали ихъ противъ греческой неуніатской вѣры, которая была также ихъ вѣрою,— противъ свободы народовъ, которыхъ они обязаны были защищать, народовъ, съ которыми они по общему происхожденію скорѣе должны были находиться въ братствѣ; они служили честолюбивымъ видамъ московскихъ вельможъ, служили иноземному деспотизму, который стремился если не къ истребленію славянской расы, то все же къ тому, чтобы лишить ее независимости и вольностей. Такой неблагоприятный отпечатокъ носятъ на себѣ всѣ казакіе походы въ Богемію, Германію, Венгрію, даже Турцію. Слава, заслуженная ихъ мужествомъ и храбростію, пятнается подобнымъ недостойнымъ и позорнымъ непостоянствомъ, противорѣчущимъ генію республики. Они обязаны были защищать границу государства отъ татаръ и турокъ; но когда Турція бывала въ союзѣ съ республикою и считала себя безопасною съ этой стороны, казаки не переставали тревожить ее своими набѣгами. Въ 1578 году Подкова былъ обезглавленъ, чѣмъ дано было удовлетвореніе Оттоманской Портѣ. Тѣмъ не менѣе вся ярость казаковъ опрокинулась сперва на Турцію. На своихъ чайкахъ они объѣхали всѣ берега Чернаго моря, презирали турецкимъ флотомъ и опустошали какъ большіе города, такъ и ровные берега въ Азии и Европы; мало того— они разграбили въ 1591 году подъ предводительствомъ своего гетмана Шаха константинопольскія предмѣстья. Огорченная до крайности Турція стала грозить Польшѣ, которая въ свою очередь тщетно старалась препятствовать неприязненнымъ дѣйствіямъ казаковъ, тщетны были попытки на-

казать их неповиновеніе. Подобныя старанія были тѣмъ без-
 полезнаѣ, что Сигизмундъ III и его камарилла благопріятствовали
 католическимъ интригамъ Австріи. Императоръ Рудольфъ II, вое-
 вавшій тогда съ Турціею, разжигалъ предпріятія казаковъ, по-
 сылавъ имъ оружіе, снаряды, деньги, прислалъ даже император-
 ское знамя и титулъ, какъ будто они были подданными имперіи.
 Хлопцкій, Лобода, Наливайко, Совула и другіе вожди казаковъ
 понесли имперское знамя въ Венгрію, и въ возстаніе Наливайка
 въ 1596 году, у побѣжденныхъ найдены были императорскія
 знамена. Королевскій дворъ, разрѣшившій Австріи вербовать по
 всей Польшѣ волонтеровъ, почти не противился вовсе подоб-
 нымъ неблаговиднымъ дѣйствіямъ. Республика, или лучше дво-
 рянское сословіе, въ 1607 году, въ пылу гнѣва, обрело было на
 погибель этихъ *еретическихъ воителей*, какъ вдругъ нападеніе на
 Москву, по причинѣ Лжедмитріевъ, отвлекло предпріятія каза-
 ковъ въ одну сторону, обреченную на опустошеніе, а чрезъ это
 на нѣсколько лѣтъ пріостановился дальнѣйшій ходъ этого рѣд-
 каго замѣшательства, занимавшаго силы республики, пришедшія
 въ крайнее разстройство столь неестественнымъ и гибельнымъ
 образомъ. Еще не кончились смуты московскія, какъ игра нача-
 лась снова. На этотъ разъ Турки не удовольствовались только
 тѣмъ преимуществомъ, полученнымъ надъ польскими магнатами,
 дѣйствовавшими въ союзѣ съ Могилою, что казаки были удержа-
 ны короннымъ гетманомъ Жолкевскимъ: они потребовали уступки
 Молдавіи и получили ее по договору 1618 года. Вскорѣ за этимъ,
 въ 1620 году, одержали они побѣду подъ Цецорою, которая
 упрочила за ними это пріобрѣтеніе, наконецъ они продолжали
 войну въ 1621 г., чтобы еще болѣе обезпечить свое завоеваніе
 взятіемъ Хотина. Тридцать тысячъ казаковъ поспѣшпо туда
 подъ предводительствомъ знаменитаго Петра Конашевича съ
 тѣмъ, чтобы пробить густыя массы турокъ, окружившихъ Хо-
 тинъ. Въ это время отъ 8 до 10,000 *казаковъ-лисовичковъ* слу-
 жили кровожаднымъ цѣлямъ Фердинанда II; ихъ выслалъ въ
 Германію въ 1618 и 1628 г. король Сигизмундъ III; жертвами
 ихъ были венгры, богемцы, славяне и нѣмцы. Чтобы понять
 духъ той эпохи, не нужно забывать про чародѣйственный жезлъ
 Валенштейна, который умѣлъ волновать разноязычныя народы»....

Періоды развитія казачества авторъ характеризуетъ такъ:
 «Отъ первой организаціи казаковъ при Сигизмундѣ-Старомъ, въ
 продолженіи 68 лѣтъ (отъ 1510—1578 года), Литва, Польша и
 преимущественно русскія провинціи пользовались услугою, какую

оказывали имъ запорожцы, защищая предѣлы отъ набѣговъ татаръ; отъ второй организаціи, данной имъ Стефаномъ Баторіемъ, въ теченіи 50 лѣтъ (отъ 1578—1636), ихъ отважные военные подвиги распространили славу ихъ по всей Европѣ; число ихъ возрасло, они увеличили замѣшательство республики и приобрѣли политическое значеніе. Могло случиться, что турки прибѣгнутъ къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ противъ походовъ казаковъ, или же удастся республикѣ указать цѣль вѣроломнымъ предпріятіямъ ихъ за-границею государства, — или же могло быть, что казаки, размысливъ о самихъ себѣ, обратятъ вниманіе на свое положеніе и на государство, къ которому они принадлежали; извѣстно только то, что ихъ военныя предпріятія уменьшились вмѣстѣ съ предпріятіями магнатовъ. Магнаты и казаки, все стекалось теперь обратно въ отечество, все сосредоточивалось внутри республики, которая и была такимъ образомъ разрываемая противоположными принципами».... Далѣе идетъ рѣчь уже исключительно о непріязненныхъ отношеніяхъ казаковъ. Здѣсь по нашему мнѣнію особенно важно слѣдующее мѣсто, — авторъ говоритъ: «По смерти Сигизмунда III, въ 1632 году, поднятъ былъ иного рода вопросъ. На избирательномъ полѣ многіе князья, кварцаное войско и казаки обратились къ собравшемуся дворянству съ требованіемъ о допущеніи ихъ къ подачѣ голосовъ, что считалось высшимъ правомъ каждаго свободнаго гражданина. И почему бы не быть этому? Почему казакамъ, которые выбрали себѣ гетмана и каждый изъ нихъ могъ считать себя кандидатомъ на это званіе, не участвовать вмѣстѣ съ дворянствомъ въ выборѣ верховной главы республики, въ которой они составляли столь почтенную часть, — почему бы имъ не дѣйствовать на ряду съ прочими, и даже не имѣть права кому нибудь изъ нихъ быть выбрану? Дворянство не изъявило ни малѣйшаго изумленія передъ такимъ требованіемъ и отвѣчало князьямъ, что они присвоиваютъ себѣ степень высшую, чѣмъ какую занимаетъ оно само, и что нарушится принципъ равенства, если и ихъ допустить къ участию въ выборѣ. За тѣмъ относительно солдатъ сказано, что они не должны имѣть право избирателей, потому что получаютъ отъ республики жалованье. Касательно казаковъ, дворянство съ гнѣвомъ поставило на видъ, что они неблагородные и низкаго происхожденія, почему и не должны быть сравниваемы съ благородными. Другими словами — поднявшіе такой вопросъ, требовали собственно предоставленія права дворянства казакамъ, ибо послѣдніе, хотя и не были

благородными, все же были поземельными собственниками и людьми военными. Духъ касты, какимъ одушевлено было дворянство, почувствовалъ себя оскорбленнымъ подобнымъ высокочтимымъ требованіемъ, и только уступчивость казаковъ отклонила на этотъ разъ несчастіе отъ республики, которое неминуемо потомъ постигло ее. Еще число казаковъ было ограничено, еще ихъ разсматривали какъ жителей округа, какъ классъ польскаго народонаселенія; духъ ихъ не созрѣлъ до идеи образовать отдѣльную націю; получивъ право дворянства одинъ разъ навсегда и слившись съ шляхтою, они неминуемо исчезли бы и съ именемъ своимъ и элементомъ, словомъ перестали бы существовать. Но благопріятный случай былъ упущенъ, а чрезъ это произошелъ рѣшительный разрывъ между шляхтою и казаками, который вскорѣ противопоставилъ непреодолимыя преграды. Это затрудненіе предвидѣли и поклялись погубить казаковъ, чтобы предотвратить его. Хорошо поняли магнаты и старосты воззваніе къ истребленію. Оно должно было совершиться не чрезъ побіеніе цѣлаго многочисленнаго народа, но чрезъ порабощеніе его. Для обработки обширныхъ полей, принадлежавшихъ коронѣ и магнатамъ водворялся въ Украинѣ, какъ и вездѣ, тотъ трудолюбивый классъ крѣпостныхъ, которые извѣстны были подъ названіемъ подданныхъ и хлоповъ. Они не имѣли собственности, скорѣе сами составляли собственность, и справляли барщину, платили поземельныя подати и вносили своимъ господамъ наложенныя на нихъ пошлины. Такъ какъ въ Украинѣ обработка полей была легче, сноснѣе и въ то же время господа сильно желали извлекать пользу изъ украинскихъ земель, то этотъ классъ былъ здѣсь особенно покровительствуемъ; водвореніе его здѣсь соединялось съ большимъ удобствомъ. Помѣщики принимали даже бѣглыхъ и защищали ихъ. Кромѣ того, они и изъ прочихъ своихъ владѣній позволяли выходить переселенцамъ и давали имъ десять и даже двадцать льготныхъ годовъ. Было время, когда крѣпостные, живя рядомъ съ вольными казаками, свободнѣе могли переводить духъ. Но эти кроткія времена скоро миновались: положеніе крестьянъ на многихъ пунктахъ, наконецъ по всей Украинѣ стало тягостнѣе. Увеличена барщина, усилились подати и наборы—и быстрыми шагами для Украины пошла впередъ одинаковость положенія съ прочими провинціями королевства. Введены были пошлины за крестины, браки (kunica), словомъ—тысячами придумывались разныя притѣсненія. Помѣщикъ, обратившійся въ католичество притѣснялъ своихъ подданныхъ

въ ихъ исповѣданіи. Той же участи, каковую испытывали крѣпостные, обречены были и казаки, какъ по общимъ началамъ господства шляхты, такъ и по мѣрамъ, принятымъ къ ихъ истребленію. Къ этому времени въ Украинѣ вовсе не было зажиточнаго средняго сословія; все было подѣлено между королевскими доменами и магнатами; а никто, какъ магнаты и старосты, подерживаемые іезуитами и евреями, ковали цѣпи казакамъ. Поземельные собственники и управители королевскихъ имуществъ привыкли обращаться съ крестьянами, какъ съ рабами, не знали ничего средняго между рабомъ и господиномъ; всѣми силами старались они поработить и казаковъ, и ихъ желали они принудить къ подобнымъ же податямъ и барщинѣ, какія исполняли польскіе крестьяне. Евреи, всегда хорошо знавшіе какъ извлекать пользу изъ дворянскихъ имѣній, захотѣли обратить въ свою пользу и этотъ новый источникъ богатства: они отняли у казаковъ мелочную торговлю, свободу винокурения и захватили въ свои руки монополію. У казаковъ отняли даже церкви и кладбища; учредили суды, а совѣстію стали завѣдывать достопочтенные отцы-іезуиты *); вырывали кости схизматиковъ и предавали ихъ поруганію. Тайными подстрекательствами, насиліемъ и оскорбленіемъ побуждали народъ къ смутамъ и возстаніямъ, чтобы имѣть хоть какую-нибудь причину наказывать, прибѣгать къ строгости и налагать тяжчайшее ярмо. Варварская алчность магнатовъ и старость приготовила для республики безконечное несчастье и неисчислимый вредъ. Въ эти годы внѣшняго спокойствія увеличались мученія, угнѣтеніе и насиліе до невѣроятной степени; тогда же стали громко говорить передъ королемъ и сенатомъ, что нужно обуздать казаковъ и рѣшено построить крѣпость, чтобы предупредить возстаніе»....

Сказавъ о постройкѣ Кодака, пораженіи подъ Кумейками, дагѣ о возстаніи Острияницы и гибельныхъ послѣдствіяхъ этого возстанія для Украины, авторъ продолжаетъ: *«Такъ почти совсѣмъ истреблена была военная сила, возвысившая славу Польши, не стоившая послѣдней ни гроша и оборонявшая ее отъ вторженій татаръ, какъ говоритъ Лабуреръ, посѣтившій около того времени Польшу. Десять лѣтъ порабожденія слѣдовали за этими событіями, ознаменованныя постояннымъ притупиваніемъ народныхъ волненій по всей Польшѣ, и только отъ времени до времени зловѣ-*

*) «Omnem jurisdictionem instinctu reverendorum patrum iesuitarum in illos usurpando,» говоритъ Грондскій.

шая тишина Украйны прерывалась криками мести и воплями отчаянія; ожидался только случай, чтобы свергнуть ярмо *). Криштофъ Опалицкій и Андрей Рудомпна, видя страшный пожаръ республики и почву, залитую кровью ея дѣтей, громко возвѣщали, что Богъ караетъ ихъ за притѣсненіе народа и тиранство, за эти двѣ единственныя причины возстанія крестьянъ и всеобщаго несчастія. А правдивый историкъ Рудавскій, изображая бѣдствія отечества, не могъ затанть огорченія, овладѣвавшего его душою, противъ шляхты, хотя и самъ былъ шляхтичъ, и высказалъ полное убѣжденіе, что страшное несчастіе порождено пороками и высокоуміемъ этого сословія. Онъ радовался, когда гордые притѣснители попадали въ плѣнъ и отводимы были татарами въ рабство, ибо это, по его мнѣнію, было единственнымъ средствомъ обуздать варварскую жестокость, съ какою они обходились съ своими подданными; онъ выражалъ надежду, что ихъ дикій образъ мыслей въ цѣпяхъ, наложенныхъ врагомъ, смягчится и возвратится къ здравому смыслу. Но прежде нежели размышленіе могло смягчить умы, шляхта упорно выдерживала кровавую борьбу, отстаивая свою узурпацію и господство. Никогда не было столько несчастныхъ случаевъ, потерь, униженія, никогда не обнаруживалось столько огорченія и не приносилось столько жертвъ, какъ въ настоящихъ плачевныхъ обстоятельствахъ. Цвѣтъ юности опалъ, имущества дворянъ разорены, семейства опозорены, лучшіе ихъ члены побиты, источники истощены, а шляхта все на каждомъ сеймѣ въ одинъ голосъ требуетъ продолженія войны и стремится на театръ ея изъ всѣхъ палатинатовъ съ ревностію, какой не было еще примѣровъ; ни ошибки вождей, ни собственные неудачи дворянъ не ослабляли этой необыкновенной ревности; они заключили неразрывный союзъ съ магнатами; и хотя шляхта желала ограничить гордость послѣднихъ, все же подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, всѣ согласны были касательно этого пункта; личныя распри главныхъ начальниковъ разстроили нѣкоторые изъ военныхъ предпріятій и были причиною безурядицы; но не прошло ни малѣйшаго раздѣленія въ массѣ угрожаемаго сословія: аристократы и шляхта были согласны между собою и разсматривали дѣло, какъ общее для всѣхъ. Распущенъ былъ тревожный слухъ, что съ казаками за одно какіе-нибудь Осолинскій и Радзівевскій, которые и побудили ихъ къ возстанію;

*) «Cum maximo gemitu expectabant excutiendi jugi occasionem», говоритъ Грондскій.

но шляхта скоро замѣтила, что цѣлью интригъ этихъ магнатовъ отнюдь не дѣло народное, а интересы одной только партіи».....

Силу и характеръ казацкаго возстанія при Хмельницкомъ, авторъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: «нѣкоторые изъ дворянъ дѣйствительно побуждали казаковъ къ возстанію, чѣмъ и придали волненію ихъ высшій соціальный и политическій характеръ. Хмельницкій, Виговскій и нѣкоторые другіе стояли тогда на первомъ планѣ по ихъ способностямъ и великимъ идеямъ, недостаткамъ и слабостямъ. Хмельницкій явился въ судъ съ жалобой на аристократію, по случаю нанесенаго ему оскорбленія; когда же онъ не получилъ управы и дѣло казацкое, представленное на судъ государственныхъ чиновъ, не имѣло успѣха, тогда онъ въ ожесточеніи сдѣлался главой казаковъ. Прежде пораженія казаки могли выставить армію въ 50 т., сила эта была весьма недостаточна въ войнѣ съ государствомъ, располагавшимъ гораздо большимъ войскомъ и имѣвшимъ полную возможность, во время поголовнаго ополченія (посполитаго рушенья), выставить вчетверо и даже впятеро больше. По этому казакамъ нужны были союзники. Татары, по положенію и по способу веденія войны, были естественными для нихъ союзниками; число ихъ могло покрыть тучами горизонтъ Польши. Они представлялись первыми; но, собственно говоря, могли быть союзниками казаковъ на мгновение, ибо привычны были только наказывать республику временно, чѣмъ быть непримиримыми ея врагами. Казаки, по положенію, въ которое недавно были поставлены, находились въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, чѣмъ когда-либо, и всегда могли рассчитывать на сочувствіе народа, угнетеннаго дворянствомъ. Хмельницкій дѣйствительно обратился къ народу. Выставляя знамя возстанія, онъ поднялъ казаковъ, татаръ и крестьянъ русскихъ провинцій. Казаки и крестьяне подняли оружіе за свободу и вѣру. На этотъ призывъ учетверяется число ратниковъ Хмельницкаго и, по-видимому, должно было ожидать истребленія дворянства. Современо съ этимъ приходитъ къ концу тридцатилѣтняя война, которая уже нѣсколько лѣтъ ведена была вяло. Польскіе охотники и искатели приключеній не были болѣе отвлекаемы въ эту сторону, слѣдовательно военнымъ силамъ Хмельницкаго представилась новая возможность усиленія, если тутъ не встрѣтятся сильныхъ препятствій. Между тѣмъ, полчища казаковъ увеличались чрезъ присоединеніе къ нимъ толпами перебѣжавшихъ польскихъ крестьянъ, изъ западныхъ провинцій. Народъ, находившійся въ теченіе столѣтій въ пассивномъ состоя-

нѣ, недавно выразившій свое неудовольствіе частными возстаніями, теперъ волнуется и поднимается противъ своихъ поработителей. Хмельницкій и его казаки, въ 1648 году, выступивъ изъ Украйны, чрезъ русскія провинціи, дошли до Львова и Замостья; повсюду поднимають они русскихъ крестьянъ тысячами. Многія отдѣльныя толпы казаковъ проникли въ Литву и нашли тамъ единовѣрцевъ и народъ одного съ ними языка: крестьяне и горожане оказали имъ сочувствіе, передавъ имъ деревни и значительные города. Казаки стали господами третьей части великаго княжества, подобно тому, какъ они господствовали въ южнорусскихъ провинціяхъ, гдѣ многіе города побратались съ ними. Возстаніе казаковъ было возстаніемъ простонародья. Польша не испытывала подобнаго потрясенія въ теченіе семи столѣтій; отъ Маслова до Хмельницкаго не было такого волненія. Поднятый казаками народъ дѣйствуетъ съ ними за одно, и очень усердно. Рѣдкое, но вмѣстѣ страшное и величественное зрѣлище представляется историку; оно тѣмъ занимательнѣе для насъ, что мы видѣли съ какимъ терпѣніемъ и покорностію переносились рабство и угнѣтеніе.

«Древнее потрясеніе въ государствѣ Болеслава не принесло пользы народу; да и невозможно уяснить какія оно имѣло прямыя причины, ибо мы изъ того отдаленнаго времени не имѣемъ никакихъ частныхъ, которыя бы раскрывали передъ нами причины. Вѣрно только то, что тогда не безъ участія были ходъ цивилизаціи, вѣра и мѣстныя отношенія; все это ускорило плачевный исходъ возстанія. Точно также, и при династїи Вазы, возстаніе зависело отъ мѣстныхъ отношеній, вопросовъ вѣры, идей времени и отъ стеченія особыхъ обстоятельствъ. Оба эти возстанія были благопріятствуемы или ослабляемы вмѣшательствомъ внѣшнихъ враговъ, глядя по положенію дѣлъ. Извѣстно, что глава древняго возстанія, вышедшій изъ рядовъ народа, Масловъ, былъ повѣшенъ дѣйствовавшими противъ него союзниками; они кричали ему: «высоко ты занесся, поднимайся же теперъ». Дворянинъ Хмельницкій остался вѣренъ своему призванію, не взирая на неудачи. Говорятъ, что Масловъ стремился къ верховной власти; обвиняють и Хмельницкаго, что онъ изъ своего положенія думалъ извлечь пользу для себя. Если послѣдній велъ переговоры съ татарами, турками, московитянами и шведами; то этимъ онъ огорчалъ только магнатовъ, своихъ братій по крови дворянской, съ которыми воевалъ, дѣйствовалъ же онъ въ интересахъ казаковъ, для которыхъ былъ главою. Хотя бы онъ

имѣлъ въ виду только свою пользу, все же онъ не могъ и думать о династическомъ господствѣ, какъ обвиняютъ его въ этомъ; въ это не позволяетъ вѣрять ни идея о дворянствѣ, которою онъ былъ проникнутъ, ни казацкія идеи. Если же онъ думалъ сдѣлать сына своего господаремъ Молдавіи, то здѣсь онъ слѣдовалъ только заманчивому примѣру магнатовъ, которые не разъ пытались сажать своихъ родичей, зятей или шурьевъ на престолы Молдавіи и Валахій и даже на тронъ царей. Такъ какъ молдавское господарство не было наследственнымъ, то онъ думалъ только объ учрежденіи пограничнаго палатината, который, охраняя Польшу отъ вторженія турокъ, въ тоже время могъ бы служить оплотомъ и для казаковъ. Такой планъ обусловливался его положеніемъ, ибо онъ стоялъ во главѣ несмѣтнаго народа, который ни подъ какимъ видомъ не располагалъ скоро положить оружіе и жить въ мирѣ, но намѣревался вести войну. Самъ онъ въ душѣ постоянно оставался дворяниномъ и скорѣе хотѣлъ только лаву пылающаго вулкана направить противъ Молдавіи и Турціи, чѣмъ противъ республики. Если вникнуть въ его образъ дѣйствій во все время тревожныхъ обстоятельствъ труднаго его положенія; то по правдѣ чувствуемъ, что роль, разыгранная имъ пренеполнена мистификаціи. Онъ умѣлъ ладить съ нравами казаковъ, и въ то же время во всѣхъ превратностяхъ жизни умѣлъ удержать за собою преимущество и превосходство. Однако шляхта въ извѣстной степени довѣряла ему и рассчитывала на него. Любовь его къ республикѣ извѣстна; если же онъ не могъ удержать казаковъ, то въ этомъ виновать не онъ, а шляхта».

«Со стороны Хмельницкаго и казаковъ все благопріятствовало государству, у нихъ между верховною главою и народомъ господствовало совершенное согласіе. Только взаимное огорченіе раздѣляло дворянство и казаковъ, латинскую и греческую церкви; это огорченіе препятствовало примиренію и препятствовало ко вреду народа. Возгласъ — *свобода и вѣра* — скоро обозначилъ предѣлы потрясенія. Подъ вѣрою здѣсь разумѣлась освященная кievскимъ митрополитомъ Моголою схизма; и когда казаки наводнили область, въ которой господствовалъ русскій языкъ, гдѣ они нашли церкви своего исповѣданія, то все же они съ своимъ вождемъ не пошли далѣе Замостья — остановились на предѣлахъ русскаго языка и греческой вѣры. Хотя ихъ вождь-дворянинъ и ожидалъ чѣмъ кончатся выборы, все же можно спросить — не было ли у него другихъ основаній, по которымъ онъ не пошелъ далѣе въ область, гдѣ господствовалъ другой языкъ и гдѣ было

другое исповѣданіе? Казаки на ихъ походѣ раззоряли церкви латвіянъ, опустошали ихъ мѣстности огнемъ и мечемъ. Долженъ-ли былъ Хмельницкій перенести опустошеніе въ провинціи, гдѣ не представлялось другой цѣли, кромѣ самого опустошенія? Могъ ли онъ рассчитывать на успѣхъ тамъ, гдѣ по необходимости все было ему враждебно? — Польскій народъ скоро разочаровался: желанія его пришли въ замѣшательство и противорѣчіе. Долженъ-ли онъ былъ произносить клятву противъ свободы своей вѣры? Онъ увидѣлъ, что дѣло идетъ совсѣмъ не за него, что онъ самъ скорѣе служить предметомъ яростнаго отвращенія. Долженъ ли былъ онъ своимъ возстаніемъ возбуждать ярость своихъ господъ въ то время, какъ вѣра его служить цѣлью для фанатизма другихъ, также руководимыхъ яростію? Тѣ пѣз поляковъ, которыхъ отчаяніе побудило взяться за оружіе, не могли поправить дурнаго положенія дѣлъ: они стали отступниками, они сами обрекли себя на изгнаніе изъ отечества, они вошли въ составъ массы казаковъ и дѣйствовали по казацки. Когда злосчастный польскій народъ увидѣлъ, что цѣлая половина республики подвержена потрясенію, онъ не тронулся, и ни какой гогось былъ не въ силахъ поднять его къ возстанію, ибо религіозное недовѣріе было слишкомъ велико. Два года спустя, въ 1651 году, шляхтичъ Костка Напьерскій утвердился было на западномъ склонѣ Карпатовъ, въ Краковской области, и возвѣстилъ тамъ, что намѣренъ мстить за народъ и освободить его отъ тиранин дворянъ и жидовъ. Онъ увѣрялъ, что ему обѣщана помощь пѣз Венгріи и со стороны Хмельницкаго и призывалъ народъ къ оружію. Но народъ не довѣрялъ ему, не трогался съ мѣста — и Напьерскій былъ жертвою своей ревности за него. Нужно замѣтить, что возстаніе казаковъ долженствовало быть тѣмъ болѣе чуждо народу, говорящему польскимъ языкомъ, чѣмъ болѣе ему сочувствовалъ народъ, говорящій языкомъ русскимъ. Когда въ зборовскомъ трактатѣ, 17 августа 1649 года, татары отдѣлились отъ казаковъ, то они въ условія, постановленныя съ республикою включили одинъ пунктъ, которымъ обезпечивались для казаковъ и Хмельницкаго прощеніе и прежнія преимущества. Хмельницкій же и казаки, спустя два дня, заключая трактатъ, не упомянули въ немъ ни слова о народѣ, ими побужденномъ къ возстанію. Условія, на которыхъ согласились, говорили только о дѣлахъ вѣры и казаковъ, о включеніи послѣднихъ въ реестръ, говорили о почестяхъ и староствѣ Чигиринскомъ, представленныхъ ихъ вождю Хмельницкому. Возставшій же народъ, граж-

дане и крестьяне въ провинціяхъ и помѣстьяхъ, гдѣ по прежнему остались въ силѣ шляхта и магнаты, были забыты и предоставлены произволу дворянства, мщенію и безпощадному ихъ кнуту и путамъ, которыми наказывалось неповиновеніе, ихъ ножамъ, которыми перерѣзывалось горло несчастныхъ, чтобы дать примѣръ и внушить страхъ. Вопросъ народный, оставленный въ сторонѣ, также далекъ былъ для казаковъ, какъ и для дворянства. Народы русскій и польскій ясно увидѣли, что дѣло шло только о свободѣ и правахъ казаковъ. Благородный предводитель послѣднихъ, если и рассчитывалъ сначала съ своими приверженцами, что сила казаковъ заключается въ народѣ, все же увлеченный огромнымъ превосходствомъ, мнѣнія, предразсудками и частнымъ потрясеніемъ былъ не въ состояніи одинъ дать этому движенію болѣе широкое направленіе, чѣмъ бы улучшилась участь народа; онъ принялъ староство на ряду съ сенаторами и высшими сановниками республики, которые обыкновенно дѣлили между собою въ видѣ справедливой награды за ихъ заслуги. Такимъ образомъ дѣло народа осталось въ тѣни, дѣло долженствовавшее разрушить аристократическую республику, и совершенно исчезло съ великаго поприща, — осталось одно дѣло казаковъ... Хмельницкій тѣмъ болѣе пребывалъ ему вѣрнымъ, что оно служило опорой дворянскому принципу. — Когда въ 1632 году, двадцать лѣтъ тому назадъ, требовали отъ имени казаковъ права подачи голосовъ при избраніи короля и для нихъ, тогда вопросъ заключался только въ томъ, чтобы распространить права дворянства на нѣсколько тысячъ свободныхъ воиновъ. Это оскорбило духъ касты, которымъ одушевлялось дворянство. Тогда никто не предвидѣлъ, что черезъ 20 лѣтъ много надѣлаетъ замѣшательства значительная масса, объемъ которой сталъ неограниченнымъ. Когда послѣ первыхъ потрясеній, произведенныхъ казаками, явились въ Переяславль уполномоченные республикою съ тѣмъ, чтобы заключить здѣсь договоръ съ казаками, то они испытали крайнее огорченіе. Они обезумѣли отъ страха при одномъ только взглядѣ на возмутительныя сцены, разыгравшіяся на ихъ глазахъ. Пгѣнные зарыты были въ землю по шею и изрублены чернью, которая теперь мстила за смерть прежнихъ своихъ вождей, замученныхъ на колѣ, вислицѣ или умершихъ отъ бессонницы; мстила она и за свои обиды и оковы, которыя были теперь разорваны. Позже казаки увѣряли, что не они были зачинщиками, если съ дворянами было разыграно такое постыдное дѣло: «ваши собственные подданные позорять и убиваютъ

вась» — говорилъ посланецъ Хмельницкаго Кравченка. Устраняя отъ себя неистовства крестьянъ, они, въ то же время, отдѣляли и свое дѣло отъ дѣла народнаго. Все же въ первое время возмущенія духъ казацкій братался отнюдь не съ дворянствомъ и стремился вовсе не къ равноправному съ нимъ положенію или праву подачи голоса при выборѣ короля. Въ Переяславлѣ, 19-го февраля 1649 года, шла рѣчь только о преимуществахъ казаковъ, числѣ, въ какомъ они должны были существовать, ихъ вольностяхъ, родѣ оружія, гетманѣ ихъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Хмельницкій заговорилъ объ удаленіи изъ Украйны евреевъ и іезуитовъ, такъ какъ въ русскихъ провинціяхъ брестская унія была уничтожена и должности должны быть предоставляемы только тѣмъ, которые принадлежали къ греческому исповѣданію. Зборовскій договоръ 19 августа утвердилъ и постановилъ: что для казаковъ должны быть открыты училища; училища же іезуитовъ должны быть уничтожены, что во всей Украйнѣ до рѣки Горыни должно быть господствующимъ греческое исповѣданіе; что всѣ должности и достоинства будутъ предоставляться только православнымъ; что православные епископы должны засѣдать въ сенатѣ. Пораженіе, нанесенное казакамъ было причиною измѣненія этихъ статей, что совершилось по бѣлоцерковскому договору 28 сентября 1651 года. Въ 1653 г., когда казаки снова одержали верхъ, то по жванецкому трактату возстановлены были зборовскіе статьи».....

Далѣе идетъ рѣчь о событіяхъ, послѣдовавшихъ за жванецкимъ договоромъ. Авторъ, между прочимъ, характеризуетъ здѣсь устройство казацкаго общества на земляхъ, утвержденныхъ за казаками договорами. Общество ихъ было чисто демократическимъ; они, по его мнѣнію, все замѣтвали отъ Польши, кромѣ королевской власти и дворянскаго сословія: на казацкой почвѣ не могло быть и рѣчи о послѣднемъ, даже должны были удалиться и тѣ дворяне, которые издавна имѣли маятности въ кievскомъ и черниговскомъ палатинатахъ *). — Но извѣстно, что Хмельницкій наученный опытомъ мало полагался на клятвенныя увѣренія поляковъ, считавшихъ себя въ правѣ не соблюдать трактатовъ, вынужденныхъ крѣпическими обстоятельствами. Поэтому онъ теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь убѣжденъ былъ

*) «Sublatis omnibus nobilibus, ut non unica persona intra ambitum eorundem superesset, quae sibi aliquid privati juris praehendere posset,» говоритъ Грондскій.

въ необходимости покровительства кого-нибудь изъ сильныхъ государей; выборъ пазъ на царя московскаго, — и Малороссія соединилась съ великою Россіею. Москвѣ суждено было собрать и объединить всѣ земли восточной половины Европы; таковъ былъ ходъ исторіи. Но, рассматривая соединеніе Малороссіи съ Москвою съ польской точки зрѣнія, Лелевель пришелъ совершенно къ другимъ заключеніямъ, которыхъ мы здѣсь приводить не будемъ, считая достаточнымъ для нашихъ читателей уже изложенныхъ мѣстъ изъ его *разсужденій* для того, чтобы съ одной стороны видѣть, справедливъ ли упрекъ, что польскіе писатели преднамѣренно искажаютъ смыслъ событій, какъ скоро у нихъ заходитъ рѣчь о Малороссіи и Хмельницкомъ, — и съ другой — чтобы правильно судить объ отношеніи пдеп, выносимой читателемъ о Хмельницкомъ изъ книги г. Костомарова, къ польскому на него воззрѣнію.

Итакъ прямаго объясненія исторической роли Богдана Хмельницкаго, по польскому взгляду, слѣдуетъ искать въ тѣхъ условіяхъ польскаго государственнаго организма, которыя развивались вѣками и которыя по гибельному ихъ вліянію на самую Польшу осуждаютъ сами поляки. Духъ касты, оживлявшій шляхту, гордую и заносчивую относительно каждаго, кто только по крови не принадлежалъ къ ней, не допустилъ казаковъ достигнуть того завѣтнаго въ Рѣчи Посполитой положенія, въ которомъ представлялась полная возможность пользоваться всѣми правами и преимуществами. Послѣдствія такого недопущенія были тѣмъ болѣе гибельны для Рѣчи Посполитой, что ей пришлось имѣть дѣло съ народамъ и безъ того тяготившимся своею зависимостью и чувствовавшимъ всю мѣру униженія, особенно когда посягнули на самые дорогіе для него предметы, какимъ, напримѣръ, была вѣра наследованная отъ отцовъ. Другая особенность взгляда Лелевеля заключается въ томъ, что онъ рѣзко отдѣляетъ интересы казаковъ отъ интересовъ народа. По его мнѣнію выходитъ, что многія изъ важнѣйшихъ дѣйствій Хмельницкаго становятся понятными только тогда, когда историкъ не будетъ упускать изъ виду, что имѣетъ дѣло не съ однимъ изъ тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые въ смутныя времена являются обыкновенно изъ самой массы возставшаго народа, которые живутъ и дышатъ дѣломъ народнымъ, — но дѣятелемъ, который имѣлъ свой частный интересъ, оставаясь въ душѣ дворяниномъ, который привелъ въ движеніе массу народа и воспользовался этимъ движеніемъ только какъ средствомъ, необходимымъ при достиженіи предположенной

пмъ цѣли. Мы согласны, что такая идея о Хмельницкомъ представляется не совсѣмъ свободно отъ примѣси національныхъ представлений. Но она развита авторомъ въ строго научной формѣ и безпристрастіе требуетъ поставить ее выше тѣхъ соображеній, въ которыхъ чувство оскорбленнаго патріотизма подѣ часть переходитъ въ желчную раздражительность. — Обратимся теперь къ сочиненію г. Костомарова и посмотримъ въ какомъ видѣ представляется намъ Хмельницкій по прочтеніи его повѣствованія.

Хотя г. Костомаровъ, какъ повѣствователь, имѣющій въ виду публику, а не ученыхъ спеціалистовъ, изображая Хмельницкаго, имѣлъ полное право начать свой разсказъ прямо съ того времени, къ которому относятся первыя объ немъ свидѣтельства, все же сознавая необходимость уясненія связи описываемой имъ эпохи съ предшествующимъ ей временемъ, онъ предварительно въ краткомъ введеніи предлагаетъ очеркъ малорусской исторіи до Хмельницкаго. Представивъ въ самыхъ общихъ чертахъ исторію южно-русскихъ земель до той эпохи, когда ее обезлюдили монголы, равно кратковременное укрѣпленіе южно-русскаго народа при великомъ князѣ Данилѣ Романовичѣ, авторъ переходитъ къ положенію червонной Руси подѣ польскимъ владычествомъ и восточной части южно-русскихъ земель подѣ верховною властью литовско-русскихъ князей. Когда же княжество послѣднихъ соединилось съ Польшею, и Казиміръ Ягеллоновичъ, въ 1476 году, уничтоживъ отдѣльное княжество въ Кіевѣ, ввелъ въ южной Руси польское устройство, тогда русскіе *), недовольные новымъ порядкомъ стали убѣгать въ степи и положили, такимъ образомъ, начало днѣпровскому казачеству. Съ этихъ поръ авторъ почти исключительно ведетъ рѣчь о казакахъ. Характеризуя ихъ въ первую эпоху ихъ существованія, онъ говоритъ здѣсь объ Остапѣ Дашкевичѣ, давшемъ первое правильное устройство казацкому

*) Г. Костомаровъ видимымъ образомъ старается доказать, что названіе *русскій* исключительно принадлежитъ Малоруссамъ. Важно-ли это для исторіи? Не вступая въ споръ, замѣтимъ только, что теперь малоруссы *русскими* называютъ исключительно великоруссовъ. *Русскій* и *москвитинъ* по ихъ понятіямъ одно и то же.

обществу, о Лянскоронскомъ, при которомъ казачество раздѣлилось на *низовцевъ* или *запорожцевъ* и *городовыхъ* или *украинскихъ казаковъ*; далѣе — о воинскихъ ихъ подвигахъ въ XVI столѣтїи, какъ они были «стражами русской вѣры и русской народности». — Великое событіе, совершившееся въ 1569 году, окончательное соединеніе литовско-русскаго княжества съ Польшею неминуемо должно было отозваться на дальнѣйшей участи казаковъ и всего южнорусскаго народонаселенія. Дворянство русское согласилось на это соединеніе подъ условіемъ вѣчной неприкосновенности вѣры, языка, законовъ — словомъ *совершенной цѣлости своей національности*. Какъ мало было гарантіи въ неприкосновенности въ этомъ отношеніи, оказалось уже при Стефанѣ Баторїѣ, начавшемъ дѣло окончательнаго слитія Руси съ Польшею — съ казаковъ. Подчинивъ ихъ своему верховному начальству и выдѣливъ изъ нихъ такъ называемыхъ *реестровыхъ*, король имѣлъ въ виду, что всѣ, не вошедшіе въ реестръ, сольются съ сословіемъ посполитыхъ, а слѣдовательно наравнѣ съ прочими подпадутъ власти дворянъ. Но, какъ по-видимому ни вѣренъ былъ расчетъ короля, все же на дѣлѣ оказалось, что казачество было такъ сильно и достигло такой уже степени развитія, что трудно и даже не возможно было ослабить его и задержать дальнѣйшій его ростъ самыми рѣшительными мѣрами ограниченія. Казаки благодарили короля за жалованье, а отъ полной независимости въ дѣйствіяхъ не отказывались и продолжали воевать съ турками. Когда же Подкова овладѣлъ Молдавіею и Порта обратилась къ Польшѣ съ просьбою объ усмиреніи его, то король употребилъ хитрость: Подкова былъ заманенъ обманомъ и казненъ. Смерть его не осталась безъ отмщенія. Такимъ образомъ началась вѣковая вражда южноруссовъ съ поляками, къ которой принадлежитъ эпоха Хмельницкаго и смутное время по смерти его. За этимъ г. Костомаровъ уже съ большею подробностію очерчиваетъ состояніе южнорусскихъ земель до времени освобожденія ихъ отъ польскаго владычества. Причины повсемѣстнаго возстанія малоруссовъ при Хмельницкомъ онъ видитъ въ поруганіи православной вѣры католиками и униатами, руководимыми іезуитами, и страшномъ порабощеніи народа, выразившимся не только въ непомѣрныхъ поборахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *восковаю*, *рядоваю*, *дудка поемщицны* и проч., но и въ томъ, что имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и дѣтей находились въ безотчетномъ распоряженіи жидовъ-арендаторовъ. Въ коронныхъ имѣніяхъ положеніе хлоповъ было еще ужаснѣе,

чѣмъ въ родовыхъ: тамъ къ довершенію зла, квартировали войска, отличавшіяся въ Польшѣ неистовствами и безчинствами. Картина горькаго положенія русскихъ земель заключается краткимъ очеркомъ дѣйствій казаковъ, въ которыхъ постоянно выражались попытки высвободить Русь изъ подъ польскаго господства; послѣдняя изъ этихъ попытокъ, сдѣланная Острианицею и Гунею въ 1638 году, окончилась самымъ плачевнымъ образомъ: условія, заключенныя на Масловомъ Бродѣ уничтожили казацкую силу, устроенную Сагайдачнымъ. «Казаки на всегда лишены были права выбирать начальниковъ; подъ смертною казнію запрещено было имъ плавать по морю и убѣгать на Запорожье; ихъ чайки или суда были схвачены и сожжены, артиллерія отнята: гетмана имъ не только не позволили выбирать, но даже не назначили; вмѣсто гетмана дали имъ польскаго пана въ комиссары. Генеральные старшины, полковники и сотники назначены были изъ шляхтичей, или изъ русскихъ, но такихъ, которые расположены были къ польской политикѣ. Эти начальники получили надъ казаками, ихъ землями и ихъ имуществами то безотчетное право власти, какимъ пользовались старосты въ коронныхъ имѣніяхъ. Честь и жизнь казаковъ находились въ распоряженіи начальниковъ; за малѣйшее непослушаніе ихъ казнили смертію. Казаки работали на нихъ панщину, были обложены повинностями и поборами, такъ что вскорѣ и между ними явились даже *дудки* и *поемщицны*. Весь народъ южнорусскій подвергся мщенію торжествующихъ побѣдителей. Поляки, по увѣренію русскихъ лѣтописей, производили неслыханныя варварства: варили въ котлахъ дѣтей и разбивали деревомъ сосцы женщинамъ».

Такой взглядъ не противорѣчитъ господствовавшему до сихъ поръ у насъ воззрѣнію на малорусскую исторію; читатель въ правѣ предположить, что авторъ, высказывая его, обозначилъ основную точку, съ которой намѣренъ разсматривать историческую дѣятельность Хмельницкаго. Между тѣмъ, съ первой же главы ясно видитъ, что послѣдній будетъ изображенъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ какомъ представляли его обыкновенно малорусскіе писатели. Г. Костомаровъ начинаетъ свой рассказъ съ внутренняго состоянія Польши, какъ король Владиславъ и канцлеръ Оссолинскій задумали было возвысить власть королевскую, опираясь при такомъ переворотѣ на помощь казаковъ, которые, по ихъ мысли, легко могли преобразоваться въ королевское войско и, такимъ образомъ, быть въ рукахъ правительства вѣрнымъ орудіемъ при обузданіи своеволія магнатовъ и шляхты. Канцлеръ

Оссолинскій привезъ даже казакамъ милостивую грамоту, возвращавшую имъ прежнее устройство, свободное судопроизводство, право избранія чиновниковъ и умноженіе реестроваго войска на первый разъ до 12,000; вмѣстѣ съ этимъ король позволялъ казакамъ плавать по Днѣпру и Черному морю, препоручалъ имъ построить тотчасъ 600 чаекъ и немедленно напасть на Турцію. Все это предполагалось на тотъ конецъ, чтобы побудить турокъ броситься на Польшу и заставить поляковъ воевать по необходимости. Въ знакъ благоволенія Оссолинскій привезъ казакамъ знамя и бунчукъ, равно налчныя деньги, нужныя на постройку чаекъ. Между казацкими старшинами возвышались тогда Барабашъ и Хмельницкій. Изложивъ въ общихъ чертахъ прежнюю жизнь послѣдняго, авторъ характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Послѣ битвы подъ Кумейками, онъ (Хмельницкій) былъ въ числѣ семп казацкихъ депутатовъ, посланныхъ на сеймъ для оправданія; тогда (замѣчаетъ польскій историкъ) онъ высмотрѣлъ внутреннее состояніе Рѣчи Посполитой. Самъ коронный гетманъ Конецпольскій, врагъ казацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ не передѣлали его въ поляка, что случилось со многими южноруссами. Отъ іезуитовъ, воспитавшихъ его, онъ получилъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, двоедушіе, съ какимъ онъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и тоже время, и вмѣстѣ съ этимъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое. Не проходило мятежа, чтобы Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остраницы, возбуждалъ совѣтомъ и ободрительною рѣчью собратій противъ поляковъ, но не стоялъ въ челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ и колесѣ, на Хмельницкаго ни кто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю, видимая преданность Рѣчи Посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе. Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ. И бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость, и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять, когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ что на душѣ у него. «Его лице сіяющее и кроткое

(говоритъ польскій историкъ Каховскій) скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую болотную воду *).

Такимъ подѣ перомъ г. Костомарова является знаменитый Богданъ Хмельницкій. Читателю, привыкшему видѣть его только въ праздничной обстановкѣ, какъ изображали его прежде, во многомъ приходится испытывать прозаическое разочарованіе. И очень естественно: иное дѣло любоваться предметомъ на почти-тельномъ разстояніи и подойти къ нему ближе, увидѣть его во всѣхъ обстоятельныхъ подробностяхъ, а г. Костомаровъ раскрылъ свой предметъ не съ одной какой нибудь стороны, желая преднамѣренно скрыть впечатленіе, производимое другими: передъ нами Хмельницкій во всей дѣйствительности, какимъ онъ можетъ быть только представленнымъ, судя по сохранившимся объ немъ извѣстіямъ его современниковъ.

Мѣжду тѣмъ планъ короля и Оссолинскаго не удался; сеймъ, начавшійся въ ноябрѣ 1646 года оправдалъ на дѣлѣ полное безсиліе королевской власти въ Польшѣ. Магнаты и шляхта, возторжествовавъ надъ усиліями правительства, дали силѣе почувствовать малоруссамъ свое торжество: вся злость ихъ палилась на казаковъ, такъ что для послѣднихъ 1647 годъ былъ самымъ бѣдственнымъ. «И мучительство Фараоновъ (говоритъ русская лѣтопись) не могло сравниться съ тиранствомъ пановъ; они варили дѣтей въ котлахъ и разбивали деревомъ сосны женщинамъ. Но Богъ скоро призрѣлъ на скорбь людей своихъ и изъ маловажнаго случая устроилъ для нихъ спасеніе». Этимъ случаемъ была частная обида, нанесенная Хмельницкому Чаплинскимъ, отнявшимъ у него Суботово и жестоко оскорбившимъ его какъ человѣка и отца. Какъ это случилось и какими сопровождалось послѣдствіями, все это самымъ обстоятельнымъ образомъ изложено у г. Костомарова. Но мы, не касаясь подробностей, которыя съ величайшимъ интересомъ читаются въ книгѣ нашего автора, остановимся только на общемъ значеніи этого случая и связи его съ непосредственно-слѣдовавшимъ за нимъ возстаніемъ казаковъ.

До сихъ поръ, обыкновенно придавали тотъ смыслъ возстанію Хмельницкаго съ самого его начала, что, будучи оскорбленъ

*) Въ концѣ третьяго письма о «Богданѣ Хмельницкомъ» г. Максимовичъ грозитъ «вывести эту гнилую болотную воду на свѣжую воду днѣпровскую!» Украинецъ, кн. I, стр. 174.

Чаплинскимъ и не найдя управы въ польскомъ сенатѣ, онъ обратился къ королю, который, сознавая свое безспіе, могъ сказать ему въ утѣшеніе, что казаки имѣютъ полное право противопоставить наслію насліе. Получивъ такой отвѣтъ отъ короля, Хмельницкій отправился домой и поднялъ возстаніе, съ цѣлью освободить Малороссію отъ господства поляковъ. Всѣ подробности этого случая излагались такъ сбивчиво и съ такимъ отсутствіемъ критическаго такта, что нечего и удивляться, если профессоръ Соловьевъ въ своемъ *Очеркѣ исторіи Малороссіи*, стараясь разъяснить первыя враждебныя дѣйствія Хмельницкаго противъ поляковъ и поражаясь несообразностью съ историческою истинною исторіи съ Чаплинскимъ, равно поведенія короля, благословившаго, такъ сказать, казаковъ на возстаніе, пришелъ къ заключенію, что историкъ имѣетъ полное право заподозрить всѣ эти рассказы и отнести ихъ въ область преданій сомнительной вѣрности *).—Совершенно въ иномъ свѣтѣ представляется начало возстанія Хмельницкаго и поводъ къ нему г. Костомаровъ. Выпкая въ частности его разсказа, мы ясно видимъ, что Хмельницкій отвѣтъ, данный ему Владиславомъ, понялъ въ буквальной смыслъ и вооружился только противъ наслія пановъ, не думая о такомъ возстаніи, цѣлью котораго было бы освобожденіе Малороссіи. Когда коронный гетманъ послалъ Хмелецкаго убѣждать его, чтобы онъ оставилъ мятежные замыслы, то онъ прежде всего далъ въ отвѣтъ: «Я не мятежникъ и замысловъ ни какихъ не имѣю». Далѣе онъ объявилъ, что бьетъ челою, чтобъ уничтожены были постановленія, обидныя для казаковъ, чтобъ они могли свободно пользоваться всѣми правами, дарованными отъ короля и его предшественниковъ. Здѣсь цѣль враждебныхъ дѣйствій обозначена ясно. Тоже открывается изъ всѣхъ разговоровъ съ тѣми, безъ содѣйствія которыхъ ничего нельзя было сдѣлать. Но Хмельницкій очень хорошо зналъ какъ кого затронуть за самую чувствительную струну. Такъ, возвращаясь изъ Польши и всматриваясь въ положеніе русскихъ провинцій, чрезъ которые проѣзжалъ, онъ прежде всего открылся духовенству; сельскимъ священникамъ онъ твердилъ: «Я рѣшился истить панамъ-ляхамъ войною, не за свою только обиду, но за поруганіе вѣры русской и за поруганіе народа русскаго. Я безсиленъ, но вы, братія, мнѣ помогите. Сбритесь и пошлите мнѣ

*) См. Очеркъ исторіи Малороссіи, гл. VI, въ томѣ 62-мъ Отч. Записокъ за 1849 г.

хоть по два или по три человекъ съ каждой деревни». На тайныхъ совѣщаніяхъ съ казацкими старшинами, указывая на бѣдствія народа и уничтоженіе вѣры православной, особенно распространялся объ обидахъ казаками. Замѣтивъ, что нѣкоторые изъ вполне сочувствовавшихъ ему, считаютъ невозможнымъ возстаніе, онъ, въ ободреніе болѣе робкимъ и чтобы разсѣять всякія опасенія, объявилъ: «Если такъ вы говорите, то я не стану скрывать отъ васъ, братья мои, что король нашъ, желая воевать съ турками, собралъ наемное войско; а такъ какъ панство не хотѣло, то онъ его снова распустилъ, а теперь насъ подговариваетъ сдѣлать походъ на турецкую землю, чтобы, когда въ оплату пошлутъ турки на Польшу войско, поляки рады—не рады, взялись бы за сабли. А чтобы вы этому вѣрили, что оно есть такъ, какъ я вамъ говорю, то вотъ вамъ королевская привиллегія на постройку чаекъ для войны: ее привезъ намъ канцлеръ Оссолинскій, когда объѣзжалъ нашу сторону. Привезъ онъ намъ тогда и знамя, и булаву, и хотѣлъ меня поставить гетманомъ при свидѣтеляхъ, которые здѣсь, и могутъ поручиться, что я правду говорю. Я однако не принялъ гетманства, потому что были другіе старше меня, а частно, самъ-собою, я не хотѣлъ ничего начинать. Теперь же, какъ я былъ въ Варшавѣ, то король самъ мнѣ говорилъ тоже, да прибавилъ еще, что другаго средства для насъ нѣтъ, какъ самимъ защищать оружіемъ права свои. По-моему, братья, пока этотъ листъ у насъ въ рукахъ, то выбрать пословъ къ татарамъ и объявить, что замышляетъ король, да и посовѣтовать имъ: пусть намъ пособляютъ, коли хотятъ покоя; а не согласятся, такъ мы имъ войну объявимъ,—такъ имъ скажемъ. Мнѣ кажется, тутъ и думать долго не о чемъ. Татары давно ужъ напали бы на поляковъ за то, что имъ не платится дань, еслибы мы ихъ не удерживали. А теперь пуще они раздражены противъ поляковъ за недавній походъ Конецпольскаго».—Слова, сказанныя имъ въ кругу запорожцевъ, также носятъ на себѣ особенный оттѣнокъ; зная хорошо, что отважные сѣчевки сочувствуютъ болѣе украинскому простонародію, чѣмъ городовымъ казакамъ, мечтавшимъ о правахъ шляхетства, онъ, въ рѣчи своей преимущество ударялъ на бѣдствія народа, говоря какъ бы отъ лица его; говорилъ и о себѣ, ибо вполне былъ увѣренъ въ расположеніи къ нему запорожцевъ, знавшихъ его, какъ прямого казака, оправдавшаго себя не разъ на дѣлѣ.—«Поругана вѣра святая (говорилъ онъ запорожцамъ): у честныхъ епископовъ и ппиковъ отнять хлѣбъ насущный; надъ священниками ругаются;

униаты стоятъ съ желѣзомъ надъ шею; иезуиты съ безчестіемъ преслѣдуютъ нашу вѣру отеческую. Надъ просьбами нашими сеймъ поглумляется, отвѣчая намъ поноснымъ презрѣніемъ къ имени схизматиковъ. Нѣтъ ни чего, чего бы не рѣшился съ нами сдѣлать дворянинъ. А что дѣлаетъ войско? Мало того, что заѣдаютъ наши безвинныя головы: подъ предлогомъ укрощенія непокорности, ходятъ по селамъ и часто цѣлыя мѣстечки истребляютъ до тла, какъ-будто замыслили истребить весь народъ нашъ! Въ довершеніе всѣхъ мучительствъ, отдали насъ въ рабство проклятому роду жидовскому. Смотрите на меня, писаря войска запорожскаго, стараго казака: я уже ожидалъ отставки и покоя, а меня гоняютъ, преслѣдуютъ только потому, что такъ хочется тиранамъ; сына у меня варварски убили, жену посрамили, достояніе отняли, лишили даже походнаго коня, и, напоследокъ, осудили на смерть. Нѣтъ для меня иной награды за кровь, пролитую для ихъ же пользы; ничего не остается для тѣла, покрытаго ранами, кромѣ невинной смерти подъ рукою палача. Къ вамъ уношу душу и тѣло; укройте меня, стараго товарища; защищайте самихъ себя: и вамъ тоже угрожаетъ!» Растроганные этими простыми, но сильными словами, суровые сѣчевики могли сказать только въ отвѣтъ: *«Пріймаемо тебѣ Хмельницкій пане, хлѣбомъ-солью и ширимъ сердцемъ.»*—Наконецъ ловкій Богданъ сдумалъ какъ слѣдуетъ дѣйствовать и на крымскую орду, расположивъ ее въ пользу казацкаго своего предпріятія.—Но объясняясь съ духовными, казаками городовыми и сѣчевиками, обеспечивая себя содѣйствіями крымскихъ татаръ, Хмельницкій въ самомъ началѣ не волновалъ простой народъ; въ этомъ отношеніи онъ руководствовался весьма дальновиднымъ соображеніемъ, хотя очень хорошо зналъ, что для полнаго успѣха дѣло казацкое непременно должно было быть дѣломъ народнымъ. Излагая обстоятельно ходъ первоначальныхъ успѣховъ Хмельницкаго и, при томъ, такъ увлекательно и живо, что прежнія повѣствованія не могутъ выдержать самаго поверхностнаго сравненія въ этомъ отношеніи, г. Костомаровъ, по нашему мнѣнію, не обратилъ здѣсь должнаго вниманія на первой универсалъ Хмельницкаго къ народу, въ которомъ онъ подробно объясняетъ цѣль и значеніе возстанія. Этотъ универсалъ былъ данъ въ обозѣ подъ Бѣлою-Церковью въ іюнѣ 1648 года. Въ немъ прежде всего вниманіе читателя останавливается на заглавіи, здѣсь говорится: «Вамъ всѣмъ Украинскимъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра, въ городахъ и селлахъ обитающимъ Малоросіянамъ, духовнымъ

и мирскимъ, шляхетнимъ и посполитимъ, большаго и меньшаго всякаго чина людемъ, *а особливо шляхетне урожонемъ казакамъ и святой браттѣ нашей*. Здѣсь вполнѣ оправдывается мысль Лелевеля, что Хмельницкій былъ въ душѣ дворянинъ; зная какъ много цѣны въ его дѣлѣ будетъ имѣть всенародное возстаніе, онъ тѣмъ не менѣе на первомъ планѣ ставилъ *шляхетне урожонихъ казаковъ*, къ разряду которыхъ принадлежалъ самъ! Далѣе изъ этого универсала видно существенное отличіе возстанія Хмельницкаго отъ предшествовавшихъ. Прежніе казацкіе начальники, выведенные изъ терпѣнья насиліями пановъ и, поднимая знамя бунта, выдавали воззванія въ народъ прежде, нежели удавалось имъ одержать хоть какую-нибудь поверхность надъ врагами; такъ поступилъ Острица—и дѣлю его не имѣло успѣха. Пользуясь ошибками своихъ предшественниковъ, Хмельницкій поступилъ иначе: онъ поднялъ оружіе, но о цѣли своего возстанія не только не говорилъ явно, но старался какъ можно болѣе маскировать свои дѣйствія. И только тогда, когда былъ вполнѣ увѣренъ въ своихъ средствахъ и когда первыя столкновения съ поляками увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ, онъ пустилъ въ народъ универсалъ, призывая всѣхъ въ Бѣлую-Церковь: «кому мила вѣра благочестивая отъ поляковъ на унѣю претворяемая,—кому любима цѣлость отчизнѣ, Украины Малоросійской и честь *шляхетская* отъ поляковъ ругаемая, уничижаемая, весьма посмѣваемая и попираемая». Всякій вѣрный малоруссъ долженъ былъ «неоткладне» явиться въ обозъ въ Бѣлую-Церковь, не какъ «отродокъ», но какъ «зичливій и любезній» сынъ отчизны своей на добромъ конѣ и съ исправнымъ оружіемъ. Извиняясь передъ народомъ, что безъ вѣдома его поднялъ оружіе, онъ говоритъ: «А же ми нынѣшнюю зъ поляками войну зачалисмо безъ вѣдома и совѣта вашего всенародного, за то ви на насъ не уражайтесь; кгдажъ ми учинили такъ для лутшой пользы вашой и нашей, *научившись осторожности и лутшого воинскаго управленія зъ прикладу прежнихъ Гетмановъ* браттѣ нашей, подъ Кумейками и на устью рѣчки Старца зъ поляками, недавно прошлыхъ временъ, войну имѣвшихъ: которіи, поневажъ прежде войны своей унѣверсалами своими, до васъ во всю Украину засланними, увѣдомили поляковъ о своемъ противномъ имъ намѣреніи; теи тилъ увѣдомленіемъ перестереженіи поляки, якъ належало за побѣгти злу своему приготавилися, и на побѣжденіе ихъ, войскъ казацкихъ приспособилися». Призывая народъ къ оружію, Хмельницкій поднималъ его не про-

тивъ короля, «*папа милостиваго, отца ласковаго, но противъ поляковъ юрдихъ и за нищо его королевскіе высокоповажніи приѣла казакомъ и вѣзмъ обще малороссіяномъ даніе мльючихъ*».

Универсалъ этотъ произвелъ свое дѣйствіе: во всѣхъ углахъ Малороссіи откликнулись на него страшнымъ возстаніемъ, не тѣмъ возстаніемъ, которое легко было бы притушить энергическими мѣрами, или уступками, раздѣленіемъ интересовъ, заискиваніемъ однихъ къ гибели другихъ, но возстаніемъ единодушнымъ, не допускавшимъ никакихъ соглашеній, имѣвшимъ одну цѣль — совершенное освобожденіе Малороссіи отъ господства поляковъ. Такъ понималъ его народъ, не хотѣвшій болѣе и слышать о какой бы то ни было зависимости отъ прежнихъ господъ своихъ, хотя бы она утверждалась на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ. Начались страшные гайдамацкіе *затоки*, тѣмъ болѣе ужасные, что къ нимъ вездѣ приставала дворовая челядь пановъ; каждый малоруссъ отнынѣ считалъ себя не иначе, какъ вольнымъ казакомъ, и тѣмъ сильнѣе убѣждался въ правотѣ своей, что и само духовенство было рѣшительно на его сторонѣ. «Приспѣлъ часъ, желанный часъ! — твердили священники — время возвратитъ свободу и честь нашей вѣры! Вѣка проходили и православная вѣра терпѣла постыдное униженіе. Намъ не давали даже убѣжища для молитвы. Всѣ наши приходы, церкви, обители, епархіи — въ рукахъ латинянъ и униатовъ. Латинамъ даютъ доходныя мѣста, а бѣдные православные, восточнаго благочестія, страдаютъ въ нищетѣ. Жиды для пановъ лучше насъ; жиды управляютъ ихъ имѣніями и попираютъ бѣдныхъ христіанъ. Пора, пора! ополчайтесь за свою жизнь! Богъ благословитъ васъ и поможетъ вамъ». — Входило ли такое движеніе народа въ первоначальный планъ Хмельницкаго? — г. Костомаровъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. По его мнѣнію, Хмельницкій тогда еще не имѣлъ и идеи объ отторженіи Украины отъ Рѣчи Посполитой и не прочь былъ отъ примиренія съ поляками на выгодныхъ условіяхъ. Въ дѣйствіяхъ его замѣчается постоянная обоюдность — то онъ подвигаетъ народъ на поляковъ, то старается оправдаться передъ правительствомъ, объявляя главными виновниками бѣдствій жестокихъ пановъ и жалуясь, что крайность побудила народъ къ возстанію. Эта обоюдность, какъ говоритъ авторъ, стала отличительною чертою политическихъ дѣйствій Хмельницкаго и была причиной многихъ дѣйствій, успѣховъ и многихъ неудачъ. Русскіе лѣтописцы называютъ ее благоразуміемъ, поляки коварствомъ; по мнѣнію автора, она была и то и

другое. «Такіе поступки Хмельницкаго (говоритъ онъ) вытекали изъ того, что въ Рѣчи Посполитой какъ-то сбились между собою понятія о правительствѣ и аристократіи. Хмельницкій хотѣлъ быть врагомъ панства, но отнюдь не польской націи и не польскаго правительства, а на бѣду его, вся польская нація управлялась нанами!»

Съ такою обоюдностью въ дѣйствіяхъ является Хмельницкій во все время борьбы съ поляками. Не соглашаясь въ этомъ пунктѣ съ г. Костомаровымъ, мы полагаемъ, что эта обоюдность происходила не отъ личныхъ свойствъ Хмельницкаго, а скорѣе обуславливалась его положеніемъ и обстоятельствами, которыя и давали направленіе его дѣятельности. — Дворянинъ въ душѣ, онъ тѣмъ живѣе чувствовалъ дѣйствительную безправность, когда какой-нибудь Чаплинскій обошелся съ нимъ, какъ съ хлопомъ, и когда дѣло дошло до суда и расправы, то онъ не получилъ ни того, ни другаго. Пылая мщеніемъ, онъ счумѣлъ дѣло казацкое превратить въ народное: возстаніе поднялось и приняло ужасающіе размѣры, чего по всему вѣроятію не желалъ онъ, потому что будущее было неизвѣстно, а настоящее стеченіе обстоятельствъ могло быть очень благопріятнымъ для него лично и для казаковъ. Особенно когда умеръ король Владиславъ и, какъ справедливо замѣчаетъ г. Костомаровъ, смертію своею развязалъ Хмельницкому руки. Пользуясь неустройствами, неизбѣжными въ Польшѣ при избраніи новаго короля, онъ энергически заявилъ мнѣніе казаковъ въ пользу Яна Казимира, потому что его поддерживалъ Оссолнскій, представитель антиреспубликанскаго направленія въ Рѣчи Посполитой, готовый утвердить его, опираясь на силу казацкую. Янъ Казимиръ дѣйствительно сталъ королемъ; а между тѣмъ новыя успѣхи надъ поляками во время междупарствія придали еще болѣе вѣсу казакамъ. Увѣряя новаго короля въ своей вѣрноподданнической преданности и объявляя виновниками всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Рѣчь Посполитую, единственно пановъ, Хмельницкій думалъ не о чемъ другомъ, какъ только о пользахъ казачества. Въ письмахъ своихъ къ королю, онъ просилъ, главнѣйшимъ образомъ, о томъ, чтобы казакамъ находиться непосредственно подъ властью короля и республики и не имѣть надъ собою многихъ повелителей, — дагѣе чтобы казаки удовлетворены были надлежащими средствами. Король соглашался на это и — «признавъ все случившееся посѣщеніемъ Божиимъ и принявъ во вниманіе, что величіе Божіе за всѣ грѣхи умилостивляется раскаяніемъ» — онъ извѣщалъ Хмель-

никакого, что назначаетъ особенную комиссію для разбора всего дѣла и удовлетворенія казаковъ — «чтобы не оставалось никакого воспоминанія о прошедшемъ смятеніи, чтобы впредь не доходило до такихъ безпорядковъ *).» Въѣстѣ съ этимъ Хмельницкому посланы были булава и знамя. — Замѣтимъ, что эта переписка Хмельницкаго съ королемъ шла въ то время, когда народное возстаніе было въ самомъ разгарѣ, когда уже не было рѣшительно никакой возможности поворотить его назадъ. Но событія приняли такіе размѣры, что Хмельницкій былъ уже не въ силахъ дать имъ направленіе сообразно съ цѣлями своими — и впалъ въ обоюдность, что впервые обнаруживается по занятіи Збаража. Тогда общій голось требовалъ, чтобы идти отсюда прямо въ Польшу и разорить ее. «Пане Хмельницкій, веды на Ляхявъ, кинчай Ляхизъ!» кричала ему толпа. То-же повторилось подъ Замостьемъ. — Считая возможнымъ для Руси пользоваться независимостью и правами свободной націи, не разрывая окончательно связи съ королевствомъ, Хмельницкій въ Польшу не пошелъ. Такимъ ли побужденіемъ руководствовался онъ, или же, какъ думаетъ Мелевель, онъ не пошелъ въ Польшу отъ Замостья, потому что приходилось вступить въ область, гдѣ господствовали другая вѣра и другой языкъ и гдѣ для опустошительнаго похода не представлялось другой цѣли, кромѣ самого опустошенія, слѣдовательно на сочувствіе польскаго простонародья располагать нельзя было, — важно здѣсь то, что интересы казачества разрознились съ народными — и Хмельницкій снова невольно долженъ былъ прибѣгнуть къ обоюдности въ дѣйствіяхъ.

Указывая на обоюдность, г. Костомаровъ въ то-же время говоритъ, что Хмельницкій, независимо отъ казацкой рады, окружалъ себя шляхтичами, приставшими къ казакамъ; люди болѣе образованные, чѣмъ казаки, они, казалось, лучше могли понимать

*) См. Памят. врем. кiev. ком., т. I, отд. 3, стр. 361 — 366. У меня имѣется другой экземпляръ этого письма въ числѣ матеріаловъ, переданныхъ мнѣ В. А. Стороженкомъ, покойный отецъ котораго, сенаторъ Стороженко, какъ извѣстно, съ особенною любовью занимался собраніемъ памятниконъ историческихъ, преимущественно относящихся къ Малороссіи. Мой экземпляръ представляетъ много отличій сравнительно съ изданнымъ комиссією, но совершенно сходенъ въ главныхъ пунктахъ содержанія. Но г. Костомаровъ приводитъ это письмо въ иномъ видѣ и не указываетъ откуда онъ взялъ его; а это очень важно бы знать, тѣмъ болѣе, что въ его экземплярѣ говорится, что король готовъ удовлетворить просьбу казаковъ касательно уни, — чего нѣтъ ни въ кievскомъ экземплярѣ, ни въ моемъ.

его. «Изъ всѣхъ этихъ шляхтичей, больше всѣхъ умѣлъ убѣждать предводитель Иванъ Виговскій, шляхтичъ русской вѣры, взятый въ плѣнъ при Жовтыхъ-Водахъ. Своею расторопностью, краснорѣчиемъ и здравымъ умомъ, онъ приобрѣлъ довѣренность Хмельницкаго, и его совѣтамъ, въ-особенности, приписываютъ поляки ту нерѣшимость Хмельницкаго, которая спасла на этотъ разъ (подъ Збаражемъ) ихъ націю,» — говоритъ авторъ. Здѣсь нельзя не согласиться съ мнѣніемъ о значеніи Виговскаго, тѣмъ болѣе, что въ подтвержденіе его можно привести и еще болѣе сильныя доказательства *).

*) Вотъ, на примѣръ, одно изъ доказательствъ значенія Виговскаго. Въ то время, когда Хмельницкій и казацкая старшина рѣшили подданство Малороссіи царю Алексѣю Михайловичу, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, дававшихъ оборотъ дѣлу, Хмельницкій дѣйствовалъ несамостоятельно: всѣмъ заправлялъ ловкій Виговскій. Какъ велъ онъ себя и какимъ интересомъ одушевлялся онъ, устроивая подданство Малороссіи московскому царю, это ясно можно видѣть изъ сохранившагося въ официальномъ актѣ разговора его съ царскими посланными Василиемъ Унковскимъ и подъячимъ Андреемъ Адрабьевымъ. Передадимъ здѣсь этотъ разговоръ, по дошедшему до насъ акту. — *Посланные* сказали Виговскому: «Видимъ мы твою къ в. г. ц. и в. князю Алексѣю Михайловичу всея Руси службу и въ словахъ подательство и откровенность, что хочешь в. г. его ц. величеству послужить; отвѣчай же намъ теперь на нашъ вопросъ: если поляки и Литва до конца станутъ odolъвать васъ, тогда какаѣ ваша будетъ мысль и гдѣ вамъ быть?» — *Виговскій*. «Если в. г. е. ц. величество не изволитъ принять насъ, то здѣсь находится много такихъ людей, которые станутъ наговаривать гетману, чтобы принять турецкое или крымское подначальство. А у меня этого и въ умѣ нѣтъ, кромѣ в. государя, куда мнѣ помыслить? Лишь бы в. г. ц. и в. князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси пожаловалъ меня холопа своего, велѣлъ снабдить своею государскою милостію, велѣлъ бы прислать ко мнѣ свою государеву грамоту за подписью думнаго дьяка, да только бы объ этомъ не знали ни гетманъ, ни другой кто; и мнѣ бы на его царскую милость надежду имѣть, и въ Путивль бы свою государеву грамоту велѣлъ прислать, чтобы меня приняли, если я приѣду въ этотъ, или другой какой, государевъ городъ. И только царская милость ко мнѣ будетъ, я приѣду къ нему в. государю съ отцемъ моимъ и съ братьями и пріятелями; за мною же послѣдуютъ лучшіе люди запорожской земли и многіе будутъ къ нему. Да я не чаю, чтобы и гетманъ думалъ мимо в. государя поддаться неврѣннымъ. А меня зоветь къ себѣ и венгерскій король, обѣщая мнѣ власть и жалованье великое.»... Тутъ онъ показалъ грамоту венгерскаго короля, въ которой было написано: «какъ приѣдешь ко мнѣ, то я стану тебѣ давать по 1500 червонцевъ въ годъ и города дамъ тебѣ не малые и сдѣлаю тебя великимъ начальникомъ надъ войскомъ своимъ.» — «Король венгерскій (примолвилъ Виговскій) потому знаетъ меня, что я у него бывалъ; известно ему также, что я почтенъ войскомъ запорожскимъ. Но я не мыслю никуда не ѣхать, кромѣ в. государя, ибо помню милость его ко мнѣ.» — *Василій* и

Но при всей обоюдности въ дѣйствіяхъ, при всемъ томъ, что Хмельницкій, по-видимому, подчинился приговору рады казацкой и находился подъ вліяніемъ Виговскаго, онъ даже и въ тѣ минуты, когда долженъ былъ вполне соглашаться съ волею и желаніями казацкой старшины, какъ скоро заходила рѣчь объ отношеніяхъ казачества къ королю, прямо и открыто выражалъ свою мысль о необходимости подчиненія ему, какъ верховной главѣ государства и беспощадно отзывался только о панахъ, притѣснителяхъ народа. По-крайней-мѣрѣ, такъ было на первыхъ порахъ малорусскаго возстанія. Это ясно раскрывается изъ сценъ,

Андрей. «Есть у васъ листъ короля Яна Казимира за его подписью, что писалъ онъ къ Калиновскому, да листъ крымскаго царя къ вамъ и гетману о посылкѣ ему на помощь запорожскаго войска; кромѣ того листъ волоскаго господаря къ гетману и къ сыну его Тимофею, и другіе листы изъ иныхъ государствъ? И ты послужи в. государю, дай ихъ намъ въ подлинникѣ или копіяхъ.» — Виговскій велѣлъ принести копии съ писемъ короля и хана, письмо же господаря въ подлинникѣ. Всѣ эти документы онъ отдалъ посланнымъ, увѣряя ихъ, что изъ другихъ государствъ нѣтъ листовъ въ что подлинники королевскаго и ханскаго писемъ отдать нельзя. Потому онъ сталъ говорить: «Извѣстите в. г. его ц. величество, чтобы онъ изволилъ, велѣлъ выбрать изъ отвѣтныхъ людей, кому за обычай и вѣрить можно, которые прямы в. государю, и чтобы ихъ посылать ко мнѣ. Я же начну писать в. государю обо всѣхъ е. ц. величества великихъ дѣлахъ, что ни явится у насъ изъ другихъ государствъ, вѣстей ли, или дѣлъ какихъ. А то пріѣзжаютъ къ намъ люди незнающіе, и пріѣхавъ къ намъ, все ложь говорятъ. Что мы отпишемъ черезъ нихъ, или на словахъ передадимъ, и они не знаютъ, какъ справиться съ тѣмъ. Вотъ и мнѣ путивльскій мужикъ не только едва бѣды не надѣлалъ, но чуть было я не полатился головою. Я съ нимъ писалъ и рѣчь приказывалъ къ путивльскимъ воеводамъ, а онъ возьми, да о всемъ и передай нашимъ казакамъ, рассказалъ все, о чемъ я ему тайно наказывалъ на словахъ. Когда мнѣ передали объ этомъ, то я позвалъ его къ себѣ и выговаривалъ ему, что онъ негораздо сказываетъ нашимъ казакамъ и велѣлъ ему тотчасъ ѣхать въ Путивль. Да пусть в. государь укажетъ въ Путивлѣ окольничему кн. Фед. Анд. Хилкову и прочимъ воеводамъ, которые будутъ въ Путивлѣ, чтобы они, незамѣшкавъ, принимали, когда я пришлю съ государевымъ дѣломъ въ письмѣ или словеснымъ наказомъ. Если же мнѣ нельзя будетъ написать, то я буду приказывать на словахъ, чтобы они посланныхъ немедленно принимали; я же буду обо всемъ писать и приказывать подлинно.» — *Василій и Андрей.* «Скажи намъ — кто это былъ государевъ человѣкъ, что такъ непристойно поступилъ?» — *Виговскій.* «Нельзя мнѣ этого вамъ объявить; онъ упросилъ меня, чтобы я объ этомъ не писалъ в. государю и его воеводамъ, и я ему далъ слово, что писать объ этомъ не буду.» — Далѣ Виговскій сказалъ: «Прежде я вамъ объявлялъ и нынѣ милости у в. государя прошу, чтобы мнѣ быть на е. в. государя милость надежду; а покаместъ я живъ, уповаю на Бога и чаю удержать гетмана и все запорожское войско и царя крым-

происходившихъ въ Переяславѣ, въ февралѣ 1649 года, когда прибыли туда королевскіе комиссары съ цѣлью опредѣлить отношеніе Рѣчи Посполитої къ казакамъ. Негодуя на ограниченное значеніе королевской власти, онъ весьма характерно выразилъ свою мысль о томъ, каковъ долженъ быть король на самомъ дѣлѣ. Это видно изъ отвѣта, даннаго имъ присланнымъ отъ

скаго и ближнихъ его людей и всю крымскую орду, что они не пойдутъ войною на украинные города (московскіе) и не учинить никакого другаго зла государевымъ городамъ, всякимъ мѣстамъ и людямъ, потому что крымскій царь и Нарадымъ и мурзы всѣ, кто только у нихъ есть владѣтели, меня слушаютъ; они знаютъ, что я съ помощію Божіею и въ войскѣ запорожскомъ *владѣтель во всякихъ дѣлахъ и что меня слушаютъ и почитаютъ самъ гетманъ, полковники, все войско.* Вы и сами видите, что мнѣ вѣрять во всемъ гетманъ и лучшіе люди и войско запорожское.» — Тутъ онъ снялъ образъ Спаса и, поцѣловавъ его, сказалъ: «Лишь бы татары не учинили чего безъ нашего совѣта и вѣдома, потому не вмѣстѣ съ ними живемъ. Развѣ гдѣ объявятся малые люди изгономъ. И только мы свѣдаемъ о какой-нибудь воинской мысли ихъ, то она никакъ не исполнится. Что касается до большой крымской войны, то я чаю, что ея не можетъ быть безъ пересылки съ гетманомъ, нами и всемъ запорожскимъ войскомъ, потому что татары знаютъ его ц. величество, равно и то, какал царская милость и какое жалованье къ намъ и что мы служимъ правдою в. государю.» — *Василій и Андрей.* «Мы прежде тебѣ говорили и теперь повторяемъ еще: памятна служба твоя в. г. нашему е. ц. величеству и впредь забыта не будетъ; надѣйся на государскую милость и служи в. г. ц. и в. князю Алексѣю Михайловичу всея Руси такъ, какъ ты обѣщался и на чемъ образъ Спасовъ цѣловалъ.» — Виговскій, взглянувъ на образъ, перекрестясь и поклонившись въ землю, сказалъ: «Дай Господи, чтобы его в. государя нашего милость ко мнѣ, послѣднему его холопу, была совершенна; я же какъ обѣщался ему государю служить и на чемъ Спасовъ образъ цѣловалъ, такъ и исполню. Да чтобы в. г. ц. и в. князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси изволилъ учинить свой государевъ указъ, чтобы не многіе люди знали о томъ, что я начну ему писать или приказывать. Его в. государя дѣла будутъ строиться, да и мнѣ бы то-же въ запорожской землѣ отъ гетмана, полковниковъ и войска дурна не было, чтобы впредь е. ц. величества всякимъ дѣламъ порухи тѣмъ не надѣлать. Пусть е. ц. величество изволитъ пожаловать меня холопа своего по моему челобитію, — дастъ свой государевъ указъ и отпишетъ немедленно.» — *Василій и Андрей.* «Г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ всея Руси укажетъ держать твою тайную службу *вскрыть*; кому это государево дѣло надлежитъ, тѣ по его г. указу и вѣдать будутъ. А ты, Иванъ, не опасайся и служи в. государю безъ сумѣнья. О чемъ же ты билъ челомъ в. государю и о чемъ съ нами тайно говорилъ и приказывалъ, мы обо всемъ этомъ донесемъ в. государю.» — См. Чтенія моск. об. ист., т. I, стр. 32—34, 1858 года. Этотъ разговоръ не вошелъ въ сочиненіе г. Костомарова.

Киселя съ вопросомъ — когда ему угодно будетъ начать переговоры.

— «Завтра буде справа и росправа (закричалъ Хмельницкій посланнымъ), завтра: бо я теперь пьяный, венгерскаго посла одправую, та коротко мовлю: зъ тей коммиссиі ничѣго не буде: война мусыть у тыхъ трехъ або чотырѣхъ неділяхъ початыся: выверну васъ усихъ, ляхивъ, до горы ногамы и потопчу такъ, що будете пидъ моими ногамы, а напоследокъ васъ царѣви турецкому въ неволю отдамъ. *Король королѣмъ буде, щобъ король стывавъ шляхту и дуки и князі, абы вильный бувъ собі. Согришыть князь, урижеть ему шию; согришыть козаць — и ѣму тѣжъ учымыты: отѣ буде правда?* Я хоть соби зыхый малый чоловикъ, аѣ мини такъ Богъ давъ, що я теперь единовладный самодержецъ руській. Король не хоче *королѣмъ вильнымъ буты*, якъ ся ему выдыть. Скажите се пану воєводи и коммиссарамъ, страхаєте менѣ шведами — и ти мои будутъ, а хочъ бы и ни такъ, хочъ бы ихъ булѣ пять-сотъ тысячъ — не подужають вони руськой, запорѣжской и татарской мѣчи. За тымъ и йдите: завтра справа и росправа.» 23 февраля онъ еще оригинальнѣе выразился на счетъ короля и отношеній его къ панамъ на этотъ разъ самому Киселю, сказавъ ему, между прочимъ: «А стѣвиси надъ Выслою, повидаю дальнишимъ ляхамъ: сидить ляхи! мовчить ляхи! Дукивъ, князивъ туды зажену, а будутъ за Выслою кричатъ, якъ пѣвне и тамъ знайду; не позостанеться ни одного князя, ни шляхтюка на Украини, а хочеть ли котѣрый зъ нами хлиба исти, пехай же виську запорѣжскому послушный буде, а на короля не брыка». — Покорнымъ подданнымъ явился онъ къ Яну Казиміру и подъ Зборовымъ, когда дѣйствительно находился въ такомъ положеніи, что предписывалъ условія Рѣчи Посполитой, когда въ буквальномъ смыслѣ въ рукахъ у него находился король и все войско. Такимъ онъ остался и въ послѣдующее время, до самаго рѣшительнаго разрыва Малороссіи съ Польшею.

Рѣшительное разъединеніе интересовъ казацкихъ и народныхъ воспослѣдовао по зборовскому договору, статьи котораго клонились исключительно въ пользу казаковъ, и только въ одномъ пунктѣ объ униі заключался общій интересъ, да и то потому, что вопросъ этотъ въ такой же мѣрѣ былъ важенъ для казаковъ, какъ и для народа. По зборовскому договору *благородный* гетманъ получилъ, между прочимъ, староство чигиринское, данное ему на булаву; число казаковъ по реестру должно было быть рас-

пространено до 40,000. Обеспечивая права казаковъ и распростра-
няя ихъ, о всѣхъ прочихъ, непринадлежавшихъ къ этому приви-
легированному классу, договоръ гласилъ положительно, что «жи-
вущіе въ королевскихъ имѣніяхъ должны исправлять свои обя-
занности, а живущіе въ шляхетскихъ должны служить своимъ
панамъ». Легко было это сказать, но не легко было привести въ
исполненіе. Народъ, поднятый Хмельницкимъ, принимавшимъ
всѣхъ въ казаки, не различая *шляхетне урожонихъ* отъ просто-
людиновъ, порвавъ всѣ связи съ прежними своими господами,
теперь отдавался опять въ волю послѣднихъ. Возвращеніе на-
задъ быть не могло, а потому и война была неизбѣжна. Г. Ко-
стомаровъ чрезвычайно обстоятельно и живо представляетъ по-
ложеніе дѣлъ въ Малороссіи послѣ зборовскаго договора, неу-
мирившаго враждебныя стороны, но еще болѣе ожесточившаго
ихъ, ибо и поляки были имъ недовольны, не думали исполнять
его, и ждали только случая, чтобы тѣмъ сильнѣе дать почув-
ствовать ненавистнымъ хлопамъ, — какъ называли они всѣхъ
малоруссовъ, не исключая даже *шляхетне-урожонихъ* казаковъ, —
чѣмъ оскорбительнѣе для нихъ гонора были зборовскія статьи.
Но не пускаясь въ подробности, — чего не дозволяетъ самая
цѣль нашей статьи, — остановимся на Хмельницкомъ. Постав-
ленный по зборовскому договору въ совершенно иное положеніе,
нежели въ какомъ находился прежде, и видя какую сумятицу въ
Малороссіи производить практическое примѣненіе трактата, онъ
убѣдился наконецъ, что Малороссія не можетъ быть спокойною
при тѣхъ условіяхъ, которыми теперь были опредѣлены отно-
шенія къ Польшѣ. Поднявъ народъ не съ цѣлью отторженія
Руси отъ Польши, но съ цѣлью помочь королю сдѣлаться *воль-
нымъ* относительно пановъ-притѣснителей, онъ теперь ясно уви-
дѣлъ, что этого достигнуть нельзя, и сталъ дѣятельно сноситься
съ Москвою, Турціею, Крымомъ, даже Швеціею, маскируя по
прежнему прямыя свои цѣли и дѣйствуя обоюдно *).

*) Здѣсь считаемъ умѣстнымъ коснуться отношеній Хмельницкаго къ
Швеціи, тѣмъ болѣе, что г. Костомаровъ упоминаетъ объ нихъ какъ-бы
мимоходомъ и только слегка. Посредникомъ между Хмельницкимъ и швед-
скимъ правительствомъ былъ подканцлеръ Радзівевскій, расположенный къ
казакамъ, чѣмъ и возбудилъ къ себѣ ненависть польскихъ магнатовъ, такъ
что ему пришлось спасаться бѣгствомъ. Онъ бѣжалъ въ Швецію и тамъ
началъ поднимать правительство противъ Польши. Зналъ, какую выгоду
можно имѣть въ этомъ отношеніи со стороны казаковъ, онъ вступилъ въ
переписку съ Хмельницкимъ. Письмо его дошло до насъ: оно напечатано

разомъ борьба Малороссіи съ Польшею вступила во-второй періодъ своего развитія, ознаменованный болѣе неудачами для казаковъ; но Хмельницкій и тутъ остался вполнѣ вѣренъ самому себѣ: не смотря на тяжелыя испытанія, перенесенныя имъ, на утрату народнаго расположенія, онъ счумѣлъ удержать за собою преимущество и превосходство во всѣхъ превратностяхъ жизни, какъ весьма справедливо замѣтилъ Лелевель. —

Изображая Хмельницкаго, г. Костомаровъ, въ то-же время, даетъ полную возможность читателю составить себѣ идею о томъ, какими интересомъ одушевлялось малорусское возстаніе въ различные періоды своего развитія. Событія, отъ первыхъ успѣховъ казаковъ надъ поляками до зборовскаго договора, представляя совершенное уничтоженіе всякой связи Малороссіи съ Польшею, показываютъ, что интересы казаковъ въ это время были тѣсно связаны съ народными. Между тѣмъ политическое значеніе Малороссіи раскрывается передъ читателемъ во всей своей важности. Въ Москвѣ, Турціи, Крыму, Венгрии, заинтересованные возстаніемъ, ясно понимали, что оно не изъ числа тѣхъ, которыя Рѣчь Посполитая умѣла притушивать безъ дальнѣйшихъ потрясеній и важныхъ утратъ. И вотъ, мы видимъ, что не прошло и года, какъ поднялись казаки и украинскій народъ, — и къ главному виновнику и двигателю этого возстанія стали являться послы съ разныхъ сторонъ, съ предложеніемъ выгодныхъ усло-

въ третьемъ томѣ Памятниковъ кievской комиссіи и отнесено къ 30 мая 1652 года. Но у меня находится другой экземпляръ, приготовленный къ изданію покойнымъ Стороженкомъ. Изъ этого экземпляра видно, что письмо было послано не 30 мая 1652 года, а 30 мая 1650 года. — Разница большая и очень важная. Радзівевскій угovarивалъ королеву Христину принять подъ свое покровительство запорожское войско, и, получивъ ея согласіе, сообщилъ Хмельницкому планъ, какъ это устроить; условія были слѣдующія: 1) чтобы гетманъ немедленно выслалъ въ Стокгольмъ одно или два лица, которыя бы знали греческій языкъ, потому-что королева хорошо писала и говорила по-гречески; 2) посланные должны имѣть полную власть дѣйствовать отъ лица Хмельницкаго и запорожскаго войска; 3) онъ увѣрялъ, что гетманъ и казаки будутъ совершенно довольны королевою, которая должна почестся удивленіемъ цѣлому свѣту (*taka królówe, która cudowiskiem jest całemu światu*), и что она желаетъ, чтобы при ней постоянно находился кто-нибудь греческаго исповѣданія для удобнѣйшаго сношенія съ войскомъ запорожскимъ; 4) Хмельницкій долженъ соединиться съ татарами и вступить въ сношенія съ Ракочіемъ. — Последнее обстоятельство, по нашему мнѣнію, должно вести къ заключенію, что Хмельницкій сносился съ Швеціею съ 1650 года, ибо къ этому времени относится начало его сношеній съ Ракочіемъ.

вій. Неудивительно, что у смиренного и низкопоклонного Богдана, какимъ онъ явился въ Варшаву по дѣлу съ Чаплинскимъ, закружилась голова и онъ сталъ величаться *единовладнымъ самодержцемъ русскимъ*. Хотя это сорвалось у него съ языка подъ пьяную руку, все же въ такую минуту человѣкъ открыто высказываетъ все, что только таится у него на душѣ. — Отъ зборовскаго договора до жванецкаго продолжался второй періодъ возстанія, оправдавшій на дѣлѣ всю невозможность для Малороссіи ужиться съ Польшею въ мирныхъ отношеніяхъ, сохраняя свою самостоятельность, — въ результатѣ оказалось подданство московскому царю, съ чѣмъ наступилъ третій періодъ войны съ Польшею. Но Хмельницкій вѣрно служа Россіи, не думалъ отказываться отъ полной независимости въ дѣйствіяхъ. Такъ, когда московское правительство, заключивъ договоръ съ Польшею, начало войну съ Швеціей, Хмельницкій остался въ прежнихъ отношеніяхъ съ шведскимъ королемъ. Въ Москвѣ положительно узнали, что онъ заключаетъ договоры съ шведами и венграми. Присланный къ нему окольникій Бутурлинъ, съ царскимъ договоромъ, сталъ стыдить и уличать его въ непостоянствѣ, сказавъ ему, между прочимъ: «Теперь, когда Польша безсильна, а у васъ много друзей, чтобъ раззорять ее, а когда она была сильна и васъ устрашала, кто содѣйствовалъ вашему освобожденію, кромѣ великаго государя? Въ то время ты говорилъ иначе съ царскимъ посланникомъ. И со мной ты не такъ обходился, когда я, по указу великаго государя, приходилъ со многими ратными людьми защищать тебя отъ поляковъ и татаръ. Только платье, Хмельницкій, такъ мѣняютъ, а не слово. Карлъ Густавъ огорчилъ великаго государя неправдою и нарушеніемъ вѣчнаго договора, что не только его царскому величеству, помазаннику Божію, нельзя стерпѣть, но и тебя, простаго человѣка, такія досады вывели бы изъ терпѣнія. Отложи свое неприличное высокомеріе. Служба твоя извѣстна его царскому величеству и забвенна имъ не будетъ. Онъ какъ теперь, такъ и впредь будетъ содержать тебя и все войско запорожское въ своей государственной милости, въ большой чести; а Украину отдать польскому королю и противъ васъ посылать ратныхъ людей никогда и не мыслилъ». — Хмельницкій могъ сказать на это въ отвѣтъ только нѣсколько общихъ фразъ и отдѣлался извиненіемъ, что ослабѣваетъ и едва можетъ говорить, и что ему нуженъ покой. — Чѣмъ бы кончился этотъ вопросъ — неизвѣстно, ибо гетманъ принималъ царскихъ посланныхъ, будучи тяжело боленъ, и вскорѣ умеръ со

скорбію въ душѣ, что не успѣлъ окончательно устроить судьбы Малороссіи, — умеръ онъ, не высказавши прямо, что у него было на мысли. Любопытно, когда онъ передъ смертью собралъ раду и прощался съ нею, то и тутъ велъ себя такъ сдержанно, что собравшіеся полковники и старшины должны были сами угадывать прямую его мысль. Онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что преемникомъ ему выбрали сына его Юрія, хотя онъ самъ въ числѣ другихъ кандидатовъ въ гетманы указывалъ на Виговскаго. Такимъ образомъ онъ не измѣнилъ своей обоюдности до конца жизни.

Изь нашего обзора читатель можетъ видѣть, что идея о Хмельницкомъ, выносимая изъ книги г. Костомарова, дѣйствительно подходит ко взгляду на него Лелевеля, который выше мы позволили себѣ назвать общимъ именемъ польскаго воззрѣнія. Считать ли это недостаткомъ? Имѣемъ ли мы право обвинять въ искаженіи исторической истины писателя, который по долговременномъ, всестороннемъ и самостоятельномъ изученіи избраннаго предмета, изобразилъ его такъ, что въ общей обѣ немъ идеѣ, онъ подошелъ подъ взглядъ ученаго и притомъ глубокаго знатока польской исторіи въ обширномъ ея значеніи? Странно даже допускать возможность утвердительнаго отвѣта на подобныя вопросы. — Напротивъ того, мы думаемъ, что г. Костомаровъ, представивъ Хмельницкаго живымъ человѣкомъ, выражающимъ въ себѣ достоинства и недостатки времени, въ которое онъ жилъ, не только не унизилъ его, но еще возвысилъ въ глазахъ потомства. Мы ясно можемъ теперь видѣть, что такая задача, какою было спасеніе самостоятельности малорусской національности, была не по силамъ тѣмъ, которые съ юношескою горячностью брались за нее до Хмельницкаго, не сообразивъ средствъ, на которыя могли рассчитывать — и падали мучениками за свои чистыя стремленія. Для этой задачи нуженъ былъ Хмельницкій; не тотъ Хмельницкій, который, долгое время, являлся передъ нами въ блѣдныхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ идеальнаго героя, но Хмельницкій, который рисуется передъ нами по прочтеніи книги г. Костомарова. Составляя себѣ ясное представленіе о той эпохѣ, о трудностяхъ и опасностяхъ, съ какими соединено было великое дѣло, которое поднялъ на себя знаменитый Богданъ, вполне убѣждаемся, что онъ совершенно былъ въ уровень своему положенію. Самая обоюдность, усматриваемая въ его дѣй-

ствіяхъ, вполнѣ извиняется обстоятельствами: кто поставленъ между двумя огнями, тому не до разбора въ средствахъ.

Такимъ образомъ полная справедливость требуетъ сказать, что въ ряду самыхъ замѣчательныхъ сочиненій по отечественной исторіи «*Богдану Хмельницкому*» г. Костомарова должно принадлежать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, потому что это сочиненіе вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ современности, для которой нужны не идеалы, не образы, идущіе врознь съ дѣйствительностію, но живые типы, олицетворяющіе эпохи, къ которымъ принадлежать.

А. ЗЕРНИНЪ.

Харьковъ. 25 іюня 1859 г.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Отъ Москвы до Лейпцига. И. Бабста. (*Изъ Атеней*). М. 1859. Въ 8-ю д. л. 144 стр.

По мѣрѣ того, какъ все проще и удобнѣе становятся наши сношенія съ Европой, какъ все легче и легче дѣлается для насъ путешествовать по Германіи, Франціи, Италиі и проч.—все труднѣе и труднѣе русскому туристу, описывать свои странствія по европейскимъ государствамъ. Отчего же это? Или мы такъ богаты обстоятельными, учеными и художественными описаніями путешествій по Европѣ? Или жизнь, природа, нравы, законодательство и т. д. Европы такой изчерпанный предметъ въ нашей литературѣ, что о немъ ничего не скажешь новаго? Или наконецъ литература наша усвоила себѣ въ переводахъ, лучшіе ученые и литературные труды французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и т. д. о самихъ себѣ и другъ о другѣ, и эти труды исключаютъ потребность нашего собственнаго изученія? Ни то, ни другое, ни третье предположеніе не вызовутъ ни у кого изъ людей, знакомыхъ съ нашею литературой, утвердительнаго отвѣта. Со времени Фонвизина и Карамзина, немало русскихъ разъѣзжало по Европѣ и описывало ее; но есть ли хоть одна книга о Франціи, о Германіи, объ Англіи, на которую мы могли бы указать — не говоримъ, какъ на классическую, а какъ на имѣющую не мимолетный только интересъ? Богѣе всего изъ всѣхъ европейскихъ странъ, посчастливилось намъ въ Италиі и въ Испаніи. Прекрасныя «Письма объ Испаніи» г. Боткина, и истинно-художественныя «Картины Италиі» г. Ковалевскаго, были бы немаловажнымъ приобрѣтеніемъ даже для такой богатой превосходными путешествіями литературы, какъ англійская; но перебирая наши путе-

шествiя по Францiи, напริมѣръ, и Германiи, мы едва ли не съ наибольшимъ сочувствiемъ, остановимся на самыхъ старыхъ, именно на письмахъ Карамзина и Фонвизина, хотя все справедливое у послѣдняго принадлежитъ не ему, хотя взгляды перваго были не совсѣмъ современны и для его поры (разумѣется, въ Европѣ, а не у насъ: такъ, толкуя съ Боннетами и Лафатерами, Карамзинъ не замѣчалъ симптомовъ, грозныхъ политическихъ и гражданскихъ бурь, готовыхъ потрясти всѣ основы европейской жизни). Взамѣнъ недостатка собственныхъ наблюденiй, литература наша не можетъ выставить намъ и хорошихъ переводовъ, даже наиболѣе замѣчательныхъ, иностранныхъ путешествiй по Европѣ. У насъ переводили въ началѣ нынѣшняго столѣтiя Дюпати, переводили въ послѣднее время г. Александра Дюма — р-дителя; но русская публика, не читающая ни по-нѣмецки, ни по англiйски, не знакома, напрімѣръ, хоть съ книгами Грегоровiуса, леди Морганъ, чтобы не называть многоаго. И не смотря на все это, мы будемъ утверждать, что описывать Европу — трудное дѣло для русскаго путешественника? Да. Мы говоримъ, разумѣется, о большинствѣ путешественниковъ-писателей, а не о блистательныхъ исключенiяхъ, которыхъ у насъ являлось между ними до-сихъ-поръ весьма мало. Дѣло въ томъ, что нѣтъ такого туриста, который, отправляясь въ извѣстную страну, не познакомился бы хотя съ наиболѣе замѣчательными путешествiями, совершенными до него въ эту страну; а о каждомъ уголкѣ Европы написаны на европейскихъ языкахъ цѣлыя груды, стало быть говорить что-нибудь новое, для русскихъ читателей о своемъ посѣщенiи Швейцарiи, чтò-ли, или Англiи, не значитъ еще говорить безусловно новое. Конечно, «ничто не ново подъ луною;» но вѣдь, значитъ, не нова и претензiя непременно сказать что-нибудь до насъ не сказанное, у всякаго путешественника, принимающагося за перо. Простая и дѣльная компиляцiя, съ примѣсью немногихъ собственныхъ наблюденiй, была бы очень почтеннымъ и полезнымъ трудомъ; но истинный путешественникъ вѣчно на-ходу, вѣчно торопится, а компилятивный трудъ требуетъ много времени, много хлопотъ, и вотъ, почему читателю приходится большею частью, въ сообщаемыхъ туристомъ свѣдѣнiяхъ о посѣщенной имъ странѣ, встрѣчать лишь общiя и, само собою разумѣется, общезвѣстныя черты, а въ необходимо-выступающемъ на первый планъ отчетѣ автора о своихъ личныхъ впечатлѣнiяхъ, видѣть немного интереснаго. При этихъ условiяхъ, для успѣха путешествiя нужны — или художественный талантъ,

ужьющій и старыя предметы рисовать новыми красками, или предварительное серьезное изученіе страны, провѣренное потомъ личными наблюденіями, или, наконецъ, особенно свѣтлый и проникательный взглядъ. Это все качества покажутся исключительныя, и не для одной русской литературы. А между тѣмъ туристы плодятся и плодятся, и, нечего грѣха таить, начинаютъ даже ввухать публикѣ нѣкоторое недоувѣріе къ интересу вообще всякихъ писемъ изъ-за границы, т. е. изъ Германіи, Франціи, Англіи и проч.

Нечего и говорить, что подобнаго недоувѣрія не могли возбудить въ насъ путевыя замѣтки г. Бабста. Въ нихъ мы предполагали найти именно нѣкоторыя изъ тѣхъ качествъ, которыя только-что назвали исключительными. И точно, небольшая брошюра почтеннаго профессора исполнена интереса, дѣльныхъ замѣчаній, и меткихъ примѣненій. Больше всего читатель можетъ подосадовать на то, что путевыя письма г. Бабста прерываются на полдорогѣ. Если онъ могъ сказать столько интереснаго о такихъ многоизвѣстныхъ мѣстахъ, какъ Берлинъ, какъ Лейпцигъ, то понятно желаніе слѣдовать за нимъ дальше. Не знаемъ, будетъ ли г. Бабстъ кончать замѣтки о своемъ путешествіи; пока поблагодаримъ его и за то, что онъ издалъ.

Г. Бабстъ — специалистъ; но характеръ записокъ его вовсе не спеціальный. Съ первой же страницы онъ ставитъ читателя на точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на его замѣтки. «Цѣль этихъ писемъ, — говоритъ г. Бабстъ, — подѣлиться тѣми впечатлѣніями, какія произвели на меня многія стороны жизни, мнѣ до-тѣхъ-поръ знакомой только по книгамъ и рассказамъ.» Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ историческихъ и общественныхъ вопросовъ и копчая мелочами обыденной жизни, г. Бабстъ не обходитъ безъ вниманія ничего въ той части Германіи, которой посвятилъ онъ свои письма. Всѣхъ писемъ въ книгѣ семь. Въ первомъ г. Бабстъ рассказываетъ свой переѣздъ изъ Москвы, чрезъ бѣлорусскій и западный край и Варшаву, въ Бреславль. Во-второмъ письмѣ говорится о Бреславлѣ, въ третьемъ и четвертомъ — о Берлинѣ, въ пятомъ — о Дрезденѣ, въ шестомъ — о Прагѣ, и наконецъ въ седьмомъ — о Лейпцигѣ.

По поводу проѣзда Бѣлоруссией и западнымъ краемъ, г. Бабстъ дѣлаетъ довольно большое отступленіе о евреяхъ. Кого изъ проѣзжавшихъ этими мѣстами не поражаело несчастное сельское населеніе, не живущее, а изо-дня въ день грустно прозябающее, въ неисходной кабалѣ у жидовъ? Многіе, громко провозглашавъ

шіе необходимость еврейской эманципаціи, послѣ посѣщенія западнаго края и Бѣлоруссіи, становились заклятыми противниками всякаго расширенія гражданскихъ правъ евреевъ. Что евреи здѣсь дѣйствительно играютъ роль губительной язвы—съ этимъ всѣ согласны; но что именно уравненіе гражданскихъ правъ евреевъ съ христіанами уменьшить, а не увеличить эту язву—это понимаютъ весьма немногіе. Думаютъ напротивъ, что дѣлу лучше всего можно помочь еще большимъ притѣсненіемъ еврейскаго народонаселенія. Г. Бабстъ приводитъ убѣдительный примѣръ въ дѣйствительности гуманныхъ мѣръ относительно евреевъ, указывая на Пруссію, гдѣ уравненіе правъ имѣло самое благодѣтельное вліяніе на образованіе и на нравственность еврейскаго народонаселенія, и способствовало обращенію его отъ кочевой, бродячей торговли къ солидной и осѣдлой, къ лучшему образу жизни, и заставило даже сложить съ себя свои виѣшнія національныя особенности.

Въ царствѣ польскомъ, г. Бабстъ замѣчаетъ уже высшій уровень цивилизаціи въ массѣ: и станціонный смотритель здѣсь читаетъ книги, и станціонная смотрительша не грязная баба, а барыня съ приличными манерами, и корчма нѣчто благообразнѣйшее, чѣмъ нашъ кабакъ.

Вообще всѣхъ путешественниковъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни клонятся къ похвалѣ чужаго, другіе къ порицанію всего не похожаго на свое. И то, и другое направленіе обуславливаются большимъ или меньшимъ довольствомъ своею собственной страной. Выше, мы назвали Фонвизина и Карамзина. Съ ихъ уже замѣтокъ начинается раздѣленіе всѣхъ нашихъ путешествій на двѣ помянутыя категоріи. Карамзинъ видитъ преимущественно лучшія стороны европейской жизни; Фонвизину представляется все въ черномъ или сѣромъ цвѣтѣ. Ни тотъ, ни другой не высказываютъ опредѣленно своего воззрѣнія на родную страну; но изъ самого взгляда на Европу вы уже ясно видите, какъ наши путешественники смотрятъ на Россію. Хвала все въ чужихъ краяхъ, Карамзинъ желалъ бы видѣть это хорошее у себя дома; порицая все, Фонвизинъ по-видимому недоволенъ тѣмъ, что не встрѣчаетъ въ Европѣ тѣхъ сторонъ жизни, которыя способны были произвести у насъ знаменитое «путешествіе изъ Петербурга въ Москву» Радищева. По всѣмъ примѣтамъ, мы никакъ не можемъ предположить, чтобы порицанія Фонвизина исходили изъ болѣе глубокаго источника. Мы нигдѣ не видимъ и не подозреваемъ въ немъ поклоненія далекому идеалу,

передъ которыми кажутся блѣдны и позднѣйшіе шаги наши по пути прогресса. Недовольство европейскою жизнью, вызванное такимъ идеаломъ, присудимъ душѣ автора, не слѣдуетъ смѣшивать съ недовольствомъ избалованнаго дикостью и произволомъ барича, которому здравыя и законныя отношенія въ Европѣ представляются посяганіемъ на права его личности. Мы ничего не говоримъ о путешественникахъ славянофилахъ, утверждающихъ, что Западъ если не сгнилъ еще, то, по-крайней-мѣрѣ, гниеть оттого, что отчасти сбросилъ, отчасти старается сбросить съ себя, какъ лишнія вериги, пеленки и опеку своего перваго развитія. Какъ извѣстно, славянофиламъ эти-то пеленки, эта-то опека и нравятся особенно.

Къ какому же отдѣлу отнесемъ мы записки г. Бабста? Почтенный профессоръ — утопистъ, не человѣкъ далекаго идеала. самая наука, которою спеціально занимается онъ, должна была сдѣлать взглядъ его практическимъ. Первое чувство, овладѣвающее каждымъ русскимъ при переѣздѣ за-границу — чувство, что окружающая сфера болѣе очищена и просвѣтлена здѣсь цивилизаціей, что жизнь приняла болѣе правильный ходъ, уложилась въ болѣе свободныя формы. Положимъ, болѣе пристальный взглядъ откроетъ и здѣсь многое множество несовершенствъ и возбудитъ сомнѣніе въ чистотѣ этой сферы и въ живучести этихъ формъ. Но только люди, вѣрящіе въ совершенствованіе человѣчества, лишь поставленіемъ ему самыхъ крайнихъ идеаловъ, могутъ порицать то, что считается въ настоящую минуту, такъ называемыя «последніи успѣхами цивилизаціи», могутъ сомнѣваться въ прочности началъ, выработанныхъ доселѣ жизнью и наукой, и казнить ихъ во имя своихъ преждевременныхъ чаяній. Такіе люди можетъ быть и справедливы съ той недостижимо высокой точки зрѣнія, на которую они становятся, но въ сферѣ жизни, они слывуть людьми не практическими и за ними пока не признается заслуги двигать общество. Г. Бабстъ экономистъ, онъ смотритъ не за тысячу лѣтъ впередъ, а предлагаетъ средства возможныхъ въ настоящую минуту измѣненій и улучшеній. Сравненіе европейскаго быта съ нашимъ заставляеть его указывать на тѣ стороны жизни, въ которыхъ Европа опередила насъ и усвоить которыя Россія можетъ тихо, просто, безъ всякихъ потрясеній и насилій. Въ этихъ указаніяхъ мы видимъ главное достоинство писемъ г. Бабста.

Желаніе блага своей родной странѣ заставляеть его на каждомъ шагу вспоминать за-границей о Россіи, сравнивать чужое

съ роднымъ, выставяеть на видъ достойное подрожаніе. Никто не стагетъ сверить, что намъ есть еще что занять у Европы, хотя отъ многога, заняга прежде безъ серіозной критики, слѣдуетъ отдѣлаться. Таковы, напрімѣръ, стѣснительныя формы бюрократіи, которыя не разъ вызываютъ негодование нашего путешественника въ Германіи. За то, сколько и тажего хорошаго, чего у насъ нѣтъ, и усвоеніе чего, кажется, не стоило бы намъ большихъ трудовъ и усилій! Г. Бабстъ останавливается и на важныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, не пропускаетъ безъ вниманія и мелочей, которыя такъ тѣсно, такъ органически связаны съ первыми. Порядокъ въ таможнѣ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, даже при существованіи тяжелыхъ узъ бюрократіи, не отзывается уже произволомъ; полиція охраняетъ, а не эксплуатируетъ народъ. Жизнь частнаго чело- вѣка укладывается въ скромныя рамки его доходовъ; нѣтъ ди- каго стремленія жить выше средствъ, казаться не тѣмъ, чѣмъ есть; стало-быть больше честности, больше пониманія экономи- ческихъ принциповъ. Качества эти невозможны безъ серіознаго и прочнаго образованія. И точно — и правительство, и общество дѣлаютъ все для народнаго просвѣщенія. Школы существуютъ не для однихъ официальныхъ отчетовъ; между преподавателями и учениками родственная связь, а не антагонизмъ начальника и подчиненныхъ; университетское образованіе не стѣснено лиш- ними и затруднительными формальностями, обязательными экза- менами, произвольнымъ выборомъ предметовъ для занятій. Нигдѣ въ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ безчисленнаго комплекта разной полицейской солдатчины, какъ будто каждое учебное за- веденіе слѣдуетъ держать въ осадномъ положеніи. Музеи отво- рены настежь всѣмъ желающимъ; нечего хлопотать и кланяться изъ-за билетовъ, не смотря на то, что очень многія картинныя галлерей составляютъ, какъ нашъ эрмитажъ, личную собствен- ность владѣтельныхъ особъ. Образованіе, въ соединеніи съ глас- ностью и болѣе сообразными съ народнымъ благоденствіемъ правительственными учрежденіями, очистило нѣмецкую бюрокра- тію, доживающую вѣроятно послѣдніе года, отъ тѣхъ язвъ, про- тивъ которыхъ у насъ съ такимъ жаромъ говоритъ пока одна лишь беллетристика. Увидавъ саксонскаго гѣсничаго въ скром- ной, почти идиллической семейной картинѣ, г. Бабстъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «Бѣдный, глупый окружной началь- никъ саксонскихъ королевскихъ гѣсовъ! какъ ты не дошелъ, много учившись и трудившись, до простой операціи съ попен-

ными деньгами, обращающимися въ хорошихъ лошадей, въ кофаски, шляпки и тонкое полотно, вытканное, можетъ-быть, изъ той же пряжи, которую продала твоя жена?» Съ образованіемъ же является и уваженіе къ людямъ, служащимъ обществу дѣломъ или словомъ, и уваженіе къ самой памяти такихъ людей. Рассказывая о народной оваціи, встрѣтившей въ Лейпцигѣ Шллера послѣ представления «Орлеанской дѣвы», г. Бабста говоритъ: «Благо тому народу, который умѣетъ такъ чествовать своихъ доблестныхъ сыновъ, прославляющихъ родину великими произведеніями ума и поэзіи, и который умѣлъ себѣ заработать право такъ чествовать ихъ, не испрашивая на то напередъ позволенія начальства». Какъ не вспомнить по этому случаю похоронъ Пушкина и Гоголя, безвѣстной могилы Бѣлинскаго, и... всего не перечесть! Скажемъ кстати, что, кажется, въ ничьей головѣ не извѣдятся еще и мысли воздвигнуть памятники Пушкину, Гоголю, Грибоѣдову.... Намъ отвѣтить пожалуй: рано, потомство еще не наступило. Отвѣтъ, за неимѣніемъ иного извиненія, пожалуй и ловкій, только едва ли онъ свидѣтельствуетъ о томъ благодарномъ уваженіи къ лучшимъ людямъ родной стороны, о которомъ идетъ рѣчь. Вѣдь не рано же показалось поставить памятникъ Мицкевичу въ Краковѣ. Давно ли онъ умеръ? Но видно тамъ, гдѣ заслуги цѣнятся и уважаются, потомство наступаетъ раньше.

Само-собою разумѣется, не всѣ стороны германской жизни возбуждаютъ въ нашемъ путешественникѣ чувства отрадныя! Много и тамъ возмутительнаго. Такъ въ письмѣ о Прагѣ найдетъ читатель печальные факты объ австрійскомъ угнетеніи подвластныхъ ему народностей; въ письмахъ о Берлинѣ нельзя не остановиться на подробномъ и дѣльномъ изложеніи многочисленныхъ недостатковъ германскихъ университетовъ, съ указаніемъ, что слѣдуетъ намъ взять изъ нихъ, и чему мы ни какъ не должны подражать. Голосъ г. Бабста, какъ одного изъ лучшихъ нашихъ преподавателей, очень важенъ въ этомъ серьезномъ дѣлѣ, и мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на эту часть книги: съ такимъ же интересомъ читаются свѣдѣнія о первоначальной лейпцигской школѣ, основанной Фогелемъ. Они наводятъ на много мыслей, которыхъ осуществленіе пріятно было бы видѣть въ Россіи.

Мы недѣлаемъ выписокъ, думая, что тѣ изъ нашихъ читателей, которые незнакомы еще съ письмами г. Бабста по «Атенею», гдѣ они были впервые напечатаны, съ большимъ удоволь-

ствіемъ обратятся къ самой книгѣ, въ которой мы не могли указать въ нашей краткой рецензіи на все интересное.

М. Л.

Биографіи знаменитыхъ астрономовъ, физиковъ и геометровъ. Соч. Франсуа Араго. Перевелъ Д. Перевощиковъ. Спб. 1859 г. въ типографіи торговаго дома Водова, Похитонова и Струговщикова. XVIII — 640, in-8°.

Одно изъ изданій торговаго дома, употребляющаго свои средства на обогащеніе нашей литературы переводами замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ ученыхъ сочиненій. Предпріятіе это давно уже встрѣчено заслуженнымъ сочувствіемъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ и потому наша похвала, конечно, не много прибавить къ тому, что уже сказано другими. Въмѣсто голословной похвалы, которая намъ также противна, какъ и голословное порицаніе, мы постараемся въ одной изъ ближайшихъ къ выходу книжекъ «Русскаго Слова» представить нашимъ читателямъ подробный отчетъ о всѣхъ переводныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ торговымъ домомъ Водова и К°. Тамъ будутъ у мѣста и заслуженныя похвалы, въ которыхъ нельзя отказать этому предпріятію, тамъ же читатели найдутъ и полную оцѣнку исполненія, которое зависитъ не отъ торговаго дома; теперь же мы ограничимся замѣчаніемъ, которое постоянно приходило намъ на умъ при бѣгломъ просмотрѣ переводовъ, вышедшихъ изъ подъ станковъ водовской типографіи.

Намъ кажется, есть сходство между дѣйствіями торговаго дома г. Водова и К° и между дѣйствіями двухъ даровитѣйшихъ и благороднѣйшихъ нашихъ книгопродавцевъ, которые за безграничную довѣрчивость къ нѣкоторымъ именамъ заплатили и своимъ благосостояніемъ и успѣхами русской книжной торговли. Мы говоримъ объ А. Ф. Смирдинѣ и г. Плюшарѣ. Не дай Господи дожить до схода въ послѣдствіяхъ! А сходныхъ послѣдствій дожидаться не трудно, если дѣлю будутъ вести съ такимъ ослѣпленіемъ, съ какимъ оно ведется до-сихъ-поръ. Переводъ, заглавіе котораго вышесано выше, именно наводитъ на такія предположенія.

Переводъ этотъ, какъ гласитъ заглавіе, принадлежитъ г. Перевощикову. Не вѣрится что-то, чтобы этотъ переводъ дѣйствительно вышелъ изъ-подъ пера нашего глубоководнаго и знаменитаго академика и экзъ-профессора. Г. Перевощиковъ неизвѣстенъ никакими самостоятельными трудами, не подвинулъ науку

ни на-волося впередъ; но всѣ его знаютъ какъ отличнаго компилятора, пишущаго ясно и свободно. Слогъ его, точный, ровный, и не смотря на строгость предмета, отличающійся какимъ-то простонароднымъ складомъ, до того своеобразенъ, что компляцію г. Перевошикова можно отличить между тысячами другихъ единственно по этому признаку. Ничего подобнаго нѣтъ въ переводѣ біографій, подъ которымъ выставлено имя академика. Робкая рука ученика, не владѣющаго ни русскимъ, ни французскимъ языками видна въ каждой фразѣ построенной, если хотите, правильно, но лишенной свободы и жизни. Не такими переводами можно внушить публикѣ довѣріе къ прекрасному и полезному предпріятію, за которое взялись г. Водовъ и К°. Конечно, не на нихъ падеть осужденіе за неудачу, но едва ли имъ отъ того будетъ легче.

Въ отчетѣ, который мы дадимъ нашимъ читателямъ, мы представимъ ясныя, и надѣмся, довольно убѣдительныя доказательства въ подтвержденіе нашего предположенія, — доказательства, основанныя на сличеніи переводовъ съ подлинниками; теперь ограничиваемся выпискою, сдѣланною на удачу, изъ которой читатели могутъ увидать на сколько справедливы наши обвиненія.

«..... Эти слова означаютъ, что Серванъ вѣрить чудеснымъ исцѣленіямъ посредствомъ *магнитизма*; но въ этомъ-то и вопросъ: допустите исцѣленія, тогда прекратятся всѣ споры. Но на чемъ основывается такая увѣренность? На многочисленныхъ свидѣтеляхъ? А развѣ бывшія чудеса на кладбищѣ Сентъ-Медора не имѣли свидѣтелей? Развѣ парламентскій совѣтникъ Монжеронъ не написалъ три тома in-4°, въ которыхъ онъ собралъ имена всѣхъ свидѣтелей, утверждавшихъ, что могла дѣякона Париса возвращала зрѣніе слѣпымъ, слухъ — глухимъ, ноги — разслабленнымъ параличемъ, излечала ревматизмы, водянку, эпилепсію, чахотку, раны и пр.? Не смотря на знаменитыхъ свидѣтелей, развѣ цѣлая Европа не смѣялась надъ этимъ кощунствомъ? Даже герцогиня Дю-Мень осмѣяла его умнымъ куплетомъ:

Un décrotteur à la royale,
Du talon gauche estropié
Obtient pour grâce spéciale
D'être boiteux de l'autre pié.

Наконецъ, когда толпа стала надѣяться даже на воскресеніе жертвыхъ, правительство должно было вмѣшаться въ это дѣло

и запретить чудеса.— » Биографіи знаменитыхъ астр. физ. и географовъ, стр. 272 — 273.

Описание болѣзни г-жи Артамоновой, составленное Императорской С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи заслуженнымъ профессоромъ и академикомъ, докторомъ медицины и хирургіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Рклицкимъ. Спб. 1859 г.

Въ то время, когда даже и то, сравнительно незначительное число неизмѣнныхъ законовъ природы, которые удалось раскрыть человѣку, оставалось для него еще неразгаданною тайною, тогда, конечно, онъ почти на каждомъ шагѣ встрѣчалъ явленія, поражавшія его непросвѣщенный наукою умъ, представлявшіяся ему какою-то неразрѣшимою загадкою, какимъ-то сверхъестественнымъ чудомъ. — Дикарь, неимѣющій понятія объ окисленіи и электричествѣ, съ благоговѣніемъ преклоняется предъ огнемъ и съ ужасомъ надаетъ ницъ при грозныхъ раскатахъ грома. — Даже и въ наше время не много потребуется хлопотъ, чтобы найти, между нами, такія личности, которыя вполне убѣждены, что тяжело дышашій и страшно свистящій локомотивъ толкаетъ самъ сатана. — Но понятно, что никто изъ понимающихъ причину движенія паровоза не станетъ поддерживать въ темномъ человѣкѣ его заблужденія, если только не имѣетъ на то какихъ-нибудь особенныхъ, побудительныхъ причинъ, которыя, во всякомъ случаѣ, не дѣлаютъ чести ни его развитію, ни его нравственнымъ принципамъ.

На эти мысли навела насъ изданная недавно брошюра доктора Рклицкаго: *Описание болѣзни г-жи Артамоновой*.

Будучи твердо убѣждены въ безконечной благости Божіей и неповѣдмости Его судебъ, мы не коснемся духовной стороны этой брошюры, но бросимъ взглядъ на болѣзнь г-жи Артамоновой исключительно съ медицинской точки зрѣнія.

Прежде всего, конечно, необходимо разрѣшить, для кого написана статья доктора Рклицкаго, для необразованной толпы или для медиковъ. Если для непосвященныхъ въ таинства науки, то намъ рѣшительно непонятно, что могло побудить императорской с. петербургской медико-хирургической академіи заслуженнаго профессора и академика, доктора медицины и хирургіи и дѣйствительнаго статскаго совѣтника взяться за перо, чтобы изложить исторію болѣзни г-жи Артамоновой не популярно, но такимъ образомъ, какъ могъ бы это сдѣлать всякій грамотный

простолюдина, пристраживавший за большою, т. е., без всякой критической оцѣнки въ физиологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, а приведеніемъ однихъ только названій прописывавшихся медикаментовъ. Не смѣя предполагать, чтобы заслуженный профессоръ и академикъ рѣшился взяться за трудъ, неприличный его званію, мы скорѣе готовы допустить, что написанная имъ брошюра представляетъ краткій журналъ хода болѣзни, изданный для занимающихся медициною и вообще естественными науками. •

Поэтому, при взглядѣ на брошюру доктора Рквидкаго, съ медицинской точки зрѣнія, насъ прежде всего поразило, что въ описаніи почтеннаго профессора припадки болѣзни изложены такимъ образомъ, какъ будто они непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ; между тѣмъ какъ достоверно извѣстно, что въ болѣзни г-жи Артамоновой были интермиссии или, если можно такъ выразиться, *moments lucides* недуга, такъ-что больная, въ теченіе даже цѣлыхъ мѣсяцевъ могла считаться совершенно здоровою, и знаемъ также, что причиною такого состоянія бывалъ мускусъ; — а все это имѣетъ огромный смыслъ и значеніе для медика. — За тѣмъ, при описаніи припадковъ и явленій галлюцинацій, изъ которыхъ послѣднія слѣдовали послѣ сильныхъ приемовъ наркотическихъ и возбуждающихъ веществъ, авторъ смотритъ на всѣ эти проявленія болѣзни съ такимъ, по-видимому, удивленіемъ, какъ будто видѣлъ ихъ въ первый разъ; между тѣмъ, эти довольно обыкновенныя явленія, по нашему мнѣнію, никакъ не могли бы вызвать такого краснорѣчія, если бы автору была ближе знакома литература этого предмета, какъ напр. *Des hallucinations* — Бриерра-де-Буамона (*Brierre de Boisson*), *Des somnambulisme* и *De l'extase* — Бертрама, статья о *neuromatisme* Каламейя (*Calmeil*) и многіе другіе знаменитые германскіе психіатры. Описывая припадки болѣзни г-жи Артамоновой, авторъ не упоминаетъ о первоначальныхъ ея причинахъ, между-тѣмъ, какъ намъ извѣстно и какъ мы должны предполагать, по нѣкоторымъ проявленіямъ этого недуга, причины его тѣсно связаны съ половой системою. — Далѣе, почему на явленія галлюцинацій, происшедшія вѣроятно отъ усиленныхъ приемовъ наркотическихъ и возбуждающихъ веществъ и, по своему характеру, соответствовавшія воспитанію и образу мыслей больной, авторъ не смотритъ съ той точки зрѣнія, какъ Сальвертъ (*Salverte*), въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: *Des sciences occultes*, въ главахъ XVII, XVIII и XIX. — Потомъ, въ какомъ отношеніи

важно для науки, что авторъ шесть недѣль свято хранилъ строжайшую тайну о томъ, что большая тѣла уху, приготовленную изъ пяти большихъ или десяти малыхъ ершей и втораго куска отъ хвоста сига? — Въ заключеніе мы полагаемъ, что едва ли было кстати приводить въ концѣ брошюры имена врачей, выдавшихъ г-жѣ Артамоновой свидѣтельство о ея выздоровленіи, такъ какъ подписавшіе свидѣтельство могутъ и не раздѣлять высказанныхъ въ брошюрѣ взглядовъ.

Наконецъ мы надѣемся, что въ дополненіе къ своей брошюрѣ, почтенный профессоръ помѣститъ, въ какомъ-либо изъ нашихъ журналовъ, описаніе происшедшаго, послѣ изданія брошюры, рецидива болѣзни г-жи Артамоновой. И. Р.

Патологія основанная на теоріи ячеекъ, (целлулярная патологія) въ примѣненіи къ микроскопической анатоміи нормальныхъ и ненормальныхъ тканей. Двадцать чтеній, Рудольфа Вирхова, ординарнаго профессора патологической анатоміи, общей патологіи и терапіи въ берлинскомъ университетѣ и проч. Переводъ съ нѣмецкаго. I. Москва. 1859 г. in-8° VIII, и 255 стр. 12 чтеній.

Изъ всѣхъ открытій, которыми микроскопъ обогатилъ и расширилъ область человѣческихъ знаній, слѣдуетъ безъ-сомнѣнія считать самыми важными: открытіе растительной ячейки, какъ конечнаго морфологическаго элемента всѣхъ растительныхъ тканей, и открытіе животной ячейки, составляющей конечный дѣятельный элементъ всякаго животнаго организма. Наблюденія микрографовъ показали, что всѣ ткани человѣческаго тѣла слѣдуетъ разсматривать какъ видоизмѣненія или развитія одного и того же органическаго элемента, самаго простѣйшаго анатомическаго устройства, представляющагося въ видѣ замкнутаго перепончатаго мѣшечка съ заключающимся въ немъ ядромъ. Это открытіе, измѣнивъ совершенно понятія о строеніи тканей человѣческаго тѣла, подало ключъ къ объясненію весьма многихъ темныхъ явленій физиологіи и патологіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужило, къ сожалѣнію, поводомъ для многихъ передовыхъ людей науки основать на данныхъ, сообщаемыхъ микроскопическою гистологіею, умозрѣнія и теоріи, которыя, какъ-бы ни были онѣ остроумны, всегда задерживали раціональную медицину на пути ея къ прогрессу. Съ перваго взгляда кажется, что ничего не можетъ быть положительнѣе данныхъ, сообщаемыхъ микрографами; но на дѣлѣ выходитъ не то; микрографу

необходимо изучитъ науку *умнѣя видѣть* не болѣе и не менѣе того, что ему представляется въ полѣ микроскопа; ему необходимо уловить связь, въ которой видимое подѣ микроскопомъ находится къ видимому простымъ глазомъ. Въ какой степени затруднительно уловить это отношеніе и сказать, что именно видишь подѣ микроскопомъ, доказываютъ разнорѣчивыя мнѣнія микрографовъ о строеніи нѣкоторыхъ органовъ, напр., о строеніи печеночныхъ ячеекъ и первичнаго мышечнаго волокна. Якубовичу, послѣ громаднѣйшаго числа наблюденій надѣ строеніемъ нервной ткани, удалось разрѣшить только *весьма немногіе вопросы*. Чрезвычайно сильныя увеличенія, сопровождаясь соразмѣрною имъ неясностію изображенія, даютъ поводъ пылкому или предъуготовленному къ какой-нибудь идѣ наблюдателю видѣть то, чего не видитъ болѣе хладнокровный изслѣдователь того же предмета; если къ тому присовокупить розную способность къ наблюденіямъ со стороны микрографовъ, розную доброту самыхъ инструментовъ и множество другихъ условій, опредѣляющихъ достовѣрность наблюденія, то пзъ этого можно уже а priori заключить до какой степени могутъ быть шатки данныя микроскопической гистологій. Само-собою разумѣется, что не менѣе затруднительны и часто столько же сбивчивы должны быть наблюденія надѣ патологическимъ состояніемъ морфологическихъ элементовъ; затрудненіе увеличивается еще болѣе, когда приходится разрѣшать вопросъ, какое именно дать значеніе найденному патологическому измѣненію, вопросъ, предполагающій ближайшее знаніе физиологическихъ и біохимическихъ отравленій животной ячейки, о которыхъ наука имѣетъ до-сихъ-поръ самыя темныя свѣдѣнія. При такой ограниченности средствъ, или, лучше сказать, при такой скудной обработкѣ матеріаловъ, представляемыхъ ячеистою патологіею, казалось бы слишкомъ отважнымъ и подумать объ основаніи новой патологій; мы разумѣемъ, патологій рациональной, способной отдать себѣ отчетъ во всякомъ явленіи, представляющемся въ сферѣ болѣзненнаго процесса; способной разрѣшать предлагаемыя ей практическою рациональною медициною вопросы на основаніи неоспоримыхъ фактовъ. А между тѣмъ, именно съ этою, недостижимою при настоящемъ состояніи науки цѣлью Рудольфъ Вирховъ выступилъ съ сочиненіемъ своимъ на судъ врачебнаго сословія. Вотъ, почему привѣтствуя появленіе этого сочиненія въ русскомъ переводѣ, какъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій въ русской медицинскои литературѣ, мы считаемъ долгомъ, отдавая должную дань уваженія общепри-

знаньями въ ученое мiръ заслугамъ автора, возстать противъ притязанiй, заявляемыхъ сочинителемъ въ предисловіи къ сочиненію своему. Главная цѣль сочиненія его, по собственнымъ словамъ его, состоитъ въ томъ, чтобы основываясь на возможно большемъ числѣ микроскопическихъ препаратовъ представить послѣдовательное изложеніе тѣхъ опытовъ, на которыхъ въ настоящее время, по его мнѣнію, должно быть основано біологическое ученіе, и изъ которыхъ должна быть выведена патологическая теорія. Мы уже очертили вкратцѣ несостоятельность такихъ притязанiй, и полагаемъ, что авторъ напрасно оговаривается, что онъ желаетъ реформы, а не революціи въ медицинѣ. Опасеніе напрасное; при современномъ направленiи всѣхъ реальныхъ наукъ, всякая односторонняя теорія встрѣтитъ неодолимое сопротивленіе. Нѣтъ сомнѣнiя, что многіа пылкіа головы увлекутся блестящею стороною новой теорiи, которой многочисленныя пробѣлы авторъ чрезвычайно ловко пополняетъ остроумными новыми взглядами — гипотезами, не задумываясь надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, по-видимому неразрѣшимыхъ при настоящемъ состоянiи науки. Но медицинѣ нѣтъ никакого дѣла до этихъ частныхъ увлеченiй; отношеніе рациональной практической медицинны къ ясной патологiи можетъ быть только критическое; потребности практической медицинны могутъ быть удовлетворены только *неоспоримыми, положительными фактами* патологической анатомiи. Авторъ справедливо замѣчаетъ (чтеніе 1, стр. 2), что главною точкою исхода всякой реформы въ медицинѣ служили новыя анатомическіа открытіа. Обозрѣвая богѣе-или-менѣе значительные періоды исторiи медицинны, говоритъ онъ, мы убѣждаемся, что истинныя успѣхи ея всегда обозначались новыми открытіями въ области анатомiи, и что всякая замѣчательная фаза въ развитiи медицинны начиналась рядомъ замѣчательныхъ открытiй относительно строенiя тѣла. Такъ было въ древности, когда открытіа александрiйской школы, основанныя впервые на изученiи анатомiи самого человѣка, подготовили систему Галена; такъ было въ средніе вѣка, когда Везаль вновь основалъ анатомiю и тѣмъ самъ положилъ начало истинному преобразованію медицинской науки; такъ, наконецъ, было и въ то время, когда Биша создалъ и развилъ основанiя общей анатомiи. Но то, что сдѣлалъ Швамъ для науки о тѣлахъ, до-сихъ-поръ, немного еще принесло плодовъ для патологiи, и ничто, можно-сказать, не проникло такъ мало во-всѣобщее сознаніе, какъ мысль о тѣсномъ соотношенiи теорiи ячеекъ

съ патологією. — Справедливо, но вѣдь это лицевая сторона медали; обративъ ее мы увидимъ, нѣтъ той же исторіи медицины, что нѣрѣдко непосредственныя слѣдствія великихъ анатомическихъ открытій оказывали весьма сомнительную пользу прогрессивному развитію медицины. Такъ, открытіе лимфатическихъ сосудовъ тотчасъ положило основаніе самой фантастической лимфатической патологіи, основывавшей всѣ свои положенія на умозрительной теоріи дѣятельности лимфатическихъ сосудовъ. Едва Гарвей открылъ истинное кровообращеніе, какъ уже основалась новая патологическая теорія, выводившая всѣ свои положенія изъ разстройствъ или препятствій въ обращеніи крови и соковъ. Вслѣдъ за всякимъ почти открытіемъ обнаруживалось стремленіе передовыхъ людей науки овладѣть новыми данными въ пользу своихъ предъуготовленныхъ воззрѣній и убѣжденій. Не въ такомъ-ли, наконецъ, отношеніи и заслуженный Вирховъ къ открытой элементарной животной ячейкѣ? — Не можемъ мы, наконецъ, допустить притязаній автора противопоставить свою ячештую, гистологическую патологію господствующимъ, будто-бы, въ настоящее время положеніямъ гуморальной патологіи и солидарной, невритической; по нашему мнѣнію, авторъ выступаетъ тутъ на бой съ вѣтренными мѣльниками. Справедливо, что въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій, благодаря преобладающимъ авторитетамъ Либиха, Дюма, Мульдера, Эйзенманна и другихъ, усилія ученыхъ были направлены къ изученію физиологическихъ и патологическихъ процессовъ органическаго метаморфоза чисто химическимъ путемъ. Истоцивши свои усилія надъ химическимъ изслѣдованіемъ крови, естествоиспытатели обратились съ новымъ рвеніемъ, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, къ химическому изслѣдованію мочи, какъ такого отдѣленія, которое находится въ ближайшей связи съ обратною дѣятельностію органическаго метаморфоза (*Rückbildung*). Но очевидно, что только самому вристрастному, предъубѣжденному уму простительно видѣть въ этихъ попыткахъ, въ этихъ изысканіяхъ, преобладающее вліяніе гуморальной патологіи. Мы уже сказали, что при современномъ состояніи науки предъ ней не устоитъ ни одна изъ одностороннихъ патологическихъ теорій, ни гуморальная, ни невритическая, ни даже гистологическая Вирхова. Самъ Вирховъ, безъ-сомнѣнія, затруднился бы указать ту кафедру въ Европѣ, съ которой проповѣдуются положенія тѣхъ теорій, противъ которыхъ онъ выступаетъ съ своею собственною. Наконецъ, если патологія, предлагаемая Вирховымъ, — патологія ра-

ціональная, то поэтому самому она уже не может составить противоположности относительно гуморальной патологии или невритической, потому что задача рациональной патологии заключается именно в томъ, чтобы указать, какие именно элементы дѣйствуютъ въ сферѣ болѣзни со стороны крови, тканей и нервовъ. Замѣтимъ, наконецъ, прежде нежели мы перейдемъ къ подробнѣйшему разбору сочиненія Вирхова, что авторъ, вопреки увѣреніямъ своимъ, что признаніе историческаго права составляетъ заслугу, что онъ дорожитъ своимъ правомъ и потому признаетъ права другихъ, вовсе пренебрегаетъ цитатами, не дѣлая такимъ образомъ различія между своими собственными открытіями и наблюденіями другихъ естествоиспытателей; обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что достовѣрность микроскопическихъ фактовъ значительно зависитъ, какъ мы уже выше замѣтили, отъ авторитета того лица, которому принадлежать эти факты.

Въ разбираемой нами книгѣ переведены первыя двѣнадцать чтеній изъ числа двадцати, изъ которыхъ состоитъ все сочиненіе. Въ *первомъ* изъ нихъ, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже притязаній автора, заключается введеніе въ гистологическую патологию; описавши растительную элементарную ячейку, потомъ животную, различіе между ними, и опровергнувши голословно основанное Шлейденомъ и развитое далѣе Шваномъ ученіе о происхожденіи ячейки изъ пластической элементарной жидкости (*Blastema, Cystoblastema*), авторъ между прочимъ высказываетъ свое мнѣніе о біологическомъ значеніи ячейки. Особенныя трудности представляло, говоритъ онъ, разрѣшеніе вопроса: отъ какихъ частей тѣла собственно исходитъ жизненная дѣятельность, какимъ частямъ принадлежитъ роль дѣятельная, какимъ страдательная; но въ настоящее время вполне уже можно отвѣтить на этотъ вопросъ, даже когда дѣло идетъ о частяхъ, строеніе которыхъ составляетъ еще спорный пунктъ (?). Прилагая, для рѣшенія этого вопроса, гистологию къ физиологіи и патологіи, прежде всего необходимо признать, что клѣточка есть послѣдній морфологическій элементъ всѣхъ живыхъ тѣлъ, и что мы не имѣемъ права искать настоящей жизнедѣятельности внѣ ея. Высказавшись такъ аподиктически, авторъ выводитъ далѣе слѣдующее умозаключеніе. Если чрезъ весь рядъ живыхъ существъ проходитъ одна и та-же элементарная форма, и если мы тщетно отыскиваемъ въ этомъ рядѣ что-нибудь другое, чтобы можно было поставить на мѣсто ячейки, то и на всякую выс-

шую степень развитія растенія или животнаго мы необходимо должны смотрѣть прежде всего, какъ на постепенное суммированіе большаго или меньшаго числа однородныхъ или разнородныхъ ячеекъ. Подобно тому, какъ дерево представляетъ извѣстнымъ образомъ расположенную массу, въ каждой части которой, въ листѣ какъ и въ корнѣ, въ стволѣ какъ и въ цвѣткѣ, послѣдними элементами являются ячейки, такъ точно и въ формахъ животнаго царства каждое животное *является суммою жизненныхъ единицъ, изъ которыхъ всякая отдѣльно взятая содержитъ все необходимое для жизни.* Не говоря уже о томъ, что слѣдя воззрѣніямъ автора, человѣческой организмъ представляется чѣмъ-то въ родѣ полипняка, что всякая ячейка составляетъ для него самостоятельный организмъ, мы обращаемъ вниманіе на методу, которой Вирховъ весьма часто слѣдуетъ при изложеніи своихъ гипотезъ, при пополненіи пробѣловъ своей теоріи; онъ принимаетъ доказаннымъ то, что слѣдуетъ доказать; такъ и тутъ онъ принимаетъ исходною точкою всей своей патологій положеніе, которое, какъ выводъ всѣхъ физиологическихъ и патологическихъ наблюденій надъ ячейкою, должно бы быть послѣднимъ словомъ его ученія. Во *второмъ* чтеніи Вирховъ приступаетъ къ классификаціи тканей и подробно изслѣдуетъ гистологическій характеръ группы эпителиальныхъ тканей и группу тканей соединительнаго вещества, относительно которой онъ подтверждаетъ мнѣніе наше о шаткости многихъ микроскопическихъ данныхъ, приводя разнорѣчивыя мнѣнія объ этой группѣ Шванна, Генле и Рейхерта. Замѣтимъ тутъ, кстати, что не смотря на то, что соединительное вещество до-сихъ-поръ остается спорнымъ пунктомъ между гистологами, Вирховъ основываетъ отчасти на строеніи этой ткани мнѣніе свое о тождествѣ патологическихъ и особенно воспалительныхъ процессовъ, происходящихъ въ частяхъ сосудистыхъ и лишенныхъ сосудовъ. Въ сочиненіи Галлера (*Elementa Physiologiae*), въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ элементарныхъ частяхъ тѣла, во главѣ всего сочиненія стоитъ *волокно*, которое по замѣчанію Галлера для физиолога есть то-же, что линія для геометра. Это ученіе, по которому *волокно* составляетъ основу почти всѣхъ частей тѣла и послѣдній составной элементъ самыхъ разнообразныхъ тканей, держалось до послѣдняго десятилѣтія прошлаго столѣтія, когда началась противъ него своего рода реакція, замѣстившая волокно новою элементарною формою — *шарикомъ*. Слѣдя этому ученію, въ элементарной пластической жидкости образуются кру-

линии, шарики, и животная клеточка проекодитъ чрезъ соединеніе шариковъ въ сферическую перепонку. Видомзѣненіе этой теоріи принимало, что разсѣянныя элементарныя парики соединяются вмѣстѣ въ кучку, въ которой, вслѣдствіе поляризаціи матеріи, образуется снаружи перепонка, внутри ядро. Всѣ эти теоріи основывались на предположеніи, что живые элементы могутъ образоваться изъ безформенныхъ массъ, изъ пластической жидкости, допуская, такимъ образомъ своего рода произвольное зарожденіе (*generatio aequivoca*). Въ настоящее время наблюденія доказали несостоятельность такого зарожденія, и привели къ заключенію, что *никакое развитіе не начинается de novo, и что следовательно въ исторіи развитія отдѣльныхъ частей мы точно также должны отвергнуть generationem aequivocam, какъ и въ развитіи цѣлыхъ организмовъ.* Если мы не вправѣ объяснять теперь происхожденіе инфузорій гніеніемъ растительныхъ или животныхъ веществъ, то точно также мы не можемъ теперь допустить, чтобы изъ какого бы то ни было вещества неясченстаго образовалась новая ячейка. Вездѣ, гдѣ образуется ячейка, ей должна была предшествовать другая ячейка, подобно тому какъ растенію предшествуетъ растеніе, животному животное. Во всемъ ряду живыхъ существъ, какъ въ цѣлыхъ растительныхъ и животныхъ организамахъ, такъ и въ отдѣльныхъ составныхъ частяхъ ихъ, господствуетъ *вѣчный законъ преемственнаго развитія.* Въ *третьемъ* чтеніи, которое по странной прихоти переводчика получило названіе *лекціи*, разсматриваются высшія животныя ткани, мышцы, нервы, сосуды и патологическія ткани. Говоря объ элементарномъ строеніи мышницъ, Вирховъ приводитъ разнорѣчивыя по этому предмету мнѣнія микрографовъ, но замѣчаетъ, какъ кажется, справедливо, что какъ-бы ни было значительно разногласіе микроскопистовъ относительно конечныхъ элементовъ мышницъ, несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что мы имѣемъ дѣло съ предметомъ, въ которомъ слѣдуетъ отличать наружную перепончатую оболочку и содержимое, и что именно этой внутренней массѣ присуще свойство сократительности. Вирховъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія жировую астрѣю мышницъ, при которой внутри первичнаго мышечнаго пучка отлагается рядъ жировыхъ крупинокъ. по-мѣрѣ развитія которыхъ уменьшается количество сократительнаго вещества, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается способность мышницы къ выполненію ея работы. Прежде сократительность приписывалась, говоритъ Вирховъ, кромѣ мышечнаго волокна еще мно-

гнѣтъ другимъ тканямъ, такъ, напримѣръ, ткани соединительной, между тѣмъ какъ въ наше время все ученіе о сократительности сосредоточилось на одномъ только упомянутомъ веществѣ, и всѣ почти явленія движенія удаюсь объяснить присутствіемъ весьма мелкихъ частей дѣйствительно мышечнаго свойства. Такъ, въ кожѣ человѣка лежатъ маленькіе мускулы приблизительно такой величины, какъ мельчайшіе пучки въ стѣнкахъ мочевого пузыря; они состоятъ изъ чрезвычайно малыхъ волоконвидныхъ клѣточекъ и идутъ отъ основанія волосныхъ мѣшечковъ къ кожѣ; при сокращеніи своемъ они приближаютъ поверхность кожи къ корню волоснаго мѣшечка, вслѣдствіе чего кожа естественно становится не ровною, шероховатою, и получается однимъ словомъ такъ называемая *кусмалъ кожа* (*cutis asperina*). Странное явленіе это, не объяснимое по прежнимъ понятіямъ, весьма просто объясняется существованіемъ упомянутыхъ, микроскопически малыхъ мускуловъ, *arrectores pili*. Говоря о патологическихъ тканяхъ, авторъ рѣшительно отвергаетъ специфичность нѣкоторыхъ изъ нихъ, и беретъ на себя доказать, что для каждой патологической формы существуетъ физиологическій образецъ, и что происхожденіе такой формы всегда можетъ быть сведено на одинъ изъ предсуществовавшихъ уже въ организмѣ образовательныхъ процессовъ. Хотя мысль автора не нова, и изслѣдованія гистологической стороны развитія болѣзненныхъ тканей все болѣе и болѣе убѣждаютъ въ томъ, что большинство новообразованій содержитъ части, соответствующія частямъ какой-нибудь изъ нормальныхъ тканей; однакожь, она заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что представляется тутъ логическимъ выводомъ изъ приведеннаго выше закона о преемственности развитія, исключаящемъ въ то-же время самопроизвольное зарожденіе. Вирховъ заключаетъ чтеніе свое опроверженіемъ закона непрерывности тканей, по которому, слѣдуя мнѣнію Рейхерта, всякая ткань, находящаяся въ непрерывной анатомической связи съ другою, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и внутреннее сродство съ нею; и предлагаетъ искать признакъ однородности тканей въ способности ихъ замѣщаться, въ физиологическомъ ихъ состояніи, одна другою. Авторъ не развиваетъ далѣе этой идеи и не даетъ ей практическаго приложенія, и потому мы, по-примѣру его, не останавливаемся на ней. Въ *четыре* чтеніи говорится о питаніи и тѣхъ путяхъ, которыми оно совершается. Съ этого чтенія рациональная патологія Вирхова выступаетъ на сколькѣи путь гипотезъ, предположеній,

умозрѣній, которымъ авторъ нисколько не затрудняется придавать достовѣрность положительныхъ фактовъ. Послушайте, чѣмъ онъ начинаетъ свое чтеніе! Отрицаніемъ вліянія сосудовъ на состояніе сосѣднихъ имъ частей, отрицаніемъ вліянія ихъ на питаніе этихъ частей. По понятію, до-сихъ-поръ господствовавшему, говоритъ онъ, о процессѣ питанія, сосуды принимались за тѣ части, которыя заключаютъ въ себѣ самыя существенныя условія для обмѣна веществъ въ организмѣ; при изученіи этого обмѣна въ данной части тѣла, сосудамъ приписывалась то дѣятельная, то страдательная роль. Самый существенный по тогдашнимъ понятіямъ моментъ въ процессѣ питанія обозначался обыкновенно выраженіемъ, вкравшимся и въ нынѣшній языкъ нашъ; толковали о *дѣятельности сосудовъ*, какъ-будто послѣдніе одарены особенною способностію дѣятельно вліять на состояніе сосѣднихъ имъ тканей. Въ настоящее время, какъ я уже замѣтилъ, говоря о мышечныхъ волокнахъ, мы можемъ приписывать сосудамъ только то проявленіе дѣятельности, которое обусловливается присутствіемъ въ нихъ мышечныхъ волоконъ, ибо только въ силу этого они могутъ суживаться или укорачиваться. Увлечшись своею странною идеею, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою; ограниченная дѣятельность сосудовъ присутствіемъ въ нихъ мышечныхъ волоконъ, онъ забываетъ, что волосные сосуды, которые одни только и могутъ принимать участіе въ питаніи частей, что эти сосуды, по собственнымъ словамъ его (см. чт. 3, стр. 56), никогда не представляютъ явленій настоящаго сокращенія или расслабленія, и что всѣ прежніе споры о сократительности волосныхъ сосудовъ должно отнести къ мелкимъ артеріямъ и венамъ; что волосные сосуды по строенію своему существенно различны отъ мелкихъ артерій и венъ; послѣднія суть формы сложныя, почти органы, между тѣмъ какъ волосной сосудъ представляетъ скорѣе простой гистологическій элементъ. Итакъ, если единственная дѣятельность, которую Вирховъ согласенъ оставить за сосудами, ограничивается ихъ сократительностію, а волоснымъ сосудамъ приходится отказать и въ этой формѣ дѣятельности, то очевидно, что дѣятельность ихъ приводится къ нулю; спрашивается, въ такомъ случаѣ, въ чемъ же заключается назначеніе этой громадной, по представляемой ея поверхности, системы организма? Вирховъ не останавливается на этомъ вопросѣ; его не затрудняютъ противорѣчія въ родѣ того, которое мы только что разоблачили: онъ хлопочетъ только о томъ, чтобы выста-

вить какъ можно рельефнѣе участіе, принимаемое въ питаніи частей тою особенною системою анастомозирующихъ между собою ячеекъ, которая дѣйствительно служитъ проводникомъ питательныхъ соковъ къ частямъ малокровнымъ или лишеннымъ сосудовъ. И этой пѣли онъ приноситъ въ жертву самые достовѣрные физиологическіе факты.

Разсматривая различные органы и части тѣла по количеству развѣтвляющихся въ нихъ сосудовъ, Вирховъ находитъ, что даже въ органахъ, изобилующихъ сосудами, встрѣчаются островки промежуточной ткани, въ которые не проходитъ сѣть волосныхъ сосудовъ, и говоритъ, что трудно вообразить себѣ, какимъ образомъ здѣсь каждая отдѣльная часть, относительно своего питанія, можетъ находиться въ прямой связи съ сосудами. Положимъ, что трудно, но вѣдь еще труднѣе вообразить себѣ, чтобы вся волосная система не имѣла вліянія на питаніе организма; а между тѣмъ раціональная патологія Вирхова не затрудняется вообразить себѣ такую *штуку*. Находя, наконецъ, органы малокровные, или вовсе лишенные сосудовъ, каковы, напр., хрящи, Вирховъ совершенно отрицаетъ участіе сосудистой системы въ питаніи, и вотъ новый образчикъ его логики. Чтобы составить себѣ ясное и простое понятіе объ условіяхъ питанія необходимо, по его мнѣнію, признать за логическій принципъ, что все допускаемое относительно питанія частей, богатыхъ сосудами, должно быть справедливо и по отношенію къ частямъ, въ которыхъ мало или вовсе нѣтъ сосудовъ. Удивительное затмѣніе ума! Гдѣ же тутъ логика? Не ясно ли, напротивъ того, что если однѣ части изобилуютъ сосудами, а другія ихъ вовсе не имѣютъ, то именно вслѣдствіе этого анатомическаго различія условія питанія первыхъ непримѣнимы къ послѣднимъ? Слѣдуя той же оригинальной логикѣ, Вирховъ замѣчаетъ, что если допустить прямую зависимость питанія всякой отдѣльной части отъ сосудовъ или крови, то должно, по-крайней-мѣрѣ, доказать, что всѣ элементы ткани, зависящіе въ своемъ питаніи отъ одного и того же сосуда, представляютъ и существенно-одинаковыя жизненныя явленія. Да, если бы сосудъ проводилъ къ данной ткани какое-нибудь однородное питательное начало; но Вирховъ забываетъ, что сосудъ приноситъ къ данной ткани кровь, жидкость самага сложнаго состава, изъ которой ячейки заимствуютъ необходимыя имъ питательныя начала; такимъ образомъ, элементарныя ячейки, почерпая свое питаніе изъ общаго источника, имѣютъ возможность развиваться своеобразно, каждая

по типу той ткани, которой она составляет элементарную основу. Не ясно ли это?

Пятое чтение посвящено тому же предмету, питанію и проведению соковъ. Авторъ разсматриваетъ ткани, или скудныя сосудами, или вовсе лишенныя ихъ, и выставляетъ на видъ роль, которую играетъ тутъ ткань, анастомозирующіхъ между собою ячеекъ, проводящая къ нимъ питательные соки. Не отвергая важнаго значенія этой ткани, мы обратимъ вниманіе на одинъ фактъ, объ который разбивается собственная логика Вирхова. Разсматривая ткани, лишенныя сосудовъ, онъ замѣчаетъ, что ткань пуповины, студенистое вещество пуповины, составляющее ткань, хорошо развитую и типической формы, принадлежитъ къ числу тѣхъ тканей, въ которыхъ хотя и есть сосуды, но сосуды имъ не принадлежащіе. Пупочная вена и двѣ пупочныя артеріи, единственные сосуды, проходящіе чрезъ пуповину, на всемъ пути своемъ чрезъ нее, не отдають ни малѣйшей вѣточки самой пуповинѣ, такимъ образомъ вовсе лишенной волосныхъ сосудовъ, которыми бы можно было объяснить питаніе ея. Припомнимъ логику автора, который отрицаетъ вліяніе сосудовъ на питаніе частей на томъ основаніи, что въ такомъ случаѣ условія питанія, примѣнимыя къ частямъ, избыточнымъ сосудами, должны бы быть примѣнимы и къ частямъ, лишеннымъ сосудовъ. Слѣдующая этой логикѣ, Вирхову приходится теперь отвергнуть участіе, принимаемое въ питаніи защищаемую имъ тканію анастомозирующіхъ ячеекъ; чтобы не противорѣчить самому себѣ, онъ долженъ былъ бы отвергнуть это участіе, потому что допустивши это вліяніе, слѣдовало бы допустить, что условія питанія, примѣняемыя къ части тѣла, лишенной сосудовъ, примѣнимы и къ другимъ частямъ, не имѣющимъ волосныхъ сосудовъ; примѣнимое, напримѣръ, къ хрящу, должно быть примѣнимо и къ пуповинѣ. Но тутъ-то и спотыкается логика автора, потому что пуповина, лишенная волосныхъ сосудовъ, не имѣетъ также и знаменитой ткани анастомозирующіхъ ячеекъ; такъ, что питаніе въ ней, по сознанію автора, происходитъ непонятнымъ для него образомъ. Итакъ, Вирховъ принужденъ допустить, что условія питанія въ частяхъ, лишенныхъ сосудовъ, точно также разнообразны, какъ и въ частяхъ, снабженныхъ сосудистою сѣтью.

Предметомъ *шестого* чтенія — питаніе и кровообращеніе. Отвергнувъ вліяніе сосудистой системы на питаніе, Вирховъ, вѣрный своей идеѣ, опровергаетъ общепринятое до-сихъ-поръ значеніе гипереміи и вліяніе ея на питаніе и процессъ воспаленія,

и приходитъ, по этому поводу, къ весьма страннымъ заключеніямъ. Изложивъ строеніе сосудовъ, онъ замѣчаетъ, что мускулатура сосуда сокращается вслѣдствіе всякаго раздраженія, вызывающаго ея дѣятельность; но сокращеніе это ограничивается раздраженнымъ мѣстомъ, простираясь развѣ только немного за его предѣлы, и на этомъ мѣстѣ, оно длится въ теченіи извѣстнаго времени. Чѣмъ мускулезнѣе сосудъ, тѣмъ продолжительнѣе и сильнѣе сокращеніе, тѣмъ значительнѣе препятствіе, поставленное имъ теченію крови. Напротивъ, чѣмъ меньше сосудъ, тѣмъ скорѣе сокращеніе смѣняется разширеніемъ. Разбирая явленія, обыкновенно соединяемыя въ одну группу подъ именемъ активныхъ гиперемій, оказывается, что обыкновенно мускулатура артерій принимаетъ въ нихъ существенное участіе. Большею частью это такіе процессы, въ которыхъ вслѣдъ за сокращеніемъ наступаетъ состояніе столь значительнаго расслабленія, какого вовсе почти не замѣчается въ другихъ мышцахъ, — состояніе, очевидно служащее выраженіемъ *усталости и истощенія*, и продолжающееся тѣмъ долѣе, чѣмъ сильнѣе была раздражающая причина. Какая бы причина ни произвела разширеніе сосудовъ, во всякомъ случаѣ это разширеніе есть *выраженіе паралича стѣнки сосуда*, и названіе *активной гипереміи* въ этомъ смыслѣ не вѣрно, такъ какъ состояніе сосуда здѣсь совершенно страдательное. — Истинная дѣятельность артерій, вовсе не обуславливаетъ гипереміи; напротивъ, чѣмъ *сильнѣе эта дѣятельность, тѣмъ значительнѣйшая обуславливается ею анемія*, ибо степень дѣятельности артерій, находится въ обратномъ отношеніи съ количествомъ крови, притекающимъ въ единицу времени къ данной части. *Чѣмъ дѣятельнѣе сосудъ, тѣмъ меньше притокъ крови.*

Мы не будемъ разбирать, что такое *усталость мышечнаго волокна*, выраженіе, которое какъ-то странно встрѣтить въ рациональной патологіи; не станемъ оспаривать, что *разширеніе сосуда* означаетъ *параличъ* его стѣнки; но обратимся прямо къ блестящему цѣпному умозаключенію автора. Къ сожалѣнію, онъ упустилъ изъ вида одно обстоятельство — *ускоренную дѣятельность сосудовъ*, вслѣдствіе чего все его умозаключеніе распадается въ прахъ. Да, если бы усиленная дѣятельность сосудовъ, состояла всегда и единственно въ усиленномъ сокращеніи ихъ, то мы готовы были бы согласиться съ Вирховымъ, отвергли бы свидѣтельства очевидности, и допустили бы, что между явленіями гипереміи и сосудистою дѣятельностію нѣтъ никакой связи. Но Вирховъ, возводя свою теорію, не принялъ въ соображеніе обще-

извѣстный фактъ, что усиленная дѣятельность сосудовъ, обнаруживается двоякимъ образомъ: или *ускореннымъ*, но не усиленнымъ сокращеніемъ, вслѣдствіе чего, въ данную единицу времени, къ данной части тѣла, пригоняется большее число кровяныхъ волнъ, нежели при нормальномъ состояніи организма; или *усиленнымъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ *ускореннымъ* сокращеніемъ, приводящимъ къ тому же результату.

Отвергнувъ вліяніе сосудовъ на процессъ питанія, Вирховъ, разумѣется, не можетъ допустить, чтобы гиперемія могла имѣть вліяніе на процессъ питанія въ занимаемой ею части тѣла. Вирховъ такъ и дѣлаетъ; онъ прямо говоритъ, что значительность количества крови, протекающаго чрезъ данную часть, нельзя принимать за прямую причину измѣненнаго питанія этой части, что это количество крови не имѣетъ вліянія на воспалительные процессы въ гиперемированной части тѣла. И въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылается на опыты Бернара надъ перерѣзываніемъ симпатическаго нерва. «Если перерѣзать у животнаго симпатическій нервъ на шеѣ, то развивается гиперемія во всей соответствующей половинѣ головы; ухо дѣлается темнокраснымъ, сосуды значительно расширены, соединительная оболочка глаза и слизистая перепонка носа представляютъ сильную инъекцію. Такое состояніе можетъ продолжаться нѣсколько дней, недѣль, даже мѣсяцевъ, и вовсе не ведетъ за собою ни малѣйшаго замѣтнаго разстройства въ питаніи этихъ частей; они питаются по прежнему, не смотря на то, что переполнены кровью, по крайней мѣрѣ на всемъ доступномъ для нашего глаза пространствѣ. Если подвергать эти части раздраженію, способному вызвать воспаленіе, то единственная особенность, какую мы замѣтимъ, будетъ состоять въ быстротѣ хода воспаления; но по свойства, ни продукты его не будутъ существенно отличаться отъ обыкновенныхъ.»—Фактъ положительный, но при всемъ томъ, на мѣстѣ Вирхова, мы не позволили бы себѣ заключить изъ этого опыта, что гиперемія не имѣетъ вліянія на возбужденіе воспаления; мы видѣли бы въ этомъ опытѣ только новое доказательство общезвѣстному факту, что могутъ быть гипереміи, не влекущія за собою воспаления. Къ величайшему горю Вирхова, самъ Бернаръ, въ послѣднемъ сочиненіи своемъ (*Liquides de l'organisme. Paris. 1859. II. p. 424*), говоритъ, что достаточно самыхъ незначительныхъ измѣненій въ условіяхъ, при которыхъ производится этотъ опытъ (достаточно, на примѣръ, взять для опыта изнуренное животное), чтобы перерѣзомъ симпатическаго нерва

произвести сильнѣйшее гнойное воспаленіе. Если принять въ соображеніе, какъ часто нервная система болящаго организма находится въ подобномъ же отношеніи къ мѣстной гипереміи, то легко представить себѣ, какъ положительны воззрѣнія новой раціональной патологіи.

Покончивъ съ гиперемією, Вирховъ обращается къ ученію о худосочіяхъ, и пользуется этимъ случаемъ, чтобы нанести сильный и мѣткій, по его мнѣнію, ударъ гуморальной патологіи. Въ гуморальной патологіи господствуетъ, по его словамъ, самое опасное заблужденіе относительно ученія о хроническихъ худосочіяхъ, состоящее въ томъ, что въ крови могутъ происходить нѣкоторыя патологическія измѣненія, которыя, будучи сами-по-себѣ болѣе или менѣе постоянны, могутъ передаваться въ ней наследственно, отъ поколѣнія къ поколѣнію. Не отрицая родовой передачи худосочія, Вирховъ полагаетъ, что она передается не въ самой крови, и что кровь не есть истинный хранитель худосочія.

Мое воззрѣніе, говоритъ онъ, воззрѣніе целлулярной патологіи, отличается отъ гуморальнаго тѣмъ, что я смотрю на кровь не какъ на часть независимую, которая сама-собою возобновляется, сама-себя воспроизводитъ, а допускаю, напротивъ, что она находится въ постоянной зависимости отъ другихъ частей. «Говоря о худосочіи пьяницы, никто конечно не представляетъ себѣ, что человѣкъ, разъ бывшій пьянымъ, страдаетъ постояннымъ алкоголическимъ худосочіемъ; предполагается, напротивъ, что при безпрестанномъ поступленіи новыхъ количествъ алкоголя въ кровь, измѣненіе этой жидкости безпрестанно поддерживается, и должно сохраняться до тѣхъ поръ, пока продолжается притокъ вредныхъ веществъ, или пока не прекратится болѣзненное состояніе нѣкоторыхъ органовъ, обусловленное прежнимъ притокомъ. Но никто не сомнѣвается, что если приливъ алкоголя прекратится, или органы, разстроенные прежнимъ злоупотребленіемъ сего, возвратятся къ нормальному состоянію, то вмѣстѣ съ этимъ исчезнетъ и алкоголическое худосочіе. Приложивъ этотъ простой примѣръ къ ученіямъ о прочихъ худосочіяхъ, мы весьма естественно придемъ къ заключенію, что всякое худосочіе зависитъ отъ продолжающагося притока вредныхъ веществъ изъ нѣкоторыхъ пунктовъ организма. Какъ непрерывный притокъ нездоровой пищи можетъ обусловить постоянное порочное смѣшеніе крови, такъ и долговременная болѣзнь какого-ни-

будь органа, производить измѣненіе крови, служа для нея постояннымъ источникомъ вредныхъ веществъ.»

Итакъ, главный вопросъ въ томъ, говоритъ Вирховъ, чтобы найти локализацию каждой отдѣльной дискразіи, опредѣлить для каждой изъ нихъ ту ткань, отъ которой исходятъ вредныя вещества, измѣняющія кровь. Послѣ этихъ словъ вы ожидаете, что Вирховъ приступитъ къ локализациіи худосочій, распредѣлитъ ихъ по различнымъ органамъ тѣла, и такимъ образомъ положитъ основаніе рациональному ученію о худосочіяхъ? Ничуть не бывало. Авторъ тутъ же сознается, что до сихъ поръ для многихъ случаевъ эти исходныя точки еще не опредѣлены; за то, оговаривается онъ, для многихъ другихъ удалось найти ихъ, хотя намъ и не извѣстно еще, въ чемъ именно состоитъ измѣненіе крови при данномъ худосочіи. Не правда ли, что это очень утѣшительно? Наконецъ, есть случаи, въ которыхъ можно указать на органъ—источникъ худосочія, не зная, однакожь, какое вліяніе этотъ органъ имѣетъ на смѣшеніе крови. И только? спросите вы, и вамъ покажется страннымъ, что возставши такъ бойко противъ гуморальной патологіи авторъ кончаетъ признаніемъ въ безсиліи своемъ подвинуть дѣло хоть нѣсколько впередъ. Это конечно странно, но диковина еще впереди. Рациональность новой патологіи нисколько не мѣшаетъ шуткѣ, и авторъ шутитъ довольно мило, потому что не сумѣвши локализовать ни одного худосочія, онъ начинаетъ свое *седьмое чтеніе* словами: *последнее чтеніе мы заключили тѣмъ, что локализовали худосочія!* Какъ вамъ нравится такая мистификація?

Пошутивши такъ мило, и дополнивши основанное имъ ученіе о худосочіяхъ раздѣленіемъ ихъ на двѣ группы, не по органамъ,—какъ бы слѣдовало ожидать отъ теоріи локализациіи,—но по измѣненіямъ въ крови, касающимся въ одной группѣ морфологическихъ элементовъ крови, а въ другой жидкихъ частей ея, авторъ вознаграждаетъ терпѣніе читателя дѣльнымъ обзоромъ элементовъ крови. Подъ конецъ этого чтенія, онъ обращаетъ особенное вниманіе на совершенное тождество между формою *безцѣтнаго кровянаго шарика*, элемента фізіологическаго, и формою *гнойнаго шарика*, элемента патологическаго. Это тождество до такой степени совершенно, что не зная, откуда взялся данный шарикъ, вы не можете сказать, что это за шарикъ. Вопросъ можетъ быть рѣшенъ только происхожденіемъ шарика; если онъ образовался внѣ крови, то это гной; въ противномъ случаѣ, вы имѣете дѣло съ форменнымъ элементомъ крови.

Въ восьмомъ чтеніи, посвященномъ крови и пасокѣ, авторъ, утомившись серіознымъ изложеніемъ дѣла и забывши, что онъ предлагаетъ медицинѣ рациональную теорію, снова начинаетъ мѣшать дѣло съ гипотезами и мистификаціями. Вѣрный своей идее, что сосуды не имѣютъ вліянія на процессъ питанія, онъ разумѣется не можетъ допустить, чтобы сосуды оказывали существенное вліяніе на измѣненія въ процессѣ питанія, а, слѣдовательно, и на воспалительные процессы. Онъ выводитъ это заключеніе слѣдующимъ образомъ. Замѣтивъ, что фибринъ, заключающійся въ пасокѣ, отличается отъ фибрина крови медленнымъ свертываніемъ подъ вліяніемъ атмосфернаго воздуха (которому, говоритъ Вирховъ, можно съ нѣкоторою вѣроятностію приписать вліяніе на появленіе фибринородныхъ веществъ въ крови), Вирховъ заключаетъ, что появленіе воспалительной плевры, обусловливаемое медленнымъ свертываніемъ крови, медленное свертываніе или даже двойное, т. е., въ два пріема, створаживаніе крови, замѣчаемое при воспаленіяхъ и увеличенномъ содержаніи фибрина въ крови, — что эти явленія зависятъ отъ успленной примѣси къ крови пасочнаго фибрина. Итакъ, увеличеніе количества фибрина въ крови по-видимому указываетъ на то, что при немъ количество пасоки, прибывающее въ кровь, увеличивается, и что вещества, находимыя потомъ въ крови, образуются не въ ней; такъ, что окончательно нельзя искать источникъ фибрина въ самой крови, но въ тѣхъ точкахъ организма, откуда увеличенная масса его приносится пасочными сосудами. Итакъ, фибринъ, встрѣчающійся внѣ крови, на мѣстѣ воспаленія, есть продуктъ мѣстнаго образованія, а не выпотѣнія изъ сосудовъ, и этотъ же фибринъ, перенесенный лимфатическими сосудами въ токъ крови, причиною воспалительнаго смѣшенія ея, явленія, слѣдовательно, не первичнаго, но послѣдовательнаго. Вотъ почему воспалительное смѣшеніе встрѣчается въ сильнѣйшей степени при воспаленіи органовъ, изобилующихъ пасочными сосудами, каковы, на примѣръ, дыхательные органы, плевра, бронхіальные желѣзы; и, напротивъ того, при воспаленіи даже важныхъ органовъ, скудныхъ пасочными сосудами, на примѣръ, мозга, воспалительной кразы почти вовсе не существуетъ.

Признаемся въ нашей слабости; мы долго любовались этой теоріей, готовы были даже повѣрить ей; но случайно пришлось намъ открыть какую-то терапію, и, также случайно, попасть на главу *объ остроумъ ревматизмъ*; — неволью вспомнили мы при этомъ о значительномъ приращеніи фибрина въ крови при этомъ

страданіи,—и теорія Вирхова представилась намъ новою мистификаціею.

Чтеніе заключается весьма важнымъ замѣчаніемъ о строеніи лимфатическихъ желѣзъ. До сихъ поръ думали, что пасочные сосуды, вступающіе въ желѣзу, извиаются петлеобразно, переплетаются между собою, и наконецъ, выходятъ изъ желѣзы какъ отводящіе сосуды, такъ, что желѣзы представляютъ нечто иное, какъ массу сплетеній и извианій приносящихъ сосудовъ. Въ настоящее время, большая часть изслѣдователей согласна въ томъ, что желѣзы *прерываютъ* собою лимфатическій токъ; пасочные сосуды открываются въ паренхиму желѣзы, представляющую плотную массу скученныхъ ячеистыхъ элементовъ, между которыми долженъ пройти лимфатическій сокъ для перехода въ отводящіе протоки желѣзы. Это отношеніе сосудовъ къ желѣзамъ нельзя ни съ чѣмъ такъ вѣрно сравнить, какъ съ аппаратами для фильтрованія.

Въ девятомъ чтеніи Вирховъ разбираетъ вопросъ о гнойномъ зараженіи. Обыкновенно думали, что это есть состояніе, при которомъ кровь содержитъ въ себѣ гной, и потому старались доказать присутствіе гнойныхъ шариковъ въ крови. Но вскорѣ узнали, что шарики гноя совершенно тождественны формою съ безцвѣтными шариками крови, и такимъ образомъ признали невозможность опредѣлить истинный характеръ болѣзней, въ которыхъ предполагали гнойное зараженіе. Гной можетъ попасть въ кровь двумя путями: или извнѣ, что собственно и составляетъ гнойное зараженіе, или образовавшись въ самой сосудистой системѣ. Извнѣ гной можетъ попасть въ сосудистую систему также двумя путями: всасываніемъ, или чрезъ продыравленіе сосуда. Первымъ путемъ не можетъ произойти гнойнаго зараженія, потому что гной никогда не всасывается цѣликомъ, а всасываются или жидкія части гноя, причемъ плотныя части его остаются въ видѣ ломкаго вещества (такъ бываетъ при холодныхъ нарывахъ, *Spondylarthrocace*), впоследствии времени размягчающагося и возбуждающаго новое воспаленіе; или всасываются составныя части разлагающагося гноя. Если гнойный шарикъ попадаетъ въ лимфатическій сосудъ, то онъ также не можетъ произвести гнойнаго зараженія, потому что дойдя до ближайшей желѣзы онъ въ ней залегаетъ, не находя себѣ прохода сквозь скученную ячеистую ткань желѣзистой паренхимы. Онъ можетъ только возбудить въ ней раздраженіе, вслѣдствіе котораго въ ней усиливается образованіе ячеистыхъ элементовъ;

эти ячейки, отдѣляясь, поступаютъ въ кровь въ видѣ тѣхъ безцвѣтныхъ шариковъ, которые нѣкоторое время принимались за гнойные, и заставляли предполагать гнойное зараженіе тамъ, гдѣ его не было. Единственную возможность гнойнаго зараженія извнѣ представляютъ тѣ рѣдкіе случаи, при которыхъ гной поступаетъ прямо въ полость вены вслѣдствіе продыравленія стѣнокъ ея.

Коснувшись послѣдствій раздраженнаго состоянія желѣзъ, Вирховъ переходитъ къ изслѣдованію того состоянія крови, которое характеризуется усиленнымъ содержаніемъ безцвѣтныхъ шариковъ ея (*Leukocythosis*). Онъ замѣчаетъ, что это состояніе крови постоянно бываетъ при всѣхъ болѣзняхъ, сопровождаемыхъ раздраженіемъ, припуханіемъ желѣзъ. Такъ, оно постоянно бываетъ у женщинъ въ послѣродовомъ періодѣ, у которыхъ почти постоянно безцвѣтные шарики образуютъ въ крови, лишенной фибрина, осадокъ похожій на гной. То-же замѣчается при золотухѣ, пока раздраженныя желѣзы способны еще къ своимъ отправленіямъ; при тифѣ, сопровождаемомъ значительнымъ припуханіемъ лимфатическихъ брюшныхъ желѣзъ; при злокачественной рожѣ, осложняющейся припуханіемъ желѣзъ. — И вотъ, ко всему этому, новый фактъ изъ области умозрѣній Вирхова. Каждое принятіе пищи, говоритъ онъ, производитъ извѣстное раздражительное состояніе брыжеечныхъ желѣзъ, потому что *составныя части млечнаго сока*, поступающія въ желѣзы, являются *патологическими* (!) раздражителями по отношенію къ нимъ; вслѣдствіе чего, послѣ принятія пищи каждый разъ замѣчается увеличеніе числа безцвѣтныхъ шариковъ въ крови.

Въ *десятомъ чтеніи*, о худосочіи съ явленіями переносными, Вирховъ разсматриваетъ такъ называемое гнойное худосочіе (*pyaemia*), т. е., зараженіе крови гноемъ, образовавшимся въ самой полости сосуда. При такомъ зараженіи, которое до-сихъ-поръ объясняли гнойнымъ воспаленіемъ венъ (*phlebitis suppurativa*), въ венѣ образуется сгустокъ крови, въ центрѣ котораго происходитъ размягченіе фибрина, обращающагося въ полужидкую, зернистую массу, *иновидную*, но не *иновою*, потому что микроскопъ не открываетъ въ ней гнойныхъ шариковъ. Этотъ свертокъ продолжаетъ увеличиваться непрерывнымъ отложеніемъ на него фибрина, куски котораго, отрываясь отъ сгустка, переходятъ въ общій токъ крови, переносятся имъ въ сосуды малаго калибра, закупориваютъ ихъ и возбуждаютъ такимъ образомъ

въ органахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ фокуса страданія, явленія такъ называемаго гнойнаго метастаза. Но описывая процессъ гнойнаго метастаза, Вирховъ отвергаетъ участіе въ немъ воспаленія вены. По его мнѣнію, въ томъ, что обыкновенно называютъ *воспаленіемъ вены съ нагноеніемъ*, нѣтъ ни воспаленія, ни нагноенія; это процессъ, начинающійся свертываніемъ крови и образованіемъ изъ нея пробки (thrombus), которая впослѣдствіи подвергается размягченію. Но въ чемъ же заключается причина такому свертыванію? На этотъ весьма естественный вопросъ Вирховъ не обращаетъ вниманія. *Воспаленіе вены дѣйствительно существуетъ*, говоритъ онъ, но это есть воспаленіе, поражающее стѣнку, а не внутренность сосуда (!). Не ясно ли изъ этихъ словъ, что по мнѣнію Вирхова есть болѣзнь, поражающая не стѣнки сосудовъ, а *внутренность, полость сосудовъ!* Вотъ куда заносить умозрѣнія основателя раціональной патологической теоріи. Наконецъ, авторъ допускаетъ, что и дѣйствительное воспаленіе вены можетъ быть причиною закрытія сосуда сверткомъ, производя на внутренней поверхности стѣнки различныя шероховатости, возвышенія, углубленія, даже язвочки, могущія послужить точкой исхода для свертка. И при всемъ томъ, онъ никакъ не соглашается допустить прежнее объясненіе — воспаленіе вены съ нагноеніемъ. Почему же? О томъ вѣдаетъ одинъ только Вирховъ. Коснувшись метастаза, Вирховъ пополняетъ свое ученіе о худосочіяхъ замѣчаніемъ, что ломотная дискразія состоитъ въ накопленіи мочекислыхъ солей въ крови, оставляя на этотъ разъ безъ вниманія локализацию этого худосочія. Наконецъ для объясненія нѣкоторыхъ видовъ піэміи, напримѣръ, метастатическаго воспаленія подреберной плевы, развивающагося независимо отъ метастатическихъ нарывовъ въ легкихъ, для объясненія піэмическихъ поражений сочлененій, онъ принимаетъ ихорозное зараженіе, при которомъ попавшее въ тѣло ихорозное вещество вызываетъ острые болѣзненные процессы въ органахъ, *особенно легко привлекающіхъ такіа вещества*. На чемъ же основываетъ раціональная патологія такое объясненіе?

Въ одиннадцатомъ чтеніи рассматриваются окрашенные элементы, встрѣчаемые въ крови, и нервы. Упомянувъ о чернокровіи (*Melanaemia*), Вирховъ по необходимости обращается къ блѣдной немочи, и опять находитъ невозможнымъ локализовать худосочіе; онъ объясняетъ ее общеизвѣстнымъ фактомъ, что въ ней уменьшается какъ число красныхъ, такъ и число

бездвѣтныхъ шариковъ крови, безъ нарушенія взаимнаго ихъ отношенія. И вотъ опять новая мистификація! Разставаясь съ кровью, Вирховъ даритъ читателя новою шуткою. Онъ замѣчаетъ, что встрѣчается болѣзненное состояніе, при которомъ кровяные шарики теряютъ способность воспринимать въ себя кислородъ; красящее начало крови теряетъ способность, при проходѣ крови чрезъ легкія, окисляться; это болѣзненное состояніе шариковъ крови Вирховъ объясняетъ *параличемъ* этого красящаго начала, *параличемъ гематина!* Чтеніе оканчивается дѣльнымъ и подробнымъ изложеніемъ строенія нервной ткани.

Все двѣнадцатое чтеніе посвящено изложенію строенія нервной системы. И тутъ, какъ и во всемъ сочиненіи, Вирховъ является совѣстливымъ, знающимъ истолкователемъ предмета, пока онъ не выходитъ изъ сферы гистологін; но едва только онъ переходитъ за предѣлы ея, какъ тотчасъ же обнаруживаетъ свою несостоятельность. Онъ начинаетъ чтеніе описаніемъ сосочковъ кожи и замѣчаетъ, что большинство ихъ не содержитъ нервовъ; тѣ же, въ которыхъ есть осозательныя тѣла, а, слѣдовательно, и нервы, не имѣютъ сосудовъ. Поэтому, говоритъ онъ далѣе, мы находимъ совершенно необъяснимымъ, съ точки зрѣнія невритической патологін, какимъ образомъ нервъ, лежащій среди цѣлой группы безнервныхъ частей, можетъ вызвать въ одномъ отдаленномъ отъ него сосочкѣ этой группы патологическую дѣятельность, въ которой остальные сосочки той же нервной области не принимаютъ участія. Также трудно, съ точки зрѣнія гуморальной патологін, объяснить случаи заболѣванія сосочковъ, не содержащихъ сосуда. Вирховъ не предвидѣлъ простаго замѣчанія на это, что если изъ цѣлой массы сосочковъ заболѣваетъ одинъ или другой, то еще никто не доказалъ, что заболѣваетъ именно тотъ сосочекъ, который не имѣетъ нервовъ или не имѣетъ сосудовъ. Противъ кого же воюетъ Вирховъ?

Этимъ мы покончимъ обзоръ сочиненія Вирхова. Какое же вывести изъ него заключеніе? Мы уже сказали, что пока Вирховъ не выходитъ изъ сферы гистологін, онъ является вѣрнымъ, опытнымъ глашатаемъ науки; но гдѣ только онъ ни переходитъ за предѣлы этой сферы съ притязаніями на основателя новой рациональной патологін, онъ представляется несостоятельнымъ фантазеромъ. Переводъ этого сочиненія составляетъ важное приобрѣтеніе для русской медицинскои литературы, которая ознакомятся чрезъ него съ современнымъ состояніемъ гистологін. Изложеніе плавное, увлекательное; текстъ поясняется

многочисленными, ясными, отчетистыми политипажамп. Безчисленныя техническія затрудненія, представляемыя оригиналомъ, неизвѣстный переводчикъ преодолѣлъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Изданіе довольно изящное.

Превращенія въ міръ животныхъ. Сочиненіе А. Катрфажа, члена парижской академіи наукъ и проч. Переведенное докторомъ мед. *Фр. Журковскимъ*, изданное подъ редакцію М. Хотинскаго. Санктпетербургъ. 1859. in-8°. стр. 192.

Анализируя явленія бытія, представляемыя разнообразнѣйшими формами животнаго міра и растительнаго, физиологія пришла наконецъ къ заключенію, что всякое животное, всякое растеніе, въ смыслѣ нормальнаго организма, заключаетъ въ самомъ себѣ всегдашнее условіе къ самосохраненію, состоящее во всегдашнемъ и взаимномъ согласіи между всѣми свойственными ему отправленіями, направленномъ къ одной общей цѣли: самосохраненію и воспроизведенію его. Очевидно, что такой организмъ былъ бы неразрушимъ и существованіе недѣлимаго вѣчно. И дѣйствительно, фактъ замѣчательный, наука до-сихъ-поръ не представила ни одного даннаго, на основаніи котораго можно было бы заключить, что смерть присуща какому-нибудь организму, растительному или животному, что растеніе или животное по-необходимости смертно. Гдѣ только ни прерывается существованіе органическаго тѣла, скальпель и микроскопъ анатома и физиолога указываютъ на уклоненія отъ нормальнаго состоянія, на отступленія отъ физиологической нормы, слѣдовательно, на случайныя и не присущія организму причины его разрушенія. —

Какъ-бы то ни было, тысячелѣтнія наблюденія и преданія свидѣтельствуютъ, что существованіе всякаго организма, какъ недѣлимаго, ограничено во времени; такъ, что абсолютно-нормальный организмъ составляетъ понятіе отвлеченное, идеальное.

Для каждаго недѣлимаго наступаетъ время, когда явленія, которыми проявляется его существованіе, исчезаютъ, форма недѣлимаго разрушается, и составныя части его, обратившись въ простѣйшія химическія соединенія, поступаютъ въ область неорганическаго міра. Но если существованіе организма ограничено, то въ немъ должна существовать возможность измѣненія или разрушенія органической матеріи, и физиологія неоспоримо доказываетъ, что въ животномъ организмѣ происходитъ непрерывное видоизмѣненіе или превращеніе этой матеріи. Еже-

дневное изверженіе ея въ большемъ или меньшемъ количествѣ отдѣлительными органами и пополненіе этой убыли пищю и питіемъ; развитіе зародыша; ростъ, явленія всасыванія, исчезновеніе нѣкоторыхъ органовъ въ послѣдніе мѣсяцы утробной жизни младенца; опыты надъ окрашиваніемъ кости марѣною; измѣненія мочи и крови при чрезмѣрномъ движеніи, усиленныхъ умственныхъ занятіяхъ; измѣненія отдѣленій при сильныхъ душевныхъ возбужденіяхъ, — всѣ эти данныя доказываютъ видоизмѣняемость органической матеріи. Существованіе каждой органической частицы ограничено во времени; отжившія частицы ея видоизмѣнившись извергаются и замѣняются новыми, возродившимися. Всякое движеніе, всякое душевное возбужденіе, ощущеніе, мысль, предшествуются или сопровождаются частнымъ измѣненіемъ органической матеріи. Причина этой видоизмѣняемости заключается отчасти въ самомъ составѣ матеріи. Составныя части органическихъ тѣлъ отличаются именно тѣмъ отъ составныхъ частей неорганическихъ, что въ первыхъ простѣйшія стихійныя начала представляются въ тройныхъ, четверныхъ соединеніяхъ, не утрачивая, однакожъ, того химическаго сродства, которое побуждаетъ ихъ къ образованію простѣйшихъ парныхъ составовъ. Отдѣлите отъ живаго организма часть его органической матеріи, и она тотчасъ же начнетъ измѣняться подъ вліяніемъ воздуха, влажности, теплоты и свѣта, и подчинится законамъ химическаго сродства.

Но если органическая матерія способна измѣняться, а среда, окружающая организмъ, заключаетъ въ себѣ всѣ условія къ подобному измѣненію, то всеобщее измѣненіе матеріи организма, а слѣдовательно, и разрушеніе его было бы неминуемо, и существованіе его не возможно. Итакъ существованіе всякаго организма предполагаетъ въ немъ присутствіе причины или силы, противодѣйствующей разрушающимъ внѣшнимъ вліяніямъ и формирующей прибывающія, на пополненія убыли, питательныя вещества по типу или идеѣ недѣлимаго. Эту причину называютъ жизненною силою, — жизнью. Попытки опредѣлить, что такое именно жизнь, остались, какъ и слѣдовало ожидать, безуспѣшными; но анализируя представляемая ею явленія, наука вывела заключеніе, что жизнь состоитъ въ непрерывномъ движеніи, направленномъ къ самосохраненію формы, состоящей сферу этого движенія; другими словами, жизнь и непрерывное движеніе понятія тождественныя. Этого мало; непрерывное видоизмѣненіе органической матеріи и воспроизведеніе ея по идеѣ недѣлимаго

или даже, какъ мы увидимъ далѣе, по идеѣ цѣлаго типа, — доказываютъ, что это непрерывное движеніе состоитъ въ непрерывномъ метаморфозѣ элементарныхъ частицъ организма. — И такъ, жизнь состоитъ въ непрерывномъ превращеніи, непрерывномъ органическомъ, элементарномъ метаморфозѣ, и въ этомъ смыслѣ обнаруживается не только въ воспроизведеніи органическихъ частицъ по идеѣ недѣлимаго, но еще разительнѣе въ воспроизведеніи всего недѣлимаго. Изучая жизненныя явленія животнаго и растительнаго міра, и убѣждаясь ежедневными открытіями, что тѣмъ и другимъ предпоставлены одни и тѣ-же законы, наука изучала однакожь въ каждомъ жизненномъ явленіи какъ-бы только сумму извѣстной группы скрытыхъ явленій органическаго метаморфоза, пока два открытія не поставили ее внезапно лицомъ къ лицу почти съ самою жизненною стихіею. Одно изъ этихъ открытій состояло въ томъ, что всѣ ткани, всѣ органическія формы имѣютъ основую одну общую элементарную ячейку, мѣшечекъ съ заключеннымъ въ немъ ядромъ. Оказалось, что это простое, крайне однообразное тѣло, съ удивительнымъ постоянствомъ повторяющееся во всѣхъ тканяхъ, во всѣхъ живыхъ организмахъ, есть элементарный субстратъ жизнедѣятельности организма, что ячейка есть конечный дѣятельный элементъ организма, безъ предсуществованія котораго не развиваются никакія живыя формы, и что съ сохраненіемъ его жизни связаны продолженіе и сохраненіе жизни организма. Такимъ образомъ открылась возможность изучать явленія органическаго метаморфоза на самомъ субстратѣ ихъ, въ той самой средѣ, въ которой они происходятъ. Другое открытіе, Бера, открытіе яичка у человѣка и млекопитающихъ, само-по-себѣ великое, знаменательно тѣмъ, что открыло въ области науки новую духовную перспективу. Кость, показавшій, что яичко человѣка и другихъ млекопитающихъ составлено одинаково съ птичьимъ; Беръ, Пуркинъ, Барри, Бишофъ, Уартонъ, Джонсъ, Валентинъ, Вагнеръ, Одуень, Мильнъ-Эдварсъ, Шамиссо, Эшрихтъ, Бенедень, Катрфажъ, и другіе ученые занялись изслѣдованіемъ новой серіи явленій, изслѣдованіемъ тѣхъ законовъ органическаго метаморфоза, по которымъ воспроизводится уже не конечный элементъ жизнедѣятельности недѣлимаго, но воспроизводится самое недѣлимое. И тутъ наблюденія показали, что генетическимъ основаніемъ всѣхъ организмовъ служитъ общая конечная форма, — яйцо, анатомическимъ строеніемъ своимъ близко подходящее къ конечной органической формѣ, ячеекѣ. Дѣйствительно, наблюденія Бера,

Дуркинѣ, Каруса, Ратке, Прево, и Дюма убѣдили, что строеніе яичка у млекопитающихъ, всѣхъ позвоночныхъ, насѣкомыхъ, кольчатыхъ, пауковъ, глистовъ и черепокожныхъ совершенно одинаково. Вездѣ, три шара, вложенные одинъ въ другой и одѣтые прозрачною оболочкою, составляютъ зачатокъ; вездѣ въ этой желтковой оболочкѣ находится желтокъ (*vitellus*), одѣвающий зачатковый пузырекъ (*vesicula germinativa Purkinje*), покрывающій собою зачатковое пятно Вагнера (*macula germinativa Wagneri*). Однакожъ, хотя основной элементъ развитія всѣхъ организмовъ одинаковъ, самый способъ развитія, пути, которыми идетъ органическій метаморфозъ къ достиженію конечной цѣли своей, воспроизведенію недѣлимаго, чрезвычайно различны; и хотя между всѣми этими видами развитія можно прослѣдить нѣкоторые общіе законы, но въ нѣкоторыхъ группахъ животнаго міра встрѣчаются такіа чудовищныя отступленія, что только разсматривая ихъ съ точки зрѣнія общихъ началъ возможно усмотрѣть связь ихъ съ общею нормою, предпоставленною этой серіи явленій органическаго метаморфоза. Представить общій обзоръ, краткій перечень всѣмъ наблюденіямъ и фактамъ, относящимся къ законамъ воспроизведенія животныхъ организмовъ; соединить разрозненные, разбросанные факты въ характерическія группы, расположить эти группы систематически въ послѣдовательной связи между собою, переходя отъ болѣе извѣстныхъ и простѣйшихъ видовъ къ сложнѣйшимъ формамъ органическаго метаморфоза, — вотъ трудъ, который предпринялъ Катрфажъ и окончилъ съ успѣхомъ въ разбираемомъ нами теперь сочиненіи. Читатель не найдетъ въ этой книгѣ много новаго, но встрѣтивъ въ ней много уже извѣстнаго ему, увидитъ все это сведеннымъ вмѣстѣ въ одно прекрасное, стройно-цѣлое. Заслуга немаловажная. Не вдаваясь во-всѣ подробности, но останавливаясь на главнѣйшихъ и менѣе извѣстныхъ фактахъ, мы ознакомимъ читателя и съ содержаніемъ книги и съ частнымъ взглядомъ автора.

Мы уже обратили вниманіе на однообразіе строенія яичка или яйца въ различныхъ животныхъ. Наблюдая надъ прозрачными яичками гермелъ (слизнякъ, принадлежащій къ семейству сверлиль) и шашеня (червь, водящійся на устрицахъ), можно видѣть, что въ нихъ происходитъ непрерывное движеніе; непонятная сила приводитъ желтокъ въ движеніе, вслѣдствіе чего собиравются зернышки, то въ одной, то въ другой части яичка, не измѣняя наружной его поверхности; наконецъ, вслѣдствіе такого

движенія зачатковый пузырькъ лопается, Вагнерово пятно исчезаетъ, содержимое ихъ перемѣшивается съ желткомъ и такимъ образомъ образуется настоящій зачатокъ. Вслѣдствіе этого движенія на поверхности измѣннаго желтка образуется родъ соска, изъ котораго выходятъ, какъ-бы выдвинутые изнутри, одинъ или два прозрачные шарика, неизвѣстнаго до-сихъ-поръ назначенія, растворяющіеся въ жидкости, окружающей желтокъ. Когда выйдутъ шарики, то наступаетъ минута спокойствія; затѣмъ движеніе возобновляется и на зачаткѣ появляется кольцеобразная борозда; потомъ образуется другая борозда, подъ прямымъ угломъ съ первою; такимъ образомъ, постепенно размножающіяся бороздки раздѣляютъ всю поверхность желтка на множество маленькихъ сферъ и придаютъ ему постепенно видъ малины, но потомъ отъ продолжающаго дѣленія поверхность яичка представляется опять гладкою.

Зачатокъ обозначается между тѣмъ яснѣе и внѣшній слой его принимаетъ видъ ткани (*blastoderma* — *зародышеская перепонка*). Съ первыми слѣдами этой организаціи зачатокъ становится зародышемъ, получающимъ съ самаго начала основныя черты той группы, къ которой онъ со временемъ будетъ принадлежать; съ этихъ поръ уже видно, будетъ ли животное принадлежать къ отдѣленію позвоночныхъ или безпозвоночныхъ. На одной части зародышевой перепонки образуется небольшое, сначала круглое, потомъ овальное, пятно, состоящее изъ тѣхъ ячеекъ, о которыхъ мы выше говорили, какъ объ конечныхъ элементахъ органической жизни. Это пятно (*l'aire germinative* — зачатковое гнѣздо) есть самый *зародышъ*. Пятно скоро увеличивается, и вдоль большой оси его обозначается *первоначальная линія* (*ligne primitive*), показывающая мѣсто, гдѣ впоследствии будутъ находиться позвоночный мозгъ и черепной, два нервныя центра, управляющіе всѣмъ организмомъ. Потомъ появляются тусклыя точки, симметрически расположенныя по обѣимъ сторонамъ этой линіи, свидѣтельствующія о начинающемся образованіи позвоночнаго столба. Зародышеская оболочка съ своей стороны претерпѣваетъ своего рода измѣненія и, наконецъ, яйцо млекопитающаго прилѣпляется къ лону, назначенному посить его до выхода его на свѣтъ; съ этой минуты яйцо питается на счетъ матерн, и оболочки его становятся посредниками между зародышемъ и матерью.

Зародышъ есть миниатюра существа вполне образованнаго. Тѣло развивающагося животнаго, особенно млекопитающаго, пред-

ставляетъ наблюдателю самое странное явленіе. Съ каждымъ днемъ, даже иногда часомъ, видны измѣненія, не только въ частяхъ существенныхъ, но даже въ самыхъ отдаленныхъ. Можно сказать, что природа идетъ ошупью и ведетъ твореніе свое къ доброду резулътату только послѣ частыхъ погрѣшностей. То цѣлыя полости замыкаются и разгораживаются на отдѣленія, или вытягиваются въ каналы; эти каналы, въ свою очередь, уничтожаются, превращаясь въ связки. Въ другомъ случаѣ, плотныя массы становятся полыми внутри и образуютъ пустоты; пластинки свертываются въ трубочки; разъединенныя въ началѣ части сливаются въ цѣлые органы или, на оборотъ, первоначально цѣлая масса раздробляется и изъ нея составляется нѣсколько органовъ. Въ то-же время, отношенія или пропорціи ежеминутно измѣняются. Части, почти перемѣшанныя въ началѣ, расходятся и становятся чуждыми другъ для друга; другія же, сначала раздѣленныя, сходятся и получаютъ тѣсныя взаимныя отношенія. Органы съ временными отправлениями рождаются, быстро возрастаютъ до значительной величины, потомъ атрофируются и исчезаютъ; другіе останавливаются на извѣстной степени развитія, тогда-какъ всѣ прочія еще растутъ, и, находясь у взросло, не имѣютъ другаго значенія, кромѣ свидѣтельства о несуществующемъ уже порядкѣ вещей. Однимъ словомъ, всюду безпрерывныя преобразованія, всюду движеніе и нигдѣ покоя: это исторія развитія зародыша въ самыхъ общихъ ея выраженіяхъ.

Остановимся на этомъ; и отдадимъ себѣ отчетъ о томъ, какое значеніе имѣютъ всѣ эти явленія. Не явно ли, что весь этотъ органической метаморфозъ имѣетъ цѣлью: рожденіемъ различныхъ органовъ и развитіемъ ихъ до извѣстныхъ предѣловъ приуготовить зародышъ и сдѣлать его способнымъ къ переходу въ ту среду, въ которой должно окончательно осуществиться удобленіе его первообразу его, тождество, достигаемое дальнейшимъ ращеніемъ до свойственныхъ недѣлимому предѣловъ, наконецъ, развитіемъ въ немъ способности къ новому самовоспроизведенію. Такимъ образомъ органической метаморфозъ зародыша до минуты совершенной его зрѣлости можно раздѣлить на три періода: періодъ рожденія и развитія органовъ, которые должны сдѣлать зародышъ подобнымъ первообразу; періодъ ращенія, и періодъ зрѣлости, въ которомъ организмъ дѣлается способнымъ къ размноженію своей породы или оплодотвореніемъ или воспроизведеніемъ яичка. По различнымъ отношеніямъ яичка къ зародышу мы находимъ пѣ отдѣленія позвоночныхъ

животныхъ три вида метаморфоза, а именно. Мы уже видѣли, что у млекопитающихъ зародышъ не находитъ въ своемъ яйцѣ достаточныхъ матеріаловъ, чтобы развиться до подобія съ первообразомъ своимъ, и потому питается на счетъ матери, и притомъ развивается изолированнымъ отъ среды своего первообраза, между тѣмъ какъ оболочки яйца служатъ посредниками, между нимъ, зародышемъ, и матерью. Въ классѣ птицъ и далѣе, между пауками, зародышъ живетъ уже независимо отъ организма матери, находя въ самомъ яйцѣ всѣ матеріалы къ достиженію подобія съ первообразомъ своимъ, отъ среды котораго онъ изолированъ оболочками своего яйца. Въ классѣ лягушекъ или жабниковъ мы встрѣчаемъ весьма странное явленіе, повторяющееся только въ классѣ насѣкомыхъ; зародышъ не только живетъ независимо отъ организма матери, но не находя и въ яйцѣ достаточныхъ матеріаловъ къ уподобленію съ своимъ первообразомъ, живетъ совершенно самостоятельною жизнью, неизоллированный отъ среды своего первообраза, и претерпѣваетъ внѣ яйца тѣ измѣненія, которыя должны уподобить его первообразу его.

Молодая лягушка, хотя уже вышла изъ яичка, остается до половины зародышемъ; пищеварительный каналъ въ это время существуетъ только въ зачаточномъ состояніи; большая часть желтка, отдѣтая давно образованною кожей, занимаетъ обширную часть тѣла и этою питательною массою пополняется организмъ. Большая, снизу какъ-бы расщепленная на двое голова, удлиненными половинами своими служитъ животному для прилипанія къ сосѣднимъ тѣламъ; нѣтъ ни глазъ, ни ноздрей, ни ушей, ни дыхательныхъ органовъ; продолговатое брюхо оканчивается короткимъ хвостомъ, едва окаймленнымъ кожистою лентою; дыханіе совершается кожей. На четвертый день, голова, равной величины съ тѣломъ, принимаетъ видъ наперстка и отдѣляется глубокою зарубкою отъ брюха, почти сферическаго и обрисовывающаго заслонку, по краямъ которой съ каждой стороны находятся маленькія развѣтвляющіяся воздухоносныя трубочки — жабры; ротъ, получившій двѣ мягкія губы, вооружается чѣмъ-то въ родѣ роговаго клюва для надрѣзыванія растений; являюся ноздри, глаза, уши; хвостъ удлиняется становится шире и лягушка, подъ названіемъ *головастика*, двигается какъ рыба. На этомъ метаморфозѣ не останавливается; около 7—8 дня наружные жабры вянутъ, исчезаютъ, между тѣмъ какъ въ боковыхъ полостяхъ, находящихся подъ кожей шен, образуются новыя, гораздо сложнѣйшія жабры; проходятъ нѣсколько недѣль, и эти

новыя жабры начинаютъ увядать, жаберныя стволы уменьшаются въ объемѣ, но соразмѣрно этому увяданію растутъ и развиваются легкія, бывшія до сихъ поръ въ плотномъ, едва замѣтномъ состояніи. Въ теченіи этого времени такія же характеристическія перемѣны происходятъ и въ снарядахъ движенія. Сначала головастикъ не имѣетъ никакихъ признаковъ окончностей, ни снаружи, ни внутри тѣла; онъ движется посредствомъ хвоста. Но вотъ, подъ кожей, подъ мышцами, въ передней и задней части туловища зарождаются *культы* (*moignons*); сначала показываются лапки и обозначаютъ руку и ногу; эти культы растутъ; за ними появляются другія зависящія отъ нихъ части, кости, плечи, тазъ; сперва развиваются заднія оконечности, потомъ уже переднія; по мѣрѣ развитія этихъ частей, хвостъ уменьшается, кожа его, мышцы, нервы, сосуды вянутъ и всасываются организмомъ. Наконецъ, когда оконечности уже готовы къ употребленію, хвоста уже не существуетъ и головастикъ обратился въ молодую лягушку, которой остается еще пройти два періода органическаго метаморфоза—періодъ раченія и періодъ зрѣлости.

Въ разсмотрѣнныхъ нами видахъ органическаго метаморфоза всѣ явленія его, не смотря на ихъ разнообразіе, имѣли однакожъ видимую связь съ конечною цѣлью метаморфоза — воспроизведеніе недѣлимаго; но обращаясь къ классу насѣкомыхъ мы попадаемъ на явленія, на органическіе процессы, не имѣющіе по видимому ничего аналогическаго съ очерченною нами группою явленій. Въ классѣ насѣкомыхъ мы встрѣчаемся въ первый разъ, лицомъ къ лицу, съ настоящими превращеніями. Слѣдя автору, возьмемъ для примѣра капустную бабочку (*Pieris brassicae*). Оплодотворенная самка кладетъ подъ листомъ капусты свои яички, числомъ до нѣсколькихъ сотъ. Образовавшійся по общимъ законамъ въ каждомъ яичкѣ зародышъ, не находя въ яичкѣ достаточныхъ матеріаловъ для своего развитія, вылупляется. И что же? вмѣсто ожидаемаго миниатюрнаго подобія бѣлой бабочки изъ яичка выползаетъ червячекъ — гусеница, которая, отличаясь необыкновенною прожорливостію, приводящею въ отчаяніе огородниковъ, достигаетъ въ короткое время, послѣ нѣсколькихъ линій, сравнительно огромныхъ размѣровъ, около дюйма или болѣе въ длину и около двухъ линій въ толщину и ширину. Въ тѣлѣ этого червячка можно различить только двѣ части: небольшую, роговою голову съ шестью простыми глазами, и туловище, которое сѣро-зеленоватаго цвѣта съ тремя желтыми продольными полосками, простираю-

щима отъ одного конца тѣла до другаго и усѣянными черными точками; туловище составлено изъ двѣнадцати почти равныхъ между собою колець и движется восемью парами лапокъ.

Въ концѣ августа, гусеница готовится къ новому превращенію, перестаетъ ѣсть, очищаетъ свой кишечный каналъ, отыскиваетъ себѣ трещину въ стѣнѣ и начинаетъ свои приготовленія. Она начинаетъ покрывать избранное ею мѣсто перекрещивающимися во все стороны ниточками; этотъ шелковый, весьма тонкій и плотный слой доставляетъ крѣпкую опору для заднихъ ея лапокъ; тогда, загнувъ головку и тѣло назадъ, до половины спины, она прикрѣпляетъ сперва нитку на одной сторонѣ, потомъ всдетъ ее къ противоположной и повторяетъ такіе обороты, пока не образуется родъ подпруги или пояса. Окончивши это, она выпрямляется и линяетъ въ послѣдній разъ, но животное, оставившее кожу уже не похоже на гусеницу, и въ новомъ своемъ видѣ получаетъ названіе куколки (*chrysalida*), поддерживаемой крючками своего хвоста и своею подпругою.

Куколка нисколько не похожа на гусеницу; кожа ея жестка, какъ бы роговая, и наложена какимъ-то закономъ; цвѣтъ ея пестрый, въ черныхъ и желтыхъ крапинкахъ; туловище потолстѣло, но сдѣлалось цѣлою третью короче; оно раздѣлено на двѣ части, заднюю короткую и коническую, состоящую изъ колець, и переднюю сверху ладьвидную, а спереди похожую нѣсколько на шпору. При первомъ взглядѣ кажется, что голова и ножки совершенно исчезли, но при внимательномъ разсмотрѣніи, оказываются на передней части округленные и правильно расположенныя возвышенія и гребенки. Весною происходитъ новое превращеніе, оболочка куколки лопается на спинѣ и изъ кожи выходитъ на свѣтъ первообразъ зародыша — каустная бабочка, достигшая уже полнаго развитія, роста, и уже способная къ размноженію своего рода.

И такія превращенія свойственны не только разряду чешуекрылыхъ, т. е., бабочекъ, но всему обширному классу насѣкомыхъ. Совершаясь внѣ яйца и измѣняя формы животного до такой степени, что поражаютъ собою умы даже необразованныхъ людей, эти органическіе процессы по-видимому не имѣютъ ничего аналогическаго съ явленіями органическаго метаморфоза позвоночныхъ животныхъ; но при внимательномъ изслѣдованіи и соображеніи можно усмотрѣть между первыми и послѣдними не только аналогію, но даже тождество, разумѣется не въ наружной формѣ

метаморфоза, которая остается своеобразною, но во внутреннемъ значеніи и, слѣдовательно, сущности первыхъ и послѣднихъ.

И дѣйствительно, если мы припомнимъ себѣ, что конечная цѣль органическаго метаморфоза заключается въ томъ, чтобы сдѣлать зародышъ подобнымъ первообразу его и способнымъ къ воспроизведенію недѣлимаго, то очевидно, что всякому органическому метаморфозу можно положить два крайнихъ предѣла, двѣ постоянныя грани. Одною гранью, *постоянною исходною точкою*, будетъ яйцо съ образующимся въ немъ зародышемъ; другою гранью, *постоянною конечною точкою*, будетъ уподобленіе зародыша первообразу съ способностію воспроизводить недѣлимое. Очевидно, что эти предѣлы, по самой сущности ихъ, должны быть общи органическому метаморфозу всякаго животнаго организма безъ исключенія. Спрашивается, какое же дать значеніе тѣмъ явленіямъ, которые представляются посредствующими звеньями между этими двумя предѣлами? Послѣ предшествовавшихъ соображеній отвѣтъ не представитъ уже никакихъ особенныхъ затрудненій.

Такъ какъ между обими гранями должно совершиться окончательное развитіе зародыша, то, слѣдовательно, какія-бы явленія ни представились посредствующими звеньями между обими гранями, и сколько бы времени ни легло между этими двумя предѣлами, — нѣсколько ли минутъ, въ теченіи которыхъ подѣ микроскопомъ наблюдателя совершаются превращенія инфузорій, или нѣсколько лѣтъ, употребляемыхъ на превращенія свои греботочемъ (*Cossus ligniperda*) и майскимъ жукомъ (*Melolontha vulgaris*), — весь этотъ промежутокъ между двумя поставленными нами гранями выражаетъ собою *жизнь зародыша и его развитіе*; и какъ бы ни были странны формы, принимаемыя органическою матеріею при переходѣ отъ одной грани къ другой, во всѣхъ этихъ формахъ слѣдуетъ видѣть зародышъ, который не найдя въ яйцѣ своемъ достаточныхъ матеріаловъ къ развитію своему, вылупившись *ведетъ самостоятельную жизнь и идетъ своимъ самостоятельнымъ, своеобразнымъ путемъ, подѣ видомъ своеобразнаго неопытнаго*, къ конечной цѣли своей. Не разсматривая жизненныхъ явленій съ точки зрѣнія общихъ началъ, Реомюръ принималъ гусеницу съ куколкою и насѣкомое за два отличныхъ существа. Но съ нашей точки зрѣнія рѣзкое различіе между превращеніями бабочки и простѣйшими видами органическаго метаморфоза остается только за наружною формою этихъ процессовъ, сущность

же ихъ, очевидно, тождественна. Очевидно, что гусеница и куколка — зародышъ, не нашедшій достаточныхъ матеріаловъ къ развитію въ яйцѣ своемъ и потому идущій въ видѣ самостоятельнаго недѣлимаго къ конечному развитію своему. Есть однакожь и различіе между этими двумя видами органическаго метаморфоза, состоящее въ измѣненіи порядка, въ которомъ слѣдуютъ три главные періоды или фазисы его. Въмѣсто того, чтобы начаться періодомъ нарожденія органовъ, развитія ихъ и уподобленія первообразу, въ классѣ насѣкомыхъ органической метаморфозъ начинается періодомъ ращенія. Этотъ періодъ выполняется жизнью гусеницы; и дѣйствительно, если принять въ соображеніе необыкновенное развитіе тѣла гусеницы, уже не увеличивающагося когда она принимаетъ форму куколки, необыкновенную прожорливость ея и внутреннее строеніе, то не остается никакого сомнѣнія, что все существованіе гусеницы посвящено одной цѣли, ращенію. Тѣло гусеницы состоитъ изъ небольшой головы и огромнаго туловища, котораго большую часть выполняетъ непропорціонально огромный желудокъ, начинающійся короткимъ пищепріемнымъ горломъ, и оканчивающійся короткимъ же кишечнымъ каналомъ; кромѣ желудка, находятся спереди двѣ слюнныя желѣзы, въ видѣ длинныхъ и перевитыхъ трубочекъ, а сзади находятся, вмѣсто печени, шесть желчныхъ весьма развитыхъ каналовъ. Ясно, что въ этомъ аппаратѣ все расположено такъ, чтобы имѣть возможность получать питательные соки изъ большаго количества пищи, мало питательной и едва приготовленной грубымъ жеваніемъ. За періодомъ ращенія слѣдуетъ періодъ нарожденія новыхъ органовъ, развитія ихъ и уподобленія зародыша первообразу; всѣ эти преобразования совершаются въ тѣлѣ куколки. Пищеварительный снарядъ умалется до приличныхъ размѣровъ; мозгъ удваивается въ объемѣ, каждая изъ долей его даетъ начало толстому зрительному нерву, идущему къ сложному Глазу, развиваются крылья, усики; наконецъ, въ послѣднее время, когда бабочка должна вылупиться, показываются половые органы, достигающіе полнаго развитія уже въ третьемъ періодѣ, когда бабочка уже явилась на свѣтъ.

Въ низшихъ классахъ животныхъ, у многоножекъ (*Myriapoda*), скорлупняковъ (*Crustacea*), кольчатыхъ (*Annelida*) и слизней, брюхоногихъ (*Gasteropoda*) и безголовыхъ (*Acephala*), органической метаморфозъ совершается также помощію превращеній, хотя и не полныхъ, такъ какъ зародышъ не переходитъ въ состояніе куколки. Приведемъ для примѣра превращеніе кивсяка (*Iulus*).

«Это маленькое животное, достигнувъ полнаго образованія, состоитъ изъ ряда сочлененій, расположенныхъ одни подлѣ другихъ на подобіе четокъ, и притомъ почти каждый суставъ имѣеть двѣ пары лапокъ; число суставовъ измѣняется, смотря по породамъ, отъ ста сорока до двухсотъ. Вылупившись изъ яичка молодой кивсякъ совершенно гладокъ и не имѣеть ногъ; вскорѣ за тѣмъ раздѣляется онъ на нѣсколько отрѣзковъ и у него вырастаютъ три пары ногъ. Съ возрастомъ и отъ послѣдовательныхъ линій, умножается число отрѣзковъ и лапокъ, не измѣняя другихъ свойствъ животнаго. Кромя того, при рожденіи, кивсякъ слѣпъ, глаза появляются у него вскорѣ послѣ первыхъ ногъ и размножаются по мѣрѣ возраста животнаго. Въ этомъ случаѣ мы не видимъ собственнаго превращенія, но только пополненіе и возрастаніе организма: сначала прибавленіемъ новыхъ частей, за тѣмъ повтореніемъ частей уже существовавшихъ.»

Прежде нежели мы перейдемъ къ болѣе сложнымъ видамъ органическаго метаморфоза, нельзя не остановиться на весьма странномъ явленіи, представляемомъ нѣкоторыми видами скорлупяковъ. Странность состоитъ тутъ въ томъ, что зародышъ на нутіи своемъ къ окончательному развитію своему представляется организмомъ высшаго образованія, сравнительно съ своимъ первообразомъ. Этотъ видъ органическаго метаморфоза справедливо получилъ названіе *исходящаго развитія*. Возьмемъ въ примѣръ этого развитія превращенія одного изъ тѣхъ *желудниковъ* (Valanus), котораго маленькія заостренныя и зазубренныя оболочки покрываютъ въ видѣ коры скалы, наиболѣе подвергающіяся ярости волнъ. Изъ яичекъ, снесенныхъ матерью, выходитъ почти микроскопическая гусеница, которой узкое тѣло раздѣляется на нѣсколько продолговатыхъ отрѣзковъ, впереди имѣеть два свободныхъ усика, а по бокамъ два прибавка, такого же свойства, въ видѣ рожковъ, и три пары крѣпкихъ лапокъ съ длинными волосами, служащими животному вмѣсто веселъ. Спина его покрыта спереди и съ боковъ однимъ черепомъ, изъ-подъ котораго видѣнъ одинокій глазъ, сидящій на лбу. Такимъ образомъ, одаренный органами чувствъ и движенія, маленькій желудникъ быстро плаваетъ въ жидкости. Послѣ перваго измѣненія все его тѣло скрывается въ двухъ створкахъ, напоминающихъ покрывку устрицы; число ногъ умножается; два передніе прибавка, которые онъ произвольно выпускаетъ изъ скорлупы, служатъ ему для приставанія къ поростамъ и другимъ подводнымъ тѣламъ. Этими-то странными органами маленькое черепокожное животное утвер-

ждается головою внизъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ разбиваются самыя сильныя валы; за тѣмъ оно теряетъ двустворчатую свою скорлупу и замѣняетъ ее нѣсколькими кусочками пластинокъ, сидящими по бокамъ и на спинѣ животнаго. Но это состояніе есть только переходное. Вскорѣ вокругъ этого рода личинки появляется особенная известковая загородка, принимающая видъ неправильной пирамидки, внутри полой, съ отверстіями широкими и зазубренными. На днѣ такой ячейки молодой желудникъ, до того свободный и скитавшійся, утверждаетъ на весь остатокъ своей жизни. Онъ сгибается пополамъ; ротъ приводится къ серединѣ тѣла; ноги, уже ненужныя для плаванія, переминаяются въ загнутые усики, весьма красиво усѣянные рѣсничками. Двигаясь сильными мышцами, они получаютъ назначеніе питать нашего пустытника. Имѣя положеніе надъ головою, они выходятъ изъ полураскрытыхъ створокъ, вытягиваются, образуя съ каждой стороны родъ двойнаго пука перьевъ, и быстрымъ сжиманіемъ притягиваетъ ко рту добычу, которую животное не можетъ болѣе преслѣдовать. Только въ это время заключенія и преобразованія, когда желудникъ не можетъ ни видѣть, ни двигаться, онъ получаетъ органы дѣторожденія. Итакъ, вотъ животное, имѣющее болѣе отличительныхъ качествъ животнаго царства въ состояніи личинки и нимфы, чѣмъ въ совершенномъ развитіи. Успѣхи развитія понизили его на ступеняхъ твореній, подчинивъ всѣ его отправленія одному питанію недѣлимаго, обезпечивающаго продолженіе породы.

Во всѣхъ рассмотрѣнныхъ нами классахъ животныхъ оказывалось необходимымъ, для произведенія новаго поколѣнія, участіе двухъ недѣлимыхъ различнаго пола. Этотъ фактъ такъ очевиденъ, что его всегда принимали за одинъ изъ основныхъ законовъ природы. Въ настоящее время наука уже пришла къ заключенію, что этотъ законъ дѣйствительно не допускаетъ ни малѣйшихъ исключеній по всему животному царству. Вездѣ продолженіе породы основано на сочетаніи двухъ недѣлимыхъ разнополыхъ; вездѣ ближайшимъ продуктомъ такого сочетанія бываетъ яйцо. Яйцо остается, какъ мы уже сказали, неизмѣнною исходною точкою органическаго метаморфоза даже въ тѣхъ группахъ животныхъ, въ которыхъ размноженіе органической массы происходитъ раздвоеніемъ, почками или побѣгами, подобно тому, какъ размножается земляника, ползучій трилистникъ и другія подобныя растенія. Но прежде, нежели наблюденія новѣйшаго времени подтвердили неизмѣняемость этого закона природы, было время,

когда вѣра въ него естествоиспытательей сильно поколебалась. Открытіе у нѣкоторыхъ животныхъ, напр., у земляныхъ червей и улитокъ, совмѣстнаго присутствія мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ на одномъ недѣлимомъ, не долго колебало умы; наблюденія вскорѣ показали неосновательность теоріи гермафродитизма, доказавъ, что и тѣмъ и другимъ животнымъ соединеніе двухъ недѣлимыхъ также необходимо для оплодотворенія, какъ оно необходимо млекопитающимъ. Но факты, выведенные изъ наблюдений надъ весьма извѣстнымъ насѣкомымъ, надъ *травною смесью*, совершенно сбили съ толку, и на долго, умы ученыхъ, и подали поводъ, въ теченіи трехъ четвертей столѣтія, къ безчисленному множеству гипотезъ, обзоръ которыхъ былъ бы совершенно бесполезенъ. Ограничимся сообщеніемъ факта.

Вѣроятно, большая часть читателей знаетъ этихъ насѣкомыхъ по-крайней-мѣрѣ въ видѣ личинокъ. Это мошки, которыя встрѣчаются безчисленными группами на вѣтвяхъ фруктовыхъ деревьевъ, на стебляхъ цвѣтовъ и овощей. Онѣ сидятъ почти неподвижно, глубоко воткнувъ длинный свой хоботикъ или насосецъ въ кору растенія и поднимаютъ по временамъ свое толстое и округленное брюшко, имѣющее на концѣ двѣ маленькія трубочки въ видѣ подвижныхъ рожковъ, изъ коихъ вытекаетъ по временамъ капля сладкой жидкости; подлѣ нихъ всегда находится нѣсколько муравьевъ, готовыхъ подхватить этотъ медъ, служащій, по увѣренію Гюберта, единственною для нихъ пищею. Уже извѣстно было, что травеныя вши рожаютъ живыхъ дѣтенышей и подозрѣвали, что каждая вошь отдѣльно можетъ производить потомство, безъ участія другаго недѣлимаго. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, Бонне отдѣлил одно насѣкомое тотчасъ послѣ его рожденія, и воспитывалъ его въ неволѣ, принявъ самыя строгія мѣры, чтобы оно не имѣло никакихъ сношеній съ другими недѣлимыми. Этотъ питомецъ былъ предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій наблюдателя, описанныхъ имъ весьма чистосердечно и подробно. Съ утра до вечера онъ наблюдалъ его въ увеличительное стекло, слѣдилъ за всѣми его движеніями, съ безпокойствомъ и трепетомъ замѣчалъ въ немъ перемѣны, если онѣ предвѣщали измѣненія даже отъ избытка здоровья, и страшился, чтобы онъ не нанесъ себѣ какого-либо вреда. Вскорѣ всѣ эти заботы были награждены, когда послѣ четвертаго линія животное, достигнувъ полнаго развитія, показало, что его совершенное уединеніе нисколько не помѣшало ему породить новыхъ недѣлимыхъ. На одиннадцатый день самка травеной вши

(съ этихъ поръ Бонне счелъ причиннымъ дать ей это названіе) родила одного весьма здороваго маленькаго дѣтеныша, за которымъ вскорѣ вышелъ другой, что повторилось и на слѣдующій день. Каждые двадцать четыре часа семейство увеличивалось тремя, четырьмя, и даже десятью новыми недѣлимыми. По истеченіи двадцати одного дня дѣвственная мать родила девяносто пять дѣтенышей.

Этотъ опытъ былъ сдѣланъ надъ вшею бересклета; повторивши его надъ различными другими видами этого животнаго, естествоиспытатели убѣдились, что *Lucina sine coitu* древнихъ осуществляется на дѣлѣ. Эти же насѣкомыя дали Бонне случай открыть фактъ другаго рода; онъ возобновилъ свои наблюденія, чтобы видѣть, до какой степени простирается упомянутая способность произрожденія. Травяная вошь бузины тотчасъ послѣ рожденія была уединена и также, какъ и бересклетовая, вскорѣ произвела дѣтенышей. Одинъ изъ послѣднихъ былъ въ свою очередь отдѣленъ и, не смотря на то, произвелъ дѣтенышей третьяго поколѣнія. Молодыя недѣлимыя послѣдняго, поставленныя въ такія же условія, произвели четвертое поколѣніе, и такъ далѣе. Изъ этого опыта Бонне получилъ пять дѣвственныхъ поколѣній, произшедшихъ одни отъ другихъ. Впослѣдствіи, наблюдая опять бересклетовую вошь, онъ дошелъ до десятаго поколѣнія, а потомъ пошелъ еще далѣе. Изъ всѣхъ этихъ опытовъ, произведенныхъ весною и лѣтомъ, казалось яснымъ, что каждая травяная вошь сама-по-себѣ отдѣльно можетъ обезпечить будущность своей породы. Не говоря уже о томъ, что анатомическія изслѣдованія убѣдили въ томъ, что всѣ эти безъ посредства яичка произшедшія насѣкомыя — существа несовершенныя, одаренныя не совершенно развитыми, и притомъ *единственно женскими*, половыми органами. Бонне, продолжая свои изысканія надъ вшею дуба, ясно замѣтилъ самцовъ и самокъ, и наблюдалъ ихъ совокупленіе, совершающееся точно также, какъ и у другихъ насѣкомыхъ; наконецъ онъ видѣлъ матерей, рождавшихъ не живыхъ дѣтенышей, а несущихъ настоящія яички. Онъ увидѣлъ, что травяная вошь размножается такимъ образомъ въ теченіи всего теплаго времени года и что при пониженіи температуры, эти животныя входятъ въ обыкновенныя условія и размножаются яичками, для чего требуется участіе двухъ разнополыхъ недѣлимыхъ. Эти яички остаются прикрѣпленными къ вѣтвямъ деревьевъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ погибла отъ холода произведшая ихъ колонія вшей. Изъ этихъ яичекъ, съ наступав-

щею весною, выходятъ однѣ живородящія самки; осенью же изъ нихъ показываются самцы и самки, и тогда снова несутся яйца.

Почти въ то-же время, какъ Бонне дѣлалъ свои любопытныя наблюденія, естествоиспытатели открыли другія явленія, противорѣчившія основнымъ идеямъ, принятымъ въ то время наукою.

Трамбле, наливъ въ стеклянный сосудъ морской воды, покрытой маленькими растеніями, называемыми водяною чечевицею, вскорѣ замѣтилъ маленькія превосходнаго зеленаго цвѣта тѣла, приставшія къ стѣнкамъ стакана, которыя, то неподвижныя, то движущіяся медленно, измѣняли свой видъ и величину. Если они совершенно разфѣртывались, то принимали видъ полыхъ цилиндровъ, длиною отъ пяти до шести линій. На свободномъ концѣ этихъ тѣлъ, по срединѣ, было отверстіе и нѣсколько рожковъ или удлинений, замѣнявшихъ имъ руки; эти рожки то двигались во всѣ стороны, то сокращались; если же ихъ неосторожно трогали, то они тотчасъ сокращались, какъ бы изглаживаясь, и самый цилиндръ становился конусомъ, имѣющимъ едва одну линію вышины. Долго Трамбле не зналъ, что думать объ этихъ странныхъ тѣлахъ; цвѣтъ и форма ихъ напоминали растеніе: но, съ другой стороны, эти тѣла могли измѣнять мѣсто, то медленнымъ ползаніемъ, то чѣмъ-то въ родѣ кувырканій. Для разрѣшенія вопроса онъ разрѣзалъ пополамъ одно изъ этихъ загадочныхъ существъ. Спустя 48 часовъ, каждая половина пріобрѣла недостающія ей части и представляло уже совершенное цѣлое. То-же дѣлалось въ теченіи нѣсколькихъ дней съ частями, происшедшими отъ дѣленія на 20, 30, даже 50 частей; изъ одного недѣлшнаго происходили такимъ образомъ 20, 30, 50 новыхъ совершенныхъ недѣлимыхъ. Въ то-же время, Трамбле открылъ на этихъ одушевленныхъ цилиндрахъ небольшія возвышенія, которыя съ каждымъ днемъ увеличивались, удлинялись и за тѣмъ, получивъ на свободныхъ концахъ своихъ рожки, наконецъ отдѣлялись въ видѣ тѣлъ, совершенно похожихъ на тѣла, отъ которыхъ они произошли. Трамбле, имѣвшій дѣло съ полипами, нашель поэтому у нихъ два главные явленія, считавшіяся въ то время исключительно принадлежностью растеній: размноженіе черенками и *размноженіе почками*. Въ послѣдствіи времени Бернарде-Жюссье открылъ у этихъ гидръ яички, а Эренбергъ, открывшій у нихъ ясное отдѣленіе мужескаго сѣмени, видѣлъ и самое отдѣленіе яичекъ, выдѣляемыхъ по видимому самыми покровами. Такъ, на какомъ-нибудь мѣстѣ, обыкновенно гдѣ преж-

де были почки, кожа подымается въ видѣ чашечки, въ которую понемногу собираются элементы яичка, облекаются скорлупою, покрытою щетинкамъ, на концахъ раздвоенными; за тѣмъ кожа лопается и вытѣсненное наружу яичко пристаётъ къ первому по-навшемуся ему предмету.

Прежде нежели мы приступимъ къ объясненію этого новаго вида органическаго метаморфоза, приведемъ, для большей ясности предмета, превращенія, совершающіяся съ морскими слизнякамъ, названными *асцидіями*. «Эти животныя — морскіе слизняки, безъ скорлупы или раковины; многочисленныя ихъ виды могутъ быть раздѣлены на три группы: въ-первой группѣ они живутъ отдѣльно и тогда называются *простыми асцидіями*, во-второй соединяются другъ съ другомъ слабыми удлиненіями, похожими на разстпаяющіеся корни, и тогда получаютъ названіе — *асцидій общежительныхъ* (*ascidies sociales*); наконецъ къ-третьему классу принадлежатъ недѣлимыя въ видѣ общей массы, состоящей изъ тѣсно связанныхъ другъ-съ-другомъ частей; такое расположеніе ихъ по справедливости названо *сложными асцидіями* (*ascidies composées*). Первые обыкновенно представляются въ видѣ неправильныхъ зернистыхъ массъ, приставшихъ къ тѣламъ, лежащимъ на днѣ морскомъ; вторыя почти всегда висятъ на сводахъ голыхъ скалъ, подобно хрустальнымъ жирандолямъ; третьи устпаяютъ иногда цѣлыя скалы, камни и поросты. Общая ихъ масса обыкновенно представляется въ видѣ полупрозрачной студени, цвѣтомъ болѣе или менѣе розовой, зеленой или бурой; каждая колонія рисуется то неправильными гирляндами, то фигурами какъ-бы проведенными циркулемъ. Въ сущности организація всѣхъ асцидій одинакова. Каждая изъ нихъ имѣетъ весьма простую нервную систему, весьма несовершенное кровообращеніе, болѣе или менѣе извитый, пищеварительный каналъ и, у большей части изъ нихъ, эти составныя части можно разсматривать помощію простаго увеличительнаго стекла безъ разсѣченія скальпелемъ, потому что покровы ихъ чрезвычайно прозрачны. Какъ-скоро сложныя асцидіи снесутъ яичко, то оно быстро организуется, представляя тѣ явленія, которыя мы описали въ началѣ этого сочиненія. Оно, также какъ у гермелъ и шашеня, измѣняется цѣлкомъ въ гусеницу, которая при овальномъ тѣлѣ имѣетъ длинный хвостъ, и потому съ вида походитъ на головастика. Не имѣя еще ни одного органа во внутренности, она состоитъ вся изъ темно желтой однообразной массы, одѣтой довольно толстыми покровами, въ которой потомъ развиваются раз-

личные органы. Часть этой массы продолжается въ хвостъ, три другія части, лежащія спереди, дѣйствуютъ подобно присасывающимъ рожкамъ (*ventouse*), помощью которыхъ онѣ пристають къ тѣламъ, лежащимъ въ водѣ. Вылупившаяся асцидія плаваетъ быстро, но скоро дѣятельность ея слабѣетъ. По истеченіи же нѣсколькихъ часовъ, она пристаётъ къ какому-нибудь предмету, лежащему въ водѣ; всѣ удлиненія стягиваются къ центру личинки, хвостъ увядаетъ и отпадаетъ, мѣстами появляются признаки организаціи; послѣдовательно усматриваются органы пищеваренія, сердце и т. п., а на третій день приходятъ въ дѣйствіе важнѣйшіе органическіе аппараты. Въ это же время покровы личинки расширяются и натягиваются. Впослѣдствіи она дѣлается общою маткою (*gangue*) будущей колоніи. На тѣлѣ до того одинокого животнаго появляются настоящія почки, пробивающія себѣ путь черезъ эту матку кнаружи, всегда въ одинаковомъ порядкѣ для каждаго рода; такимъ образомъ вскорѣ, вмѣсто одной асцидіи, является цѣлая группа сложныхъ асцидій, изъ коихъ каждая въ свое время будетъ нести яички.

Итакъ мы видимъ въ асцидіяхъ примѣръ органическаго метаморфоза, при которомъ зародышъ, вылупившись изъ яичка, превращается въ личинку, свободную, удобоподвижную, слѣдовательно высшей организаціи, сравнительно съ первообразомъ; потомъ эта личинка процессомъ нисходящаго развитія обращается въ новое недѣлимое, размножающееся почками до тѣхъ поръ, пока оно наконецъ уподобившись первообразу своему воспроизводитъ свою породу снесеніемъ яичекъ. Подобное явленіе замѣчается и въ органическомъ метаморфозѣ морскихъ слизняковъ, называемыхъ *сальмами*. Эти животныя, привлекающія вниманіе путешественниковъ фосфорическимъ свѣтомъ, который они сообщаютъ волнамъ тропическаго океана, имѣютъ такой странный видъ, что довольно затруднительно дать объ нихъ вѣрное понятіе. Ихъ можно представить себѣ въ видѣ неправильнаго цилиндра изъ совершенно прозрачнаго стекла; въ серединѣ этого цилиндра какъ-бы повѣшена пропорціонально маленькая масса прозрачной ярко-окрашенной матеріи, называемой ядромъ, которое состоитъ изъ соединенія главнѣйшихъ внутренностей животнаго; самый цилиндръ есть нечто иное, какъ плащъ обыкновенныхъ слизняковъ; на обонхъ концахъ его находится по отверстію. Необходимая для дыханія ихъ вода проходитъ въ одно отверстіе и выходитъ въ другое сокращеніями плаща, но какъ вода выходитъ съ нѣкоторою силою, то проталкиваетъ животное

въ противоположную сторону; такимъ образомъ оно плаваешь помощью дыханія. Сальпы представляются въ двойномъ видѣ, одинокими и колоніями, образующими длинныя ленты изъ совершенно однообразныхъ животныхъ; анатомическія изслѣдованія показали, что различіе между сальпами одинокими и цѣпными не ограничивается только одною формою, но распространяется на расположеніе самыхъ внутренностей и самый внѣшній характеръ ихъ. Цѣпныя сальпы животныя двуполыя; онѣ несутъ яички, изъ которыхъ выходятъ сальпы одинокія, существа безполыя и обращающіяся, размноженіемъ чрезъ почки, въ сальпы цѣпныя, воспроизводяція породу свою яичками. Этотъ видъ органическаго метаморфоза, въ которомъ недѣлимое или зародышъ уподобляется своему первообразу не иначе какъ чрезъ поколѣніе, *Шамиссо*, впервые открывшій это явленіе, назвалъ *поочереднымъ рожденіемъ*.

Остановимся на этихъ явленіяхъ, и рассмотримъ въ какой степени возможно подвести ихъ подъ выведенные нами выше законы органическаго метаморфоза. Съ перваго взгляда кажется рѣшительно невозможнымъ согласить между собою тѣ и другія явленія; и дѣйствительно, въ полипахъ, асцидіяхъ, сальпахъ, зародышъ на пути своемъ отъ одной грани органическаго метаморфоза къ другой, помимо претерпѣваемыхъ имъ превращеній, *размножается почками*. Итакъ, невозможность согласить между собою обѣ серіи явленій, заключается именно въ этомъ размноженіи почкою; препятствіе дѣйствительно неодолимое, пока мы будемъ искать тождества тамъ, гдѣ его нѣтъ, пока мы будемъ стараться подвести безполое размноженіе подъ законы размноженія полового, а произведеніе почкою подъ законы произведенія яичкомъ. Заблужденіе состоитъ именно въ томъ мнѣніи, что рожденіе почкою имѣетъ одинаковое значеніе съ рожденіемъ изъ яйца; между тѣмъ какъ яичношеніе — процессъ рѣзко отличающійся отъ рожденія почкою. Первый требуетъ непременно участія двухъ различныхъ системъ органовъ; для втораго достаточно одного недѣлимаго. Всѣмъ формамъ размноженія, почкѣ, луковицѣ, отпрыску, предшествуетъ общая форма — яичко. Въ яичкѣ организуется существенный зачатокъ, зародышъ всѣхъ нисходящихъ поколѣній; въ почкѣ происходитъ размноженіе ячеекъ, а не яичекъ, безпрестаннымъ ихъ приращеніемъ, наращеніемъ, которое совершается по типу того недѣлимаго, въ которомъ развивается почка. Рожденіе яичкомъ упрочиваетъ породу, такъ какъ зародышъ, произведеніе яичка,

претерпѣвши свои превращенія, получаетъ наконецъ способность воспроизвести яичко; рожденіе почкою, производя постоянно недѣлимыя бесполоя, само по себѣ не можетъ упрочить породы, но по истеченіи нѣкотораго времени породѣ необходимо возобновляться посредствомъ яица.

Мы уже сказали, что въ почкѣ происходитъ размноженіе ячеекъ безпрестаннымъ ихъ приращеніемъ; другими словами, явленіе образованія почки въ началѣ есть только *простое нарощеніе*. Если появляется почка, будетъ ли это на наружной поверхности тѣла или на внутренней, въ какой-нибудь полости тѣла, остается ли она на мѣстѣ или отпадаетъ, во всякомъ случаѣ это означаетъ, что жизнедѣятельность организма собираетъ пластическіе матеріалы на одномъ пунктѣ, вмѣсто того, чтобы разсѣять ихъ во всемъ тѣлѣ. Если отрѣзать голову дождеваго червя или хвостъ у ящерицы, то на круглой ранѣ образуется маленькій бугорокъ, настоящая почка, въ которой сначала нѣтъ ни нервовъ, ни костей, ни мышцъ, ни сосудовъ. Этотъ бугорокъ увеличивается и по истеченіи пзвѣстнаго времени въ немъ появляются органическіе элементы, и животное снова получаетъ отсѣченныя части. Въ гидрѣ, разсѣченной на части, каждый кусокъ, прежде измѣненія въ форму цѣлаго животнаго, образуетъ настоящую почку, т. е., *растетъ*. Если наконецъ принять въ соображеніе, что процессъ ращенія можетъ происходить двояко, или чрезъ *увеличеніе объема частей*, или чрезъ *умноженіе этихъ же частей*, то очевидно, что набѣганіе почки и бесполое размноженіе — явленія тождественныя, явленія *рощенія*. Такимъ образомъ, бесполое размноженіе той или другой формы, подъ которою представляется зародышъ на переходѣ своемъ отъ одной грани органическаго метаморфоза къ другой, имѣетъ совершенно одинаковое значеніе съ періодомъ ращенія этого цикла.

Съ этой точки зрѣнія понятно, почему размноженіе бесполое не можетъ быть безпредѣльно. Въ каждомъ животномъ рощеніе имѣетъ заранѣе опредѣленныя границы. Если же набѣганіе почки, размноженіе почкою есть только форма рощенія, то оно должно имѣть и предѣлы, и поэтому не можетъ увѣковѣчить породы. Вслѣдствіе этого необходимо участіе половъ, отъ котораго не исключена ни одна порода животныхъ; но какъ скоро въ этомъ принимаютъ участіе оба пола, то производится яичко, служащее элементомъ размноженія.

Возвращаясь къ описаннымъ нами видамъ органическаго метаморфоза у травяныхъ вшей, поляповъ, асцидій и сальпъ, мы

находимъ между ними рѣзкое по-видимому различіе, въ сущности же весьма незначительное. У полиповъ и асцидій отдѣленіе почекъ происходитъ на *наружной* поверхности тѣла. У травяныхъ вшей почка растетъ на *внутренней* поверхности тѣла, и отпадаетъ въ видѣ луковички въ полость, въ которой подвергается преобразованіямъ, сближающимъ его съ формою недѣлимаго, въ которомъ она образовалась, и выходитъ на свѣтъ въ видѣ живаго дѣтеныша. Подобное же размноженіе находимъ мы и у сальпы.

Мы уже сказали, что однажды образованная почка развивается далѣе, подобно всякому зародышу, уподобляясь тому недѣлимому, отъ котораго она отдѣлилась. Такимъ образомъ, если та форма зародыша, отъ которой отдѣлилась почка, должна подвергнуться различнымъ превращеніямъ, то и почка, развивающаяся по типу этой формы, подвергнется тѣмъ же самымъ превращеніямъ. Поразительнымъ и любопытнымъ примѣромъ этого вида органическаго метаморфоза могутъ служить *медузы*, образующія своими роями иногда цѣлыя косы при морскихъ отмеляхъ.

Эти животныя легко распознаются по зонтику, похожему на шляпку гриба или на колокольчикъ; онъ — то безцвѣтенъ и прозраченъ, то опаловидный, или же яркаго цвѣта, въ видѣ эмали; этотъ зонтикъ есть и тѣло и органъ движенія животнаго. Внутри его скрыты полости пищеваренія и каналъ кругообращенія; ритмическія его сокращенія служатъ для плаванія. Въ центрѣ вогнутой его стороны, гдѣ должны бы находиться ножка гриба или язычокъ колокольчика, помѣщенъ ротъ, почти всегда окруженный отростками. Наконецъ, часто самый край шляпки окаймленъ усами, иногда весьма длинными и сокращающимися; животное употребляетъ ихъ вмѣсто рукъ или нитей для обхватыванія и умерщвленія добычи, которую они же приносятъ ему въ ротъ.

Розовая ушастая медуза (*Medusa aurita*) есть весьма красивый видъ этихъ животныхъ, съ полусферовиднымъ зонтикомъ, имѣющимъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ вершковъ въ діаметръ, розоваго цвѣта, зависящаго отъ сѣти кровеносныхъ сосудовъ; по краямъ же зонтика расположены многочисленныя короткіе щупальцы, цвѣта красноватаго. Ушастая медуза несетъ яйца, переходящія въ личинки: ихъ овальное съ виду, однородное тѣло, покрытое мигательными рѣсничками, имѣетъ спереди небольшое вдавленіе. Первое время онѣ плаваютъ съ быстротою, какъ инфузорія, съ которыми онѣ такъ сходны, что, не разсматривая ближе, можно

принять однихъ за другія. Этотъ первый періодъ жизни медузъ продолжается сорокъ восемь часовъ, послѣ чего движенія ихъ дѣлаются медленнѣе. Молодая гусеница легко устаетъ. Она пристаётъ къ плотнымъ тѣламъ тѣмъ небольшимъ вдавленіемъ, о которомъ мы упомянули выше. Отдѣляющаяся слизь довольно широко облекаетъ ее и плотно прикрѣпляетъ къ тѣлу, служащему опорой личинкѣ; тогда она удлиняется, ножка ея сокращается, свободный конецъ толстѣетъ, принимаетъ видъ бузавы; въ центрѣ этого конца появляется отверстіе, чрезъ которое видна внутренняя полость; по краямъ возвышаются четыре соска, которые увеличиваются и каждый служитъ вмѣсто руки; за ними являются и растутъ другіе. Такимъ образомъ, въ началѣ инфузорія, медуза становится впоследствии полипомъ, котораго Саарсъ описалъ подъ именемъ *Scyphistoma*.

Медузы въ полипномъ состояніи имѣютъ всѣ свойства этой группы. Между прочимъ онѣ размножаются почками и отпрысками (*Stolones*). Почка, то является на одномъ мѣстѣ тѣла и производитъ основное животное, то вытягиваются въ тонкіе стволы, стелющіеся на нѣкоторое разстояніе по грунту; на этомъ стволкѣ вырастаютъ бугорки, превращающіеся въ свою очередь въ *Scyphistoma*, изъ коихъ каждый имѣетъ видъ короткаго конусообразнаго свитка съ широкимъ отверстіемъ, по краямъ котораго находятся отъ 20-ти до 30-ти тонкихъ и подвижныхъ нитей. Каждый изъ вновь появившихся полиповъ можетъ развиваться подобно первому и порождать новыя поколѣнія, все болѣе-и-болѣе расширяющія колонію.

Подъ этимъ видомъ у медузы, прожившей нѣкоторое время, одинъ изъ свитковъ начинаетъ удлиняться втрое и даже вчетверо, превращаясь въ цилиндръ. За тѣмъ появляется близъ вѣнчика щупалець, кругловатое вдавленіе, повторяющееся довольно правильно до самой ножки, на которой уже вдавленій не бываетъ. Отъ этого тѣла полипа опоясывается отъ десяти до четырнадцати кольцами; эти кольца сначала гладки, потомъ нижній ихъ край получаетъ зарубки, и на концѣ усматриваются восемь маленькихъ раздвоенныхъ ремешковъ. Раздѣляющія ихъ бороздки углубляются и доходятъ почти до оси полипа. Въ это время полипъ похожъ на сложенные въ кучу маленькія плоскія тарелочки, съ глубоко-надрѣзанными краями; середина каждой изъ нихъ плотно пристаётъ къ выше и ниже лежащей тарелочкѣ. Такимъ образомъ *Scyphistoma* произвольно разрѣзалась на пласти.

Въ такой степени развитую медузу Саарсъ описалъ, какъ особенный видъ полиповъ, подъ именемъ Strobila; изъ этого описанія видно, что ошибка норвежскаго натуралиста была извинительна.

Хотя въ этомъ періодѣ развитіе еще несовершенно, однакожь части Strobila показываютъ признаки неоспоримой самостоятельности; каждое кольцо двигаетъ отдѣльно нитями бахромы, лежащей на свободномъ ея краѣ, и та только часть сокращается, которую трогаютъ. Остается для того, чтобы каждая часть этого необыкновеннаго животнаго сдѣлалась отдѣльнымъ недѣлимымъ, распастся ему на части, что и происходитъ слѣдующимъ образомъ. Верхняя часть Strobila, имѣющая щупальцы, отдѣляется первою и неизвѣстно, что съ нею происходитъ; за ней то-же дѣлается и съ слѣдующими частями, которыя плаваютъ въ жидкости на подобіе акалефовъ; поэтому ихъ можно назвать медузовыми акалефами, а не аурелиями, и Саарсъ по справедливости сравниваетъ ихъ съ особннымъ видомъ, принадлежащимъ къ другому роду, называемымъ восьми-лучистою эфирой (*Eryuga octoradiata*). Въ это время они не имѣютъ еще ни той формы, ни той организаціи, которую получаютъ въ совершенно развитомъ состояніи; но вскорѣ все недостающее личинкамъ дополняется; въ началѣ плоскія, какъ мы представили ихъ выше, онѣ съ одной стороны выгибаются, съ другой стороны впадаютъ; ясно обозначаются пищевая мѣшокъ и каналы сосудовъ, открывается ротъ и окружается щупальцами (*tentacula*); по краямъ показываются усики, сначала довольно рѣдкіе, но которыхъ число потомъ увеличивается; образуются половые органы, у однихъ мужескіе, у другихъ женскіе, и отправленіе ихъ восстанавливается. Наконецъ вмѣсто одной инфузоріи, вмѣсто *Scyphistoma*, вмѣсто болѣе или менѣе раздѣленнаго Strobila, или вмѣсто роя эфиръ, представляется множество аурелий, изъ коихъ каждая подобна тѣмъ, которыя снесли одно яичко, и сами могутъ размножаться только этимъ путемъ.

Метаморфозъ, происходящій въ медузахъ, представляетъ два новыхъ факта, а именно: нарощеніе органической матеріи посредствомъ почекъ имѣеть, *последовательно*, вліяніе и на самое размноженіе породы, потому что каждое снесенное медузою яичко производитъ не одну аурелию, но весьма много недѣлимыхъ. Во-вторыхъ, такое зарожденіе производится посредственно, потому что между двумя поколѣніями аурелий является иѣ-

сколько поколѣній различныхъ животныхъ, размножающихся по-мощію почекъ. Короче сказать: здѣсь происходитъ зарожде-ние весьма *многихъ генерацій отъ одною ростка*, что Катрфажъ вы-ражаетъ названіемъ — *geneogenesis* — *родопрозрожденіемъ*.

Остается разсмотрѣть превращенія, происходяція въ классѣ глистовъ и связанный съ ними вопросъ о *произвольномъ зарожде-ніи*. Подъ названіемъ глистовъ до-сихъ-поръ разумѣли чер-вей, скрывающихся внутри тѣла другихъ животныхъ. Всѣ эти животныя питаются и даже дышутъ на счетъ животнаго, въ которомъ обитаютъ, и которое по индивидуальности своей со-ставляетъ для нихъ свой особенный міръ. Вслѣдствіе этой ин-дивидуальности глисты должны распредѣляться сообразно ихъ натурѣ и не могутъ жить безъ различія во всѣхъ животныхъ. Всякій родъ животнаго питаетъ ему лишь свойственную глисту. Спрашивается откуда происходятъ эти загадочныя животныя, иногда миріадами наполняющія внутренности, кишки, печень, мышечную ткань, проникающія въ мозгъ, въ полость глазнаго яблока. На этотъ вопросъ, разрѣшенный только въ новѣйшее время, наука отвѣчала предположеніемъ *произвольнаго зарожде-нія (generatio aequivoca seu spontanea)*, пока *Бенеденъ и Стенстронъ* не показали, что эти внутреннія чужеядныя имѣютъ родите-лями существа, живущія внѣ тѣла, и подвергаются своего рода превращеніямъ. Разсмотримъ, для примѣра, органической мета-морфозъ трематодъ, ленточныхъ и пузырчатыхъ глистовъ.

Трематоды похожи на маленькихъ, плоскихъ пѣявокъ, снаб-женныхъ однимъ или нѣсколькими присосками и водящихся внутри нѣкоторыхъ ракушекъ прѣсныхъ водъ. Въ тѣлѣ этихъ животныхъ усматривается множество ячеекъ съ желтками, ко-торыя, претерпѣвши первыя измѣненія, превращаются въ личинки съ мигательными рѣсничками. Сбросивъ оболочку, личинка плаваетъ нѣкоторое время свободно, пока не попадетъ въ тѣло какой-нибудь ракушки; она въ немъ утверждается, разлагается и оставляетъ послѣ себя весьма малое янцевидное тѣло, до того времени прозябавшее въ немъ. Это тѣло — *безполое* животное, которое растетъ, удлинняется и получаетъ назадъ два боковыхъ придатка. Такимъ образомъ происходитъ *Sporocysta Bacri*, въ которомъ ясно можно видѣть пищеварительные органы, мышеч-ный пищепріемникъ, извилистыя кишки, движенія ползанія. Оно размножается внутреннею почкою, которая отпадаетъ въ общую внутреннюю полость; тамъ почки растутъ, развиваются и пре-

вращаются частью въ такіе же недѣлимые Sporocysta, частью въ новое животное, *Cercaria*.

Церкарии, *безполыя* животныя, похожія на головастиковъ, имѣютъ овальное тѣло, снабженное длиннымъ хвостомъ для плаванія. Организация ихъ сложнѣе и совершеннѣе; къ пищеприемному каналу прибавляются отдѣлительные органы, крючки и т. п. Развившись церкарии разрываютъ матку Sporocysta, въ которой родились, расщиваются въ водѣ, и живутъ подобно инфузоріямъ, пока не наступитъ для нихъ періодъ превращенія; тогда онѣ присасываются къ нѣкоторымъ ракушкамъ, проходятъ въ ихъ внутренность, теряютъ хвостъ и облекаются особеннымъ мѣшкомъ, въ которомъ совершается превращеніе ихъ въ двулобое животное новую глисту, *Distoma* размножающуюся уже посредствомъ ичечекъ, изъ которыхъ вылупляются зародыши въ видѣ *трематодъ*.

Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя насѣкомыя въ состояніи личпочекъ живутъ въ землѣ или въ водѣ, за тѣмъ, когда послѣдовательными превращеніями они доходятъ до совершенныхъ животныхъ, то обитаютъ въ воздухѣ; слѣдовательно, эти насѣкомыя перемѣняютъ среду сообразно періоду своего развитія. То же самое замѣчаемъ у трематодъ, съ тою разницею, что среды или міры, чрезъ которыя проходитъ глуста, чтобы находиться въ условіяхъ сообразныхъ степени ея развитія, составляютъ различныя породы животныхъ, такъ, что она переходитъ изъ одного въ другое, всего чаще столь же простымъ, какъ и неожиданнымъ способомъ.

Чужеродное животное подвергается одной участи съ тѣмъ животнымъ, которое его носитъ; такъ напримѣръ, если животное, имѣющее въ себѣ глисту, достанется въ пищу другому, то и эта глуста перемѣщается въ новое животное, и, смотря по тому, соотвѣтствуетъ ли новое жилище ея натурѣ или не соотвѣтствуетъ, она или умираетъ и переваривается, или же не уступаетъ растворяющему дѣйствію орошающихъ ее влагъ, и переходитъ въ новый періодъ своего развитія. Положимъ, напримѣръ, что яичко *Distoma* упало на листь какого-нибудь водянаго растенія, которое съѣла ракушка *Limnea* или *Paludina*; яичко развивается въ этой ракушкѣ и зарождаетъ личинку съ рѣсничками, изъ которой образуется *Sporocysta*, производящій церкарии. Эти церкарии сначала плаваютъ около зародившаго ихъ животнаго; когда же наступаетъ имъ время для превраще-

на, то тѣ изъ нихъ, которыя пристанутъ къ камнямъ, листьямъ и т. п. скоро погибаютъ; напротивъ, личинки встрѣтившія насѣкомыхъ или ракушекъ, соответствующихъ ихъ натурѣ, прокалываютъ ихъ покровы и помѣщаютъ тамъ свои куколки въ приличные для развитія условія; здѣсь онѣ остаются до тѣхъ-поръ, пока временной хозяйки не будетъ проглочена лягушкою или болотною птицею, въ которыхъ молодые *Distoma* достигаютъ совершеннаго и полнаго своего развитія. Такие необыкновенные переходы, встрѣчаются также у ленточныхъ и пузырчатыхъ глистовъ, что было доказано непосредственными опытами, показавшими, что эти глисты мочитавиыя доселѣ за двѣ отдѣльныя группы, составляютъ только одну группу, и что пузырчатые глисты нечто иное, какъ низшая степень развитія ленточныхъ глистовъ. Теперь, благодаря трудамъ фонъ-Беседена и Кюхенмейстера, мы имѣемъ общую исторію развитія и переходовъ всѣхъ этихъ животныхъ; по мнѣнію бельгійскаго естествоиспытателя, всякое яичко ленточной глисты зарождаетъ однообразную массу, съ виду нѣсколько похожую на животное, но на которомъ можно лишь замѣтить шесть крючкѣвъ, или, вѣрнѣе говоря, шесть весьма острыхъ иголокъ, расположенныхъ въ три группы. Двѣ среднія иголки, соединяясь, имѣютъ видъ ланцета, которымъ животное прокалываетъ встрѣчающіяся нити ткани; двѣ боковыя пары, упираясь въ произведенное такимъ образомъ отверстіе, спускаются назадъ и проталкиваютъ зародыши впередъ, на подобіе того, какъ располагаетъ руки человѣкъ, желающій пролѣзти чрезъ узкое отверстіе. Такимъ образомъ молодая глеста просовывается впередъ единственно инстинктивнымъ побужденіемъ. Большее число чужеземныхъ животныхъ на этомъ пути погибаетъ; достигнувшія же приличнаго нтъ органа, превращаются въ пузырекъ, на которомъ образуются головки ленточной глисты. Если животное, въ которомъ все это происходило, будетъ съѣдено другимъ, то пузырекъ пропадетъ, остаются лишь головки плоской глисты и сзади каждой изъ нихъ образуется настоящая ленточная глеста. Сначала эти глисты гладки, за тѣмъ края ихъ надрѣзываются; каждый такой надрѣзъ въ сущности есть особенное животное, имѣющее оба половые органа. Какъ скоро надрѣзъ достаточно разовьется и половой органъ положитъ оплодотворенныя яичками, то онъ отдѣляется, выходитъ наружу и умираетъ. Милліоны яичекъ, заключившихся въ немъ уносятся вѣтромъ, смѣшиваются съ пылью и разсѣиваются повсюду; большая часть изъ нихъ погибаетъ, и

только весьма немногія проглатываются какимъ-нибудь животнымъ, котораго организація способна къ ихъ развитію; тогда каждое изъ такихъ яичекъ становится началомъ новаго цикла измѣненій и переходовъ.

Многіе опыты подтвердили предположенія луванскаго ученаго. Для примѣра возьмемъ мозговую глисту (*Coenurus cerebralis*). Съ давнихъ поръ уже замѣтили въ существѣ мозга барановъ эту глисту, куда, Богъ знаетъ какъ, она попадала и развивалась. Присутствіе этого безпокойнаго гостя причиняетъ у овецъ болѣзнь круженія. *Coenurus* подобенъ полупрозрачному, величиною въ яйцо, пузырьку, наполненному жидкостію; на поверхности этого пузырька находятся головки, совершенно похожія на головки ленточной глисты, которыя соединяются общими покровами съ мѣшкомъ. У нихъ, какъ у всѣхъ видовъ этого порядка, нѣтъ и слѣдовъ половыхъ органовъ. Какъ же размножаются эти глисты? Этотъ вопросъ разрѣшилъ Кюхенмейстеръ. Онъ давалъ собакамъ ѣсть *Coenurus* овцы, послѣ чего въ кишкахъ ея нашелъ ленточную глисту, которая по словамъ автора, должна бы быть принадлежностію волка. За тѣмъ, когда эта глуста совершенно развилась, изслѣдователь давалъ съѣдать баранамъ тѣ ея надрѣзки, въ которыхъ яички показывали зародыша съ шестью крючками; по истеченіи нѣсколькихъ дней, эти бараны были поражены круженіемъ. Въ этомъ состояніи ихъ убили, вскрыли черепъ, и нашли въ мозгѣ пузырьчатую глисту въ различныхъ періодахъ развитія. Такимъ образомъ Кюхенмейстеръ разводилъ, то ленточныхъ глистовъ у собакъ, давая имъ пузырьчатую глисту, то пузырьчатыхъ глистовъ у барановъ, давая имъ ѣсть зрѣлыя отрѣзки ленточной глисты.

Мы заключимъ этимъ интереснымъ наблюденіемъ обзоръ сочиненія Катрфажа, который оканчиваетъ свой трудъ краткимъ разборомъ отношеній между царствомъ животныхъ и растеній; разборомъ, имѣющимъ для читателя интересъ второстепенный. Разставаясь съ этою книгою замѣтимъ еще, что она отличается и довольно изящною наружностію, и что переводъ написанъ большею частію языкомъ довольно чистымъ и развязнымъ.

Очерки главнѣйшихъ публичныхъ лечебныхъ заведеній С. ПЕТЕРБУРГА и МОСКВЫ. *Д-ра Залѣскаго*. Казань. 1859. in-8., стр. 241.

Доктору Залѣскому пришла мысль совершить путешествіе по больничнымъ заведеніямъ Петербурга и Москвы и онъ остался

доволенъ результатомъ своей мысли; потомъ доктору Загѣскому пришла мысль напечатать описаніе своего путешествія въ Ученыхъ Запискахъ (1-я книжка за 1859 годъ) и, наконецъ, перепечатать это описаніе отдѣльною брошюрою, и читатель недоволенъ этою мыслью. Брошюра написана для русскихъ врачей, но принесетъ ли она кому-нибудь пользу? Если бы любознательный путешественникъ вмѣсто поверхностнаго обзора нѣсколькихъ десятковъ заведеній ограничился подробнымъ описаніемъ хотя одного изъ нихъ; если бы онъ изложилъ со всею возможною подробностію архитектурное расположеніе зданія, размѣщеніе въ немъ больныхъ, правила больничной діететики, господствующіе въ заведеніи методы лѣченія; если бы ко всему этому онъ присоединилъ критическое изслѣдованіе худыхъ и хорошихъ сторонъ установленнаго въ заведеніи порядка вещей, тогда онъ заслужилъ бы благодарность врачей, потому что трудъ его оказалъ бы по-крайней-мѣрѣ мѣстную пользу. Если бы, наконецъ, докторъ Загѣскій представилъ подобное описаніе и прочихъ больничныхъ заведеній Петербурга и Москвы, то сочиненіе его составило бы эпоху въ исторіи отечественной медицины. Вмѣсто всего этого, путешественникъ сообщаетъ самыя бѣглыя, безсвязныя замѣчанія о посѣщенныхъ имъ заведеніяхъ. Въ одномъ онъ обращаетъ вниманіе на какія-нибудь архитектурныя особенности; въ другомъ онъ касается кое-какъ принятыхъ способовъ лѣченія, и тутъ замѣчанія его отзываются чѣмъ-то археологическимъ; наконецъ, въ нѣкоторыхъ онъ обращаетъ вниманіе на содержаніе больныхъ и судить объ этомъ по пробнымъ порціямъ, доставленнымъ прямо съ кухонной плиты по приказанію дежурнаго ординатора, какъ будто бы пробныя порціи могутъ быть когда-нибудь худы; на то онъ и пробныя, чтобы всегда быть хорошими. Докторъ Загѣскій сообщаетъ мѣстами и статистическія данныя, но если даже статистическія свѣдѣнія изъ официальныхъ источниковъ принимаются съ нѣкоторою недовѣрчивостію, то, разумѣется, невозможно придать нимагійшей цѣны голословнымъ даннымъ, хотя бы даже они были сообщены превосходительными устами. Придерживаясь правила, что нѣтъ такой книги на свѣтѣ, въ которой не нашлось бы хотя частицы хорошаго и полезнаго, мы вмѣнили себѣ въ обязанность отыскать эти золотыя песчинки и въ сочиненіи г. Загѣскаго, нашли ихъ и охотно подѣлимся ими съ читателями. Такъ, съ чувствомъ истиннаго, сердечнаго удовольствія прочитали мы сообщаемое авторомъ извѣстіе (стр. 2) о недоступности москов-

скихъ благотворительныхъ заведеній, и, признаемся, насъ удивляетъ неудовольствіе автора по этому поводу. Мы видимъ въ этой недоступности самоознаніе собственнаго достоинства; мы видимъ въ ней послѣднія геройскія усилія отстоять самостоятельность ученой касты противъ всеуравнивающаго напыля цивилизаціи; вопросъ лишь въ томъ:

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ.

Кичливый.....

Другое замѣчаніе автора, относящееся преимущественно къ Петербургу, доставило намъ также особенное удовольствіе. По отзыву д-ра Загѣскаго больничныя и благотворительныя заведенія въ Россіи «имѣють неоспоримое преимущество предъ такими же заведеніями въ другихъ государствахъ, какъ въ отношеніи богатства своихъ денежныхъ средствъ, такъ и, въ-особенности, въ отношеніи обширности и *красивости помѣщенія, отлично-заведеннаго вышнему порядку и наружнаго блеска.*» Да, дѣйствительно, положивъ руку на сердце, мы можемъ съ гордостію сказать, что у насъ кулисы превосходны.

Гвоздическія картины Бкригарда Котты, профессора Фрейбергской горной академіи. Переведены и изданы подъ редакціею П. Пузыревскаго. Съ 167 въ текстѣ напечатанными рисунками. Санктпетербургъ. 1859, in 8-vo. IV и 267 стр.

Яркая обертка, хорошая бумага, прекрасная, убористая печать, красивые политипажы, все располагаетъ сказать доброе слово объ изданіи. Но что сказать о самой книгѣ? Не смотря на хорошую обстановку, припомнимъ афоризмъ, который говоритъ, что встрѣчаютъ по платью, а по уму провожаютъ, п—обратимся къ критическому разбору. Судя по заглавію—а вѣдь хорошее, мѣткое заглавіе чрезвычайно важно для книги; волей или неволей, оно предъуготовляетъ умъ читателя смотрѣть на книгу съ извѣстной точки зрѣнія; фактъ достовѣрный, на который не мѣшало бы гг. сочинителямъ почаще обращать вниманіе — итакъ, судя по заглавію, мы ожидали, что авторъ, знатокъ своего дѣла, поведетъ насъ, рука объ руку, къ святилищу науки свѣтлою, широкою, гладкою дорогою, какою-нибудь красною аллеею съ открывающимися по сторонамъ перспективами, сходящимися у дѣла предпринятаго нами и авторомъ путешествія; мы ожидали, что авторъ устравитъ съ дороги все, что могло бы сколько-нибудь утомить вниманіе наше и, напротивъ того, живую теплою рѣчью, приуготовитъ насъ къ вступленію въ храмъ науки; что

вступивъ туда, онъ подниметь завѣсу, — и потянутся предъ нами въ стройной связи величественныя картины минувшей и настоящей дѣятельности нашей планеты. Но прочитавши книгу, мы съ грустію убѣдились, что всѣ наши предположенія, ожиданія, были только *ria desideria*, и что геологическія картины только потому могутъ быть названы картинами, что дѣйствительно украшены золотинажами и картинками. Съ какою же цѣлью издалъ авторъ свое сочиненіе? Что за цѣль была у г-на переводчика, перевести трудъ г-на Котта? Вопросы, не рекомендующіе книгу, но которые невольно приходятъ на умъ, по прочтеніи геологическихъ картинъ. Предложивъ себѣ первый вопросъ, мы вспомнили, что въ книгѣ есть предисловіе автора, бросились туда, и нашли тамъ на диковину, чисто геологическую. Въ предисловіи своемъ авторъ считаетъ долгомъ замѣтить, что картины эти «*omni modo* не достаточны для того, чтобы, прочитавъ ихъ, сдѣлаться совершеннымъ геологомъ, ученымъ вполнѣ готовымъ по этой части.» Оговорка напрасная, потому что, прочитавъ заглавіе, никому не могло бы придти на мысль, искать въ книгѣ какой-нибудь ученый трактатъ или пространное руководство. Да и дѣло не въ этой оговоркѣ, а въ томъ, что по собственнымъ словамъ автора картины его *не могутъ имѣть притязаній на научную основательность!* Да, помилуйте, г-нъ Бергардъ Котта, подумали-ли вы о томъ, что говорите, и говорите печатно? Какъ же вы, профессоръ своей науки, могли позволить себѣ или пріятелю вашему, при помощи заманчиваго заглавія навязать образованному обществу свое сочиненіе, у котораго вы сами, съ истинно доводиловою, геологическою наивностію, отрицаете даже притязанія на научную основательность? Вѣдь это значитъ обращаться съ публикою изъ рукъ вонъ безцеремонно. Какъ же можно такъ мало дорожить достоинствомъ науки, чтобы выступить на судъ публики съ книгою, которой научную несостоятельность вы сами признаете, потому только, что того пожелаъ, въ видахъ личнаго интереса, издатель иѣмецкой иллюстраціи, украсившейся вашими геологическими картинами. Или нельзя было заранѣе предвидѣть, что очерки ваши, хорошіе на столбцахъ иллюстраціи, могутъ оказаться весьма неудовлетворительными въ видѣ отдѣльнаго сочиненія? Но вы замѣчаете въ предисловіи вашемъ, что *цѣль, для которой начертаны картины и составлены, несколько другая.* Что за таинственность такая? Сжальтесь надъ нами, г-нъ Котта, и разрѣшите эту геологическую задачу! Но профессоръ не внимаетъ просьбамъ критика, и загадка остается загадкою. Мы, по-

мнится, предложили также вопросъ и г-ну переводчику. Дѣйствительно, мы до-сихъ-поръ не понимаемъ, какъ могъ переводчикъ не остановиться, и не бросить пера своего, дошедши до того мѣста, гдѣ самъ авторъ признаетъ научную неосновательность своего сочиненія. Если трудъ механической одинаковъ, — переводить ли хорошую книгу или плохую, то что за необходимость была переводить сочиненіе Котты, когда этотъ же Котта, въ собственномъ предисловіи своемъ, говоритъ объ отличномъ сочиненіи Бурмейстера, явившемся также подъ названіемъ геологическихъ картинъ? Да и мало ли вообще, на нѣмецкомъ языкѣ и французскомъ, сочиненій, излагающихъ начала любой науки общепонятнымъ разговорнымъ языкомъ? Затрудненіе состояло бы только въ выборѣ.

Не смотря на молчаніе автора, мы вправѣ однакожь предположить, основываясь на избранномъ для сочиненія заглавіи и на первоначальномъ помѣщеніи этихъ картинъ въ иллюстраціи, что цѣлью автора было общепонятное изложеніе началъ науки, геологіи, доступное разумѣнію всякаго образованнаго человѣка. Но трудъ, предпринятый авторомъ, оказался не по-силамъ его. Для общепонятнаго изложенія науки недостаточно знанія дѣла, необходимо сверхъ того умѣнье передать свое знаніе, поставивъ себя съ самаго начала въ уровень съ приуготовительными не спеціальными свѣдѣніями неопита. Истины науки должны передаваться постепенно, въ послѣдовательной связи между собою, по мѣрѣ того, какъ умъ читателя приуготовленъ къ воспріятію ихъ; и термины, камень преткновенія, объ который при малѣйшей неосмотрительности руководителя разбивается терпѣніе читателя, должны быть употребляемы только по мѣрѣ крайней необходимости, съ общедоступнымъ объясненіемъ. Всѣ эти существенныя условія популярнаго изложенія науки совершенно упущены авторомъ изъ вида. Въ *первой* же главѣ, излагающей происхожденіе земной коры, авторъ говоритъ о гранитѣ, порфирѣ, діоритѣ, базальтѣ, гнейсѣ, роговообманковомъ сланцѣ, о вулканическихъ, плутоническихъ и даже диковинныхъ *полуплутоническихъ* породахъ (стр. 6). Положимъ, что читатель, полный рвенія, не испугается этого приступа и захочетъ отыскать объясненіе этимъ терминамъ въ слѣдующихъ главахъ. Разумѣется, что руководствуясь оглавленіемъ, онъ обратится къ пятой главѣ, говорящей объ горныхъ породахъ; напрасныя ожиданія; на стр. 135 и 136 онъ найдетъ объясненіе только граниту, сіениту, діориту, диабазу, зеленымъ камнямъ, порфиру, слюдистому порфиру, трахиту и гней-

су. Но тутъ же говорится объ мелафирѣ, лабрадорѣ, оливинѣ, пироксенѣ, и т. п., и читатель приходитъ въ новое недоумѣніе. Вы, можетъ-быть, скажете, что это термины минералогическіе и что авторъ употребляетъ ихъ, предполагая въ читателѣ знаніе минералогіи. Но къ чему же дѣлать такія предположенія, какъ скоро всѣ эти термины совершенно излишни даже для ближайшаго знакомства съ геологіею? Давши своевременно понятіе о какихъ-нибудь двухъ десяткахъ горныхъ породъ, авторъ могъ бы выкинуть сотню терминовъ, составляющихъ только излишній балластъ, не поясняющій, но загромождающій дѣло. Точно также нелогично поступаетъ авторъ и съ чисто геологическими терминами, которые онъ употребляетъ, предоставляя себѣ объяснять ихъ, по произволу, уже въ послѣдствіи времени. Сочиненію Котты недостаетъ внутренней органической связи. Пробѣгая десять главъ, или картинъ, на которыя распадается книга, невольно припоминаешь рецептъ, по которому писались и пишутся французскіе водевили и драмы; придетъ иному благая мысль, соберется честная компанія; акты, явленія раздаются по рукамъ; каждый обрабатываетъ выпавшую на долю его тему; потомъ все это собирается, сшивается или сколачивается вмѣстѣ, окрещивается и пускается въ свѣтъ. Упаси насъ Богъ оспаривать у г. Котты оригинальность его сочиненія, но, повторяемъ, таковы геологическія картины его, что мы невольно вспомнили о рецептѣ французскихъ водевилей.

Мы уже сказали, что первая глава говоритъ о происхожденіи земной коры; авторъ прямо обращается къ гипотезѣ о первоначальномъ расплавленномъ состояніи земнаго шара, не принимая труда приуготовить къ ней умъ читателя подробнымъ изложеніемъ тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ она представляется самымъ естественнымъ умозаключеніемъ. Упомянувъ вкратцѣ объ образованіи *полутоническихъ* породъ вслѣдствіе растрескиванія земной коры отъ сжатія ея и *колебаній, производимыхъ притяженіемъ луны и солнца*, авторъ сыплетъ непонятными читателю терминами. Замѣтимъ кстати, что на стр. 7 въ текстѣ говорится о *сламцеватыхъ*, а въ приложенномъ политипажѣ о *слоистыхъ* породахъ. *Вторая* глава, о вулканахъ, стр. 12—37, читается легко и съ удовольствіемъ, изложеніе картинно и полно, и слогъ переводчика поднимается въ уровень съ достоинствомъ текста, не затемненнаго излишними терминами. Мы не можемъ, однакожь, не обратить вниманія на одно странное обстоятельство, до котораго, разумѣется, нѣтъ никакого дѣла автору. На

первой же страницѣ этой главы, на политипажѣ, объясняющемъ идеальный профиль вулкана, выставлены нѣмецкіе термины: Krater, Kraterschlund, ein Lavastrom, а въ легендѣ, подъ политипажемъ, эти слова повторены съ приложеніемъ къ нимъ русскаго перевода: *Krater* — кратеръ. *Kraterschlund* — каналъ кратера. *Lavastrom* — потокъ лавы. Почему бы, казалось, не выставить на политипажѣ русскіе термины, отбросивъ совершенно нѣмецкіе. Мы не обратили бы вниманія на эту странность, если бы это была случайность, но въ третьей главѣ и слѣдующихъ эта странность повторяется на большей части политипажей. Этого мало. На многихъ политипажяхъ, даже существенно необходимыхъ для поясненія текста, напр., на политипажѣ, изображающемъ идеальный разрѣзъ части земной коры, приведены одни нѣмецкія наименованія, безъ приложенія къ нимъ русскаго перевода. Сомнительно, чтобы г-нъ переводчикъ могъ дать удовлетворительное объясненіе такимъ важнымъ недосмотрамъ. Третья глава, стр. 38—67, въ которой авторъ рассматриваетъ геологическія дѣйствія воды, уже менѣе удовлетворительна, менѣе картинна; вдаваясь въ подробности, авторъ упускаетъ изъ виду характеризовать величественную картину круговращенія влажности на земномъ шарѣ. При описаніи трехъ видовъ образованія источниковъ, авторъ не даетъ намъ общаго обзора ихъ; онъ упоминаетъ только вскользь о минеральныхъ источникахъ; не останавливается, какъ бы слѣдовало, на старомъ, уже Плиніемъ высказанномъ законѣ: *Tales sunt aquae, quales sunt terrae, per quas fiunt*; онъ вовсе не упоминаетъ о періодичности нѣкоторыхъ источниковъ, о перемежающихся источникахъ; объ источникахъ, поднимающихся со дна моря; о явленіяхъ, соответствующихъ морскому приливу и отливу, замѣчаемыхъ въ нѣкоторыхъ источникахъ. Объ артезіанскихъ колодцахъ упоминается только въ одной строчкѣ. Но самый важный пробѣлъ заключается въ томъ, что авторъ *вовсе не упоминаетъ* объ озерахъ, съ которыми связано столько важныхъ геологическихъ вопросовъ; такимъ образомъ громадная по обширности своей углубленія земной поверхности (степь Сахары, продолжающаяся съ незначительными перерывами чрезъ Аравію и персидскія соляныя пространства до плоскихъ возвышенностей Мавры и Гоби; и система озеръ, начинающаяся Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ и простирающаяся чрезъ киргизскія степи и замѣдную Сибирь до ледовитаго океана, а другою вѣтвю до Байкала), пдунція почти параллельно одно другому, оставлены авторомъ безъ вниманія;

значеніе соляныхъ озеръ; причина, ужъ конечно не случайная, необыкновеннаго распространенія озеръ въ однихъ полосахъ планеты, и отсутствіе ихъ въ другихъ; рѣшительное преобладаніе ихъ въ сѣверномъ полушаріи; одинаковое почти возвышеніе горныхъ альпійскихъ озеръ (Боденское, Женевское, Нейбургское, и озера южнаго склона альповъ въ Италіи) надъ поверхностію моря; существованіе большихъ подземныхъ прѣсныхъ озеръ (такъ, напр., не подлежитъ сомнѣнію, что Лондонъ съ его окрестностями разположенъ надъ громаднымъ прѣснымъ озеромъ); всѣ эти вопросы и явленія, въ высшей степени занимательныя, совершенно упущены авторомъ изъ вида.

Другой пробѣлъ состоитъ въ томъ, что авторъ коснувшись моря посвящаетъ ему только двѣ страницы; все, что авторъ находитъ нужнымъ сказать объ немъ, ограничивается тѣмъ, что оно оказываетъ разрушающее вліяніе на берега свои. Но содержаніе соли въ морской водѣ и значеніе этой составной части; морскія теченія; постоянное, съ незапамятныхъ временъ продолжающееся поднятіе береговъ Швеціи и Финляндіи, подтверждающее по-видимому преданіе о томъ, что ботнический заливъ нѣкогда соединялся съ ледовитымъ океаномъ посредствомъ озера Енара, а финляндскій заливъ съ Бѣлымъ-моремъ системою озеръ ладожскаго, олонцакаго, Сего и Выго; открытія, сдѣланныя относительно очертанія морскаго дна (открытіе, напр., плоской возвышенности между Великобританіею и Нью-Фундендомъ въ Америкѣ); все это оставлено авторомъ безъ вниманія. Ни однимъ словомъ не упоминаетъ онъ о вліяніи океаническихъ силъ на очертаніе матерой земли въ до-историческія времена. Пирамидальное протяженіе Африки, Австраліи и Америки къ югу, повторяющееся на южномъ берегу Европы (полуострова иберійскій, италіанскій и гелленическій) и на южномъ берегу Азіи (полуострова: арабскій, индостанскій и малакскій); параллельное направленіе береговъ стараго и новаго свѣта къ сѣверу отъ 10 градуса южной широты; выпуклость Бразиліи на одной широтѣ съ гвинейскимъ заливомъ и выпуклость Африки въ одной широтѣ съ мексиканскимъ заливомъ, — данныя, говорящая въ пользу предположенія, что атлантическій океанъ выполняетъ собою долину, образовавшуюся въ слѣдствіе напора волнъ въ до-историческіе періоды; эти геологическіе вопросы, позные интереса для всякаго образованнаго человѣка, оставлены, разумѣется, также безъ малѣйшаго вниманія. Въ *цетвертой* главѣ, стр. 59 — 92, Котта рпеуетъ до-

вольно ясно и подробно картину глетчеровъ или ледниковъ; но описывая ихъ положеніе и значеніе въ настоящее время, онъ только мелькомъ намѣкаетъ о важности ихъ значенія въ до-историческія времена. Пускаясь въ подробное описаніе альпійскихъ ледниковъ, Котта не рисуетъ намъ картины тѣхъ ужасающихъ воображеніе глетчеровъ, имѣющихъ и въ настоящее время обще-планетарное значеніе; мы разумѣемъ громаднѣйшіе, по протяженію ихъ, ледники Гренландіи и другихъ земель, окружающихъ внутренній полярный океанъ; льды этихъ глетчеровъ, спускающихся въ самое море, запружаютъ собою Ледовитый океанъ и сплавляясь въ Атлантической имѣютъ вліяніе на климатическія условія сѣверныхъ частей Европы и Америки. — *Пятою главою*, стр. 93—142, обширнѣйшею во всемъ сочиненіи, начинается собственно *геоморфическая* часть картинъ Котты. Въ ней разсматриваются горныя породы, составляющія твердую часть земной коры. Авторъ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: *нептуническія* или *экзогенныя* и *вулканическія* или *эндогенныя*, и тутъ только находитъ нужнымъ подробнѣе объяснить эти термины. Описывая нептуническія породы, онъ почти исключительно ограничивается исчисленіемъ породъ, образовавшихся изъ черепковъ инфузорій, каковы, напр., трепель, кремнистыя накипи, полировальный сланецъ, мѣль, и руководствуясь сочиненіемъ Эренберга, знакомитъ читателя, помощію политизажей, съ главнѣйшими видами микроскопическихъ животныхъ, и теперь еще участвующихъ въ образованіи нѣкоторыхъ пластовъ земли. Желательно было бы однакожь найти тутъ, вмѣсто длинныхъ списковъ латинскихъ наименованій этихъ инфузорій, хотя поверхностный очеркъ жизнедѣятельности ихъ. Отъ этихъ инфузорій авторъ переходитъ къ образованію коралловыхъ рифовъ и острововъ. Приступая къ описанію вулканическихъ породъ, авторъ совершенно забываетъ главную цѣль своего сочиненія — популярное, картинное изложеніе предмета, и, вдаваясь въ подробности, пренебрегаетъ совершенно общими взглядами; такъ, напр., излагая довольно подробно процессъ образованія базальта, онъ только подъ конецъ этого описанія пропзноситъ слово базальтъ, оставляя такимъ образомъ читателя до послѣдней минуты въ недоумѣніи на счетъ сущности предмета. Онъ ни слова не говоритъ о геологическомъ значеніи этихъ вулканическихъ породъ, не рисуетъ картины географическаго распространенія ихъ; не упоминаетъ объ угасшихъ Овернскихъ вулканахъ и Каталонской группѣ, въ которыхъ потоки лавы, шлаки, кратеры сохранились

до сихъ поръ въ такой свѣжести, что можно было бы подумать, что они еще въ недавнее время находились въ полной дѣятельности. Почему бы, напримѣръ, не упомянуть объ интересномъ фактѣ, что если провести линію отъ источниковъ Одера, поперекъ, чрезъ сѣверную Германію, и продолжить эту линію по направленію къ Исландіи, то по этой линіи не только безпрестанно встрѣчаются базальтовыя формации, между прочимъ и базальтовая группа острововъ Фарес, но сверхъ того на этой же линіи лежитъ рядъ озеръ вулканическаго происхожденія. Такъ называемый нынѣшній *Planenscher Grund*, мѣстность, лежащая подъ Дрезденомъ, занимаетъ мѣсто бывшаго здѣсь озера *Bistertiitz*, которое въ девятомъ столѣтіи вслѣдствіе вулканическаго сотрясенія излило свои воды въ Эльбу. Далѣе, къ сѣверозападу, эта линія встрѣчаетъ озеро *Arendz*, котораго тысячелѣтіе праздновали въ 1822 году; оно не замерзаетъ въ сильнѣйшую стужу и брошенные въ него предметы въ короткое время облекаются гипсовою оболочкою; оно образовалось въ 822 г. вслѣдствіе землетрясенія; наконецъ, на этой линіи, близъ Шена, въ Гольштейнѣ, лежитъ озеро *Клавецерское*, въ которомъ, въ ночь съ 15-го на 16-е августа 1803 года, внезапно образовался островъ. Намъ кажется, что подобные факты скорѣе напечатлѣваются въ памяти, нежели сухое перечисленіе горныхъ породъ, не приводимое въ соотношеніе съ жизнѣдѣятельностію нашей планеты. Замѣчательно также, что исчисляя различныя базальтовыя группы, авторъ во все не упоминаетъ о знаменитой *исполнискон доронъ* (*Giant's Causeway*). Въ *шестой* главѣ, стр. 143—165, посвященной архитектурѣ земной коры, Котта говоритъ настоящимъ геологомъ съ читателемъ, не знающимъ геологій. Начиная съ того, что прилагасмый въ началѣ этой главы рисунокъ, который по словамъ автора долженъ дать чисто-идеальную картину внутренняго строенія земной коры, по винѣ переводчика, не переведшаго нѣмецкихъ наименованій полтипажа, остается совершенно непонятнымъ для читателя, — вся эта глава, переполненная необъясненными читателю терминами, состоитъ изъ сухаго перечисленія различныхъ пластовъ земной коры. Къ этой главѣ приложены, правда, полтипажи, изображающіе тѣ формы окаменѣлостей, которыя наипаче встрѣчаются въ главнѣйшихъ изъ этихъ пластовъ; но польза этихъ приложеній парализуется оговоркою самого автора, который въ предисловіи своемъ, предостерегаетъ, *чтобы никто не пытался опредѣлить съ помощію ихъ какую бы то ни было формацию!* И во всей этой главѣ — ни одного инте-

реснаго факта, который бы можно было приковать вниманіе читателя къ предмету. Въ *седьмой* главѣ, стр. 166 — 176, дѣло идетъ о происхожденіи и строеніи горъ, все въ томъ же сухомъ, педагогическомъ тонѣ. Хотя и справедливо, что до-сихъ-поръ еще не удалось ни какими усиліями подвести направленіе горныхъ цѣпей подъ общіе, опредѣленные законы, однакожъ, казалось-бы, что авторъ могъ бы обратить вниманіе читателя на тотъ фактъ, что въ Европѣ и Азій горные хребты простираются почти исключительно съ востока на западъ: таково направленіе алтайскаго хребта, гималайскаго, Тянь-Шана, кавказскаго и таврскаго; то-же направленіе имѣютъ европейскія альпы, пиреней, карпаты и балканы; исключеніе составляютъ хребты, простирающіеся по полуостровамъ Европы и Азій и Уралъ, имѣющіе направленіе, вертикальное къ исчисленнымъ выше хребтамъ. Въ Африкѣ, Австраліи и Америкѣ, напротивъ того, горные хребты простираются съ сѣвера на югъ. Авторъ не изслѣдуетъ существенно относящагося къ предмету его вопроса, и при томъ весьма интереснаго, объ относительной древности различныхъ горныхъ кражей нашей планеты, выдвинутыхъ на поверхность ея въ различныя геологическія эпохи; онъ не рисуетъ читателю наружнаго вида горныхъ протяженій, находящагося въ связи съ главными ихъ геологическими составными элементами. Наконецъ, онъ не изслѣдуетъ весьма интереснаго вопроса о происхожденіи необъятныхъ известковыхъ и доломитовыхъ горныхъ массъ, которое геологи, по различнымъ соображеніямъ, затрудняются объяснять поднятіемъ изъ ихъ внутренности земли, и присутствіе которыхъ нѣкоторые ученые готовы приписать столкновенію земли съ аэролитическими массами. Не менѣе важенъ оставленный авторомъ безъ вниманія вопросъ о каменной соли, присутствіе которой огромными массами, преимущественно въ доломитовыхъ формаціяхъ, трудно объяснить какъ плутоическимъ, такъ и нептуническимъ путемъ; между тѣмъ какъ упавшій, въ 1828 году, въ русскою лагерь подъ Виддиномъ, аэролитъ, состоявшій изъ ангидритовой (гипсовой) массы, пропитанной каменною солью, доказываетъ возможность происхожденія ея или паденія на землю изъ міроваго пространства. *Восьмая* глава, стр. 180 — 196, о рудныхъ мѣсторожденіяхъ, чисто техническаго содержанія; изложеніе самое сухое, множество подробностей, а между тѣмъ, прочитавши главу читатель не получаетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое рудникъ. Когда подумашь, что именно эта глава при малѣй-

шесть усилен автор могла бы сдѣлаться одною изъ самыхъ замѣчательныхъ, то приходишь въ рѣшительное недоумѣніе и негодованіе. О чемъ же наконецъ думалъ авторъ, сочиняя эту главу? Какъ же было не придать хоть сколько-нибудь живости или занимательности предмету краткимъ очеркомъ жизни рудокопа, встрѣчаемыхъ имъ опасностей; какъ было не описать какіе-нибудь замѣчательные рудники, напр., корнваллійскіе въ Англіи, или мѣдные въ Фалунѣ, или соляныя копи въ Величкѣ? А распространеніе благородныхъ металловъ по земному шару, добываніе ихъ? Развѣ это маловажные вопросы, и развѣ они не относятся къ предмету, излагаемому авторомъ? А вы, г. переводчикъ, почему вы оставили одинъ изъ важнѣйшихъ политическій этой главы, стр. 184, при однихъ нѣмецкихъ терминахъ, и не приняли труда перевести эти техническія наименованія на русскій языкъ? Вся *девятая* глава, стр. 197—233, посвященная угольнымъ пластамъ и *десятая*, стр. 234—261, въ которой заключается исторія органической жизни на землѣ, и, наконецъ, *приложеніе* къ книгѣ,—первобытный міръ, какъ источникъ искусства, стр. 262—267,—читаются съ удовольствіемъ, и читатель помирится бы тутъ съ авторомъ, если бы именно эти главы не служили доказательствомъ до какой степени авторъ пренебрегъ, въ предшествовавшихъ главахъ, своими обязанностями, добровольно принятыми имъ на себя относительно читателя. Долгъ критика заставляетъ насъ, сверхъ того, обратить и тутъ вниманіе на нѣкоторые пробѣлы; такъ, напримѣръ, можно было бы нѣсколько распространиться объ янтарѣ, о которомъ упоминается, на стр. 217, только въ четырехъ строчкахъ; наконецъ, говоря объ углеродныхъ продуктахъ земли, можно было бы коснуться теоріи образованія алмаза, о которомъ въ цѣломъ сочиненіи не сказано ни одного слова.

Исчисляя пробѣлы и недостатки сочиненія г. Котты, мы коснулись только важнѣйшихъ; подробное перечисленіе ихъ утомило бы читателя, не измѣнивши дѣла; того, что мы указали, кажется достаточно, чтобы доказать несостоятельность труда г. Котты, какъ сочиненія популярнаго, общедоступнаго для всякаго образованнаго человѣка. Негодованіе наше противъ автора за неоправданныя имъ ожиданія наши, тѣмъ болѣе справедливо, что мы имѣли право требовать отъ него чего-нибудь отборнаго, потому что г. Котта принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ германскихъ геогностовъ настоящаго времени. Уже съ первато выхода своего на поприще ученой литературы, изда-

ніемъ трактата своего о дендролитахъ, въ 1832 г., онъ обратилъ на себя особенное вниманіе натуралистовъ. Съ того времени онъ издалъ множество сочиненій, утвердившихъ за нимъ славу первокласнаго ученаго. Можно ли послѣ этого остаться равнодушнымъ, увидя имя корифея науки на такомъ дужинномъ произведеніи, каковыми оказались геологическія картины? Намъ остается сказать, что слогъ г. переводчика тяжелый, шероховатый, и строй рѣчи часто вовсе не русскій. Короче сказать, книга рекомендуется единственно своею наружностію.

В. ХАНКИНЪ.

С М Ъ С Ъ.

Заграничныя письма.

II. Отъ Базіяша до Дрездена.

Дрезденъ. 17 (20) мая 1859 г.

Бзда по желѣзной дорогѣ безспорно представляетъ большія преимущества въ разсужденіи скорости и дешевизны; но я никакъ не соглашусь съ тѣмъ, что она пріятнѣе нашего домощенаго путешествія на перекладной или въ тарантасѣ. Для женщины или для больнаго удобствъ можетъ быть и больше, но я не вѣрю, чтобы человѣкъ здоровый могъ равнодушно проѣзжать на комфортъ вагона то чувство свободы и независимости, которое овладѣваетъ имъ, когда онъ мчится самъ-другъ съ ящикомъ въ легкой телѣгѣ по необозримоу простору нашихъ степей. Тутъ — да простятъ мнѣ иностранное слово — сознаешь свою индивидуальность, свою личность. На желѣзной же дорогѣ становишься товаромъ: тебя укладываютъ, перевозятъ, выгружаютъ, но ты никакъ не ѣдешь самъ, не путешествуешь. Это убѣжденіе родилось во мнѣ, когда я катился впервые по нашей чугункѣ изъ Москвы въ Петербургъ: оно еще болѣе утвердилось на пути изъ Базіяша въ Дрезденъ.

Изъ пароходныхъ спутниковъ моихъ послѣдовало за мною на желѣзную дорогу не много. Берлинецъ съ сыномъ, умнымъ мальчикомъ лѣтъ 15-ти, возымѣвшій претензіи на мое великодушіе букарестскій студентъ, молодой австрійскій графъ, олицетвореніе знаменитаго *Immer langsam voran*, и неопредѣленнаго возраста баронъ изъ Мекленбурга или Ганновера. Двое послѣднихъ впро-

чемъ не входили въ счетъ, потому что уже на пароходѣ окружили себя неприступною стѣсью; если и говорили съ кѣмъ, то такъ, какъ будто хотѣли сказать: говорю съ тобою, хотя ты и не стоишь моей бесѣды. Въ добавокъ они были на Востокѣ, видѣли пирамиды, добрались до катарактовъ Нила, запаслись длинными чубуками и лакеями-арапами, которыхъ все дѣло состояло въ набиваніи трубокъ — однимъ словомъ, владѣли всѣми львиными принадлежностями. На желѣзной дорогѣ они запаслись билетами первого класса, слѣдовательно совершенно отрѣшились отъ прочихъ смертныхъ.

Вагонъ, гдѣ я помѣстился, былъ почти пустой; вмѣсто полного комплекта въ 32 пассажира были тутъ только берлинецъ, сынъ его, австрійскій офицеръ и таковой же валахской службы. Я попробовалъ соснуть, но не успѣлъ въ этомъ, и отъ нечего дѣлать вступилъ въ разговоръ съ своимъ *vis à vis*, валахскимъ ротмистромъ, которому также не спалось что-то. Сначала бесѣда была самая обыкновенная: о погодѣ, о незначествѣ австрійскихъ вагоновъ (они куда хуже нашихъ), о медленной ѣздѣ. Но когда мой собесѣдникъ узналъ, что я русскій, онъ, какъ говорится, растегнулся и сталъ откровеннѣе. Оказалось, что его звали Кучковскимъ, что онъ былъ родомъ изъ Галиціи, и до 48-го года состоялъ въ австрійской службѣ. Во время возстанія онъ находился въ дивизіи Клапки и вмѣстѣ съ нею заперся въ Коморнѣ, а потомъ эмигрировалъ въ Валахію. Тутъ его пристроили офицеромъ-инструкторомъ, когда принялся за преобразование войска, остававагося, впрочемъ, по его словамъ, не смотря ни на какія усилія, самымъ дряннымъ въ Европѣ. Теперь же онъ отправляется въ Италію, чтобы опредѣлиться въ сардинскую армию. Я удивился смѣлости, что онъ, бывший австрійскій подданный, въ нѣкоторомъ родѣ мятежникъ, теперь черезъ австрійскія же владѣнія отправляется къ ихъ непріятелю; но онъ махнулъ рукою и сказалъ, что стараго воробья не поймаютъ. Отважность его убѣдила меня, что австрійская полиція вовсе не такая бдительная и строгая, какою ее описываютъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на розказни англійскихъ газетъ, въ цѣлой Австріи у меня спрашивали паспортъ только одинъ разъ — на Орсовской таможенѣ. Въ Вѣнѣ, гдѣ я пробылъ три дня, дѣло ограничилось тѣмъ, что половой гостинницы принесъ мнѣ *Fremdenbuch* и попросилъ записать званіе и фамилію. Саксонская полиція гораздо придирчивѣе. Тамъ у меня отняли паспортъ и заставили взять *Aufenthaltkarte*, доставшуюся разумѣется не даромъ. Мало

того, свѣдѣнія на счетъ моей особы, заключавшіяся въ паспортѣ, оказались еще не удовлетворительными для полицейскаго любопытства, и ко мнѣ явился квартальный — не знаю, какъ по ихнему — который заставилъ объяснить себѣ цѣль поѣздки, откуда пріѣхалъ, куда намѣренъ отправиться, сколько лѣтъ, гдѣ родился, какого вѣроисповѣданія. Удивляюсь, какъ не снялъ еще съ меня мѣрки и не записалъ примѣтъ моей фizioноміи.

Весьма естественно, что съ такимъ собесѣдникомъ, какъ г. Кучковскій, темою для разговоровъ сдѣлалось тотчасъ современное положеніе дѣлъ. Я полюбопытствовалъ узнать отъ него, какъ отъ человѣка знающаго, мнѣніе на счетъ австрійской арміи. Онъ отозвался объ ней съ большимъ уваженіемъ; солдатъ и матеріалъ войска считалъ онъ отличными. «Въ отношеніи стойкости,—говорилъ онъ,—австрійская армія не уступитъ никакой въ свѣтѣ. Если только у нихъ будутъ хорошіе командиры, то союзники не легко справятся съ ними. На послѣднихъ-то однакожь едва ли можно рассчитывать, потому-что въ генералы производятъ только по протекціи, и особенно теперь, подъ управленіемъ эрцъ-герцогини Софіи (матери императора, которая, какъ извѣстно, заправляетъ всѣми дѣлами); прилежное хожденіе въ церковь служитъ гораздо лучшею рекомендаціею, чѣмъ боевая опытность». Это сужденіе бывшаго Гонведа объ австрійскихъ генералахъ, совершенно согласовалось съ острою, которую я въ послѣдствіи услышалъ на этотъ счетъ въ самой Вѣнѣ. «Вся разница между французами и нами,—говорили тамъ,— состоитъ въ томъ, что у нихъ генералы переименовываются въ герцоговъ, а у насъ герцоги въ генераловъ». Не знаю, также ли справедливо его мнѣніе о солдатахъ, но долженъ сказать, что впечатлѣніе, произведенное ихъ наружностью, было выгодное: народъ рослый, съ хорошею выправкою и тою сдержанностью движеній, которая въ военномъ человѣкѣ, мнѣ по крайней мѣрѣ, нравится гораздо болѣе, чѣмъ вертлявость французовъ. Какъ мнѣ казалось, отношеніе между обѣими арміями такое же, какое существовало до крымской войны между французами и нами. Во всякомъ случаѣ австрійскіе солдаты безконечно выше саксонскихъ.

Въ Темесварѣ, котораго мы достигли часовъ въ шесть утра, Гонведъ простился со мною, потому что какія-то дѣла заставляли его остаться здѣсь на цѣлыя сутки. Отъ Темесвара до самаго Песта дорога идетъ такъ называемыми пустами, т. е. венгерскими степями. Но не смотря на всѣ возгласы западныхъ тури-

стовъ о необозримости этихъ пустырей, о ихъ безлюдности и необработанности, я нашелъ въ нихъ только весьма блѣдные сипмки нашихъ новороссійскихъ степей. Иногда, правда, взору открывалась обширная равнина, на которой онъ напрасно искалъ чего-нибудь, гдѣ бы можно было остановиться; но это бывало не на долго. Большою же частью дорога шла среди обработанныхъ полей, баштановъ и содержимыхъ въ большомъ порядкѣ лѣсныхъ плантацій. И главное — нигдѣ я не замѣтилъ недостатка въ водѣ.

Начиная отъ Темесвара, къ нашему поѣзду на каждой станціи прицѣплялись новые вагоны, такъ что за Чегледомъ, гдѣ соединяются вѣтви юговосточной и дебречинской дороги, онъ растянулся на громадную длину, и къ заднему концу его прицѣпили еще другой паровозъ. Во всей этой массѣ вагоновъ, не болѣе пяти или шести были перваго и втораго класса; всѣ остальные — третьяго класса или товарные, набитые солдатами, которые изъ отпуска возвращались къ полкамъ своимъ — *kaiserliches Rindvieh*, какъ выражался объ нихъ довольно безцеремонно мой берлинскій знакомецъ. Сцены горькаго прощанія повторялись на каждой станціи. Тутъ отецъ въ слезахъ цѣловалъ жену и дѣтей своихъ, тамъ старуха-мать душила въ объятіяхъ уходящаго сына. Все это производило на зрителя тяжкое впечатлѣніе. Особенно же тронуло меня разставаніе молодаго венгерца въ Фелегвязѣ, съ семействомъ его. Пока длилось прощаніе съ отцомъ и матерью и нѣсколькими молодыми людьми, должно быть братьями, — онъ былъ сравнительно покоенъ; но вотъ кинулась ему на шею женщина лѣтъ 20-ти, замѣчательно красивая собою, — кто ее знаетъ, невѣста ли, жена ли или просто сестра любимая, — и онъ зарыдалъ какъ ребенокъ и насилу оторвался, когда ударилъ неумолимый колоколъ. Я не знаю, чего бы не далъ въ ту минуту, чтобы возвратить молодаго человѣка его семейству и утѣшить красавицу, которая еще долго стояла на перронѣ, и смотрѣла вслѣдъ за нами. Послѣ, когда я пилъ чай въ пестскомъ воксалѣ желѣзной дороги и вокругъ меня гремѣла военная музыка, толпились офицеры въ блестящихъ, при ослѣпительномъ гасовомъ освѣщеніи, бѣлыхъ мундирахъ, щелкали пробки шампанскаго и раздавались громкіе крики ура и Эльзень — однимъ словомъ, когда вокругъ меня кипѣлъ весь разгулъ военной жизни, въ моей памяти еще живѣе рисовались слезы молодой венгерки и я долго не могъ отвязаться отъ унылаго чувства, которое онѣ возбудили во мнѣ.

Непріятный контрастъ съ грустнымъ зрѣлищемъ прощаній представляли вагоны, гдѣ сидѣли волонтеры венгерскаго легиона. Выдавать ихъ за доказательство преданности венгерскаго народа габсбургскому престолу, какъ это дѣлають австрійскіе журналы — ложь, грубѣе которой трудно что-нибудь придумать. Я очень хорошо знаю, что искать въ волонтерахъ героевъ добродѣтели не слѣдуетъ; въ этомъ убѣдили меня наши албанскіе и греческіе союзники во время крымской кампаніи. Но они имѣли полное право на монтионовскую премію, если ихъ сравнить съ батальонами венгерскихъ охотниковъ; безобразіе этой сволочи ничего нельзя себѣ представить. Крикъ, гамъ, шумъ, грязныя остроты, брань и звѣрскія шутки раздавались изъ среды этихъ пьяныхъ защитниковъ австрійской чести. Невольный ужасъ овладѣвалъ мною при мысли о томъ, что эти люди будутъ дѣлать въ благословенныхъ поляхъ Италіи, если здѣсь даже, въ покорныхъ провинціяхъ имперіи къ занятымъ ими вагонамъ приставлялись жандармы съ заряженными ружьями, и мѣста сборищъ знаменовались грабежами и разбоями. Что я въ отношеніи къ послѣднимъ не преувеличиваю, тому служатъ свидѣтельствомъ самыя же австрійскіе журналы, хотя конечно они представляютъ рассказываемые ими факты въ видѣ милыхъ шалостей, простибельныхъ въ порывѣ патріотическаго чувства. Въ Вѣнѣ примкнуло къ батальонамъ венгерскихъ волонтеровъ много публичныхъ женщинъ—это я также прочелъ въ вѣнскихъ газетахъ—конечно тоже для защиты отечества; но уже въ Лайбахѣ увидѣли себя принужденными воротить назадъ этихъ амазонокъ и отправить на крѣпостныя работы въ Моравію не малое число ихъ обожателей.

Видами путешественникъ на желѣзной дорогѣ не пользуется. Они слишкомъ быстро пролетаютъ мимо глазъ, чтобы оставить во себѣ какое-нибудь впечатлѣніе. Такимъ образомъ промелькнули мимо меня и города, по которымъ я проѣзжалъ: Сегединъ, Чегледь, Кекскеметъ. Въ Пестъ попалъ я уже въ сумерки, такъ что ничего болѣе не могъ разглядѣть, кромѣ наполненнаго мундирами дебаркадера. Тутъ отсталъ отъ меня мой вѣрный берлинецъ, и вообще изъ парходной компаніи остался я одинъ. Новому обществу, которое я нашелъ, усаживаясь въ вагонъ, нечего было радоваться: съ одной стороны какой-то австрійскій подъячій, въ безобразной форменной шинели, съ другой промышленникъ, постоянно бормотавшій что-то про себя съ закрытыми глазами: спереди его дрожайшая половина, стаяра

скверная, но въ пышномъ кринолинѣ и декольте-платьѣ. Запахъ австрійскихъ сигаръ также не увеличивалъ комфорта этой обстановки. Къ счастью сѣсѣди мои вышли на четвертой станціи за Пестомъ и смѣнились старикомъ, наружность котораго располагала въ его пользу. Между нами завязался разговоръ, поводомъ къ которому послужило то, что я изъ взятаго съ собою изъ Одессы табаку скрутилъ себѣ папироску. «Вы вѣрно иностранецъ?»—«Да, почему вы это знаете?»—«Потому что вы такъ спокойно дѣлаете папиросы изъ иностраннаго табаку». — «Такъ что же, вѣдь я миновалъ таможню». — «И заплатили пошлину?» «За эту бездѣлицу? у меня на границѣ оставалось не болѣе пол-фунта». — «Все равно, вы должны были заплатить; беспошлинно можно провести только четыре лота». — «Я этого не зналъ. Но вѣдь бѣда миновала, потому что до таможни уже миль 90; съищики меня не догонятъ». — «Съищики не догонятъ, но если васъ замѣтитъ чиновникъ откупнаго вѣдомства, то потребуетъ у васъ свидѣтельства объ уплатѣ пошлины и, такъ какъ у васъ его нѣтъ, вы заплатите штрафъ». — «Какое же право онъ имѣетъ требовать? Да мнѣ кажется, что если бы у меня даже и было свидѣтельство, то я бы не показалъ его». — «У насъ о правѣ не спрашиваютъ, была бы власть». Я поблагодарилъ за предостереженіе, и съ тѣхъ поръ уже не былъ такъ откровененъ въ разсужденіи табаку своего.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ оказалось, что спутникъ мой былъ венгерецъ изъ Фюнфкирхена. Онъ много натерпѣлся бѣдъ во время возстанія, потому что домъ его погибъ въ бомбардировку, а сынъ былъ убитъ въ какой-то стычкѣ съ австрійцами; разумѣется онъ страшно ненавидѣлъ ихъ и называлъ кровопійцами своего отечества. Налоги съ недвижной собственности были доведены ими, по его словамъ, до ужасающей цѣны 32-хъ процентовъ съ дохода; полиція, управляемая министромъ Бахомъ, не даетъ дохнуть свободно; въ школахъ и университетахъ господствуютъ іезуиты. Дѣло доходитъ до того, что во многихъ мѣстахъ умершіе протестанты лишены честнаго погребенія, не смотря на то, что почти цѣлая треть народонаселенія Венгрии состоитъ изъ протестантовъ. «Откуда же эта преданность правительству въ вашемъ народѣ?» — «Вы говорите о волонтерахъ? Да вѣдь это всякій сбродъ, который мы сами рады сбыть; это отверженцы страны нашей. Ради Бога, не считайте ихъ венгерцами». — «Такъ по вашему венгры въ Италіи не будутъ стоять за австрійцевъ?» — «Не будутъ».

Въ Пресбургѣ мы разстались, и я опять очутился среди новыхъ лицъ. Я воспользовался тѣмъ, что сидѣлъ въ углу вагона, прислонился къ подушкѣ и заснулъ. Когда я проснулся, уже разсвѣтало и мы приближались къ Вѣнѣ. Дорога шла большею частью по прорѣзанному въ грунтѣ полотну, такъ что окрестностей нельзя было видѣть: два раза мы проѣхали по тоннелямъ, изъ которыхъ одинъ имѣлъ не менѣе $1\frac{1}{2}$ верстъ въ длину. Наконецъ, часамъ къ пяти, показались справа новый арсеналъ, громадное зданіе, потомъ забѣгли мимо насъ сады, дачи, изящныя чугунныя заборы, дороги оживились — однимъ словомъ, показались всѣ предвѣстники большого города. Черезъ двѣ минуты поѣздъ остановился у дебаркадера, выскочили трегеры, еще разъ обшарили чемоданъ, только ужъ не со стороны таможенъ, а городского акциза; потомъ подѣхалъ изящный фіакръ и отвезъ меня съ нимъ въ гостиницу. Тридцать часовъ ѣзды такъ утомили меня, что я, занявши номеръ, не раздѣвшись, бросился на постель и часомъ пять проспалъ какъ мертвый.

Вставъ и взглядивъ на своей особѣ слѣды тысяча-верстнаго безъ малаго путешествія по желѣзной дорогѣ, я пошелъ гулять, чтобы воспользоваться первымъ впечатлѣніемъ Вѣны. Не скажу, чтобы оно было выгодно. Предмѣстье Леопольдштатъ, гдѣ находилась гостиница, въ которой я остановился, не представляетъ вовсе той исторической, характерной архитектуры, какую можно ожидать отъ города, считающаго уже слишкомъ 15 вѣковъ со дня своего основанія. Большіе, высокіе дома, но безъ всякой примѣсы старины и своеобразности въ своей постройкѣ; ихъ точно также строятъ вездѣ. Тоже самое должно сказать о другихъ предмѣстьяхъ. Внутренній городъ являетъ готическій характеръ только въ тѣсотѣ улицъ, но наружность домовъ, за весьма немногими исключеніями, совершенно современная. Вообще изъ монументальныхъ зданій я нашелъ въ Вѣнѣ только одно, стоящее вниманія — башню св. Стефана. Это дѣйствительно алмазъ, попавшій, не извѣстно какъ, въ кучу простыхъ шлифованныхъ стеколъ, но къ сожалѣнію и его эффектъ теряется отъ обстановки, потому что величественный соборъ со всѣхъ сторонъ застроенъ домами и не въ состояніи произвести того впечатлѣнія, которое произвелъ бы, стоя на болѣе свободномъ мѣстѣ. Окружающая его площадь св. Стефана можетъ носить это названіе только въ Вѣнѣ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ она была бы только нѣсколько широкою улицею. Императорскій дворецъ (die Burg) хотя и довольно обширенъ, но на архитектурную красоту

не имѣеть ни малѣйшаго притязанія. Также и находящіеся въ Kärnthner Vorstadt, два бельведера, нижній и верхній; но тутъ, по крайней мѣрѣ, довольно эффектенъ хорошо убранный и содержимый въ порядкѣ садъ, который соединяетъ ихъ. Прежде, когда внутренняя часть города, на подобіе нашего Кремля, была еще окружена стѣною, Вѣна должна была дѣйствовать выгодиѣ на любителя исторической архитектуры. Теперь же отъ этой стѣны не много сохранилось и при мнѣ еще срывали остатки ея на восточной сторонѣ города, производя работы съ такою поспѣшностью, что онѣ даже ночью не прекращались. Развалины, стѣны и работники съ ихъ инструментами представляли при освѣщеніи горящихъ факеловъ, довольно живописное зрѣлище.

Но если люди сдѣлали очень мало для украшенія столицы австрійской имперіи, то природа щедрою рукою расточила ей дары свои. Окрестности, съ которыми я по краткости времени къ сожалѣнію не могъ ближе познакомиться, восхитительны; гдѣ только взоръ въ состояніи проникнуть сквозь беспорядочную, лишенную всякой гармоніи массу домовъ, онъ встрѣчаетъ перспективу на отдаленныя горы и на пейзажи, украшенные богатою растительностью. Последняя господствуетъ и въ городѣ, гдѣ люди не воспротивились ей. Такъ гласисъ, отдѣляющій внутренний городъ отъ предмѣстевъ, изрѣзанъ аллеями изъ дикихъ каштановъ, подобныхъ которымъ я нигдѣ не видалъ. Густая, темная листва этихъ деревьевъ составляетъ превосходный контрастъ съ сосною, свѣжею зеленью газона. Даже на жителей простерлась благодать природы; особенно вѣнскія женщины отличаются красотою и можно сказать, что не только безобразное, даже обыкновенное лицо между ними составляетъ исключеніе. При томъ обывательницы Вѣны отличаются граціею въ поступи, почти южною легкостью и живостью движеній и весьма хорошо умѣютъ пользоваться туалетомъ. Вѣна единственный городъ Европы, гдѣ парижскія моды господствуютъ не безусловно. Правда, я слышалъ отъ дамъ, слѣдовательно отъ знатоковъ дѣла, что жительницы ея слишкомъ охотливы до яркихъ цвѣтовъ и вообще болѣе наряжаются, нежели одѣваются; но на улицѣ и въ массѣ это не производитъ непріятнаго впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ съ этимъ недостаткомъ легче примиряешься, чѣмъ съ противоположною крайностью.

Послѣ обѣда я взглянулъ на загородныя гулянья. Знаменитый Пратеръ, отъ котораго приходятъ въ восторгъ всѣ истые вѣнцы, въ родѣ нашего Крестовскаго, только еще гораздо хуже.

Различныхъ «заведеній» въ десять разъ больше, и тѣхъ красота, которыя сообщаются прогулкѣ по Крестовскому невиданными видами и дикостью сосноваго лѣса, нѣтъ вовсе. Лугартенъ — дворцовый садъ въ голландскомъ вкусѣ съ скучными, прямыми аллеями и рощами пзъ дикихъ каштановъ, которые не пропускаютъ ни малѣйшаго луча солнечнаго.

Въ слѣдующій день я отправился съ визитами къ директору императорскихъ музеевъ Аристу и начальнику главной типографіи (Staatsdruckerei) Ауэру, къ которымъ имѣлъ рекомендательныя письма. Благодаря этому обстоятельству, я рассмотрѣлъ совершенно на единѣ, слѣдовательно никѣмъ не развлекаемый, собраніе древностей, картинную галерею и коллекцію янтарей. По числу картинъ галерея далеко превосходитъ нашъ эрмитажъ, но въ отношеніи внутренняго достоинства она мнѣ показалась значительно ниже. Разумѣется, итальянцы и особенно венеціанская школа преобладаютъ. Кабинетъ древностей замѣчательенъ своими монетами (130,000 штукъ), которыя расположены въ отличномъ порядкѣ. Наилучше сохранившіяся пьесы отобраны и разложены на шести столахъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что въ часъ времени можно получить весьма наглядное понятіе о постепенномъ развитіи чеканнаго искусства у всѣхъ народовъ, по крайней мѣрѣ, индо-европейской отрасли. Азіатскихъ монетъ не много.

Императорская типографія, какъ пзвѣстно, по устройству своему принадлежитъ къ самымъ лучшимъ заведеніямъ этого рода въ цѣломъ свѣтѣ. Если *imprimerie impériale* въ Парижѣ превосходитъ ее великолѣпнѣеиъ нѣкоторыхъ изданій своихъ, то не можетъ конкурировать съ нею въ отношеніи къ дешевизнѣ: за 12 флоринновъ (по нынѣшнему курсу не много болѣе полуимперіала) я купилъ себѣ 24 выпуска журнала «Faust» за прошлый годъ, великолѣпный альбомъ, содержащій въ себѣ не менѣе 72-хъ эстамповъ изъ всѣхъ родовъ книгопечатнаго искусства. Тутъ снимки съ дерева, съ мѣди, стали, камня, стекла — съ чего только можно снимать — и каждая картина большой листъ in 4°. Особенно же хороши снимки съ предметовъ природы, листьевъ, цвѣтовъ, мховъ, даже небольшихъ животныхъ — произведенія такъ называемаго *Naturselbstdruck*. Но чтобы описать устройство самого заведенія, надобно быть техникомъ, а я не берусь за это дѣло. Расскажу лучше разговоръ, который имѣлъ съ директоромъ, добрымъ старикомъ, потому что изъ него можно вывести заключеніе о смущенности австрійской администраціи при на-

стоящихъ обстоятельствахъ. Онъ самъ, послѣ первыхъ привѣтствій, свелъ рѣчь на политику и спросилъ меня о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи. Разумѣется, я могъ только пожать плечамъ и объявить о своемъ незнаніи. Потомъ послѣдовалъ вопросъ, на который трудно было отвѣчать, не обижая старика, объ общественномъ мнѣніи у насъ на счетъ Австріи. Я старался уклониться отъ отвѣта общими фразами о томъ, какъ грустно видѣть еще въ наше время войну, которая угрожаетъ обхватить всю Европу. То, что я видѣлъ въ Венгріи, послужило мнѣ удобнымъ поводомъ перейти съ политической точки зрѣнія на положеніе дѣлъ на гуманную. Но г. Ауэръ увидѣлъ въ моемъ сожалѣніи только согласное съ его мнѣніями порицаніе Наполеона и продолжалъ его по своему. «Начинается опять старая исторія», говорилъ онъ, «сперва Наполеонъ унижилъ Россію и въ то же время порядкомъ прижалъ англичанъ; теперь принимается за насъ, потомъ сдѣлаетъ то же самое съ Пруссіею и дѣло кончится только тогда, когда всѣ мы наконецъ сознаемъ свои ошибки и новымъ священнымъ союзомъ урезонимъ его». Такое самообольщеніе показалось мнѣ ужъ слишкомъ наивнымъ. Я замѣтилъ, что унижительнаго въ крымской войнѣ для насъ ничего не было—напротивъ—и что времена священнаго союза прошли уже. Я не могъ не прибавить къ этому, что симпатіи у русскихъ Австріи найти трудно. Онъ вздохнулъ. «Конечно, мы сдѣлали страшную ошибку; и всѣ благоразумные люди тогда уже понимали это и противились ей, но несчастныя случайности увлекли насъ. Грустно однакожъ, что теперь цѣлымъ государствомъ приходится страдать изъ за немногихъ лицъ. Но этихъ лицъ уже нѣтъ (Буоль за нѣсколько дней передъ тѣмъ получилъ отставку) и дѣла все таки, Богъ дастъ, пойдутъ къ лучшему. «Вашъ государь благородный человѣкъ». Мнѣ въ это время пришелъ въ голову старинный латинскій стихъ: *fistula dulce canit, dum voluerem decipit anseris*, но я конечно не сказалъ его вслухъ, а простился со старикомъ съ искреннимъ желаніемъ, чтобы миръ былъ скорѣе восстановленъ. На счетъ условій мнѣнія наши едва ли сходились.

Для того, чтобы судить объ общественной жизни Вѣны, трехдневнаго пребыванія въ ней конечно было мало. Притомъ обстоятельства не благопріятствовали познакомленію съ нею, потому что городъ очевидно находился подъ гнетомъ итальянскихъ дѣлъ. Въ другомъ мѣстѣ это бы, пожалуй, еще способствовало узнанію токовъ общественной мысли, но здѣсь, гдѣ все сдавлено

цензурой и полиціей, усмотрѣть въ три дня явственное отраженіе событій было невозможно. Наружность города представляла совершенно воинственный характеръ и живо напоминала физиономію Одессы, во время крымской войны. Войска безпрестанно вступали и выступали, выстроивались на площадяхъ, размѣщались по квартирамъ; полковая музыка, и надобно сказать, отличная, звучала безъ умолку; возня и хлопотня вездѣ ужасная. Въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, было постоя, кромѣ нѣсколькихъ офицеровъ, 25 человекъ. Сцены грустнаго прощанія и здѣсь повторялись на каждомъ шагу, нося печать еще большей торжественности, потому что въ Италиі уже заговорили пушки. Сколько изъ этихъ загорѣлыхъ, морщинистыхъ, сѣдыхъ офицеровъ и солдатъ, которые обнимали плачущихъ женъ и дѣтей своихъ, напрасно силясь скрыть подъ суровою и важною наружностью сокрушеніе сердца,—возвратится опять на родину; сколько изъ нихъ, если воротятся, будутъ встрѣчены ихъ родными таими же здоровыми и неискалеченными, какими теперь уходятъ!

Чрезвычайно поразило меня разнообразіе физиономій австрійскихъ солдатъ, хотя и ничего не можетъ быть естественнѣе его. Флегматическія лица нѣмецкихъ подданныхъ имперіи, дикій, полуазіятскій обликъ секлеровъ, кумановъ, языговъ и другихъ племенъ Венгріи, правильныя черты южныхъ славянъ и мрачная полу-лукавая, полу-злобная сосредоточенность чеховъ — составляли богатый матеріалъ для физиономическихъ этюдовъ. Впрочемъ большинство состояло изъ красивыхъ лицъ; особенно итальянцы, занимавшіе внутренніе караулы въ Вѣнѣ, вполне оправдывали классическую почву своей родины.

Въ театрѣ, который даже и при австрійской цензурѣ, все таки не можетъ не отразить, до нѣкоторой степени, быта общества, я не былъ, потому что на афишахъ объявлялось только о патриотическихъ представленіяхъ. Эти представленія вездѣ одинаковы, все равно, служатъ ли жертвамъ ихъ безопаснаго патриотизма казаки, черкесы, кроаты или зуавы; онѣ ровно ничего не выражаютъ, и я не хотѣлъ по напрасну бросить деньги.

Вечеромъ, 15-го, мая я простился наконецъ и съ Вѣной. Прагскій поѣздъ отошелъ въ половинѣ 8-го и я рассчитывалъ къ тремъ часамъ по полудни слѣдующаго дня быть въ Дрезденѣ, но вышло иначе. Въ Колинѣ, верстахъ въ 60 отъ Праги, поѣздъ остановился на десять минутъ и я воспользовался этимъ, чтобы пройти по станціи. Вдругъ раздался звонокъ, потомъ другой — я все жду третьяго, а поѣздъ уже тронулся. Со мною

случилась самая неприятная вещь, какая может случиться съ пассажиромъ на желѣзной дорогѣ; я былъ оставленъ. Бѣда нѣ очень большая еще, если бы только не на долго. Въ кассѣ мнѣ дали отсрочку на взятый мною билетъ, но объявили въ то же время, что слѣдующій поѣздъ пойдетъ не ранѣе 6-ти часовъ вечера. Кромѣ этого долгаго ожиданія, заставлявшаго меня изъ Праги въ Дрезденъ ѣхать ночью и лишившаго слѣдовательно видовъ Саксонской Швейцаріи, я понёсъ еще другую потерю, потому что, выходя изъ вагона, оставилъ въ немъ пальто и кой-какія вещи, которыхъ не отдалъ въ багажный вагонъ вмѣстѣ съ чемоданомъ. Хотя я и отправилъ тотчасъ телеграфическую депешу на слѣдующую станцію, чтобы тамъ захватили мои вещи и сохранили ихъ до моего приѣзда, ихъ уже больше не оказалось. Мнѣ пришлось поэтому, въ добавокъ ко всему, всю слѣдующую ночь провести безъ верхняго платья и порядкомъ продрогнуть.

Отъ нечего дѣлать я пошелъ гулять по Коллину: скверный, маленькій городишко, значительную часть народонаселенія котораго составляютъ евреи. Протекающая мимо него Эльба образуетъ тутъ маленькій водопадъ въ аршинъ вышины и немного выше его раздѣляется островомъ на два рукава. На этомъ островѣ находится общественное гульбище коллинцевъ, запущенная, болотистая роща съ неизбѣжнымъ *Vieghaus* и мѣстомъ для стрѣльбы въ цѣль. Все это было высмотрѣно въ часъ времени. За тѣмъ я отправился на поле битвы, ознаменовавшей Коллинъ въ семилѣтнюю войну. Оно лежитъ къ западу, въ полчаса ходьбы отъ города, и представляетъ обширную равнину, изрѣзанную отлогими холмами. Въ серединѣ его возвышается памятникъ побѣды, простой обелискъ изъ гранита. Прежде постоянно праздновалась годовщина битвы маневрами и процессіями, но въ нынѣшнемъ году этотъ обычай отмѣненъ, потому что австрійцы чувствуютъ надобность въ прусскихъ штыкахъ, чтобы поддержать связи своей разваливающейся имперіи.

Четырехчасовая прогулка возбудила во мнѣ порядочный голодъ, но не смотря на то, я только съ трудомъ проглотилъ кусокъ жареной подошвы, который мнѣ подали въ гостинницѣ *zum schwarzen Adler* подъ именемъ бифштекса. А до отъѣзда все еще оставалось около восьми часовъ времени и чѣмъ ихъ было наполнить. Скажу откровенно, что они стоили полутора-суточного ожиданія въ Галацѣ. Прочитавъ всѣ, находившіяся въ гостинницѣ газеты, даже съ объявленіями, я вступилъ отъ

скуки въ разговоръ съ гусарскимъ поручикомъ, который вмѣстѣ со мною завтракалъ. Хотя венгерецъ, онъ былъ совершенно противныхъ убѣжденій, чѣмъ старый землякъ его изъ Фюнкхирхена, и горѣлъ желаніемъ подраться съ французами и пьемонтцами. Не думаю, чтобы онъ притворялся, потому что для этого не было никакихъ причинъ — онъ зналъ, что я русскій и постороннихъ слушателей не было. Къ тому же въ его лѣта — ему было не болѣе 25-ти лѣтъ — едва ли можно такъ искусно притворяться. Но вотъ, наконецъ, раздался давно желанный свистокъ паровоза. Я занялъ мѣсто въ вагонѣ съ твердымъ накрѣпленіемъ, не оставивъ его раньше Дрездена, что и исполнилъ. Съ какимъ наслажденіемъ растянулся я, послѣ нескончаемой холодной ночи, въ теплой и мягкой постели на пружинахъ въ номерѣ Hôtel Victoria! Тогда я не жалѣлъ даже о томъ, что въ темнотѣ не могъ различить Боденбахскихъ тоннелей и потерялъ картину, которая открывается для путешественника при выгѣздѣ изъ нихъ Саксонскою Швейцаріею.

III.

Дрезденъ, 15-го іюня 1859 г.

Война! Мысль о ней тяготѣетъ надъ всѣми умами и налагаетъ особую печать на умственную жизнь Дрездена въ настоящую минуту. Гдѣ только сойдется два, три человѣка въ какомъ нибудь ли публичномъ «Local», за кружкой пива, въ гостинницѣ ли за табль-д'отомъ, на прогулкахъ — только и слышишь о политикѣ, да о стратегическихъ соображеніяхъ. Нечего и говорить, что въ законодательныхъ палатахъ вопросы внутренняго управленія совершенно подавлены соображеніями о внѣшней политикѣ, болѣе или менѣе странными въ глазахъ человѣка, непрічастнаго къ этимъ дѣламъ. Однимъ словомъ, куда не помотришь, вездѣ встрѣчаешь то оживленіе, то внутреннее безпокойство и волненіе, которыя бывають слѣдствіемъ исключительнаго господства одной мысли въ умственной дѣятельности общества.

И наружность Дрездена начинаетъ соотвѣтствовать настроенію умовъ его жителей. Мобилизація войска еще не объявлена, но вооруженія производятся дѣятельно; отпуска для военныхъ чиновъ прекращены; новобранцевъ ревностно обучаютъ двумъ великимъ наукамъ современности — шагистикѣ и ружистикѣ. Войска въ самомъ Дрезденѣ теперь весьма много, т. е. гораздо болѣе чѣмъ въ обыкновенное время. Говорятъ, половина всей

саксонской арміи (а вѣдь это не шутка — цѣлыхъ двѣ дивизіи) сосредоточена въ стѣнахъ его. Правда, ближайшій поводъ этого скопленія не война, а совершившееся на канунѣ моего пріѣзда бракосочетаніе наслѣднаго принца съ португальскою принцессою, для котораго были устроены приличные празднества, слѣдовательно и парадъ — неизбѣжная принадлежность каждаго офенціального народнаго праздника нашего времени. Но, тѣмъ не менѣе, присутствіе войска идетъ къ современному настроенію умовъ, и, хотя случайно, вѣрно и наглядно выражаетъ его. А рядомъ со всѣмъ этимъ, являющимъ войну все таки еще только въ живописной перспективѣ чего-то возможнаго, другіе факты свидѣтельствуютъ о ней уже какъ о грозной и тяжелой дѣйствительности. Съ одной стороны безпрестанное передвиженіе австрійскихъ полковъ по саксонскимъ желѣзнымъ дорогамъ, причемъ имъ конечно надобно проходить черезъ Дрезденъ; съ другою жалобы всѣхъ промышленныхъ людей на тяжелое время, на уменьшеніе работъ и заказовъ, на необходимость проживать капиталы вмѣсто того, чтобы наживать новые.

Въ теченіе 16-ти дневнаго пребыванія моего въ Дрезденѣ, ежедневно по два раза прибывали туда по прагской желѣзной дорогѣ транспорты австрійскихъ солдатъ. Отсюда они отправлялись черезъ баварскія владѣнія въ Тироль, гдѣ сосредоточивался, подъ начальствомъ Кламъ-Галласа, пятый корпусъ второй итальянской арміи; или же въ западную Германію для содержанія гарнизоновъ въ крѣпостяхъ германскаго союза. Батальоны, имѣвшіе послѣднее назначеніе, состояли исключительно изъ итальянцевъ и смѣняли прежніе венгерскіе и нѣмецкіе гарнизоны. Австрійское правительство слѣдовало старой политикѣ — вооружать одно племя противъ другаго и возбуждать ихъ взаимную ненависть, вмѣсто того, чтобы исполнять высокое назначеніе свое, т. е. общностью интересовъ примирять и изглаживать противоположности.

Саксонцы радушно встрѣчали австрійскія войска, какъ представителей и защитниковъ «des grossen deutschen Vaterlandes», чѣмъ они конечно никогда не бывали. Булки, пиво и сигары стояли готовыя на дебаркадерѣ для дорожныхъ гостей, которые пили, ѣли и курили, но, вѣроятно забывая, что даровому коню въ зубы не смотрятъ, не очень-то благодарили хозяевъ своихъ. Что въ обоюдныхъ привѣтствіяхъ, крикахъ: ура, вивать и т. д. не было недостатка, понятно само-собою, хотя весьма сомнительно, чтобы крики итальянскихъ, венгерскихъ и славянскихъ

солдаты выражали именно то, чего желали дрезденцы. Первые, по крайней мѣрѣ, не скрывали истинныхъ чувствъ своихъ. Выпивъ свою порцію пива, закусивъ и закуривши сигары, они сѣли въ вагоны при восклицаніяхъ: *evviva l'Italia, evviva Vittorio Emanuele!* Я самъ два раза былъ свидѣтелемъ такой сцены и, какъ очевидецъ, могу обличить во лжи австрійскія газеты, которыя выдавали за ложь и клевету распространеншіяся о томъ слухи.

Безотчетное расположеніе саксонцевъ къ австрійцамъ, которое едва ли когда-нибудь оправдается событіями, идетъ рука объ руку съ такою же безотчетною ненавистью къ французамъ. Мѣстами дѣло доходило даже до драки между нѣмецкими и французскими мастеровыми, причемъ впрочемъ зависть по ремеслу вѣроятно была больше виновата, чѣмъ народная антипатія. Въ газетахъ безпрестанно раздаются увѣщанія не покупать произведеній французской промышленности и свергнуть господство парижскихъ модныхъ картинокъ. Указываютъ, какъ на образецъ, на жителей Мюнхена, для которыхъ тамошніе художники, чуть ли не по порученію мудраго, пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ правительства, придумали какой-то новый, будто-бы національный костюмъ, въ замѣнъ французскаго туалета. Въ Дрезденѣ однакожь не замѣтно, чтобы эти воззванія имѣли какое-нибудь дѣйствіе на практикѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не нашелъ никакой перемѣны въ женскихъ нарядахъ. Кринолины господствуютъ во всѣхъ слояхъ общества, начиная отъ скромной кухарки или «*Mädchen für Alles*» до гордой баронессы, предки которой, какъ равные съ равнымъ, воевали съ предками вышшихъ королей саксонскихъ. На русскаго, привыкшаго видѣть у себя дома кринолины только на барыняхъ и барышняхъ, сочетаніе ихъ съ корзинками, въ которыхъ лежитъ говядина, зелень и т. д. производитъ весьма странное впечатлѣніе. А это сочетаніе можно здѣсь видѣть всякое утро на возвращающихся съ рынка кухаркахъ.

Конечно и законодательныя палаты Саксоніи не могли отстать отъ общаго настроенія умовъ. Мнѣ случилось быть въ засѣданіи второй (нижней) камеры, въ которомъ обсуживался проэктъ министерства объ увеличеніи нѣкоторыхъ налоговъ для покрытія издержекъ на вооруженія. Проэктъ былъ переданъ комитету, который рассмотрѣлъ его и не нашелъ никакихъ возраженій. Съ чтенія отчета этого комитета и началось засѣданіе. Почти всѣ безъ исключенія ораторы, заранѣе объявившіе о

своемъ намѣреніи произнести рѣчи по этому поводу, принадлежали лѣвой сторонѣ, и я поэтому ожидаю оппозиціи противъ министерскихъ предположеній. Но ничуть не бывало; они только наперерывъ бранили Наполеона, французовъ и тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые мѣшали рѣшительности Саксоніи. Всѣ требовали, чтобы правительство приняло самыя энергичскія мѣры, отвергали всякіе переговоры и, по-видимому, были готовы съ саксонскою арміею перейти черезъ Рейнъ и завоевать Парижъ. Только одинъ представитель — фамилія его не помню — величественной наружности, совершенно сѣдой, утверждалъ, что Германіи нечего вступаться за австрійскіе интересы въ Италію, а что ей надобно ограничиться выжидающимъ положеніемъ. Но и онъ считалъ вооруженіе необходимымъ, такъ что проектъ министерства былъ принятъ единогласно. Не знаю, по непривычкѣ ли моей къ формамъ представительнаго правленія или по чему другому — только все это разсужденіе казалось мнѣ невыразимо смѣшнымъ и наивнымъ. Я никакъ не могъ сбыть, во все время, пока слушалъ ораторовъ, представленія о бурѣ въ стаканѣ воды. Къ тому же рѣчи произносились вяло, съ какимъ-то тяжелымъ докторальнымъ тономъ и, не смотря на частыя ссылки на героическій періодъ въ современной исторіи Германіи, на 13-й годъ — воодушевленія и увлеченія не было ни въ заглѣ, ни на трибунѣ. Особенно сами представители слушали другъ-друга чрезвычайно невнимательно. Многіе просто закрыли глаза и дремали, другіе читали газеты, третьи тихонько разговаривали съ сосѣдами. Все это походило на вяло-выполненную театральную сцену, гдѣ актеры давно знакомы со всякимъ словомъ, которое будетъ сказано, не думаютъ объ экспромптахъ и импровизаціяхъ и хлопочутъ только о ремесленномъ исполненіи своего дѣла, для публики, а не для искусства. Только одно, въ полномъ смыслѣ здоровое и умное слово, я и услышалъ во всемъ засѣданіи; оно было сказано министромъ Беустомъ въ отвѣтъ на требованіе нѣкоторыхъ ораторовъ, чтобы саксонское правительство употребило всѣ усилія для ускоренія развязки, т. е. объявленіе войны французамъ, и заключалось въ томъ, что Саксонія не должна «auswärtige Politik machen». Это слово не помѣшало въ послѣдствіи произнесшему его министру написать свою достопамятную ноту въ отвѣтъ на циркуляръ князя Горчакова; но въ объясненіе этой непослѣдовательности надобно вспомнить, что нота саксонскаго министра, хотя бы и иностранныхъ дѣлъ, еще не есть фактъ, могущій назваться политическимъ событіемъ для другихъ дер-

жавъ Европы. Весьма не дурно състригъ по поводу этой ноты берлинскій журналъ Кладдерадачъ на счетъ г. Беуста, сказавъ-то онъ только лаетъ, а не кусается — *er bellt nur, aber er beist (beisst) nicht*.

Чрезвычайно странный контрастъ, съ этою храбростью на словахъ, представляетъ всеобщая трусость на дѣлѣ. О той настроенности, которая господствовала у насъ при началѣ Восточной войны и заставляла насъ смотрѣть какъ на шутку на борьбу съ цѣлою Европой, тутъ нѣтъ и помину. Конечно, эта настроенность у насъ была слѣдствиемъ самообольщенія и вызывала печальную улыбку сомнѣнія въ людяхъ, понимавшихъ настоящее положеніе дѣла, но въ массѣ она тѣмъ не менѣе господствовала и, признаюсь, впдѣтъ ее передъ войною было гораздо отраднѣе, чѣмъ замѣчаемые здѣсь всеобщій страхъ и уныніе. Увѣренность въ побѣдѣ передъ боемъ составляетъ весьма немаловажное условіе для дѣйствительнаго одержанія ея. Тутъ же во всѣхъ разговорахъ и разсужденіяхъ взвѣшиваются только шансы потери — о побѣдѣ ни слова. Постоянно слышишь факты, свидѣтельствующіе объ уныніи и опасеніяхъ, а отнюдь не о военномъ энтузіазмѣ. Крестьяне закапываютъ въ землю деньги и драгоценности свои, чтобы онѣ не попались въ руки непріятелю, хотя онъ Богъ вѣсть гдѣ еще, за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ. На продаваемую поземельную собственность нѣтъ охотниковъ, не смотря на то, что цѣна ея на десять процентовъ ниже, чѣмъ въ обыкновенное время. За то постоянно возрастаетъ предложеніе ея, потому что крестьяне въ ожиданіи политической тревоги переселяются въ Соединенные Штаты въ большемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно. И — странная вещь — гораздо болѣе еще, чѣмъ французовъ, боятся насъ русскихъ; не смотря на формальное объявленіе *Journal de St.-Petersbourg*, слухъ объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ между Франціей и Россіей считается справедливымъ и мысль о томъ, что произойдетъ, «*wenn die Russen in's Land kommen*», болѣе всего побуждаетъ крестьянъ закапывать свое имущество или хлопотать о переселеніи въ Америку. За табль-д'отомъ меня часто слышали разсужденія о непріязни нашего правительства къ германскому союзу и о вѣроятности или невѣроятности вступленія нашихъ войскъ въ Саксонію.

Точно также, какъ въ засѣданіяхъ законодательныхъ палатъ, и въ частной бесѣдѣ, вопросъ о войнѣ господствуетъ и въ литературѣ, съ тою разницею, что тутъ высказываются желанія

и опасенія еще гораздо рѣшительнѣе и безцеремоннѣе, нежели въ рѣчахъ осторожныхъ представителей народа. Я говорю въ этомъ случаѣ не о журналахъ и газетахъ, въ которыхъ разумѣется величайшій вопросъ современности долженъ поглотить все остальное, но и объ отдѣльныхъ изданіяхъ, въ-особенности же о памфлетахъ и брошюрахъ, которыми завалены всѣ книжные магазины. Пока эти отдѣльныя изданія еще сохраняютъ исключительно военный или политическій характеръ. Беллетристика нѣмцевъ къ счастью не успѣла еще овладѣть новой темой. Я говорю: къ счастью, потому что успѣлъ познакомиться съ чудесами, которыя она въ состояніи творить, если кидается на сюжеты изъ современной исторіи. Что, напримѣръ, можетъ быть безобразнѣе, бессмысленнѣе и нелѣпнѣе тѣхъ романовъ и повѣстей, которые вышли изъ подъ пера нѣмецкихъ беллетристовъ, по поводу крымской войны? У насъ отразилась она почти въ одномъ только собственно литературномъ произведеніи — въ Севастопольскихъ очеркахъ графа Толстаго; но это одно представляетъ безконечно болѣе цѣны, чѣмъ тѣ чудовищные рассказы, для которыхъ она послужила матеріаломъ въ рукахъ нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ писателей. Я не говорю конечно въ этомъ случаѣ объ очеркахъ и повѣствованіяхъ,носящихъ строго историческій характеръ, каковы напр. страшныя скучныя записки Базанкура, или эскизы, набросанные живописнымъ перомъ англичанина Росселя. Слова мои относятся къ сочиненіямъ въ родѣ четырехтомнаго романа Редклиффа подъ заглавіемъ Sewastopol, который, не смотря на англійское имя автора, написанъ берлинскимъ нѣмцемъ и, при появленіи своемъ, съ жадностью читался во всей Германіи. Какъ тутъ поступлено съ историческою канвою, до какой степени употреблена во зло поэтическая вольность, сколько нагромождено невѣроятнаго и невозможнаго, этому трудно повѣрить. Для примѣра приведу тутъ только то обстоятельство, что авторъ для того, чтобы поддержать интригу романа, заключаетъ условія парижскаго трактата уже весной 1855 г. въ тайномъ переговорѣ между Наполеономъ и великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, и осаду Севастополя съ марта мѣсяца выдаетъ за комедію, которой окончательный исходъ уже заранѣе опредѣленъ договоромъ двухъ воюющихъ державъ, Россіи и Франціи.

Итакъ, повторяю, нѣмецкая беллетристика пока еще пощадила богатый матеріалъ, который представляется ей въ истинно-романтической загадочности настоящихъ мотивовъ итальянской

войны и цѣлей, имѣемыхъ въ виду ея главнымъ виновникомъ. До сихъ поръ итальянскій вопросъ принадлежитъ еще только публицистикѣ. Меня повело бы слишкомъ далеко, да и не было бы согласнымъ съ цѣлью скромной корреспонденціи, если бы я вздумалъ охарактеризовать здѣсь всю вызванную имъ литературу; тѣмъ не менѣе однакожь позволю себѣ остановиться на одномъ произведеніи и представить въ немъ маленькій обращекъ ея. Я избираю для этой цѣли только что вышедшую въ Берлинѣ брошюру безымяннаго автора «Brennuszug und Moskowitertum», какъ по причинѣ ея отношенія къ намъ, такъ и по фигурѣ, который она производитъ въ настоящее время въ Германіи и особенно въ Саксоніи. Послѣдній доказывается между прочимъ тѣмъ, что какой-то изъ мелкихъ саксонскихъ герцоговъ, если не ошибаюсь кобургскій, приказалъ напечатать ее въ 25,000 экземплярахъ и подарилъ ея автору перстень. Не могу сказать, отнесены ли сопряженные съ этимъ издержки на счетъ его собственной частной казны или государственнаго бюджета; но въ послѣднемъ случаѣ навѣрное было собрано чрезвычайное собраніе законодательной палаты и количество налоговъ увеличено нѣсколькими процентами.

Основная мысль всѣхъ разсужденій этой брошюры, наполняющихъ 32 страницы in 8°, заключается въ нахожденіи солидарности между дѣйствіями русскаго и французскаго правительствъ не только въ разсужденіи внѣшней, но и внутренней политики, и въ опредѣленіи опасности, которою этотъ тѣсный союзъ угрожаетъ Германіи. И то и другое правительство, говоритъ онъ, деспотическое; и то и другое революціонное; подъ послѣднимъ словомъ разумѣеть онъ антагонизмъ, представляемый будто бы обѣими державами въ отношеніи къ историческому праву и историческому прогрессу. О доказательствахъ для этой фразы онъ не думаетъ, а произноситъ прямо съ высоты своей непогрѣшительности приговоръ, что вся наша исторія не есть органическое развитіе народной идеи, а только послѣдовательное выраженіе личной мысли и личнаго интереса власти. Увеличеніе вліянія виѣ предѣловъ нашей страны, не утвержденіе внутренняго благосостоянія, слѣдовательно завоевательная, не охранительная политика составляетъ по его мнѣнію существенную черту какъ нашей, такъ и французской государственной жизни. А въ этой страсти къ завоеваніямъ и заключается революціонный характеръ ея. Такимъ образомъ всѣ матеріальныя пріобрѣтенія Россіи съ незапамятныхъ временъ выставляются

имъ только какъ грубое, ничѣмъ не оправдываемое присвоеніе чужой собственности и нарушенія чужаго права. Необходимаго слѣдствія народнаго органическаго развитія, которое разумѣется имѣеть нужду въ извѣстныхъ матеріальныхъ условіяхъ и по закону природы должно удовлетворить имъ, хотя бы это было и въ ущербъ другимъ народностямъ, онъ не находитъ въ нихъ. Исполнское разростаніе Россіи для него столь же бессмысленное явленіе, какъ завоеванія древнихъ персидскихъ царей или монгольскихъ хановъ, хотя при большемъ знакомствѣ съ исторіею, онъ нашелъ бы болѣе подходящую параллель къ нему въ территоріальномъ развитіи Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Установившись разъ на этой точкѣ зрѣнія, забывая, что Россія сравнительно весьма мало покорила, но за то весьма много ассимилировала себѣ, что одно уже лишаетъ завоеванія ея революціоннаго, т. е. произвольнаго характера и сообщаетъ имъ видъ исторической необходимости, авторъ приискиваетъ историческія доказательства тому, что мы по принципу, не только случайно, связаны съ завоевательною политикою французовъ. Временныя сближенія парижскаго и петербургскаго кабинетовъ при Павлѣ, послѣ Тильзитскаго мира и при Карлѣ X должны подтвердить это положеніе. При этомъ забывается, что Павелъ былъ доведенъ до этого сближенія завоевательными, слѣдовательно революціонными замыслами консервативнѣйшей монархіи — Австріи, что Александръ отказался отъ защиты историческаго права въ Германіи и призналъ революціонное господство надъ нею Наполеона, только тогда, когда сами нѣмцы сдѣлали то же самое, что въ 1827-мъ году сближеніе петербургскаго и парижскаго кабинетовъ имѣло цѣлю огражденіе христіанства и право угнетенной народности въ Греціи, а не расширеніе нашей власти за ея законныя предѣлы. И вотъ, что странно: лишь въ послѣдней Восточной войнѣ, которая въ свое время подавала столько поводовъ къ возгласамъ о нашей ачности къ завоеваніямъ, авторъ видитъ кратковременное господство въ нашей политикѣ консервативной идеи; въ этомъ только случаѣ Россія дѣйствовала не какъ завоевательная и не какъ революціонная держава. Послѣдовательность въ разсужденіяхъ, какъ видно изъ одного этого примѣра, удивительная!

Послѣ парижскаго мира мы опять обратились отъ этого кратковременнаго консерватизма въ нашей политикѣ къ союзу съ революціонной пропагандой. Въ угожденіе ей и чтобы подъ ея покровомъ удовлетворить эгонстическимъ стремленіямъ, мы под-

держивали народную и конституционную партію въ Румынскихъ княжествахъ, мы забыли ничѣмъ не оправданную вражду къ намъ Пьемонта и приняли сторону конституціоннаго государства противъ деспотизма Австріи,— все потому что мы сами деспоты и революціонеры! Разрѣшить логическое противорѣчіе, заключающееся во всѣхъ этихъ положеніяхъ, возможно развѣ при помощи какой-нибудь трансцендентальной метафизики; простому уму оно не постижимо, но авторъ надъ нимъ не задумывается, рассчитывая на одобреніе читателей, вѣроятно въ силу словъ Блаженнаго Августина: *credo, quia absurdum*.

Опредѣливши и доказавши дешевымъ способомъ голословнаго положенія одинаковость конечной цѣли русской и французской политики, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію задачи Германіи при настоящемъ положеніи дѣлъ. У него достаточно благо-разумія, чтобы допустить, что въ настоящую минуту Наполеонъ не ищетъ войны съ нею, но тѣмъ не менѣе нѣмцы должны сдѣять, по его мнѣнію, горой за австрійцевъ. Честь и независимость ихъ ангажированы въ Италиі, и потеря для Австріи Ломбардіи непосредственно повлечетъ за собою французское владычество по сю сторону Рейна. Что вліяніе французовъ въ Италиі такъ велико, единственно по тому, что она не свободна, что могущественное національное государство будетъ лучшимъ ручательствомъ противъ всего, что это вліяніе могло бы имѣть опаснаго, что независимая Италиа была бы надежнѣйшею союзницею Германіи противъ завоевательной Франціи — обо всемъ этомъ онъ не думаетъ. Единственное спасеніе, немедленное объявленіе войны со стороны германскаго союза — не завоевателю Наполеону — съ этимъ бы нельзя было не согласиться, а освободителю угнетенной народности. Нѣмцы должны обнажить мечъ во имя своей національности и свободы въ пользу именно той державы, которая съ 1815 года болѣе всѣхъ препятствовала ихъ единству и постоянно являлась самою отъявленною, рѣшительною и дѣятельною противницею всѣхъ желаній нѣмецкихъ патриотовъ. Вотъ вамъ и логика!

И къ этому результату приходятъ почти всѣ нѣмецкіе публицисты, принадлежащіе, какъ авторъ названной брошюры, къ либеральной партіи. Что приверженцы старины, защитники обветшалаго легитимизма, дворяне и попы — однимъ словомъ, партія, коей органомъ служитъ *Neue Preussische Zeitung*, такого же мнѣнія — весьма естественно. Только весьма немногіе умы сохранили независимость отъ общественныхъ предубѣжденій. На-

зову въ ихъ числѣ знаменитаго физиолога Карла Фохта, котораго за это прямо обвиняютъ въ томъ, что онъ подкупленъ французскимъ правительствомъ, и другаго выходца изъ Германіи, цюрихскаго профессора Симона. Брошюра послѣдняго: *der Don Quixote der Legitimität* содержитъ въ себѣ весьма здравыя соображенія о выгодахъ, какія представляетъ настоящій моментъ для утвержденія германскаго единства и для обезпеченія его отъ гнета какъ французскаго, такъ и австрійскаго деспотизма. Но идеи ея, по крайней мѣрѣ въ дрезденскомъ обществѣ, встрѣчаютъ мало сочувствія; онѣ очевидно слишкомъ разумны и логичны, чтобы привиться къ умамъ въ эпоху увлеченія, когда разумъ молчитъ передъ языкомъ страстей и чувства.

Кромѣ сочиненій въ родѣ названныхъ, въ которыхъ современная политика становится все-таки предметомъ болѣе или менѣе правильныхъ разсужденій и обсуживается съ точки зрѣнія мыслящаго человѣка, итальянскій вопросъ вызвалъ въ Германіи еще другаго рода литературу съ мистическимъ, чтобы не сказать сумасброднымъ, направленіемъ. Таковы книжки: *Kaiser Napoleon III und der Geisterbeschwörer, wunderbare und höchst interessante Prophezeiungen des schwarzen Doctors, einer 90jährigen Zigeunerin und der hellsichtigen Somnambule eines amerikanischen Geisterbeschwörers, die Vorhersagungen des Astrologen zu München*, и т. д. Странныя и вычурныя заглавія этихъ сочиненій могли бы заставить подумать, что онѣ назначены только для грубо невѣжественной и потому суевѣрной массы, но содержаніе ихъ вовсе не таково, чтобы годилось для послѣдней; онѣ, напротивъ, рассчитаны на суевѣріе образованнаго или, по крайней мѣрѣ, считающагося таковымъ класса и потому имѣютъ гораздо больше важности для пониманія умственной жизни общества, чѣмъ выходящіе у насъ оракулы царя Соломона, Брюсовы календари, Астрологи и тому подобныя прозведенія грубой книжной промышленности.

Вѣрованіе въ возможность для человѣка непосредственныхъ сношеній съ духами и видѣніями, вызванія и появленія душъ умершихъ, играетъ на Западѣ огромную роль въ нашу эпоху безвѣрія и отрицанія. Манія къ танцующимъ столамъ, которая у насъ прошла какъ минутная горячка, задѣвши насъ только слегка, тамъ далеко не исчезла, а напротивъ выработала цѣлое систематическое ученіе. Въ особенности цитированіе духовъ въ ходу въ Соединенныхъ Штатахъ и секта духопоклонниковъ, если можно такъ выразиться, считаетъ тамъ милліоны послѣдователей.

То, что для американца является однакоже только какъ excitement, какъ источникъ сильныхъ ощущеній, служащихъ необходимымъ дополненіемъ его сухой и прозаической обыденной жизни, въ Германіи приняло болѣе систематическія научныя формы. Баронъ Рейхенбахъ изобрѣлъ въ поясненіе фактовъ, будто бы относящихся къ области духовидѣнья, новую силу природы — одъ — и написалъ огромную книгу объ этомъ предметѣ. Истинная наука конечно не увлеклась его мечтаніями, но въ большинствѣ такъ называемаго образованнаго общества, онѣ нашли сочувствіе и подготовили почву для появленія, въ настоящее время, книгъ въ родѣ выше названныхъ. Мракъ среднихъ вѣковъ какъ будто опять хочетъ явиться на умственномъ горизонтѣ; астрологія, приправленная еще новѣйшими выдумками животнаго магнетизма и ясновидѣнія, приобретаетъ все болѣе поклонниковъ. Даже алхимія дѣлаетъ попытки занять свое прежнее мѣсто. При высокой степени совершенства, которой достигли наши знанія о природѣ, послѣднее особенно удивительно; но тѣмъ не менѣе, это фактъ, не допускающій сомнѣнія, и примѣры людей, ставшихъ жертвою грубаго алхимическаго обмана — не совсѣмъ рѣдки. На дняхъ еще только я прочелъ въ газетахъ пзвѣстіе о слѣдующемъ фактѣ, о которомъ слышалъ передъ тѣмъ уже вскользь отъ профессора химіи при здѣшнемъ технологическомъ институтѣ. Въ верхней Силезіи, для жителей которой горные промыслы главное занятіе, и гдѣ слѣдовательно знаніе химіи должно быть болѣе распространено, чѣмъ гдѣ либо, появился недавно какой-то господинъ, увѣрявшій, что онъ умѣетъ изъ свинца дѣлать серебро. Его попросили произвести опытъ, и онъ дѣйствительно вынулъ изъ тигля, въ который бросилъ при свидѣтеляхъ кусокъ свинца, нѣсколько золотниковъ серебра законной пробы. Тотчасъ составилось общество изъ тамошнихъ капиталистовъ, чтобы воспользоваться драгоцѣннымъ открытіемъ и обманщикъ принялся за устройство на чужія деньги форменной лабораторіи; но прежде, чѣмъ она была окончена, онъ исчезъ въ одно прекрасное утро со всѣми ввѣренными ему деньгами — 5000 талеровъ — и убѣжалъ въ Англію; оттуда онъ еще имѣлъ дерзость написать письмо обманутымъ имъ лицамъ и осмѣлять ихъ легковѣріе.

Я не намѣренъ обременять читателя отчетомъ о содержаніи названныхъ мною кабалистическихъ книгъ объ итальянскомъ вопросѣ, не намѣренъ повторять того страшнаго вздора, который заключается напр. въ одной изъ нихъ подъ заглавіемъ Го-

роскопа императора Александра II. Но для того, чтобы дать хотя краткое понятие о нихъ, приведу здѣсь отрывки изъ брошюры «Kaiser Napoleon III und der Geisterbeschwörer», въ которыхъ неизвѣстный американскій магъ вызываетъ для Наполеона тѣни отца и дяди и заставляетъ ихъ открыть ему будущую судьбу его. Я перевожу слово въ слово.

Магъ. Габріэлла! (Это имя ясновидящей, служащей посредницей въ его переговорахъ съ духами).

Габріэлла. Что, сударь?

М. Взгляни въ міръ духовъ.

Г. Я смотрю.

М. Что ты видишь?

Г. Ту же освѣщенную залу, что вчера, и въ ней тѣ же самыя тѣни.

М. Перемѣны нѣтъ?

Г. Отецъ его величества не стоитъ больше передъ матерью его, а разговариваетъ съ покойнымъ императоромъ Наполеономъ, который грустно разсматриваетъ пальмовое дерево.

М. А мать его величества?

Г. Она лежитъ на колѣняхъ передъ пустымъ кресломъ, которое покрыто чернымъ крепомъ, и горько плачетъ.

М. Попроси отца его величества послѣдовать за тобою и приведи его сюда.

Г. Онъ не идетъ.

М. Проси убѣдительно.

Г. Теперь онъ пошелъ... Вотъ онъ!

Огни 17 восковыхъ свѣчей чернаго цвѣта въ залѣ тюльерійскаго дворца, гдѣ происходила вся эта сцена, вдругъ погасли. Тѣнь Люи Бонапарте, бывшаго короля голландскаго, вдругъ предстала передъ императоромъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это мой отецъ! Батюшка, скажи, что со мною будетъ?

— Будущность твоя мрачна!

— Отъ чего, батюшка?

— Кто сѣетъ преступленія, долженъ пожинать несчастье.

— Слова твои жестоки!

— Ты заслужилъ ихъ. Когда я былъ королемъ голландскимъ и судьба не дозволила мнѣ осчастливить моихъ подданныхъ, я добровольно отказался отъ престола. Французы избрали тебя императоромъ, ослѣпленные именемъ Бонапарте...

— Ослѣпленные?

— Да, ослѣпленные. Эти безумцы повѣрили миру, который ты обѣщаешь имъ. Что ты далъ имъ за вѣнецъ, который они поднесли тебѣ? Рабство. Ты попираешь ногами правосудіе, и мудрость покинула престолъ твой. Невинныя жертвы твоего деспотизма въ Кайеннѣ и Ламбессѣ обвиняютъ тебя передъ Богомъ, который въ милосердіи своемъ спасъ тебя отъ замысла Орсини, чтобы дать тебѣ время опомниться и раскаяться. Ты готовъ начать войну въ Италиі безъ всякаго основанія.

— Я дѣйствую подъ вліяніемъ неумолимой необходимости.

— Это справедливо. Чтобы сохранить собственную жизнь, ты жертвуешь жизнью и благосостояніемъ Франціи. Чтобы обезпечить себя отъ княжатъ итальянскихъ заговорщиковъ, ты манишь ихъ обѣщаніемъ свободы и независимости. Ты и свобода! Настоящій планъ твой завоевать Италию и покорить ее точно также, какъ ты покорилъ французовъ. Но напрасно. Я пришелъ, чтобы предостеречь тебя. Мы увидимся и скоро увидимся, только не на землѣ больше.

Въ такомъ же родѣ представляется разговоръ Наполеона III съ матерью его, королевой Гортензіей. Вотъ описаніе другаго магнетическаго сеанса, въ которомъ вызывается тѣнь Наполеона I.

Въ убранствѣ салона, со времени послѣдняго свиданія императора съ заклинателемъ, не произошло никакой перемѣны, кромѣ освѣщенія. Въстало стараго канделябра съ 17 свѣчамъ, въ люстрѣ горѣли 27 свѣчей, изъ чернаго воска, и бросали желтоватый свѣтъ на лежавшую посреди комнаты въ магнетическомъ снѣ Габріэлу.

Императоръ стоялъ, опершись на спинку кресла, и разговаривалъ съ заклинателемъ такъ спокойно, какъ будто онъ ожидалъ обыкновеннаго дивертисмента, а не событія чудеснаго и сверхъестественнаго. Но подъ этимъ притворнымъ равнодушіемъ скрывалось сильное внутреннее волненіе.

— Я того мнѣнія, сказалъ онъ волшебнику, — что вы соединяете въ себѣ таланты Нострадама, графа Сенъ-Жермэна и Калиостро.

— Благодарю, ваше величество, за такое высокое мнѣніе о моей многосторонности, которой я однакожь не сознаю за собою. Я простой магнетизёръ и могу творить чудеса не иначе, какъ при помощи ясновидящей Габріэлы. Нострадамъ былъ врачомъ, поэтому и астрологомъ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ предвѣщалъ трагическую смерть Генриха II. Сенъ-Жермэнъ

прожилъ 350 лѣтъ, возвращалъ посредствомъ своего жизненнаго элексира молодость старымъ женщинамъ....

— Это отличное занятіе, лучше всякой Калифорніи! прервалъ его императоръ.

— предсказалъ французамъ смерть Людовика XV, дѣлалъ драгоценныя камни, писалъ разомъ два письма лѣвою и правою рукою и такъ мастерски игралъ на скрипкѣ, что казалось будто дѣйствуетъ цѣлый оркестръ.

— У васъ весьма точныя свѣдѣнія.

- Они достались мнѣ вслѣдствіе моихъ занятій магіею, которую я однакожь поклянуль, потому что она не удовлетворяла моихъ ожиданій и я никогда не чувствовалъ призванія быть простымъ фокусникомъ.

Императоръ улыбнулся.

— Перестанемъ болтать! сказалъ онъ. — Мнѣ некогда. Я хочу видѣться и говорить съ покойнымъ дядей.

— Ваше величество, изволите помнить голосъ покойнаго государя?

— Очень хорошо помню. Мнѣ было семь лѣтъ, когда онъ въ послѣдній разъ простился со мною. Я никогда не забуду этой трогательной сцены.

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что я родился четыре года послѣ смерти великаго императора.

— Въ такомъ случаѣ конечно не могли слышать его голоса.

— Габріэлла! воскликнулъ заклинатель.

— Слушаю!

— Взгляни въ царство духовъ.

— Смотрю.

— Видишь ли императора Наполеона I?

— Вижу. Онъ разговариваетъ съ своимъ сыномъ, Наполеономъ II.

— Попроси его послѣдовать за тобою и приведи его сюда.

Пауза.... — Онъ идетъ за мною; вотъ онъ!

Свѣчи погасли и тѣнь великаго государя, окруженная спелатымъ сіяніемъ, стояла передъ его племянникомъ; видъ ея былъ мрачный, но спокойный.

— Дядюшка, доволенъ ли ты мною? спросилъ Наполеонъ III.

— Нѣтъ, Люи, не доволенъ! отвѣчало видѣніе.

— Это его голосъ, совершенно его голосъ. Такъ говорилъ онъ прощаясь со мною. Непостижимо. Потомъ онъ продолжалъ:

— Отчего же, дядюшка!

— Ты задумалъ разыграть мою роль. Но это тебѣ не удастся; сцена и зрители перемѣнились. Ты слишкомъ старъ для этого. Когда я былъ вдвое моложе тебя, я уже наполнилъ мѣръ славою своихъ побѣдъ, которыя возвели меня на престолъ. Ты же достигъ его только посредствомъ коварства, обмана и подкупа.

— Но при всемъ томъ меня боятся и уважаютъ меня. Я признанъ всѣми державами Европы, подписавшими договоръ 1815 года, который лишилъ все наше семейство права на престолъ.

— Не страхъ и уваженіе заставили ихъ признать тебя, а любовь къ покою и желаніе пощадить своихъ подданныхъ. Они успокоились при мысли, что рано или поздно сами же французы свергнутъ тебя. Безумныя попытки твои къ возстанію въ Страсбургѣ и Булони дали имъ право пренебрегать тобою. Другой, на мѣстѣ Людовика-Филиппа велѣлъ бы разстрѣлять тебя. Онъ пощадилъ тебя, а ты отвѣчалъ на его милосердіе похищеніемъ собственности Орлеановъ. Божій судъ сочтется съ тобою, точно также какъ онъ счелся со мною.

— Но развѣ я не преодолѣлъ Россіи?

— Нѣтъ, ты взялъ только укрѣпленную гавань и на это истратилъ милліоны денегъ и сотни тысячъ французовъ. Самъ же ты не выѣзжалъ изъ Парижа.

— Я завоюю Италію и лично приму начальство надъ арміею. Я обѣщалъ итальянцамъ свободу и независимость и намѣренъ сдержать свое слово.

— И я нѣкогда далъ имъ это обѣщаніе и исполнилъ его столь же мало, какъ и ты намѣренъ исполнить. Итальянцы и теперь еще такія же дѣти, какъ тогда; и теперь, какъ тогда, они увлекаются своими мечтаніями. Какимъ образомъ можешь имъ дать свободу человѣкъ, истребившій послѣдніе остатки ея во Франціи? Даже республика 48-го года не рѣшилась начать войну за освобожденіе Италиі.

— Республиканцы были трусливы.

— Нѣтъ, они были честнѣе тебя и не хотѣли лгать.

— Мнѣ необходимо начать эту войну.

— Конечно, потому что ты трепещешь передъ итальянскими заговорщиками и арміею, на штыкахъ которой только и держится престолъ твой. Когда я на берегахъ Березины командовалъ гвардіею, она громко расхохоталась и не послушала. Смотри, чтобы съ тобою не случилось тоже самое. Каждый день

угрожаетъ и жизни и престолу твоему. Берегись вражды съ папою, потому что она возстановитъ противъ тебя всѣхъ католиковъ. Я самъ испыталъ слѣдствія этой вражды. Если ты потеряешь сраженіе, оставайся твердымъ; если выиграешь, прибѣгни къ посредничеству нейтральныхъ державъ и постарайся при ихъ помощи выхлопотать для Италіи необходимыя реформы. Далѣе этого предѣла грозить бездна, которая поглотитъ тебя и всякаго завоевателя, точно также, какъ поглотила меня. Я былъ самымъ могучимъ государемъ, величайшимъ воевателемъ; дарилъ цѣлыя царства и — что же? — я умеръ плѣнникомъ на пустынномъ островѣ. Пусть моя участь послужитъ тебѣ предостереженіемъ.

— Наслѣдуетъ ли сынъ мой престолъ Франціи?

— Нѣтъ, Наполеона IV не будетъ, такъ какъ не было Наполеона II. Теперь прощай!

Видѣніе пчезло и всѣ двадцать семь свѣчей снова зажглись разомъ.

Но довольно, слишкомъ довольно этихъ выдержекъ изъ сочиненія, при чтеніи котораго недоумѣваешь, чему больше удивляться, безстыдству ли фабрикантовъ, которыя выдѣлываютъ подобныя произведенія, или умственной одичалости публики, которая покупаетъ и читаетъ ихъ. И не должно думать, что они мало расходятся. Первый выпускъ книги, изъ которой приведены отрывки, вышелъ уже пятымъ изданіемъ и я нашелъ ее не у книжника, а въ солидномъ книжномъ магазинѣ, выставленную между прочими новостями литературы и науки. Тутъ стояли рядомъ опытъ біографіи Гумбольда и послѣдній отчетъ вѣнскаго общества испытателей природы. Что сказалъ бы великій ученый, если бы онъ увидѣлъ имя свое въ такомъ печальномъ сосѣдствѣ? Тѣмъ не менѣе удивительнаго во всемъ этомъ ничего нѣтъ, потому что крайности всегда и вездѣ соприкасаются. Точно такимъ же образомъ, за 18 вѣковъ передъ симъ, члены одного и того же общества, люди, причастные одной и той же цивилизаціи, восхищались высокими философскими помыслами Сенеки и безсовѣстнымъ враньемъ какого нибудь Аполлонія Тіянскаго.

Но, да не выведутъ изъ послѣднихъ словъ моихъ заключенія, что я ставлю на одинъ уровень нынѣшнее поколѣніе Германіи и римское общество временъ императоровъ. Изъ явленій, только что мною охарактеризованныхъ, какъ онѣ ни печальны, отнюдь не слѣдуетъ, въ угожденіе нашимъ славяномамамъ, заключать о гнилости Запада и необходимости для насъ совершенно отрѣчься

отъ него въ нашемъ собственномъ развитіи. Суевѣріе, гдѣ бы оно ни являлось, въ области литературы и науки, или религіознаго вѣрованія, есть только пѣна взбиваемая волненіемъ умственной жизни и тѣмъ сплывае, чѣмъ она сама богаче и разнообразнѣе. Но какъ вода океана не грязнится отъ пѣнистыхъ буруновъ, такъ и подобныя выродки общественнаго быта, сами-по-себѣ, еще не служатъ неопроверженнымъ доказательствомъ его испорченности и гнилости.

Однакожъ я увлекся: начавши съ впечатленія, произведеннаго на добрыхъ дрезденцевъ современными политическими событіями, я кончилъ совершенно по-нѣмецки абстрактнымъ положеніемъ, которое прихвѣняется ко всякому народу и ко всякому времени столько же, сколько къ нынѣшнимъ германцамъ. Стоитъ только продолжать на этотъ ладъ и я мигомъ доберусь до какого-нибудь страшнаго «абсолюта», не хуже любаго Гегеля или Шеллинга. Пора опомниться и остановиться.

Въ отелі Victoria, первомъ пристанищѣ моемъ по прибытіи изъ Вѣны, я остался только полсутки. Роскошно убранный номеръ съ бархатною мебелью и зеркалами въ позолоченныхъ рамкахъ ужасалъ меня, потому что пугливая фантазія тотчасъ представила мнѣ длинный счетъ съ безконечнымъ числомъ триянгельдеровъ и тому подобныя повинностей. Я отправился гулять по городу, чтобы отыскать себѣ частную квартиру по дешевле и по скромнѣе и черезъ полчаса нашелъ таковую вблизи Пирнскои площади. Не большая, приличная комната, близко отъ центра города, но и не далеко отъ главнаго загороднаго гулянья — королевскаго сада, вмѣстѣ съ прислугой на 16 дней за три талера. Чего же лучше? Но и опасенія мои на счетъ дороговизны въ гостинницѣ оказались преувеличенными, потому что за номеръ взяли съ меня не болѣе 25 грошей, т. е. около 75 коп. сер. въ Одессѣ за такую комнату пришлось бы дать никакъ не менѣе двухъ цѣлковыхъ.

Съ слѣдующаго утра началось мое существованіе въ качествѣ настоящаго дрезденскаго обывателя, не перелетной птицы, проживающей только въ гостинницѣ. Утро, отъ 7 до 11 часовъ, и послѣобѣденное время, отъ 2 до 4, посвящались моимъ дѣловымъ занятіямъ, о которыхъ тутъ незачѣмъ распространяться. Вечера были свободныя. Я ими пользовался для ознакомленія съ городомъ. Достопримѣчательности его, галерея (которой я посвятилъ только послѣднихъ два дня передъ отъѣздомъ), зеленая палата, Японскій дворецъ, католическая церковь Пресв. Богоро-

дицы, Брюлева терраса, садъ Реппина, разведенный имъ во время его управленія Саксоніею, въ 1813 и 1814 годахъ, и проч. слишкомъ извѣстны русскимъ, которыхъ постоянно живетъ въ Дрезденѣ очень много, чтобы на нихъ остановиться. Замѣчу только, что монументальныхъ зданій въ полномъ смыслѣ этого слова Дрезденъ, кромѣ развѣ новой галереи, не имѣетъ, но что названныя мною постройки и вообще архитектура домовъ его производятъ весьма пріятное впечатлѣніе; онѣ сообщаютъ ему изящество и миловидность — тотъ же характеръ, который носятъ пейзажи Саксонской Швейцаріи сравнительно съ величественнымъ видомъ настоящихъ Альпъ, или съ грандіозною дикостью сѣверной природы въ нашихъ Финляндскихъ и Олонецкой губерніяхъ. Дрезденъ по этому представляетъ весьма пріятное мѣстопробываніе для жителей большихъ городовъ, которые хотятъ отдохнуть отъ великосвѣтскаго шума. Съ одной стороны они пользуются тутъ почти всею уютностью провинціальной жизни, съ другой — не удалены и отъ столичныхъ удовольствій, театровъ, концертвъ, баловъ и т. п., если и не украшенныхъ великолѣпіемъ Парижа, Лондона и Петербурга, за то почерпающихъ особую прелесть именно изъ изящной миниатюрности своей.

Любимымъ мѣстомъ для моихъ вечернихъ прогулокъ былъ королевскій садъ, который такъ великъ, что народонаселеніе Дрездена не въ состояніи произвести въ немъ такой тѣсноты, чтобы нельзя было всегда найти уединеннаго и покойнаго уголка. Украшенія его, прудъ съ непзбѣжными лебедями, лѣтній дворецъ короля, театръ, нѣсколько статуй вкуса временъ Людовика XV, не представляютъ ничего особеннаго. Но крайне изумило меня изобиліе разныхъ «заведеній» въ этомъ саду. Ихъ считаютъ не менѣе 16, и если, не смотря на такую огромную конкуренцію, владѣтели все-таки существуютъ и имѣютъ барышъ, — то можно себя представить, какую страсть жители Дрездена имѣютъ къ разнымъ «освѣженіямъ.» Впрочемъ эти освѣженія состоятъ почти исключительно изъ пива различныхъ родовъ и названій. Въ числѣ упомянутыхъ 16 заведеній только одна кондитерская въ нашемъ смыслѣ, да и у той всегда наименьшее количество посѣтителей. Пивныя же лавки, по вечерамъ, не только набиты народомъ, но передъ ними разставлено еще множество стульевъ и столовъ, за которыми съ трудомъ находишь мѣсто. Каждый вечеръ гремитъ музыка, а два раза въ недѣлю ее можно услышать еще и въ 6 часовъ утра. Тутъ сидятъ люди всѣхъ сословій, мушны и дамы, первые за газетой, послѣднія, пока свѣтло,

за работой. На столахъ передъ тѣми и другимъ неминуемо стоитъ высокая стеклянная кружка съ національнымъ напиткомъ. Однажды я пошелъ гулять съ хозяиномъ моей квартиры, почетнымъ бюргеромъ, который въ 48-мъ и 49-мъ годахъ былъ батальоннымъ командиромъ дрезденской національной гвардіи. Онъ и его супруга утверждали, что они очень умѣренны и особенно мужъ говорилъ, что не любитъ пива и пьетъ его только для утоленія жажды — «wider den Durst». Но когда мы подошли къ одному изъ храмовъ бога Гамбринна (это имя выдуманнаго нѣмцами міеологическаго существа, которое въ такомъ же отношеніи находится къ пиву, въ какомъ Вакхъ у древнихъ грековъ находился къ вину), онъ не устоялъ противъ искушенія и потребовалъ для себя и для жены по «*прохлаждающей блондинкѣ*» (kühle Blonde), подъ этимъ ласкательнымъ названіемъ разумѣютъ особый сортъ бѣлаго берлинскаго пива. Покончивъ съ ними, мы пошли далѣе, но не прошло и получаса какъ сидѣли уже передъ другимъ заведеніемъ, гдѣ въ утробѣ моего хозяина исчезла другая *блондинка*. Я не могъ не улыбнуться при воспоминаніи о его умѣренности; вѣроятно онъ угадалъ мои мысли, потому что сказалъ, что въ теченіе цѣлаго дня выпилъ только эти двѣ кружки, но что онъ знаетъ такихъ, которые доводятъ это число до 18. А въ каждой кружкѣ будетъ добрыхъ два стакана. Что значать передъ этимъ знаменитыя 20 и 30 стакановъ чаю нашихъ московскихъ купцевъ и сидѣльцевъ.

Имѣя отъ природы отвращеніе ко всякимъ искусственнымъ напиткамъ, даже къ вину, я ничего не могу сказать о качествѣ саксонскаго пива и не въ состояніи опредѣлить — не служитъ ли его чрезмѣрное употребленіе причиной того весьма неудовлетворительнаго физическаго развитія дрезденской людской породы, которое такъ рѣзко бросается въ глаза путешественнику. Жители Дрездена малорослы, не красивы и, по-видимому, очень слабого тѣлосложенія; притомъ почти на каждомъ шагу встрѣчаешь между ними уродовъ и калековъ. Изъ 20 человекъ одинъ непременно страдаетъ какимъ-нибудь изъяномъ: или онъ карликъ, или хромаетъ, или обремененъ горбомъ, если не двумя даже. Извѣстная нѣмецкая поговорка, приписывающая Саксоніи самыхъ красивыхъ дѣвицъ, въ отношеніи къ Дрездену не имѣетъ никакого основанія.

Но если я не рѣшусь приписать пиву физическія не совершенства и недостатки употребителей его, то нисколько не за-

думаюсь сказать, что избытокъ публичныхъ заведеній, въ которыхъ оно продается и распивается, служить великимъ зломъ для нравственности дрезденцевъ. Онъ глубоко нарушаетъ семейную жизнь и превращаетъ ее въ какое-то уличное существованіе. Друзья и знакомые, въ среднемъ кругу, почти никогда не бываютъ другъ у друга, а сходятся исключительно въ публичныхъ заведеніяхъ. Тутъ разсуждаютъ они о дѣлахъ своихъ, о политикѣ, о наукѣ, о театрѣ, о вссмі, что занимаетъ ихъ; задушевная же бесѣда за домашнимъ очагомъ, чѣмъ дагѣе, тѣмъ болѣе забывается. Домъ служитъ такимъ образомъ для дрезденца только убѣжищемъ въ худую погоду, или мѣстомъ ночлега, куда онъ при всей своей склонности къ новымъ знакомствамъ, весьма неохотно принимаетъ чужаго. И при этомъ самое предосудительное то, что весьма нерѣдко каждый членъ семейства отправляется въ свой любимый «Local», мужъ туда, гдѣ встрѣчаетъ знакомцевъ-холостяковъ, жена—гдѣ можно посплетничать, взрослые и полувзрослыя дѣти—гдѣ находятъ наиболѣе развлеченій себѣ по вкусу. А избытокъ и общедоступность этихъ заведеній съ одной стороны, участіе молодыхъ людей лѣтъ 14 и 15 въ общественномъ трудѣ и слѣдовательно владѣніе ими нѣкоторой собственности, порождаетъ страсть къ удовольствіямъ, неразрывную съ преждевременнымъ нравственнымъ растленіемъ молодежи. Особенно неодобрительнымъ мнѣ показался обычай, держать въ пивныхъ лавкахъ для прислуживанія не половыхъ, а молодыхъ дѣвушекъ, которыя разумѣется не отличаются строгою нравственностью и угощаютъ гостей своихъ не однимъ пивомъ только.

Многочисленность гостинницъ, кофейныхъ, рестораций и т. п. мѣстъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое громкое названіе, какъ Odeum, Orpheum, Elysium, Walhalla, Urania и т. д., отличаетъ не только Дрезденъ, но и отдаленныя окрестности его. Такъ напр. въ Саксонской Швейцаріи почти на каждомъ шагу натыкаешься на какую-нибудь вывѣску, не очень-то гармонирующую съ великолѣпіемъ видовъ. Для меня, по-крайней-мѣрѣ, шумъ пирующихъ гулякъ и пускаемая ими облака вонючаго сигарнаго дыма имѣли значеніе какой-то профанаціи тѣхъ чувствъ и той настроенности, которыя вызываются красотой природы. Поэтому я и ограничилъ экскурсію въ Саксонскую Швейцарію только окрестностями Пирны и вмѣсто назначенныхъ на нее трехъ дней, употребилъ на это только одинъ. Въ параллель съ неприятными ощущеніями, произведенными названнымъ мною обстоя-

тельствомъ, я могу поставить только то, что почувствовалъ, когда погрузился въ созерцаніе сикстинской мадонны и подлѣ меня два господина завели довольно громкій разговоръ о построннемъ предметѣ съ пошлыми шутками и остроуміями. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что эти два господина говорили по русски.

Нѣсколько разъ мои вечернія прогулки въ королевскій садъ были прерваны посѣщеніемъ придворнаго театра. Онъ убранъ весьма мило, какъ внутри, такъ и снаружи, но страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что мѣста слишкомъ тѣсны и потому изъ партера напримѣръ, во время антрактовъ почти не возможно выйдти въ фойе. При томъ количествѣ зрителей, которое тутъ обыкновенно бываетъ, можно было бы смѣло каждому мѣсту предоставить удвоенное противъ нынѣшняго пространство. Для того, чтобы получить вѣрное понятіе о достоинствахъ дрезденской труппы, время было неудобно, потому что лучшіе сюжеты ея, въ томъ числѣ даже европейская знаменитость, г. Девриентъ, пользовались лишними ваканціями и были въ отпуску. Тѣмъ не менѣе я соблазнился афишей, объявлявшей о представленіи «Сна лѣтней ночи» Шекспира, и не раскаялся въ своей податливости. Эта пьеса, какъ извѣстно, одна изъ тѣхъ, въ которыхъ эффектъ зависитъ не отъ игры одного или двухъ актеровъ, а отъ всего ансамбля, потому что въ ней нѣтъ характерныхъ ролей. Для удачнаго поставленія на сцену такихъ пьесъ не столько настоять надобности въ художественномъ совершенствѣ игры, сколько въ добросовѣстномъ трудѣ актеровъ и взаимной поддержкѣ ихъ. И эти условія были выполнены безукоризненно. Я рѣдко проводилъ въ театрѣ время съ такимъ наслажденіемъ. За то Фенелла рѣшительно не удовлетворила меня. Пѣвцы и пѣвицы были весьма посредственны и только отлично сыгравшійся оркестръ могъ развѣ послужить вознагражденіемъ. Наконецъ я видѣлъ еще «графа Эссекса», трагедію Генриха Лоубе. Это одно изъ недавнихъ произведеній германской драматической литературы и потому стоитъ того, чтобы надъ нимъ остановиться не много. Но письмо мое и такъ уже разрослось не въ мѣру. Пора заключить его. О графѣ Эссексѣ въ слѣдующемъ.

Р. ОРБИНСКІЙ.

УТРО ВЪ БИБЛИОТЕКѢ ДЛѢ ЧТЕНІЯ.

Вотъ восемь часовъ туманнаго октябрьскаго утра. Если случай выгналъ васъ въ эту пору на улицу, вы встрѣтите, во-первыхъ, трубочиста, а за нимъ печальную фізіономію учителя, непремѣнно труженника учителя, и всегда въ шинели, забрызганной грязью. Въ девять, увидите смѣсь одеждъ и лицъ: разнощика газетъ, кухарку, дантиста, должностнаго чело­вѣка, мотуна, ищущаго въ заемъ денегъ, пустыя дроги и театральную, какъ бочку сельдями, набитую хористками карету. Въ десять, выползаютъ на свѣтъ — ручаюсь не угадаете — дворники, гбнтя дворники, и начинаютъ скоблить тротуары, заграждая путь проходимъ.

Любители чтенія наводнили бібліотеку книгъ купца Русакова.

— Иванъ Кузьмичъ! сдѣлайте одолженіе, отпустите мнѣ новый романъ Поль-де-Кока, умоляетъ студентъ, поправляя очки на носу.

— Мнѣ привидѣніе въ лѣсу, привидѣніе въ лѣсу! повторяетъ прикащикъ изъ периннаго ряда.

— Нѣтъ ли у васъ домашняго лечебника? — Нуженъ опытный коноводъ. — Поищите казака Луганскаго! Раздаются со всѣхъ сторонъ голоса абонентовъ.

Иванъ Кузьмичъ въ попыхахъ; минуты нѣтъ покоя. Этому отпусти то, тому другое, всякому по вкусу, по желанію.

Но многіе спросятъ меня, что за лицо Иванъ Кузьмичъ. Помилуйте, неужели вы не знаете Ивана Кузьмича? Если не вся столица, то всякій читатель, непремѣнно, разъ въ недѣлю или лично изъявить почтеніе, или чрезъ слугу пришлетъ поклонъ ему и вмѣстѣ, на обмѣнъ, прочитанныя книги. Каждый отдаетъ ему должную дань уваженія, величаетъ по имени и отчеству. И горе, горе тому, кого не возлюбитъ онъ.... тотъ не прочтетъ ни одной новой книжонки, отстанетъ, по малой мѣрѣ, на годъ въ просвѣщеніи. Короче, Иванъ Кузьмичъ сидитъ, виновать, — присѣсть ему некогда, — стоитъ на ногахъ съ утра до вечера за прилавкомъ бібліотеки для чтенія купца Русакова и отпускаетъ по востребованію книги медицинскія, духовныя, гражданскія и военныя.

Нсоцѣненный чело­вѣкъ Иванъ Кузьмичъ. Въ его рукахъ вся мудрость земная, всѣ познанія людскія: философія и акушерство,

астрономія и опытный коновалъ, средство истреблять мышей и искусство быть богатымъ и здоровымъ. Все, все, о чемъ не задумали бы, чего не пожелали бы, все получите, во всемъ успѣете, по милости его. Напримѣръ, вы женаты; у васъ нѣтъ дѣтей, а вы всей душою желаете имѣть ихъ. Идите къ Ивану Кузьмичу, къ нему идите; онъ поможетъ вамъ создать наследника. У него на этотъ людской неурожай есть особое изданіе: *О безплодіи женщинъ и средствахъ помочь тому.*

И чего нѣтъ на рукахъ его, чѣмъ только не можетъ услужить онъ вамъ! Хотите быть любезнымъ — къ нему. Онъ дастъ вамъ *Искусство нравиться и быть любезнымъ.* Пожелали знать будущее: онъ снабдитъ васъ *Сонникомъ, Оракуломъ.* Вздумали обыграть, на-вѣрнякъ, пріятеля: получите книгу *Открытыя хитрости карточной игры.* Нужно вамъ отдѣлаться отъ заимодавца — у него есть книга *Искусство дѣлать займы и не платить долговъ.*

— Наше вамъ.... заголосилъ вдругъ вошедшій купчикъ, развязывая кипу книгъ. Вотъ и *чедулочка.* Отпустите по ней, милостивецъ мой, книженокъ. Сожительница моя, знаете, того.... охотница читать; въ пансіонѣ училась. Такъ пожалуйста мнѣ.... что-бишь она тутъ написала: *Любовный вертоградъ или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены. Несчастная любовь некоей Фисталки, аль фисташки, прахъ ее знаетъ!*

— Весталки, поправилъ Иванъ Кузьмичъ улыбаясь.

— Тутъ еще что.... Приключеніе рыцаря Фонъ, Финъ.... Не выговорить мнѣ, нѣмецкая фамилія. Потрудитесь заглянуть сами.

— Приключеніе рыцаря Зигенъ фонъ-Лауенберга.

Явился молодой человѣкъ въ длинноволосой прическѣ, съ бакенбардами, сходящимися, въ видѣ бороды, подъ нижнюю губу, съ лорнеткою на шеѣ и толстою тетрадью подъ мышкой.

— Мнѣ нужно переговорить съ хозяиномъ, обратился онъ къ Ивану Кузьмичу.

— Что? особая надобность къ нему?

— Желая продать въ рукописи сочиненіе. Говорятъ, г. Русаковъ предприимчивъ, рѣшителенъ и умѣетъ цѣнить труды автора.

Въ эту минуту изъ выхода, позади стойки, выглянуло лицо самаго хозяина. Иванъ Кузьмичъ сказалъ ему что-то на ухо и указалъ рукою на автора съ длинными волосами. Глаза Русакова радостно заморгали (природная его привычка). Очень радъ, очень радъ, прошу.... началъ было онъ обычно своею скороговоркою;

но увидя входящее новое лице, не кончивъ фразы, мгновенно скрылся, успѣвъ, однакожъ, шепнуть прикащику: скажи, что нѣтъ; ушелъ молъ, а куда — не знаемъ.

Вошедшій оказался мужчина блѣдный, худой, высокій, волосы взерошены дыбомъ, словомъ, разочарованный писатель. Сѣрое пальто болталось на немъ, какъ на вѣшалкѣ; рука опиралась на полновѣсную сучками усѣянную палку. Онъ ударилъ ею нѣсколько разъ объ полъ и повелительно потребовалъ на лицо хозяина.

— Не бывалъ еще, отвѣчалъ Кузьмичъ равнодушно.

— Врешь, ненавистный обманщикъ! Я собственными глазами видѣлъ какъ онъ далъ тягу. Вызови! не то, клянусь честью!...

— Викторъ Павловичъ! почтеннѣйшій Викторъ Павловичъ! отозвался хозяинъ, видя, что на этотъ разъ не отдѣлаться укрывательствомъ, и глаза его заморгали съ быстротою необыкновенною. Какъ ваше драгоценное?... Примите мое покорно-нижайшее.... Я все это время поджидалъ васъ, вѣрьте слову, поджидалъ, чтобъ....

— Чтобъ разсчитаться со мною.

— Да, повидаться, побесѣдовать.... Каково поживаютъ ваши дѣточки, дѣточки?

— Не о дѣтяхъ рѣчь, а о деньгахъ.

— Сію минуту. Повремените крошечку, присядьте; вотъ тутъ помягче. Вѣдь вы у меня дорогой гость, старинный знакомый.

Двери снова закричали. На этотъ разъ вошелъ гвардейскій офицеръ. Надобно было видѣть, съ какою поспѣшностью Русаковъ бросился къ нему на встрѣчу и съ какимъ подобострастіемъ подалъ, по первому требованію, журналъ модъ. Затѣмъ онъ схватилъ съ полки въ желтой оберткѣ книжонку (то была чухоточная, какъ самъ авторъ ея, *Супружеская истина*) и, сунувъ ее насильно въ руки офицеру, примолвилъ: «сейчасъ только изъ типографіи.»

Ловкій, неистощимый въ изобрѣтательности сбывать книжный соръ, Русаковъ шепчетъ между-тѣмъ прикащику, какъ бы за тайну, но такъ, что всѣ его слышатъ: «прекрасная, удивительная исторія, чудный, интересный разсказъ, высокая, суцая психологическая истина!... и всего рубль двадцать.... Такъ прикажете вернуть? продолжалъ онъ уже во всеуслышаніе. А прекрасная исторія, чудный, интересный разсказъ. Молодежь на расхватъ разбираетъ; пожилые только, у которыхъ дочери невѣсты, ворчатъ и бранятъ автора. Одинъ изъ нихъ грозился даже поколо-

тить его. Значить, книга-то.... знаете.... а всего рубль двадцать....»

Офицеръ ушелъ однакожь, не купивъ хваленой книги, не дослушавъ даже болтовни книгопродавца.

Сѣрое пальто, давно оказывавшій нетерпѣнне, приступилъ снова къ книгопродавцу.

— Что жъ, долго ли ждать мнѣ?... Деньги, сейчасъ деньги, ши, клянусь честью!...

— Получите, сполна получите. Я сегодня же расплатился бы съ вами; но вотъ, посмотрите, въ выручкѣ ни копейки. Завтра...

— Опять завтра.... Да это дневной грабежь. Мнѣ некогда таскаться; я человѣкъ должностной, служащій.... Не выйду отсюда; заберу всѣ твои книги; поставлю вверхъ дномъ всю библіотеку; осрамлю, клянусь честью, осрамлю всенародно!

— И полно.... Знаю я васъ гг. сочинителей.... вѣчно шутите. Не сердитесь.... Вотъ вамъ покуда пять рубликовъ. Предъ Богомъ, послѣдніе отдаю. Завтра, другое дѣло; я ожидаю съ почты, и окончательно удовлетворю васъ.

— Такъ и быть, отвѣчалъ сѣрое пальто, схвативъ деньги: отсрочу еще до завтра. Но, смотри, если опять обманешь.... не пеняй тогда.... понимаешь.... Клянусь честью!... При этомъ онъ выразительно махнулъ по воздуху палкой.

Молодой человѣкъ въ длиноволосяй причeskѣ, принесшій въ продажу, какъ объяснено ужъ было, рукопись свою, улучивъ свободную минуту, подошелъ къ Русакову съ словами: «теперь, кажется, я могу поговорить съ вами.»

— Къ вашимъ услугамъ. Ну, ужъ народецъ эти господа сочинители. Просто изъ рукъ вонъ. Вотъ хоть бы этотъ, что ушелъ сейчасъ. Рехнулся, да и только! Написалъ ледяную книженку: *Мечты разочарованнаго сердца*, далъ мнѣ на комиссію нѣсколько экземпляровъ, да и учащаетъ на дню раза три за деньгами. Не радъ, что связался. Писакъ развелось столько, что не знаешь, куда отъ нихъ дѣваться; поззуть и лѣзуть. Вчера былъ у меня чудакъ, почище еще этого — *гробовая литература*. — Только лишь умеръ кто изъ людей побогаче, онъ какъ тутъ со стихами на смерть усоншаго. На прошлой недѣли, вы расхохотесь, съ нимъ случился преуморительный казусъ. У капиталиста Громкозвонова скончалась жена, женщина, не приведи Богъ, злая, ехидная, сущая фурия. Мужъ, ненавидѣвшій ее всею душою, радъ-радехонекъ, что сбылъ негодное зелье. Чудакъ нашъ бухъ ему тотчасъ стихи. — Что это вы суете мнѣ

въ руки? спрашиваетъ вдовецъ. — Стихи м. г.! — На чорта они мнѣ? Я такими пустяками не занимаюсь. — Въ нихъ оплакана смерть вашей супруги, прославлены ея безпримѣрные добродѣтели, ангельская кротость. — Да видывали вы когда-нибудь покойницу и почему знаете ея добродѣтели? — Не имѣлъ этого счастья; но слухомъ земля полнится. — Не всякому слуху вѣрьте! Много ли отписнули вы экземпляровъ, всѣ ли они съ вами и сколько издержали на напечатаніе? — Тридцать экземпляровъ, м. г., всѣ на лицо со мною. Я намѣренъ разнести ихъ по домамъ вашихъ родственниковъ. Печать и бумага стоили мнѣ двадцать пять рублей (совралъ могильный надувало: всего восемь издержалъ только). — Вотъ вамъ пятьдесятъ рублей, сказалъ Громкозвонъ, вырвавъ у него пучекъ стишенокъ, и тутъ же, при немъ, бросилъ ихъ въ пылавшій каминъ.

— Такъ что бишь вамъ нужно, перемѣнилъ вдругъ рѣчь свою Русаковъ, дѣлая вопросъ своему слушателю.

— Я принесъ вамъ романъ въ рукописи; первый трудъ моего призванія.

— Такъ-съ....

— Желаю продать вамъ.

— Романъ вашъ оригинальный или переводный?

— Оригинальный.

— Такъ-съ.... Историческій или нравоописательный?

— Историческій.

— Такъ-съ.... Позвольте взглянуть.

Купецъ перевернулъ листъ, другой, взвѣсилъ на рукѣ рукописи и, безъ околичностей, спросилъ о цѣнѣ.

— Трудился я надъ нимъ два года, пробормоталъ застѣнчиво авторъ: — истощилъ на него всѣ силы ума, всѣ чувства души.

— Эти мелочи до насъ не касаются; мы люди торговые. Цѣна-съ....

— Не угодно ли вамъ будетъ прежде прочесть его. И тогда, судя по достоинству....

— На слово вѣрю, что хорошо.

Сердце автора-новичка забило радостью. Надежда шепчетъ, что романъ его будетъ напечатанъ, произведетъ фуроръ, дастъ деньги.

— По всей справедливости, слѣдовало бы запросить съ васъ тысячи двѣ, но для перваго знакомства уступаю вамъ за полторы тысячи.

— Такъ-съ, тысячи.... повторилъ Русаковъ, заморгавъ глазами. Немножко дороговато.

— Сколько же вы дать намѣрены?

— Я не покупаю романовъ. Обратитесь къ кому-нибудь другому: къ Полякову, Лисенкову.

— А меня увѣрили....

— Купилъ бы, но цѣна несоразмѣрная....

— Назначьте сами; я сдѣлаю уступку.

— Да чтобъ долго не толковать.... 50 рубликовъ возьмите.

Автора ошеломило, какъ обухомъ по лбу. Онъ вытаращилъ глаза, розинулъ ротъ. — Вы шутите?

— Нисколько. Не далѣе, какъ вчера, я купилъ у г-на Кислова чудный, вродѣ Поль-де-Кока романъ, только на русскій ладъ, и всего заплатилъ сорокъ пять рублей. А вотъ *опытный апрокомъ*, такъ еще дешевле, а книга, знаете, кладъ для помѣщиковъ. Такъ, по рукамъ, что ли? Рѣшайтесь, не то раздумаю. Ну, куда не шло, пятокъ прибавлю, и то съ уговоромъ: на вашъ счетъ въ Балабиномъ чай пить.

Молодой человекъ не вѣритъ ушамъ своимъ. Ему стыдно за себя, за него, за весь родъ человѣческій. — «Не мечите бисера предъ свиньями!» — проговорилъ онъ, закипѣвъ досадою и сталъ торопливо завязывать въ платокъ рукопись свою.

Книгопродавецъ, между-тѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, отошелъ въ сторону и принялся приводить въ порядокъ книги.

Въ это время какой-то толстякъ, читавшій подлѣ газету, въ венгеркѣ, окаймленной бараньимъ мѣхомъ и съ длинными, по-китайски внизъ опущенными усами, подошелъ съ поклономъ къ уничтоженному романисту.

— Если не ошибаюсь, вы сочинитель, заговорилъ онъ. — Честь имѣю рекомендоваться: вятскій помѣщикъ Куропатка, недавно прибывшій въ столицу.

— Очень пріятно будетъ свести съ вами знакомство.

— У меня здѣсь по присутственнымъ мѣстамъ завелись кой-какія дѣлишки... такъ случится иногда попросить васъ настроить просьбишку, написать объявленьице.

Убитый, опозоренный авторъ, опрометью бросился въ двери, восклицая задыхающимся голосомъ: «о времена, о нравы! о книгопродавцы! о помѣщики!»

ИЗЪ ПИСЕМЪ ПРОВИНЦІАЛА О СТОЛИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I.

Москва, іюля... 1858 г.

Не знаю какъ и назвать тебѣ того остроглазаго звѣрька, какимъ я высматривалъ изъ оконъ почтовой кареты, приближаясь къ Москвѣ со стороны Серпуховской заставы. Любопытство — хорошая сторона нашей жизни, и спасибо провинціи, что она не притупила въ насъ этого чувства. Помнишь, какъ поэтически говорилъ Гоголь о своей юности, о своихъ пытливыхъ взглядахъ и допрашивающихъ думкахъ по поводу каждаго новаго зданія, каждаго встрѣчнаго на пути... «О моя юность! о моя свѣжесть!» грустно закончилъ онъ свои воспоминанія: грустно ему стало за потерю живыхъ движеній въ лицѣ, смѣха и немолчныхъ рѣчей по поводу всего, что встрѣчалось ему на жизненномъ пути; — грустно ему стало за пришедшее къ нему, съ годами охлажденіе любопытнаго дѣтскаго взгляда. Въ это время Гоголь говорилъ въ чувствахъ настоящаго провинціала. За всю многоверстную дорогу, меня не покидало это дѣтское любопытство, и я, анализируя его, порою еще радовался за свою свѣжесть. Да, спасибо провинціи: она сохранила его въ насъ всецѣло, хоть въ волосахъ нашихъ того и жди, что блеснетъ почтенная сѣдина.

Однако, при вѣздѣ въ Москву, я нѣсколько разсердился. Что-жь это — думалъ я — какая безтолковщина: бросаешься своимъ любопытнымъ взглядомъ на каждый домъ, на всѣ вывѣски, на всякую церковь, а между тѣмъ внутри себя не замѣчаешь никакой работы! Вотъ точно растянули передо мной непомѣрной длины полотно, на которомъ чего не нарисовано, какихъ нѣтъ красокъ и узоровъ! растянули и приказываютъ: смотри да ни о чемъ не думай. Это плохо. Ты знаешь, что мы каждый кусочекъ съ тарелки отправляемъ въ ротъ не иначе, какъ помечтавши напередъ о всей его сладости, а тутъ разомъ предлагаютъ тебѣ такой преогромный складъ всякой всячины: глотай и не моргни глазомъ. Нѣтъ, слуга покорный: мы съ тобой къ этому не привыкли, и давай намъ хоть мало, да толкомъ.

Словомъ, растерялся... особенно, когда повезли меня изъ переулка въ переулочекъ, изъ переулка въ улицу, изъ улицы опять въ переулочекъ, еще и еще, а мостовая пошла безпрестанно подталкивать и производить зуботрясицу, пыль полѣзла въ раскрытый отъ любопытства ротъ, а сосѣдъ мой по мѣсту въ каретѣ, ста-

рый вѣмецъ, раскачался въ сладкомъ снѣ до такой уже степени, что свалился на мои колѣни, и къ душному городскому воздуху, прибавилъ еще свое горячее пивное дыханіе, — нѣтъ, тогда я не могъ ровно ни о чемъ думать, какъ только возглашать мысленно: да когда же, Господи, всему этому настанетъ конецъ!.. Все, что могу сказать тебѣ о первыхъ своихъ наблюденіяхъ надъ Москвою, такъ это развѣ то, что церковей въ ней дѣйствительно много, что почти каждая изъ нихъ раскрашена до безобразія, что направленіе улицъ и переулковъ крайне безтолково, что вся масса зданій показала мнѣ безразличною, какъ-будто сыолокли сюда десятокъ нашихъ губернскихъ городовъ, и сказали имъ: станьте здѣсь какъ кому вздумается, — что Кремля еще не разглядѣлъ, и все высматривалъ золотую маковку Ивана Великаго, чтобъ снять передъ нимъ шапку, по приказанію какого-то московскаго стихотворца, но золотыхъ маковокъ являлось мнѣ нѣскольکو, и я не доумѣвалъ, какой изъ нихъ долженъ кланяться...

Наконецъ мы вѣхали въ ворота дома, занимаемаго конторою длинжансовъ. Я взглянулъ на часы: ровно часъ съ четвертью толкнись мы по московской мостовой. Рѣшетчатые ворота за нами затворились, и, чрезъ скважины ихъ, я увидѣлъ десятки лицъ, кричавшихъ: Баринъ, меня возьмите! Я свезу — куда прикажете? — «Лихача возьмите, баринъ: что за охота на ванькѣ трястись?» — Лихачъ, куда жъ не такъ! такой же ванька... — За рубль свезу, — вотъ мой и нумеръ...

Это извозчики, подумалъ я: — не дурно; не нужно будетъ искать ихъ за пятью улицами, какъ въ иномъ провинціальномъ городѣ — и подошелъ къ рѣшеткѣ. Бери — говорю — мои вещи да вези меня въ... въ Журнальный переулокъ.

— А какъ далече будетъ? отозвался одинъ извозчикъ.

— Я не знаю. Въ Журнальный переулокъ, говорятъ тебѣ; тамъ, гдѣ-то подлѣ Никитской улицы, что-ли...

— Рубликъ пожалеете?

— Нѣтъ, братъ, много хочешь; полтинникъ развѣ... Самъ же думаю: Богъ знаетъ, однако, гдѣ этотъ Журнальный переулокъ да Никитская улица; быть-можетъ, еще верстъ десять придется ѣхать — и заплатить рубль не дорого.

— Давайте ужъ семьдесятъ пять копеекъ, подхватилъ другой извозчикъ: вотъ мой и нумеръ.

— Ладно — говорю: иди же забирай вещи.

— Нѣтъ, баринъ, идти-то намъ туда нельзя, пусть вещи сюда снесутъ...

Это ужь столичные обычаи — разсуждалъ я самъ съ собою, пока прислужники конторы разбирали чемоданы пассажировъ, а кондукторъ раздавалъ паспорта. Впрочемъ, вѣдь это нѣсколько напоминаетъ и наши степные обычаи: прїѣдетъ хуторская барыня на базаръ, сидитъ на возу, а вокругъ нея соберется десятка два косарей, и пойдетъ торгъ; только у насъ барынь полная воля торговаться, а здѣсь торгуются черезъ рѣшетку, и время не терпятъ; только у насъ обѣ торгующіяся стороны не надуютъ другъ дружку, и сумѣютъ выгадать для себя копейку, а здѣсь ужь прїѣзжій навѣрняка приплатится. Но — за науку, такъ или иначе, платить слѣдуетъ....

Наконецъ качу я на извозчикѣ. Лихачъ мой — точно лихачъ; подъ ногами у меня бархатъ, какъ только у одного откупщика нашего. Прекрасно! думаю себѣ: вотъ они плоды цивилизаціи, вотъ оно, распредѣленіе удобствъ жизни въ цивилизованномъ пунктѣ: за семьдесятъ пять копеекъ качу я, какъ нашъ откупщикъ!.. И припомнилась мнѣ брачная кровать какого-то короля, про которую толковалъ намъ профессоръ политической экономіи, и на которой въ какой-то европейской гостинницѣ теперь могутъ спать непатентованныя особы, и голяки: да, профессоръ правъ! — Между тѣмъ, лихачъ мой успѣлъ нѣсколько разъ перемѣнить направленіе, сворачивая то на право, то на лѣво, наконецъ не выдержалъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: въ какой изволили сказать переулочъ?

— Въ Журнальный.... знаешь такой?

— Кажись, есть. Подлѣ Никитской, сказали вы?

— Да. А гдѣ Никитская?

— Никитская-то вотъ, по ней ѣдемъ....

— Постой, однако — замѣтилъ я: кажется, переулочъ называется иначе; вотъ я сейчасъ справлюсь. — Съ этими словами полѣзъ я въ свой сакъ, досталъ оттуда адресъ квартиры: ба! вскрикнулъ я: — въ Газетный, а не въ Журнальный, слышишь?

— Въ Газетный? Ну, этотъ вонъ онъ и есть.... а къ какому дому?

— Къ дому В.... Знаешь?

— Найдемъ-съ.

— Экой зѣвака! наградилъ я себя: — газетный перекрестилъ въ журнальный! Видно, не одинъ москвичъ посмотрѣлъ на мою запыленную фигуру, роющуюся въ дорожномъ мѣшкѣ, съ улыбкой и замѣчаніемъ: провинціалъ, болотная птица! Быть такъ. Счаст-

ливцы вы, однако, что у васъ каждому переулку своя кличка, и что безъ этой клички, никакъ его не отыщешь, а въ нашемъ городкѣ всего пять — шесть переулковъ, которыхъ и клички никто не знаетъ, а спросишь — гдѣ домъ такого-то, такъ просто на-просто пальцемъ укажутъ... Счастливыцы вы, что вамъ на каждомъ шагу попадается работа для памяти, а у насъ — день проживешь, и въ запасъ ея ничего новаго не вложишь: по неволѣ, бѣдная, путается и безъ работы старѣется...

Слава Богу, домъ по адресу отыскалъ, и я въ немъ! Извозчикъ попросилъ надбавки: даль, разумѣется; за нами, провинциалами, въ этомъ дѣло не постоитъ; къ расчету и опредѣленному договору никакъ не привыкнемъ, особенно когда мы не у себя дома, а на чужбинѣ. Такая-де, говорятъ, размашистая натура нашего брата. Ну, прощай!

II.

Москва, июль 1858 г.

Нѣсколько дней я опять могу наслаждаться осѣдлостью. Такъ этому радъ, такъ радъ, что вотъ ужъ день прошелъ, а я еще никуда не выходилъ изъ дому, точно мнѣ не хочется и поглядѣть на Москву, поразсмотрѣть ея диловинки, для которыхъ тряса столько верстъ, и по такимъ удобнымъ дорогамъ... Пока только и дѣла сдѣлалъ, что отвѣдалъ московскихъ калачей и саяекъ, при мысли о которыхъ, не разъ текли у насъ слюнки. Что же сказать о нихъ? Ничего особеннаго не приходится; видно еще не распробовалъ, не вошелъ въ московскій вкусъ, и не отыскалъ въ нихъ прославленной на всю Русь, сладости. Слова нѣтъ, на голодный желудокъ, съ однимъ стаканомъ чая, легко съѣсть цѣлый калачъ или сайку; только ты пожалуйста не унывай, что эта чаша пока еще тебя обходила. Смѣю увѣрить тебя, что наша Варвара Прохоровна печеть сдобныя булочки, несравненно вкуснѣе всѣхъ тѣхъ саяекъ и калачей, которые сегодня потребилъ я на московской почвѣ. Еще одна замѣтка: видно, что не нѣмецъ акуратный печеть ихъ, а тотъ же самый москаль, что попиваетъ квасъ изъ квасни, въ резервуаръ которой и дождь сочится, и пыль заносится, и жукъ заползаетъ, и мухи стремятся на свою погильель: въ каждой сайкѣ я отыскивалъ то комокъ волосъ, то муху, то комокъ грязи.

Разскажу тебѣ еще объ одномъ удовольствіи, которое испыталъ сегодня. Брился... только не саморучно, на что, какъ из-

вѣстно тебѣ — я вовсе не мастеръ, а призвалъ цирюльника. Пришелъ малый дородный, расположился съ мыломъ и бритвами точно также, какъ нѣкогда располагался и тотъ цирюльникъ, который ходилъ брить насъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, точно также и за носъ бралъ, при чемъ я сдѣлалъ такую же кислую гримасу, какая всегда приводила тебя въ восторгъ, и ты забывалъ даже, что благородная часть моего лица поступала въ то время во владѣніе двухъ нечистыхъ постороннихъ пальцевъ. Мыло оказалось болѣе пахучимъ, чѣмъ губернское, за то и заплатилъ дороже, чѣмъ въ губерніи, хотя проѣздомъ по Москвѣ я замѣтилъ множество цирюленъ, съ такими же безобразно-смѣшными вывѣсками, какія постоянно украшаютъ провинціальныя города. Живо рисуется мнѣ твоя молчаливая особа, одною рукою держащая меня за пальто, а другою указывающая на подобныя вывѣски: брѣющій смотритъ на проходящую публику, а жертва, во образѣ намышленнаго господина во фракѣ, глядитъ на небо, или же изъ руки такого господина бьетъ толстою, потолще самой руки, струею кровь, а онъ, все также во фракѣ, съ улыбкою взираетъ на уличное движеніе....

Песелился я, какъ и предполагалъ, въ квартирѣ нашего знакомаго Саши. Какой онъ милый юноша! Все также, виновать, еще больше прежняго благоухаетъ свѣжестью и чистотою своей юности. Его студентская квартира напомнила мнѣ и наше былое студенство. Ахъ, другъ мой, вѣдь и мы когда то были студентами, хотя и провинціалнаго университета! Съ любовью помянулъ я старину, и позволь мнѣ хоть теперь сказать тебѣ, за глаза, не боясь твоей охлаждающей горячіе порывы улыбки, что и мы сколько разъ въ оныя годы чувствовали себя счастливыми! За чѣмъ только мы не можемъ забыть результатовъ этого счастливаго времени? За чѣмъ и теперь, когда я настроился было затянуть пѣсню въ честь прошлаго, опять рисуется передо мной все таже грустная картина: стоимъ мы другъ противъ друга съ кандидатскими дипломами въ рукахъ, стоимъ долго и молча, да наконецъ взяли себя за волосы, дернули, признаться, таки больно — и разукрашенные двуглавыми орлами пергаменты спрятали подалеже, чтобъ совѣсти нашей ненарокомъ они не потревожили.... Нѣтъ, не могу распространяться объ этомъ.

Однако, странное дѣло, какая лѣнь овладѣла мною съ пріѣздомъ въ Москву. Вотъ такъ-бы и потянулся, сладко.... сладко.... И если бъ степное солнышко, да ты подлѣ меня, да Маша.... Эхъ, чортъ побери, какъ бы сладко потянулся!

III.

Москва, іюля... 1858 г.

Уже нѣсколько дней не писалъ къ тебѣ — обживаюсь.... Пока, больше всего радуется меня то обстоятельство, что вокругъ меня нѣтъ никакихъ вычурностей: все дышетъ тою же простотою, съ которою сжились мы любовно, хотя и безсознательно въ нашей неприхотливой глуши. Прохожу я къ себѣ чрезъ комнаты хозяйки, и дочерей ея — бѣдныя дѣвушки, во время моего прохода не оставляютъ уборки своихъ волосъ, не жеманятся, не прячутся; онѣ дѣлаютъ свое, я также занятъ своимъ — и другъ другу не мѣшаемъ нисколько. Пожалуй, скажи нашимъ барышнямъ, что не всегда у мѣста вскрикивать и краснѣть невиннѣйшимъ манеромъ, чуть только мущина застанетъ ихъ съ гребнемъ въ рукахъ или же за починкой какой-нибудь необходимой домашней одежды. — Въ комнату нашего Саши, безъ всякихъ стѣсненій, заходитъ младшая хозяйская дочка, Соня, — приноситъ ему своей работы папирсы, причесываетъ ему волосы, а онъ читаетъ ей книги и дѣлится съ ней запасомъ своихъ знаній. Я смотрю на это всякій разъ съ чувствомъ умпленія... Правда, бѣдность — главная причина такой простоты; но намъ, бѣднякамъ, слѣдовало бы выносить изъ нея хоть это благо, хоть эту безцѣнную простоту, и запасаться ею на будущее, даже и болѣе денежное время. Едва лишь заведется въ нашихъ карманахъ лишній одинъ — другой рубль, какъ мы ужъ спѣшимъ выбросить его на какую-нибудь вычуру, тотчасъ обзаводимся широкими замашками.... Вижу, ясно вижу твой укоряющій взглядъ, который бы можно выразить словами: врачу, исцѣлился самъ. Но не въ чужой, а въ нашъ и въ общій съ нашимъ огородъ бросилъ я этотъ камышекъ, пожалуй, поднимаю его.... а все же не утерплю не сказать, что пока не просвѣтила насъ истинная образованность, не мѣшало бы, гдѣ можно, просвѣтляться намъ и отъ тусклыхъ лучей нашей бѣдности.

Я нѣсколько посвѣжѣлъ въ кругу молодежи студентовъ, которые часто собираются у Саши. Они смотрятъ на меня просто безъ этой высокомерной заброски взгляда, чѣмъ хотятъ озадачить столичные франты попавшагося имъ на глаза провинціала. Я также гляжу на нихъ просто, не корчусь и не поднимаюсь на ходули. Среди восторженныхъ рѣчей молодежи порою слышится и мой голосъ, и — какъ мнѣ вѣрится — прислушиваются къ нему не съ цѣлью поддѣлать въ немъ сходство съ кваканьемъ болот-

ной лякушки. О, въ молодости мы всё хороши! По крайней мѣрѣ, меньше въ насъ той нетерпимости, той неумѣстной самоувѣренности, когда дѣло наше легко оказывается состоятельнымъ, и той рабской униженности, когда оно не общается успѣха. Молодость самоувѣренно-благородна: она вѣритъ въ свои кровныя силы....

Да, я начинаю чувствовать себя какъ дома — и апетитъ мой въ цвѣтущемъ положеніи. Сажусь за обѣдъ и вслухъ молодежи высказываю сложившійся у насъ въ голодныя минуты, парадированный конфектный стихъ:

Жизнь мученія полна,
Счастье въ ней — ѣда одна...

и за тѣмъ отлично удовлетворяю своей насущной потребности. Одинъ юноша, подмѣтивъ мою слабость, все предлагалъ мнѣ прогуляться въ ножовую линію и отвѣдать тамъ пирожковъ да московскихъ квасовъ. Я съ удовольствіемъ согласился и, вмѣстѣ съ юношей, опробовалъ тѣхъ и другихъ. При этомъ нельзя было не вспомнить нашей старухи сосѣдки, пятьдесятъ лѣтъ прожившей по хуторамъ и на шестомъ десяткѣ наконецъ посѣтившей людный и богатый губернской городъ. Помнишь-ли, какъ шла она по плитнымъ тротуарамъ, глядѣла на прохожихъ и проѣзжихъ, на дома и вывѣски, и вдругъ почувствовала страшный апетитъ: захотѣлось ей пирожковъ, да какъ захотѣлось! Не взирая на губернскую людность, присѣла она на тротуарную тумбочку и вопила какъ ребенокъ: «ой, лихо! прожживъ хочу, прожживъ съ мясомъ!...» Къ сожалѣнію, губернской городъ, обзаведшись кондиторскими, кофейными и колбасными, позабылъ о національныхъ пирогахъ, — и старуха хуторянка разобидѣлась, разсердилась на всё большіе города, «що якъ-то въ нихъ и такого добра не найдешь.» Можешь доложить сосѣдкѣ, что Москва удовлетворитъ ее прожками, и пусть она на большіе города больше не гнѣвается.

Юноша, угостивши меня въ ножевой линіи, по дорогѣ на квартиру сталъ было снисходительно и даже покровительственно отзываться о слабостяхъ провинціаловъ по части желудка. Послушайте — сказалъ я ему — не защищайте того, что вовсе и не требуетъ защиты; оставьте въ покоѣ тѣхъ фешенабельныхъ господъ, съ ихъ галантерейною деликатностью, которые тонко подсмѣиваются надъ апетитомъ провинціаловъ. Здоровый человекъ не можетъ отказаться отъ удовольствія хорошо поѣсть, и никакой законъ ему этого не воспрещаетъ. Ёда не мѣшаетъ дѣлу, а помогаетъ ему.

Посмотрите-ка, какъ хорошо ѣдятъ англичане, а въ-особенности американцы! Читая описанія ихъ завтраковъ да завтраковъ, вотъ такъ и облизываешься; а работа у нихъ кипитъ. Значить — здоровые люди. У насъ же, и въ провинціи и въ столицахъ, дѣлу мѣшаетъ не ѣда, а то, что мы еще не подготовились къ дѣлу, не подготовились и на столько, чтобъ видѣть врага своего не въ ѣдѣ, а въ отсутствіи у насъ потребности дѣйствовать. Воспитается, выработается въ насъ эта потребность — будетъ ѣда, будетъ и дѣло.

Послѣ этой лекціи по гастронومیи, лекціи, прочитанной провинціаломъ среди столичнаго шума и говора, позволю немного отдохнуть и прогуляться на Кузнецкій мостъ? тамъ я провѣдалъ у какого-то нѣмца продажа меду, который рекомендую, какъ прохладительный и въ то же время очень вкусный напитокъ....

IV.

Москва, іюля... 1858 г.

Охъ, порою мнѣ становится грустно, слишкомъ грустно. Москва начинаетъ меня пробуждать.... нѣтъ, допекать. Въ чемъ, однако дѣло? — Долгая пѣсня! слушай, коли станетъ терпѣнія, авось выскажусь....

Я говорилъ тебѣ, да вѣроятно и самъ ты замѣтилъ изъ прежнихъ моихъ писемъ, что въ Москвѣ я нѣсколько было освоился, ижѣлъ свою конурку, изъ которой хотѣлъ уже высматривать, что дѣлается въ здѣшнемъ мірѣ. Но на все нужно имѣть средства. Въ дорогѣ и во время стоянокъ необходимо самообладаніе, это своего рода self-government, о которомъ такъ много стали толковать въ нашихъ журналахъ и газетахъ. Боже избави, если на пути приходится принаравливать къ обычаямъ каждой станціи, каждаго мѣстечка; тогда чувствуешь себя также неловко, какъ мальчикъ въ первый день школьной жизни. Наблюдательность его самага страдательнаго свойства: чтò ей дадутъ, только то она и наблюдаетъ, не смѣя сама-собою заглянуть въ то мѣстечко, куда ея не приглашаютъ. А ужъ какъ отъ этого неловко и неудобно, такъ это можетъ испытывать только бѣдный проситель въ пріемной вельможи. — Помнишь-ли, сколько разъ мы завидовали тѣмъ путешественникамъ, которые едва вѣхали въ какой-нибудь городъ, — тотчасъ обѣгаютъ всѣ его концы и выносятъ изъ такого лихорадочнаго ознакомлѣнія съ новымъ для нихъ мѣстомъ столько ощущеній, столько любопытныхъ замѣтокъ! Читая ихъ путевыя впечатлѣнія, мы изумлялись и составляли на-

конецъ рѣшеніе: вотъ путешественники! вотъ чего именно не достаетъ нашимъ неповоротливымъ натурамъ! — Сиѣю, однако, увѣрить тебя, что въ этомъ рѣшеніи мы значительно ошибались. Повторяю, въ дорогѣ нужнѣе всего самообладаніе. Кто дома суетливъ, вертлявъ, спѣшитъ поскорѣе обнюхать всѣ концы своей комнаты, тотъ пусть ведетъ себя точно также и въ дорогѣ; намъ же съ тобою, съ привычками нашихъ провинціальныхъ берлогъ, лучше и на чужбинѣ сперва обзавестись временной берлогой, почувствовать себя какъ дома, а потомъ ужъ по-немногу подглядывать, что и какъ гдѣ ведется. Но знаешь-ли, что прежде всего нужно для этого? Ни больше, ни меньше, какъ сознаніе своихъ правъ на самообладаніе. Вотъ она вся штука на чемъ держится....

Не жди отъ меня подробныхъ описаній Москвы и не забывай, что цѣль моей поѣздки — повѣрить себя. Чтò здѣсь имѣется — извѣстно каждому грамотному, и помнишь-ли, еще прощаясь съ тобою, я далъ слово въ письмахъ своихъ прояснять не століцу, а насъ съ тобою и съ братією. Для достиженія такой цѣли прежде всего слѣдуетъ сбросить съ себя ту маску, которую надѣваетъ всякій изъ насъ, чуть заговорить вслухъ, или для кого-нибудь писать, — маску, которая до того приросла къ нашему лицу, что изъ-подъ нея никому не видится наше живое тѣло. Охъ, сбросить ее больно и трудно... трудно даже въ нашей глуши, хотя наша глушь на каждомъ шагу вразумляетъ насъ той истинѣ, что посреди ея рисоваться также нелѣпо, какъ и передъ лицомъ природы. Какже тутъ быть? Какъ проявить изъ себя правду и не пуститься снова на фуфу?... Впрочемъ, время не терпитъ.

Прежде всего я долженъ сказать, что разныя описанія Москвы много помѣшали мнѣ любоваться ею. Перечитывая ихъ дома, я пережилъ воображеніемъ все то, что переживалъ бы только теперь. Положимъ, Кремль... Вошелъ я въ него далеко не съ тѣмъ умиленіемъ, какъ мнѣ когда-то предполагалось. Взглянулъ на соборы, на Иванъ Великій, на терема царскіе, на стѣны кремлевскія — вовсе не съ тѣмъ патріотическимъ чувствомъ, какое везъ къ нимъ издалека. Господи! думалъ я: неужели преждевременный анализъ своего внутренняго міра такъ иссушилъ насъ, что мы не въ силахъ уже жить чувствомъ хотя на часъ, даже на нѣсколько минутъ. И если что-нибудь похожее на него зашевелится въ насъ, мы тотчасъ же предлагаемъ ему полицейскій допросъ: а откуда и какъ ты явилось и гдѣ твой паспортъ? Въ

первый разъ вижу эти вѣковыя святыни земли русской, а мысль занята тѣмъ, что подъ ногами мостовая не очень удобная, и откуда это возять въ Москву такой разноцвѣтный щебень? Подошелъ къ царь-колоколу, къ царь-пушкѣ, и сказалъ себѣ, что колоколъ и пушка — точно большущіе, и поэтъ правъ, гордо вопросивши:

Кто царь-колоколъ подниметь?

Кто царь-пушку повернетъ?

Дѣйствительно, мнѣ показалось вполне приличнымъ тутъ же отвѣтить ему: кажись, трудновато.... Зашелъ въ Архангельскій соборъ, обошелъ гробницы нашихъ князей и царей, замѣтилъ, что покровы на этихъ гробницахъ довольно позинялые и залиты воскомъ, и хотѣлъ ужъ выйти изъ собора. Но тутъ глаза мои какъ-то остановились на одной надгробной надписи; оказалось что я стою надъ прахомъ Грознаго: я вздрогнулъ.... Сталъ прочитывать другія надгробныя надписи: Ѳеодоръ Ивановичъ.... А гдѣ же — думаю — Калита, Донской, Иванъ III? — Опять я сталъ обходить гробницы и не помню ужъ какъ, но только при выходѣ изъ собора сердце у меня сжималось такъ же больно, какъ сжималось оно у меня давно ужъ, еще надъ трупомъ моего отца.... Вспомнилъ я, какъ въ то время, при видѣ слезъ другихъ, при сознаніи горькой утраты, надъ дорогимъ сердцу покойникомъ, стоялъ я и думалъ: отчего же у меня нѣтъ слезъ? Сердцу больно, какъ будто положили его въ тиски, и чувствуетъ оно все постигшее его горе: отчего же оно не изольетъ своихъ чувствъ въ вздохъ, въ слезахъ? Отчего оно не живетъ своею жизнію, а каждую минуту прислушивается къ возникающимъ въ головѣ вопросамъ: да хорошо ли это? да отчего это и зачѣмъ?..

Удаляясь изъ собора, я уже начиналъ по-немногу входить въ область чувства, по-крайней-мѣрѣ чувства страданія, какъ вдругъ барабанный бой караульныхъ у дворца опять прогналъ его. Только на мигъ мнѣ было досадно на этотъ неумѣстный шумъ, а за тѣмъ совершенно спокойнымъ и холоднымъ зрителемъ прошелся я по Кремлю, порою только затрогивая себя вопросами: отчего это Кремль глядитъ какимъ-то пустыремъ? Къ чему эта большая площадь? А вѣдь колокольня Ивана не очень великая....

На квартирѣ остался я наединѣ съ собою, вспомнилъ опочивальню собирателей земли русской, вспомнилъ стѣны, соборы и палаты кремлевскія — и такъ долго жилъ въ прошломъ, такъ незабѣтно и искренно отдѣлился отъ дѣйствительности настоя-

шаго, что опомнился только по поводу мелькнувшего въ головѣ прозаическаго вопроса: зачѣмъ же ты не жилъ такъ точно, какъ теперь въ виду всѣхъ этихъ памятниконъ прошлаго?— Зачѣмъ?... легко спросить, а отвѣчать приходится только новыми вопросами: откуда вообще ведется келейность нашего чувства? Отчего мы не смѣемъ его вынести на показъ къ людямъ, и прячемся съ нимъ въ четырехъ стѣнахъ? Преступно-ли оно, несостоятельно или же запугано? Сознаемъ ли мы его права и воспитываемъ ли какъ полноправное? Не приучено ли оно подавляться въ угоду всякой чужой воли?... О, нѣтъ; не потому оно пугливо и мгновенно, что душитъ его анализъ холоднаго разсудка, а потому что и этотъ разсудокъ у насъ также пугливъ и дѣятельность его также келейна, и также мало сознаетъ онъ и свою полноправность....

Послѣ этой расправы съ самимъ собою, боюсь въ другой разъ навѣстить Кремль: страшно, если опять придется стоять посреди его зѣвакой. Не лучше ли, какъ послѣ прочтенія книги, такъ и послѣ свиданія съ нимъ, переживать узнанное только въ воображеніи? Вѣдь на это мы большіе мастера! Наше воспитаніе выработываетъ изъ насъ удивительныхъ героевъ воображенія и изумительныхъ трусовъ дѣйствительности, а наша глушь на досугѣ развила это похвальное качество въ строиную систему, такъ, что — пожалуй — мы можемъ считать себя и правыми. Но объ этомъ потолкуемъ когда-нибудь послѣ, а теперь я возмусь опять за свое. Помнишь-ли ту барыню, что на нашей степной ярмаркѣ публично расправлялась съ маленькой своей дочкой? Помнишь-ли, какъ всѣ наши благовоспитанные люди съ негодованіемъ смотрѣли на эту сцену, приговаривая: «Ну, нечего сказать, хороша! При всѣхъ драться.... а еще въ шляпкѣ!...» Помнишь-ли, какъ многіе порѣшили, что самое интересное событіе ярмарки заключалось именно въ этомъ: барыня въ шляпкѣ, не смотря на множество зрителей, собственными кулаками отдубасила свою дочку. Признаюсь, такое грубое проявленіе своего права возмутительно, хотя не достаетъ ему только — просвѣтлѣнія. Но какъ же должно быть возмутительно наше просвѣтлѣніе, не имѣющее своихъ правъ или боящееся ихъ обнаружить! Только безцвѣтность, только отсутствіе въ насъ чего-либо рѣзкаго, особеннаго, *своего* — хранятъ насъ отъ публичнаго позора. Покровъ благовидный, не возмущающіи сердца, но сколько возмутительнаго прикрылъ онъ собою! Да, есть намъ чѣмъ похвастаться передъ хуторской барыней....

Однако, я не въ духѣ; ты самъ видишь, что я только восклицаю. Это не ладно, и по всей справедливости мнѣ слѣдуетъ на этотъ разъ замолчать.

V.

Москва, іюля... 1858 г.

Сегодня я былъ въ Сокольникахъ. Хорошо тамъ... Вотъ если-бъ ты со мною, ѣздили-бъ мы туда частенько. Запаслись бы дома чаемъ, сахаромъ; пріѣхавши въ роу, расположились бы подъ тѣнью столѣтнихъ сосенъ; самоварницы (можно отыскать даже хорошенькихъ и чистенькихъ) прислужились бы намъ самоваромъ и чайнымъ приборомъ; тутъ и сливки, и лимоны, и прекрасный хлѣбъ... Воздухъ такой чистый, боръ шумитъ: аппетитъ можетъ явиться на славу. Покойно. Гулящіе проходятъ въ сторонѣ и не возмущаютъ нашу патріархальную трапезу своими любопытствующими взглядами; развѣ подойдетъ нищій за подаваніемъ, развѣ разнощикъ предложитъ «курительныхъ товаровъ».

Кстати, здѣшніе нищіе рѣшительно не похожи на нашихъ. Это не калѣки-перехожіе, не слѣпые съ проводниками, съ котомками и посохами, не въ дырявомъ рубищѣ, словомъ, не тѣ несчастныя созданія, которыя — особенно по субботамъ — голосятъ подъ окнами: «сотворите милостыню, Христа ради». Здѣсь попрошайки другого рода: одѣты порядочно, какъ многіе изъ нашихъ чиновниковъ, и просятъ не Христа ради, а ради жены и дѣтей. Или же подойдетъ солдатъ, украшенный крестомъ и медалью, и, выпрашивая денегъ, напоминаетъ о своихъ военныхъ подвигахъ. Разъ подходитъ ко мнѣ съ поклономъ такой приличный джентльменъ, что я въ свою очередь счелъ нужнымъ раскланяться съ нимъ на великосвѣтскій ладъ.

— Позвольте, говоритъ.

— Что вамъ угодно?

— Одолжите....

— Огня? Въ то время я курилъ папиросу.

— Ахъ, нѣтъ! одолжите денегъ, сколько можете; пожалѣйте во мнѣ кучу моихъ дѣтей, жену....

Меня всего такъ и скорчило. Что ему сказать? думаю себѣ. Что ему наконецъ дать? Полюсь въ карманъ и подаю ему трехрублевую бумажку.

— Э, послушайте! замѣтилъ мнѣ мой московскій спутникъ: да этакъ васъ оберутъ до нитки; на всѣхъ перекресткахъ станутъ васъ останавливать. Этотъ народецъ — не промахъ....

Въ другой разъ остановился я на улицѣ и отыскиваю глазами нужный мнѣ магазинъ. Гляжу, подходитъ ко мнѣ почтенный старикъ въ длиннополомъ сертукѣ, въ очкахъ, съ окладистой сѣдою бородой.

— Чтò вы ищете? позвольте спросить.

— Я ищу магазинъ Т.....

— А, онъ здѣсь. Позвольте, я васъ провожу.... Вы, вѣроятно, прїѣзжій?

— Да.

— А откуда, позвольте узнать?

Я назвалъ нашу далекую родину.

— О, далеконько живете! Чтò-жь, какъ вамъ показалась наша Москва?... Пожалуйте сюда, вотъ магазинъ. Да вы извольте сказать, чтò вамъ угодно, продолжалъ старикъ: — я самъ спрошу, а то васъ могутъ обмануть.

Я поблагодарилъ, объяснился и думаю: какой добрый старикъ! Вотъ столичная внимательность, не то что у насъ, гдѣ ничего у встрѣчнаго не доспросишься, точно лѣнь ему слово выговорить. А старикъ уже успѣлъ купить что было нужно и обратился ко мнѣ за деньгами. Я заплатилъ, выхожу изъ магазина, еще разъ благодарю почтеннаго старика, котораго отнесъ уже въ мысли къ московскимъ старожиламъ, протягиваю ему руку....

— Пожертвуйте что-нибудь на мою бѣдность, сказалъ онъ и униженно снялъ шляпу съ своей сѣдой головы.

Вѣришь ли, точно варомъ окатили меня; судорожно всунулъ я въ его руку какую-то монету и побѣжалъ отъ него, какъ шальной. Такъ мнѣ больно стало отъ своей ошибки, такъ мнѣ хотѣлось публично укорить себя словами: нюня, простофиля ты, деревенщина! Расчувствовался-то какъ не у мѣста!...

Да, я сказалъ, что хорошо въ Сокольникахъ. Эта свѣтлая, чистая, столѣтняя роща, гдѣ можно раскинуться по домашнему, пришлась мнѣ по сердцу. Видно, я тотъ же волкъ: какъ ни корми его, онъ все въ лѣсъ смотреть. Впрочемъ, не подалеку слышна музыка. Вокругъ разукрашеннаго павильона толпится множество гуляющихъ, — танцуютъ, сидятъ, ходятъ, смѣются: всѣмъ, кажется, очень весело. Только я никакъ не прилажу себя къ этому общему веселью. Какъ дикарь, среди этой шумной толпы, пройдуся, и внутри себя почувствую невыносимую тягость. Наша ли незатѣйливая глушь отучила меня отъ подобныхъ сборищъ?

Или же давить меня одиночество, когда видишь около себя столько незнакомыхъ лицъ? Или же хочется здѣсь той простоты веселья, той естественности, которой никакъ не уловлю ни на одномъ лицѣ? Какъ-бы то ни было, надо согласиться, что этотъ пестрый, веселящійся по своему міръ — чуждъ нашего общаго настроенія, и намъ, провинціаламъ, не приладиться къ нему никогда. Отчего же, ты спросишь? А оттого, какъ мнѣ кажется, что простота помѣшаетъ окончательно вывѣтриться изъ насъ той естественности, которую здѣсь убиваютъ и.... можетъ быть, уже убили.

Опять мнѣ грустно и больно-грустно. Вспоминается мнѣ нашъ маленькій городской садъ и тѣ вѣковые дубы, подъ широкими навѣсомъ которыхъ, на деревянномъ помостѣ, веселится по праздникамъ и нашъ людъ. Все тѣ же лица, тѣ же наряды, и музыка наигрываетъ одну и ту же кадрили, одну и ту же польку; знаешь напередъ, гдѣ кларнетъ сфальшитъ, гдѣ труба издастъ раздражительный звукъ. Двадцать-тридцать лицъ, чинно разсѣвшихся вокругъ помоста, скучая, взираютъ на однѣ и тѣ же двѣ-три пары танцующихъ, которыя до того ужъ напрактиковались въ танцахъ, что всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ повернутся, на одномъ и томъ же мѣстѣ подпрыгнуть. И физиономіи ихъ выражаютъ всегда одно и то же — такъ и читаешь на нихъ слова: скачи, враже, якъ панъ каже.... Рѣдко — рѣдко неожиданный случай пошлетъ что-нибудь новенькое въ этотъ кружокъ, рѣдко зашевелится въ немъ что-то живое, непринужденное, нескованное роковою необходимостью совершать танцевальный обрядъ. А все же естественность здѣсь еще на столько сильна, что ни одно лицо не выразитъ на себѣ свѣтлаго праздника, когда на сердцѣ его еще нѣтъ. Чуетъ еще прыгающее существо, что ему не отчего прыгать, что это только принято всѣми за нужное, что будь своя воля — повеселился бы иначе, да смѣлости не хватаетъ.... Бѣдная провинція! кто-то въ этомъ случаѣ подастъ тебѣ руку помощи?....

Эхъ, и у насъ приходилось грустить на весельи. Помнишь-ли, съ какой апатіей взглянешъ бывало на господина, который въ опредѣленную пору подходитъ къ одному, къ другому съ обычнымъ своимъ замѣчаніемъ:

- Отъ беда! и паширосу не могу курить....
- Отчего же? спрашиваютъ его.
- Такій часъ наставъ....
- Какой же это часъ?

— Водки бѣ пора выпить — онъ якій часъ!

И еще съ бѣльшей апатіей поднимаются съ мѣстъ, тянутся гуськомъ вслѣдъ за господиномъ — туда, подъ тѣнь другихъ деревь, гдѣ свѣтитса огонекъ въ разбитомъ фонарѣ и озаряетъ рядъ бутылокъ походнаго буфета. Пьетъ господинъ, пьютъ и другіе. А между тѣмъ веселившееся общество уже бредетъ по домамъ, хоръ музыкантовъ уже приблизился къ буфету и затянулъ заунывную малороссійскую пѣсню. Но и она не беретъ, не хватаетъ за-живо сердце. Еще бы что нибудь грустиѣе: ну что же, — музыканты, маршь, похоронный маршь!.. И какъ нарочно, нестройный этотъ хоръ въ этихъ плачущихъ звукахъ такъ стройно, такъ вѣрно доходитъ до сердца, что — Богъ съ нимъ! Жутко, жутко становится, а радъ похоронной музыкѣ и не промѣнялъ бы ее тогда ни на какіе другіе звуки. Напутствуемый ими, бредешь съ поникшей головой изъ сада — повеселился...

Что же, въ замѣнъ прошлаго, взять себѣ въ утѣшеніе изъ предстоящаго мнѣ московскаго веселья? — Въмѣсто однообразія — пестрота, которой никакъ не уловишь; вмѣсто прискучившихъ лицъ — все новыя, отъ которыхъ вѣетъ чуждою намъ жизнію; вмѣсто чопорной чинности — почти всюду нахальство, которое напрашивается: взгляни дескать на меня, полюбуйся... И радъ бы любоваться: наряды роскошны и свѣжи и ловко охватываютъ станъ каждаго, шумятъ они, мелькаютъ, исчезаютъ и снова шумятъ; но все только наряды. Боюсь останавливаться на лицахъ, того и гляди, за блестящимъ нарядомъ покажется лицо, при видѣ котораго точно мурашки разбѣгутся по-за кожей. — Что же, не хорошо? ты спросишь. — Нѣтъ, не то... Есть много красивыхъ, не мало свѣжихъ и хорошенькихъ личекъ; но сколько изношенныхъ и безжизненныхъ фізіономій, сколько прикрашенныхъ лицъ и какъ онѣ назойливо лѣзутъ на глаза! Вотъ эти-то, всякій разъ какъ встрѣчаюсь съ ними, коробятъ меня, обдаютъ холодомъ и дѣлаютъ изъ меня желчнаго нетерпимца. Наша глушь не обзавелась еще подобнымъ добромъ; насловоаніе природы еще не сдѣлалось ея неразлучною спутницею; у насъ старость глядитъ и держитъ себя старостью; прежнее мѣсто ея спѣшить занять молодость, — а здѣсь на каждомъ шагѣ раскрашенныя старухи мелькаютъ по всѣмъ направленіямъ, съ такимъ нахальнымъ выраженіемъ своихъ прикрашенныхъ фізіономій, что становится тошно. Отгуляли свое время — и зачѣмъ бы имъ вмѣшиваться въ толпу свѣжаго поколѣнія, заслонять его собою и выставятъ на-показъ всю тусклость своихъ без-

жизненныхъ глазъ. Да въ какомъ количествѣ! Изъ-за нихъ не видна группа новаго поколѣнія. — Вотъ что дѣлало изъ меня нетерпимца; вотъ что поминутно въѣдалось въ мои глаза и, какъ новичка, какъ свѣжаго человѣка, корчило не легче нашей болотной лихорадки. Чьи болѣе пышные кринолины заставляли меня сторониться? — Кринолины старухъ. Чьи кокетливые голоса доносились ко мнѣ изъ толпы звонче другихъ? — Голоса старухъ. Вокругъ кого съ сладенькими любезностями увивались щоголи? — Вокругъ тѣхъ же старухъ. Точно молодежь затерта ими, точно она не имѣетъ силъ составить свой кругъ и заявить свою свѣжесть.

Ты знаешь какъ забавны наши старухи, такъ называемыя у насъ «маменьки», возсѣдающія рядышкомъ и взирающія на своихъ дочекъ-невѣстъ, которыя собираютъ около себя жениховъ и любезниковъ. Какъ имъ бѣднымъ скучно! Рѣдко даже кто сжалится надъ ними и замолвить съ ними словечко. Но онѣ на это не гнѣваются, онѣ понимаютъ, что роль ихъ отыграна — наплодили дочерей, принесли свое послѣднее дѣло будущему времени, спдятъ и любятъ на плоды свои. Вся ихъ настоящая работа состоитъ развѣ въ невинныхъ соображеніяхъ, какъ-бы пристроить плодъ свой, чтобъ въ свою очередь и онъ могъ-бы возсѣдать съ ними рядышкомъ. — Эти-то своего рода автоматы, не подающіе никакихъ признаковъ жизни, кромѣ взиранія на весь плодъ ихъ бытія, — не почтеннѣе-ли раскрашенныхъ московскихъ старухъ? Онѣ, по крайней мѣрѣ, исполнили главный актъ животной жизни — наплодили дѣтенышей и любятъ на ихъ игры и прыжки; а тѣ въ животности пошли еще дальше, — имъ непремѣнно хочется, чтобъ блудливымъ ихъ наклонностямъ удовлетворили въ свою очередь и подростшіе ихъ дѣтеныши.

Видишь-ли, кѣ какимъ непріятнымъ заключеніямъ пришелъ я; а между тѣмъ заговорилъ-было, что мнѣ хорошо чувствовалось въ Сокольникахъ. И собственнаго чувства не опредѣлишь, когда остаешься безъ маски и перестаешь казаться. Тутъ-то и видна вся внутренняя наша несостоятельность. А главное, не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣній, навѣянныхъ на меня здѣшнею толпой. Въ лицѣ ея мнѣ видится вся Русь, которая кривляется, жеманится, жжетъ — и зачѣмъ же? Необходима-ли это фаза въ нашемъ развитіи? И наши уголки, неужели еще больше настоящаго, должны будутъ криваться и лгать, достигнуть такимъ образомъ хотя бы и настоящаго положенія московской толпы, и потомъ уже своротить на естественный путь развитія?..

VI.

Москва. Июль 1858 г.

Нѣсколько дней живу въ Москвѣ, ежедневно расказываю по ней въ различныхъ направленіяхъ, и все-таки никакъ не ознакомлюсь съ топографіей ея улицъ. Показалось мнѣ, что я, наконецъ, кое-что постигъ въ этой мудрости, что могу, по крайней мѣрѣ, пробраться безъ постороннихъ указаній изъ Газетнаго переулка на Арбатъ; но сегодня долженъ былъ и въ этомъ разочароваться. Пришлось въ 11 часовъ ночи возвращаться домой; ни одного звончика не видно было на улицахъ, всѣ они поѣхали къ «Эльдорадо» забирать гуляющую публику и — волею-неволею довелось мнѣ повѣрить на дѣлѣ свои познанія въ направленіи московскихъ улицъ. Шелъ я бодро и, казалось, по кратчайшему пути; но послѣдній наконецъ представилъ столько развѣтвленій, что на меня напало смущеніе. Вдругъ припомнились мнѣ разказы о московскихъ мошенникахъ; вдругъ — единственное средство поскорѣе избавиться отъ блужданія — обратиться съ распросами къ будочнику, показалось мнѣ крайне неблагопріятнымъ; еще сегодня мнѣ сказывали, что будочники — самый нечестивый народъ. А встрѣчныхъ никого не было; улицы развѣтвляются да развѣтвляются; темень; только кое-гдѣ тускло блестятъ фонарики, да гдѣ-то слышно дребезжаніе экипажей. Послышался-было близкій говоръ, но скоро умолкъ.... Фи! досада какая! думалъ я: вотъ здѣсь должна быть и моя квартира, а никакъ ея не распознаешь; встрѣтится — чего добраго — ловкій обиратель и можетъ распорядиться и кошелькомъ моимъ и платьемъ. Платье жъ у меня новое, московское.... Пойми и согласись, что положеніе мое было не совсѣмъ пріятное.

Сколько разъ-было я толковалъ тебѣ о поэзіи ночныхъ походовъ въ нашемъ глухомъ городкѣ! И тамъ ночью на улицахъ никого не встрѣтишь, а если съ неба не глядятъ звѣзды, то царитъ такая темень, что въ двухъ шагахъ отъ себя ничего не видишь: вѣдь фонариками-то, по крайней мѣрѣ, пятью-шестью, блестятъ нашъ городокъ только во время проѣздовъ чрезъ него знатныхъ особъ, а какъ оныя ѣздятъ чрезъ него рѣдко, очень рѣдко, то, кажется, безобидно для него можно сказать, что эти пять фонариковъ зажигаются въ пять лѣтъ — разъ. Къ этому нужно прибавить грязь по колѣни, на ногахъ нужно представить тяжеловѣсныя, такъ называемыя у насъ, трехдечныя галоши; пожалуй, пусть, въ pendant къ этой мрачной картинѣ, хлюпо-

спитъ дождь. Труднисься, работаешь ногами, и хоть холодно въ воздухѣ, а на лицѣ твоёмъ выступаетъ потъ; медленно двигаешься къ своей цѣли, полверсты полчаса тянешься....— Но эта ночная наша темень и неурядица не обзавелась еще недобрыми людьми, ловкими обирателями, и, кажется, несправедливою на этотъ разъ оказалась пословица: было бѣ болото, а черти будутъ. Отчего жъ бы это нашему болоту суждено попасть въ разрядъ исключеній? Не обидится ли оно? Едва-ли. У него своего рода обитатели; въ немъ завелись въ безчисленномъ множествѣ чада того дьявольскаго навожденія, которое называется гѣнью. Она-то, даже и при крайней нуждѣ, не скачетъ, не пляшетъ, не поетъ пѣсенокъ и наконецъ — прохожихъ не обираетъ. И вотъ, благодаря ей, спокойно странствуешь ночью, въ глушь и въ темень, по болотистымъ улицамъ нашего городка, не помышляешь о покушеніяхъ на твой карманъ и платье и постижируешь хотя бы и въ такомъ родѣ: всюду бездѣйствіе, даже крайняя нужда спитъ; всюду застои и ничто не поднимаетъ человѣка на работу; блаженъ же ты хоть въ эту минуту, что не спишь, не бездѣйствуешь, что ради общегитія хоть ноги твои несутъ работу великую, — запишутъ ее въ книгу времени....

Однако, пожалуйста, не тревожься: мошеники и въ Москвѣ меня не обобрали. Извожникъ таки нашелся; на вопросъ мой: сколько возьмешь въ Газетный переулокъ, отвѣчалъ: рубликъ пожалеете; я сѣлъ, сказалъ къ какому дому подъѣхать, и черезъ минуту долженъ былъ встать и расплатиться: квартира моя оказалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ нашелся извожникъ. О немъ, также прошу тебя, не подумай дурно: я ему очень, очень благодаренъ. — Не хочется спать. Я снова сажусь за письмо, чтобъ еще потолковать съ тобою. — О чемъ же? — Ну хоть объ Эльдорадо, объ эрмитажѣ и о другихъ мѣстахъ, въ которыхъ собирается по вечерамъ много народа, при великолѣпномъ освѣщеніи, при звукахъ нѣсколькихъ оркестровъ музыки, при пѣніи цыганъ и тирольцевъ, при оглушительныхъ и блистательныхъ фейерверкахъ, въ присутствіи, наконецъ, дѣвицы Юліи Пастрана.... О послѣдней рѣшительно не хочу распространяться: боюсь, чтобъ она не приснилась мнѣ.

Я бываю уже не разъ на всѣхъ этихъ гуляньяхъ и жаль, что ни на одномъ изъ нихъ не могу забыться.... забыться для того, чтобъ перестать жить отдѣльною жизнью отъ здѣшняго общества, чтобъ стать въ положеніе гуляющаго, а не наблюдателя, чтобъ взять себѣ силы въ массѣ, для наслажденія наравнѣ

съ нею — наслажденія и чудными вечерами, и звуками музыки, и блескомъ потѣшныхъ огней, и прелестью общественности.... Не хорошо это, — но какъ же быть иначе?

Прежде всего о музыкѣ. Ты самъ хорошо знаешь, что въ нашей глуши рѣдко слышатся музыкальные звуки, если только не разумѣть подъ ними велегласнаго кваканья нашихъ лягушекъ; ты безъ сомнѣнія поминишь, съ какимъ восторгомъ я мечтаю о столичныхъ оркестрахъ, о томъ, что наконецъ скоро-скоро удастся мнѣ утолить свою жажду музыкальныхъ звуковъ. Мечты приведены къ осуществленію. Нѣсколько минутъ дѣйствительно я наслаждался, а больше.... больше размышляю по поводу слышавшихся звуковъ. Я не знатокъ музыки; я бываю радъ, если шарманка, въ тишинѣ ночи, свертитъ нѣсколько мотивовъ, и замолкнетъ вдаль, заронивши въ меня звуки заунывной пѣсни. Какъ мнѣ хотѣлось бы тогда, чтобъ шарманка отозвалась снова! Но вотъ звуки издаетъ оркестръ, составленный, какъ сказано въ афишѣ, изъ иностранныхъ артистовъ; оркестромъ управляетъ извѣстный музыкантъ; оркестръ издаетъ столько стройности, полноты и чистоты звуковъ:— это цѣлый музыкальный говоръ, а не наши стукн барабана, завыванья кларнетовъ, визжанье скрипокъ, ревъ волторнъ. Чего же больше для моего наслажденья? Да, дѣйствительно, нѣсколько минутъ я наслаждался. Но что ты скажешь, если оркестръ, богатый средствами, допуститъ въ себя передразниванье соловья, хлопанье пробокъ, шипѣнье паровой трубы, свистъ паровоза и тому подобные фокусы? Что ты скажешь, если публика съ восторгомъ внимаетъ этимъ фокусамъ, не хочетъ и слышать другой музыки и все требуетъ, даже съ непотствомъ, вотъ этихъ уродливыхъ звуковъ? Что ты скажешь, если не музыкальная гармонія, а вотъ эти фокусы возбуждаютъ и подогрѣваютъ чувства толпы? А все это дѣйствительно такъ. Что же, не больно ли станеть за вкусъ публики? Не жаль ли богатаго средствами оркестра? Говорятъ, Москва музыкальный городъ. Вѣрю, равно какъ убѣжденъ, что среди ея живетъ не мало цѣнителей истинно-изящнаго. Но какое, однако, дѣло до этихъ единицъ, въ разброску наслаждающихся прекраснымъ? Передо мною толпа, и для меня важенъ собственно ея вкусъ. И въ самомъ немзыкальномъ пунктѣ можно встрѣтить знатока и цѣнителя: но какова-то вся масса?... А отсюда приходишь къ тому заключенію, что наша передовая, столичная толпа даже и въ музыкѣ предпочтительно бросается на фокусы. Въ моихъ глазахъ, это хуже грубости и невѣжества. Грубая,

невѣжественная толпа извлекаетъ музыкальное наслажденіе даже изъ простыхъ звуковъ волюнки.... А эти музыкальные фокусы, къ которымъ такъ падка здѣшняя расфранченная толпа, обнаруживаютъ въ ней извращеніе природнаго чувства, испорченность натуры, увлеченіе только фальшью и фальшью жизни....

Теперь о цыганахъ. О московскихъ цыганскихъ хорахъ прожужжали намъ уши; по поводу ихъ поэтизировалъ не одинъ московскій стихослагатель. Кажется, позволительно было мнѣ — провинціальному невѣждѣ — прислушиваться къ нимъ съ особеннымъ вниманіемъ. Я прислушивался. Голоса очень недурны; немного дикій напѣвъ ихъ звучалъ часто полнотою гармоніи. Но вотъ что выходило постоянно не по мнѣ. Едва только затягивалась пѣсня и начинала входить въ силу, въ оригинальность своихъ мотивовъ, какъ публика тотчасъ же останавливала ее криками: тройку! тройку! Другая партія той же публики начинала кричать: лёнь! лёнь! Управляющій хоромъ останавливался въ недоумѣніи. «Тройку!.. Лёнь!.. — Тройку!.. Лёнь!» продолжали все неистовѣе кричать въ публикѣ. Наконецъ одна смазливая цыганочка, Степа или Маша (право, не знаю), затягивала тройку — ту тройку г. Некрасова, которую въ нашей молодости съ наслажденіемъ заучили мы при первомъ же появленіи ея въ печати. Музыка къ словамъ пѣсни не очень ладится, но крайней мѣрѣ, такъ показалось мнѣ, особенно когда взглядывалъ я въ лицо лукавой цыганочки, напѣвавшей тройку, часто безграмотно искажая ее, и съ явнымъ примѣненіемъ словъ пѣсни къ себѣ. На стихахъ:

Изъ подъ брови твоей полукруглой
Бойко смотритъ лукавый глазокъ —

она останавливалась; оглушительные крики «браво!» покрывали финалъ ихъ, и она, сантиментально раскланиваясь на всѣ стороны, самодовольно улыбалась, навѣрное думая: браво-то не пѣснѣ, а моимъ лукавымъ глазамъ. За тѣмъ слѣдовали крики: лёнь! лёнь! Раздавался кагалъ чисто таборныхъ звуковъ, выбѣгали напередъ отвратительныя старухи и сладострастно потрясали грудью, руками и всѣмъ станомъ: картина, могу увѣрить тебя, отвратительная! Особенно же, когда къ старухамъ присоединялась еще молоденькая цыганочка, когда подталкиваемая сзади, и она начинала сладострастно трепетать всѣми своими членами, начинала — и не могла, или же не умѣла.... Что можетъ быть граціознымъ и естественнымъ въ таборѣ, то на сценѣ, по прихотямъ публики, а не подъ вліяньемъ вдохновенія

и страсти, выходитъ пошлымъ до крайности. Притомъ же здѣшнія цыганки възрастны не подъ кочевыми шатрами; въ ихъ пляскѣ не можетъ проявиться вся удалъ движеній, взлелеянная на днѣвой волѣ, — и право, жаль становится за миловидную цыганочку, неестественно потѣшающую общество, отвратительными кажутся старухи, искусившіяся годами въ подобныхъ потѣхахъ, но еще отвратительнѣе самая публика, вызывающая на глаза свои скандалы и награждающая своими браво самый неестественный и каррикатурный порывъ страсти. И здѣсь, все тѣ же фокусы увлекаютъ вкусы публики.

Нужно наконецъ сказать тебѣ что-нибудь и о потѣшныхъ огняхъ. Ахъ, какъ-бы кстати было привести сюда изъ всѣхъ нашихъ провинціальныхъ закоулковъ по больше зрителей, чтобъ они поглядѣли хоть на московскіе иллюминаціи и фейерверки, блистательные и разнообразные: ужъ не перестали-ль бы они трубить въ вѣдомостяхъ о великолѣпнн собственныхъ торжественныхъ ночей, озаренныхъ блескомъ десяти площадъ? — У насъ иная ночь — не выразимая роскошь; воздухъ бываетъ напоенъ чуднымъ весеннимъ ароматомъ; дышется такъ легко и сладко, что ничего лучшаго и не придумаешь; но нѣтъ, о такой ночи почти никто добраго слова не скажетъ. А вотъ пособрались отпраздновать какую-нибудь, даже и непривѣтливую, ночь, но отпраздновать съ иллюминаціей, — откуда и зрители набрались! откуда явились и восторги! Только и толковъ, что слышится: «какъ весело! иллюминація...» А весь-то матеріалъ для общественнаго восторга заключается въ десяткѣ смердящихъ площадъ: иную изъ нихъ вѣтромъ задуетъ, а другая поспѣшно покончила свое блистанье, по той простой причинѣ, что кому-то изъ зрителей показалось очень выгоднымъ дѣломъ — подкрасться къ площадкѣ и смазать себѣ сапоги даровымъ саломъ...

Право, все это такія пустяки, такія мелочи... Однако, согласись, что вся наша жизнь слагается изъ подобнаго хлама и, покоясь на немъ, мы только и дѣлаемъ, что силится обманывать себя на счетъ дѣйствительнаго положенія вещей. Фокусъ — покуски мы — знатные, и за тѣмъ — прощай!

VII.

Москва, августъ 1858 г.

Пріѣхалъ я въ Москву въ такое время, когда въ аудиторіяхъ университета молчаніе: профессора и студенты большею частью въ отъѣздѣ. Давнишнее желаніе мое — послушать во-очію здѣш-

нихъ знаменитостей, которыхъ имена съ такимъ благоговѣніемъ произносимъ мы въ нашей глуши,— исполнится развѣ въ далекомъ будущемъ. Нужно, по-крайней-мѣрѣ, наблюдать молодежь, которая на гѣто осталась въ Москвѣ: какъ-то въ настоящее время наука дѣйствуетъ на нашихъ юношей, собранныхъ сюда изъ разныхъ закоулковъ Россіи, и что-то съ собою современемъ принесутъ эти юноши въ наши закоулки?

Въ былые студентскіе годы, и притомъ въ нашемъ провинціальномъ университетѣ, на нравственное окрѣпленіе молодости дѣйствовали преимущественно отрицательныя вліянія. Грѣха таятъ нечего: да, рѣдко-рѣдко бывало блеснетъ лучъ, посланный съ цѣлію просвѣтить насъ; все больше приходилось хлопотать въ потѣмкахъ, чтобъ не погасли окончательно тѣ искорки, которыя тамъ и сямъ тлѣлись еще, Богъ знаетъ, когда и откуда къ намъ зоронившіяся... Теперь для молодежи другое время: какъ же оно воспитывается?

Трудно отвѣчать на такой запросъ, и грѣхъ бы было братья слегка за его рѣшеніе, если-бъ среди мимолетныхъ наблюденій не представлялось иногда такихъ сторонъ дѣла, которыя рѣзко бросаются въ глаза и сами-собою приводятъ къ вѣрнымъ заключеніямъ; станешь же присматриваться къ нимъ по пристальнѣе, сживнешься съ ними; — глядь, и потерялъ изъ виду нить, указывавшую тропинку къ истинѣ.

Быть можетъ, страннымъ покажется тебѣ первое мое замѣчаніе, что въ здѣшней молодежи я почти не вижу энтузіазма. Находятъ, что отсутствіе его есть добрый признакъ, за который слѣдуетъ радоваться, что онъ прямо указываетъ на положительность и солидность стремленій университетской молодежи. Дай Богъ, чтобъ это было такъ. Что до меня, то я этому доброму признаку мало довѣряюсь. Не могу я никакъ переварить въ себѣ мысль, что юноша долженъ быть преимущественно солиднымъ и положительнымъ: по мнѣ, такъ юноша безъ энтузіазма — плохой юноша, и слѣдуетъ поставить его въ ряды уже выживающихъ членовъ общества. Въ наше время эти энтузіасты дѣлали много хорошаго; они разогрѣвали тѣхъ, которые глядѣли почти трупами, они бодрили дремавшихъ, они проповѣдывали свѣтъ, существованію котораго легко было и не вѣрять въ нашихъ тяжелыхъ потемкахъ.

Теперь время, говорятъ, не то: намъ нужны работники, а не рыцари слова; энтузіасты кричали, и ничего не дѣлали; подъ ногами у нихъ не было твердой опоры, да и собственная ихъ

тяжесть висѣла на волоскѣ; на такіе же волоски хотѣли они и всѣхъ повѣсить. Допустимъ, что это такъ, хотя не надо забывать и того—позволяли-ль обстоятельства укрѣпляться на чемъ-нибудь болѣе прочномъ и не подвигъ ли былъ держаться, но все-таки держаться на волоскѣ? — Однако, что-то вырабатываютъ теперь въ замѣнъ ненужныхъ уже юношей-энтузіазстовъ? Прежде всего указываютъ на такъ называемыхъ спеціалистовъ, то есть, на такихъ юношей, которые посвятили себя изученію той или другой науки и такимъ образомъ готовятъ себѣ твердую опору въ жизни; это ужъ не верхоглядъ и краснопан, а юноши серіозные, посвятившіе себя почтенному труду. Замѣна, какъ видишь, дѣйствительно хорошая. — Но мнѣ и здѣсь видится маленькій фокусъ. Спеціальность для нашего общества— модное слово: а на какія же штуки мы не готовы подняться, чтобъ только не сочли насъ отсталыми по наружности, чтобъ современность не могла безъ всякихъ обиняковъ указать на насъ пальцемъ: смотрите, вотъ онъ отсталый! такъ тотчасъ и видно....

Спеціалисты появлялись у насъ и прежде, появляются они и теперь, но появлялись и появляются случайно, самоучками. Еще не взрыхлена та почва, на которой они станутъ естественно нараждаться десятками и сотнями. Но такую почву нельзя приготовить однимъ только дуновеніемъ на нее того повѣтрія, которое сродни модѣ. Всѣ закричали, что спеціалисты — нужны, что именно въ нихъ нуждается современность, и вотъ какъ бы по щучьему велѣнію стала процвѣтать у насъ спеціальность: одинъ ей служить только фразою, другой прикладываетъ сюда и трудъ, но такой тощій и сухой, что отъ него чахнетъ и самъ трудящійся, да нисколько не тучиѣетъ и общество. Оно и понятно. Истинный спеціалистъ образовывается, готовится, по-немногу распознавая предстоящій ему трудъ; за то дѣло его все ширится, по-мѣрѣ укрѣпленія этой образовательной къ нему подготовки. Вдругъ же народившіеся наши юноши спеціалисты сдѣлались, или вѣрнѣе, назвали такowymi не вслѣдствіе самообразования и естественнаго влеченія, а только по внушеніямъ извнѣ: бѣдняжки, заразились повѣтріемъ.

Нѣтъ, не нужно намъ тѣхъ сухарей, тѣхъ жалкихъ спеціалистовъ, которые подсушиваются нѣкоторыми московскими профессорами, съ пожертвованіемъ личности юношей въ угоду потребностямъ просвѣщеннаго нашего вѣка. Не личности нужно обращать въ спеціалистовъ, а нужно разработать гуманно-обра-

зовательную почву, чтобъ самп-собой нараждались на ней спеціаллисты, а пока она у насъ не подготовлена, до-тѣхъ-поръ и такъ называемые наши юноши-спеціаллисты будутъ представлять изъ себя только жалкое порожденіе педантизма. — Ты не повѣришь, на сколько безжизненны тѣ quasi-спеціаллисты, которыхъ я наблюдалъ здѣсь. Ничто ихъ не интересуетъ, кромѣ буквы ихъ спеціальности; хилыми, старческими кажутся ихъ юныя лица; въ глазахъ ихъ нѣтъ огня жизни; изъ устъ ихъ слышится мертвая мораль.... О, слава Богу, что подобныхъ препаратовъ кабинетнаго педантизма не можетъ быть много, — и ужъ не они ли замѣнятъ собою прежнихъ юношей-энтузіастовъ?... Что же до провинцій, ждущихъ посланниковъ свѣта отъ столичныхъ аудиторій, то да молятся, чтобъ къ нимъ не высылали этихъ сухарей: они намъ повредятъ, а не помогутъ.

Мы хорошо знаемъ, какое вліяніе на провинціальные закоулки оказываютъ молодые люди, пріѣзжающіе изъ столицъ. Всѣ отъ заплеснѣвшихъ въ болотной тинѣ до свѣжихъ подростковъ нашего люда, всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на существъ высшей породы; отъ нихъ ожидаютъ всегда чего-то лучшаго, чѣмъ тѣ тяготящія, прискучившія вліянія, которыя принадлежатъ прежнимъ, выдохшимся членамъ закоулка. Надежды, однако, рѣдко оправдываются; чаще онѣ обманываются или изворачиваются. То окажется, что пріѣзжіи изъ столицы обнаруживаютъ только превосходство въ карточной игрѣ,—то явитъ онъ изъ себя нахала, который насолитъ всѣмъ и каждому, то съумѣетъ блеснуть только платьемъ столичнаго покроя,—то на первыхъ же порахъ обольститъ какую-нибудь легковѣрную провинціальную невинность или внесетъ раздоръ въ мирную до-тѣхъ-поръ семью. Все это имѣетъ чрезвычайно вредное вліяніе на убѣжденія жителей закоулка, — подросточки перенимаютъ завезенныя къ нимъ пошлости, какъ дары просвѣщенія, а заплѣснѣвшіе въ неподвижности члены закоулка вопіютъ: «вотъ до чего доводитъ образованіе! Не дай Богъ сыну моему заразиться этою язвою!» и т. д.

Зная такія порядки нашихъ мѣстъ, я всматриваюсь во вкусы столичной университетской молодежи, и порадовать-ли тебя, а? Хотѣлось бы.... даже есть къ этому значительный поводъ. Я встрѣтилъ уже нѣкоторыя личности, съ такимъ солиднымъ направлеиіемъ и съ задатками такихъ гуманныхъ наклонностей, съ какими въ прежнее время едва-ли можно было встрѣчаться въ университетскихъ залахъ. Онѣ-то, подобныя свѣтлыя личности, а прежде не переводились, но направленіе ихъ не было такъ

чисто и ясно, какъ теперь. — Все же однако, какъ тогда, такъ и въ настоящее время, это еще единицы, а масса — не могу обобщаться—едва-ли ушла нѣсколько впередъ; по-крайней-мѣрѣ, наши закоулки получаютъ изъ стѣнъ университета еще многое множество знатоковъ несюнчаемаго преферанса, воздыхателей по двѣтному бульвару и распространителей бульварной цивилизаціи на всѣ тѣнистые уголки нашихъ садовъ и улицъ....

Охъ, какъ вредитъ намъ полуобразование: чрезъ него самое невѣжество крѣпнеть.— Помнишь-ли ту старушку, которая когда-то заглянула въ нашъ — блаженной памяти — корпусъ казенно-коштныхъ студентовъ, заглянула повидаться съ землякомъ-студентомъ? Она выростила его, еще малютку, на своихъ рукахъ — и чрезъ десятокъ лѣтъ пришла на него полюбоваться. И было чѣмъ: землякъ взялъ и ростомъ, и дородствомъ, а баки-то отпустилъ какія важныя!

«Та годнъ тоби вчиться — въ простотѣ сердца воскликнула старушка: «кинь ти книжки та швыдче прїѣзды до дому! Пора тоби, дуже пора и жениться»...

Студентъ краснѣлъ передъ товарищами за невѣжество своей землячки, а между тѣмъ, при всемъ этомъ невѣжествѣ, не была-ли она близка къ истинѣ? Дородство и баки—на-славу дашь бы и безъ университета, а кромѣ этого добра мало кое-чего повезъ на родину студентъ, хоть и краснѣлъ онъ передъ лицемъ товарищей за свою землячку. Правда ея, что упустилъ только нѣсколько годковъ для женитьбы.

Вотъ такіе казусы, случающіеся у насъ сплошь да рядомъ, сильно роняютъ образование въ глазахъ обитателей темныхъ закоулковъ. Такъ, что какъ ужъ ни кричи имъ послѣ, какъ ни выясняй, что ученье свѣтъ: ни, ни — не слушаютъ! Улика у нихъ на лицо. Вотъ дескать, погляди на нашего родича, только и славы что учился, а свѣта-то не принесъ никакого; да и къ семейной жизни не годенъ сталъ... Досадно слушать станеть, а невѣжество-то видитъ себя въ своемъ правѣ.

Охъ-охъ! Какъ вредитъ намъ полуобразование!...

VIII.

Москва. Августъ 1858 г.

Помню, ты поручилъ мнѣ накрѣпко развѣдать, въ какой мѣрѣ люди, стоявшіе вблизи покойнаго Грановскаго, воспринимали въ себя вліяніе этой гуманной личности, и отчего это по провинціямъ распространилось немало лжепророковъ его благородной

доктрины? — Порученность твою исполнить нелегко; архива для подобныхъ справокъ въ Москвѣ нѣтъ, и я не рѣшился бы отвѣчать на твой вопросъ, если-бъ онъ въ самой Москвѣ безпрестанно не представлялся моей мысли. —

Да, я долженъ сказать, что и меня смущалъ не одинъ печальный фактъ, поставлявшій личность Грановскаго въ подозрительномъ свѣтѣ передъ людьми, лично его не знавшими, словомъ, передъ множествомъ провинціаловъ. Я не могу забыть, какъ въ одномъ провинціальномъ городѣ морочилъ нашъ православный людъ одинъ виртуозъ безнравственности, удивительный актеръ благородства и добродѣтели, морочилъ именемъ дружбы своей съ Грановскимъ, пока наконецъ не была снята личина съ его фарисейскаго лица и не заклеименъ онъ былъ со стороны распознавшихъ его именемъ ловкаго мерзавца. Впрочемъ, оказалось, что онъ не двоедушничалъ, говоря о своей дружбѣ съ славнымъ покойникомъ: письма послѣдняго, самыя пріятельскія, дѣйствительно хранились у него и показывали, что отношенія между пріятелями скрѣпились въ молодости и не прерывались до самой смерти Грановскаго. Понятно, какъ послѣ этого факта во мнѣніи многихъ изъ насъ затуманилась личность человека, поставленнаго столицами въ такомъ идеальномъ свѣтѣ: близкія отношенія къ нему провинціальнаго мерзавца поставили въ головахъ нашихъ не одинъ знакъ вопроса, сомнѣнія и удивленія. — Вслѣдъ за этимъ выпалъ новый печальный фактъ: въ тотъ же провинціальный городъ, по рекомендаціи Грановскаго, опредѣленъ былъ одинъ изъ кандидатовъ московскаго университета. Помню, опять оживились многіе молодые члены провинціальнаго кружка, въ ожиданіи прибытія къ нимъ миссіонера такой высокой рекомендаціи. Миссіонеръ наконецъ прибылъ — и черезъ недѣлю былъ вытасненъ полиціею изъ уличной ямы, какъ самый неосторожный поклонникъ Бахуса. Но — съ кѣмъ грѣхъ не случается? — замѣтили нѣкоторые изъ насъ и принялись терпѣливо ожидать дальнѣйшей дѣятельности миссіонера. Дѣятельности, впрочемъ, не послѣдовало, — ни свѣта, ни тепла, ни даже простаго толка, не исходило отъ его словъ и поступковъ, хотя посреди ихъ и часто произносилось имя Грановскаго, безъ сомнѣнія — всеу... И когда въ городъ проникла вѣсть, что Грановскаго не стало уже на бѣломъ свѣтѣ, то это дало другу и протеже его только поводъ сообщить провинціальному люду нѣсколько скандальныхъ анекдотцевъ; особенно же другъ счелъ нужнымъ помянуть покойника берлинскими похождениями, кото-

рыя будто бы они совмѣстно предпринимали на всякихъ Гретьенъ. — Этимъ бы дѣло могло и порѣшиться, если бѣ опять въ головахъ обитателей провинціального уголка не возстали еще въ большихъ противъ прежняго размѣрахъ знаки сомнѣній и недоумѣній: да какого же рода вліяніе на приближенныхъ оказывалъ славный московскій профессоръ?

Провинція вообще идеализируетъ все то, что стоитъ надъ нею высоко и находится отъ нея далеко. Грустно было, что въ высшей степени идеализированная среди нея свѣтлая личность потерпѣла такой уронъ, загрязнилась въ глазахъ ея поступками жезпроороковъ, и оттого, разумѣется, не мало выиграла тьма.

Итакъ твою порученность пришлось бы мнѣ, по-прежнему, порѣшить такими словами: нужно имѣть крѣпкую вѣру въ лучшихъ нашихъ людей, нужно помнить, что дьяволъ не упускаетъ случая посѣять плевелы на нивѣ и лучшаго изъ сѣятелей, нужно образъ великаго человѣка закрѣплять въ сердцѣ нашемъ словами собственнаго его ученія, озарять свѣтомъ собственной его личности, согрѣвать тепломъ собственной его гуманной натуры, а не помрачать, не охлаждать и не колебать его наблюденіями надъ личностями какихъ-нибудь близкихъ къ нему Иудь-предателей. Но къ этому я прибавлю еще нѣсколько словъ.

Въ Москвѣ приходилось мнѣ не разъ слышать такія рѣчи: «жалъ, рано умеръ Грановскій! Безъ него пошатнулись многие; при немъ бы они не посмѣли дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ теперь.... Нѣтъ надъ ними стерегущаго ока, и совѣсть ихъ вліяетъ».... Эти слова, направленные противъ нѣкоторыхъ лицъ, прежде благородно дѣйствовавшихъ, а теперь — съ прекращеніемъ вліянія на нихъ Грановскаго — вліяющихъ совѣстью, даютъ нѣкоторую возможность опредѣлить, какого рода вліяніе оказывалъ на-нихъ покойникъ и въ какой мѣрѣ они способны были воспринимать въ себя это вліяніе.

Общество должно быть очень развитымъ, очень впечатлительнымъ, для того, чтобъ сильно и глубоко проникаться на-тіемъ такихъ высоко-гуманныхъ личностей, къ какимъ относятъ и Грановскаго. Напротивъ, въ обществѣ съ застарѣлыми предразсудками и, отъ природы или же по обстоятельствамъ, расположенномъ къ косности, появленіе такой личности подобно метеору, который обоятельно, но слишкомъ мгновенно и какъ-то случайно озаряетъ очи всѣхъ. Къ пониманію и оцѣнкѣ извѣстнаго нужна подготовка; плохо дѣйствіе художественнаго произведенія на нервы грубаго организма, — плохо дѣйствіе и художествен-

ной личности на сердца людей, о которыхъ все еще по правдѣ говорятъ: «не грянетъ громъ — мужикъ не перекрестится». — Появленіе среди нашего общества личности Грановскаго можетъ быть названо также подачею свыше деликатнаго блюда, котораго каждый слѣдилъ причаститься, но сытымъ оттого не сдѣлался. У кого внутри не завелся еще червякъ, требовавшій грубаго удовлетворенія, тотъ принималъ въ себя эту небесную пищу какъ самый цѣлительный бальзамъ; но природы съ жадными червяками отъ нея не выѣчлились. И, кто знаетъ? быть можетъ, червяки эти, нѣсколько приморенные, но не задушенные, потому еще болѣе сдѣлались жадными... При томъ многія изъ отличительныхъ чертъ личности Грановскаго именно могли содѣйствовать развитію этой жадности. Его высокая терпимость могла перетолковываться грубыми натурами, какъ потворство ихъ грубымъ инстинктамъ, какъ панибратство съ ихъ червяками; его эстетическій взглядъ на жизнь и жажда эстетическихъ наслажденій могли приниматься многими за склонность къ грубому материализму, и т. д. Но что всего болѣе было по вкусу грубымъ натурамъ — такъ это эластичность, мягкость и нѣжность природы Грановскаго, отъ общенія съ которою получалось наслажденіе: имъ-то могъ пользоваться каждый сообразно своимъ цѣлямъ, не опасаясь уронить личные свои интересы: предметъ наслажденія не удалялся, не щетинился, не выставлялъ изъ себя иглы, о которая можно было бы уколоться, а если наконецъ и выставлялъ, то иглы такого мягкаго, деликатнаго свойства, что грубый организмъ отъ прикосновенія ихъ чувствовалъ только пріятное щекотанье...

Виновать, извини меня: я все письмо наполнилъ собственными разсужденіями, а о Москвѣ — почти ни слова... Но мнѣ хотѣлось хотя нѣсколько уяснить себѣ вопросъ, очень меня тревожившій. На досугѣ я готовъ снова заняться имъ, да и теперь не утерплю, чтобъ не сказать еще двухъ — трехъ заключительныхъ фразъ. Да, я прихожу къ тѣмъ заключеніямъ, что вліяніе такихъ личностей, какъ Грановскій, на общество еще довольно грубое (наружный лоскъ тутъ не идетъ въ сторону), можетъ быть болѣе количественнымъ, чѣмъ качественнымъ, а потому оно скоропроходяще. Чтобы сильно и глубоко вліять на людей нашего полѣта, нужно или изливать отъ себя побольше той остроты, которая поражала бы на-смерть органическіе язвы, или же гремѣть громомъ надъ головами мужиковъ: пусть мужики крестятся и въ ужасѣ благоговѣютъ...

X.

Москва, августъ 1859 г.

Я уже готовлюсь въ дорогу. Не могу заживаться въ Москвѣ: она меня раздражаетъ.... Все лучшее ея теперь въ разбродѣ, то за границей, то на дачахъ, то по деревнямъ. Умственная ея дѣятельность разнесится по всѣмъ нашимъ закоулкамъ на листкахъ газетъ и журналовъ; съ нею мы знакомы и безъ посѣщеній Москвы. И такъ, что же остается? Не пуститься-ль мнѣ въ сплетни, не стать-ли подслушивать анекдотцы, которые ходятъ здѣсь на счетъ каждаго лица, извѣстнаго намъ только по официальной или же книжной дѣятельности? — Но счастлива провинція, что она ихъ не слышитъ; иначе она потеряла бы много дѣтской вѣры въ искренность стремлений, оглашаемыхъ честными и принадлежащихъ нашимъ передовымъ людямъ. Для свѣжихъ ея силъ эта вѣра благотворна; пусть же не колеблется она толками московскихъ сплетниковъ и собирателей анекдотцевъ. Жить въ Москвѣ ради ея внѣшности — право, не стоитъ. Теперь здѣсь такъ пыльно, такъ неблагоовонно; рѣдкій уголокъ не глядитъ замарашкой. Да и вообще устройство Москвы не можетъ дѣйствовать на воспитаніе вкуса наблюдателя; памятниковъ искусства здѣсь мало, если, разумѣется, подъ искусствомъ не разумѣть размалеванныхъ московскихъ церквей, или же изваяній, въ родѣ памятника Минину и Пожарскому.... Послѣдній, по крайней мѣрѣ, замѣчателенъ хоть тѣмъ, что въ надписи на немъ обошли табель о рангахъ: имя князя Пожарскаго поставлено послѣ имени *гражданина* Минина....

О чемъ же еще повести рѣчь? Не прогуляться-ль съ тобою на Кузнецкій мостъ? — Но о немъ слава у насъ идетъ широкая.... Правда, воображенію провинціала при этомъ имени постоянно рисуется мостъ, хоть тутъ и нѣтъ никакого моста, а такая же улица, какъ и всѣ прочія; за то кто же не слышалъ о здѣшнихъ великолѣпныхъ магазинахъ? Не въ названіи дѣло, иначе въ Москвѣ почти на каждомъ шагу будешь становиться въ тупикъ, когда вслушаешься въ названія предметовъ, а самихъ-то предметовъ не видишь. Сколько тутъ воротъ по имени, а не въ дѣйствительности, сколько прудовъ, на которыхъ выстроены дома, сколько церквей съ названіями Николы въ сапогахъ, Николы въ воротникахъ, Спаса въ наливкахъ и т. д. и т. д. Все это слѣды прошлой жизни города, а потому обойдемъ ихъ.... обойдемъ все-таки за тѣмъ, чтобъ завернуть на Кузнецкій Мостъ. Безъ со-

миѣнія, не одинъ провинціалъ опоражнивалъ на немъ свой карманъ, быть можетъ, угѣшая себя хоть тѣмъ, что опоражнивалъ по-столичному, *безъ торгу*. Нельзя же выказывать себя прованомъ. Хоть за сердце кошки скребутъ, хоть знаемъ мы чисто-на-чисто, что купецъ ломить вдвое, что не торговаться съ нимъ — значитъ больно приплатиться: но какъ же быть? Какъ же заводить торги въ модномъ магазинѣ съ такимъ деликатнѣйшимъ французомъ? Вѣдь осмѣютъ, да и онъ слушать не захочетъ... А какая, право,* это милая выдумка, и какъ она прекрасно характеризуетъ наше общество! Не дѣло, а фраза, не сущность, а форма — вотъ пока девизъ его поведенія. И вздумай только не подчиниться общему настроенію — начнутъ тотчасъ пальцемъ на тебя указывать, назовутъ тетерей. Приѣзжаетъ, напримѣръ, въ губернской городъ хуторянка, идетъ въ модный магазинъ и проситъ показать шляпку. Шляпку показываютъ, безъ сомнѣнія, изъ стародавнихъ, и ломаютъ за нее въ тридорога. Хуторянка, однако, не поддается, начинаетъ торговаться; но деликатный прислужникъ магазина съ достоинствомъ замѣчаетъ, что въ магазинѣ продаютъ безъ торгу.

— Цуръ дурня, та масла грудка! восклицаетъ хуторянка: якій чортъ вамъ и повире!... И вотъ ее засмѣяли; всѣ знакомыя ея, провѣдавъ объ этомъ, порѣшпли: *фи*, какая дура! — Но въ чемъ же ея вина? Не въ томъ-ли, что она, хотя и грубо, не поступила вопреки здраваго смысла?...

Вотъ это-то больше всего и путаетъ стыдливую, робкую провинцію: нападаютъ на нее больше всего на виѣшность, и случайнымъ, условнымъ, хотятъ замѣнить ея природный смыслъ. И какъ успѣваютъ въ этомъ! Мало-ли выдѣлила она изъ себя тѣхъ жалкихъ существъ, тѣхъ воронъ въ павлиньихъ перьяхъ, которыя составляютъ, по видимому, весь цвѣтъ ея существованія? Это — такъ называемые великосвѣтскіе провинціальные кружки, съ ихъ виѣшнимъ заимствованнымъ лоскомъ и внутреннею пустотою. Да что и говорить! Эти кружки принимаются за представителей провинціальной жизни; по нимъ судятъ о степени жизненности провинцій. — Грубая, впрочемъ, ошибка! Они — не больше какъ наростъ, вздувшійся на провинціи отъ вреднаго и ложнаго вліянія на нее извнѣ, отъ высихъ сферъ, отъ столицъ. Наростъ этотъ все увеличивается въ окружности, готовъ прикрыть собою весь составъ провинціального населенія, но, вѣрится миѣ, бояться слишкомъ его — нечего; въ среднѣ онъ пусть; какъ лягушка, дувшаяся противъ быка, онъ лопнетъ....

Но кто потѣшался и потѣшается надъ провинціей? — Ея же воспитатели... Право, забавное положеніе! Не рѣдко случается видѣть школьничковъ, которые потѣшаются надъ уродливыми своими воспитателями, но трудно встрѣтить воспитателя, который бы потѣшался надъ плодомъ своихъ усилій, надъ созданіями своего педагогическаго генія. Такое положеніе слишкомъ неестественно, и комедія эта должна скоро кончиться. Или сами воспитатели поумнѣютъ, или же воспитанники переростутъ ихъ и, на первый разъ увлекшись правиломъ: долгъ платежемъ красенъ, пойдутъ творить надъ ними свои штуки. Въ самомъ дѣлѣ, чаша забавъ и шутокъ переполняется, фокусы ужъ слишкомъ понятными становятся для каждаго, — и какъ послѣ этого не перестать почтенивѣйшей публикѣ увеселяться ими? По неволѣ припсучать и опротивѣютъ...

Между тѣмъ фокусами нашей общественной жизни восхищаются, объ нихъ кричатъ во всеуслышаніе. И — слава Богу! Это явный признакъ, что они не вошли еще въ нашу плоть и кровь, что они — нѣчто прививное къ намъ. Такъ уже повелось дѣло, что прежде нежели мы окончательно усвоимъ себѣ извѣстное положеніе, начинаемъ сгоряча тщеславиться мечтами о немъ, точно осуществленіе его лежитъ въ нашихъ карманахъ. И прокричимъ мы на всѣ голоса, что такъ-то и такъ-то ведется у насъ дѣло, — а оно пока еще въ облакахъ. Этотъ крикъ опознать его, и когда наконецъ наступитъ пора серьезно за него взяться — у насъ уже явилось полное къ нему охлажденіе. Примѣровъ этого подбирать нечего: ихъ тьма-темь.

Поэтому, сбудется-ли подобный фокусъ и надъ фокусами нашей общественной жизни?...

Да, провинція еще груба; во многомъ она еще непочатая масса, всеѣми недостатками грубаго матерьяла, но за то и со всеѣми достоинствами дѣвственныхъ произведеній природы. И неужели здравый смыслъ ея, изъ-за одной только неуклюжести его появленія, долженъ быть заглушенъ полированной бессмыслицей? — До сихъ поръ она шла этимъ путемъ; мнѣ казалось, что здѣсь и виновата она одна... Но Московская жизнь — этотъ образецъ для всѣхъ губернскихъ кружковъ — явилась мнѣ не въ видѣ звѣзды, путеводящей къ свѣту для всѣхъ провинціальныиъ закоулковъ, а въ видѣ блудящаго огонька, который сбиваетъ насъ съ истиннаго пути и заводитъ въ трущобу...

Нѣтъ, поскорѣе мнѣ нужно уѣзжать отсюда; въ глаза мои кидается одна мишура здѣшней жизни... Посмотрю еще на Пе-

тербургъ. Быть можетъ, хоть онъ не вынудитъ меня воскликнуть: «Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?...»

ПРОВИНЦІАЛЬ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Ливиньонъ, 10 (22) іюля 1859 г.

Я ѣхалъ изъ Парижа по дорогѣ въ Дижонъ. Со мною сидѣли болтунъ французъ, помѣшанный на охотѣ (онъ все хвастался чудною меткостью своихъ выстрѣловъ), и дама съ ребенкомъ, изъ Алжиріи, возвращавшаяся на родину. «Теперь перемиріе: можно спокойно ѣхать въ Италію, посмотрѣть на нашу армію,» сказала дама.—Императоръ уже заключилъ миръ: сегодня было извѣстіе, отвѣчалъ французъ.—«Не можетъ быть, вы шутите.»—Развѣ мадамъ считаетъ меня распространителемъ ложныхъ извѣстій? Благодарю покорно, я мирный гражданинъ.—«Ну, все равно... миръ, такъ миръ, отвѣчала дама. Только этотъ миръ хуже войны; я вамъ предсказываю.»—Мадамъ! министерство не стерпитъ вашихъ сужденій. — «Какое мнѣ дѣло! у меня свое министерство.»—Развѣ въ Алжиріи нѣтъ исправительной полиціи?—«Ужъ у насъ такая арабская кровь, замѣтила шутливо дама, обращая рѣчь въ другую сторону:—мы все хотимъ драки!»

Миръ! миръ! сказалъ я самъ-себѣ, и не могъ спокойно доѣхать до Дижона, ломая голову надъ тѣмъ, какія могли бы быть условія этого мира! Въ Дижонѣ прочелъ я прибитуго на стѣнѣ депешу, и пораженъ былъ блистательнымъ окончаніемъ дѣла. Хвала Франціи! Но что это такое за почетное президенство папы? Что за конфедерация. Будутъ ли въ ней засѣдать депутаты отъ народа, или просто посланные отъ разныхъ князьковъ средней Италіи, которые возвратятся на свою родину? И Австрія, и король неаполитанскій, имѣютъ здѣсь голоса. Странно! Желѣзо и камни, огонь и вода, — все смѣшается въ этомъ крѣпкомъ, централизирующемъ котлѣ. Куда же дѣлись планы, и гаданія дипломатовъ, споры о нейтралитетѣ Англіи, грозныя вооруженія Пруссій, толки о посредничествѣ европейскихъ державъ? Все лопнуло вмѣстѣ съ послѣдней гранатой, пущенной въ битвѣ при Сольферино! Мы читали великолѣпный, грандіозный романъ, до самой послѣдней страницы, не предвидя конца, — и къ успокоенію читателя, и къ

утѣшенію всѣхъ страждущихъ героевъ романа, дѣло кончилось благополучно свадьбой: нѣтъ недостатка и въ папѣ, для благословенія новобрачныхъ. Но дѣйствительно ли это конецъ? Исторія не дѣлается въ два дня по волѣ одного человѣка. Благородная, французская кровь лилась не даромъ: мы съ этимъ согласны. Но придется медленно и съ терпѣніемъ перечитывать новый романъ въ англійскомъ вкусѣ, гдѣ уже на первой страницѣ герои являются женатыми, и подробно развиваются дразги семейной жизни. Чтожъ? разсказъ будетъ не столь блистателенъ и патетиченъ, но менѣ ли любопытенъ?

Я думаю: еще болѣе. По-крайней-мѣрѣ съ двойнымъ интересомъ я перечитываю теперъ извѣстія газетъ, и путаюсь въ догадкахъ.

Во Франціи по прежнему, все въ высшей степени благо разумно (*haute prudence*, какъ выражаются газеты); но эта неблагодарная Италия, чего она еще хочетъ? Кавуръ, знаменитый Кавуръ, первое изъ свѣтилъ современной политики, человѣкъ, съ именемъ котораго привыкли соединять всѣ надежды на прогрессъ Италіи — Кавуръ въ отставкѣ! Тоскана, Парма, Модена составляютъ адреса за адресами въ какомъ-то паническомъ страхѣ, при мысли о возвращеніи стараго правленія. А Венеція? Кто слышитъ ея голосъ? Въ папской области, съ помощью наемныхъ штыковъ, царствуетъ совершенное благо разуміе: Римская газета извѣщаетъ, что народъ не знаетъ какъ выразить преданность своему государю. Нѣмцы остались по прежнему нѣмцами. Австрія смотритъ на Пруссію, какъ на родственницу, которая украла салопъ при раздѣлѣ наслѣдства, и къ посрамленію всей почтенной семьи, публично въ немъ щеголяетъ. Ея родственныя упреки могутъ привести въ слезы не одного баварца. «Вотъ, говоритъ Австрія, такова-то ты, матушка! Я на тебя надѣялась, какъ на сестру единой со мною крови! А ты что сдѣлала? Вмѣсто того, чтобы помочь, ты только мутила противъ меня всѣхъ крестницъ и племянницъ. Такъ вотъ тебѣ! Лучше пойду просить милостыню подъ чужую кровлю, а ужъ къ тебѣ ни ногою. И отъ меня впередъ не жди ничего. Нечего сказать, горекъ родственныи кусокъ хлѣба.»

И правда, въ настоящую войну блистательнѣе, чѣмъ когда-нибудь, проявилось единство германской народности. Главною причиною заключенія мира были, конечно, не опасенія со стороны Германіи и другихъ державъ, (дѣло Франціи повсюду встрѣчено было съ симпатіей), а опасеніе крайнихъ революціонныхъ

движеній. Рассказываютъ, что Наполеонъ такъ выразался передъ лицомъ императора австрійскаго: «Я затопленъ революціей (debordé par la revolution). Но мы оба одинаково ей не сочувствуемъ: заключимъ же миръ.» Конечно, болѣе того жертвъ, сколько принесла Франція, и требовать не возможно. Но что особенно замѣчательно, при словѣ: «революція» все французы припоминаютъ свои старыя невзгоды, въ-особенности несчастный 1848 годъ. Какъ для нѣмцевъ призракъ 1814 года, до-сихъ-поръ не потерялъ своего обаянья, такъ и для нихъ существуетъ свое нравственное пугало революціи. Смотри съ этой точки зрѣнія на всѣ народныя движенія, они подъ часъ готовы назвать возмутителемъ бѣдняка, просто требующаго хлѣба. Можно ли, въ этомъ смыслѣ, назвать революціей волненія средней и южной Италіи? И собака дергаетъ цѣпь, къ которой привязана, чтобы пробѣжать хоть вершокъ далѣе. Рассказываютъ, что въ Парижѣ по случаю мира, уже кто-то успѣлъ вывѣсить австрійское знамя рядомъ съ французскимъ и сардинскимъ. Парижанинъ, увидѣвъ это, придетъ въ восторгъ отъ самой оригинальности выдумки. Развѣ тоже самое такъ легко сдѣлать итальянцу, выкупившему не одной кровью, но и кровавыми слезами, свою сомнительную свободу? Во время войны здѣшнія газеты доказывали, что единственное средство возстановить порядокъ въ Италіи, есть удовлетворить законнымъ требованіямъ народа. Окрестятъ ли теперь эти требованія словомъ революція? Какъ бы то ни было, а ужъ во французскихъ газетахъ поговариваютъ о неблагодарности итальянскаго народа. Но не будемъ заглядывать далѣе. Еще есть надежда на конгрессъ, въ которомъ авось-либо приметъ участіе и Англія. Существуетъ впрочемъ мнѣніе, что въ битвѣ при Сольферино, Наполеонъ одержалъ побѣду не только надъ австрійскими, но и надъ самими итальянскими либералами, надъ Пруссіей и надъ Англіей.

Я пробылъ съ недѣлю въ Ліонѣ. Этотъ городъ понравился мнѣ своимъ красивымъ положеніемъ, просторомъ и большею, сравнительно съ Парижемъ, простотою жизни. «Что замѣчательнаго въ Ліонѣ?» спросилъ я моего сосѣда на пароходѣ, по дорогѣ изъ Шалона.—«Шелковыя фабрики, гора Фурвиеръ и маршалъ Кастелланъ,» отвѣчалъ онъ. О первомъ и о второмъ я уже имѣлъ нѣкоторое понятіе. «Что-жъ это такое маршалъ Кастелланъ» спросилъ я. «Какой-нибудь знаменитый волтижеръ, или sostenedor de café?»

— «Что вы! это самая древняя дворянская фамилія. Онъ

правитель города, и въ большой довѣренности у императора. Впрочемъ, узнаете отъ перваго мальчишки, котораго встрѣтите на улицѣ.» Такимъ образомъ прѣхалъ я въ Лионъ. Узкая Соны и широкая Рона, извиваясь нѣсколькими изгибами, бѣгутъ почти параллельно передъ своимъ соединеніемъ. Городъ раскинулся поперекъ обѣихъ рѣкъ, и прекращается только у впаденія Соны. По обѣ стороны этой рѣки, съ сѣверной стороны города, двѣ большія горы, на которыхъ раскинуты два огромныхъ предмѣстія со страшными укрѣпленіями въ скалахъ. На правомъ берегу старинный соборъ съ почернѣвшими башнями: внутри совершенно мрачно, только сквозь цвѣтныя окна алтаря проникаетъ свѣтъ, и на темномъ фонѣ эти окна блещутъ какъ яркія краски калейдоскопа. Отъ собора, сначала по узкимъ улицамъ, а потомъ по каменнымъ лѣстницамъ, и превосходнымъ террасамъ, вы подымаетесь вверхъ на гору Фурвиеръ, самую высокую точку Лиона. На горѣ монастырь и церковь Notre Dâme съ колокольною, которая видна со всѣхъ концовъ города. Сюда-то приходятъ толпами жители на богомолье. Внутри церкви вывѣшено множество приношеній, большею частію богато вышитые узоры съ разными надписями (иногда въ стихахъ), выражающихъ благочестивое чувство приносителей. Изъ алтаря постоянно раздается гнусный голосъ поющей братіи. Во-кругъ церкви несмѣтное множество лавочекъ съ образками, статуэтками, медальками, медальйончиками, изображеніями плающихъ сердецъ, святыхъ въ облакахъ и т. д.... Тутъ же, какъ водится, школы для дѣвочекъ. Съ церковной башни великолѣпный видъ на городъ, и всю окрестность: при облачномъ небѣ, панорама мѣняется ежеминутно, отъ переливовъ свѣта и тѣни. На лѣвомъ берегу Соны идетъ изъ города длинная улица на гору: La croix gousse. Это, по выраженію везшаго меня пзвошика, демократическій кварталъ города. Демократія, сколько я замѣтилъ, выражается только бѣдностью населенія, состояшаго изъ людей фабричныхъ. Я зашелъ въ одну грязную кофейню, и нашелъ итальянца въ испачканной блузѣ. За стаканомъ пива разговоръ зашелъ о полштыкѣ. «Что-жъ? довольны вы, что побилъ австрійцевъ?» — спросилъ я. «А намъ что?» отвѣчалъ онъ. «Бѣднымъ людямъ все равно придется жить по милости богатыхъ.» Надо замѣтить, что сбытъ шелковыхъ тканей въ послѣднее время сильно уменьшился, а потому и заработная плата, какъ въ Лионѣ, такъ и вообще въ Провансѣ, значительно упала; множество рукъ осталось со-всѣмъ безъ работы. Вся гора, какъ и другія предмѣстія Лиона, занята шелко-

выпи мануфактурами. Изъ всѣхъ домовъ слышится рѣзкій гулъ отъ станковъ Жакарда, будто бы несмѣтный рой пчелъ носился надъ вашею головою. Я заходилъ въ нѣкоторые. Здѣсь вѣтъ большихъ мастерскихъ: обыкновенно два—три станка не больше. Владѣлецъ ихъ беретъ у фабриканта готовый шелкъ, и возвращаетъ ему сотканную матерію, получая за метръ три, иногда четыре франка. Цвѣтныхъ матерій здѣсь нѣтъ дороже 30 франковъ за метръ, простыя есть и въ 5 франковъ: цвѣта иногда ткуются, а иногда просто отпечатываются на основѣ.

Въ Лионѣ я свелъ дружбу (не удивляйтесь — два раза вмѣстѣ поѣсть и попить, и вы можете быть чуть не на ты съ французомъ) съ однимъ изъ добрейшихъ французскихъ провинціаловъ. Мы вмѣстѣ каждый вечеръ ходили слушать военную музыку на площади, посѣщали кофейни, маленькіе театры и проч. Площадь Людвига-Великаго, любимое мѣсто народнаго гулянья, просто великолѣпна. Съ одной стороны на горизонтѣ за высокими домами окаймляетъ ее гора Фурвиеръ съ своею церковью, уходящею въ небо. По среднѣй, правда, тощенькія аллеи, (они иссохли отъ зноя), и куртины цвѣтовъ, которые всякій день сажаютъ вновь. Но за то фонтаны бьютъ высоко, и вода радужнымъ вѣеромъ падаетъ на раскаленный солнцемъ песокъ. Вечеромъ здѣсь легкая нѣжная теплота; засидишься вдыхая этотъ мягкій, чуть вѣющій воздухъ. Разъ мы сидѣли такимъ образомъ, пересматривая толпы проходящихъ мимо дамъ, дѣтей и военныхъ съ эполетами всѣхъ цвѣтовъ: отъ Парижа и до Авиньона (гдѣ только я нигъ останавливался), всѣ города кипима кипшатъ военными. Вдругъ публика особенно засуетилась, и впереди показался высокій генералъ въ мундирѣ. «Кто это?» спросилъ я.

— «Маршалъ Кастелланъ, отвѣчалъ мой знакомецъ. Я сталъ глядѣть съ любопытствомъ. Странная старческая фигура прошла мимо насъ, приставивъ лорнетъ къ глазамъ, и наклонившись почти къ самому нашему носу. Сѣдые, какъ лунь, волосы; какой-то бѣлый пухъ вмѣсто бровей и рѣсницъ; обвислыя щеки, широкими складками стянутыя подъ самыи подбородокъ, и къ этому всѣ угловатыя хватки солдата. Всякій день является онъ сюда, какъ въ свою семью; осмотритъ внимательно всѣхъ сидящихъ, особенно дамъ; потомъ на минуту остановится.... Вотъ, онъ зануль назадъ руки, выпятилъ брюхо, сжалъ губы.... что-то будетъ? Толпа давить его со всѣхъ сторонъ. Маршалъ, какъ видно, доволенъ: молчитъ и смотритъ. Народъ также разглядываетъ маршала и, смѣясь, дѣлаетъ свои замѣчанія: «Вѣдь онъ никакъ

полоумный.» — «Почти что.» — Ну, ужь Богъ съ нимъ: добрый старикъ!» и т. д. Какъ на ученъи, еще разъ окинулъ онъ взоромъ толпу, весело шаркнулъ ногой, и пошелъ далѣе. Когда маршалъ отправляется гулять по городу, цѣлая ватага ребятишекъ за нимъ слѣдуетъ... Старикъ вдругъ останавливаетъ ихъ передъ какой-нибудь кандитерской или булочной, и говоритъ: «Живо на приступъ!» Мальчишки кидаются, рвутъ, ломаютъ все и забираютъ добычу. Говорятъ, купцы рады такому нашествію, потому что маршалъ Кастелланъ щедро за все платитъ. Осколокъ солдата старой имперіи, такъ тѣшится онъ своею властью и популярностью.

Послѣ прогулки по площади Людвига, отправлялись мы смотрѣть лонскія буффы. Это небольшой театръ съ галереями: въ партерѣ и на верху за столиками, сидятъ сотни народа. Входъ бесплатный; но вы должны взять хоть бутылку пива. Здѣсь играютъ маленькія одно-актныя пьески, исполненныя шутокъ, пѣсенъ и самыхъ веселыхъ фарсовъ. Вотъ, скорбленная старуха, тетка въ огромномъ чепцѣ и въ очкахъ, приходитъ съ кипкою нравственныхъ книгъ увѣщевать племянницу, и запраетъ ее въ комнатѣ. Племянница умоляетъ ее выпустить, потому что дѣло идетъ о ея чести. Тетка не знаетъ, что молодой шалунишка укрылся въ шкапу, и за противорѣчіе грозитъ оставить племянницу на ночь въ заперти. Вотъ, плутъ работникъ, подшучиваетъ надъ строгимъ хозяиномъ, заставляя вынести себя въ мѣшкѣ вмѣстѣ съ тюками товаровъ. Но занимательнѣе всего, была сцена изъ студентской жизни, прямо взятая съ природы. Студентъ готовится къ экзамену, и весь погруженъ въ книги. Но ему мѣшаетъ сосѣдъ, играющій на скрипкѣ. Онъ громко проклинаетъ сосѣда, и проситъ его перестать; онъ сердитъ до крайности: надо скорѣе выдержать экзамень, а то съ тремя франками не проживешь долго. Вдругъ въ двери раздался стукъ. Студентъ швырнулъ книгой, и крикнулъ: «войдите.» Весело вбѣгаетъ его возлюбленная съ корзиночкой въ рукахъ. Болтая безъ умолку, она садится за работу, и вынимаетъ изъ корзинки разныя секретныя принадлежности дамскаго туалета. Студентъ въ отчаяніи опустилъ голову, и уперся обоими локтями объ столъ. Но гризетка, видя, что онъ не хочетъ ею заниматься, начинаетъ тормозить его безъ пощады. Подымается страшный споръ. Любезная наконецъ грозитъ совсѣмъ его бросить. Тогда студентъ отдаетъ ей послѣдніе три франка. Та уходитъ и, погода немного, приноситъ завтракъ: три бутылки вина и каплуна. Тогда какъ

юноша очень сантиментально любитъ бутылками, его любезная до чиста пожираетъ съѣстное. Они пьютъ, поютъ, кричатъ и безъ конца сыплютъ остротами. Дѣлю оканчивается тѣмъ, что сосѣда просятъ сыграть польку: гризетка наряжается какою-то крестьянкою, а студентъ арлекиномъ, и они пляшутъ до изнеможения, послѣ чего отправляются на балъ въ Алькасаръ, извѣстное загородное гулянье въ Лионѣ.

Иногда, сидя подъ тѣнью платановъ, я бесѣдовалъ съ моимъ пріятелемъ о современныхъ обстоятельствахъ. «О, вы русскій, говорилъ онъ. Вотъ, не думалъ я сойтись съ русскимъ.... А во время крымской войны у насъ пугали дѣтей: не плачь, вотъ придетъ русскій: съѣстъ....» — Вы видите, — отвѣчалъ я, — что мы совсѣмъ не такъ страшны. — «Да, и у васъ такой теперь прогрессъ, большой прогрессъ! О, Россія уйдетъ далеко, далеко....» — Конечно, только скажите, пожалуйста, откуда знаете вы о нашемъ прогрессѣ? — «А развѣ я не читаю вашихъ газетъ?» — Какія? спросилъ я съ любопытствомъ. — «А въ нашихъ журналахъ выписки изъ Русскаго Инвалида.» — Конечно, но у насъ есть и другіе журналы, и скажу вамъ откровенно, что у насъ думаютъ о Франціи. — «О! прервалъ меня французъ. Если русскіе пойдутъ вмѣстѣ съ нами, то мы исколотимъ весь свѣтъ.» — При настоящихъ обстоятельствахъ, къ этому союзу надо присоединить и австрійцевъ, замѣтилъ я. — «Да! да!» воскликнулъ французъ съ восторгомъ. — Кого же мы будемъ колотить? — «А, напимѣръ, англичанъ! Пусть только императоръ скажетъ слово, вся Франція пойдетъ, какъ одинъ человекъ.» — Какая жъ польза, что мы будемъ вѣчно драться? — «О, чортъ возьми! воскликнулъ французъ. Разумѣется, никакой! Ужъ мы и такъ по горло сыты войною».

Арль, 11-го (23-го) іюли.

Пишу тебѣ мой дневникъ безъ всякаго задуманнаго плана. На жарѣ въ 35 градусовъ трудно требовать отъ путешествующаго метода и системы: едва проглотишь бутылку лимонада, какъ за нею слѣдуетъ другая, съ пивомъ и т. д. Много потерпѣлъ здѣшній край отъ жаровъ нынѣшняго года. Не одинъ бѣдный работникъ на полѣ погибъ мгновенною смертью отъ солнечнаго удара, а сколько неосторожнаго народа погребла Рона въ быстрыхъ струяхъ своихъ! Другой съѣлъ порцію мороженаго, и поминай какъ звали. Я переносилъ зной, какъ слѣдуетъ петербургскому жителю, который привыкъ ко всѣмъ кли-

матамъ, начиная съ жара раскаленной печи, и въ утѣшеніе припоминалъ себѣ русскую пословицу: «паръ костей не ломитъ». Самая ночь, когда осядутъ удушливья испаренія дня, порою была невыносима. Всѣ органы какъ-то раздражены и болѣзненно чувствительны: лежишь на постели въ полузабытій и наблюдаешь надъ работой собственнаго мозга. Проѣхавшая подъ окнами коляска, кажется, прокатила у тебя въ ухахъ; дальній звукъ, свистъ птицы — гудятъ въ головѣ, какъ въ пустомъ, звонкомъ шарѣ. За то есть и своя выгода: я ѣмъ свѣжія фиги, свѣжій мандаринъ и персики; мелкій виноградъ также созрѣлъ, а абрикосами и апельсинами хоть корми скотину. Теперь жары стали полегче, и здѣшніе жители оживились. Въ самомъ дѣлѣ, что такое города Роны: Вьенъ, Валенсъ, Авиньонъ, Тарасконъ и Арль? Груды сѣрыхъ, тѣсно нагроможденныхъ зданій, съ ихъ ветхими стѣнами и чернѣющими колокольнями, по-срединѣ выжженныхъ солнцемъ утѣсовъ. Узкія улицы, въ которыя иногда опасася вступить, думая, что попадешь въ чужой корридоръ; двери, плотно завѣшанныя всякимъ тряпьемъ, — и въ полдень встрѣтятся развѣ солдатъ, да работниковъ. Торговцы устриваютъ себѣ всевозможныя занавѣски, протягивая парусину иногда на двухсаженныхъ деревянныхъ налкахъ, устроенныя точь-въ-точь, какъ обыкновенныя парасоли. Въ окрестностяхъ городовъ — или голыя скалы, или поля, однообразно покрытыя маленькими шелковичными деревьями, не болѣе двухъ аршинъ вышиною. У безплодныхъ утѣсовъ тѣснятся, какъ ихъ продолженіе, каменныя пазухи, чуть прикрытыя топкимъ платаномъ. Въ окрестностяхъ Авиньона больше зелени. Этотъ городъ замѣчательнъ своимъ музеемъ римскихъ древностей и бывшимъ дворцомъ папы (нынѣ казарма). Что касается древностей, то классическая почва устьевъ Роны доставляетъ ихъ въ изобиліи: есть прекрасное собраніе монетъ, туалетныхъ принадлежностей, карнизовъ, статуй и т. д. Но Арль богаче въ этомъ отношеніи: въ здѣшнемъ музеѣ увидите прекрасный бюстъ Ливіа, большую колонну, къ которой привязывали суда, идущія по Ронѣ (глубокія впадины отъ веревокъ сохранились донинѣ), нѣсколько гробницъ съ красивыми барельефами; мѣдныя, водосточныя трубы, найденныя на днѣ Роны. Я особенно любовался знаменитымъ арльскимъ театромъ и циркомъ. Остатки римскаго театра стоятъ особеннаго вниманія. Впередѣ сцены двѣ красивыя колонки съ частію карниза до-сихъ-поръ возвышаются одиноко по-срединѣ осыпавшихся камней: тамъ-и-сямъ находите слѣды барельефовъ (напр. пре-

красная голова коня съ частью колеса), пьедесталовъ, карнизовъ. А подлѣ, въ противоположность этимъ остаткамъ искусства, неуклюжая сарацынская башня. Полукругъ, гдѣ сидѣли зрители, представляетъ вашему любопытству нижнія ступени, сохранившіяся въ цѣлости, слѣды галлерей, входовъ, и съаду воронкообразные своды, на которыхъ держалась вся масса. Верхняя часть амфитеатра обрушилась; но фундаментъ такъ крѣпокъ, что на высотѣ его, какъ на горѣ, до-сихъ-поръ лѣплятся нѣсколько петкихъ каменныхъ домишекъ. Хромоногій инвалидъ вѣдиль меня по этимъ древностямъ, которыя для него и его семейства, кромѣ маленькаго дохода, доставляютъ существенную пользу и тѣмъ, что согрѣтыя солнцемъ камни, не хуже любой плиты, просушиваютъ бѣлье и всякую домашнюю рухлядь. При благопріятной погодѣ, на нихъ безъ огня можно смѣло варить яща.

Римскій циркъ лежитъ недалеко отъ театра. Эта великолѣпная, грандіозная постройка изумляетъ васъ по-средѣ ничтожности всего, что ее окружаетъ. Снаружи видны два этажа высокихъ галлерей съ ихъ громадными окнами; когда войдете внутрь, то невольно путаетесь въ этомъ многосложномъ лабиринтѣ: однѣ надъ другими, по всѣмъ направленіямъ, зіяютъ передъ вами темные входы, выходы, корридоры, полукруглые своды. Нижнія галлерей, гдѣ заключались звѣри, сохранились вполне, и тутъ вы можете любоваться крѣпостью и необыкновеннымъ искусствомъ римскихъ построекъ: это цѣлый подземный міръ, откуда, послѣ часовой ходьбы при свѣтѣ факела, едва выберешься на свѣтъ Божій. Невольно спрашиваешь: удовлетворяли своей звѣрской жаждѣ крови или глубокому, художественному чувству создатели этихъ, полныхъ суровой красоты, сводовъ? Древній міръ всѣмъ безъ расчета жертвовалъ наслажденію, и все-таки на дѣлахъ его видна рука титана, создающая или давящая, но всегда съ величіемъ силы. Новый міръ дѣйствовалъ иначе. Слѣдуя своему ученію—умерщвлять наслажденіе плоти, онъ тѣмъ не менѣе скрытно тѣшилъ кровью въ темныхъ берлогахъ инквизиціи. У древнихъ, бѣдные рабы выходили для потѣхи публики, какъ бойцы, умирать на арену: здѣсь же несчастныя жертвы незримо и неслышимо гибли на днѣ колодцевъ и подваловъ. Я упоминалъ объ авиньонскомъ дворцѣ папы. Трудно вообразить себѣ что-нибудь неуклюжѣе этого громаднаго зданія, со стѣнами, толщиною чуть-ли не въ сажень. Все печально здѣсь, какъ по воспоминаціямъ, такъ и по современной обстановкѣ. Въ темныхъ

душныхъ залахъ, съ низкими сводами, рядами чернѣютъ солдатскія койки; около колоннъ повсюду торчатъ ружья; а вотъ сѣрая стѣна съ окопечками подъ самою кровлею: она принадлежитъ темницѣ. Проводникъ заученымъ слогомъ рассказываетъ вамъ: «Въ этой залѣ, въ такомъ-то году, такой-то владѣлецъ задушилъ на пиру столько-то народа.... вотъ углубленія въ стѣнѣ, гдѣ закладывали кирпичами несчастныхъ плѣнниковъ.... на всемъ этомъ пространствѣ были террасы, усаженные растеніями юга, гдѣ собиралось много прелестныхъ дамъ. Вотъ капелла: посмотрите, какъ превосходны эти фрески, — и онъ указываетъ на какія-то пятна въ потолкѣ. — Къ-сожалѣнію, революція не пощадилъ этихъ драгоценныхъ остатковъ старины: весь дворецъ былъ бы разрушенъ, если бы, къ-счастію, не устроили въ немъ казармы.... Вотъ зала, гдѣ папа увеселялъ себя игрою въ мячъ. Это отверстіе, куда вводили плѣннаго, и послѣ того онъ падалъ съ высоты сорока футовъ: здѣсь колесовали, здѣсь лежалъ камень, на которомъ ломали кости: къ-сожалѣнію, онъ изломанъ въ куски и выброшенъ во время революціи». — «А это что такое?» спросилъ я, пораженный страннымъ сводомъ одной залы, имѣвшимъ видъ какого-то конуса или колпака. — «Сейчасъ, позвольте....» Проводникъ взялъ меня за руку и вдругъ крикнулъ пронзительнымъ голосомъ.... «Видите?» Я невольно отдернулъ руку: до того воображеніе было у меня настроено пытками; но скоро понялъ, въ чемъ дѣло. Голосъ уходилъ въ высоту, не раздаваясь по сторонамъ залы. — «Здѣсь, — продолжалъ проводникъ, — на виновнаго надѣвали смоляное платье; потомъ его зажгли и подымали въ этотъ сводъ, чтобы крики несчастнаго нигдѣ не были слышны снаружю». Доброе дѣло! Врядъ ли и римляне ухитрились бы на подобную штуку!

Авиньонъ, какъ извѣстно, изстари славился множествомъ церквей и монастырями. Слѣды религіознаго настроенія встрѣтишь и донныѣ. Я видѣлъ на одной площади женщину, подобную нашимъ кликушамъ: она восторженнымъ голосомъ рассказывала двумъ-тремъ блузникамъ о чудесахъ, которыя съ нею случались, о разныхъ видѣніяхъ, и показывала письмо, которое получила съ того свѣта.... Однако отъ католической старины мало осталось памятниковъ: въ музеѣ хранятся только двѣ-три статуи папъ, да и то съ отбитыми носами. Къ-сожалѣнію, революція не пощадилъ этихъ драгоценныхъ остатковъ.

Марсель. Прадо. Средиземное море. 14-го (26-го) іюля.

Признаюсь, я желалъ бы, чтобы міръ достигъ того развитія, когда въ немъ будутъ проливать не кровь, а развѣ одно красное вино, которымъ отъ Парижа и до Марселя постоянно угощаютъ васъ рядомъ съ бараньими котлетами. Но все-таки отдаю справедливость римлянамъ, и еще болѣе грекамъ, въ ихъ умѣньи наслаждаться. Что можетъ быть, напримѣръ, прекраснѣе — мысли постронть городъ на такомъ мѣстѣ, на какомъ стоитъ Марсель? По-мимо торговой цѣли, и красота края на вѣрно пѣняла древнихъ пришельцевъ, Фокеанъ. Въ нынѣшнихъ жителяхъ, не смотря на промышленный духъ, еще остались слѣды этого настроенія. Иначе стоило-ли бы труда, на голыхъ прибрежныхъ скалахъ, стронть огромные замки, привозить издалека землю, и, тратя непомѣрныя суммы, разводить отличные сады съ померанцами, кипарисами, лаврами и всеми цвѣтами юга? Прадо, великолѣпная платановая аллея, ведущая за три версты отъ города къ берегу моря. Въ самомъ городѣ заливъ совершенно загороженъ кораблями; здѣсь же просторъ, раздолье. Длинные, желтоватыя гряды скалъ съ двухъ сторонъ уходятъ далеко въ море, которое разстилается между ними блестящими цвѣтными полосами: начиная съ золотисто-желтаго и ранжеваго, цвѣтъ его переходитъ въ пѣжно-зеленый, яркоголубой, синій, оканчиваясь фioletовой полосой на матовомъ небѣ. Но чистѣйшею синью вырѣзана линія сіяющаго берега съ его свѣтлыми утесами. Кругомъ, среди зелени, по гѣрамъ разбросаны дачи; за ними, въ одну сторону, пѣжно обозначились на горизонтѣ синевато-розовыя тѣни Альпъ, а въ другую — веселыя куны густой зелени мрачно огорожены морщинистыми утесами. Здѣсь вѣчно шумитъ море, катя на берегъ вмѣстѣ съ бѣлою пѣною черный илъ, красиво обточенные камешки, бѣлыя раковинки, круглыя катышки растений, остатки стеколъ, куски дерева, кожи, плодовъ — словомъ, найдете, что вамъ угодно въ этихъ остаткахъ, оппценныхъ, переработанныхъ волнами. Сидя на берегу, узнавайте по нимъ предметы и потомъ пишите исторію человѣчества — одинъ и тотъ же трудъ съ вашими разысканіями на днѣ архивовъ! Здѣсь устроены морскія купальни для мужчинъ и для дамъ рядомъ, почти безъ различія; обыкновеннымъ спектаклемъ съ четырехъ и до семи часовъ вечера, когда заходитъ солнце, служитъ купанье дамъ въ ихъ темныхъ блузахъ. Береговой скатъ занимаетъ мѣсто амфитеатра: зрители на немъ садятся и преспокійно закуриваютъ сигары. Дамы также нисколько не стѣ-

сняются. Я видѣлъ еще въ окрестностяхъ Парижа, какъ на публичномъ гуляньи мужчины раздѣвались въ лодкахъ въ присутствіи дамъ и въ своихъ калесонахъ бросались въ Сену. Соленая волна, вмѣстѣ съ иломъ, качивающая васъ лучше всякой души, и свѣжій морской воздухъ производятъ неслыханный аппетитъ. Трактирщикъ говорилъ мнѣ, что здѣсь я буду ѣсть камни. Я испугался двоякому значенію этихъ словъ; но, къ счастью, кушанья оказались все очень мягкія. Вчера подали мнѣ что-то красное, плавающее въ оливковомъ маслѣ. «Что это такое?» спросилъ я. — Томатъ, *monsieur*, яблоко любви. Яблоко любви очень понравилось мнѣ по самому названію и также по своему кисленькому вкусу. А вотъ что-то такое поджареное, похожее на легкіе сдобные пирожки. — «Обержишь, *monsieur*.» Хотя названіе тутъ нисколько не прибавило аппетита; но все-таки пріятно знать, что такъ называется черный, продолговатый плодъ, уже давно смущавшій меня на рынкахъ. Обходя всякія мяса, которыя, вслѣдствіе жаровъ и ничтожности здѣшняго скотоводства, вообще непріятно дѣйствуютъ на обоняніе, я приступаю къ десерту. Но оставимъ этотъ классицизмъ ѣды и на время самый Марсель, чтобы пройти по ярмаркѣ Бокера, куда я ѣздилъ изъ Арля. Надо сказать, что эта ярмарка была знаменита въ свое время, а теперь, когда устроены желѣзныя дороги, товары провозятся прямо въ Лионъ и на другіе богатые рынки. Я нашелъ всего одну улицу лавокъ, и то, большею частью, съ пряниками да конфектами; есть однако произведенія южной Франціи: мыла, пробки, плетенныя корзинки, шелка, да тунисскіе пальмовые орѣхи. Но ярмарка и до-сихъ-поръ замѣчательна, какъ большое народное гулянье: сюда, особенно въ воскресенье, съѣзжается огромная публика изъ-всѣхъ окрестностей. Арль и Бокеръ извѣстны въ цѣлой Франціи необыкновенной миловидностью и оригинальнымъ нарядомъ женщинъ. Цѣлыя толпы ихъ гуляли по ярмаркѣ, и я не встрѣтилъ почти ни одной, совершенно некрасивой. Кругловатое личико, каріе бойкіе глаза, низкая тонко-обведенная бровь, вострый, немножко вздернутый носикъ— вотъ ихъ обыкновенный типъ. Нарядъ въ высшей степени простъ и кокетливъ: цвѣтная юбка, темная куртка съ короткими, разрѣзными рукавами, гладко обтягивающая станъ, и черезъ шею бѣлый кисейный или шелковый шарфъ, перекрещенный на груди и обоеими длинными концами подогнутый подъ черный передникъ, такъ-что концы эти развѣваются съ двухъ боковъ. Но всего любопытнѣе головной уборъ. На вискахъ волосы

низко опускаются гладкими косичками; вся же остальная коса подобрана на затылкѣ въ высокую круглую пирамиду и обтянута широкою бархатною лентою съ однимъ развѣвающимся концемъ, обвитымъ черными кружевами, между тѣмъ какъ самая верхушка прикрыта бѣлою кисейною шапочкой. Уборъ этотъ придаетъ лицу какую-то строгую, античную красоту, что, въ соединеніи съ миловидностью цѣлой фигуры, производитъ самый счастливый эффектъ. До-сихъ-поръ, стольже оригинальный нарядъ встрѣчалъ я у женщинъ изъ города Макона (что на Сонѣ) — соломенная шляпка съ совершенно прямыми, широкими полями, а въ самой срединѣ ея возвышается трубка, также изъ соломы, чтобы пропускать воздухъ, и отъ этой трубки идетъ вуаль, со всѣхъ сторонъ окутывающій голову. На хорошенькихъ, и это подобіе фонтана съ маленькой каланчою, очень красиво. Въ Арлѣ народный костюмъ носятъ и самыя богатыя горожанки; но, выходя замужъ, или изъ тщеславія моды, онѣ очень часто наряжаются въ шляпки и кринолины, и тогда ихъ называютъ въ насмѣшку парижанками. На ярмаркѣ бокерской видѣлъ я снова французъ со всею оригинальностью ихъ характера. Нѣтъ, кажется, народа болѣе способнаго съ невозмутимою важностью говорить и дѣлать пустяки, точно также какъ производить великія вещи, шутя и съ наивностью ребенка. Гуляя между лавками и кофейнями, я услышалъ оглушительный стукъ барабана. Въ сторонѣ, на небольшой площадкѣ, тѣсная толпа окружила странной фигуры коляску запряженную въ одну лошадь. Высокій кузовъ пестро разрисованъ; надъ нимъ красуется яркая картина съ женскими и мужскими лицами, дѣлающими жалкія гримасы; впереди у козелъ важно стоитъ какой-то господинъ въ шляпѣ, а съ боку работникъ усердно колотитъ палками по барабану. «Что это?» спросилъ я. — «А это врачъ, который въ одну минуту заговариваетъ зубы, и лѣчитъ всѣ болѣзни.» Дангистъ вдругъ повелительно поднялъ руку и зазвенѣлъ: барабанъ замолкъ. «Господа! началъ онъ. На вѣкоторыхъ лицахъ почтеннаго общества, меня окружающаго, я вижу тѣнь недовѣрія. Можетъ быть, многіе, видя мое странное явленіе въ публику, говорятъ про себя: вотъ шарлатанъ! Господа! Я не позволю назвать себя такимъ обиднымъ именемъ: я съ дозволенія городской власти предлагаю вамъ мое искусство. Кому угодно, приходи, и пользуйся счастливымъ случаемъ исцѣлиться.» Публика хоть бы улыбнулась. Дангистъ вновь поднялъ руку, и барабанъ затрещалъ. Толпа ждала въ почтительномъ молчаніи. Погода не много, онъ снова далъ

знакъ замолкнуть, и началъ, возвысивъ голосъ нотою выше: «Вы увидите чудеса моего лѣченья. У кого дурной зубъ, прошу взойти сюда и сѣсть въ карету: я его видерну, въ присутствіи всѣхъ, безъ малѣйшей боли. Господа! у кого дурной зубъ?» Врачъ оглядывалъ всѣхъ; женщины начали пятиться; между тѣмъ барабанъ трещалъ: готовилось что-то необычайное. По данному знаку опять наступила тишина. «Вы думаете, продолжалъ дантистъ, что я какъ другіе доктора, употребляю мучительныя средства? Вотъ мои средства!» — и онъ выхватилъ длиннѣйшую шпагу и палку, воткнутыя у передка. «Этимъ (онъ указалъ на шпагу) я въ одно мгновеніе выколачиваю дурной зубъ, а палкою могу позвратить молодость девяностолѣтнему старцу. (Въ народѣ слышался нѣкоторый ропоть, но ни одной усмѣшки не показалось на лицахъ). Если же эти средства кажутся вамъ въ какомъ-нибудь отношеніи сомнительными, то у меня есть жидкость, которая чудеснымъ образомъ исцѣляетъ всякую боль. И такъ, у кого дурной зубъ? спѣшите: въ другой разъ вы не будете имѣть этого случая. Барабанъ сей-часъ бьетъ, и я приступаю къ дѣйствию.» Гляжу, въ коляску, дѣйствительно, лѣзутъ какой-то старикъ съ небритою бородою и толстая баба. Дантистъ публично исполнилъ свою операцію, при чемъ стоявшая вблизи меня дѣвушка ахнула и закрыла лице обѣими руками. И баба, и старикъ сидѣли послѣ того, какъ ни въ чемъ не бывало, и, смотря на публику, поплевывали да улыбались, а барабанъ колотилъ по прежнему. Въ заключеніе дантистъ сказалъ еще рѣчь, и окончилъ слѣдующимъ образомъ: «Вы видѣли мой способъ лѣченья: эта жидкость еще чудеснѣе. Итакъ хотите имѣть за пять франковъ пузырекъ? Нѣтъ? То по случаю праздника, жертвуя собою обществу, я продаю ее за пять су.... Живо! кто покупаетъ, впередъ!» Грянулъ барабанъ и десятки рукъ протянулись за жидкостью. Всякій (въ томъ числѣ и я) отправился далѣе съ пузырькомъ въ рукахъ. Едва прошелъ я нѣсколько шаговъ, какъ опять трещитъ барабанъ. Это что? Мелкій торговецъ продаетъ бюлетени итальянскаго похода и уже не столь краснорѣчиво держитъ рѣчь передъ народомъ. «Господа! Вотъ книжка, гдѣ описаны дѣла нашей побѣдоносной арміи.»

«Кастеджіо, Палестро, Маджента, Сольферно — все въ этой книжкѣ... и я вамъ говорю, господа, что битва при Сольферно покрыла славою французское оружіе... 50,000 убито, какъ со стороны австрійцевъ, такъ со стороны французовъ и итальянцевъ —

въ этой книжкѣ. Одинъ сержантъ получилъ тридцать ранъ и лежалъ безъ движенія на полѣ битвы.... Его величество, императоръ французовъ Наполеонъ III, пожелалъ его видѣть.... вотъ, въ этой книжкѣ. Онъ украсилъ его грудь орденомъ почетнаго легіона; но сержантъ отвѣчалъ: «Я уже счастливъ тѣмъ, что поддержалъ славу нашего отечества». И вы думаете, что я дорого продаю эту книжку? Нѣтъ, господа, всего два су! Барабанъ сію минуту бьетъ, и, кому угодно, приблизитесь». Всѣ, самые бѣдные работники раскупили книжку. На ярмаркѣ былъ и циркъ, и театръ маріонетокъ, все, какъ водится. Въ театрѣ особенный эффектъ производило бѣгство куколъ, изображавшихъ австрійское войско: трескъ выстрѣловъ пугалъ женщинъ и дѣтей, точно также, какъ и въ нашихъ балаганахъ. Въ Шалонѣ, также на ярмаркѣ, я помню, выставили фигуру на конѣ съ живущею головою: она изображала Наполеона, и комедьянтъ обратился къ публикѣ: «Господа! господа! посмотрите на эту чудную механику (ce mecanique de l'empereur); похлопайте, пожалуйста», — и публика отъ всей души начала хлопать.

Марсель, 16-го (28-го) іюля.

Первые два дня моего пребыванія въ Марсель я почти не видалъ города, потому что жилъ en pleine campagne на берегу моря; теперь переѣхалъ я на главную здѣшнюю улицу въ отель императоровъ (hôtel des empereurs), и, обитая въ пятомъ этажѣ, очень доволенъ своею высотой, которая дозволяетъ мнѣ далеко видѣть и платить умѣренно. Впрочемъ за громкія названія здѣсь не набавляютъ цѣны. Въ Арлѣ я имѣлъ довольно роскошно меблированную комнату (въ hôtel du Nord), съ двумя окнами на площадь, всего за два франка въ сутки; а между тѣмъ въ этой самой комнатѣ, во время проѣзда чрезъ Арль, въ прошломъ году, останавливался знаменитый освободитель Италіи, какъ возвѣщала каллиграфія, висѣвшая надъ каминомъ, въ рамкѣ. До-сихъ-поръ я еще по-всюду въ императорской Франціи: завтра ѣду въ Геную; но и тамъ, кажется, встрѣчу то-же самое.

Марсель очень большой городъ. Онъ раскинутъ по горамъ и нужно, по-крайней-мѣрѣ, два часа ѣзды, чтобы переѣхать его поперекъ съ предмѣстьями. Узкія, длинныя улицы; нѣсколько бульваровъ съ платанами; безконечное множество кофеенъ и лавокъ, свидѣтельствующихъ объ огромной торговлѣ; вѣчный свозъ и перевозъ товаровъ, вѣчный грохотъ огромныхъ омнибусовъ, вѣчная толпа, снующая взадъ и впередъ, часто вовсе безъ дѣла, —

вотъ его физиономія. Гавань не привлекательна, но поражаетъ своею громадностью: за тѣсною кораблей даже не видать воды; на берегу грязно, суетливо, какъ въ анбарѣ: отъ всевозможныхъ тюковъ, бочекъ, повозокъ и рабочаго народа нѣтъ проходу. Почти на полверсты тянется рядъ кофеенъ и пивныхъ лавокъ (*buvette*), устроенныхъ въ видѣ балагановъ. Всякій день объявляется въ газетахъ о безчисленныхъ компаніяхъ судоходства, отправляющихъ пассажировъ во-всѣ концы свѣта. Если хочешь знать о движеніи здѣшной торговли, то сообщу тебѣ послѣднія извѣстія: въ 1857 году ввезено товаровъ на 1873 милл. франковъ; въ 1858 — на 1561 милл., нѣсколько меньше, по причинѣ коммерческаго кризиса. Вывозъ въ 1857 году простирался на 1866 милл., а въ 1858 — на 1891 милл.; но цѣны товаровъ значительно упали. Здѣшняя жизнь во время лѣта представляетъ очень обыкновенныя развлеченія. Въ четыре часа цѣлыя толпы собираются на широкую улицу съ аллеями, называемую *la Cour*, и ждутъ съ билетами въ рукахъ отправленія дилижансовъ. Всѣ ѣдутъ купаться къ морю. Потомъ до поздней ночи гуляютъ по тѣнистымъ аллеямъ Прадо или посѣщаютъ въ городѣ двѣ знаменитыя кофейни: Казино и Альказаръ. Кофейни эти устроены великолѣпнѣйшимъ театромъ, какихъ я мало видѣлъ и въ Парижѣ. Ничего не платя за входъ, вы садитесь у одного изъ безчисленныхъ столиковъ, закуриваете сигару или трубку (здѣсь большею частію курятъ табакъ изъ маленькихъ трубочекъ), и, спросивъ хоть сахарной воды за нѣсколько су, цѣлый вечеръ слушаете музыку, пѣніе, и смотрите представленія разныхъ комическихъ піесъ, между которыми особенно забавны народныя сцены изъ жизни Оверна. (Житель Оверна, *Auvergnat*; съ его простодушіемъ, лукавствомъ и оригинальностью, у французовъ то-же, что у насъ малороссіянинъ.) Эти скромныя увеселенія избавляютъ народъ отъ необходимости ходить въ погребки и другія непотребныя мѣста, и встрѣтить пьянаго на улицѣ здѣсь величайшая рѣдкость.

Но главнѣйшею замѣчательностью Марселя въ настоящее время служатъ солдаты знаменитой арміи, возвратившіеся изъ Италіи, и илѣнные австрійцы. Послѣднихъ я впрочемъ видѣлъ очень мало, а первыхъ найдете вездѣ, гдѣ издали увидите на улицѣ кучку народа. Я постоянно присоединялся къ этимъ кучкамъ, чтобы слушать безконечные рассказы о дѣлахъ послѣдней войны: не смотря на тѣсноту и нестерпимый жаръ, стоишь и слушаешь, пока полицейскій не разгонитъ кучку. Герои Соль-

«сервно на видѣ сильно помяты: исхудалые, желтые, въ своихъ запыленныхъ, выцвѣтшихъ кафтанахъ, изорванныхъ пулями, они видимо носятъ на себѣ слѣды тяжкихъ трудовъ, ими поднятыхъ. Въ лицахъ какое-то суровое спокойствіе; въ глазахъ — бойкая отвага, въ рѣчахъ — ни тѣни хвастовства. Они, какъ выражаются у насъ, почтенные люди. Говоря о своихъ ранахъ и невзгодахъ, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ; они нисколько не думаютъ преувеличивать свои подвиги. «А какъ шли мы къ Милану — было поздно. Темно и худая погода... совсѣмъ нельзя было двигаться. Ну, шли мы, шли и стали... а дорога совсѣмъ узкая, между скалами, а тутъ подлѣ ровъ съ водою... Ни зги не видно, буря. Вдругъ страшный грохотъ: пушка оборвалась и скатилась въ ровъ... Такъ въ темнотѣ мы всѣ побросались съ дороги въ воду, и офицеры то-же, всѣ, какъ есть, толпою... потому что думали, скачетъ австрійская конница... Что же? безъ пользы раздавить». Они сознаются, что жестоко терпѣли отъ австрійцевъ и, въ-особенности, кроатовъ называютъ настоящими звѣрями, и всѣ единогласно говорятъ, что побѣдою обязаны превосходному дѣйствию артиллеріи. — Ну, а хорошо вы били австрійцевъ? — «Да, иногда случалось, отвѣчалъ одинъ, что по пяти лежатъ другъ-на-другъ... все это надѣлала картечь. Только я не люблю: другой такой... выстрѣлить, и какъ увидить, что не попалъ, сейчасъ пардонъ... я такого всегда заколю на мѣстѣ». Они говорятъ также, что въ сраженіи имъ много помогали рожки, (clairon), которыхъ не имѣли австрійцы: барабаны за вѣтромъ и бурей совсѣмъ не были слышны. По-всюду предили имъ деревенскіе священники, которые, при ихъ приближеніи, взбирались на козозолню, и звономъ предъувѣдомляли австрійцевъ. Вотъ маленькія свѣдѣнія, которыя я успѣлъ собрать покуда.

Говорить ли о здѣшнихъ газетахъ? Марсель имѣетъ ихъ до пяти: во-всѣхъ, конечно, преобладаетъ интересъ торговый. Политическій отдѣлъ наполненъ адресами различныхъ городовъ (меровъ) императору французовъ. «Вы, государь, одержали побѣду на полѣ битвы; но не хотѣли до конца губить непріятели. Ваше великодушіе — безпримѣрный подвигъ въ исторіи. Вы даровали миръ, набожно оградивъ свѣтскую власть папы отъ ковъ революціи, и тѣмъ показали всей Европѣ, что вы другъ порядка. Покровитель человѣчества, освободитель народовъ! примите усерднѣйшее выраженіе нашей преданности, и т. д.» — вотъ обыкновенное ихъ содержаніе. Вамъ извѣстна нота министра противъ вооруженій Англии. Здѣшнія газеты упрекаютъ англи-

чанъ въ неблагоразуміи, въ слабости ихъ правительства, въ непостоянствѣ политическихъ мнѣній. «Надо руководить толпою, а не разжигать страсти», говорятъ онѣ въ наставленіе безпощадной Times. Это значить: уничтожьте свободу прессы и позволяйте только хвалить французское политическое устройство. Говорятъ, что въ Тоскану, Модену и Парму, послѣ отозванія сардинскихъ уполномоченныхъ, вступить французское войско, чтобы совершенно *свободно, чрезъ всеобщую подачу* голосовъ рѣшить вопросъ о возвращеніи изгнанныхъ герцоговъ. Съ этою-то всеобщою подачею никогда не поладятъ англичане. Что касается цюрихскаго сейма, то совѣщатели (и это въ порядкѣ вещей), вѣроятно, останутся тѣ же, что и въ Виллафранка. Въ послѣднее время, причиною прекращенія войны считаютъ здѣсь вмѣшательство Россіи. Посольство Шувалова имѣло будто-бы цѣлью предупредить Наполеона, что Россія никакъ не можетъ помогать ему во всеобщей европейской войнѣ, если она возгорится. По этому случаю замѣчаютъ: «Вотъ намъ урокъ впередъ, сколько можно рассчитывать на Россію!» Такое замѣчаніе ничуть не лучше австрійскихъ упрековъ противъ жестокосердой измѣны Пруссіи. Если извѣстіе о цѣли посольства Шувалова справедливо, то нельзя не порадоваться благородной и самостоятельной политикѣ нашего правительства въ этомъ дѣлѣ.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

Господинъ Федоръ Затлеръ и его литературная дѣятельность.

Русской читающей публикѣ, кажется, бесполезно напоминать о рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» прошлаго года, — статей, направленныхъ противъ несовершенствъ нашей военной администраціи, обнаружившихся вопіющими злоупотребленіями во время послѣдней крымской войны. По-крайней-мѣрѣ, намъ живо помнятся то искреннее одобреніе и то сочувствіе, съ какими публика встрѣчала благородныя усилія бывшихъ редакторовъ «Военнаго Сборника»; мы помнимъ, какъ вѣрно оцѣнивалось то благородное мужество, съ которымъ шли они на встрѣчу плотной толпѣ людей отсталыхъ, потонувшихъ въ рутинѣ и невѣжествѣ, и, слѣдовательно, неспособныхъ отступить отъ заблужденій ни передъ какими доказательствами; мы помнимъ,

какія ощущенія производила на публику полемика, поднятая противъ г. Аничкова его противниками: ихъ заподозрѣли въ чистотѣ побужденій и, правду сказать, дикая, фанатическая форма, въ какой появлялись эти возраженія, способна была какъ нельзя лучше поддержать такую догадку.

Послѣднимъ ратоборцемъ въ этой войнѣ съ г. Аничковымъ былъ г. Федоръ Затлеръ. Выступивъ противъ бывшихъ редакторовъ «Военнаго Сборника» въ то время, когда они прекратили уже свои нападенія, г. Федоръ Затлеръ безпрепятственно посвящалъ всѣхъ, военныхъ и невоенныхъ, въ глубокія тайны интендантской премудрости. Страницы «Инвалида» украсились такою ученостью, какой читатели его до того времени за нимъ не замѣчали; греки и римляне, французы и евреи (или, правильнѣе, жидаы: безъ нихъ г. Федоръ Затлеръ ничего не умѣетъ сдѣлать)—всѣ были призваны для того, чтобы вырвать перо изъ рукъ дерзкаго г. Аничкова и навсегда уничтожить соблазнъ, имъ произведенный (ибо не столько самое дѣло, сколько соблазнъ вредоносенъ).

Сначала все шло благополучно. «Инвалидъ» и г. Федоръ Затлеръ торжествовали. Читатели, волею-неволею, должны были согласиться и съ журналомъ и съ его почтеннымъ сотрудникомъ, что война есть зло, отъ котораго погибають сотни тысячъ честныхъ людей и наживаются сотни негодяевъ; что госпитали, въ военное время, представляютъ, правда, не привлекательное зрѣлище, но такими они были, такими должны остаться у всѣхъ народовъ и во всѣ времена.... Торжество, повторяемъ, было сначала полное, враги г. Аничкова ликовали. Но увы! это было ликованье Макка въ началѣ Маренгской битвы. Явился новый Дезе, и далъ другой оборотъ дѣлу. Заинтересованная сторона не можетъ даже похвалиться и тѣмъ, что г. Чужбинскій, этотъ нежданный защитникъ г. Обручева, заплатилъ, подобно Дезе, жизнью за свою попытку: онъ живъ и во всеоружіи стоитъ передъ своими оторопѣвшими противниками, бодро и насмѣшливо глядя имъ въ глаза.

Да, именно оторопѣвшими. Иначе нельзя назвать послѣдней статьи г. Федора Затлера, которую «Инвалидъ» съ услужливостью неловкаго друга помѣстилъ на своихъ страницахъ. Въ ней слышится уже не спокойный голосъ человѣка, опирающагося на авторитетъ грековъ и римлянъ (и евреевъ то-же) для подтвержденія своей оригинальной теоріи снабженія войскъ жизненными припасами и организаціи госпиталей. Увы! въ ней слышится

только уныніе, глубокое уныніе, даже что-то еще другое, чего мы не умѣемъ опредѣлить съ точностію, похожее на нервное раздраженіе.

Успокойтесь, г. Федоръ Затлеръ! Сентябрь недалеко. Осенняя прохлада успокоительно дѣйствуетъ на нервы. Возложите ваши надежды на сентябрь, не одни вы ждете его благодатнаго дѣйствія. Успокоившись отъ передраги, которую вамъ задалъ г. Чужбинскій, вы, можетъ-быть, подарите насъ новыми изслѣдованіями о подвигахъ грековъ и римлянъ, нѣмцевъ и жидовъ на интендантскомъ поприщѣ. Только, намъ кажется, послѣ сентября вы уже не захотите схватываться съ людьми, которые, подобно г. Чужбинскому, вовсе не знаютъ приличій и — лишены всякаго чувства любви къ отечеству.

А. ДОКУЧАЕВЪ.

Журнальная поправка.

Въ 8-мъ номерѣ «Библіотеки для чтенія» помѣщенъ переводъ сужденій газеты «Le Nord» о военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Сужденія эти не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что уже не было бы извѣстно отечественной публикѣ; но въ нихъ есть промахи, которые тѣмъ необходимѣе исправить, что какъ у насъ, такъ и за-границею, привыкли думать, будто «Le Nord» черпаетъ свои свѣдѣнія о Россіи изъ надежныхъ источниковъ.

Выписываемъ вполнѣ мѣсто, приведшее насъ въ крайнее недоумѣніе:

«Прежде него (князя Барятинскаго), хотя веденіе войны на Кавказѣ было ввѣряемо превосходнымъ начальникамъ, каковы генералы Ермоловъ, Воронцовъ, Муравьевъ, но война въ этихъ странахъ ограничивалась вообще кровавыми схватками, въ которыхъ почва, оспариваемая шагъ за шагомъ, была орошаема бесполезно пролитой кровью, гдѣ дорого купленные успѣхи русскаго оружія, казалось, не были связаны никакимъ общимъ планомъ, никакою разумной системою. Экспедиціи большею частію ограничивались нападеніями на непокорные аулы, кровавыми возмездіями въ наказаніе горцевъ за ихъ набѣги. Программа опустошеній (gazias) исполняемыхъ подвижными колоннами, была неизмѣнна. Экспедиціонныя войска, сохраняя величайшую тайну, быстро наваливали на враждебные аулы, предавали ихъ огню и мечу и

возвращались еще съ большей послѣдностію. Тогда начиналось отступление, то есть одно изъ опаснѣйшихъ военныхъ движеній, потому что горцы, сбѣгаясь толпами для защиты и мщенія за сожженные ихъ жилища, нападали съ бѣшенствомъ и отчаяніемъ на русскіе баталіоны, принужденные защищаться отпачиваясь. Случалось не разъ, что экспедиціонныя войска, тревожимыя на отступленіи отчаяннымъ непріателемъ, означали свой путь рядомъ труповъ.»

На Кавказѣ было двѣ системы военныхъ дѣйствій: ермоловская и переходная, державшаяся со времени отозванія генерала Ермолова до назначенія князя Воронцова намѣстникомъ Кавказа.

Никто не былъ такъ скупъ на солдатскую кровь, какъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ и потому, смѣемъ увѣрить, при немъ не было сдѣлано ни одной экспедиціи, которая не была бы въ строгомъ смыслѣ оборонительною: всѣ онѣ были предпринимаемы для разогнанія горскихъ скопищъ, собиравшихся вторгнуться въ наши предѣлы для грабежа и разбоя. Къ тому же, экспедиціи эти, уже по самой малочисленности своего состава, не могли нести большихъ уроновъ; да и генералъ Ермоловъ, зорко слѣдившій за всѣми дѣйствіями своихъ подчиненныхъ, не допустилъ бы ихъ до этого. Кто не знаетъ, что генералъ князь Мадатовъ, потерявшій въ блистательномъ по результатамъ дѣлѣ 173 челоувѣка убитыми и ранеными, былъ отозванъ имъ и не получалъ начальства надъ дѣйствующими войсками до начала персидской войны?

Тамъ, гдѣ войсками командовалъ самъ генералъ Ермоловъ, дѣла дѣлались еще проще. Спугнувъ непокорныхъ горцевъ съ доступной мѣстности, Ермоловъ располагался на ихъ землѣ и стоялъ лагеремъ цѣлые мѣсяцы (такъ дѣлалъ потомъ и лучшій ученикъ его, А. А. Вельяминовъ). Приходила осень, выпадалъ снѣгъ въ горахъ, наступала въ нихъ безкормица и горцы, донашиваемые голодомъ, смирялись, являлись къ генералу Ермолову съ повинною и выдавали зачинщиковъ. Не рѣдко генералъ Ермоловъ достигалъ самыхъ прочныхъ результатовъ, не потерявъ и одного убитаго изъ своего отряда.

Прочное водвореніе въ земляхъ, занятыхъ непокорными горцами, входило въ соображенія генерала Ермолова (если мы не ошибаемся), какъ неизбѣжное слѣдствіе системы, принятой имъ для охраненія Грузіи и Кавказской линіи, процвѣтаніе которыхъ требовало вышней безопасности. А какой безопасности можно было ожидать отъ такихъ сосѣдей, которые грабежъ считали

почетнымъ и законнымъ способомъ существованія? Генералъ Ермоловъ съ свойственной ему простотою приступилъ къ прочному занятію края.

Планъ, начертанный имъ для этого, состоялъ въ томъ, чтобы экспедиціями, предпринятыми въ благопріятное время года въ непокорныя страны, прокладывать въ нихъ удобныя пути сообщенія и линіями крѣпостей, расположенныхъ на этихъ путяхъ, отрѣзывать у непріятели участки за участкомъ. Такъ возникли Грозная, Внезапная, Бурная. И все это дѣлалось при самыхъ незначительныхъ средствахъ: у генерала Ермолова не было во всемъ краѣ и 60-ти батальоновъ пѣхоты. Но кто не знаетъ, что сила или слабость арміи прямо пропорціональны талантамъ генерала? — Солдаты получали самую ничтожную прибавку къ мирному содержанію, а между тѣмъ положеніе ихъ не оставляло ничего желать.

Говорятъ: у Ермолова были искусные помощники. Это справедливо. Люди гениальные отличаются отъ остальныхъ смертныхъ искусствомъ вѣрно оцѣнять способности окружающихъ ихъ людей и каждому назначать приличную сѣру дѣятельности, удовлетворяющую вполнѣ ихъ честолюбію. Это искусство выбора, кромѣ той выгоды, что каждый назначенный на должность исполняетъ ее отлично, имѣетъ еще и другое преимущество — уничтоженіе искательства, которое при другихъ обстоятельствахъ выдвигаетъ впередъ много бездарностей и производитъ общее недовольство своимъ положеніемъ. Генералъ Ермоловъ владѣлъ въ высшей степени этою способностью выбора. Преемникъ его, князь Варшавскій, независимо отъ высокихъ воинскихъ качествъ, успѣхами своими въ войнахъ съ Персією и Турцією, былъ обязанъ этому счастливому составу помощниковъ, который былъ подготовленъ ему Ермоловымъ. Муравьевъ и Бебутовъ были его личные адъютанты. Нѣкоторые изъ отличенныхъ имъ лицъ рано сошли со сцены, какъ Верховскій, Пузыревскій, Копаревъ, Мищенко. Были и такіе, которые впоследствии пережили свою славу: этого бы не случилось съ ними при Ермоловѣ, потому что никогда онъ не далъ бы имъ назначенія, превышавшаго ихъ силы.

Система генерала Ермолова была забыта при ближайшихъ его преемникахъ. Точно, послѣ него, до назначенія на Кавказъ князя Воронцова, много было пролито драгоцѣнной русской крови. Но почему въ этомъ кровопролитіи обвиняются князь Воронцовъ и генералъ Муравьевъ, мы рѣшительно не можемъ понять.

Князь Воронцовъ былъ продолжателемъ системы предложенной генераломъ Ермоловымъ, — системы, принесшей теперь, при князѣ Барятинскомъ, такіе блестящіе результаты. Честь и слава князю Воронцову, оцѣнившему высокія военныя достоинства нынѣшняго намѣстника Кавказа! Но справедливость и истина требуютъ, чтобы теперь, когда для всей восточной половины Кавказа наступаетъ новая эпоха, — эпоха мирныхъ успѣховъ, и вся Россія съ восторгомъ и благодарностью произноситъ имя виновника ихъ, — справедливость и истина требуютъ, чтобы была отдана должная благодарность и первоначальнику этихъ успѣховъ, генералу Ермолову.

А. И.

Французскія провинціи.

Орлеанъ, 5-го августа 1859 г.

Не скажу, чтобы дорога изъ Парижа въ Орлеанъ пролегалла по живописной мѣстности — тѣмъ не менѣе легко, весело поглядывать по сторонамъ пзъ окна вагона, любоваться на эти обработанныя поля, которыя бѣгутъ къ самымъ рельсамъ; каждый лоскутокъ земли дорогъ, каждый лоскутокъ обдѣланъ и каждый лоскутокъ щедро вознаграждаетъ труды своего хозяина. Тамъ-и-сямъ виднѣются каменные домики, зачастую съ соломенной крышою, домики то разбѣгаются врозь, то собираются мѣстами въ маленькія деревушки и тогда надъ ними мрачно высвется колокольня сельскаго костела... А вотъ и поселяне съ поселянками — работаютъ на поляхъ. Мадамъ приподнялась съ земли, приставила руку къ глазамъ, защищая ихъ отъ солнца и внимательно слѣдитъ за пролетающими вагонами. На ней ситцевое платье, передникъ, башмаки, соломенная шляпа, подлѣ нея суиругъ, почернѣвшій и загорѣвшій, въ своей синей блузѣ, съ вѣчною ципкою въ рукахъ. Поѣздъ останавливается безпрестанно въ маленькихъ деревушкахъ, подлѣ небольшихъ вокзаловъ. Невольно изумляешся чистотѣ, порядку — наблюдаемому французскими поселянами. Улицы — вымощены, да какъ вымощены — лучше и по-удобнѣ какой нибудь *большой Садовой*, которую одинъ наивный поэтъ сравнилъ съ жизнью, вѣроятно потому, что проѣзжая по Садовой, натерпншся и настрадаешся столько же, сколько на дорогѣ житейской... Замѣтили колодезь — и нельзя не полюбоваться старанію съ какимъ обдѣланъ онъ, порядку

въ какомъ содержитсяъ... Такъ ли въ русскихъ помѣщичьихъ деревняхъ? Лучше не вспоминать о нихъ, лучше не отравлять пріятныя минуты. Въ вагонахъ мало народа; теперь не ѣдутъ изъ Парижа, а ѣдутъ въ Парижъ: толпы стекаются на берега Сены любоваться и восхищаться громадными празднествами; не слышно вокругъ живаго говора, утомленный дневнымъ зноемъ я заснулъ. И снится мнѣ русскій губернской городъ, столица какойнибудь нашей провинціи. Подъѣзжаю я на тряской телѣжкѣ къ городу, по пыльной дорогѣ, ящикъ какъ искусный кормчій лавируетъ между колдобинами, рытвинами, возами хвороста и фашиника, брошеннаго на дорогу, еще тогда, когда проѣзжало здѣсь какое-нибудь значительное лицо.... Вотъ вѣчно спорченный шлагбаумъ, инвалидъ въ оборванной шинели подходитъ пощупать желѣзнымъ прутомъ — нѣтъ ли водки, вина. Рядъ кузницъ пошелъ на право и на лѣво, тамъ почернѣвшіе, скосившіеся домики мѣщанъ, грязныя лавчонки, бабы съ бубликами да калачами, чиновникъ бредетъ къ трактиру, а вотъ — кабакъ, притонъ въ радости и печали русскаго человѣка: отсюда слышна пѣсня — о чемъ въ ней поется? Соборъ, толстый попъ идетъ пить чай послѣ службы, неизмѣнныя присутственныя мѣста, вѣчно каменные, вѣчно желтыя, вѣчно чистыя снаружи, и грязныя, затхлыя внутри — это нашъ palais de justice!..

«Орлеанъ!» прокричалъ кондукторъ, я проснулся, и не-сразу придя въ себя, искалъ сонными глазами шлагбаума, улицы съ лужей по срединѣ и съ мальчишками, въ ней валяющимися, инвалида, грязныхъ бабъ... но предъ мной потянулись длинныя улицы, превосходно вымощенныя, по бокамъ отличные тротуары, дома каменные, старинныя, съ острыми крышамъ, съ почернѣвшими стѣнами. Громадныя костелы, памятники вѣковъ минувшихъ, съ высокими башнями, узкіе переулки — спускающіеся подъ горы и вновь поднимающіеся на нихъ, небольшія площади — все вмѣстѣ даетъ Орлеану видъ какого-то памятника историческаго, города прошедшаго, а не города настоящаго. И въ самомъ дѣлѣ — въ настоящее время онъ потерялъ много изъ своего политическаго и промышленнаго значенія, но смѣло можетъ гордиться своимъ прошедшимъ. Его происхожденіе теряется чуть-ли не въ доисторическихъ временахъ; онъ былъ столицею королевства, позже герцогства, наконецъ постоянно былъ удѣломъ вторыхъ сыновей владыкъ Франціи. Два раза предъ его стѣнами останавливался торжествующій непріятель и нѣтъ ни одной страницы въ исторіи Франціи — на которой не

красовалось бы имя Орлеана подгѣ имени Парижа. Во времена Цезарей... но не бойтесь, многоуважаемый редакторъ, я не стану вамъ разсказывать длинную исторію Орлеана, какъ не интересна она, но все-же она интереснѣе самимъ орлеанцамъ, нежели намъ — жителямъ Петрограда. А что орлеанцы интересуются своей исторіей, дорожатъ ею, можно видѣть изъ числа изданій, посвященныхъ исторіи сего города: *La Description de la ville d'Orléans — Duplessis*, *Les Recherches historiques sur Orléans — Lottin*, *L'Histoire de la ville d'Orléans — Romagnési*, *L'Histoire architecturale de la ville d'Orléans — Buzonnière*, *L'Orléanais — Madelaine*, *Quatre jours dans Orléans — Torquat*, *L'histoire de l'Université de lois d'Orléans — Bimbenet*, *Le Vieil Orléans — Huot*, *L'Histoire du siège d'Orléans — Quicherat*, *L'Album d'Orléans en miniature*, *Guide historique dans Orléans*, par *Godow* и проч. и проч. Ну, а намъ Кіевъ, либо Казань — могутъ ли выдвинуть столько изданій по своей исторіи, да чего я говорю — исторія Москвы многими-ли была обработана?

Все дышетъ въ Орлеанѣ воспоминаніями о славнѣйшей эпохѣ его исторіи, о славномъ участіи, которое принималъ городъ въ столѣтней войнѣ, о герояхъ того времени, Жаннѣ д'Аркъ. Каждый здѣшній ремесленникъ довольно обстоятельно разскажетъ вамъ о подвигахъ героини въ 1429 году, разумѣется дополнивъ разсказъ варьянтами собственной фантазій, называя Карла VII Карломъ IX-мъ и т. д. Но вы узнаете, какъ 7-го мая 1429 года Жанна д'Аркъ, съ самаго восхода солнечнаго, атаковала мостовыя укрѣпленія, въ которыхъ засѣли англичане. Обѣ арміи дрались съ ожесточеніемъ. Тринадцать часовъ продолжался бой кровопролитнѣйшій изъ всѣхъ, о которыхъ только говорятъ лѣтописи; сто разъ французы, преодолевая всѣ препятствія — всходили на валы, сто разъ англичане ихъ опрокидывали въ ровъ, и опрокинутые они возобновляли атаку съ прежней энергією. Вдругъ Жанна нетерпѣливая, утомленная продолжительнымъ боемъ, проходитъ впередъ съ лѣстницей и приставляетъ ее къ стѣнѣ. Но пораженная, она падаетъ на землю, орошая ее своею кровью. Казалось, въ эту минуту она потеряла бодрость и зашала, но едва рана была перевязана, она возвратилась къ атакующимъ. Въ минуту, когда французы, усталые отъ безплодныхъ усилій, хотѣли отступить — Жанна обратилась къ нимъ, полная энергіи и увѣренности въ побѣдѣ: «Впередъ, впередъ! Съ именемъ Бога вы одолѣете враговъ. Отстаивайте мое знамя, оно сейчасъ явится на валу. Теперь все будетъ ваше!» вскрикнула

она — когда штурмующіе водрузили знамя. Дѣйствительно англичане не устояли противъ новаго стремительнаго напора французовъ, въ страшномъ безпорядкѣ кинулись они къ мосту, но французы гнали ихъ по пятамъ и большая часть неприятелей погибла въ волнахъ Луары, къ величайшей горести Жанны д'Аркъ, которая оплакала даже неприятелей.

Съ колокольнымъ звономъ, при крикахъ ликующаго войска и народа вошла дѣвственница въ спасенный ею Орлеанъ.

Благодарные потомки воздвигли нѣсколько памятниковъ орлеанской дѣвственницы, столь мученически погибшей на кострѣ въ Руанѣ. Важнѣйшій по величинѣ монументъ — есть конная статуя Жанны посреди Place du Martroi. Она поставлена въ 1855 году и принадлежитъ работѣ г. Foyatier. Замѣчательно, что громадныя издержки были покрыты лотереей разыгранной городомъ. Но статуя Жанны на конѣ всѣми признается весьма неудовлетворительною. Дѣвственница, сидящая верхомъ по-мужски на конѣ, поставленномъ на низкій пьедесталъ, отличается здѣсь самыми колосальными формами. Это какой-то рыцарь среднихъ вѣковъ въ тяжеломъ панцырѣ, громадномъ шлемѣ, съ длиннымъ палашомъ и длинными шпорами. Только лицо поднятое къ небу, съ выраженіемъ вѣры и молитвы, да густыя пряди волосъ выбивающихся изъ подъ шлема, напоминаютъ вамъ — что это Жанна д'Аркъ. Пьедесталъ будетъ украшенъ шестнадцатю барельефами бронзовыми, изображающими важнѣйшія событія изъ жизни дѣвственницы, но, до сихъ поръ — нѣтъ ни барельефовъ, ни надписей. Статуя Жанны, поставленная Гуа посреди place Dauphine гораздо удачнѣе. Особенно хороша голова — она полна выраженія и красоты. На пьедесталѣ четыре барельефа — одинъ изъ нихъ изображаетъ мученическую смерть героини на руанскомъ кострѣ, подъ который англичане подгребаютъ уголья. Третій памятникъ *крестъ Жанны д'Аркъ* очень скромный, поставленъ еще въ 1817 году на мѣстѣ, ознаменованномъ ея побѣдой и взятіемъ мостоваго укрѣпленія форта Туреля. Мостъ этотъ нынѣ не существуетъ, правѣ сего перекинуть другой черезъ Луару, каменный, на девяти аркахъ. Четвертый памятникъ... но мы устанемъ пересчитывать ихъ, скажемъ только, что всѣхъ ихъ наберется до десяти, и если они не всегда любопытны по искусству, съ которымъ выполнены, то всегда важны въ другомъ отношеніи: они свидѣтельствуютъ о томъ какъ дорожатъ французы своими историческими воспоминаніями, какія почести воз-

даютъ они памяти своихъ героевъ и героинь! Послѣ памятникъ Жаннѣ — разумѣется, что прежде всего привлекаетъ вниманіе путешественника, — громадиѣйшій костелъ: Cathédrale Sainte-Croix. Основаніе его положено еще въ IV-мъ вѣкѣ!.. Но въ нынѣшнемъ видѣ онъ началъ строиться при Генрихѣ IV и по простествіи болѣе двухъ вѣковъ оконченъ совершенно въ 1829 году. Соборъ поражаетъ своею громадностью, величіемъ, своими высокими башнями, поднимающимися ярусами, при чемъ каждый изъ нихъ обставленъ колоннами, уменьшающимися съ каждымъ ярусомъ. Узкія окна, высокіе своды, множество богатыѣйшихъ алтарей, статуй, все это вмѣстѣ даетъ храму видъ чрезвычайнаго величія. Но съ другой стороны впечатлѣніе это непродолжительно: множество разноцвѣтныхъ хоругвей, разноцвѣтныя стекла въ окнахъ, толстыя ксепдзы, шепчущіе надъ громадными фоліантами — даютъ видъ храму какой-то театральности, много декораціи, мало религіи. Я съ любопытствомъ всегда заходилъ въ костелы и всегда находилъ въ нихъ преимущественно женщинъ. Бездна старухъ въ разныхъ положеніяхъ, т. е., на колѣняхъ, сидя на стульяхъ, склонивъ головы на молитвенникъ, болѣею частью всегда спятъ! И никто этого не осуждаетъ, здѣсь даже считается это за дѣло хорошее, говорилъ мнѣ одинъ блузникъ, проспидѣть въ церкви нѣсколько часовъ, когда нѣтъ службы, и проспать самымъ спокойнымъ образомъ.

Не великъ нынѣ городъ Орлеанъ, въ полчаса можно его пройти изъ конца въ конецъ, до 40,000 считается въ немъ жителей, изъ которыхъ многіе сотни постоянно находятся въ отлучкѣ по дѣламъ въ Парижѣ и другихъ городахъ; не имѣетъ онъ много фабрикъ и заводовъ, но въ немъ много общественныхъ заведеній. Изъ нихъ музей орлеанскій, среди провинціальныхъ музеевъ, безспорно занимаетъ видное мѣсто. Въ немъ есть нѣсколько отдѣленій: музей живописи и скульптуры, составленный изъ произведеній Теньера, Вернета, барона Жерафда и друг. Много картинъ (впрочемъ не замѣчательныхъ,) подарены городу Наполеономъ III, бюстъ нынѣшняго императора симетрируетъ съ бюстомъ Наполеона I. На видномъ мѣстѣ красуется громадная картина: Наполеонъ III, въ платьѣ буржуа, прогуливается среди своихъ вѣрнопопданныхъ въ деревнѣ, на Луарѣ. Подобными произведеніями наполнены залы Люксембургскаго дворца въ Парижѣ, были наполнены залы на выставкѣ и мы никакъ не думали встрѣтить ихъ въ провинціальномъ городѣ. Всѣ средства употребляетъ Наполеонъ къ усиленію своей популярности;

живопись, скульптура, литература изображаютъ его ликъ, его славу, его дѣянiя.

«Онъ человѣкъ обыкновеннаго сложенiя, — говорилъ мнѣ торговецъ, — но согласитесь, что какое-то величiе видно въ его взглядѣ, въ его поступи, сколько достоинства въ его рѣчи и движенiяхъ (!)»

«Мы его не любимъ, а обожаемъ, — говорилъ мнѣ восторженно молодой солдатъ, показывая мнѣ свои казармы, — онъ насъ балуетъ какъ дѣтей своихъ, осыпаетъ милостями, не нужно намъ республики, подъ его правленiемъ мы пользуемся свободой, жизни наша обезпечена, занятiй довольно — о насъ говоритъ весь свѣтъ. — били русскихъ (извините, господинъ русский, но надо говорить правду), били австрiйцевъ, били китайцевъ, побьемъ и англичанъ! О, охъ — давно до нихъ добираемся; кличъ кликну императоръ, посмотрите, сколько подымется на Англiю!»

«Нѣтъ-съ, не слушайте вы солдатъ, замѣтилъ мнѣ фабрикантъ, старикъ орлеанецъ, которому я передалъ разсужденiя воиновъ. Не можетъ этого статься, чтобъ Наполеонъ, угождая только зуавамъ, да солдатамъ, сталъ воевать съ Англiей. Какъ ни важны для него солдаты да зуавы, а торговое сословiе еще важнѣе. — Война эта, будетъ страшное несчастиe для торговли и промышленности, для обѣихъ странъ, да и едва-ль она можетъ увеличить популярность императора...»

Но увлекшись толками, я забылъ музей. Въ немъ есть отдѣленiя натуральной исторiи, минералогическiй кабинетъ, музей древностей, найденныхъ въ департаментѣ и относящихся ко временамъ римскаго владычества. Все это въ небольшомъ объемѣ, но приведено въ самый строгiй порядокъ. Въ особой залѣ собрано множество (впрочемъ далеко не всѣ) картинъ, гравюръ, статуй, медалей, относящихся къ Жаннѣ Д'Аркъ.... О Русь, моя матушка Русь! Когда-то въ твоихъ провинциальныхъ городахъ будемъ мы осматривать музеи, библиотеки, публичные сады и проч. Правительство даетъ иногда средства къ основанiю того или другаго, ученаго учрежденiя, — какъ пользуются этими средствами, куда они дѣваются? А публика — что же она дѣлаетъ? Каковы напр. наши публичныя библиотеки въ губернскихъ городахъ. Объ этомъ писали въ нашихъ газетахъ, что же касается до здѣшней, — то она состоитъ изъ 35,000 томовъ, посѣщается всякой день читателями, и можетъ похвалиться порядкомъ. Здѣсь много книгъ весьма дорогихъ для исторiи Францiи, по натуральной исторiи, много манускриптовъ весьма старинныхъ, множество книгъ, при-

надлежавшихъ знаменитому юрисконсульту Rother, превосходная статуя котораго стоитъ подлѣ собора. Кромѣ библіотеки орлеанцы имѣютъ еще съ полдесятка читальныхъ залъ, при книжныхъ магазинахъ, число которыхъ доходитъ до двадцати, не смотря на то, что Парижъ въ четырехъ-часовомъ разстояніи, и нѣтъ ничего легче выписывать книги оттуда.— Въ каждомъ кафе-ресторанѣ можно найти всѣ парижскія газеты, но орлеанцы предпочитаютъ свою газету Journal du Loiret. Она состоитъ изъ извлеченій, изъ столичныхъ газетъ, фельетона, объявленій и т. п. Вѣдь и мы имѣемъ провинціальныя газеты? А кто ихъ читаетъ, можно ли ихъ читать, чѣмъ они наполняются? Весь литературный ихъ отдѣлъ, (если таковой и бываетъ), наполняется какими-нибудь паннигриками губернскимъ владыкамъ, описаніями объѣда, спектакля у ихъ превосходительствъ и т. п.

Подлѣ библіотеки театръ, красивое зданіе передѣланное изъ костела въ первую революцію, дажѣ казармы — зайдѣмъ туда: здѣсь стоитъ 61-ый батальонъ линейный — какъ и всѣ батальоны линейные, онъ состоитъ изъ молодыхъ рекрутъ. Въ казармахъ чистота необыкновенная, постели удобныя, ружья вычищены... солдаты въ свободное время отъ ученій (два раза въ день), разгуливаютъ по городу, являюся (какъ и вездѣ, во всѣхъ городахъ Франціи) во всѣ общественныя мѣста, пользуются всѣми правами свободныхъ людей.

«Правда ли, спросилъ меня между прочимъ сержантъ, бывшій въ Крыму, что у насъ въ Россіи, солдатъ долженъ служить 25 лѣтъ, что онъ не можетъ выходить изъ казармъ; что онъ не смѣетъ являться въ рестораны, театры, на публичныя гулянья, не смѣетъ ѣздить на извозчикахъ, за нѣсколько шаговъ долженъ останавливаться предъ офицеромъ, и скидать фуражку, правда ли, что его наказываютъ розгами, шпичрутенами, что его сержантъ и офицеры могутъ бить. Все это я слышалъ въ Крыму...»

Тщетно я увѣрялъ француза, что послѣднее время судьба нашего солдата чрезвычайно улучшилась. «Нѣтъ, нѣтъ, повторялъ сержантъ, у насъ все-таки лучше: вотъ тюрьма — нашъ братъ провиняется, посадятъ туда, продержатъ четырнадцать дней, но никто не смѣетъ меня ударить. Ударилъ солдата старшаго, его разстрѣливаютъ, все же лучше для *война* умереть отъ пули, нежели отъ палки.»

Я не старался поддерживать щекотливый диспутъ, и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе сержанта прогуляться въ госпиталь (Hopital général et Hotel-Dieu). Зданіе госпиталя, какъ и

всѣ другія, старинное, въ стѣнахъ его, въ 1600 годахъ, былъ монастырь: онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ фасадовъ, и помещаетъ до 600 больныхъ, гражданскихъ и военныхъ. Опять, и здѣсь, при обстановкѣ самой скромной, — чистота и порядокъ. Нѣтъ ни паркета, ни мраморныхъ столовъ, ни гранитныхъ лѣстницъ, ни фельдшеровъ и докторовъ въ мундирахъ, но нѣтъ и ворующихъ зрителей; въ простыхъ пазатахъ больные пользуются хорошимъ воздухомъ и хорошею пищею.

При госпиталѣ — библіотека, стѣны амфитеатра украшены портретами знаменитѣйшихъ врачей Франціи, каждая зала носитъ имя какого-нибудь ученаго врача. — Много и улицъ (какъ и въ Парижѣ) съ именами литераторовъ, ученыхъ — а какъ было бы странно для русскаго уха — если-бъ напр. пѣвческій мостъ назывался бы: *пушкинскій мостъ*, нижегородская улица у медицинскон академіи *улица Пирогова*, набережная Мойки... набережная *Грена* (въ pendant къ набережной Сены Вольтера, Монтескье и друг.).

Съ гордостью француза, подвелъ меня сержантъ къ одному изъ раненыхъ французскихъ солдатъ, привезенныхъ изъ Италіи. У молодого стрѣлка не хватало четырехъ пальцевъ, онъ ихъ оставилъ на стволѣ ружья, по которому полоснулъ саблей австріецъ. Весело улыбаясь, развязалъ обезображенную руку стрѣлокъ, и насмѣшливо подмигнулъ, указывая на близъ лежащаго пѣннаго австрійскаго солдата. Пѣнный былъ раненъ пулею въ ногу на-вылетъ и время отъ времени стоналъ.... Въ городѣ съ полсотни пѣнныхъ. Толстые, съ широкими лицами, съ грубыми манерами — они не пользуются симпатіей французовъ, притомъ же почти ни одинъ изъ австріецевъ не умѣетъ говорить по французски, и убивая время за пивомъ, которое они тянутъ безпрестанно по кофейнямъ, они нетерпѣливо ждутъ своего освобожденія. Но ни по кофейнямъ, ни на улицахъ, невидать большого движенія, съ девяти часовъ вечера рѣдко-рѣдко гдѣ пройдетъ торговецъ, запершій свою лавку, да прогремитъ omnibusъ, возвращающійся отъ воксала желѣзной дороги. Ни въ Jardin des plants, очень мненькомъ садикѣ съ бесѣдками, статуями, мостиками, оранжереей и звѣринцемъ (въ которомъ красуются орлы, павлины, и разныя породы домашнихъ птицъ), ни на тѣнистыхъ бульварахъ, разбитыхъ на валу и у рва старинныхъ укрѣпленій — нигдѣ не видать народа. Послѣ Парижа тишина необыкновенная, даже сержанты (городовые), которые, какъ муравьи, снуютъ по парижскимъ улицамъ и переулкамъ, здѣсь и ихъ не видать. Такъ,

что не будь такой чистоты на улицахъ, не будь прекрасной мостовой, не освѣщайся городъ газомъ, такъ можно бы было подумать среди этой невозмутимой тишины, что находишься въ какомъ-нибудь Псковѣ, или Смоленскѣ.... А вотъ отворена еще кофейня: за десятками мраморныхъ столикковъ, сидятъ блузники—работники за пивомъ, сидятъ солдаты, буржуа, торговцы — въ концѣ, у бильярда, устроены подмости, на нихъ три толстыя тирольки, сидя за арфами, гнусливо распѣваютъ свои пѣсни.... Тарелочка гуляетъ по столамъ, собирая сантимы въ пользу пѣвицъ, которымъ снисходительно аплодируютъ добрые французскіе работники.

Туръ. 6 августа 1859 г.

Во второмъ классѣ скучновато ѣхать: мнѣ случилось отъ города до города проѣхать одному въ вагонѣ 2-го класса, нынѣ я проѣхалъ въ 3-мъ классѣ. — Вся разница съ вагонами 2-го класса, что скамейки не обиты сукномъ, да больше народу, и живая бесѣда не умолкаетъ. И что за разнообразная публика! Вотъ какой-то слѣпой работникъ, старикъ, сидитъ опираясь на палку, напротивъ какая-то дѣвушка, щеголевато одѣтая, держитъ предъ собой какую-то книгу, въ которой однако немного прочла, подлѣ нея служитель молодой изъ костела, тамъ солдатъ, преспокойно скинувшій съ себя толстый мундиръ и распахнувшій рубашку, а тутъ цѣлый рядъ работниковъ съ ломами, кирками, лопатками, корзинками, изъ одной изъ нихъ ползутъ какіе-то муравьи. Что за-загорѣлыя лица и руки у этихъ работниковъ — черны, какъ кожа сапога; они на слѣдующей станціи выходятъ гурьбой изъ вагона, ихъ смѣняютъ новые. — Случалось вамъ ѣздить въ 3-мъ классѣ по московской дорогѣ? Случалось ли видѣть, съ какимъ недовольнымъ выраженіемъ поглядывалъ какой-нибудь чиновникъ, офицеръ, на бараній полушубокъ, усѣвшаго подлѣ него, какъ торопливо отодвигался купецъ въ суконномъ кафтанѣ отъ крестьянина въ лаптяхъ и зипунѣ?... У насъ даже и *въ 3-мъ классѣ* завелся, сколько помню *дворянскій* конецъ и мѣста для *аристократа народа!* Здѣсь все въ перемежку, всѣ ровны, и работникъ преспокойно кладетъ свой ломъ подлѣ щеголихи магазинщицы и растегиваетъ свою блузу, открываетъ почернѣвшую отъ зноя грудь, покрываю волосами....

«Туръ и его окрестности — садъ Франціи» говорятъ французы и говорятъ справедливо. Мѣстоположеніе здѣсь превосходное. Сады, тѣнистыя аллеи, рядъ прелестныхъ домиковъ, разва-

льны монастырей и старинныхъ зданій, а тамъ замки одинъ богаче другаго, либо мѣстоположеніемъ, либо постройкою, либо историческими воспоминаніями... Вотъ, напримѣръ, подъ самымъ городомъ бѣлая башня, превосходно сохранившаяся, это остатки замка Людовика XI, особенно любившаго проводить время въ Турѣ; еще цѣла спальня этого деспота, еще показываютъ казематъ, въ которомъ на цѣпи сидѣлъ Кардиналъ La Value. Воспоминанія о Людовикѣ XI будутъ познѣе, если въ городѣ отыскать узенькую улицу Briçonnet, а въ ней мрачное зданіе Hotel de la Cordelière dit de Tristan. — Это громадная тюрьма, въ которой томилась несчастныя жертвы тирана Людовика XI. — Домъ, или вѣрнѣе башня эта, имѣетъ нѣсколько ярусовъ, постройка, какъ и вообще старинныхъ зданій, удивительно прочна, лѣсница такъ хороша, что нѣтъ возможности повѣрить, чтобъ она существовала нѣсколько столѣтій. — Провожатый въ полголоса разказывалъ: «что въ этомъ мѣстѣ, на этой цѣпи сидѣли арестанты — бароны, да именитые дворяне, да кардиналы,» показывалъ ниши, въ которыхъ стояли изображенія мадоннъ, предъ которыми теплились лампадки. На верху башни круглая комната, гдѣ помѣщался караулъ, еще выше на площадкѣ стояли сторожа и смотрѣли къ сторонѣ замка короля, оттуда Людовикъ XI давалъ сигналъ, и этотъ сигналъ возвѣщалъ смертный приговоръ одному изъ несчастныхъ заточенныхъ. Сторожъ ударялъ ногой объ полъ въ правомъ углу площадки и звукъ удара доходилъ до подземныхъ казематовъ. Башню Тристанъ постоянно посѣщаютъ путешественники, множество именъ вырѣзано на балкахъ и кирпичахъ верхней площадки; между прочими, я замѣтилъ знаменитыя имена: *Ж. Ж. Руссо, 1775, Бальзака, Морро* и другія. Сердце сжимается при воспоминаніи о тѣхъ звѣрствахъ, которымъ предавались встарь владыки деспоты, нынѣ родъ людской отдыхаетъ..... отдыхаетъ, — тѣмъ не менѣе я почелъ нужнымъ пробраться въ городскую тюрьму. Директоръ, а по нашему смотритель острога, напугалъ было сначала тѣмъ, что надо идти въ префектуру, отыскать какого-то жандармскаго полковника, взять у него письменный пропускъ и прочее, но узнавъ, что я русскій, сдѣлался снисходительнѣе. «Я вамъ могу только дать идею о нашей знаменитой тюрьмѣ,» сказалъ директоръ и показалъ все заведеніе въ подробности. Когда я вошелъ въ круглую свѣтлую залу съ лоснящимися стѣнами, съ чистымъ поломъ, съ громаднымъ окномъ вверху, я съ недоумѣніемъ спросилъ: «неужели это тюрьма?» Оказалось что сомнѣній быть не можетъ. Изъ залы идутъ четыре комнаты, четыре ра-

дѣла, въ каждомъ изъ нихъ тюрьма въ три этажа; легкая лестница подымается во всѣ этажи, ведетъ ко всѣмъ дверямъ. Самая тюрьма состоитъ изъ маленькой комнатки съ рѣшетчатымъ окномъ, подъ потолкомъ. — Между стѣнами вѣшается койка въ родѣ матросской, которая на день убирается. Простой столъ, табуретъ, полки для глиняной посуды и священныхъ книгъ, наконецъ, рундукъ для нужды, — вотъ все убранство комнаты. Когда арестантъ хочетъ кликнуть сторожа, онъ стучитъ деревяннымъ молоточкомъ, и конецъ его высовываетъ въ дырку дверную. Когда служатъ обѣдню въ капеллѣ, устроенной вверху круглой залы, всѣ двери казематовъ отворяются верхка на четыре и заключенные, не видя другъ-друга, видятъ и слышатъ церковную службу.

«Но вѣдь такъ можно сойти съ ума, не слыша людской рѣчи?»

«Арестанты имѣютъ занятія, — успокоительно замѣтилъ директоръ, — имъ даютъ изъ города работу; если кто не знаетъ никакого мастерства, ему даютъ работу самую легкую. Кормятъ хорошо, по два раза въ день; выпускаютъ гулять по одному разу въ эти отгороженные дворики.

«Не веселая прогулка,» замѣтилъ я, увидѣвъ большой дворъ, раздѣленный стѣнами на шесть отдѣленій. Гулять на солнцѣ, по песку, между стѣнами, подъ наблюденіемъ одного живаго существа, и то сторожа. — «Впрочемъ если кто ведетъ себя хорошо, то по истеченіи извѣстнаго срока, ему дозволяется работать въ обществѣ двухъ-трехъ арестантовъ. На счетъ удобства этой тюрьмы нечего и сомнѣваться, продолжалъ любезно директоръ, посмотрите какая здѣсь тишина, звука человѣческаго не услышите, убѣжать нѣтъ возможности, почти не было примѣра побѣга, а охраняютъ тюрьму всего пять человѣкъ, и то со стороны вѣншей ограда.»

Дѣйствительно, удобствъ много! Вспомнилъ я московскій острогъ! Чуть ли не 2000 народа помѣщается въ немъ и какое разнохарактерное, разнообразное, всегда впрочемъ веселое общество собирается подъ гостепріимнымъ кровомъ палатъ московскаго острога!

Гремя цѣпями, съ выбритыми головами (какъ было прежде), съ *бубновыми тузомъ* на своемъ халатѣ, опытные мошенники и разбойники, бывавшіе не-разъ въ передѣлкахъ, прошедшіе отъ Москвы до Нерчинска по-два, по-три раза, прогулявшіеся иногда и по *зеленой улицѣ* (подъ шпицрутенами), они научаютъ умѣ-

разуму молодыхъ парней, попавшихъ за первое воровство въ ихъ компанію, и опытными дѣльцами выходятъ изъ острога молодые парни, съ грустью разставаясь съ товарищами и учителями своимъ...

Подлѣ тюрьмы города Тура возвышается красивое зданіе Palais de justice. — Зала обвиненныхъ особенно хороша. Стѣны ея украшены портретами во весь ростъ прежнихъ судей города; между ними съ удивленіемъ увидѣлъ я портретъ Наполеона I въ какой-то бѣлой мантии, съ крестами на груди и проч. Портреты и статуи Бонапартовъ преслѣдуютъ путешественника на каждомъ шагу: ихъ много и въ музеѣ городскомъ. Музей заключаетъ въ себѣ до 300 картинъ, между которыми встрѣчаются картины Леонарда-де-Винчи, Carache, Rubens, Véronés и друг. Въ этомъ же зданіи (очень старинной архитектуры), помѣщена коллекція рѣдкостей по естественной исторіи и древностей. — Осматривая эти собранія, не богатые по объему, но составленные съ вниманіемъ и любовью къ дѣлу, мы невольно подумали: отъ чего бы у насъ въ городахъ большихъ и древнихъ не устроились бы подобные музеи? Напр. въ Новгородѣ, Псковѣ сколько находятъ остатковъ древности: монеты, обломки разные, утварь, оружіе, и проч. почему бы все это не собирать, не скупать? Надо помѣщеніе? Но въ губернаторскихъ домахъ всегда можно найти четыре, пять комнатъ совершенно свободныхъ. Не нужно только заботиться о внѣшности: о шкапахъ изъ краснаго дерева, о паркетныхъ полахъ, о коврахъ, парадномъ подъѣздѣ, а то у насъ, на этихъ приготовленіяхъ, на этой внѣшности, все дѣло и останавливается. Я рѣшительно думаю, что нѣтъ ничего легче, какъ завести у насъ по городамъ музеи древностей, даже въ какомъ-нибудь Можайскѣ—этотъ музей скоро бы наполнился; разумѣется при этомъ, какъ и здѣсь дѣлаютъ, не надо брезгать малѣйшимъ черепкомъ какой-нибудь старинной утвари и, за скромную плату, можно бы было получать отъ крестьянъ находимыя ими рѣдкости, а помѣщики присылали бы даромъ!

«Какія удовольствія имѣете вы здѣсь?» спросилъ я работника беззаботно свѣсившаго ноги съ набережной Луары. — «Наши пики» съострилъ оувриегъ, вынимая изо-рта маленькій чубучекъ (носогрѣйку) и выплевывая слюну. — Но онъ съострилъ — не больше. Туръ имѣетъ театр (прежде зданіе церкви), въ который я не пошелъ только потому, что увидалъ на афишѣ: «Бонапартъ въ Венеціи, драма въ 5 актахъ, съ прологомъ и эпилогомъ.» Имѣетъ и циркъ (временный), въ которомъ и я имѣлъ удовольствіе ви-

дѣтъ довольно изрядныхъ для провинціи наѣздницъ и наѣзди-никовъ, кучу паяцовъ кривлявшихся и потѣшавшихъ своими шутками публику, состоявшую на половину изъ блузниковъ. Но любопытнѣе всего, это кофейни — *chantants*. Какъ и въ Орлеанѣ, *актеры* являются здѣсь на подмосткахъ или высококомъ столѣ. Орутъ, поютъ, — но одинъ старикъ особенно поразилъ меня искусствомъ перемежать голоса. Онъ велъ цѣлый разговоръ, — двухъ барышень, старика отца и матери, разговоръ цѣлаго семейства, которое собирается нанять экипажъ и ѣхать кататься за городъ.

Такимъ образомъ послѣдній изъ здѣшнихъ работниковъ, какъ и вездѣ во Франціи, за нѣсколько су проводитъ вечеръ послѣ трудового дня не въ кабацѣ, а сидя за стаканомъ пива или чашкой кофе, слушая въ тоже время свои любимыя нѣсни, или отъ души смѣясь надъ остротами актера. — Въ антрактахъ, онъ беретъ газету.... а кстати, заглянемъ въ здѣшнюю газету *Journal d'Indre-et-Loire*, она издается уже 63-й годъ! Въ первой статьѣ, озаглавленной *Tours*, нѣкто *Ladevéze* поетъ панегирикъ великодушію, храбрости Наполеона, безкорыстію Франціи, радуется, что война эта, *какъ кажется*, приведена къ желаемымъ результатамъ, что всѣ державы приняли и примутъ участіе въ переговорахъ о мирѣ и устройствѣ судьбы Италіи и проч. О томъ же и въ томъ же тонѣ толкуетъ корреспонденція изъ Парижа. Какъ въ парижскихъ, такъ и въ провинціальныхъ газетахъ, политическіе отдѣлы крайнѣ скудны; это хвалебныя гимны правительству. Безпрестанныя *сообщенія* министра зажимаютъ рты желающимъ сказать что-нибудь не въ похвалу Наполеона и нынѣшнему положенію дѣлъ. Если какая газета высказываетъ свое либеральное направленіе, какъ напр. *Le Siècle*, то это дѣлается не прямо, а группировкой извлеченій изъ иностранныхъ газетъ. Впрочемъ, другіе отдѣлы, какъ напр. даже и въ газетѣ города Тура, довольно обстоятельны и любопытны: отчеты разныхъ обществъ, рассказы о происшествіяхъ въ департаментѣ и городѣ; разныя извѣстія изъ прочихъ газетъ; объявленія о свадьбахъ, рожденіяхъ и смерти жителей департамента; статьи медицинскія, метеорологическія мѣстныя наблюденія и проч. Послѣднія наблюденія объявляются отъ здѣшней дирекціи обширнаго ботаническаго сада, устроеннаго при госпиталѣ.

Монастыри, уничтоженные въ первую революцію, оставили во власти города большое собраніе книгъ. Изъ нихъ-то почти во всѣхъ провинціальныхъ городахъ составились публичныя би-

бліотеки. Библіотека города Тура занимаетъ двѣ большія залы въ красивомъ зданіи префектуры. Какъ и въ Орлеанѣ, здѣсь нельзя найти новыхъ изданій, за то между старинными чрезвычайно много книгъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ. Мы бы должны были поговорить о кафедральномъ соборѣ, о старинномъ замкѣ (XII вѣка) обращенномъ нынѣ въ казарму, о *Maiel*, старинныя укрѣпленія котораго нынѣ покрыты превосходными бульварами, но всѣ эти памятники старины мы не-разъ встрѣтимъ въ другихъ городахъ Франціи, почему и закончимъ наше письмо тѣмъ, что мы съ удовольствіемъ видѣли здѣсь на королевской улицѣ памятникъ Декарту.

Нантъ. 7 августа 1859 г.

«Путешественникъ, въѣзжая въ этотъ важный по торговлѣ городъ, удивляется необыкновенной правильности улицъ, обширности площадей, щеголеватости зданій, красотъ набережныхъ, и великолѣпнымъ островамъ, которые возвышаются посреди рѣки».... Такъ говоритъ мой *guide classique*, и вретъ классически. Ни улицъ правильныхъ, ни зданій щеголеватыхъ Нантъ не имѣетъ, а если и имѣетъ, такъ весьма не много. Этотъ городъ, болѣе чѣмъ другіе, по своимъ зданіямъ, своимъ церквямъ, развалившимся монастырямъ — напоминаетъ старину. Особенно громадны его костелы, изъ которыхъ далеко не всѣ реставрированы послѣ громовой первой революціи. Случалось мнѣ видѣть въ Бѣлоруссіи, напр. въ Полоцкѣ, костелы обращенные въ православныя церкви, либо запертые и предоставленные во владѣніе летучимъ мышамъ и другимъ мирнымъ и не мирнымъ животнымъ, но здѣсь, въ странѣ католической, я видѣлъ костелы обращенные въ казармы, музеи, театры, — предъ однимъ изъ костеловъ нантскихъ я долго стоялъ: онъ превосходно сохранился снаружи, двѣ громаднѣйшія статуи святыхъ охраняютъ входъ, а внутри, не болѣе не менѣе, какъ кузница и нѣсколько мѣховъ работаютъ по угламъ, тамъ, гдѣ стояли алтари.. Послѣ уничтоженія нантскаго эдикта, согласитесь, большой шагъ впередъ. И этому никто не удивляется; какая-нибудь старушка не отплеываясь, спокойно проходитъ мимо собора-кузницы въ *Eglise cathédrale Saint-Pierre*, у стѣны которой на бульварѣ пристроилась большая кофейня, гдѣ по вечерамъ поютъ и представляютъ комическія сцены — два-три актера, да три-четыре пѣвицы, почему-нибудь не попавшія въ Парижъ въ Елисейскія-поля и распѣвающія здѣсь куплеты, подъ звуки фортепьяно.

Какъ я уже сказалъ здѣсь много развалинъ, цѣлыя стѣны покрытыя плющомъ и кустарникомъ тянутся вдоль лучшихъ улицъ; въ нишахъ видны статуи мадонны. Предъ ними нельзя не остановиться — въ Парижѣ не увидишь этихъ статуэтокъ, напоминающихъ о религіозности французовъ. Много фабрикъ, заводовъ, много дѣятельности торговой въ Нантѣ, желѣзная дорога пробѣгаетъ даже чрезъ городъ, по набережной. Луары, и поѣзды съ товаромъ, углемъ и т. п. вещами частенько проносятся мимо оконъ моего отеля. Самая Луара — столь скудная водой и богатая превосходными мостами каменными и висячими въ Орлеанѣ и Турѣ — здѣсь принимаетъ еще лучший видъ, въ ней не видать широкихъ отмелей, она развѣтвляется вокругъ острововъ, и широкою лентою вьется между каменными набережными, подъ мостами, выстроенными въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ. У пристаней шумятъ пароходы, по волнамъ безпрестанно рѣютъ длинныя и узкія лодки — на нихъ, ради воскресенья, катаются нантскія красотки, въ очень некрасивыхъ длинныхъ чепчикахъ, которыя сахарными головами торчатъ на ихъ косахъ — это мѣстный головной уборъ. У всякаго моста Maillard (чрезъ который, какъ и въ другихъ городахъ, нельзя пройти, не заплативши одного су) на берегу Луары возвышается старинный замокъ герцоговъ бретанскихъ. Это цитадель прежнихъ, весьма важныхъ укрѣпленій, которыми былъ обнесенъ Нантъ, и на мѣстѣ которыхъ нынѣ разбиты бульвары. Замокъ сохранился превосходно: его зубчатая стѣна, круглыя башни, бастіоны, подъемные на цѣпяхъ мосты, широкіе и глубокіе рвы, на днѣ которыхъ нынѣ спокойно лежатъ копны сѣна, все это невольно привлекаетъ вниманіе путешественника. Замокъ выстроенъ въ 938 году и, съ тѣхъ поръ, былъ перестраиванъ, нѣсколько разъ осаждаемъ и т. д. Нынѣ онъ занятъ артиллерійскимъ депо: въ спальнѣ Аннѣ бретанской — канцелярія, но картины, современный ея портретъ, остаются неприкосновенными. «Вотъ этотъ подвалъ была кухня королевы», замѣтилъ проводникъ указывая на мрачный погребъ, съ четырьмя печами; «а все это зданіе — нынѣшній арсеналъ — былъ дворцомъ королевы. Хотите видѣть нашъ арсеналъ?» Я не отказался. Входя въ обширныя залы бывшаго дворца, я былъ увѣренъ, что немного найду здѣсь оружія, тѣмъ болѣе, что войска еще не распущены послѣ войны въ Италиі. Но я ошибся. Въ трехъ этажахъ, всѣ залы (а ихъ не мало) были наполнены ружьями, штуцерами, тесаками, палашами, уланскими пиками. Сторожъ, самъ солдатъ, съ видимымъ удовольствіемъ хвалился

своими ружьями, которые берутъ отъ тысячи двухсотъ до тысячи пятисотъ метровъ, обращалъ мое вниманіе на арматуры изъ оружія, весьма красиво сдѣланныя по стѣнамъ и угламъ, на то, въ какой чистотѣ сохраняется все, подносила мнѣ длинныя ружья, даренныя королямъ въ разное время, разнымъ войнамъ города Нанта. Весь дворъ замка наполненъ пушками и мортирами большихъ калибровъ для береговыхъ батарей, бомбы и ядра красивыми пирамидами подымаются у стѣнъ и башенъ. Одна изъ башенъ открыта не болѣе какъ три года: половина ея была засыпана землей, почему-то понадобилось убрать эту землю и, отрывая ее, нашли небольшой дворикъ и три хорошія комнаты съ каминами и стѣнными украшеньями въ башнѣ. Ужъ не здѣсь ли сидѣлъ кардиналъ Retz, которому удалось обмануть бдительность стражи замка и уйти изъ каземата, куда былъ посаженъ Людовикомъ XIV?

Понятіе о герцогскомъ замкѣ было бы не полно, если бы провожатый не показалъ мнѣ сырыхъ, мрачныхъ и узкихъ казематовъ съ остатками цѣпей по стѣнамъ. Безъ этихъ отдѣленій не существовали, а, можетъ-быть, и не существуютъ никакіе замки.

Музей картинъ здѣсь несравненно богаче и обширнѣе, нежели въ Турѣ или Орлеанѣ. Убранъ прекрасно. И во-всѣхъ восьми залахъ не видать ни одного портрета или статуи Бонапартовъ. «Эта провинція, замѣтилъ сторожъ, всегда оставалась вѣрна Бурбонамъ. Здѣсь еще много богатыхъ людей принадлежащихъ къ этой партіи. Я самъ служилъ пять лѣтъ въ конвоѣ императора и никогда не кричалъ *Vive l'empereur!*....

Не смотря на то, что въ залахъ никого не было, отчаянный бурбонистъ говорилъ шепотомъ — навелъ же страхъ на своихъ подданныхъ «величайшій бандитъ нашего времени». Огорченный тѣмъ, что не увидѣлъ здѣсь портрета его, я утѣшился предъ превосходными картинами Мурильо: «Слѣпой старикъ, сидящій на камнѣ» и «Старикъ, наливающій красное вино». Вообще нантскій музей богатъ замѣчательными произведеніями Ribero, Carache, Леонарда-де-Винчи, Ребрандта, Сальватора Розы, Рубенса и друг. Особенно хороша коллекція картинъ, поступившихъ въ музей по завѣщанію duc de Feltré.

Музей археологическій занимаетъ здѣсь большую залу въ одномъ изъ костеловъ, обращенномъ въ первую революцію въ

фуражный магазинъ. Въ немъ много любопытныхъ памятниковъ римскаго владычества: утвари, монеты, статуи, даже обломки и цѣлыя колонны деревянныхъ зданій, бывшихъ встарину. Между ними находится карнизъ послѣдняго деревяннаго дома, бывшаго въ Нантѣ; превосходный экземпляръ египетской муми, подаренный однимъ изъ жителей и проч. Предъ церковнымъ подъѣздомъ музея, въ концѣ бульвара, на площади, возвышается колонна изъ простаго камня, колонна *свободы*, увѣнчанная статуей *Людовика XVI-го* (!). Остальные памятники посвящены памяти Анны бретанской, и разнымъ владѣтелямъ Нанта 14-го и 15-го вѣка. Но лучшая часть города не бульвары и набережныя, а площадь нантскаго театра. Зданіе театра, выстроенное еще въ прошедшемъ столѣтіи, украшено колоннами, статуями — вся площадь обставлена ресторанами и отелями, тамъ красивыя зданія: биржа, префектура, библіотека публичная, пассажъ — мѣстный палерояль съ магазинами и цѣнами выше обыкновенныхъ, тутъ же гульбище *Cours Napoléon*, окруженное прекрасными домами и украшенное бронзовою статуей генерала *Cambronne*, волонтера 1792 года и генерала наполеоновской арміи. Статуя того же генерала украшаетъ музей города, симметрируя съ бюстомъ генерала, павшаго въ 1849 году на парижскихъ барикадахъ. Но имена этихъ героевъ порядка какъ-то не долго удерживаются въ памяти, почему я и забылъ это имя... Дилижансъ отправляется въ Ла-Рошель. Тороплюсь ѣхать, оставляя желающихъ прочитать о достопримѣчательностяхъ Нанта *въ 15-ти сочиненіяхъ*, поименованныхъ въ разныхъ каталогахъ. — Ужъ не исторія ли Витебска или Могилева имѣютъ у насъ такъ много сочиненій?

М.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Дама-промышленница. — Приятныя минуты и разочарованіе. — Чуть-чуть не наводненіе. — Мысль объ уничтоженіи извозничьей таксы. — Новое общество. — Вольнодумство и остроуміе. — Предложеніе одного почтеннаго члена, касающагося творца «Роберта» и «Гугенотовъ». — Опоздавшее лѣто и поторопившіеся дачники. — Темныя вечера. — Излерь и К°. — Хоръ Малышева въ Екатерингофѣ. — Небольшое, но поучительное правоученіе. — *Пей, подь ножомъ Прокота Янукова!* — Происшествіе, извините, въ поимойной ямѣ. — Улей въ будущемъ — Банковое и торговое общество. — Праздникъ въ честь г. Вебба. — Столѣтіе Шиллера и... немножко біографіи. — Будущее празднество. — Сень-Леонъ, Жюль-Жаненъ и Розатти. — Составъ итальянской труппы. — Свѣдѣніе, почерпнутое изъ иностранной газеты. — Истинное происшествіе.

Place aux dames!

Вашу руку, сударыня; позвольте представить васъ читателямъ в читательницамъ «Русскаго слова». Не конфузьтесь, сударыня, вы заслуживаете извѣстность.

Mesdames! передъ вами вдова, имя и отчество не имѣю удовольствія знать; одѣвается она бѣдно и грязно, наружности довольно жалкой; на лѣвой рукѣ носитъ ридикюль, правую — водить маленькую дочь, лѣтъ десяти. Все это, покуда, представляетъ мало интереса; но, неудобно ли вамъ прислушать. Знаете ли вы, какими средствами живетъ, по-видимому, скромная дама? Конечно нѣтъ; а тутъ-то и заключается весь интересъ.

Предположимъ, что супругу вашему, котораго вы такъ любите, понадобились деньги — это случается часто. Цѣлая стая такъ называемыхъ факторовъ является къ вашему супругу съ предложеніемъ своихъ услугъ; но, увы! трудно воспользоваться этими услугами. Во-первыхъ, является довольно неприятный вопросъ о залогѣ; во-вторыхъ, рѣчь о безконечно-крупныхъ процентахъ; въ-третьихъ, безсовѣстно неумѣренное требованіе *куртажа*; въ-четвертыхъ, откладываніе со дня на день; въ-пятыхъ, требованіе денегъ на извозчика, въ-шестыхъ.... но, вѣдь это очень длинная исторія... Супругъ вашъ въ отчаяніи; это конечно тревожитъ и васъ. Вы безпрестанно спрашиваете:

— Ну, что, мой другъ, какъ дѣло?

И безпрестанно получаете одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Водятъ за носъ; обѣщаютъ и ничего не дѣлаютъ.

Положеніе весьма непріятное и, вдругъ, въ одну прекрасную минуту, человѣкъ докладываетъ вашему супругу:

— Какая-то дама желаетъ васъ видѣть.

Супругъ вашъ нѣсколько сконфуженъ; вы смотрите на него вопросительно.

— Какая дама? спрашиваетъ вашъ супругъ.

— Не могу знать — отвѣчаетъ человѣкъ — фамилію онѣ не скажутъ; доложи, говорятъ, что желаю видѣть ихъ, по дѣлу.

— Проси — рѣшаетъ, наконецъ, вашъ супругъ.

Является та прелестная дама, которую я имѣлъ уже честь представить вамъ, съ малюткой дочерью.

— Я слышала, говоритъ она вашему супругу, — что вамъ нужны деньги.

— Да, — отвѣчаетъ вашъ супругъ, подозрительно осматривая грязный и истрепанный нарядъ странной посѣтительницы.

— Много ли вамъ нужно?

— Очень много, сударыня.

— Да вы, батюшка, не глядите, что я не разряжена.. вы, можетъ-быть, думаете, что у меня и денегъ-то нѣтъ... напрасно, вотъ, извольте взглянуть..

Изъ ридикюля вытаскивается пачка ломбардныхъ билетовъ. Супругъ вашъ смотритъ и глазамъ своимъ не вѣритъ: билетъ въ пять тысячъ, въ восемь тысячъ, въ пятнадцать и т. д.

— Садитесь, сударыня, говоритъ вашъ супругъ, вотъ здѣсь на диванѣ вамъ будетъ покойнѣе.

— Присяду, присяду, признаться сказать — устала.

— А это ваша дочь?

— Да, батюшка, моя, моя.

— Какая мнеленькая дѣвочка.

— А вы женаты?

— Женатъ.

— Такъ вы бы, батюшка, познакомили меня съ вашей супругой; она меня чайкомъ угоститъ, а мы съ вами о дѣлѣ поговоримъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Вы, по неотступной просьбѣ вашего супруга, знакомитесь, дѣлать нечего, съ странной дамой, которая хочетъ помочь вамъ въ затруднительномъ положеніи; подаютъ чай; малюткѣ принесли конфетъ; супругъ вашъ подарилъ ей три рубли серебромъ на игрушки; все прекрасно, дѣло кончается очень скоро, супругъ вашъ послѣ завтра получить деньги, за самые умѣренныя, чуть-

чуть не законные, проценты. Странная дама напилась и наѣлась и оставила васъ въ самомъ отличномъ расположеніи духа. Что можетъ быть пріятнѣе надежды получить деньги? Вы мечтаете о нѣкоторыхъ покупкахъ. Вы становитесь даже нѣсколько нѣжнѣе къ вашему супругу, такъ-что и онъ, развеселившись, шутить съ вами.

— А что, мой другъ, ты желала бы такую дочь, какъ у этой дамы.

— Да — отвѣчаете вы, потупляя глазки.

Боги! какія пріятныя минуты!... Но, увѣ! нерѣдко въ кустѣ прекрасныхъ розъ скрывается ядовитая змѣя, подъ пріятными надеждами скрывается разочарованіе. Всѣ надежды ваши и мечты — мыльные пузыри!

— Это какъ? спросите вы.

Очень просто: прелестная дама эта находитъ, что ѣздить по Петербургу, предлагая деньги и никогда ихъ не давая, а между тѣмъ напиваться и наѣдаться на чужой счетъ, приобрѣтать, если случится, небольшія деньжонки посредствомъ дочери — выгодно и пріятно. Откуда у этой прелестной дамы деньги — это мнѣ неизвѣстно; но за достовѣрность всего рассказаннаго здѣсь мнѣ ручались лица, которымъ я охотно вѣрю. Какъ вамъ нравится эта мелкая промышленность съ большимъ капиталомъ?...

О! Петербургъ, Петербургъ! не даромъ ты чуть-чуть не подвергся недавно наводненію. Это было въ концѣ іюля, того самаго іюля, который походилъ на сентябрь и такъ напугалъ петербургскихъ дачниковъ. Прелестное петербургское небо до того нахмурилось, что на улицѣ стало темно; отвратительнѣйшій дождь и сильнѣйшій вѣтеръ дополняли наслажденіе тѣхъ, кому судьба не дала собственныхъ экипажей и принудила къ ежедневной прогулкѣ. Нева поднялась и забурлила; поднялась такъ, что пароходы должны были прекратить рейсы; извозчики, разумѣется, попрятались. Со времени установленія таксы они стали необыкновенно нѣжны и дурной погоды не выносятъ. Говорятъ, это тронуло, кого слѣдуетъ, и породило мысль уничтожить неудавшуюся благодѣтельную мѣру. Рядомъ съ этою мыслью, родилась и другая — составляетъ (Богъ его знаетъ составится-ли?) общество намѣревающееся завести публичныя экипажи, со многими удобствами для обитателей столпцы, этихъ терпѣливыхъ мучениковъ во многихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ есть надежда, что со временемъ пзвозчики будутъ лишены удовольствія издѣваться надъ почтенною петербургскою публикою. Пошли Господи!...

Затѣй у насъ много въ настоящее время, и, если хоть половина ихъ осуществится, будетъ не дурно. Я умѣренъ въ желаніяхъ; мнѣ стало даже страшно, когда на дняхъ я прочелъ въ «Сѣверной Пчелѣ» крайне-неумѣренное желаніе, чтобъ у квартиры квартальнаго надзирателя былъ вывѣшенъ зеленый фонарь, по той, кажется, причинѣ, что зеленый цвѣтъ означаетъ надежду, а у квартиры частнаго врача — красный, потому-де, что первымъ привѣтомъ врача бываетъ: покажи языкъ! Согласитесь, что это хоть и остроумно, но вольнодумно; удивляюсь какъ это пропущено ценсурою. Тутъ радъ былъ бы, чтобы хоть простые фонари горѣли по-ярче; а Сѣверная Пчела требуетъ зеленый фонарь къ квартирѣ надзирателя и красный — къ квартирѣ частнаго врача и еще острить — бойко, очень бойка.

Остроуміе «Сѣверной Пчелы» напоминаетъ мнѣ очень забавное происшествіе. Въ одномъ городѣ ремесленники составили клубъ. Понадобилось завести оркестръ музыки и, разумѣется, капельмейстера. Одинъ изъ членовъ клуба, обратился къ двумъ бѣднымъ музыкантамъ, проживающимъ у него въ домѣ.

— Скажите, господа, не знаете ли вы, гдѣ бы можно было достать капельмейстера; сегодня у насъ будетъ совѣщаніе по этому дѣлу и мнѣ хотѣлось бы предложить съ своей стороны капельмейстера.

— Знаемъ — отвѣчаютъ ему музыканты — въ Берлинѣ живетъ одинъ очень хорошій капельмейстеръ, его можно пригласить.

— Поѣдетъ?

— Поѣдетъ, если попросить хорошенько.

— Кто онъ? назовите мнѣ его, только на-ухо, чтобы кто-нибудь не подслушалъ.

Музыканты исполнили желаніе почтеннаго члена. Въ назначенное время въ клубѣ открылось совѣщательное собраніе. Много было сдѣлано различныхъ предложеній, но нашъ знакомецъ торжественно сказалъ собранію.

— Позвольте, господа, замѣтить, что всѣ ваши предложенія въ подметки (онъ былъ сапожникъ) негодятся моему; я предлагаю отличнѣйшаго капельмейстера, проживающаго въ Берлинѣ.

Когда собраніе спросило:

— Кого это?

Отд. III.

8½

Членъ-сапожникъ отвѣчалъ:

— Г. Мейербера!...

Собраніе замѣтило:

— Мы такого не знаемъ?

Членъ-сапожникъ сказалъ:

— Онъ очень хорошей музыкантъ; онъ написалъ французскую кадрили изъ «Сѣверной Звѣзды».

Собраніе рѣшило:

— Можно пригласить.

Тогда старшина объявилъ:

— Г. Мейерберъ дѣйствительно очень хорошей музыкантъ; но знаете-ли вы, господа, сколько онъ получаетъ годового жалованья.

Господа отвѣчали:

— Нѣтъ, не знаемъ.

Старшина сказалъ:

— Около двадцати тысячъ рублей, которые онъ отдаетъ бѣднымъ музыкантамъ.

Собраніе было озадачено, а членъ-сапожникъ сильно сконфузился.

Не менѣе этого почтеннаго члена сконфузились въ нынѣшнемъ году, весьма многие, если не всѣ петербургскіе дачники. Причиною этому послужило опоздавшее лѣто; пропустивъ іюнь и іюль оно явилось въ августѣ, т. е. какъ разъ тогда, когда промокшіе и продрогшіе дачники, проклиная погоду и дачи, перенбрались въ городъ. Какъ-бы посмѣиваясь надъ поторопившимися дачниками, погода стоитъ прекрасная; темные вечера покровительствуютъ блистательнымъ фейерверкамъ, великолѣпнымъ иллюминаціямъ и тѣмъ пріятнымъ прогулкамъ, которыми восхищаются петербургскія горничныя, ловкіе писаря и другая неблагоразумная молодежь.

Благодаря этимъ же темнымъ и теплымъ вечерамъ ожили Иванъ Ивановичъ Излеръ и другіе увеселители петербургскаго человѣчества. Снова раздались вальсы и польки, заиграли евреи, заплѣли тирольцы, беарнцы и цыгане....

Кстати, недавно одинъ изъ моихъ пріятелей указалъ мнѣ гулянье, о которомъ я, до-сихъ-поръ, имѣлъ по слухамъ самое слабое понятіе.

— Бывалъ-ли ты въ Екатерингофъ? спросилъ меня пріятель.

— Нѣтъ; да, полагаю, не за чѣмъ туда и ѣхать, тамъ, кажется, кромѣ пѣсенниковъ и очень плохой музыки, ничего нѣтъ.

— Ошибаешься.

— Что же тамъ?

— Поѣдемъ и увидишь.

— Дѣло будетъ гораздо проще, если ты расскажешь.

— Нѣтъ, ты долженъ ѣхать, хотя бы въ наказаніе за то, что пишучи фельетонъ, не знаешь гульбища, на которомъ есть кое-что оригинальное и новое.

Новое и оригинальное? думалъ я — быть не можетъ.

— Ёдемъ, ёдемъ, настаивалъ пріятель, и вотъ мы въ Екатерингофъ. За входъ берутъ съ насъ по 30-ти коп., объявляя, что билеты наши имѣютъ въ буфетѣ цѣну 20-ти коп. каждый. И такъ входъ стоитъ только гривенникъ и за этотъ гривенникъ предлагаются слѣдующія наслажденія: плохой оркестръ музыки въ крошечномъ саду, освѣщенномъ (не сильно) разноцвѣтными фонариками; хоръ пѣсенниковъ, подъ управленіемъ Молодцова; туманныя картины, весьма незавидныя; хоръ и оркестръ арфистокъ и арфистовъ; иногда фейерверкъ и, наконецъ, это лучше всего, хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ, подъ управленіемъ ловкаго и даровитаго Николая Малышева. Два слова объ этомъ хорѣ: онъ состоитъ изъ шести женщинъ и, кажется, изъ шести же мужчинъ; репертуаръ пѣнія тотъ же, что и у цыганъ. Хоръ этотъ поетъ очень согласно и хорошо; но жаль, что онъ слишкомъ малъ; такимъ образомъ начальнику хора Николаю Малышеву, его брату Степану и примадоннѣ Машѣ, очень красивой дѣвушкѣ, приходится тяжело. Весь успѣхъ лежитъ на этихъ трехъ голосахъ; весь успѣхъ зависитъ отъ этихъ трехъ дарованій. Подобный хоръ совершенная новость у насъ и, признаюсь, я слушаю его съ большимъ удовольствіемъ. Самъ Малышевъ чрезвычайно любезный и обязательный малый; цыганскаго попрыгайства нѣтъ и въ поминѣ. Маша и братья Малышевы поютъ съ большимъ вкусомъ и умѣньемъ; хоръ поддерживаетъ ихъ дружно и стройно. Нельзя не пожалѣть, что эта первая попытка чисто русскихъ, доморощенныхъ артистовъ, появляется въ такомъ темномъ мѣстѣ, какъ Екатерингофъ; ей нужно было бы болѣе приличную обстановку. Екатерингофская публика не отличается особенною фешенебельностью и тонкостью музыкальнаго вкуса; слѣдовательно она могла бы обойтись и безъ Малышева.... Я очень благодаренъ доброму пріятелю, указавшему мнѣ этотъ хоръ; хѣтописецъ петербургской жизни долженъ по бывать вездѣ и воздать каждому по заслугамъ: идетъ ли дѣло о малозвѣстныхъ гуляньѣхъ или о той яркой безцеремонности и

неисправности, которыми щеголяетъ, наиримѣрь, содержатель ресторана въ Павловскѣ.

Если случится такое обстоятельство, о которомъ нельзя сказать прямо, а надо, — тогда фельетонистъ слѣдуя модѣ, можетъ говорить такъ, наиримѣрь: «Въ одинъ городъ пріѣхало очень важное лицо, въ родѣ министра, и между прочимъ, сказало собравшимся къ нему младшимъ чинамъ слѣдующее:

— Господа! поздравляю васъ, штаты усилены. Вы будете получать теперь болѣе жалованья; надѣюсь, что и усердіе ваше возрастетъ соотвѣтственно увеличившемуся содержанию.

— Не безпокойтесь, ваше... (титულъ *ad libitum*), я теперь съ ними уже не стану церемониться — доложилъ мѣстный начальникъ.

Нравоученіе: усиленіе штатовъ дѣйствуетъ на многихъ весьма благотворно, и поощряетъ ихъ къ усердію. Чего, въ-самомъ-дѣлѣ, церемонится, коли прибавлено жалованье!

Кстати о безцеремонности; — фактъ *веселенькій*, по выраженію одного остроумника. Вы, конечно, слышали, что въ Петербургѣ составилось *новое* общество освѣщенія города газомъ. Старое, испуганное вѣроятно предстоящею конкуренціею, поступило, говорятъ, очень мило и совершенно безцеремонно. Каждому, пользующемуся теперь газомъ, оно предложило подписать условіе: брать газъ по прежнему, т. е. отъ *старою* общества въ теченіе *десяти лѣтъ*; или мы, т. е. старое общество, не дадимъ больше газа, сидите въ потьмахъ и ждите *новаго* общества. Это напоминаетъ одну, очень извѣстную фразу, которую режутъ обыкновенно провинціальныя трагики:

— Пей, подъ ножомъ Прокопа Ляпунова!...

Жаль разстаться съ старымъ газовымъ обществомъ, и потому расскажу печальное происшествіе, случившееся, извините... въ помойной ямѣ... въ большой мѣщанской, близъ ломбарда. Рассказъ будетъ не длиненъ; все дѣло въ томъ, такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ, что какъ-то нечаянно, а можетъ быть и нарочно, испорчена газовая труба, проходившая подлѣ помойной ямы. Въ продолженіи извѣстнаго времени, въ ямѣ накопился газъ, и когда явились туда, т. е. въ помойную яму, съ прекраснымъ намѣреніемъ вычистить ее, явились съ фонаремъ — газъ вспыхнулъ, и произошелъ взрывъ. Во-многихъ окнахъ стекла разлетѣлись въ дребезги; гдѣ-то, тутъ же въ мѣщанской, этимъ взрывомъ была изволнована чрезвычайно веселая кадрили. Такимъ образомъ намѣреніе ловкихъ кавалеровъ и, вѣроятно, пре-

лестныхъ дамъ повеселиться разстроилось, не сбылись ихъ надежды.

Сбудутся ли, наконецъ, и наши? Вотъ уже очень долго слышимъ мы, о прекрасномъ намѣреніи, позаботиться о помѣщеніи бѣдныхъ ремесленниковъ, а исполненія нѣтъ какъ нѣтъ. Опять заговорили объ учрежденіи, съ этою цѣлью, общества, принесли ему даже фирму «Улей» (очень хорошая фирма), но когда этотъ улей принесетъ ожидаемые соты — никому не извѣстно.

Говорять и даже пишутъ, еще объ одномъ новомъ учрежденіи, объ учрежденіи главнаго банковаго и торговаго общества. Мысль принадлежитъ иностранцамъ, этимъ насъ не удивишь, имъ же предоставлено право привести ее въ исполненіе. Хорошо это, или дурно — можетъ рѣшить самъ глубокомысленный читатель....

Въ прошломъ фельетонѣ, я говорилъ о великолѣпномъ фрегатѣ «Генераль Адмираль;» вотъ нѣсколько словъ о празднествѣ, въ честь его строителя, американца г. Вебба:

16 іюня, въ домѣ нашего консула, полковника Кросвеля, собрались американскіе граждане, проживающіе въ Петербургѣ, чтобы привѣтствовать г. Вебба, строившаго фрегатъ «Генераль-Адмираль». — Предсѣдатель собранія, г. Принцъ, въ рѣчи, имъ произнесенной, выразилъ свое уваженіе къ дарованію г. Вебба, и предложилъ собранію избрать комитетъ для составленія резолюціи. Члены комитета, гг. Вистнеръ, Гудакъ и капитанъ Стопъ, представили слѣдующую резолюцію, единогласно утвержденную собраніемъ:

«Мы искренно привѣтствуемъ знаменитаго кораблестроителя В. Г. Вебба, и поздравляемъ его съ славнымъ произведеніемъ великолѣпнаго фрегата «Генераль-Адмираль,» представляющаго полное торжество морской науки. Успѣхи его генія въ механикѣ мы почитаемъ предметомъ большой важности для коммерціи, и справедливо можемъ гордиться нашимъ землякомъ, котораго искусство поставило на ряду съ первѣйшими кораблестроителями нашего времени. Въ отличномъ превосходствѣ механизма фрегата «Генераль-Адмираль» мы съ гордостію и удовольствіемъ видимъ подвигъ американскаго искусства и наукъ, — подвигъ, который служитъ не только къ благоденствію торговли, но также къ чести и славѣ нашего отечества. Равномѣрно привѣтствуемъ и нашего земляка, отличнаго командира пароходовъ, капитана Іосифа Комстока, и искренно поздравляемъ его съ мастерскимъ искусствомъ, доказаннымъ имъ, какъ при многочисленныхъ прежнихъ случа-

яхъ, такъ и нынѣ, тѣмъ, что онъ благополучно привелъ къ здѣшнему порту лучшее произведеніе американскаго кораблестроительнаго искусства».

Г. Веббъ и капитанъ Комстокъ, благодарили собраніе за честь имъ оказанную. Потомъ г. Гудакъ и г. Баконъ, секретарь посольства, также произнесли, не менѣе любезныя и краснорѣчивыя рѣчи.

По окончаніи засѣданія былъ данъ великолѣпный обѣдъ.

Такъ какъ дѣло пошло уже о новостяхъ серіозныхъ, то, чтобы не портить впечатлѣнія, остаюсь на той же дорожкѣ.

10 ноября (29 октября), исполнилось столѣтіе со дня рожденія Шиллера. По этому случаю, приготовляются празднества, какъ въ самой Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, населенныхъ нѣмцами, и вообще поклонниками великаго поэта. Въ Филадельфіи книгопродавцы Шеферъ и Кораді, намѣрены издать альбомъ подъ названіемъ: «Schiller-album,» куда войдутъ стихотворенія и статьи написанныя по этому случаю въ Америкѣ. Въ Россіи эта мысль нашла себѣ также сочувствіе. Москва первая подаде примѣръ. Перепечатаваю письмо, помѣщенное въ № 166 С. Петербургскихъ вѣдомостей.

«9 мая въ день кончины Шиллера, съ разрѣшенія городского начальства, происходило собраніе, на которомъ положено было: испросить, чрезъ г. московскаго военнаго генералъ-губернатора, Высочайшее разрѣшеніе—ознаменовать память 29 октября 1859 года, не только по-возможности, изящнымъ празднествомъ, приличнымъ пмени и значенію Шиллера, т. е. музыкальнымъ или драматическимъ представленіемъ и торжественнымъ обѣдомъ, но, сверхъ того, основаніемъ благотворительнаго учрежденія въ Москвѣ на вѣчныя времена и отиравленіемъ въ честь и воспоминаніе Шиллера, приличнаго дара въ Марбахѣ, мѣсто его рожденія.»

Означенное благотворительное дѣло въ Москвѣ будетъ состоять въ основаніи капитала, на проценты котораго, не менѣе 600 руб. сер. въ годъ, предполагается отправлять на 2 года за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, поочередно, изъ медицинскаго и историко-филологическаго факультетовъ, одного лѣкаря или одного кандидата, окончившаго съ похвалою курсъ въ московскомъ университетѣ, нѣмецкаго происхожденія, состоящаго въ русскомъ подданствѣ, и подающаго основательныя надежды въ будущемъ, быть, своимъ образованіемъ и приобрѣтен-

ными свѣдѣніями, полезными слугою государства и науки. Кромя этой стипендіи, въ даръ и воспоминаніе городу Марбаху, предполагается, для церкви, въ которой крещенъ Шиллеръ, вылить колоколъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, по образцу стоящаго въ московскомъ кремлѣ большого колокола, съ приличными украшеніями (вѣроятно, въ связи съ извѣстнымъ стихотвореніемъ Шиллера: «пѣсня о колоколѣ»). Надо полагать, примѣръ Москвы вызоветъ подражаніе какъ петербургскаго нѣмецкаго общества, такъ и всѣхъ нѣмцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи; и не только нѣмцевъ, а и русскихъ, потому что Шиллеръ «*поэтъ чужеземства, по преимуществу.*» Считаю не лишнимъ напомнить въ краткомъ очеркѣ біографію великаго поэта Германіи.

Иоганнъ-Христофъ-Фридрихъ фонъ-Шиллеръ, родился 10 (по другимъ 11) ноября, н. ст., 1759 года въ Марбахѣ, виртембергскомъ городкѣ на Некарѣ. Его отецъ Иоганнъ-Гаспаръ Шиллеръ, былъ надзирателемъ садовъ княжескаго увеселительнаго замка «Solitude;» мать — дочь хлѣбника изъ Кодвейса, очень добрая женщина. Первымъ наставникомъ Шиллера-ребенка былъ приходской священникъ Мозеръ; съ 1773 г. онъ началъ посѣщать тамошнее латинское училище. Не со всѣми по волѣ родителей былъ онъ зачисленъ въ томъ же въ 1773 году въ воспитанники военнаго института герцога Карла, въ Виртембергѣ. Шиллеръ, чтобъ послушаніемъ не повредить родителямъ, промѣнялъ богословію на юриспруденцію, въ которой оказалъ, впрочемъ, мало успѣховъ. Поэтическое чувство въ немъ пробудили: Гомеръ, Виргилій, оды Клопстока, Уголно Герстенберга, Гецъ фонъ-Берлихингенъ — Гёте, и особливо Шекспиръ. Около этого времени, онъ написалъ двѣ драматическія пьесы «Нассаускій студентъ,» «Косма Медичи,» преданныя имъ впоследствии сожженію. Когда въ 1775 г. военный институтъ, переименованный въ академію, съ присоединеніемъ къ нему медицинскаго отдѣленія, былъ переведенъ въ Штудгардъ, Шиллеръ началъ заниматься медициной, а потомъ преимущественно исторіей. Поэтическое призваніе и здѣсь не оставляло его. Онъ создалъ здѣсь «Разбойниковъ,» напечатанныхъ уже въ 1781 г.; по выходѣ его изъ академіи. Драма эта возбудила большое сочувствіе; но Шиллеръ принужденъ былъ бѣжать изъ Штудгарта, потому что жители кантона Граубинденъ, избраннаго мѣстомъ дѣйствія драмы, оскорбленные, жаловались герцогу. Въ мѣстечкѣ Бауербахѣ, куда бѣжалъ Шиллеръ, въ сопровожденіи своего друга Штрейхера, онъ написалъ «Коварство и любовь» и «Фіэско», въ Мангеймѣ, въ 1783

году издалъ онъ «Rheinische Thalia», и работалъ надъ «Донъ-Карлосомъ,» оконченнымъ уже въ 1785 г. въ Саксоніи, въ помѣстьѣ Кернера, близъ Дрездена. Въ Веймарѣ, въ 1787 г., онъ сошелся съ Гердеромъ и Виландомъ, (Гёте былъ тогда въ Итали). На пути изъ Веймара въ Рудольфштадтъ, онъ познакомился съ госпожею Шарлотою Ленгфельдъ, съ которою сочетался бракомъ въ 1790. Чрезъ ходатайство Гёте, котораго Шиллеръ увидѣлъ въ первый разъ въ Рудольфштадтѣ въ 1789 г., онъ получилъ мѣсто профессора философіи въ Йенѣ. Здѣсь, въ томъ же году, были переведены имъ изъ Эврипида: «Ифигенія въ Авлидѣ» и «Финикійянки.» Съ 1791 года онъ принялся за собраніе мемуаровъ съ XII столѣтія до новѣйшихъ временъ. Но сильная грудная боль, которую онъ почувствовалъ съ 1791 г., привела его здоровье въ такое разстройство, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ всевозможныхъ занятій. Кронпринцъ датскій и графъ Шиммельманнъ, назначили ему 1000 талеровъ ежегоднаго пенсіона до его выздоровленія. Едва Шиллеръ почувствовалъ малейшее облегченіе, какъ снова съ неутомимымъ прилежаніемъ, принялся за изученіе философіи Канта. Въ 1793 г. появилась исторія тридцатилѣтней войны (неоконченная). За тѣмъ слѣдовалъ рядъ драматическихъ произведеній. «Валленштейнъ» (1800), «Марія Стюартъ» (1801), «Орлеанская дѣва» (1802), «Мессинская невѣста» (1803) и Вильгельмъ Телль (1804). Возвратясь лѣтомъ 1804 изъ Берлина, гдѣ давали его Вильгельма Телля, Шиллеръ почувствовалъ легкую боль въ груди, но скоро опять выздоровѣлъ. Болѣзнь, однакожь, снова возвратилась почти черезъ годъ, и 9 мая (н. ст.) 1805 г. Шиллера не стало.»

По случаю наступающаго совѣршеннолѣтія Государя Наслѣдника, 8-го сентября приготавлиются празднества и иллюминаціи. Изъ Парижа выписанъ для этого г. Годилью. Говорятъ, что цѣлый корабль съ декораціями, украшавшими Парижъ въ день именинъ Наполеона III, идетъ въ Петербургъ. На царцыномъ лугу будутъ балаганы, музыка и тысячи другихъ, подобныхъ наслажденій. Подождемъ и увидимъ!.....

Къ числу будущихъ удовольствій можно отнести пріѣздъ сюда извѣстнаго парижскаго балетмейстера Сен-Леона, того самаго, о которомъ князь фельетона сказалъ:

— Это первый танцоръ между скрипачами и первый скрипачъ между танцорами.

Онъ ставитъ балетъ «Жовита», въ которомъ будетъ дебю-

тировать новая танцовщица Розати — прелестная изъ прелестнѣйшихъ, говорить любезные парижскіе фельетонисты.

Составъ итальянской оперы почти тотъ же, что въ прошломъ году. Новые субъекты ангажированные дирекціею императорскихъ театровъ: г-жи Брамбилла, Лагруа, Шартонъ-Демеръ, кантральто — Нанье-Дидье, баритонъ — Джирольдони; бассъ-буффо — Росси, такъ давно не бывший въ Петербургѣ, также присоединится къ нимъ. Господь вѣдаетъ, что выйдетъ изъ этихъ новыхъ гостей?.....

Къ величайшему удивленію вотъ что прочелъ я въ «le Nord» о благотворительномъ заведеніи для дѣтей, существующемъ у насъ въ Петербургѣ:

«Одинъ изъ членовъ этого общества, — пишетъ корреспондентъ газеты «le Nord»,— доставилъ мнѣ удовольствіе осмотрѣть новое заведеніе. Приѣхавъ въ маленькую улицу недалеко отъ таврическаго сада, мы вошли въ домъ скромной наружности. Старый унтеръ-офицеръ — морякъ встрѣтилъ и впустилъ насъ. Заведеніе состоитъ изъ 4 комнатъ: передней, двухъ классныхъ и послѣдней, въ которой помѣщаются маленькая бібліотека и всѣ необходимыя принадлежности для училища. Въ три часа стали появляться, одинъ за другимъ, ученики — дѣти отъ семи до двѣнадцати лѣтъ. Всѣ они были дѣти бѣдныхъ чиновниковъ, отставныхъ военныхъ, ремесленниковъ, мѣщанъ, унтеръ-офицеровъ, однимъ словомъ,—всѣхъ сословій и во всевозможныхъ костюмахъ, начиная съ курточки до русской рубашки. Они поклонились намъ, каждый по своему, и начали играть. Черезъ нѣсколько минутъ, въ комнату вошелъ молодой офицеръ въ мундирѣ корпуса инженеровъ; дѣти вдругъ прекратили игру и подошли къ нему съ вѣжливымъ поклономъ. Молодой человѣкъ обласкалъ однѣхъ и привѣтливо поговорилъ съ другими. Я спросилъ, кто онъ?—Мнѣ отвѣчали: субъ-инспекторъ классовъ. Скоро вошли въ комнату еще три лица: поручикъ гвардейской артиллеріи, инженерный офицеръ и молодой человѣкъ въ статскомъ платьѣ, безукоризненно одѣтый. (Послѣ я узналъ, что сей послѣдній служитъ въ сенатѣ и что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ училища правовѣдѣнія). Я обратился къ одному изъ дѣтей съ распросами о пришедшихъ... Вотъ этотъ, отвѣчали они, указывая на артиллериста, учитель азбуки въ первомъ классѣ, этотъ (указывая на статскаго) учитель чистописанія во второмъ классѣ, а тотъ—учитель рисованія.» Въ это время дверь отворилась и вошелъ

полковникъ гвардейской артиллеріи, полусѣдой; дѣти бросились къ нему. «А это кто? — Это инспекторъ и нашъ учитель исторіи, отвѣчалъ мальчикъ. — Удивленіе мое возрастало, но это еще не все. У крыльца остановился прекрасный экипажъ, и въ комнату вошли двѣ изящно одѣтыя дамы. «Кто это?» спросилъ я. — Это наши директорши, отвѣчалъ мой маленькій сосѣдъ. Дамы начали разговаривать съ дѣтьми, распрашивать ихъ о занятіяхъ, о родителяхъ, ласкать ихъ, такъ какъ мать ласкаетъ свое собственное дитя.

«Но пора мнѣ снять покровъ съ этихъ загадочныхъ лицъ. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ изъ школы инженеровъ, руководимые г. К....., первые возымѣли мысль объ этомъ благодѣтельномъ учрежденіи. Они посовѣтовались съ полковникомъ П....., соединились съ нѣсколькими гвардейскими офицерами и статскими молодыми людьми и составили такимъ образомъ штатъ изъ двадцати учителей. Полковникъ П..... былъ избранъ въ инспекторы г. К.... въ субъ-инспекторы; остальные приняли на себя обязанность учителей.

«Двѣ дамы-покровительницы, графиня Л....тъ и жена полковника П..... приняли на себя званіе директрисъ. Ихъ обязанность посѣщать родителей, желающихъ отдать дѣтей своихъ въ новую школу, и выбирать бѣднѣйшихъ. Въ заведеніи есть много почетныхъ членовъ; когда совѣтъ училища, собирающійся разъ или два въ мѣсяцъ, подъ предсѣдательствомъ инспектора, опредѣляетъ принять того или другаго кандидата, приѣмъ совершается; книги тетради и проч. даются новому ученику безплатно.

«Капиталъ необходимый для уплаты за наемъ дома, отопленіе освѣщеніе, книги и проч. составляется слѣдующимъ образомъ: всѣ лица, принадлежація къ заведенію, покровительницы, инспекторы и учителя, платятъ извѣстную сумму, сообразно со своими средствами каждый; такимъ образомъ, каждый членъ прибавляетъ еще денежное вспомошествованіе къ нравственному и умственному богатству, вносимому имъ въ нѣдра бѣдныхъ семействъ. И однакожъ я долженъ сказать, что къ чести членовъ благотворительнаго заведенія большая часть изъ нихъ, щедро одаренныхъ благотворительными наклонностями, не такъ щедро надѣлены матеріальными благами и живутъ только жалованьемъ, получаемымъ на службѣ.

«Такъ какъ утромъ эти лица заняты и освобождаются только къ тремъ часамъ, то только въ это время начинаются уроки,

продолжающіеся до семи часовъ. Все остальное время дѣти ходятъ у своихъ родителей, а утромъ занимаются приготовленіемъ къ урокамъ. Каждую субботу ученикамъ выдаются подробные аттестаты за недѣлю. Наказаній въ заведеніи нѣтъ никакихъ и право наказаній предоставлено родителямъ; если дитя не исправляется, то его исключаютъ изъ училища.

«Цѣль общества готовить учениковъ для поступленія въ гимназію. Метода преподаванія самая рациональная. Учитель занимается съ каждымъ ученикомъ отдѣльно, вслѣдствіе чего комплектъ учениковъ не будетъ превышать пятидесяти, а число учителей такъ велико.»

Если бы такихъ истинно благотворительныхъ заведеній появилось у насъ по больше! Какое неисчерпаемое благодѣяніе принесли бы онѣ бѣдному и маленькому человѣчеству.

Кстати о маленькомъ человѣчествѣ и въ заключеніе лѣтописи вотъ истинное происшествіе:

На дняхъ мнѣ случилось быть въ лѣтнемъ саду. Группа прыгающихъ, играющихъ и бѣгающихъ малютокъ, около памятника И. А. Крылова, этого безсмертнаго учителя и дѣтей и взрослыхъ, привлекла мое вниманіе. Я подошелъ поближе. Первый попался мнѣ на глаза мальчикъ, лѣтъ десяти, въ синей русской рубашкѣ, весьма красивый и бойкій.

— А что, дружокъ, спрашиваю я его, знаете ли вы кому поставленъ этотъ памятникъ?...

Мальчикъ присмирѣвъ, потушился и молчить.

— Что же ты молчишь — говорить няня, ободрительно потрепавъ своего питомца по плечу, — говори.... Скажи-моль: Петру Великому, милостивый государь....

Угодно еще одинъ анекдотъ?... впрочемъ, на сей разъ довольно.

ЕГОРЪ МОЛМЕРЪ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ.

Императорскій лицей, къ предстоящему въ 1861 году пятидесятилѣтію существованія своего: съ 1811 по 1843 г. подъ именемъ царскосельскаго, а съ 43 — александровскаго, приступилъ къ составленію исторіи своей.

Очерчивая свой бытъ на основаніи документовъ, составляющихъ дѣла его архива, онъ желалъ бы официальную исторію свою украсить частными разсказами изъ воспоминаній людей близкихъ учрежденію, разсказами на подобіе тѣхъ, какіе сообщены публикѣ редакціей Атеней, въ послѣднемъ номерѣ его (N° 8-й 1859 г.), «въ запискахъ И. И. Пущина.» Потому лицей обращается ко всѣмъ, кто имѣетъ подобныя матеріалы, съ покорнѣйшею просьбою сообщить ихъ ему, адресуя на имя директора лицея. Все доставленное, въ случаѣ, если бы доставитель пожелалъ, будетъ возвращено по принадлежности въ полной сохранности.

ОПЕЧАТКА.

Въ іюльской книжкѣ журнала: «Русское Слово», въ отдѣлѣ «Смѣсь», въ статьѣ «О первоначальномъ (элементарномъ) обученіи, какъ исходномъ моментѣ основательнаго образованія», на страницѣ 41, строка 9, *слѣдуетъ*: Уже не разъ было высказано педагогами сомнѣніе въ томъ,.... *слѣдуетъ читать*: Всѣми извѣстнѣйшими педагогами признано несомнѣннымъ,....

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 9.

Два слова о королевскомъ дебютѣ вообще.—Выходъ королевскаго коня.— Историческія свѣдѣнія и разсужденіе о *giuoco piano*. — Пять партій этого дебюта: Ланге съ гг. Эйхертомъ, Гроддекомъ и Эрихомъ, Парижа съ Лондономъ. А. Д. Петрова съ Гофманомъ. Руководство къ изученію шахматной игры соч: князя Русова (статья 7^а). — Рѣшеніе задачъ. — Задачи.

Всякому, имѣющему хотя малѣйшее понятіе о шахматахъ извѣстно, что шахматная партія начинается всего чаще подвиганіемъ королевской пѣшки на два мѣста какъ со стороны игрока имѣвшаго первый ходъ, такъ и со стороны его противника, т. е.

1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$. Этотъ способъ открывать игру, извѣстный теперь подъ именемъ дебюта королевскаго,*) долгое время признавался даже самымъ лучшимъ; всѣ остальные, за исключеніемъ впрочемъ ферзева гамбита (1) $\frac{d2-d4}{d7-d5}$ 2) $\frac{c2-c4}{e7-e6}$), считались *неправильными*. Хотя подобное воззрѣніе, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, признано въ настоящее время ошибочнымъ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что помянутое начало поражаетъ партіи самыя оживленныя, интересныя и поучительныя, а потому весьма естественно, что любители всего чаще употребляютъ его на практикѣ, а шахматные писатели всѣхъ временъ посвящали ему главную часть своихъ трудовъ. При изслѣдованіи королевскаго дебюта, прежде всего представляется вопросъ: какую атаку долженъ предпринять начинавшій партію? Конечно, вопросъ этотъ существуетъ и при всякомъ другомъ дебютѣ, но тамъ онъ разрѣшается несравненно проще; такъ напримѣръ мы видѣли, что въ нормальной партіи (1) $\frac{e2-e4}{e7-e6}$ начинающій

*) Для яснаго уразумѣнія значенія и классификаціи дебютовъ необходимо прочесть *Théorie et Classification des débuts*, составляющую введение къ *Analyse nouvelle* г. Яниша.

имѣть только одно средство продолжать атаку, это 2) $\frac{d2-d4}{}$, напротивъ того въ дебютѣ королевскомъ, ему представляется выборъ между различными способами атаки, сильнѣйшіе изъ которыхъ суть гамбитъ королевскій (2) $\frac{f2-f4}{}$, гамбитъ центральный (2) $\frac{d2-d4}{}$ выходъ королевскаго слона (2) $\frac{f1-c4}{}$ и выходъ королевскаго коня (2) $\frac{g1-f3}{}$; о послѣдней мы скажемъ теперь нѣсколько словъ въ видѣ вступленія къ помѣщеннымъ въ настоящемъ Листкѣ партіямъ.

Когда начинающій, ходомъ 2) $\frac{g1-f3}{}$, атаковалъ королевскую пѣшку, противникъ его можетъ защитить ее шестью различными способами а именно; 1) королевскимъ слономъ $f8-d6$; 2) пѣшкой королевскаго слона $f7-f6$; 3) ферземъ, посредствомъ $d8-e7$; 4) ферземъ же, посредствомъ $d8-f6$; 5) ферзевою пѣшкой $d7-d6$ и наконецъ 6) ферзевымъ конемъ $b8-c6$.

Первый способъ крайне нехорошъ; онъ запраетъ пѣшку ферзя, стѣсняетъ весь его флангъ и имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ значительную потерю времени. Разбирать подробно эту *défense monstrueuse*, какъ справедливо называетъ ее г. Янишъ, нѣтъ надобности: ея недостатки слишкомъ очевидны, даже для наименѣ опытныхъ любителей; желающіе могутъ найти въ сочиненіи Фонъ-деръ-Лаза нѣсколько вариантовъ, которые всѣ оканчиваются въ пользу начинающаго (*Handbuch des Schachspiels*. 3° изд. стр. 59—61).

Разборъ втораго способа ($f7-f6$) встрѣчаемъ мы уже у португальца Даміано, древнѣйшаго, за исключеніемъ Луцены, изъ всѣхъ шахматныхъ писателей, поэтому онъ имѣетъ интересъ историческій, въ отношеніи же теоретическомъ не заслуживаетъ одобренія и на практикѣ почти никогда не употребляется. Дѣйствительно, ходъ 2) $\frac{f7-f6}{}$ имѣющій цѣлію защитить королевскую пѣшку, въ сущности вовсе ее не защищаетъ; бѣлые смѣло могутъ брать конемъ, ибо если черные возьмутъ коня, то непременно проиграютъ партію, а именно

1) $e2-e4$	$e7-e5$
2) $g1-f3$	$f7-f6$
3) $f3-e5^{\circ}$	$f6-e5^{\circ}$
4) $d1-b5+$	$g7-g6$
5) $h5-e5^{\circ}+$	и черные теряютъ задью; если

же на четвертомъ ходѣ они сыграютъ $e8-e7$, то

5) $h5—e5^{\circ}+$ $e7—f7$

6) $f1—c4+$ и спасти партію черныхъ нѣтъ

возможности. Изъ этого слѣдуетъ, что послѣ хода 3) $f3—e5^{\circ}$ черные не должны брать коня, и точно, играя вмѣсто того 3) $d8—e7$, они могутъ обороняться успѣшнѣе, но и въ этомъ случаѣ начинающій будетъ имѣть перевѣсъ напр.

3) $f3—e5^{\circ}$ $d8—e7$ (лучшій ходъ)

4) $e5—f3$ $e7—e4^{\circ}+$

5) $f1—e2$, а потомъ бѣлые рокируютъ и силы ихъ прекрасно развернуты (Anal. nouv. T. II p. 46).

Что касается до обѣихъ защитъ посредствомъ ферзя, то онѣ тоже нехороши. Вообще, выводить ферзя въ самомъ началѣ партіи, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, не слѣдуетъ, ибо онъ легко можетъ быть принужденъ къ отступленію, которое составитъ потерю времени. Сверхъ того, ферзь, составляя главнѣйшій элементъ атаки, только въ крайнихъ случаяхъ долженъ служить къ оборонѣ и преимущественно тогда, когда противникъ атакуетъ тоже ферземъ, употреблять же сильнѣйшую изъ шашекъ на подкрѣпленіе пѣшки, атакующей конемъ, — въ высшей степени не благоразумно. Надо однако замѣтить, что изъ двухъ помянутыхъ защитъ ферземъ ходъ $d8—f6$ все таки лучше чѣмъ $d8—e7$, но и онъ имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ значительную потерю времени,

1) $e2—e4$ $e7—e5$

2) $g1—f3$ $d8—f6$

3) $b1—c3$ $c7—c6$

4) $d2—d4$ $e5—d4^{\circ}$

5) $e4—e5$ $f6—g6$

6) $d1—d4^{\circ}$ и начинающій имѣетъ очевидное превосходство положенія.

Изъ сказанное видно, что теоріи не трудно было убѣдиться въ недостаткахъ четырехъ рассмотренныхъ нами вкратцѣ защитъ ($f8—d6$, $d8—e7$, $f7—f6$, и $d8—f6$). Гораздо болѣе трудности представляетъ анализъ двухъ слѣдующихъ способовъ обороны: $d7—d6$ и $b8—c6$. Что оба они несравненно лучше предыдущихъ, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но, которому изъ двухъ отдать преимущество, вотъ вопросъ, различно разрѣшавшійся авторитетами шахматной науки. Всѣ итальянскіе писатели, отъ древняго Джіануціо до современнаго намъ Серафима Дюбуа, пред-

почитаютъ оборону ферзевымъ конемъ (b3—c6), почему она и известна подъ именемъ итальянской партіи; напротивъ того испанецъ Рюи-Лопецъ и основатель французской школы Филлдоръ, признавали этотъ ходъ ошибочнымъ и вмѣсто его советовали играть ферзеву пѣшку (d7—d6). Доводы обонхъ писателей были, впрочемъ, различны; Рюи-Лопецъ полагалъ, что послѣ ходовъ 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$, бѣлые могутъ приобрести неотразимую атаку посредствомъ 3) $\frac{f1-b5^*)}{}$ и на этомъ основывалъ свое мнѣніе о невыгодѣ итальянской защиты, а Филлдоръ, постоянно занятый теорією пѣшекъ, осуждалъ ходъ 2) $\frac{g1-f3}{b1-c3}$ потому, что онъ препятствуетъ движенію пѣшки ферзева слона; сверхъ того онъ имѣлъ въ виду свой знаменитый контръ-гамбитъ (1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{g1-f3}{d7-d6}$ 3) $\frac{d2-d4}{f7-f5}$, дающій, какъ думалъ онъ, перевѣсъ второму игроку. Всѣ современные намъ писатели Янишъ, Фонъ-деръ-Лаза, Ланге и др. склонились въ пользу защиты итальянской. Хотя они и признаютъ, что въ этомъ дебютѣ начинающій имѣетъ возможность предпринимать сильныя атаки, но полагаютъ, что, при совершенно правильной оборонѣ, атаки эти будутъ отражены и, послѣ известнаго числа ходовъ, партія совершенно уравнивается, тогда какъ ходъ 2) $\frac{g1-f3}{d7-d6}$, запирая королевскаго слона, ставитъ защищающагося въ положеніе стѣсненное. Наконецъ въ послѣднее время французская защита (2) $\frac{g1-f3}{d7-d6}$ опять начинаетъ входить въ моду и во время пребыванія Морфи въ Европѣ нѣсколько разъ употреблялась какъ имъ самимъ, такъ и его противниками; Гаррвитцъ играетъ ее мастерски. Когда нибудь мы поговоримъ о ней подробно, а теперь возвратимся къ защитѣ итальянской.

Послѣ ходовъ 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$, бѣлые имѣютъ выборъ между различными системами атаки, а именно, они могутъ двинуть ферзеву пѣшку на два мѣста (3) $\frac{d2-d4}{}$, что составляетъ такъ называемый *шотландскій гамбитъ*; сыграть королевскаго слона на клетку b5 т. е. *дебютъ Лопеца* или наконецъ, поста-

*) Этотъ ходъ образуетъ такъ называемую испанскую партію или дебютъ Лопеца.

вить того же слона на клетку с4.*) Если въ послѣднемъ случаѣ черные отвѣтятъ подобнымъ же движеніемъ слона (f8—с5) то игра приведется къ дебюту извѣстному подъ именемъ giuoco ріано. Предлагая здѣсь нѣсколько партій этого въ высшей степени замѣчательнаго дебюта, считаемъ нужнымъ сказать о немъ нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Хотя giuoco ріано не составляетъ лучшаго варіанта итальянской партіи, уступая относительно силы атаки шотландскому гамбиту, тѣмъ не менѣе дебютъ этотъ вполне достоинъ внимательнаго изученія. Представляя совершенно правильную, стройную игру офицерами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ начинающему возможность стремиться къ утверженію пѣшекъ въ центрѣ и слѣдовательно уясняетъ въ одно и тоже время, какъ искусство дѣйствовать офицерами, такъ и теорію пѣшекъ. Сверхъ того giuoco ріано имѣетъ интересъ и въ отношеніи историческомъ; это одинъ изъ самыхъ старинныхъ дебютовъ. Джіануціо, Сальвіо, Греко, Понціани и всѣ безъ исключенія итальянскіе писатели занимались имъ съ особенною любовью и довели его до значительной степени совершенства. Къ сожалѣнію, нѣкоторая часть трудовъ ихъ для насъ не примѣнима, по причинѣ различія рокировки итальянской отъ рокировки принятой въ другихъ странахъ Европы. Филлдоръ вовсе не разрабатывалъ giuoco ріано и это весьма естественно, такъ какъ онъ не только не признавалъ достоинства итальянской защиты, но и вообще пренебрегалъ дебютомъ королевскаго коня $(1) \frac{e2-e4}{e7-e5} 2) \frac{g2-f3}{}$, отдавая рѣшительное преимущество своему любимому *début du fou du roi* $(1) \frac{e2-e4}{e7-e5} 2) \frac{f1-c4}{}$.

Позднѣйшіе французскіе шахматисты, благоговѣя безусловно передъ Филлдоромъ, тоже не обращали надлежащаго вниманія на giuoco ріано; Дешапелъ дошелъ даже до того, что признавалъ выходъ королевскаго коня на второмъ ходѣ начинающаго — *ошибкою*. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи труды англичанъ Сарратъ, и Льюсъ изданіемъ итальянскихъ классиковъ много содѣйствовали къ распространенію болѣе правильныхъ понятій какъ о дебютѣ королевскаго коня вообще, такъ и о giuoco ріано; вѣра въ непогрѣшимость мнѣній Филлдора поколебалась даже

*) Понятно, что кромѣ этихъ ходовъ начинающему представляется и множество другихъ, но всѣ они (напр. 3) $\frac{b1-c3}{}$, 3) $\frac{c2-c3}{}$) въ сравненіи съ вышеозначенными, такъ слабы, что о нихъ, не стоитъ упоминать.

во Франціи. Исслѣдованія повѣйшихъ писателей, и преимущественно гг. Яниша и Ланге, обогатили giuoco piano многими неизвѣстными прежде варіантами. Постараемся изложить здѣсь, въ возможной краткости, результатъ этихъ исслѣдованій.

Лучшими способами продолжать нападеніе послѣ ходовъ 1) $\frac{e2-e4}{e7-e5}$ 2) $\frac{g1-f3}{b8-c6}$ 3) $\frac{f1-c4}{f8-c5}$ признаются слѣдующіе: 4) $\frac{d2-d4}{d2-d4}$ 4) $\frac{b2-b4}{c2-c3}$ и 4) $\frac{0-0}{0-0}$ всякій другой ходъ какъ-то 4) $\frac{d2-d4}{d2-d4}$ 4) $\frac{b1-c3}{h2-h3}$, былъ бы несравненно слабѣе. Относительно перваго изъ помянутыхъ способовъ замѣтимъ, что если начинающій намѣренъ основать свою атаку на центральномъ гамбитѣ, то ему лучше предложить его на третьемъ ходѣ (гамбитъ шотландскій), а потому ходъ 4) $\frac{d2-d4}{d2-d4}$, едва ли можетъ быть вполне одобренъ теоріею; на практикѣ же его употреблять пожалуй можно, но особенно сильной атаки онъ не даетъ напр.

1) e2—e4	e7—e5
2) g1—f3	b8—c6
3) f1—c4	f8—c5
4) d2—d4	c5—d4°
5) f3—d4°	e5—d4°
6) 0—0	

Гамбитъ фланговый (4) $\frac{b2-b4}{c2-c3}$, извѣстный, по имени своего изобрѣтателя, морскаго капитана Эванса, подъ названіемъ *гамбитъ Эванса*, составляетъ дебютъ, чрезвычайно важный въ теоріи игры и мало похожій на прочія варіанты giuoco piano, а потому мы рассмотримъ его когда нибудь въ отдѣльной статьѣ. За тѣмъ остается два маневра c2—c3 и 0—0, которые и составляютъ существеннѣйшіе варіанты giuoco piano. Вопросъ о томъ, который изъ нихъ сильнѣе еще не окончательно рѣшенъ; итальянскіе писатели отдавали преимущество рокировокъ; г. Янишъ призналъ ее слабою сравнительно съ 4) $\frac{c2-c3}{c2-c3}$, но, ... *Multa renascentur quae jam cecidere*,—и въ послѣднее время рокировка опять получила большую важность, въ слѣдствіе новыхъ сочетаній придуманныхъ г. Ланге. Вотъ нѣсколько примѣровъ той и другой системы.

1) e2—e4	e7—e5
2) g1—f3	b8—c6
3) f1—c4	f8—c5
4) c2—c3	

Этимъ ходомъ начинающій открываетъ прекрасный выходъ своему ферзю и, главное, угрожаетъ утвержденіемъ пѣшекъ въ центрѣ, чему черные, подѣ опасеніемъ имѣть весьма стѣсненное положеніе, должны стараться воспрепятствовать. Лучшимъ средствомъ къ этому признано 4) $\overline{g8-f6}$; защиты ферземъ (d8—e7 и d8—f6)

нехороши. Послѣдствіемъ 4) $\overline{g8-f6}$ будетъ

4)	g8—f6
5) d2—d4	e5—d4°
6) e4—e5	d7—d5
7) c4—b5	f6—e4
8) b5—c6°+	b7—c6°
9) c3—d4°	c5—b6
10) b1—c3	c6—c5 этимъ ходомъ чер-

ные раздвоятъ свои сдублированныя пѣшки и игра съ обѣихъ сторонъ равна. Надо замѣтить, что на шестомъ ходѣ черному представляется еще другая защита, поражающая весьма любопытный вариантъ а именно:

6)	f6—e4
7) c4—d5	e4—f2°
8) e1—f2°	d4—c3°+
9) f2—g3	c3—b2°
10) c1—b2°	c6—e7
11) d1—c2	d7—d6
12) d5—e4	e7—g6
13) b1—d2	c7—c6
14) a1—d1	

Черные имѣютъ три пѣшки за коня, что, вообще говоря, сильнѣе, но за то офицеры бѣлыхъ лучше развернуты. Мало опытнымъ игрокамъ можетъ показаться страннымъ, почему король уходитъ отъ шаха (d4—c3°+), на клетку g3, но дѣло въ томъ, что это смѣлое движеніе нисколько не опасно; отходить на f1 или e1, было бы хуже ибо этимъ стѣсниться дѣятельность ладьи (см. фонъ-деръ-Лаза Leitfaden für Schachspieler изд. 2° стр. 118—121). Если въ сообщаемой ниже партіи гг. Петрова и Гофмана (No. 63) бѣлые послѣ хода 9) $\overline{f2-g3}$, быстро проигрываютъ, то это не потому, чтобъ онъ былъ нехорошъ, а потому что они продолжали партію не такъ какъ слѣдовало. Теперь обратимся къ тѣмъ случаямъ гдѣ начинающій рокируетъ на четвертомъ ходѣ.

1) e2—e4	e7—e5
2) g1—f3	b8—c6
3) f1—c4	f8—c5
4) 0—0	

Долго полагали, что въ этомъ положеніи защищающійся долженъ играть 4) $\overline{d7-d6}$; такъ Понціани выражаетъ это самымъ положительнымъ образомъ говоря «Si ritenga per massima, che a qualunque aggrocamiento fatto nel 4 tiro di giuoco piano, si puo constantemente rispondere con questa P di D una casa». Только въ новѣйшее время г. Ланге замѣтилъ, что на 4) $\overline{d7-d6}$ бѣлые могутъ отвѣчать 5) $\overline{b2-b4}$, тогда

5)	c5—b4°
6) c2—c3	b4—a5
7) d2—d4	e5—d4°
8) c3—d4°	a5—b6
9) c1—b2 или h2—h3	

и игра свелась на весьма сильный вариантъ Эвансова гамбита (см. Schachzeitung 1853 г. стр. 210—216), по этому надо предпочесть ходъ 5) $\overline{g8-f8}$ послѣдствіе его слѣдующія.

4)	g8—f6
5) d2—d4	e5—d4°

Брать пѣшку конемъ или слономъ было бы слабѣе, въ первомъ случаѣ получимъ напр. 5) $\overline{c6-d4}$ 6) $\frac{f3-e5}{d4-e6}$ 7) $\frac{c4-e6}{\bullet}$ а во второмъ 5) $\overline{c5-d4}$ 6) $\frac{f3-d4}{c6-d4}$ 7) $\frac{f2-f4}{\bullet}$, а если на шестомъ ходѣ 6) $\overline{e5-d4}$ то 7) $\overline{e4-e5}$ и при каждой изъ этихъ комбинацій атака бѣлыхъ очень хороша.

6) e4—e5	d7—d5
7) e5—f6°	(см. Lange Critic der Eröffnungen стр. 282).

№ 59.

GIUOCO PIANO.

Ланге.	Эйхертъ.	3) f1—c4	f8—c5
(бѣлые.)	(Черные.)	4) 0—0	d7—d6(1)
1) e2—e4	e7—e5	5) c2—c3	g8—f6(2)
2) g1—f3	b8—c6	6) d2—d4	e5—d4°

7) c3—d4°	c5—b6	24) c3—a4	b7—b6
8) b1—c3	c8—g4(3)	25) f3—h4	d7—e8
9) c1—e3(4)	0—0	26) h4—f5	e7—f5°
10) c4—b5	c6—e7(5)	27) d3—f5°	e6—f5°
11) d1—c2	c7—c6	28) c2—f5°	f8—e6
12) b5—d3	f6—d7(6)	29) a4—c3	e8—d7
13) f3—d2	f7—f5	30) f5—g6	c6—c5
14) f2—f3	f5—e4°(7)	31) e3—h6°	c5—d4°
15) f3—e4°	h7—h6	32) c3—d5°	d7—d5°
16) f1—f8°+	d7—f8°	33) g6—f7+	g8—h7
17) a1—f1	d8—d7	34) h6—g7°	d4—d3
18) h2—h3	g4—e6	35) g7—f6+	h7—h6
19) d2—f3	d6—d5	36) f6—g5+	h6—g5°
20) e4—e5	a8—c8	37) f1—f5+	g5—h4
21) b2—b4	a7—a5	38) f5—h5+	h4—g3 •
22) a2—a3	a5—b4°	39) f7—f2(8)×	
23) a3—b4°	b6—a7		

Примѣчанія къ партии No 59.

(1) Многие писатели признаютъ этотъ ходъ наилучшимъ, но это несправедливо, потому что начинающій можетъ, какъ объяснено было выше, посредствомъ 5) $\frac{b2-b4}{c5-b6}$, привести игру къ весьма выгодному для него варіанту Эвансова гамбита (см. партию No. 60). Тутъ представляется еще ходъ g8—f6, (см. партию No. 61); можно также играть c5—b6, на что бѣлые отвѣтятъ посредствомъ c2—c3 и игра приведется къ извѣстному варіанту.

(2) Самый лучший ходъ; если вмѣсто его 5) $\frac{d2-d4}{c5-b6}$ то 6) $\frac{d2-d4}{c8-g4}$ 7) $\frac{c1-e3}{c8-g4}$ и положеніе бѣлыхъ очень хорошо; если же 5) $\frac{d2-d4}{c8-g4}$ то бѣлые получаютъ первосходство посредствомъ 6) $\frac{d1-b3}{g4-f3}$. Стаунтонъ въ своемъ. «Chess-Player's Handbook» предлагаетъ два слѣдующіе варіанта, А 6) $\frac{d1-b3}{d8-d7}$ 7) $\frac{b3-b7}{a8-b8}$ 8) $\frac{b7-a6}{g4-f3}$ 9) $\frac{g2-f3}{b8-b6}$ 10) $\frac{a6-a4}{d7-h8}$ 11) $\frac{c4-e2}{g4-f3}$ и бѣлые сохранили лишнюю пѣшку. В) 6) $\frac{d1-b3}{g4-f3}$ 7) $\frac{c4-f7}{e8-f8}$ 8) $\frac{g2-f3}{d8-f6}$ 9) $\frac{f7-h5}{g7-g6}$ 10) $\frac{h5-g4}{c5-b6}$ 11) $\frac{b3-d1}{f8-c4}$, игра бѣлыхъ очень хороша.

(3) Черные могли бы повидимому, вмѣсто этого хода разстроить центральныя пѣшки противника посредствомъ 8) $\frac{f8-c4}{f8-c4}$

но это была бы ошибка ибо тогда 9) $\frac{c3-e4^\circ}{d6-d5}$ 10) $\frac{c4-d5^\circ}{d8-d5^\circ}$ 11) $\frac{e4-c3}{d5-d8}$
 12) $\frac{f1-e1+}{c6-e7}$ 13) $\frac{c1-g5}{f7-f6}$ 14) $\frac{f3-e5}{f6-e5^\circ}$ (брать слона опасно) 15) $\frac{e1-e5^\circ}{}$;
 игра бѣлыхъ лучше.

(4) c4—b5 было бы кажется еще сильнѣе.

(5) Если 10) $\frac{d1-a4}{c6-e7}$ то 11) $\frac{f3-d2}{c7-c6}$ 12) $\frac{b5-e2}{g4-e2^\circ}$ 13) $\frac{c3-e2^\circ}{f7-f5}$
 15) $\frac{f2-f3}{}$ и бѣлые имѣютъ сильное положеніе.

(6) Дублировать пѣшки противника посредствомъ g4—f3° очень соблазнительно, но въ настоящемъ случаѣ было бы невыгодно.

(7) Можно бы также f5—f4.

(8) Середину и конецъ партіи черные играютъ очень слабо.

№ 60.

GIUOCO PIANO.

Ланге. (Бѣлые.)	Гроддеккъ. (Черные.)	15) e5—f7°	g8—f7°
1) e2—e4	e7—e5	16) c3—d5°	f6—d5°
2) g1—f3	b8—c6	17) c4—d5°+	c8—e6
3) f1—c4	f8—c5	18) d1—h5+	f7—g8
4) 0—0	d7—d6	19) d5—e4	g7—g6
5) b2—b4	c5—b4°	20) e4—g6°	h7—g6°
6) c2—c3	b4—a5	21) h5—g6°+	g8—h8
7) d2—d4	e5—d4°	22) a3—b2+	b6—d4
8) c3—d4°	a5—b6	23) a1—d1	c7—c5
9) h2—h3(1)	g8—f6	24) d1—d4°	c5—d4°
10) b1—c3	0—0	25) f1—d1	e6—f7
11) d4—d5	c6—e7(2)	26) g6—f7°	e8—e5
12) c1—a3	f8—e8	27) d1—d4°	d8—g5
13) e4—e5	d6—e5°	28) d4—h4+	g5—h4°
14) f3—e5°	e7—d5°	и бѣлые даютъ матъ въ два хода.	

Примѣчанія къ партіи No. 60.

(1) Этотъ ходъ можетъ показаться съ перваго взгляда слишкомъ оборонительнымъ, но напротивъ того, онъ, стѣсняя дѣятельность ферзева слона черныхъ, чрезвычайно усиливаетъ атаку и есть, можетъ быть, наилучшій; 9) $\frac{b1-c3}{}$ и 9) $\frac{c1-a3}{}$ также заслуживаютъ вниманія.

(2) с6—а5 было бы хуже ибо тогда 12) $\frac{c4-d8}{c6-e5}$ и Ферзева конь черныхъ совершенно отрѣзанъ отъ игры. Если 11) $\frac{f3-e5}{d6-e5}$, то 12) $\frac{f3-e5}{d6-e5}$ 13) $\frac{g1-h1}{d6-e5}$, а затѣмъ бѣлые идутъ f2—f4 и атака ихъ очень сильна.

№ 61.

GIUOCO PIANO.

Ланге. (Бѣлые.)	Эрихъ. (Черные.)	15) e5—g3+	g8—f7
1) e2—e4	e7—e5	16) g3—g7+	f7—e6
2) g1—f3	b8—c6	17) b1—d2	h8—g8
3) f1—c4	f8—c5	18) a1—e1+	e6—d6
4) 0—0	g8—f6(1)	19) h6—f4+	d6—c6
5) d2—d4(2)	e5—d4°	20) g7—f7	b7—b5
6) e4—e5	d7—d5(3)	21) d2—c4°(6)	b5—c4°
7) e5—f6°	d5—c4°	22) f7—c4°+	c6—b6(7)
8) f1—e1+	e8—f8(4)	23) c4—b4+	b6—c6
9) f6—g7°+	f8—g7°	24) e1—e7	c8—d7
10) f3—e5	c6—e5°	25) b4—a4+	c6—b7
11) e1—e5°	c5—d6(5)	26) e7—d7°	d8—d7°
12) d1—h5	d6—e5°	27) a4—d7°	a8—c8
13) c1—h6+	g7—g8	28) d7—b5+	b7—a8
14) h5—e5°	f7—f6	29) b5—c6+	a8—b8
		30) a2—a4	и черные сдаются

Примѣчанія къ партии No. 61.

(1) Этотъ способъ защиты еще очень мало разработанъ теоріею; большая часть писателей вовсе его не разсматриваетъ, другіе же упоминаютъ о немъ только вскользь; такъ Гейдебрандтъ фонъ-деръ-Лаза въ своемъ «Handbuch des Schachspiels» этомъ обширнѣйшемъ и превосходномъ сборникѣ всевозможныхъ дебютовъ, разбираетъ только одинъ вариантъ помянутой защиты, при чемъ заставляетъ играть бѣлыхъ такъ плохо, что на тринадцатомъ ходѣ они получаютъ матъ.

(2) Этотъ ходъ, равно какъ и 5) $\frac{b2-b4}{c4-d5}$, даетъ начинающему очень красивую атаку.

(3) f6—e4 было бы дурно; бѣлые получили бы рѣшительный перевѣсъ посредствомъ 7) $\frac{c4-d5}{f1-e1}$ или 7) $\frac{f1-e1}{c4-d5}$.

(4) с8—e6 было бы слабѣе.

(5) с5—e7 было бы лучше, хотя и въ этомъ случаѣ бѣлые сохраняютъ превосходство положенія; вотъ для примѣра небольшая партія игранная этимъ варіантомъ между гг. Ланге и Эрихомъ.

11) e1—e5°	с5—e7
12) e5—e4	с7—с5
13) b1—a3	с8—e6
14) e4—g4+	e6—g4°
15) d1—g4+	g7—f8
16) c1—h6+	f8—e8
17) a1—e1	d8—d6
18) h6—g5	h8—g8
19) g4—h4	g8—g5°
20) f4—g5°	e8—d7
21) g5—f5+	d7—с6
22) a3—с4	и бѣлые выигрываютъ.

(6) Прекрасное пожертвованіе.

(7) При всякомъ другомъ ходѣ ферзь даетъ матъ.

№ 62.

GIUOCO PIANO.

Парижъ. (Бѣлые.)	Лондонъ. (Черные.)	17) d1—b3	f8—e6
1) e2—e4	e7—e5	18) f4—e6°	f7—e6°
2) g1—f3	b8—с6	19) c1—b2	c6—b8(8)
3) f1—с4	f8—с5	20) a3—a4	c8—d7
4) c2—с3	d7—d6(1)	21) b3—с2	e8—e7
5) d2—d4	e5—d4°	22) c4—a2	b8—с6
6) c3—d4°	c5—b6(2)	23) b2—с3	e7—f7
7) h2—h3(3)	g8—f6	24) d4—d5	f7—f3°
8) b1—с3	0—0	25) d5—e6°(9)	d8—h4(10)
9) 0—0	f8—e8(4)	26) e6—d7°+	g8—g8
10) a2—a3	h7—h6	27) a2—e6	h4—g3
11) f1—e1(5)	a7—a6	28) c3—a1	a8—f8
12) b2—b4	e8—с7(6)	29) e6—f5	a7—b6(11)
13) a1—a2	b6—a7	30) c2—d2	f3—f4
14) a2—e2	f6—h7	31) e1—c1	g3—g5
15) c3—d5	e7—e8(7)	32) g1—h2	f4—f2°
16) d5—f4	h7—f8	33) d2—g3°	h6—g5°
		34) e2—f2°	b6—f2°

35) b4—b5	a6—b5°	39) c7—c8	d8—e6
36) a4—b5°	c6—d8	40) g6—e8	e6—d8
37) c1—c7°	h8—g8	41) a1—b2	и черные сдаются.
38) f5—g6	f2—b6		

Примѣчанія къ партии No. 62.

(1) g8—f6 было бы гораздо лучше.

(2) Если c5—b4, † то 7) $\frac{b1—c3}{}$ начинающій укрѣпить пѣшки въ центрѣ.

(3) Англійская шахматная школа приняла за правило, — довольно впрочемъ бездоказательно, — не подвигать ладейныхъ пѣшекъ на одну клѣтку (a2—a3, h2—h3, a7—a6, h7—h6), а потому Вестминстерскій клубъ призналъ настоящій ходъ весьма слабымъ; въ послѣдствіи же, когда ему пришлось потерпѣть поражение, сталъ возхвалять этотъ маневръ и приписывалъ ему побѣду своихъ противниковъ, но г. Янишъ доказалъ самымъ точнымъ анализомъ, что ходъ 7) $\frac{h2—h3}{}$ дѣйствительно нехорошъ и что если англичане проиграли, такъ это отъ того, что сдѣлали грубую ошибку на девятомъ ходѣ.

(4) Очень не хорошо: надо было играть 9) $\frac{f6—e4}{}$; (см. Jänisch anal. поуч. I. II стр. 109 и 110). Вообще Вестминстерскій клубъ игралъ эту партію слабо.

(5) Теперь игра бѣлыхъ гораздо лучше развернута.

(6) Съ тѣмъ, чтобъ подкрѣпить пѣшку, отвести короля въ уголъ и потомъ, когда конь очиститъ дорогу пѣшкѣ f7, сыграть f7—f5, но этотъ планъ не удастся.

(7) И такъ, потерявъ нѣсколько темповъ для осуществленія вышеизясненнаго плана, англичане принуждены отступить ладьей, а этимъ самый планъ совершенно разрушается.

(8) Съ каждымъ ходомъ игра черныхъ болѣе и болѣе стѣсняется.

(9) Брать ладью было бы дурно; черные приобрѣли бы сильную атаку напр.

25) g2—f3°	e6—d5°
26) e4—d5°	d8—g5†
27) g1—h1	c6—b4°
28) c3—b4°	g5—h4
29) e2—e7	d7—h3°

или:

25) g2—f3°	e6—d5°
26) a2—d5°+	g8—h8
27) f3—f4	d8—h4

и въ обоихъ случаяхъ бѣлые, на лучшей конецъ, подвергнутся вѣчному шаху; сверхъ того черные могутъ прямо сыграть 25) $\frac{d8-h4}{d8-h4}$, что также приводитъ къ разыгрышу.

(10) Теперь этотъ ходъ ужъ не опасенъ для бѣлыхъ.

(11) c6—b4° не спасло бы партіи (см. в. d. Lasa Handbuch изд. 3° стр. 138).

№ 63.

GIUOCO PIANO.

Гофманъ.	А. Д. Петровъ.	10) c1—b2°	c6—e7
(Бѣлые.)	(Черные.)	11) f3—g5(1)	e7—d5°
1) e2—e4	e7—e5	12) g5—f7°(2)	0—0(3)
2) g1—f3	b8—c6	13) f7—d8°(4)	c5—f2+
3) f1—c4	f8—c5	14) g3—h3	d7—d6+
4) c2—c3	g8—f6	15) e5—e6	d5—f4+
5) d2—d4	e5—d4°	16) h3—g4	f4—e6°
6) e4—e5	f6—e4	17) d8—e6°	c8—e6°+
7) c4—d5	e4—f2°	18) g4—g5	f8—f5+
8) e1—f2°	d4—c3°+	19) g5—g4	h7—h5+
9) f2—g3	c3—b2°	20) g4—h3	f5—f3×

Примѣчанія къ партіи No 53.

(1) До настоящаго хода партія шла какъ по писанному; г. Гофманъ первый выходитъ изъ битой колени, замышляя остроумную, но не довольно зрѣло обдуманную атаку.

(2) Казалось бы чернымъ необходимо брать коня, угрожающаго ферзю и ладьѣ почему ходъ g5—f7° представляется съ перваго взгляда весьма хорошимъ; послѣдствіемъ его должно быть по видимому 12) $\frac{d1-d5°+}{e8-f7°}$ 13) $\frac{d1-d5°+}{f7-e8}$; бѣлые завоевали пѣшку и лишили противника права рокировать; но г. Петровъ посредствомъ другой, гениальной комбинаціи одержалъ блестящую побѣду.

(3) Великолѣпный ходъ.

(4) Теперь гибель бѣлыхъ неизбежна.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. ИИ. С. УРУСОВА.

(статья 7-я)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе.)

9. Сила ладьи.

Одна ладья, безъ пѣшки, противъ коня выиграть не можетъ; ибо при наибольшемъ стѣсненіи слабѣйшаго изъ королей встрѣчается положеніе діагр. LXXXIX, гдѣ бѣлымъ ходить. — Бываютъ однакожъ исключенія напр. діагр. XC.

Но ладья при пѣшкѣ почти всегда выигрываетъ.

Діагр. XC. 1) $\frac{b8-b2}{a2-c3}$ 2) $\frac{b2-c2}{d6-d7}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. XCI. 1) $\frac{c6-c7}{d5-d6}$ 2) $\frac{c6-c7}{d6-d7}$ 3) $\frac{c8-f8}{d6-d7}$ бѣлые выигрываютъ,

или 1) $\frac{c6-c7}{f3-g5}$ 2) $\frac{c6-c7}{g5-e6}$ 3) $\frac{c8-d8+}{g5-e6}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. XCII. 1) $\frac{d6-d8}{g7-e3}$ 2) $\frac{d6-d8}{e8-f6+}$ 3) $\frac{g4-f5}{h6-g7}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. XCIII. 1) $\frac{h6-g6}{e3-g4}$ 2) $\frac{h6-g6}{g4-e5}$ 3) $\frac{g6-g8+}{f8-f7}$ 4) $\frac{g8-g5}{g3-g2}$ бѣлые выигрываютъ.

Если при конѣ будетъ пѣшка, то вѣроятнѣе ничья.

Діагр. XCIV. 1) $\frac{h2-h3}{g4-g3+}$ 2) $\frac{h2-h3}{g5-h5}$ 3) $\frac{h3-g2}{g6-f4+}$ 4) $\frac{g2-f3}{g3-g2}$
5) $\frac{g3-g2^\circ}{f4-g2^\circ}$ 6) $\frac{f3-g2^\circ}{g3-g2^\circ}$ ничья.

Діагр. XCV. 1) $\frac{h2-g2}{d4-c3}$ 2) $\frac{h2-g2}{d5-f4}$ 3) $\frac{g2-h2}{d3-d2+}$ 4) $\frac{e1-d1}{e3-e2+}$ 5) $\frac{h2-c2^\circ}{f4-e2^\circ}$
6) $\frac{d1-e2^\circ}{c3-c2^\circ}$ черные выигрываютъ.

Противъ слона ладья выигрываетъ, если короли въ оппозиціи на крайней линіи доски.

Ладья не выигрываетъ, если король въ углу и его слонъ цвѣта противнаго съ угловой кѣткой

Ладья при пѣшкѣ на 6^а линіи всегда выигрываетъ; исключеніе составляютъ пѣшки а и h, при коихъ бываетъ часто ничья.

Но если пѣшка отдалена отъ линіи дамки болѣе чѣмъ на одну кѣтку, то часто бываетъ ничья.

Діагр. ХСVI. 1) $\frac{a6-a7}{f2-a7^o}$ 2) $\frac{b5-a6}{a7-b8}$ 3) $\frac{a6-b6}{b8-g3}$ 4) $\frac{e7-a7+}{a8-b8}$
 5) $\frac{a7-g7}{g3-f2+}$ 6) $\frac{b6-c6}{f2-e3}$ 7) $\frac{g7-b7+}{b8-a8}$ (если бы b8—c8, то 8) $\frac{b7-e7}{e3-g5}$
 9) $\frac{e7-e8+}{g5-d8}$ 10) $\frac{e8-h8}{b7-b2}$ бѣлые выигрываютъ) 8) $\frac{b7-b2}{e3-a7}$ ничья.

Діагр. ХСVII. 1) $\frac{b6-b7}{b8-a7}$ 2) $\frac{f7-c7}{h1-e4}$ 3) $\frac{b7-b3\phi.+}{a7-b8^o}$ 4) $\frac{c5-b6}{e4-b1}$
 (куда бы ни ступилъ слонъ ладья его атакуетъ) 5) $\frac{c7-c1}{b1-a2}$
 6) $\frac{c1-c2}{a2-b3}$ 7) $\frac{c2-b2}{b3-c4}$ 8) $\frac{b6-c5+}{b3-c4}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. ХСVIII. 1) $\frac{c5-d5}{h2-e5}$ 2) $\frac{c5-d5}{e5-f4}$ (если e5—c7, то g2—g8+ и d5—d6: а если e5—c3, то g2—c2 и c6—c7) 3) $\frac{g2-g4}{f4-c1}$ (если f4—d2, то d5—d6, а если f4—h2, то: 4) $\frac{d5-c5}{c2-c7}$ 5) $\frac{g4-g7+}{c7-c8}$ 6) $\frac{c5-b6}{c7-c8}$
 бѣлые выигрываютъ) 4) $\frac{g4-c4}{c7-c8}$, а потомъ c6—c7 и бѣлые выигрываютъ.

Діагр. ХСIX. 1) $\frac{a7-a4}{g4-h3}$ (или g4—d1 2) $\frac{a4-d4}{g4-h3}$ и d6—d7, а если g4—f3, то 2) $\frac{e5-e6}{f3-g2}$ 3) $\frac{d6-d7}{g2-h3+}$ 4) $\frac{e6-d6}{h3-d7^o}$ 5) $\frac{a4-a8+}{d7-c8}$ 6) $\frac{a8-b8}{d7-c8}$
 или: 2) $\frac{a4-a7}{f3-c6}$ 3) $\frac{a4-a7}{f3-c6}$ и въ обоихъ случаяхъ бѣлые выигрываютъ) 2) $\frac{a4-h4}{h3-f1}$ 3) $\frac{e5-e6}{f1-b5}$ 4) $\frac{d6-d7}{b5-d7^o+}$ (или: d8—c8 5) $\frac{h4-c4+}{b5-c4^o+}$
 6) $\frac{e6-e7}{d7-b5}$ бѣлые выигрываютъ) 5) $\frac{e6-d6}{d7-b5}$ 6) $\frac{h4-h8+}{b5-e3}$ 7) $\frac{h8-g8}{b5-e3}$
 бѣлые выигрываютъ.

Діагр. С. 1) $\frac{f8-b8+}{b5-c5}$ 2) $\frac{b8-b4^o}{c5-b4^o}$ 3) $\frac{d1-c1}{c5-b4^o}$ ничья.

Діагр. CI. 1) $\frac{e2-c3}{d4-d3+}$ 2) $\frac{e2-c3}{d6-c5+}$ 3) $\frac{e3-d2}{d5-d4}$ 4) $\frac{e8-d8+}{d4-c4}$ 5) $\frac{d8-e8}{e4-e3+}$
 6) $\frac{d2-d1}{c4-d4}$ 7) $\frac{e8-e6}{c5-f8}$ 8) $\frac{e6-e8}{f8-g7}$ 9) $\frac{e^c-e7}{g7-e5}$ (9) $\frac{e8-g8}{g7-e5}$ 10) $\frac{g8-e8+}{e4-f5}$
 11) $\frac{e3-f8+}{f3-g4}$ 12) $\frac{f3-g8+}{g4-f3}$ 13) $\frac{g^c-f3+}{e5-f4}$ черные выигрываютъ)

- 10) $\frac{e7-e8}{e3-e2+}$ 11) $\frac{d1-d2}{e5-f4+}$ 12) $\frac{d2-e1}{f4-g3+}$ 13) $\frac{e1-d2}{e2-e1\phi.+}$ 14) $\frac{e8-e1^{\circ}}{g3-e1^{\circ}+}$
 15) $\frac{d2-e1^{\circ}}{d4-c3}$ черные выигрываютъ.

Примѣры для игры ладьи противъ ладьи при пѣшкахъ:

Діагр. СII. Черные начинаютъ и даютъ матъ въ 7 ходовъ.

Діагр. СIII. Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

- Діагр. CIV. 1) $\frac{g4-g5}{e2-e4}$ 2) $\frac{g5-d5^{\circ}}{e4-h4^{\circ}}$ 3) $\frac{a6-b6}{f8-e8}$ 4) $\frac{b6-c7}{h4-h7+}$ 5) $\frac{c7-c8}{h7-a7}$
 6) $\frac{d5-e5+}{e3-f7}$ 7) $\frac{d4-d5}{a7-a5}$ 8) $\frac{c8-d7}{f7-f6}$ 9) $\frac{e5-h5}{f6-g6}$ 10) $\frac{h5-e5}{g6-f6}$ 11) $\frac{e5-c6}{f6-f5}$
 12) $\frac{e6-d6}{f5-e5}$ ничья.

Вообще, если король успеетъ занять клетку, на которой пѣшка противника дѣлается ферземъ, выигрышъ не возможенъ.

- Діагр. CV. 1) $\frac{a2-b2}{e4-e2+}$ ($e4-d4$ 2) $\frac{d8-d4^{\circ}+}{}$ ничья) ($e4-c4$
 2) $\frac{d8-h8+}{b4-c5}$ 3) $\frac{b8-c8+}{c5-d4}$ 4) $\frac{c8-c4^{\circ}+}{d4-c4^{\circ}}$ 5) $\frac{b2-c2}{}$ ничья) 2) $\frac{b2-c1}{b4-c3}$
 3) $\frac{c1-d1}{e2-e4}$ 4) $\frac{d8-a3}{e4-e3}$ 5) $\frac{a8-a3+}{c3-d4}$ 6) $\frac{a3-a4+}{d4-d3}$ 7) $\frac{a4-b4}{e5-e4}$ 8) $\frac{b4-a4}{e3-f3}$
 9) $\frac{d1-e1}{d3-e3}$ 10) $\frac{a4-a3}{f3-f7}$ 11) $\frac{a8-a3+}{e3-f4}$ 12) $\frac{e1-f2}{f7-c7}$ 13) $\frac{a3-a2}{c7-h7}$ 14) $\frac{f2-g2}{h7-g7+}$
 15) $\frac{g2-f2}{e4-e3+}$ 16) $\frac{f2-f1}{g7-h7}$ 17) $\frac{f1-g2}{h7-g7+}$ (16) $\frac{f4-f3}{}$ 17) $\frac{a2-f2+}{}$ ничья)
 18) $\frac{g2-f1}{g7-d7}$ 19) $\frac{f1-e2}{d7-d4}$ 20) $\frac{a2-b2}{d4-e4}$ ничья.

Діагр. CVI. и CVII. Бѣлые выигрываютъ.

Одна пѣшка на 6^а линіи при королѣ дѣлаетъ ничью.

Двѣ пѣшки на два шага отъ доведи выигрываютъ.

Три пѣшки на три шага отъ доведи выигрываютъ.

Если же король, у котораго ладья, вблизи пѣшекъ, то вѣроятность выигрыша на сторонѣ ладьи.

Діагр. CVIII. Если бѣлымъ ходить, то игра выиграна, если же чернымъ — ничья. 1) $\frac{b5-b6}{g2-f3}$ 2) $\frac{b5-b6}{f3-f4}$ 3) $\frac{h4-h3}{f4-e5}$ 4) $\frac{b6-b7}{g6-g5}$

5) $\frac{a5-a6}{e5-f4}$ 6) $\frac{a6-a7}{f4-f3}$ 7) $\frac{b7-b8}{}$ бѣлые выигрываютъ. Выигрышъ произошелъ отъ ошибки черныхъ надо было играть 3) $\frac{f4-f3}{}$ тогда игра ничья; точно такъ же, если переставимъ королей бѣлаго на h3 а черного на h1, выигрышъ будетъ зависѣть отъ первенства хода. Если наконецъ поставимъ королей вблизи пѣшекъ, то выигрышъ бѣлыхъ будетъ безусловенъ.

Діагр. СІХ. 1) $\frac{c3-c2}{c3-c2}$ ничья.

Діагр. СХ. 1) $\frac{b4-b5}{b4-b5}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. СХІ. 1) $\frac{f2-f3}{a3-b4}$ 2) $\frac{a1-b2}{b4-a4}$ 3) $\frac{f3-g3}{b4-a4}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. СХІІ и СХІІІ розыгрышъ.

Діагр. СХІV. Черные начинаютъ и выигрываютъ.

Ладья и конь противъ ладьи, а также ладья и слонъ противъ ладьи, на практикѣ не выиграютъ потому, что если выигрышъ и возможенъ, то черезъ несмѣтное число ходовъ; а по теоріи выигрышъ невозможенъ потому, что изъ анализа положеній, предлагаемыхъ въ руководствахъ, выходитъ въ большинствѣ случаевъ розыгрышъ. Впрочемъ на практикѣ рѣдко встрѣчается эта игра; большею частью при фигурахъ остается хоть одна пѣшка, и тогда выигрышъ слона и ладьи бываетъ безусловенъ.

Примѣры для ладьи и коня:

Діагр. СХV. 1) $\frac{c1-h1}{d7-c7}$ 2) $\frac{h1-h6}{c7-d7}$ 3) $\frac{e4-f6}{d7-d1}$ 4) $\frac{f1-d5+}{e7-e8}$ (4) $\frac{f1-d5+}{e7-d8}$
 теряется ладьи) 5) $\frac{h6-f6}{d1-e1+}$ 6) $\frac{e5-d6}{e1-d1}$ 7) $\frac{f6-f2}{d1-d4}$ 8) $\frac{f2-f3}{d4-d1}$ 9) $\frac{d6-e6}{d1-e1+}$
 10) $\frac{d5-e3}{e8-d8}$ 11) $\frac{e6-d6}{d8-e8}$ 12) $\frac{e3-g4}{e1-d1+}$ 13) $\frac{d6-e6}{d1-e1+}$ 14) $\frac{g4-e5}{e8-d8}$ 15) $\frac{f3-e3}{e8-d8}$
 ничья; или: 1) $\frac{c1-c6}{e7-f7}$ 2) $\frac{c6-f6+}{f7-e7}$ 3) $\frac{e4-d6}{e7-d8}$ ничья; или: 1) $\frac{c1-h1}{d7-c7}$
 2) $\frac{e4-f6}{c7-c5+}$ 3) $\frac{f6-d5+}{e7-f7}$ 4) $\frac{h1-h6}{f7-g7}$ 5) $\frac{h6-d6}{c5-c1}$ 6) $\frac{e5-f5}{c1-f1+}$ 7) $\frac{d5-f4}{g7-f7}$
 8) $\frac{d6-d7+}{f7-e8}$ 9) $\frac{d7-a7}{e8-d8}$ 10) $\frac{f5-e5}{d8-e8}$ 11) $\frac{e5-e6}{f1-e1+}$ 12) $\frac{e6-d6}{e1-d1+}$ 13) $\frac{f4-d5}{e8-f3}$
 ничья.

Діагр. СХVІ. 1) $\frac{e3-f5}{c6-c4+}$ 2) $\frac{f5-d4+}{e6-d6}$ 3) $\frac{h5-h6+}{d6-e7}$ 4) $\frac{e4-d5}{c4-c1}$
 5) $\frac{d4-c6+}{e3-f7}$ 6) $\frac{c6-e5+}{f7-g7}$ 7) $\frac{h6-g6+}{g7-h7}$ 8) $\frac{g6-g3}{c1-f1}$ 9) $\frac{d5-e6}{h7-h6}$ 10) $\frac{e5-f3}{f1-a1}$
 11) $\frac{e6-f5}{a1-a5+}$ 12) $\frac{f3-e5}{h6-h7}$ ничья.

И такъ, хотя выгѣсненіе короля на крайнюю линію и возможно, но не иначе какъ въ положеніе подобное діагр. СХІІ, гдѣ матъ невозможенъ.

Какъ исключеніе предлагаю примѣры.

Діагр. СХVІІІ. 1) $\frac{f6-f3+}{b1-b3}$ 2) $\frac{f8-f1}{b3-b4}$ (2) $\frac{f8-f1}{b3-c3}$ 3) $\frac{a5-c4}{a8-b8}$ 4) $\frac{c4-b6}{c8-c6}$

5) $\frac{f1-f7}{c2-b2+}$ бѣлые выигрываютъ) 3) $\frac{f1-e1}{b4-b2}$ 4) $\frac{a5-c4}{c4-c2}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. СХІХ. 1) $\frac{f6-f8+}{c1-c8}$ 2) $\frac{f8-f1}{c8-c4}$ 3) $\frac{f1-e1}{c4-c2}$ (или $b5-d6$)

4) $\frac{b5-d4}{c2-b2+}$ 5) $\frac{b6-c6}{c2-b2+}$ берутъ ладью или даютъ въ 3 хода матъ.

Діагр. СХХ. 1) $\frac{g6-g8+}{d1-d8}$ 2) $\frac{g8-g1}{d8-d2}$ 3) $\frac{c5-e4}{d2-c2+}$ 4) $\frac{c6-d6}{c3-b7}$ 5) $\frac{e4-c5+}{b7-b6}$

6) $\frac{g1-b1+}{b6-a7}$ (если $b6-a5$ — теряется ладья или въ 2 хода \times)

7) $\frac{d6-c6}{c2-c3}$ ($c2-g2$ — въ 3 хода \times) 8) $\frac{b1-b5}{c9-c1}$ 9) $\frac{c6-c7}{c1-a1}$ 10) $\frac{b5-b6}{a1-a5}$

11) $\frac{c5-d7}{c2-c3}$ берутъ ладью или даютъ въ 4 хода \times .

Діагр. СХХІ. 1) $\frac{g7-g8+}{e1-e8}$ 2) $\frac{g8-g1}{e8-e2}$ (если $d8-c8$, то $g1-g7$)

3) $\frac{g1-f1}{d8-c3}$ (3) $\frac{f1-d1}{e2-e4}$ 4) $\frac{f1-d1}{d8-c8}$ 5) $\frac{d6-c6}{e4-c4+}$ 6) $\frac{c6-b6}{c4-c2}$ 7) $\frac{d5-e7+}{c4-c2}$

4) $\frac{f1-c1+}{c3-b7}$ 5) $\frac{d1-b1+}{b7-a6}$ 6) $\frac{d5-c3}{e2-d2+}$ 7) $\frac{d6-c6}{a6-a7}$ (7) $\frac{d5-e7+}{a6-a5}$ 8) $\frac{b1-b5+}{a5-a6}$

9) $\frac{b5-b4}{a7-b8}$ 8) $\frac{c3-b5+}{a7-b8}$ 9) $\frac{b5-d6+}{b8-a8}$ 10) $\frac{d6-e4}{d2-c2+}$ 11) $\frac{e4-c5}{c2-c4}$ 12) $\frac{b1-b5}{c4-c1}$

13) $\frac{c6-c7}{c1-a1}$ 14) $\frac{b5-b6}{a1-a7+}$ 15) $\frac{c7-c8}{a7-h7}$ 16) $\frac{c5-d7}{a7-h7}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. СХХІІ. 1) $\frac{c2-h2+}{h8-g8}$ 2) $\frac{f5-e7+}{h8-g8}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. СХХІІІ. 1) $\frac{e2-h2+}{h8-g8}$ 2) $\frac{h2-h7}{h8-g8}$ бѣлые выигрываютъ.

Діагр. СХХІV. 1) $\frac{f5-e7+}{h8-g8}$ бѣлые выигрываютъ.

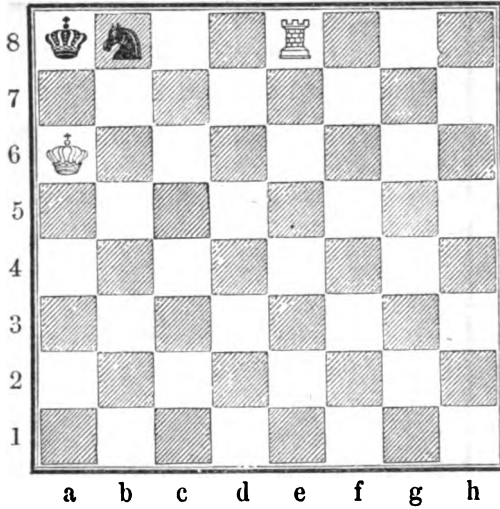
Діагр. СХХV. Черные начинаютъ и бѣлые даютъ въ 7 ходовъ матъ.

Діагр. СХХVІ. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

Діагр. СХХVІІ. Бѣлые начинаютъ и даютъ въ 9 ходовъ матъ.

LXXXIX.

ЧЕРНЫЕ.

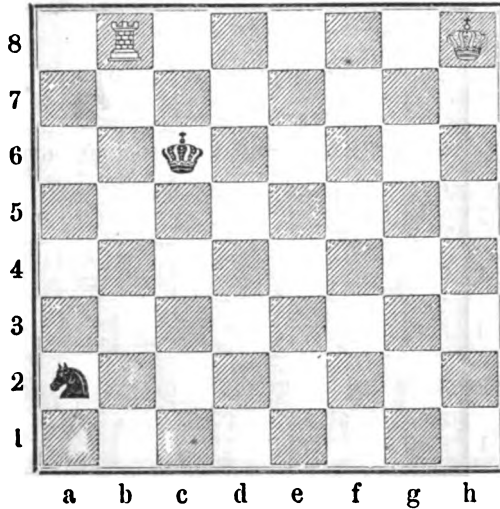

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ; — игра ничья.

XC.

ЧЕРНЫЕ.

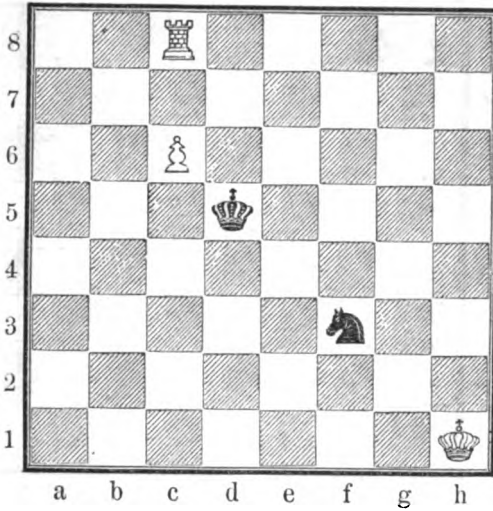

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ выигрываютъ.

XCІ.

ЧЕРНЫЕ.

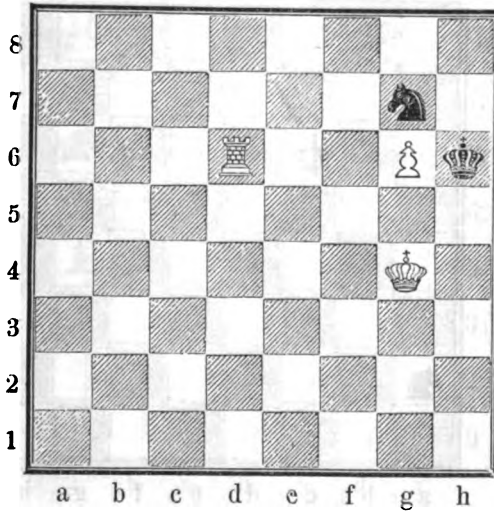

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ ВЫГРЫВАЮТЪ.

XCІІ.

ЧЕРНЫЕ.

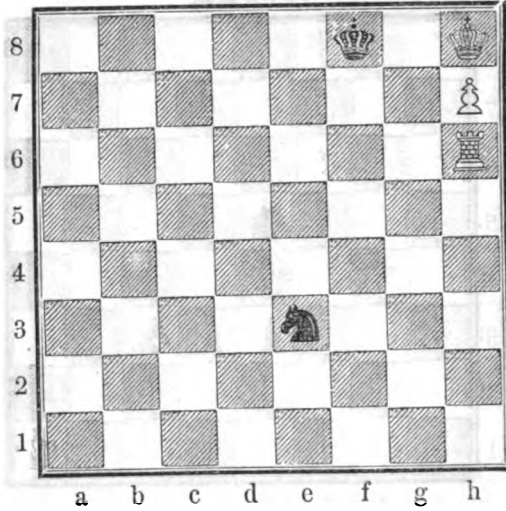

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ ВЫГРЫВАЮТЪ.

XCIII.

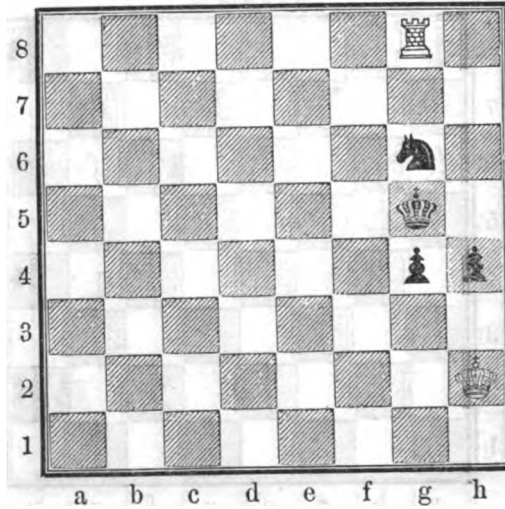
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.
БѢЛЫЕ ВЫГРЫВАЮТЪ.

XCIV.

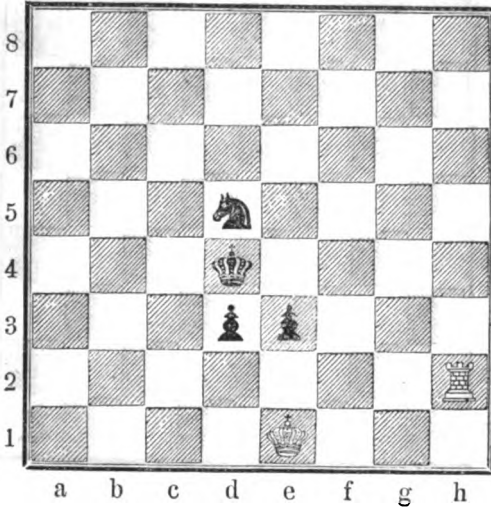
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.
НИЧЬЯ.

ХСV.

ЧЕРНЫЕ.

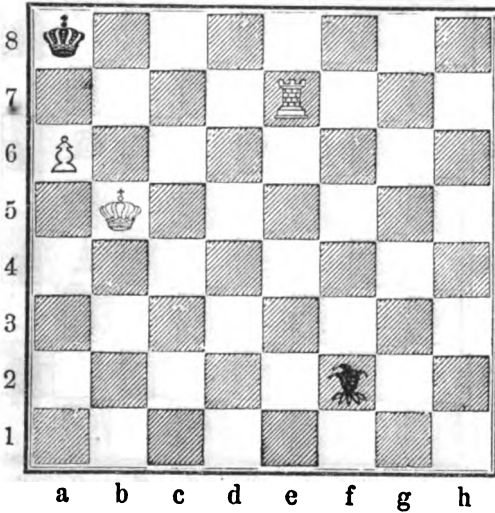

БѢЛЫЕ.

Черные выигрываютъ.

ХСVІ.

ЧЕРНЫЕ.

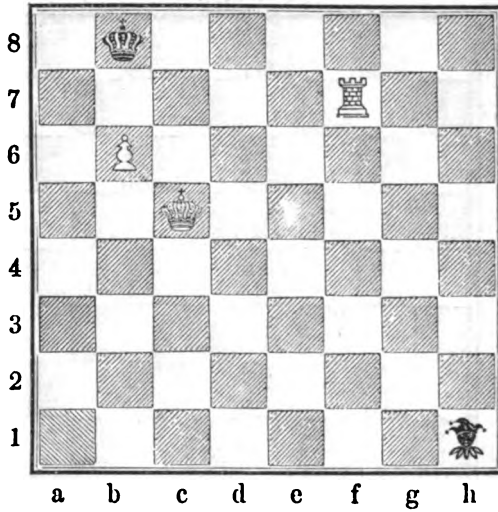

БѢЛЫЕ.

Ничья.

XCVII.

ЧЕРНЫЕ.

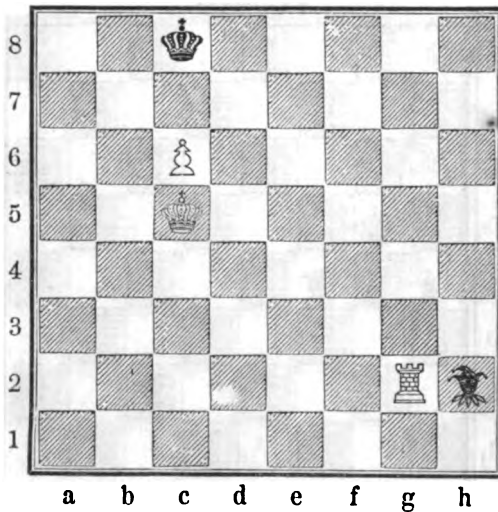

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ ВЫГРЫВАЮТЪ.

XCVIII.

ЧЕРНЫЕ.

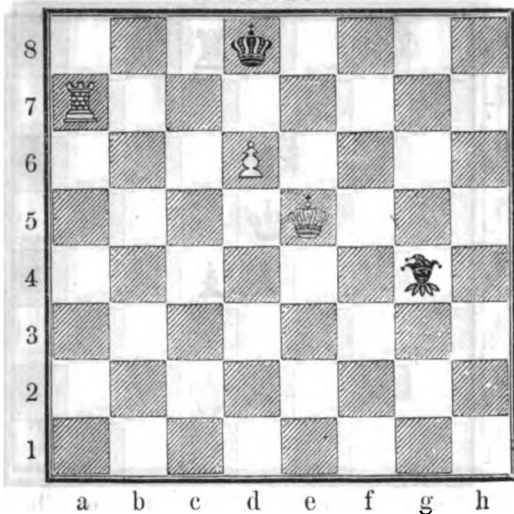

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ ВЫГРЫВАЮТЪ.

XCIX.

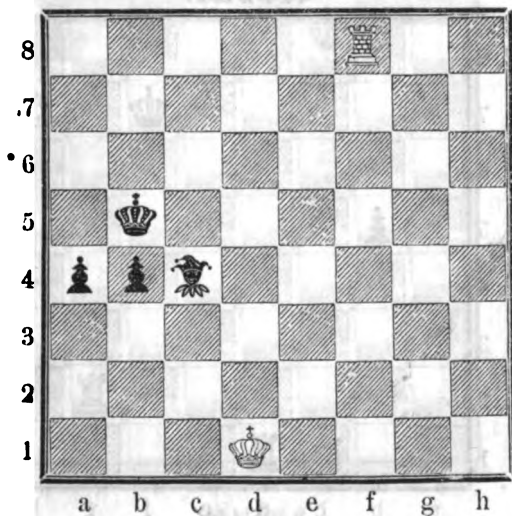
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

C.

ЧЕРНЫЕ.

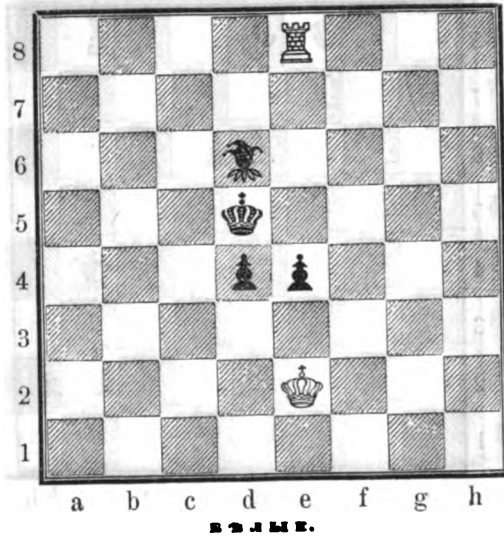

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ; — игра мичья.

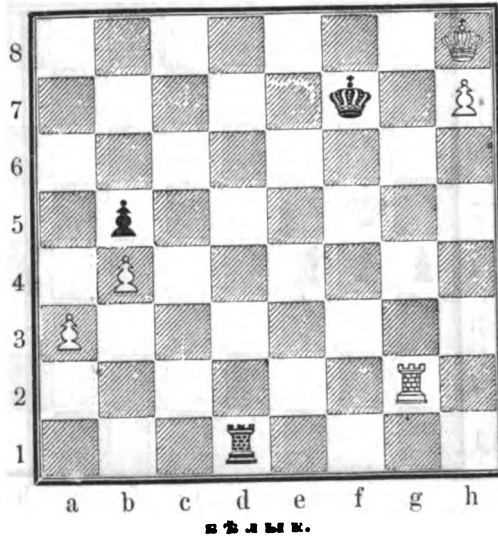
CI.

ЧЕРНЫЕ.

СII.

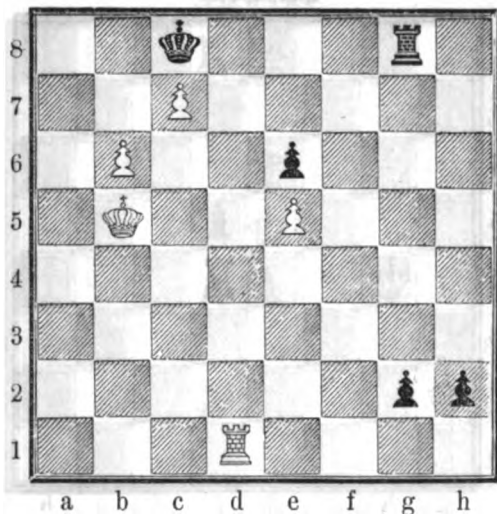
ЧЕРНЫЕ.

Черные начинают и дают матъ въ 7 ходовъ.

СIII.

ЧЕРНЫЕ.

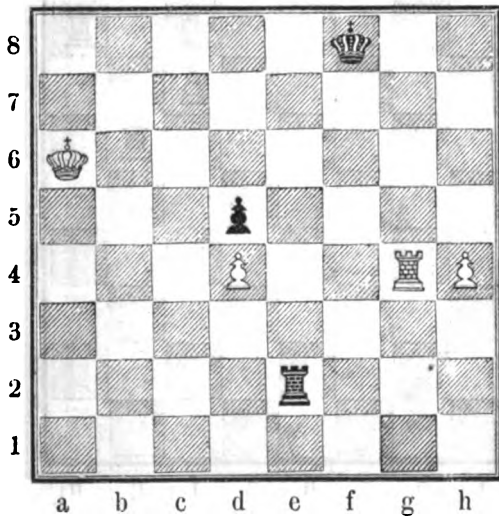

БЪЛЫЕ.

БЪЛЫЕ НАЧИНАЮТ И ДАЮТ МАТЬ ВЪ 2 ХОДА.

СIV.

ЧЕРНЫЕ.

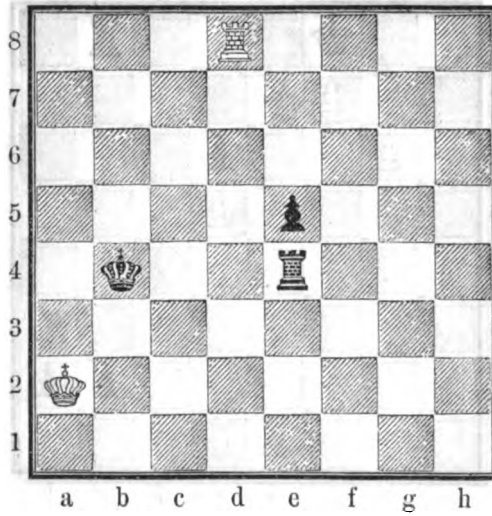

БЪЛЫЕ.

32*

CV.

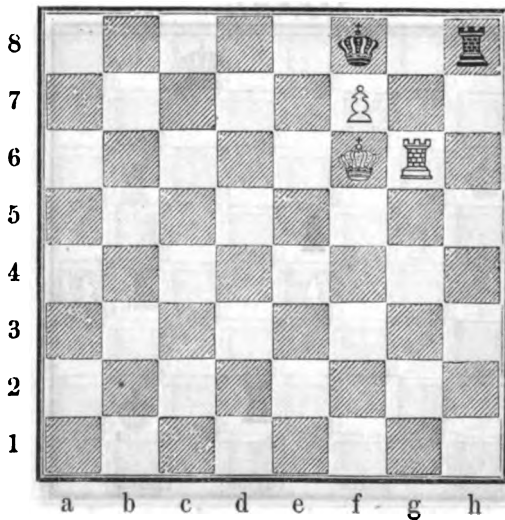
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

CVI.

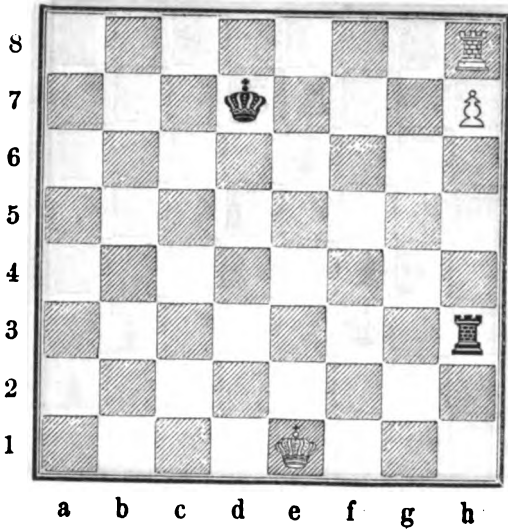
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

CVII.

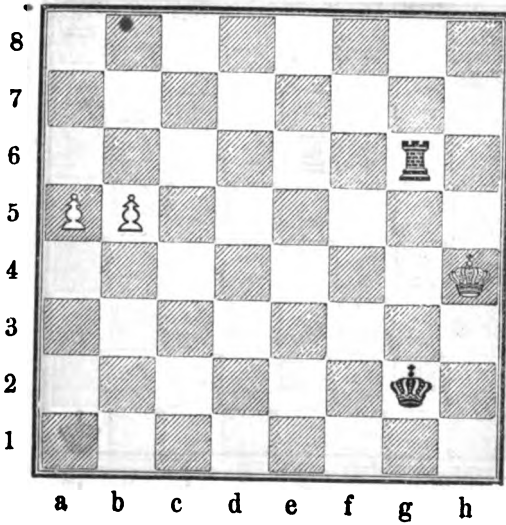
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

CVIII.

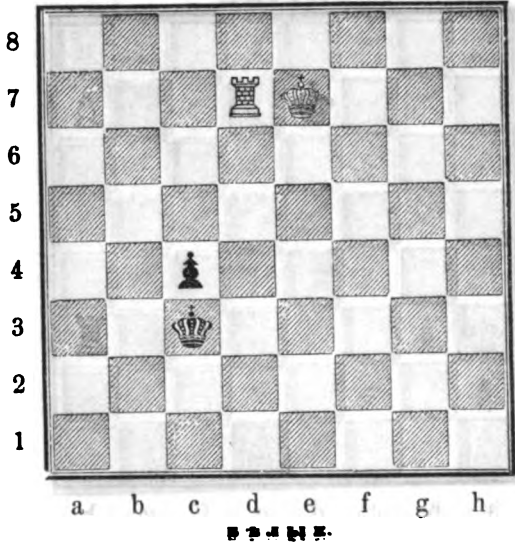
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

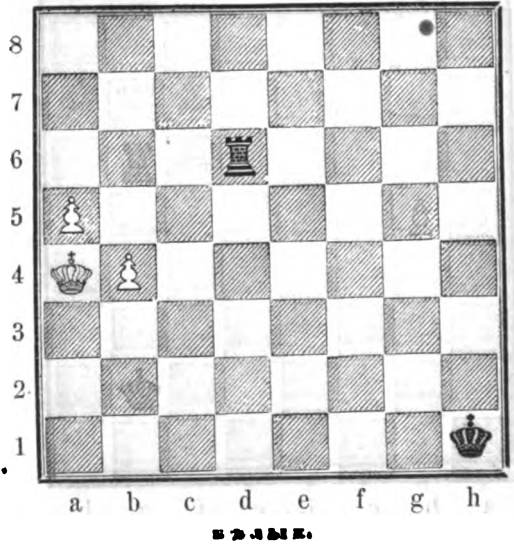
CIX.

ЧЕРНЫЕ.

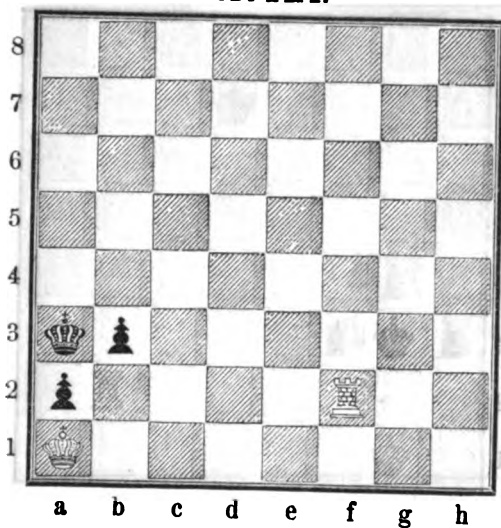
CX.

ЧЕРНЫЕ.

СХІ.

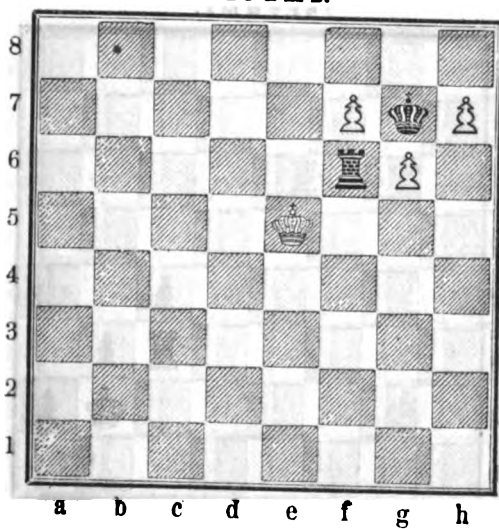
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

СХІІ.

ЧЕРНЫЕ.

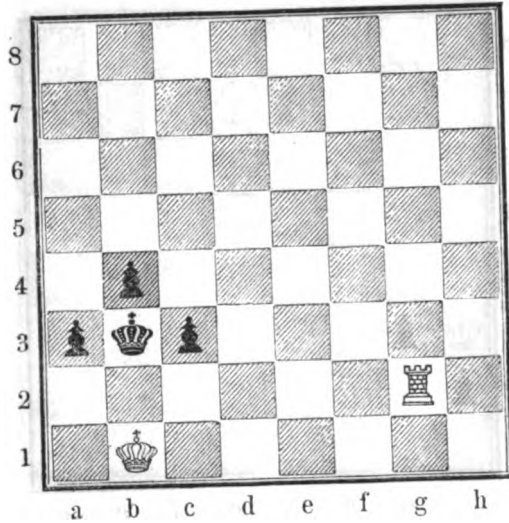

БЕЛЫЕ.

Ничья.

СХІІІ.

ЧЕРНЫЕ.

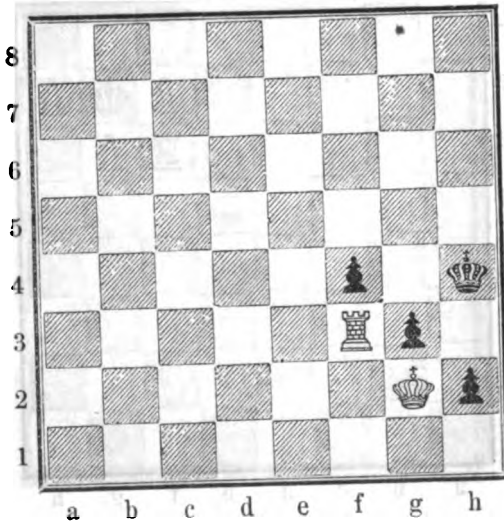

БѢЛЫЕ.

Ничья.

СХІV.

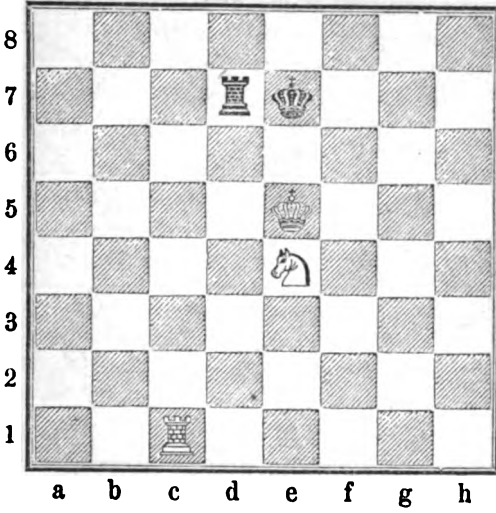
ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

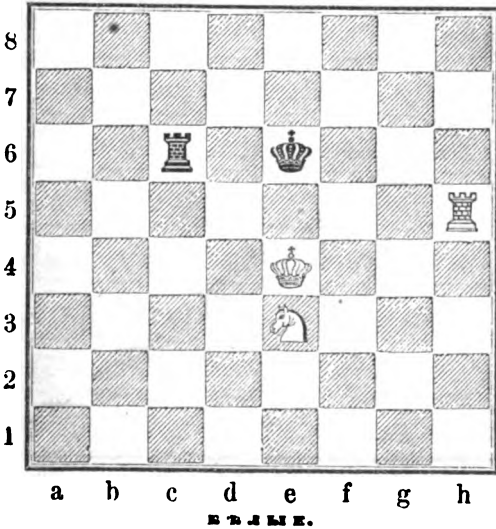
CXV.

ЧЕРНЫЕ.

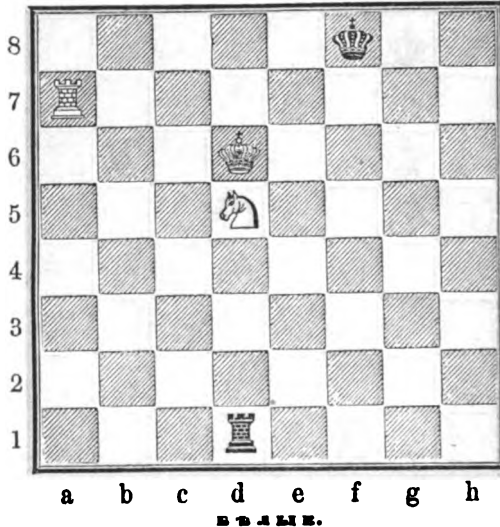
CXVI.

ЧЕРНЫЕ.

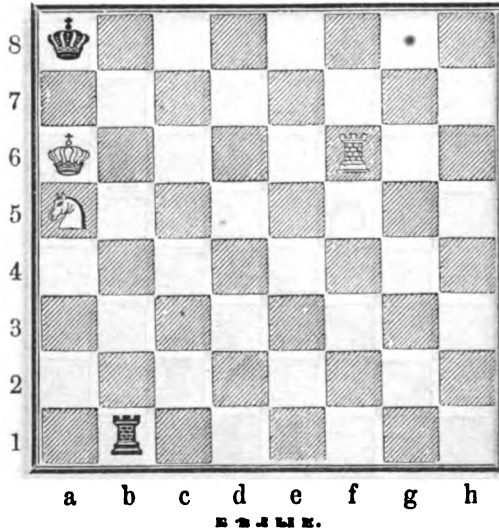
CXVII.

ЧЕРНЫЕ.

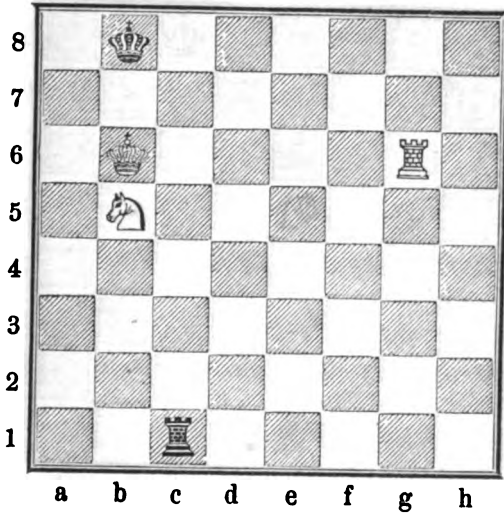
CXVIII.

ЧЕРНЫЕ.

CXIX.

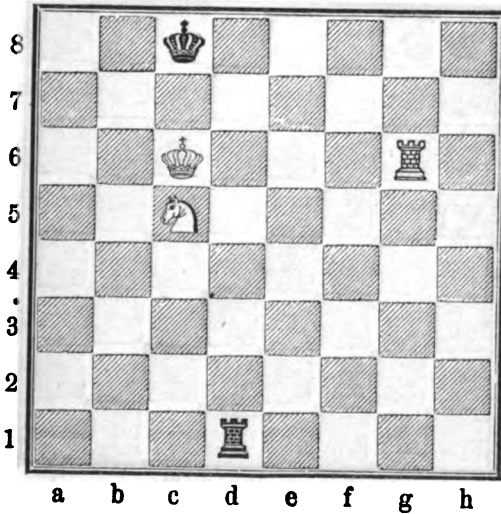
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

CXX.

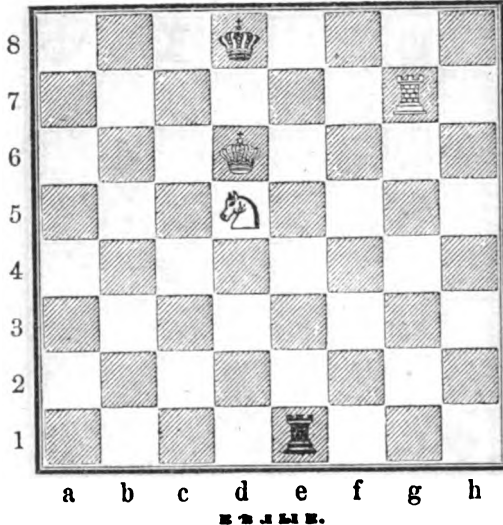
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

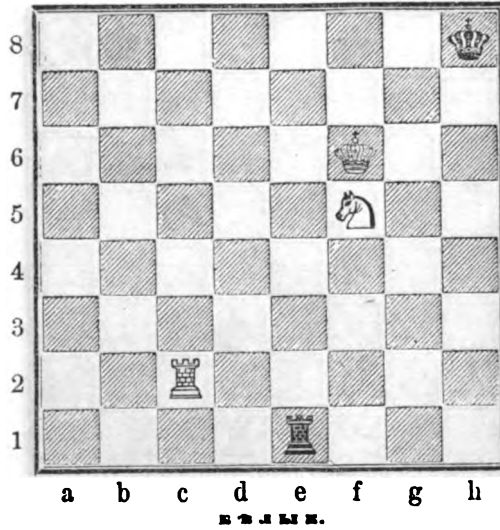
CXXI.

ЧЕРНЫЕ.

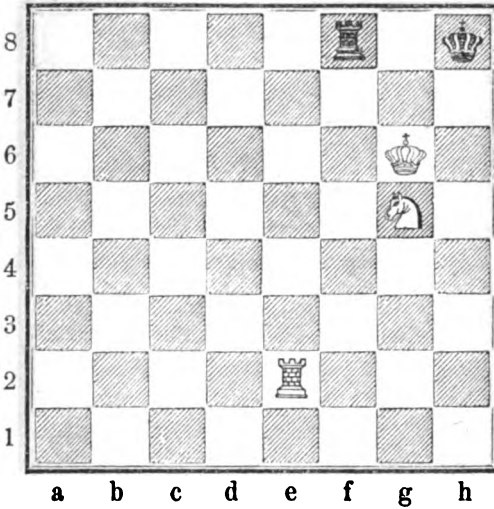
CXXII.

ЧЕРНЫЕ.

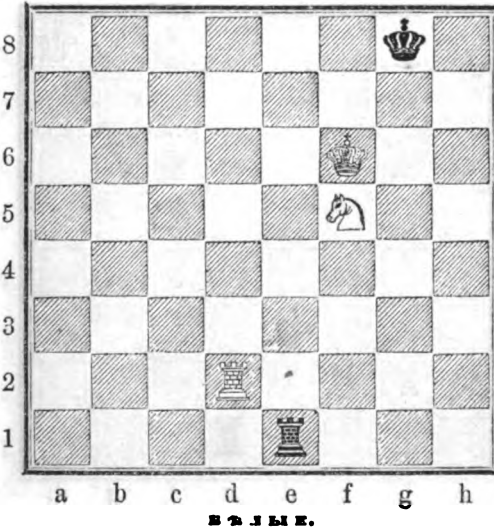
CXXIII.

ЧЕРНЫЕ.

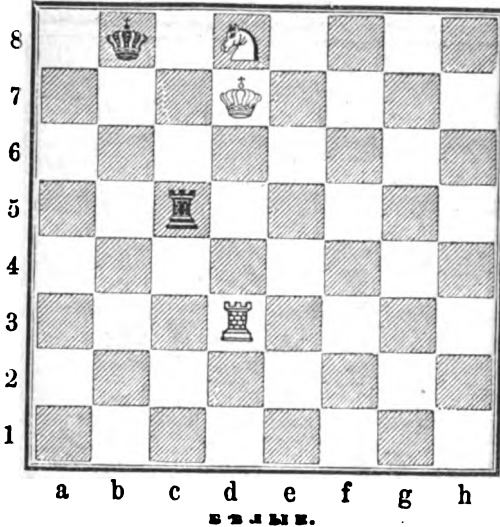
CXXIV.

ЧЕРНЫЕ.

CXXVII.

ЧЕРНЫЕ.

РЪШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 13.

1) f6—b2	e6—e5
2) b2—c1	e5—e4
3) d2—d4+	e4—e3
4) c1—a3	c5—d4° (A)
5) a3—d6×	

(A)

4)	e3—e2
5) a3—c1×	

№ 12.

1) c4—a5	f5—e4°
2) b6—g6+	e4—d5
3) g6—c6×	

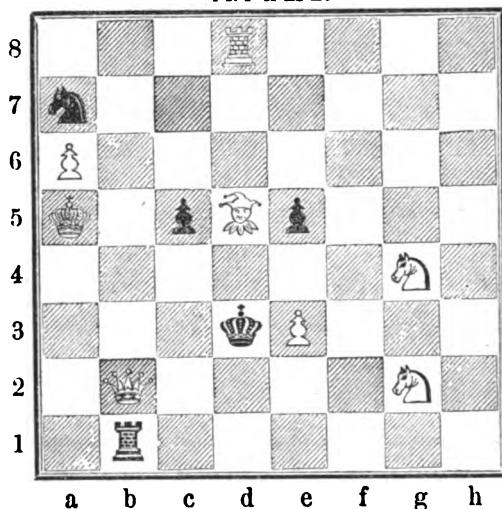
Задачи.

№ 17.

Н. НИКОЛАЕВА (изъ Канска, въ Сибири).

Посвящается Фюнг-Оппену.

ЧЕРНЫЕ.

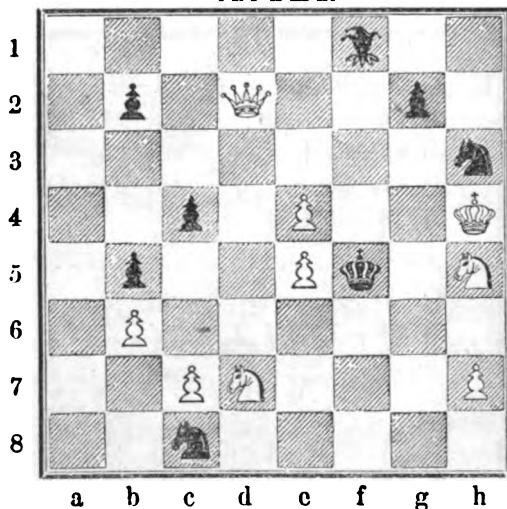
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 7 ходовъ.

№ 18.

ЛИХТЕНШТЕЙНА (въ Пруссiи).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.